

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Колиненко Юлия Владиславовна

**СЕРБСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В 1878–1920 гг.:
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
проф. Золотухин М.Ю.

Москва – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1878–1920ГГ.	25
§ 1. Борьба за автокефалию: 1878–1879гг.....	27
§ 2. Попытки восстановления Сербской патриархии: 1913–1914гг.....	37
§ 3. Объединение Сербской Православной церкви и восстановление Сербской патриархии: 1918–1920гг.	48
ГЛАВА 2. ПРАВОВОЕ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	74
§ 1. Конституционное положение сербской церкви и органы государственного регулирования	74
§ 2. Церковное законодательство (Закон об органах церковной власти 1862 г. с дополнениями от 1882 г. и Закон о церковных властях восточно–православной церкви 1890 г.).....	83
§ 3. Законодательные основы участия церкви в общественных институтах.....	91
3.1. Армия	92
3.2. Школа.....	94
3.3. Регистрация актов гражданского состояния.....	97
ГЛАВА 3. ДУХОВЕНСТВО В СЕРБИИ В 1878–1918 ГГ.	108
§ 1. Положение священства	111
§ 2. Положение монашества	122
ГЛАВА 4. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА – СИМФОНИЯ ВЛАСТЕЙ В СЕРБСКОЙ ТОНАЛЬНОСТИ	134
§ 1. Сербские канонисты о взаимоотношениях церкви и государства.....	134
§ 2. Партизанщина – специфика политической борьбы в Сербии.....	142
§ 3. Митрополит Михаил против Милана Обреновича – «культуркампф» на сербский манер.....	151
§ 4. «Дело Митрополита Михаила» в общественных и правительственных кругах Сербии и России.....	159
§ 5. Новая иерархия: 1881–1889гг.	166
§ 6. Возвращение Митрополита Михаила и новые противоречия	174
6.1 Проекты церковного законодательства	176

6.2 Конфликт митрополита Михаила с министром Андрой Николичем	181
§ 7. Церковная иерархия в 1898 – 1905 гг.: митрополит Иннокентий и митрополит Димитрий.....	186
§ 8. Новые законодательные инициативы	195
ГЛАВА 5. СЕРБСКАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ПРОВОДНИК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ	218
§1. Религиозное состояние общества	221
§2. Национальная миссия сербской церкви.....	230
§3. В погоне за Великой Сербией – церковь и национальная идея на путях от Сербии к Югославии.....	241
§4. Исполнение косовского завета: балканские войны и первая мировая война.....	253
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	270
СЛОВАРЬ	282
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ТЕРМИНОВ	283
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	284

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Исследование деятельности сербской православной церкви в политическом и национально-идеологическом пространстве 1878–1920 гг. представляется актуальным не только для Сербии и сербской церкви ХХIв., но и для всего современного региона Юго-Восточной Европы. Значимость изучения политической деятельности сербской церкви и ее роли в развитии национальной идеологии возрастает в связи с политическими событиями в Сербии последних десятилетий, с поисками путей национального развития между Западом и Востоком, а также с активным партнерством Сербии с Россией и русской церковью.

После распада социалистического блока церковь в странах Юго-Восточной Европы возвращается как значимое явление в повседневной жизни общества. Особенно выразительным и рельефным процесс возрождения церкви оказался в странах экс-Югославии. Сегодня в Сербии православная церковь, как и в ХIХв. становится существенным фактором национальной консолидации сербства. Церковь брала на себя роль «национального идентификатора» не только во время борьбы за независимость княжества, а затем и королевства Сербии, но и являлась важным элементом в формировании этнонациональной идентичности сербов на территориях вне границ Сербии – Боснии и Герцеговины, Воеводины, Старой Сербии и Македонии. Эту традицию православная церковь продолжает и в ХХI столетии, когда для оказавшейся фактически в границах начала ХХв. страны вновь стала актуальна доктрина ирредентизма. Православная церковь выступает сейчас объединяющим центром для сербов на территории бывших югославских республик: Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Черногории, Македонии и Косово.

Таким образом, актуальность настоящего исследования объясняется, в первую очередь, взаимосвязью сербской православной церкви и национальной идеи, задача переосмысления которой весьма остро сейчас стоит перед Сербией. В последнее время в сербской историографии, публицистике и средствах массовой информации активно обсуждаются вопросы, так или иначе затрагивающие роль православной церкви в современном обществе. Широко дискутируется правомочность повсеместного присутствия церкви и христианских символов в светском государстве ХХIв., где религия отделена от государства. И хотя монополия церкви брать на себя роль главного поборника и защитника сербства практически не оспаривается в современной Сербии, – тенденция все большей вовлеченности церковных иерархов в политические процессы государства не находит своих сторонников среди православных сербов.

Следует также отметить, что политические и национально-идеологические аспекты истории сербской церкви сер.ХIХ–нач.ХХв. в последние годы стали предметом активного изучения и научного осмысления. Это заставляет в контексте этнических, национальных и политиче-

ских проблем Сербии ХХIв. взглянуть на истоки и традицию сербской церкви; исследовать законодательную базу, нарратив, легенды и этнополитические мифы, которые, минуя ХХ век, нашли свое пристанище в качестве составляющих сербской национальной идеологии в современной Сербии.

Степень научной разработанности проблемы.

История сербской церкви нового времени отечественной историографией разработана довольно слабо. В основном, исследовательский интерес к сербской церкви заканчивался поздним средневековьем, в лучшем случае – 50–70-ми годами ХIХв., – временем популярности славянского вопроса в России, идей славянской взаимности и деятельности славянского комитета. Большею частью он сосредотачивался на средневековых временах Стефана Душана и архиепископа Саввы, которым были посвящены труды знаменитых славистов Н.А. Попова, В.И. Григоровича, Т.Д. Флоринского¹. Русской читающей публике широко были известны описания Сербии отечественных путешественников, в которых рассматривалось положение как средневековой, так и современной сербской церкви (в частности, работы А.Ф. Гильфердинга, П.А. Ровинского, Н. Овсяного²). Многочисленные русские очевидцы отмечали характерные для Сербии середины ХIХ–нач.ХХвв. специфические черты – отождествление православия и славянского языка с принадлежностью к сербскому народу, огромную роль церкви как социально-политического института и, наряду с этим, падение религиозной морали серба-селяка и обмирщение священников.

В дореволюционной России существует всего одна специальная работа, посвященная сербской церкви исследуемого периода, принадлежащая перу известного богослова, протоиерея М.П. Чельцова. Капитальная работа «Церковь Королевства Сербского со времени приобретения ею автокефальности в 1879–1896гг.» была его магистерской диссертацией 1898г. и детально освещала церковно-административное управление и судопроизводство сербской церкви³. Работа была написана по материалам, присланным автору самим митрополитом Михаилом (бывшим предстоятелем сербской церкви в 1859–1881 и 1889–1898гг.), и поэтому в соответствующем плане рассматривала деятельность митрополита и нападки на него австрофильского правительства. Относительно полный обзор положения сербской церкви второй половины ХIХв. можно найти в «Истории христианской церкви» известного богослова А.П. Лопухина. Подробнейшим образом в русской литературе была отражена деятельность митрополита Михаила и его конфликт с сербским правительством в 1881г., а также правовое положение сербской церкви по закону 1890г.⁴

Заключая, отметим, что для всех работ этого периода характерны искреннее восхищение фигурой сербского митрополита Михаила как борца за свободу и доброго друга России, негативное восприятие сербского князя (а затем короля) Милана Обреновича и его проавстрийского

курса, взятого на вооружение Белградским правительством после подписания Тайной конвенции с Веной в 1881г., а также несколько патерналистское отношение к сербской церкви в целом.

В советской историографии история сербской церкви в силу идеологических причин не рассматривалась. Исключение составляет работа К.Е.Скурата 1978 г. по истории поместных церквей, где был небольшой раздел, посвященный истории сербской церкви. Впрочем, автор постарался уйти от каких-либо оценок, сосредоточась лишь на фактической стороне⁵.

Начиная с 90-х гг. XXв. российскими историками были сделаны значительные шаги в определении подхода к изучению сербской православной церкви как национальной. Появилось множество работ, исследующих роль церкви в национально-освободительных движениях в Сербии (И.С. Достян, А.В. Карасев, И.И. Лещиловская, И.В. Чуркина)⁶. Институтом славяноведения и балканистики Российской академии наук были изданы два научных сборника: «Роль религии в формировании южнославянских наций» и «Церковь в истории славянских народов», в которых впервые в российской исторической науке рассматривалась деятельность национальных церквей Сербии, Болгарии, Румынии, Греции и Черногории⁷.

Естественно, что после распада Югославии перед российскими историками встали задачи научного анализа причин этого болезненного процесса, отягощенного националистическими движениями. Это, в свою очередь, потребовало исследования национального вопроса и выявления тенденций дезинтеграции в первой Югославии. Проблемы, стоящие сегодня перед Сербией, заставили искать ответы в далеком прошлом – появился интерес к проблемам становления Сербии как национального государств, к теории модернизации, к выбору моделей развития. Общие работы А.Л. Шемякина, А.В. Карасева, Л.В. Кузьмичевой, П.А. Искендерова, С.И. Данченко⁸, посвященные процессу модернизации Сербии, поискам идей, традициям власти, дают ключ к пониманию характера сербского общества, сербского православия в целом и его значения для национального развития XIX–нач.XXвв. Институтом славяноведения РАН регулярно издаются сборники, посвященные поискам идейных путей развития, трансформации сербского общества в условиях модернизации («Человек на Балканах», «На путях к Югославии»)⁹. Церковь как один из факторов «запаздывающего развития» рассматривается в кандидатской диссертации А. Михайловой, посвященной социально-экономической и политической трансформации сербского общества в конце XIX–нач.XXвв.¹⁰

Как и в дореволюционный период, большое внимание российскими историками уделяется «делу» митрополита Михаила 1881–1889гг. (А.Л. Шемякин подробно исследовал деятельность опального митрополита в России, связи с русскими славянофилами, и опубликовал эмигрантскую переписку Михаила и лидера радикальной партии Н. Пашича¹¹). О роли православной церкви в Косово как важного фактора консолидации сербства писал А.Ю. Тимофеев в моно-

графии, посвященной политике Белграда в Старой Сербии в 1878–1912 гг.¹² Проблема развития национальной идеи и национальностей применительно к Сербии XIX–нач. XX в. исследовалась в работах С.А. Романенко и М.А. Белова¹³; проблема идей «Великой Сербии» затрагивалась в кандидатской диссертации Д.В. Никонорова¹⁴.

Особняком в современной российской историографии стоят основанные на теоретических разработках западных антропологов о нации и идентичности работы М.А. Фалиной¹⁵, занимающейся историей церкви в контексте развития национализма и национального самосознания сербов и анализом феномена светосавского национализма.

В целом, проблематика, связанная с деятельностью сербской церкви в конце XIX–нач. XX в. разработана в российской историографии довольно слабо и фрагментарно (относительно полно освещена лишь деятельность митрополита Михаила). Сербская церковь нового времени не вызывала большого научного интереса у отечественных сербистов и югославистов, поэтому российская историография не располагает комплексными исследованиями по истории сербской церкви данного периода.

В *сербской историографии* традиции выделять историю церкви в независимой Сербии периода с 1878 г. по 1918 (1920) гг. как законченного этапа развития церкви со своими определенными чертами не сложилось, несмотря на то, что, на наш взгляд, он характеризуется 1) определенной внутривнутриполитической спецификой развития Сербии, 2) внешнеполитическим контекстом влияния русской и Константинопольской церквей.

История церкви 1878–1920 гг. рассматривается сербской историографией как составная часть периода полуторавековой истории сербской церкви, длившегося с 1766 г. (года ликвидации Печской патриархии) по 1920 г. (года восстановления патриархии)¹⁶. Общепринятая периодизация истории сербской церкви насчитывает пять этапов: 1) от расселения сербов на Балканах до получения автокефалии в 1219 г.; 2) время архиепископии: 1219–1346 гг.; 3) время патриархии: 1346–1766 гг.; 4) время раздробленности: 1766–1920 гг.; 5) с 1920 г. по настоящее время.

Такое невнимание к периоду 1878–1920 гг. можно объяснить наличием более злободневной для историков проблематики последующего времени, затмевающей собой относительно бедную событиями историю церкви в Сербии рубежа XIX–XX в. Значительное внимание сербской историографией уделялось исследованию XX в.: т.н. «конкордатскому» кризису 1937 г., судьбе церкви во время второй мировой войны и в эпоху И. Тито. Довольно полно сербскими историками исследована деятельность сербской церкви к XIX–нач. XX в. за пределами Сербии: на территории Австро-Венгрии (Карловацкая митрополия) и Турции (церковь в Старой Сербии), т.к. события, происходящие в этих церквях имели большое политическое значение для национально-освободительной борьбы сербов и последующего объединения.

В целом, сербскую историографию истории церкви, использовавшуюся в разработке темы диссертационного исследования можно условно разделить на несколько групп:

– общие труды известных историков церкви. Прежде всего, это сочинения архимандрита Никифора Дучича, епископа Никанора Ружичича, Р. Груича, Ч. Марьяновича, Р. Веселиновича, В. Стоянчевича, П. Пузовича. До сих пор непревзойденным исследованием остается монументальный трехтомный труд эмигранта, историка и богослова Дж. Слепчевича «История сербской церкви», написанный между 1962 и 1986гг., хорошо фундированный и достаточно непредвзятый¹⁷. Важным вкладом в историографию сербской церкви стали два тематических сборника, выпущенные в честь 750-летия автокефалии (1969г.) и в честь 50-летия воссоединения церкви (1971г.)¹⁸

– исследования профессиональных историков, посвященные отдельным проблемам, часто сопровождающиеся публикацией источников. Это, в первую очередь, работы о проблеме получения автокефалии в 1879г. и обстоятельствах с этим связанных (в частности, работы историков М. Воеводича и Д. Ковачевича)¹⁹. Непреходящий интерес в сербской историографии вызывает личность митрополита Михаила и события 1881г., о которых писали Р. Радич, В. Стоянчевич, М. Воеводич. Дж. Слепчевич в 1983г. выпустил обширную монографию, целиком посвященную деятельности митрополита Михаила²⁰. По материалам конференции 1994г. Сербской академией наук опубликован сборник «Живот и дело митрополита Михаила». Сюда вошли статьи и публикации важных документов, проливающих свет на деятельность митрополита в Старой Сербии и Боснии и Герцеговине, на взаимоотношения с видным сербским политиком и дипломатом Ст. Новаковичем и на участие Австро-Венгрии в отстранении митрополита²¹.

Подробно сербскими историками Д. Петровичем, Д. Новаковичем, Б. Гардашевичем, В. Джурич Мишиным исследованы обстоятельства воссоединения сербской патриархии в 1920г.²² Представляют интерес работы М. Милкича о священниках в армии²³. Традиционная роль церкви, участие священников в национальной борьбе и в войнах за освобождение рассматривались в трудах М. Поповича, Б. Йокановича, П. Пузовича, С. Чирковича, а также в недавно опубликованной работе Р. Радич и М. Исича о священниках в 1914–1918гг., приуроченной к 100-летию со дня начала первой мировой войны²⁴. Одной из важных для тематики настоящего исследования стала монография Р. Радич о религиозности, культах и суевериях сербского общества XIX–нач. XXвв.²⁵, а так же исследования косовского мифа и особенностей национальных мифов на Балканах²⁶. Среди последних работ очень ценной является строго научная, лишенная националистической риторики монография историка Н. Радосавлевича о церкви в Белградском пашалыке конца XVIII–нач. XIX в.²⁷

– работы сербских историков, культурологов, антропологов и философов последних лет, которые пытаются переосмыслить историю Сербии в контексте западноевропейского

развития, и, соответственно, пересмотреть традиционный для сербской историографии взгляд на роль церкви как неотъемлемую часть национального и государственного развития. Авторы этого направления ставят под сомнение необходимость присутствия православной церкви в современном обществе как фактора, мешающего модернизации и европейской интеграции и являющегося провоцирующим для конфликтов на конфессиональной и этнической почве.

В первую очередь, это исследования Л. Перович, Д. Стоянович, Р. Радич, чья точка зрения представлена в сборниках «Сербия в модернизационных процессах». Под эгидой Хельсинского комитета по правам человека в Сербии проводятся круглые столы и выпускаются материалы (сборник «Огледи»), где широко дискутируются различные проблемные аспекты церкви в современном обществе и в прошлом Сербии. Их участники, политики, историки и аналитики, ставят своей задачей поиск новых путей для развития сербского государства в XXI веке, а также преодоление категорий «этнического» и «конфессионального» как двух основных составляющих общественного дискурса²⁸.

Для полноты настоящей диссертационной работы нельзя обойти вниманием современные сборники, касающиеся повседневной жизни серба в XIX и XX в., общие исследования социальной истории Сербии (М.-Ж. Чалич, Б. Мильнович-Катич²⁹), а так же работы разных лет о политическом развитии сербского государства, начиная с неустаревающих книг С. Йовановича 30-х годов прошлого века о временах Милана и Александра Обреновичей и заканчивая работой 2008г. О. Попович-Обрадович о парламентаризме в Сербии³⁰. Исключительный интерес представляют труды М. Ягодича о положении новых краев Сербии в 1912–1914гг.³¹, а так же работы, затрагивающие проблемы национального развития, идеи Великой Сербии, сербской идеологии и связи национальной идентичности с православием³². Подробно в современной сербской и югославской исторической науке разрабатывалась тема идеологии югословенского национализма и связи сербской идеи с югославизмом³³.

Таким образом, степень разработанности церковной проблематики в сербской историографии достаточно высока. Сербскими историками были выделены и рассмотрены основные проблемы: конфронтация митрополита Михаила и правительства в 1881–1889гг., обстоятельства получения автокефалии и восстановления патриархии, юридическое положение церкви и религиозное состояние общества. Однако специальной работы, посвященной деятельности сербской церкви в 1878–1920гг. как хронологически едином периоде, охватывающем историю Сербии между Берлинским конгрессом и образованием Югославии, в сербской исторической науке не появилось. На наш взгляд, это значительно сужает возможность видения единой социально-исторической картины развития страны.

Объект исследования – национально-идеологическая и политическая деятельность сербской православной церкви, рассматриваемая в контексте внутри– и внешнеполитических событий в Сербии 1878–1920 гг.

Предметом исследования являются процессы взаимодействия между церковью и властью, церковью и обществом, сербским священством и монашеством на протяжении всего времени национально-государственного строительства независимой Сербии, а также выражение сербской национальной идеологии в церковном дискурсе.

Цель диссертационной работы – комплексное исследование процессов генезиса сербской автокефальной церкви в контексте политического и национального развития Сербии в 1878–1920 гг., для выявления роли православной церкви в проводимой государством политике ирредентизма и определения ее места в общественно-политической жизни.

Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить следующие задачи исследования:

1. Определить степень участия государства в получении сербской церковью автокефалии и в восстановлении Сербской патриархии в ходе дипломатических переговоров с Константинопольским патриархатом в 1879 г., 1912–1914 гг. и 1920 г.
2. Установить значение православной церкви для Сербии в контексте доктрины формирования национального государства в Юго-Восточной Европе: «один этнос – одна территория – одно государство – одна церковь».
3. Проанализировать роль церкви в распространении национальной идеологии ирредентизма и указать степень участия церкви в развитии сербской идентичности через навязывание мифов и легенд.
4. Исследовать правовое положение церкви в сербском государстве, выявить причины и суть правительственной политики по отношению к ней при династиях Обреновичей и Карагеоргиевичей в 1879-1920 гг.
5. Рассмотреть особенности социального положения духовенства в Сербии и его участия в политической жизни общества.
6. Выявить идейно-теоретические основы видения сербским духовенством взаимосвязи между государством и церковью.
7. Показать степень религиозности сербского общества и специфику народной (или/и национальной) православной веры.

Хронологические рамки работы – 1878–1920гг. определяются двумя важными событиями общегосударственного и церковного значения, являющимися пограничными для существования независимого государства Сербия.

Нижняя граница исследования – 1878г. – связана с завершением русско–турецкой войны 1877–1878гг. и Берлинским конгрессом, решением которого дотоле зависимое от Османской Порты княжество Сербия обрело полный суверенитет. Это событие позволило в 1879г. сербской церкви получить статус автокефалии от Константинопольского патриархата.

Верхняя граница исследования – 1920г. – обусловлена фактом объединения всех сербских церковных земель в единую Сербскую православную автокефальную церковь и возведения ее в ранг патриархии, что стало возможным благодаря образованию в 1918г. единого государства – Королевства сербов, хорватов и словенцев. Такой скачок за пределы «жизненного цикла» независимого Сербского государства (1878–1918гг.) на наш взгляд оправдан тем, что восстановление Печской патриархии явилось заключительным аккордом в долгой борьбе за воссоединение сербской церкви и целого сербства: и как Сербия стала ядром для Королевства сербов, хорватов и словенцев, так и Белградская митрополия послужила основой возрожденной Сербской патриархии.

Вместе с тем представляется невозможным анализировать процессы, происходящие в сербской церкви в строго отведенных рамках 1878–1920гг. вне контекста событий, как предыдущих, так и последующих лет – их необходимо рассматривать в динамике. Тем самым оправдано обращение к хронологически более древним пластам – эпохе Стефана Душана (1308–1355гг.), периоду османского завоевания (XIV–XVIIвв.), ко времени образования в первой половине XIXв. автономного княжества Сербии, ровно как и к современности: на протяжении всего периода своего существования сербская церковь продолжает традицию хранителя «сербской нации».

Географическое пространство исследования по преимуществу сосредотачивается в границах независимого с 1878г. княжества, а затем, с 1882г., королевства Сербия. Эти географические рамки полностью совпадают с канонической территорией Белградской митрополии – автокефальной сербской церкви в государстве Сербия.

За рамками исследования остались как внутривосточные процессы, так и жизнь сербской церкви на территории других сербских земель – Боснии и Герцеговины, Воеводины, Далмации, Старой Сербии и Македонии. В исследуемый период – 1878–1920гг. – они входили в состав Австро-Венгерской и Османской империй, а православные церкви в этих землях частично находились под юрисдикцией Константинопольского патриархата (сербская церковь в Старой Сербии и Македонии) или являлись самостоятельными (Карловацкая митрополия на территории Воеводины и церковь в Боснии и Герцеговине).

Важные события в жизни сербской православной церкви, произошедшие после создания государства сербов, хорватов и словенцев потребовали выйти за прежние географические рамки исследования и рассмотреть участие каждой сербской церковной области в создании Сербской

патриархии в 1920г. При этом внешнеполитические аспекты, связанные с церковными реалиями, заставили покинуть узкую географическую область Сербии и пристально взглянуть на происходящее в Санкт-Петербурге, Вене и Константинополе.

Научная новизна исследования состоит в том, что диссертационная работа представляет собой первое в отечественной историографии комплексное исследование деятельности сербской церкви в 1878–1920гг., в частности:

- в динамике произведен детальный анализ законодательной базы основ деятельности сербской церкви XIX–нач. XXвв.;
- на основе неопубликованных источников реконструирован процесс дипломатических переговоров сербского правительства 1879г., 1912–1914гг. и 1920г. с Константинопольским патриархатом вокруг получения сербской церковью автокефалии, а затем, и статуса патриархии;
- на основе анализа данных церковной периодики и неопубликованных архивных источников исследованы внутренние конфликты в сербской церкви и показано социальное положение священства;
- выявлены основные тренды церковной публицистики в контексте национальной идеи: для иллюстрации видения сербской церковью национального вопроса в диссертации применен метод широкого цитирования речей, проповедей и статей сербских священников, архиепископов и богословов на национальную тематику;
- рассмотрена роль церкви как проводника национальной идеологии ирредентизма;
- произведен анализ конкретно–исторического содержания этнополитических и национальных мифов в церковном дискурсе.
- исследуемые события и проблемы представлены на фоне общеисторического контекста событий XIX–нач. XXв. как внутри самой Сербии, так и в России, Османской империи и Австро-Венгрии;
- введено в научный оборот значительное количество новых источников – как неопубликованных, находящихся в архивах, так и опубликованных, однако находившихся вне поля зрения отечественных (и отчасти сербских) исследователей Сербии к. XIX–нач. XXв.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты исследования могут использоваться в ВУЗе для студентов исторических, политологических и богословских специальностей при чтении общих и специальных курсов по славяноведению (история южно–славянских народов), новой и новейшей истории (регион Балкан) и истории внешней политики России XIXв. Фактический материал работы может быть применен для составления учебных пособий по истории восточно–православных и поместных славянских церквей и церковному законодательству. Теоретические выводы и положения работы могут оказаться полезными в

реалиях современных событий, как для сербской, так и для русской церкви, а также быть актуальными для политологов, занимающихся проблемами национальной идеологии. Авторский анализ и конкретно–исторический материал диссертации служат более углубленному пониманию роли сербской церкви и духовенства в сербском обществе рубежа XIX–XXв. и способствуют прогнозированию ее дальнейшей эволюции.

Методология и методы исследования. Комплексный характер исследуемого объекта определил методику настоящей диссертационной работы, базирующейся на принципах объективности и системности. Это дало возможность целостного, в конкретно–исторической обстановке, представления о месте и роли Сербской церкви в Сербском государстве; позволило в динамике раскрыть важные аспекты взаимодействия между церковью и государством, проследить их эволюцию на протяжении XIX–нач.XXв., а также объяснить факторы присутствия сербского духовенства в политической жизни общества. Историко-критический метод анализа источников позволил прояснить внешнеполитические обстоятельства, в которых находилась православная церковь, а также детально рассмотреть взгляды сербского духовенства в контексте развития сербской национальной идеологии и вскрыть характер конфликта между сербским священством и монашеством.

Принимая во внимание специфику разрабатываемой темы, при работе над диссертацией использовались данные и методы других смежных дисциплин – социальной антропологии, религиоведения, политологии, социологии и юриспруденции, что обеспечило междисциплинарный подход, который необходим при рассмотрении вопросов, связанных с историей национальной церкви и этнонациональной идентичностью.

Отправной теоретико-методологической точкой исследования послужили взгляды Э. Хобсбаума, Б. Андерсона и Э. Смита на нацию как продукт социального, политического и культурного конструирования³⁴. Феномены нации, национальной и этнической идентичности и национализма понимаются нами как категории социальной и политической практики, как культурные идиомы, политические проекты, проявляющиеся в публичном дискурсе, и имеющие при этом историческую, культурную и этнонациональную обусловленность. Если исходить из конструктивистской посылки, что этнические группы/нации – продукт истории, в том числе, «овеществления культурного различия через навязанные идентификации», то национальную идеологию можно определить как инструмент создания реальности, приспособленный для навязывания политической, этнической, национальной или конфессиональной идентификации. Государство, по Р. Брубейкеру, не располагает монополией на «идентификацию», – в случае Сербии оно делило ее с православной церковью. Поэтому, учитывая специфику исследования, нами были использованы теоретические результаты исследования А. Хастингса, Э. Смита и Р. Бру-

бейкера относительно связи национальной идентичности и религии, о роли религии в этнонациональном и политическом мифотворчестве³⁵.

В этой связи представляются важными разработанные Р. Брубейкером подходы к анализу взаимосвязи между религией и национализмом, некоторые из которых применимы к исследуемой ситуации. Первый подход предполагает, что религия является фундаментом для развития национализма. В частности, религиозные мотивы, нарративы и символы переносятся в политическую сферу и используются для конструирования легко распознаваемых националистических (или, по крайней мере, прото-националистических) претензий, что характерно для Сербии. Вторым подходом рассматривается религия как часть национализма – эти два феномена накладываются и сплетаются друг с другом. В этом случае возможны два варианта: 1) точное совпадение религиозной и национальной границ – тогда религия как первичный диакритический маркер служит определением этничности или национальности, 2) религия не обязательно определяет границы нации, но она поставяет мифы, метафоры и символы, которые занимают центральное место в представлении нации. В нашей ситуации церковь явилась поставщиком всех историко-этнополитических мифов (общая святая территория, автохтонность, общие героические предки, образ врага, тождественность этнической, государственной и конфессиональной территории и т.п.).

Особенно значимыми для понимания сербской церкви как носителя национальной идеологии послужили замечания Э. Смита относительно парадигмы т.н. «золотого века» – воспоминания о славном прошлом, – обращение к которому служит для мобилизации и объединения масс и идентификации общей национальной идентичности. В конструировании нации обращение к «золотому веку» играет ключевую роль: оно устанавливает «аутентичность» и этническую древность нации, распространяя миф о национальной истории и судьбе. Когда же стоит вопрос борьбы за территории, общее прошлое можно использовать для легитимации прав той или другой этнической общности – наглядной иллюстрацией к тому служит концепция Великой Сербии. Сербскую идентичность можно назвать классическим примером дефиниции Э.Смитом феномена этнического сообщества/нации как народа (population), объединенного общей исторической памятью, мифами о совместной исторической прародине и общем предке.

Источниковая база исследования. В соответствии с целью комплексного исследования в диссертационной работе был использован широкий круг как опубликованных, так и неопубликованных источников, позволяющих всесторонне изучить деятельность сербской церкви и реконструировать события исследуемого периода.

Для диссертационной работы были привлечены *архивные материалы* нескольких архивов.

В Архиве Сербии нами были исследованы материалы следующих фондов:

- министерства просвещения и церковных дел. Церковное отделение. (МПс-Ц), где хранятся делопроизводственные документы митрополии, приказы и распоряжения митрополитов, стенограммы заседаний архиерейских соборов, переписка между архиереями, жалобы священников и монахов, аналитические записки о состоянии монашества, проекты церковных законов. Важные сведения содержат епархиальные статистические отчеты (подробные анкетные данные священников с указанием уровня образования и жалованием, состав монастырского и церковного имущества, величина доходов и налогов).

- министерства иностранных дел. Политическое отделение. (МИД-ПО), где находятся правительственные инструкции и распоряжения, дипломатические отчеты, донесения сербских посланников в Константинополе и Санкт-Петербурге. В работе были использованы депеши сербского посланника в Константинополе Ф. Христича 1878–1879г., касающиеся переговоров Сербии с Константинопольским патриархатом и инструкции главы правительства Й. Ристича. Особый интерес представляют донесения сербского посланника в Константинополе 1883г. относительно реакции Константинопольского патриарха на дело Михаила, а сообщения сербских дипломатов 1885г. проливают свет на обстоятельства признания Теодосия Мравича сербским митрополитом. Для понимания позиции русского МИДа относительно отстранения митрополита Михаила очень важны донесения посланника в Санкт-Петербурге Дж. Хорватовича 1881–1882г. В диссертации использовалась богатая переписка сербских дипломатов в Константинополе Д. Стевановича и В. Джорджевича с главой правительства Н.Пашичем о присоединении епархий Старой Сербии к сербской церкви в 1914г.

В фонде «Поклони и откупи» содержатся материалы относительно дела митрополита Михаила, его эмиграции и неканонической иерархии; приватная переписка архиереев, телеграммы, личные просьбы, отчеты. Весьма ценным представляются письма митрополита Михаила правительству с протестами на неканонические действия министра А. Николича в 1890–1891гг. и прошения об отставке, а так же приватное письмо Н. Пашичу 1892г. с жалобой на невыносимое положение. Интересные сведения имеются в личных письмах тимокского епископа Мелентия (Вуича) 1894–1898 гг., адресованных митрополиту об общем состоянии церкви и текущих делах.

В собрании «Varia» нами были использованы материалы сербского подворья в Москве 1881–1882гг. В личном фонде Ст.Новаковича (СН) представляют интерес письма 1902, 1903 и 1908гг. епископа, а потом и митрополита Димитрия Ст.Новаковичу о восстановлении патриархии и о состоянии дел в церкви; а так же официальная докладная записка Ст.Новаковича сербскому правительству с планом по восстановлению патриархии 1897г.

В Архиве Югославии, в фондах 69 (Министерство веры Королевства СХС) и 334 (Министерство иностранных дел Королевства Югославии) находятся разнообразные официальные документы, относящиеся к обстоятельствам восстановления Сербской патриархии в 1920г. и усвоения патриарха Димитрия, оригиналы королевских указов и распоряжений; стенограммы заседаний архиерейского собора, переписка между архиерейским собором и министерством. Очень любопытна выдержка из стенограммы заседания Архиерейского собора 1920г. о нецелесообразности процедуры выборов сербского патриарха и ответное протестное письмо двух архиереев, епископов Варнаввы и Досифея. Особый интерес вызывают документы 1919–1920гг., проливающие свет на конфликт между церковным руководством и министерством веры вокруг Временного положения о церкви: официальные письма митрополита Михаила министру веры и жалобы на действия министра главе правительства, ответные письма министра Т. Алауповича Архиерейскому собору и его докладная в кабинет председателя министерского совета.

В Российском государственном историческом архиве в фондах 796 (Канцелярия синода) и 797 (Канцелярия обер-прокурора синода) хранятся документы относительно переговоров сербского правительства с Константинопольским патриархатом о получении автокефалии сербской церкви в 1879г.: подробные отчеты, донесения и депеши русского посланника в Белграде, стенограммы заседаний русского Синода и переписка между МИД и Обер-прокурором. Так же нами использовались дипломатические донесения и переписка, касающиеся дела митрополита Михаила; характеристики русскими дипломатами сербских митрополитов – Иннокентия и Димитрия; отчеты о процессе выработки проектов церковного закона 1889г. Исключительный интерес представляет письмо русского посланника в Белграде А.И. Персиани главе русского внешнеполитического департамента Н.К. Гирсу 1885г. с его критикой общественных кругов России вокруг ситуации с митрополитом Михаилом и избранием митрополита Теодосия.

Для настоящего исследования привлекались тексты *конституционных и государственных законодательных актов*, опубликованные отдельными изданиями или в составе специализированных сборников, а так же в официальной газете «Српске новине» и церковной периодике. Это, прежде всего, тексты конституций Сербии XIX–нач. XX в. в части статей, касающихся вероисповедания и положения церкви; государственные законы об армии, школе, гражданский и уголовный кодексы. Другая группа – тексты государственных законов и подзаконных актов, регулирующих деятельность церкви, приказы и распоряжения правительства о поставлении/разрешении от должности архиереев, тексты внутрицерковного законодательства, постановления и распоряжения архиерейского собора православной церкви и Белградского митрополита, официальные письма архиереев и правительственных чиновников³⁶.

Отдельную группу использованных источников составляют *школьные программы и планы обучения* христианской науке, истории, литературе и языку, а так же учебники по основам христианства и христианской этике³⁷.

Ценным источником являются *стенографские записки заседаний народной скупщины*: они дают представления о дискуссиях вокруг проектов церковного регулирования, об отношении депутатов, в том числе, и священников к православной церкви, монашеству и архиереям³⁸.

В диссертационном исследовании использовались *статистические данные* – официальные государственные периодические издания статистических сведений Сербии соответствующего периода; церковная статистика, издаваемая епархиями, а так же статистические сведения, предоставляемые консисториями, частично публикуемые в официальной церковной печати³⁹.

В работе широко применялась *церковная периодика*⁴⁰: нами был просмотрен каждый номер трех наиболее известных и последовательно издававшихся церковных изданий с 1880 по 1914гг. (во время первой мировой войны журналы по понятным причинам не выходили): «Христианского вестника», «Гласника» и «Вестника сербской церкви». Изучение статей периодики, содержащей важную информацию о деятельности сербской церкви интересующего периода дает возможность увидеть общую картину происходящего в сербской церкви, проследить причину и истоки конфликта священства и монашества, воочию убедиться в политической вовлеченности священников и ангажированности самих журналов («Христианский вестник» был частным изданием проты Алексы Илича, проводящего ярко выраженную антиархиерейскую политику, «Вестник Сербской церкви» – печатный орган Объединения священников – также отстаивал права и независимость священства, официальный же орган Синода – «Гласник православной церкви» был настроен лояльно). Изучение проповедей и статей на национальную тематику позволяет увидеть на практике сопричастность духовенства с распространением национальной идеологии. К этой же группе источников примыкает церковная *публицистика*, издававшаяся по разным проблемам в разные годы: взаимоотношение церкви и государства, конфликт правительства с митрополитом Михаилом, положение священства и монашества, религиозное и моральное состояние общества⁴¹.

Светская пресса (официальная газета «Српске новине», «Политика», печатные органы политических партий: «Видело», «Самоуправа», «Српска независность») содержит ценную инсайдерскую информацию об основных внутрицерковных событиях. Так же она дает представление об актуальности тех или иных церковных проблем в обществе, фиксируя степень накала по некоторым наиболее важным событиям (проекты церковных законов, скандал с расчинением митрополита Михаила, выборы и назначения митрополитов). Для более полного освещения конфликта с митрополитом Михаилом использовалась и русская пресса со статьями И. Аксакова и М. Каткова⁴².

Публикации документов по интересующей нас тематике группируются в основном вокруг проблемы получения автокефалии сербской церковью в 1879г. и дела митрополита Михаила; очень интересный источник – сведения русского дипломата о сербах, закончивших богословские учреждения в России с характеристикой некоторых сербских архиереев⁴³.

Для реконструкции некоторых частных событий и уяснения общего характера сербского православия, национальной роли и религиозности общества были использованы *воспоминания и дневники очевидцев и личная корреспонденция*: переписка митрополита Михаила, дневники и мемуары сербских общественных и государственных деятелей (Н. Обренович, Ч. Миятовича, П. Лебл Албалы, Л. Димитриевича, П. Тодоровича, С. Петковича, Д. Васича, Й. Дучича, В. Велмар-Янковича), иностранных журналистов и путешественников (А. Райса, Х. Вивиан, Г. Раша, М. Дарам, А. Барбье) и русских очевидцев (В.Н. Штрандмана, Л.Д. Троцкого, Е.Л. Маркова, П.А. Ровинского, Г.Н. Трубецкого). Наиболее важными из этой группы источников представляются дневники Н. Крстича, содержащие очень ценную информацию свидетеля и участника событий о деле митрополита Михаила, выборах и дальнейшей отставке митрополита Теодосия, а также весьма предвзятые, но охватывающие весь исследуемый период воспоминания проты А. Илича, к которым необходимо относиться с большой долей критики⁴⁴.

Положения, выносимые на защиту.

1. Независимая от Константинопольского патриархата сербская православная церковь в глазах правящей элиты была непременным условием суверенитета сербского государства. Поэтому за получением Сербией независимости в 1878 г. последовало и обретение сербской церковью автокефалии, а объединение сербских территорий в Королевство сербов, хорватов и словенцев повлекло и перемену внешнеполитического статуса сербской православной церкви, в 1920 г. преобразованной в объединенную Сербскую патриархию.

2. Православная религия в Сербии стала основной формой национальной идентичности и проводником этнического национализма благодаря религиозно-этнической политике Османской империи, разделившей своих подданных по конфессиональному признаку. Сама империя во многом заложила фундамент под здание «этнофилетизма», ставшего одной из характерных черт национального государства, не отделяющего борьбу за веру от борьбы за свободу и независимость.

3. Политика ирредентизма, вставшая на повестку дня в XIX в. перед сербской элитой, совпадала со стремлениями церкви к объединению сербства и с мечтами о восстановлении средневекового царства Стефана Душана. Государство признавало религиозную идентичность важнейшим фактором национальной консолидации и опиралось на церковь, как на официального идеолога сербства. Религиозная идентичность, выражавшаяся в принадлежности к право-

славной церкви, стала основой для формирования этнической идентичности, и, таким образом, для формирования сербской нации.

4. Главной чертой, характеризующей взаимоотношения церкви и государственной власти на рубеже XIX–XX в., была тенденция к законодательному ограничению самостоятельности церкви как во внешне– так и во внутривластных отношениях. По мере развития институтов власти и модернизации по западному образцу, сербское правительство оставляло церкви все меньше места в управлении государством, готовя ей роль одного из государственных институтов с привилегированным положением.

5. Сербский православный священник был энергичным актором на политическом поле сербского государства. Наделенные излишней политической независимостью и правом заседать в скупщине, священники отстаивали интересы своей партии и стремились к самостоятельности внутри церкви, что шло вразрез с устремлениями архиереев и церковными канонами. Именно поэтому в неучастии священников в политике так сильно были заинтересованы архиереи, равно как и государство, предпринимающее законодательные попытки ограничения политической деятельности священников.

6. Идеологически сербская православная церковь на протяжении XIX–начала XX вв. продолжала стоять на позициях средневековой доктрины «симфонии властей». Не сумев выработать/пересмотреть концепцию дальнейшего взаимоотношения между церковью и государством, сербская церковь оказалась не в состоянии противостоять вызовам «европейского» XIX века. Упорное нежелание церкви мириться с происходящей в сербском государстве и обществе модернизацией приводило не только к неизбежным конфликтам с государственным правительством, но и выталкивало церковь на обочину нового, светского мира.

7. Несмотря на общепризнанную роль церкви и идентификацию 97% населения Сербии как исповедующих православную веру, церковь и общество в конце XIX–начале XX в. сталкиваются с повсеместной религиозной индифферентностью и равнодушием к православию. Причина заключалась и в падении престижа церкви в результате излишнего участия священников и архиереев в политике, и в общем распространении секуляризации. Но главный корень упадка веры крылся в слабом участии церкви в религиозном и этическом развитии народа. Бросив во время династии Османов все силы на освободительную борьбу, церковь в какой-то мере принесла нравственные ценности христианства в жертву национальной свободе и заботе о сохранении «сербской расы».

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждены на заседаниях кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского педагогического государственного университета. Основные идеи и результаты изложены в 5–и научных статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК. Апробация

соответствующих частей и результатов диссертации была проведена во время чтения спецкурсов и ведения спецсеминаров на историческом факультете Московского педагогического государственного университета.

Структура диссертационного исследования обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, пяти глав, двадцати параграфов, заключения, библиографического перечня источников и литературы, словаря, перечня терминов, 14 таблиц, а также Приложения, оформленного отдельным томом.

Для удобства чтения длинные цитаты в тексте оформлены шрифтом Calibri 11пт со втяжкой, наиболее важные цитаты выделяются курсивом Times New Roman.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. например: Попов Н. А. Нынешнее состояние православной церкви в Сербии. М., 1874. 28 с.; Григорович В.И. О Сербии в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетии. Казань, 1859. 148 с.; Флоринский Т.Д. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888. 771 с.; Гермоген (епископ). Очерк истории славянских церквей. СПб., 1899. 255 с.; Голубинский Е. Е. Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской или молдо-валахской. М., 1871. 734 с.; Путешествие св. Саввы, архиепископа Сербского. Под редакцией архимандрита Леонида // Православный Палестинский Сборник, выпуск 5. СПб, 1884. С. 1–80.

² Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1859. 694 с.; Ровинский П.А. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году // Вестник Европы, 1875, том.6. С. 5–34; Овсяный Н.Р. Сербия и Сербы. СПб., 1898. 322 с.

³ Чельцов. М. П. Церковь Королевства Сербского со времени приобретения ею автокефальности (1879–1896гг.) Историко–канонический очерк. СПб, 1899. 353 с.

⁴ Буткевич Т. И. Высшее управление в православных автокефальных церквах. Харьков, 1913. 198 с.; Высокопреосвященный Михаил, митрополит сербский: по поводу 40–летнего юбилея его священнослужения в епископском сане // Христианское чтение. 1895. №№ 1–2. С.164–173; Лопухин А.П. История христианской церкви в XIX веке. Том 2. Петроград, 1901. 854 с.; Пальмов И.С. Блаженнопочивший сербский митрополит Михаил // Христианское чтение. 1898. № 4. С. 455–457; Пальмов И.С. Закон о церковных властях Восточно–Православной Церкви в королевстве Сербии // Христианское чтение. 1891. №№ 1–2. С. 8–36, №№ 3–4. С. 406–416, №№ 5–6. С. 460–491; Православная Церковь в Сербии // Христианское чтение. 1883. №№ 1–2. С. 218–229; Современное положение митрополитского вопроса в Сербии // Христианское чтение. 1883. №№ 1–2. С. 199–217; Титов Ф.И. Михаил. Митрополит Сербский. Киев, 1898. 57 с.

⁵ Скурат К.Е. История поместных православных церквей, т.1. М., 1994. 334 с.

⁶ Грачев В. П. Православная церковь и первое Сербское восстание 1804–1813 гг. // Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 161–175; Достян И. С. Сербская церковь в эпоху турецкого господства. XVI–XVIII вв. // Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 23–31; Достян И.С., Карасев А.В. Православная церковь и складывание сербской нации // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 136–194; Лещиловская И. И. Сербское Просвещение и национальная православная церковь // Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 84–95; Чуркина И.В. Роль православной церкви в сохранении болгарского и сербского этносов в период османского владычества // Исторический вестник. М. 2001. №№ 13–14. С. 349–360; Ее же. Национальная церковь на Балканах как фактор национальной консолидации сербов и болгар // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. М., 2002. С. 190–203; Ее же. Влияние религии на формирование южнославянских наций // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. М., 2009. С. 161–197.

⁷ Церковь в истории славянских народов. М., 1997. 312 с.; Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. 355 с.

⁸ Данченко С. И. Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903 гг. М., 1996. 422 с.; Искендеров П. А. Россия и национальные программы сербских партий (1913–1914 гг.) // Общественные движения у народов Юго–Восточной Европы и Россия в XVIII–начале XX вв. М., 2011. С. 201–229; Карасев А. В. Сербское общество и власть в 60–70–е годы XIX века // Общественные движения у народов Юго–Восточной Европы и Россия в XVIII –

начале XX вв. М., 2011. С. 52–77; Кузьмичева Л.В. Сербская государственная идея в 60–70-е годы XIX в. (Проблема идеологического выбора) // Двести лет новой сербской государственности. Спб., 2005. С. 150–174; Шемякин А. Л. Сербское общество на рубеже XIX–XX вв.: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. Спб., 2002. С. 31–49; Его же. Традиционное общество и вызовы модернизации // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX–первая половина XX в.) СПб., 2004. С. 10–53; Его же. Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005. С. 176–201;

⁹ Балканы в конце XIX–начале XX в.: очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991. 351 с.; Модернизация vs. война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012. 436 с.; На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII–начало XX вв. М., 1997. 416 с.; Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. Спб., 2002. 391 с.

¹⁰ Михайлова А.А. Политические и социально-экономические трансформации в Сербии в контексте модернизационных процессов в последней трети XIX – начале XX в. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2014. 30 с.

¹¹ Шемякин А. Л. Сербский митрополит Михаил. Годы изгнания (1883–1889) // Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 259–273; Шемякин А. Митрополит Михаило у емиграцији (Заједно са Николом Пашићем против Милана Обреновића) // Зборник Историјског музеја Србије. 31. Београд, 2003. С. 219–237; Митрополит Михајло и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884–1888). Београд, 2004. 227 с.

¹² Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда. 1878–1912. Спб., 2007. 240 с.

¹³ Белов М.А. У истоков сербской национальной идеологии. Спб. 2007. 544 с.; Никифоров К. В. Сербия в середине XIX в. (начало деятельности по объединению сербских земель). М., 1995. 185 с.; Романенко С.А. Историко-политическая типология кризисов на Балканах XIX–XX вв. и их роль в международных отношениях // Россия на Балканах. Вып. 8. М., 1996. С. 31–73; Его же. Типология процессов национального самоопределения // Общественные науки и современность. М., 1999, № 2. С. 66–74; Его же. История и этнонационализм в постсоциалистическом мире: югославский вариант // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 408–451; Его же. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века–1991 год). М., 2011. 1024 с.; Шемякин А. Л. Сербская национальная идея в 1878–1903 гг. Время разочарования и осмысления // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. М., 1997. С.132–185.

¹⁴ Никоноров Д.Е. Роль идей «Великой Сербии» и «Великой Болгарии» в балканской политике Российской империи в 1878–1908 гг. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. 31 с.

¹⁵ Falina M. Pyrrhic victory: East Orthodox Christianity, politics and Serbian nationalism in the interwar period. A dissertation in History. Presented to the Faculties of the Central European University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Budapest, 2011. 239 p.; Falina M, Trencsenyi B. Coping with Plurality: Nationalist and Multinational Frames of Mind in East Central European Political Thought, 1878–1941 // East Central Europe 39. 2012. P. 173–179; Фалина М. Сербская церковь и национальная идея // Pro et Contra. Май–август №№ 3–4 (59), 2013. С. 90–101; Falina M. Serbian Orthodox Church and the Challenge of Modernity, 1900–1945 // [Электронный ресурс] http://euroacademia.eu/wordpress/wp-content/uploads/2012/05/Maria_Falina_Serbian_Orthodox_Church_and_the_Challenge_of_Modernity_1900-1945.pdf [дата обращения: 01.02.2015];

¹⁶ Так, например, на богословском факультете Белградского университета из этого периода сейчас изучаются всего две темы: церковный вопрос во время Милана и восстановление сербской патриархии в 1920г.

¹⁷ Веселиновић Р. Историја Српске православне цркве са народном историјом. Књ 2. Београд, 2004. 277 с.; Грујић Р. Православна српска црква. Крагујевац. 1989. 231 с.; Дучић Н. Историја српске православне цркве од првијех десетина 7 в. до наших дана. Београд, 2008. 286 с.; Марјановић Ч. Историја српске цркве. Београд, 2001. 375 с.; Пузовић П. Кратка историја Српске православне цркве. Крагујевац. 2000. 125 с.; Ружичић Н. Историја српске цркве. Књ 2. Београд, 1895. 644 с.; Слијепчевић Ђ. Историја српске православне цркве. Београд, 1991. Књ 2. 673 с.; Стојанчевић В. Из историје Српске православне цркве. Ниш. 2006. 173 с.

¹⁸ Српска Православна Црква 1219–1969. Спомена о 750-годишњици аутокефалности. Београд, 1969. 396 с.; Српска Православна Црква 1920–1970. Спомена о 50-годишњици васпостављања српске патријаршије. Београд, 1971. 539 с.

¹⁹ Војводић М. Како је српска црква добила независност 1879. године // Историјски часопис, књ L. 2003. С. 87–98; Вучковић В. Организација српске православне цркве у новим крајевима Кнежевине Србије после Берлинског конгреса. Пирот. 2007. 220 с.; Ковачевић Д. Србија и Русија 1878–1889. Београд, 2003. 393 с.; Perić M. Osamostalјvanje srpske pravoslavne crkve u odnosu na Carigradsku patrijaršiju (1831–1879) // Junir (Dve hiljade godina hrišćanstva na Balkanu). 2001, № 7. S. 90–93;

²⁰ Војводић М. Митрополит Михаило и Стојан Новаковић // Историјски записи. Подгорица. 2000. №№ 1–2. С. 153–164; Димитријевић С. Михаило, Архијепископ Београдски и Митрополит Србије, као православни јерарх, Србин, Словен и неимар Југословенства. Београд, 1933. 51 с.; Живот и дело митрополита Михаила (1826–1898). Београд,

2008. 309 с.; Радић Р. Православна црква у Србији у време краља Милана Обреновића // Зборник Матице српске за историју, бр. 77–78. Нови Сад, 2008. С. 225–234; Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије, Минхен. 1983. 626 с.; Стојанчевић В. Митрополит Михаило и питање аутономије српске цркве у Турској 1878 године // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Филолошки факултет. Београд вол.68–69, бр. 1–4/2002–2003. С. 235–240.

²¹ Живот и дело митрополита Михаила (1826–1898). Београд, 2008. 309 с.

²² Веселиновић Р. Уједињење покрајинских цркава и васпостављање српске патријаршије. Посебан отисак. Б.м. Б.г. С. 13–35; Гардашевић Б. Организационо устројство и законодавство Православне цркве између два светска рата: 1920–1970: споменица о 50–годишници васпостављања Српске Патријаршије // Српска православна црква. 1920–1970. Београд, 1971. С. 37–64; Јовановић Ј. Седам предлога за обнову Пећке Патријаршије (1894–1897) // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. Књ.18, 1938. С. 450–457; Ђурић Мишина В. Обнављање патријаршије и избор патријарха 1920. године // Свети Кнез Лазар. Призрен: Епархија рашко–призренска и косовско–метохијска. 2004. № 4. С. 25–50; Новаковић Д. Уједињење Српске православне цркве и успостављање Патријаршије 1920. године // Братство, часопис Друштва «Свети Сава». 2011, № 15. С. 77–84; Петровић Д. Уједињење Српске цркве и обнова патријаршије // Српска Православна Црква 1219–1969. Споменица о 750–годишњици аутокефалности. Београд, 1969. С. 361–369; Радић Р. Избор патријарха српске православне цркве у 20. веку [Online], <http://borbazaveru.info/content/view/1820/30/> [дата обраћања: 13.08.2013].

²³ Милкић М. Специфичности верског живота у војсци Кнежевине/Краљевине Србије // Војно дело. 2003, № 1. С. 168–184; Милкић М. Државни и верски празници у војсци Кнежевине и Краљевине Србије // Војно–историјски гласник. 2007, №№ 1–2. С. 7–20; Милкић М. Униформа војних свештеника у Српској и Југословенској војсци (1839–1941) // Војно–историјски гласник. 2009, № 2. С. 9–29.

²⁴ Биговић Р. Црква и друштво. Београд, 2000. 330 с.; Јокановић Б. Црква у служби отаџбини. Књ.1. Београд, 1913. 48 с.; Јокановић Б. Црква у служби отаџбини. књ.2. Скопље. 1920. 89 с.; Муњић Д. Улога српске православне цркве у чувању националног јединства и целине српског народа. 1957 [Чикаго]. 99 с.; Поповић М. Историјска улога Српске цркве у чувању народности и стварању државе. Београд, 1933. 329 с.; Поповић Р. Српска црква у историји. Београд, 2007. 366 с.; Пузовић П. Улога цркве и свештенства у балканским ратовима // Вардарски зборник. Београд, 2005, № 4. С. 131–140; Радић Р., Исић М. Српска црква у Великом рату 1914–1918. године Београд, 2014. 613 с.; Ћирковић С. Улога цркве у старијој историји српског народа // Настава историје. 1995, № 1. С.7–18.

²⁵ Радић Р. Народна веровања, религија и спиритизам у српском друштву 19. и у првој половини 20. века, Београд, 2009. 295 с.

²⁶ Деспотовић Љ. Српска политичка модерна. Србија у процесима политичке модернизације 19. века. Нови Сад, 2003. 271 с.; Димић Љ., Стојадиновић Д., Јовановић М. Србија 1804–2004. Три виђења или позив на дијалог. Београд, 2005. 205 с.; Бошковић С. Косовски културолошки мит. Београд, 2014. 488 с.; Вучинић М. Косовски мит и српски национални идентитет // [Електронни ресурс] <http://www.nspm.rs/kulturna-politika/kosovski-mit-i-srpski-nacionalni-identitet.html> [дата обраћања: 08.03.2015]; Зашто је косовски мит толико присутан у савременој Србији // [Електронни ресурс] <http://www.nspm.rs/prenosimo/zasto-je-kosovski-mit-toliko-prisutan-u-savremenoj-srbiji.html> [дата обраћања: 08.03.2015]; Čolović I. Sarajevski atentat i kosovski mit // [Електронни ресурс] <http://pescanik.net/sarajevski-atentat-i-kosovski-mit/> [дата обраћања: 08.03.2015]; Myths and boundaries in South–Eastern Europe. Edited by Pal Kolsto. London. Hurst & Company. 2005. 357 s.; Perica V. Balkan Idols: Religion and Nationalism in Yugoslav States. Oxford University Press. 2002. 332 s.

²⁷ Радосављевић Н. Православна црква у Београдском пашалуку 1766–1831 (управа Васељенске патријаршије). Београд, 2007. 516 с.

²⁸ О чему црква (не) може да се пита. СPC, држава и друштво у Србији (2000–2005). Хелсинки одбор за људска права у Србији. Београд, 2005. [Електронни ресурс] <http://www.helsinki.org.rs/serbian/doc/Studija-Vukomanovic.pdf> [дата обраћања: 21.03.2015]; Okrugli sto. Zašto se u crkvi šapuće. 2005. 1–3 deo. (Транскрипт) // [Електронни ресурс] http://pescanik.net/wp-content/PDF/zasto_se_u_crkvi_sapuce_3.pdf; http://pescanik.net/wp-content/PDF/zasto_se_u_crkvi_sapuce_2.pdf; http://pescanik.net/wp-content/PDF/zasto_se_u_crkvi_sapuce_1.pdf [дата обраћања: 01.03.2015]; Okrugli sto pod nazivom «Presvlačenje nacionalizma». Медија центар, 15. јули 2003. [Електронни ресурс] <http://www.helsinki.org.rs/serbian/doc/Presvlačenje%20nacionalizma.%20tekstovi%20-%20okrugli%20sto.doc> [дата обраћања: 21.03.2015]; Perović L. Između anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI). // Ogleđi. Helsingki odbor za ljudska prava u Srbiji, br. 8. Београд, 2006. 435 с.; Perović L. Politička elita i modernizacija u prvoj deceniji nezavisnosti srpske države // Srbija u Modernizacijskim procesima XX veka. Naučni skup. Београд. 1994. С. 41–55; Popović–Obradović O. Kakva ili kolika država. Ogleđi o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX–XXI veka. Ogleđi, Br. 12. Београд. 2008. 643 с.; Radić R. Džepna istorija Srpske pravoslavne crkve // Zašto se u crkvi šapuće? Peščanik FM. Knj 3, 2007. С. 173–198; Radić R. Verom protiv vere. Država i verske zajednice u Srbiji 1945–1954 godine. Београд, 1995. 428 с.; Radić R. 88 godina od osnivanja SPC [Електронни ресурс] <http://pescanik.net/2008/09/88-godina-od-osnivanja-spc/> [дата обраћања: 25.07.2013]; Радић Р. Васељенска патријаршија, српска православна црква и црквене реформе између два светска рата // Срби и Југославија: држава, друштво, политика: зборник радова. Београд, 2007. С. 63–101; Радић Р. Верска елита и модернизација – тешкоће проналажења одговора // Србија у модернизацијским процесима 19 и 20 века. Зборник 3 (Улога елита). Београд,

2003. С. 153–190; Радић Р. Утицај развоја српске православне цркве на модернизацијске процесе у Србији и Југославији // Србија у модернизацијским процесима 19 и 20 века. Зборник 3 (Улога елита). Београд, 2003. С. 349–353; Srpska pravoslavna crkva i novi srpski identitet. Helsinški odbor za ljudska prava u Srbiji. Beograd, 2006. [Електронни ресурс] <http://www.helsinki.org.rs/serbian/doc/Studija-Kupres.pdf> [дата обраћања: 21.03.2015]; Stojanović D. Уље на води. Ogledi iz istorije sadašnosti Srbije. Beograd. 2010. 301 с.; Тимошијевић М. Рађање модерне приватности. Београд, 2006. 682 с.; Црква и држава. Нова српска политичка мисао. Посебно издање. 1/2007. Београд. 207 с.

²⁹ Казер К. Породица и сродство на Балкану. Анализа једне културе, која нестаје. Београд, 2002. 554 с.; Миљковић–Катић Б. Структура градског становништва Србије средином XIX века. Београд, 2002. 223 с.; Образовање код Срба кроз векове. Београд, 2003. 329 с.; Приватни живот код срба у двадесетом веку. Београд, 2007. 956 с.; Приватни живот код срба у деветнаестом веку. Београд, 2006. 1030 с.; Чалић М–Ж. Социјална историја Србије. 1815–1941. Београд, 2004. 568 с.

³⁰ Државноправна историја српског народа. Ниш. 2002. 274 с.; Поповоћ–Обрадовић О. Парламентаризам у Србији. Београд, 2008. 479 с.; Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини 19 века. Књ. 1–4. Београд, 1923–1924; Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ. 1, 2, 3. Београд, 1934; Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ. 1, 2, 3. Београд, 1934–1936; Крстић В., Љушић Р. Програми и статуту српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991. 514 с.; Љушић Р. Кнежевина Србија (1830–1839). Београд, 1986. 508 с.; Љушић Р. Србија 19 века. Књ. 1. Београд, 1994. 417 с.; Љушић Р. Српска државност 19 в. Београд, 2008. 497 с.; Ристић Ј. Дипломатска историја Србије за време српских ратова. Књ. 2. 1898. 323 с.

³¹ Јагодић М. Уређење ослобођених области Србије 1912–1914: правни оквир. Београд, 2010. 121 с.; Јагодић М. Нови крајеви Србије (1912–1915). Београд, 2013. 601 с.

³² Јевтић М. Православље и српски национални идентитет // Српска политичка мисао. 1998, свеска 1–4. С. 63–77; Макуљевић Н. Уметност и национална идеја у XIX веку. Систем европске и српске визуелне културе у служби нације. Београд, 2006. 374 с.; Макуљевић Н. Реформа црквене уметности у југо–источној Србији после 1878 године // Лесковачки зборник № 37. Лесковац. 1997. С. 35–59; Слијерчевић Ђ. Srpska oslobodilačka ideja. München. 1983; Базић Ј. Политичке науке и српско национално питање // Српска политичка мисао. 1998, свеска 1–4. С. 113–126; Велика Србија: истине, заблуде, злоупотребе. Зборник радова. Београд, 2003. 563 с.; Попов Ч. Велика Србија: стварност и мит. Нови Сад. 2008. 347 с.; Чоровић В. Велика Србија: уједињење. Београд, 1990. 118 с.

³³ Vakić J. Ideologije jugoslovenstva između srpskog i hrvatskog nacionalizma. 1918–1941. Zrenjanin, 2004. 599 с.; Белић А. Србија и јужнословенско питање. Београд, 1991. 140 с.; Војиновић П. Југословенство и формирање краљевства срба, хрвата и словенаца 1918 године. Бања Лука, 2001. 222 с.; Dajević D. Jugoslovenstvo između stvarnosti i iluzija. Ideja jugoslovenstva u knjizevnosti pocetkom XX vijeka. Beograd, 1985. 231 с.; Дучић Ј. Југословенска идеологија. Истина о «југославизму»: политичка студија. Одговор на питање зашто је југословенство антисрпско? Чикаго, 1942. Репринт Београд, 1994. 41 с.; Ђурић Ж. Српске илузије о југословенској идеји // Српска политичка мисао. 1998, свеска 1–4. С. 35–42; Екмечић М. Стварање Југославије 1790–1918. Београд, Књ. 2. 1989. 842 с.; Југословенски народи пред први светски рат. Београд, 1967. 1089 с.; Матић М. Југославија и српска идеја // Српска политичка мисао. 1998, свеска 1–4. С. 19–34; Милосављевић П. Идеје југословенства и српска мисао. Бања Лука, 2007. 278 с.; Yugoslavism: histories of a failed idea 1918–1922. Edited by D. Jokić. London. The university of Wisconsin Press, 2003. 356 р.

³⁴ Хобсбаум Е. Нације и национализам после 1780 г. СПб., 1998. 306 с.; Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. Москва. 2001. 288 с.; Smit A. Nacionalni identitet. Beograd. 2010. 308 с.

³⁵ Hastings A. The Construction of Nationhood Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge: Cambridge University Press. 1997. 248 р.; Smith A. Chosen Peoples: Sacred Sources of National Identity. Oxford: Oxford University Press. 2004. 364 р.; Smit E. „Zlatno doba” i nacionalni preporod. [Електронни ресурс] http://www.b92.net/casopis_rec/56.2/pdf/06.pdf [дата обраћања: 28.03.2015]; Brubaker R. Religion and Nationalism: Four Approaches // Nations and Nationalism, 2011. [Електронни ресурс] http://www.sscnet.ucla.edu/soc/faculty/brubaker/Publications/religion_and_nationalism_forthcoming.pdf [02.04.2015] [дата обраћања: 10.08.2013].

³⁶ Закон о избору патријарха Српске православне цркве (1930) [Електронни ресурс] [https://sr.wikisource.org/wiki/Закон_о_избору_патријарха_Српске_православне_цркве_\(1930\)](https://sr.wikisource.org/wiki/Закон_о_избору_патријарха_Српске_православне_цркве_(1930)) [дата обраћања: 10.08.2013]; Закон о Српској православној цркви (1929) [Електронни ресурс] [https://sr.wikisource.org/wiki/Закон_о_Српској_православној_цркви_\(1929\)](https://sr.wikisource.org/wiki/Закон_о_Српској_православној_цркви_(1929)) [дата обраћања: 10.08.2013]; Закон о устројству војске. Београд, 1901. 71 с.; Закон о црквеним властима православне вере. Београд, 1862. 63 с.; Зборник закона, уредаба и наредба министарства просвете и црквених послова по црквеним пословима. Београд, 1880. 144 с.; Зборник закона, уредаба и наредба министарства просвете и црквених послова по црквеној струци. Од 1881–1912. Београд, 1912. 221 с.; Зборник правила, уредаба и наредба архијерејског сабора православне српске цркве у Краљевини Србији (од 1839–1900 г.). Београд, 1900. 411 с.; Устави и владе кнежевине Србије, краљевине Србије, Краљевине СХС и Краљевине Југославије. 1835–1941. Београд, 1988. 291 с.; Црквено законодавство српске православне цркве. Књ. 1. Београд, 1926. 171 с.; Српски грађански законик – оригинал [Електронни ресурс]

http://sr.wikisource.org/wiki/Српски_грађански_законик_–_оригинал [дата обращения: 20.09.2013]; Школски закон за ученике гимназија и реалака // Српске новине 1883г. 11 јануара; Закон об основных школах 1882г. // Српске новине 1883, 13 јануара; Закон о народных школах 1898г. // Српске новине. 1898, 4 августа; Закон о народных школах 1904г. // Српске новине. 1904, 23 априла; Закон о средних школах 1898г. // Српске новине. 1898, 22 јула; Правила о идењу у цркву за наставнике и ученике основних школа. Београд, 1884. 6 с.

³⁷ Наставни планови, програми и недељни распореди часова за основну школу с министарским наредбом о извршењу њиховом. Београд, 1884. 58 с.; Наставни план, распоред и програм за основне школе. Београд, 1897/ 92 с.; Илић А. В. Уџбеници и национално васпитање у Србији (1878–1918). Београд, 2010. 265 с.; Швабић П. Историја хришћанске цркве за ученике и ученице средњих школа. Београд, 1912. 184 с.; Стојановић Ј. Поуке и примери за хришћанску науку првог разреда средњих школа. Београд, 1909. 52 с.; Наставни план, распоред и програм за продужне школе са министарским наредбом о извршењу њиховом. Београд, 1883. 5 с.; Наука православне хришћанске вере. Књ 1. Београд, 1883. 294 с.

³⁸ Стенографске белешке о седницама народне скупштине. Београд (Периодическое издание).

³⁹ Државни календар Краљевине Србије; Државопис Србије; Календар са шематизмом Краљевине Србије; Статистички годишњак Краљевине Србије; Статистика Краљевине Србије; Попис становништва у Краљевини Србији; [Митрополит Михаил] Православна српска црква у Краљевини Србији. Београд, 1895. 234 с.; Митрополитъ Михаилъ. Православна србска црква у Княжеству Срби. Београд, 1874. 218 с.

⁴⁰ Хришћански весник. Београд; Гласник српске цркве. Београд; Весник српске цркве. Београд (Периодические издания).

⁴¹ Velimirović N. Religion and Nationality in Serbia. London, 1915. 23 p.; Верско и морално стање нашег народа после рата // Летопис Тимочке епархије, 1923. С. 65–70; Димитријевић Д. Црква и Држава. Поводом питања о одвајању цркве од државе. Нови Сад, 1919. 30 с.; Дучић Н. Васељенска патријаршија и српско црквено питање. Београд, 1897. 37 с.; Дучић Н. Упоредње новога закона о црк. властима у Краљевини Србији са законом од 1862г. // Книжни радови. Књ 5. Београд, 1898. С. 211–240; Епископ Мојсеј. Црквено питање у Србији. Београд, 1895. 107 с.; Канонска одбрана православне цркве у Србији. Београд, 1881. 51 с.; Илић А. Задатак свештенства и његово садашње стање. Београд, 1879. 48 с.; Илић Ј. Седам смртних грехова Стојана Новаковића. Београд, 1881. 79 с.; Јокановић Б. Црква у служби отаџбини. књ.1. Београд, 1913. 48 с.; Јокановић Б. Црква у служби отаџбини. књ.2. Скопље, 1920. 89 с.; Канонска одбрана православне цркве у Србији. Београд, 1881. 51 с.; Лазаревић К. Србија и њено свештенство. Београд, 1863. 85 с.; Марјановић Ч. Будућност наших манастира. Ниш, 1899. 32 с.; Марјановић Ч. Избацивање веронауке из наших гимназија. Београд, 1921. 28 с.; Марјановић Ч. Наша религиозност и питање о уређењу свештеничког стања. Београд, 1928. 95 с.; Марјановић Ч. Катехитичне поуке о основима вере и морала. Београд, 1908. 95 с.; Марјановић Ч. Веронаука и вероучитељи у нашим средњим школама. Београд, 1909. 31 с.; Митровић Ч. О законодавним границама између цркве и државе. Београд, 1900. 34 с.; Ђурић К. Црква и држава. Поводом питања о одвајању цркве и државе. Београд, 1923. 80 с.

⁴² Српске новине. Београд; Политика. Београд; Видело. Београд; Штампана. Београд; Српска независност. Београд; Самоуправа. Београд; Народни лист. Београд; Дневни лист. Београд, (Периодические издания). Русь. 31 октябрия 1881г. № 51; Русь. 7 ноября 1881г. № 52; Московские церковные ведомости. 1881, № 45, № 52.

⁴³ Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). Руски извори о Србији (1878–1903). Књ 1. Нови Сад, 1996. 240 с.; Живот и дело митрополита Михаила (1826–1898). Београд, 2008. 309 с.; Независност српске цркве проглашена 1879. Београд, 1880. 37 с.; Одговори самосталних цркава на проглашење независности српске цркве. Бм. Бг. 13 с.; Пилипович Р. Сербы в богословских учебных заведениях России во в торой половине XIX века – мнение царского дипломата // Русский Сборник: исследования по истории России. Том XIV. М., 2013. С. 95–152; Писма Јована Ристића Филипу Христићу. Од 1870 до 1873 и од 1877 до 1880. Београд, 1931. 287 с.; Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868–1880). Београд, 1953. 393 с.

⁴⁴ Барби А. Српске победе. Машинопис. Бм. 2001. 265 с.; Васић Д. Карактер и менталитет једног поколења. Нови Сад. 1919. 192 с.; Велмар–Јанковић В. Поглед са Калемегдана: оглед о београдском човеку. Београд, 1992. 172 с.; Вивијан Х. Србија: рај сиромашних. Београд, 2010. 290 с.; Дарам М. Кроз српске земље. Београд, 1997. 338 с.; Димитријевић Л. Како живи наш народ. Београд, 2010. 213 с.; Илић А. Моји доживљаји. Београд, 1931. 532 с.; Крстић Н. Дневник: јавни живот. Књ 3–4. Београд, 2007; Лафан Р. Срби–чувари капије. Предавања о историји Срба. Београд, 1994. 314 с.; Петковић С. Моја парохија. Сремски Карловци. 1930. 46 с.; Раш Г. Србија и срби. Нови Сад. 2001. 485 с.; Тодоровић П. Дневник. Београд, 1990. 435 с.; Штрандман В. Балканске успомене. Београд, 2009. 466 с.; Обреновић Н. Моје успомене. Београд, 1999. 218 с.; Русские о Сербии и сербах. Т. 1. Письма, статьи, мемуары. Спб., 2006. 684 с.; Троцкий Л.Б. Перед историческим рубежом. Балканы и балканская война. Спб. 2011. 478 с.; Lebl Albala P. Tako je nekad bilo. Beograd. 2005. 294 s.; Mijatovich C. The Memoirs of a Balkan Diplomatist. London, New York, Toronto and Melbourne. 1917. 339 p.

ГЛАВА 1. ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1878–1920ГГ.

Внешнеполитический статус сербской церкви на протяжении всей ее истории находился в детерминированном отношении с правовым статусом Сербии и сербских земель. Почти за десять веков сербская церковь вместе с государством прошла нелегкий путь от провинциальной епархии под юрисдикцией Константинопольской патриархии, в разрозненных лоскутных сербских землях, до автокефальной церкви с рангом патриархии, в мощном балканском государстве – Королевстве сербов, хорватов и словенцев. С каждым этапом развития государства менялся и облик церкви. При этом зависел он не только от форм управления землями (княжество, королевство, царство) и их внешнеполитического положения (самостоятельное государство, вассальная зависимость, сюзеренитет или вообще отсутствие государства как такового), но и от властных притязаний и геополитических амбиций правителей и правящей элиты.

Так, великий жупан Стефан Неманич (1165–1228), значительно расширив свои территории и получив от римского папы в результате хитроумных дипломатических игр титул короля Сербии (что фактически означало признание независимости от Византии), поспешил привести в соответствие с новым политическим положением и церковное – в 1219 г. в королевстве Сербия была основана автокефальная архиепископия, признанная Вселенской патриархией. Через сто с лишним лет значительные территориальные приобретения и политические амбиции короля Стефана Душана (1308-1355) привели к образованию Сербского царства, что в свою очередь, потребовало изменения статуса церкви – архиепископия была возведена в ранг патриархии. В 1346 г. сербского царя венчал на царство непризнанный Сербский патриарх: ни Византия, ни Константинопольский патриархат не признали ни патриархию, преданную анафеме, ни новоявленного василевса.

Вскоре после распада Сербского царства и краткого периода существования Сербской деспотии Стефана Лазаревича (к. XIV – нач. XV в.), которая уже была связана вассальными отношениями с набирающей мощь Османской империей, сербские земли были завоеваны, и государство, окончательно утративши политическую самостоятельность (1459 г.), потеряло и церковную. Сербская деспотия превратилась в административную единицу Османской империи – Белградский пашалык. Патриархия же, принудительно присоединенная к Охридской епископии, была упразднена и после краткого, с 1557 по 1766 гг., периода восстановления турками Печской патриархии (что во многом связано с политикой великого везира, серба по происхождению, Мехмеда Соколовича, а так же с конъюнктурными соображениями) была окончательно ликвидирована и отдана под юрисдикцию Константинопольского патриархата⁴⁵. Но память о

Печской патриархии как символе и колыбели сербства будет жить на протяжении почти двух веков: необходимость ее восстановления станет краеугольным камнем идеи национального возрождения.

Новая эра для сербской церкви наступит лишь в XIX в. Отчаянная борьба сербов за независимость от начинающей слабеть Османской империи привела к появлению при содействии третьих сторон (прежде всего, России и Австро-Венгрии) автономного княжества Сербия. Хатт–и шериф 1830 г., заключенный между Высокой Портой и Россией и даровавший сербским подданным политическую автономию, первой статьей признавал «полную свободу отправления богослужения в своих церквях»⁴⁶. Тем самым, по словам авторитетного историка Михаила Гавриловича⁴⁷, в принципе был решен вопрос о свободе веры, но не вопрос о «сербской церковной автономии», который Порта рассматривала как внутреннее дело Константинопольской патриархии. Статья 14 хат–и шерифа, гласившая, что митрополиты и епископы, избираемые народом, должны поставляться Цариградским Патриархом в Цариграде, но не обязаны лично приезжать в столицу, была своего рода компромиссом между Белградом и Константинополем. Церковное руководство избиралось народом, что *de jure* могло означать церковную автономию, однако непременное условие по поставлению сербских владык Патриархом как бы дезавуировало и уравновешивало это положение. И хотя дарование автономии православной церкви в Сербии шло в разрез с интересами Патриархии, та все же не могла игнорировать новые политические реалии, благоприятствующие сербской церкви⁴⁸.

Компромисс оформился двумя годами позже, в 1832 г., в виде т.н. *Конкордата*⁴⁹ о даровании автономии митрополии Сербской⁵⁰. Вся церковная иерархия (митрополит и епископы) избиралась по условиям Конкордата только из числа сербов, сербским князем и народом без участия Константинополя. На территории Сербского княжества мог быть провозглашен один митрополит – митрополит всея Сербии, которому подчинялись остальные епископы. Утверждение митрополита осуществлялось Патриархом по представлению князя и сводилось к простой формальности. Митрополит имел право самостоятельно проводить хиротонию епископов, о чем после необходимо было лишь уведомить Патриарха. На литургии митрополит должен был поминать Вселенского Патриарха, а епископы – митрополита. За каждое поставление митрополита Сербии вменялось в обязанность выплачивать сумму в размере 300 дукатов (разово), а за каждую епархию – 3000 грошей ежегодно⁵¹, любые другие выплаты запрещались. Очевидно, что Константинопольская патриархия дарованием этого Конкордата пошла на значительные уступки, в результате которых связь сербской церкви с Вселенской стала носить формальный характер.

В то же время, на повестку дня перед сербской церковью встал вопрос о восстановлении Печской патриархии, большая часть территории которой находилось под властью Османской

империи и оставалась под юрисдикцией Константинопольского патриархата. Однако здесь следует учитывать следующий момент: в случае обновления Печской патриархии (при сохранении status quo границ балканских государств) ее глава физически пребывал бы в Османской империи – это было неприемлемо для сербов. Вселенская патриархия тоже не согласилась бы так легко на потерю епархий, территориально находившихся вне княжества Сербии, и такое решение в пику русским поддержали бы и османские власти, которые, без сомнения, не допустили бы присутствия в своем государстве «инородного тела»⁵². Очевидно, что обновление Печской патриархии становилось возможным только в обновленной сербской державе – свободной и независимой, возрождение которой в границах средневекового царства становилось все более реальным.

§ 1. Борьба за автокефалию: 1878–1879 гг.

Изменение геополитической ситуации, вызванной русско-турецкой войной 1877–1878 гг. привело к возникновению на Балканах новых независимых государств – Сербии, Черногории и Румынии. Статья 34 Берлинского трактата признавала независимость Сербского княжества при условии свободы вероисповедания и отправления богослужения.

Однако Берлинский конгресс, перекроивший карту Балкан, заставил распрощаться с надеждой на воссоединение всех сербов в едином государстве. Не случайно сербская историография рассматривала Берлинский трактат как фиаско⁵³: пока две, по выражению князя Милана Обреновича (1854–1901), «сербские провинции» (Босния и Герцеговина) оставались под властью разваливающейся на глазах Османской империи – этого «больного человека на Босфоре» – Сербия рассчитывала на их присоединение. Но переданные в управление Австро-Венгрии Босния и Герцеговина, казалось, навсегда были потеряны для Сербии. Сам Милан Обренович в официальной прокламации сербскому народу по поводу получения независимости не считал нужным скрыть, что Берлинский конгресс не выполнил всех требований Сербии⁵⁴.

Македония и Старая Сербия (Рашка, Косово и Метохия), которую почитали как символ сербства, его колыбель и центр средневековой державы, продолжали находиться под турецкой властью, притом Северная Македония надолго стала яблоком раздора между Сербией и Болгарией⁵⁵ – наследство Османской империи с легких рук европейских держав сделалось причиной долгих кровопролитных войн между молодыми и амбициозными государствами. Тем более, что любимое детище России – Болгария, которой изначально по не осуществленному Сан–

Стефанскому договору прочили львиную долю сербских земель, так и осталась под властью Порты.

Национальное освободительное движение на Балканах, всколыхнувшееся с новой силой после создания национальных этнических государств, подразумевало не только политику ирредентизма, но и создание собственной независимой национальной церкви. Принцип «независимое государство егго автокефальная церковь» был осуществлен всеми балканскими державами – Сербией, Болгарией, Румынией и Грецией.

Действительно, по совершенно справедливым словам сербского историка XIX в. архимандрита Никифора Дучича (1832–1900), сербская православная церковь (далее – СПЦ) в независимой державе не могла оставаться зависимой, хоть и номинально, от церковной власти за пределами Сербии⁵⁶. В понимании авторитетных сербских канонистов автокефальность была легитимной не только в политическом, но и в каноническом смысле, подтверждение чему видели в решениях IV (17 канон) и VI (38 канон) Вселенских соборов и словах патриарха Фотия: «границы епархий устанавливаются в соответствии с политическими образованиями и правительствами»⁵⁷. А границы Сербии значительно расширились – в 1878 г. она получила четыре округа: Нишский, Пиротский, Топличский и Враньский⁵⁸. Дело осложнялось тем, что земли этих округов частично находились в пределах, относившихся к Болгарскому экзархату, который Константинопольским Патриархатом был предан в 1872 г. схизме. Следовательно, все архиереи, будучи экзархийскими владыками, пребывали под схизмой, и, ровно, как и все остальное священство и монашество экзархата, считались раскольниками. И эта коллизия требовала разрешения.

Однако главная проблема заключалась в том, чтобы склонить Патриархат официально признать Сербскую церковь автокефальной. Надо отдать должное сербам – в поисках легитимного осуществления своего проекта они пошли по формальному бюрократическому пути, в отличие от своих соседей, проигнорировавших канонический порядок признания церковной независимости. Румыния самостоятельно провозгласила автокефалию в 1864 г., однако официально признана она была только в 1885 г. Греция в 1833 г. также самопровозгласила автокефалию, но томос с признанием был выдан через двадцать лет, в 1850 г. В обоих случаях церковь-мать прерывала каноническое общение с дочерними церквями. С Болгарской церковью ситуация была еще сложнее: образованный в 1870/1872г. «автокефальный» Болгарский экзархат был предан схизме, просуществовавшей вплоть до 1945 г.⁵⁹

Единственным выходом избежать подобного рода осложнения был официальный путь дипломатических переговоров⁶⁰. В октябре 1878 г. на константинопольский престол встал новый Патриарх – Иоаким III (1834–1912)⁶¹. Он был молод, хорошо образован, симпатизировал русским и имел репутацию либерала. Именно его личности сербы во многом обязаны столь

счастливой развязке событий. Его, и Филиппа Христича (1819–1905), всегда настойчивого, но вместе с тем корректного дипломата – посланника Сербии в Константинополе, на плечи которого легли все тяготы переговоров с Вселенской церковью⁶².

Одна из первых встреч нового Патриарха и сербского посланника состоялась в декабре 1878 г. Христич явился с официальным визитом и заверил первоиерарха, что «*Сербия, Божиим промыслом ставши независимой, в любом случае со своей стороны расположена сохранить традиционную любовь и уважение по отношению к великой церкви и остаться с ней в духовной связи*»⁶³. Неизвестно, что имел в виду сербский дипломат под формулировкой «остаться в духовной связи», – подразумевало ли это дальнейшее подчиненное положение сербской митрополии? Нам кажется более убедительным, что эта осторожная формулировка была не случайна, и Христич, не педалируя зависимое положение сербской церкви, как истинный дипломат, выразился весьма уклончиво и неопределенно. Ведь еще в ноябре 1877 г., в разгар войны, глава правительства и министр иностранных дел Сербии Йован Ристич (1831–1899) писал Христичу по поводу обязательной выплаты мирии Константинопольской Патриархии: «если Бог даст, это будет последняя»⁶⁴. Но так или иначе, в 1878 г. речи об отделении сербской церкви еще не шло. Христич и Патриарх Иоаким расстались при взаимном удовлетворении, а на прощание грек предрек, «что Сербию ожидает еще более великое и прекрасное будущее»⁶⁵.

Реальные шаги по направлению к отделению церкви сербское правительство смогло сделать полгода спустя, по завершению всех формальностей, связанных с окончанием войны: 11 февраля 1879 г. Йован Ристич направил своему посланнику инструкции для улаживания «церковных взаимоотношений с Великой церковью Цариградской»⁶⁶. Необходимость отделения Сербской церкви была аргументирована главой правительства следующим образом:

«Поскольку Сербия перестала быть составной частью Оттоманского Царства, естественно, что и церковь наша не может оставаться в тех отношениях с Цариградской Патриархией, в которых она находилась во время вассальной связи Сербии и Оттоманской Порты. Если католическая церковь не знает государственных границ, церковь православная, напротив, не знает примера, чтобы представительство ее в каком-либо государстве могло находиться в зависимости от церковного руководства в другом государстве; более того, новая история дает нам примеры, когда государства, образовавшиеся из разных частей Турции, и церковь свою выводили из-под иерархического руководства Цариградского»⁶⁷.

Отделение церкви становится, таким образом, своеобразным долгом, «диктуемым... государственной независимостью».

Ристич, отнюдь не риторически, вопрошает: «может ли остаться действительным Конкордат, заключенный между вассальным княжеством и Цариградской Патриархией в 1832 году», если «пали все основы, на которых стояла зависимость Сербии, потеряли важность трактаты и хатт-и шерифы, на которых покоилось прежнее состояние княжества?» И сам отвечает:

«Когда нет больше трактата и хатт-и шерифа, которые узаконивали вассальное положение Сербии, естественно, что не существует больше и договоров, утвержденных на их фунда-

менте, таких, как Конкордат. Сербия вышла из состава Османского царства и решением международного договора встала в ряд независимых держав. С государством Сербским в свое независимое состояние возвратилась и Сербская церковь»⁶⁸.

Христичу было поручено, следуя этим формулировкам, испросить благословение Патриарха на иерархическое отделение сербской церкви от Константинопольского Патриархата с надеждой, что тот не станет пересматривать настоящее положение вещей, «освященных Европой»⁶⁹. Согласовав эти инструкции с главой сербской церкви, митрополитом Михаилом (1826–1898)⁷⁰, Ристич шлет вдогонку следующие, где высказывает желание, чтобы отделение *«было совершено в форме двустороннего договора»*⁷¹. Здесь Йован Ристич обращался к Конкордату 1832 г., который юридически двусторонним договором не являлся – лишь упоминалось, что он заключен «по предложению... правителя Сербии и в согласии с сербскими посланниками в Цариграде». Однако, сознавая утопичность подписания «двустороннего договора», Ристич был согласен на реализацию отделения сербской церкви в форме декларации⁷².

Специально оговаривалось, что Сербия категорически снимает с себя все обязательства относительно выплаты мирии, предусмотренной Конкордатом, хотя и намекалось на возможность некоторой компенсации. Глава сербского правительства Ристич просил передать Патриарху, что Сербия и впредь будет лояльно относиться к присутствию Константинопольской Патриархии на сербских территориях вне княжества, сохраняя ее авторитет; однако ставит условием, чтобы церковные старейшины в тех землях были поставлены сербские, «которые знают наш язык, и которые будут поддерживать нашу народность»⁷³.

Предложение Сербии в Цариграде было встречено благосклонно, но выяснилось, что Константинопольский Патриарх выдвинул обязательное условие – князь Милан и митрополит должны были в письменной форме обратиться к Патриарху и испросить благословения на отделение от Великой церкви⁷⁴. К тому же, Вселенский патриарх был обижен на сербского князя, до сих пор не счехшего возможным ответить на письмо, направленное первоиерархам по случаю восшествия на патриарший трон⁷⁵. Это требование Иоакима было встречено в штыки – князь, по мысли Ристича, не мог сам писать Патриарху, ибо для выражения его воли за пределами государства существовал законный представитель – посол, и в данном случае, речей посланника, говорившего от имени легитимного конституционного монарха, по представлению сербов, было вполне достаточно⁷⁶. Митрополит Михаил, с которым Ристич консультировался на этот счет, придерживался мнения, что князю если и стоит писать, то только в самом конце переговоров, хотя он и припомнил существование обычая, согласно которому государи все же лично обращались к Патриарху⁷⁷.

В конечном итоге, в апреле 1879 г. Иоаким уступил и требовать особое письмо от князя перестал, лишь согласившись, чтобы Милан Обренович, наконец, ответил ему, затронувши заодно и интересующий вопрос⁷⁸. Уступка подействовала – 25 апреля Милан обратился к Патри-

арху с ответным посланием, в котором ухитрился не упомянуть о деле ровным счетом ничего – сказать об инструкциях министру, но не пояснить о каких, испросить патриаршего апостольского благословения, но не сообщить, на что. Наряду с обычными заверениями почтения, князь пространно писал: «Прошу верить в мое твердое намерение сохранить в новых для Сербии условиях самые ревностные отношения с матерью-церковью. Мой министр в Цариграде имеет честь донести до Вашего Святейшества инструкции, которыми он снабжен на сей счет»⁷⁹. Однако и такое письмо, врученное Патриарху 8 мая и зачитанное на заседании Синода подействовало благоприятно на членов Св.Синода – слова верности сербского народа Великой церкви были, по словам Иоакима, выслушаны с удовольствием⁸⁰.

Письмо митрополита Михаила никаких трудностей не вызвало⁸¹: предварительно согласованное и инициированное Ристичем (он требовал, чтобы письмо было составлено в духе известных митрополиту инструкций Ф.Христичу⁸²) оно, вслед за обращением князя, было 11 мая 1879г. передано Патриарху⁸³. Предстоятель Сербской церкви обратился к Цариградскому Патриарху словами:

«Милость Господа даровала Сербскому княжеству независимость и расширение границ, вследствие чего Сербская держава обрела новый статус и хочет видеть Сербскую церковь в положении, которое влечет за собой этот новый статус государства и надеется, что святая великая церковь как нежная мать возрадуется успеху Христианской державы и благословит новое состояние»⁸⁴.

Наряду с просьбой благословения нового статуса Сербской церкви сообразно положению Сербского княжества как независимой державы, митрополит Михаил затрагивал весьма болезненную для Цариграда тему священников Болгарского экзархата, которые оказались в новоприсоединенных сербских территориях:

«Поскольку Сербия освободила и присоединила... четыре округа – Нишский, Пиротский, Топличский и Враньский, которые прежде относились к области Болгарского экзархата, и где остался архиерей Нишский г. Виктор и довольно много священников, рукоположенных Болгарскими архиереями – для этого просим Ваше Святейшество, извольте благословить и их, поскольку они заверили нас в желании быть в содружестве с нами, примите их порыв и искренние изъявления, дабы и их не оставила великая любовь матери-церкви»⁸⁵.

Эта проблема станет темой отдельного разбирательства в Синоде.⁸⁶ По словам Логофета, существовало две процедуры «для схизматиков-епископов и священников, которые покаяться и пожелали вернуться в лоно матери церкви – одна для епископов и священников, рукоположенных по правилам законными церковными властями до схизмы; и другая, для тех, кого поставили и рукоположили за епископов и священников незаконные схизматичные власти»⁸⁷. А так как в новоприсоединенных областях присутствовали и те и другие лица, правило самым непосредственным образом касалось Сербии. Решение данного вопроса представлялось Синоду (а Логофет, по всей видимости, представлял интересы именно Синода или какой-то его части) весьма тяжелым, «принимая во внимание и синодское заключение о схизме⁸⁸, и сербскую церковь, ко-

торая приняла их <священников> без всяких формальностей, прописанных каноном, и допустила их чиннодействовать»⁸⁹.

В ответ Христич решительно пресек двусмысленные попытки Синода вмешаться во внутренние дела Сербского княжества и диктовать свои условия, фактически упрекая сербскую церковь в неканоничном поведении. Сербский дипломат считал вопрос уже урегулированным самим по себе и предостерегал, что иное его решение (кроме того, о котором высказался митрополит Михаил в письме Патриарху) вызвало бы «неприятную дискуссию между сербской и Великой церковью, результат которой повредил бы нашим общим церковным интересам», и что дальнейшие поступки Константинополя в этом ключе могут привести к «конфликту с сербскими церковными властями, а этого в нынешних обстоятельствах следует избегать». Прикрываясь лозунгами о сохранении «единства церкви» и необходимости толерантности, Христич заявил Логофету: «большое приобретение для Великой церкви, что в сербских новых границах эти лица находятся под нашей церковной властью – уже тем самым они отпали от болгарской схизматичной церкви и вернулись в лоно Великой церкви»⁹⁰.

Патриарх, посоветовавшись с авторитетными теологами, пришел к заключению, что он «напишет митрополиту Михаилу лично, и они вместе этот вопрос решат»⁹¹. Заключение по вопросу о болгарях-схизматиках Великая церковь не стала выносить одна, решив подстраховаться в этом щекотливом для себя вопросе мнениями сестринских церквей. Позиция русской церкви была однозначна: «их следует принять в том самом сане, какой они имеют, получили они этот сан еще до осуждения собором, или уже после осуждения»⁹².

Отдельно встал вопрос о денежных выплатах Константинопольской церкви – т.н. мирии⁹³. Христич, вслед за Иоакимом, настаивал, что ее необходимо выплатить: «было бы скверно не заплатить Патриархии мирию, что мы ей должны до момента провозглашения независимости нашей», так как «сумма в 9 000 грошей, которую мы платили ежегодно Патриархии – никакая не милостыня, а мы обязаны были ее платить по официальному акту, который оставался в силе до независимости нашей»⁹⁴. Патриарх говорил о мирии, начиная с 1876 г., и Христич поначалу склонялся к тому, что за 1876 г. мирия так и не была выплачена, ибо никаких бумаг и расписок не сохранилось⁹⁵. Однако после распоряжения главы правительства, Христич заявил Патриарху о наличии выплат за 1876 г. Таким образом, Патриарх Иоаким стал требовать сумму лишь за три года – 1877, 1878, 1879 гг. Но в отличие от сербского посланника, который полагал, что было бы обидно из-за нескольких сот талеров испортить отношения с Константинопольской Патриархией⁹⁶, позиция Христича была предельно жесткой – «покуда наши дела с Патриархией не улажены, никакой речи о выплате мирии не может быть»⁹⁷. В конечном итоге, до Христича пришлось донести категоричную мысль, «что Сербия не будет исполнять ни одну обязанность, которая проистекает из ее прежнего зависимого положения от Турции. И поэтому Пат-

риарх не может рассчитывать, что выплаты будут продолжаться после провозглашения независимости»⁹⁸.

Однако денежные претензии Великой церкви на этом не закончились. Патриарх поведал сербскому посланнику трогательную историю о том, как находясь в большой нужде, Патриархия в свое время сделала денежный займ, для оплаты которого все епархии, находящиеся под юрисдикцией Константинопольской церкви, внесли часть суммы, из расчета 6 грошей на семью. Всеми епархиями, кроме тех, что входят в Болгарский экзархат, деньги были уплачены. А поскольку некоторые из этих епархий вошли сегодня в состав сербской церкви, и учитывая безденежное состояние Великой церкви, то Сербии следовало бы выплатить сумму за 25 000 человек, ориентировочно проживающих в новых краях, т.е. около 56 000 динаров⁹⁹. Глава правительства, отвергая притязания Патриарха Иоакима¹⁰⁰, аргументировал отказ отсутствием какого-либо договора с подобными обязательствами, а также созданием «прецедента требовать от нас еще что-то»¹⁰¹ в случае согласия, не говоря уже о том, что «вследствие войны и военных налогов народ в новых краях княжества Сербии так обеднел, что нельзя от него взыскивать еще»¹⁰².

Следующим вопросом, снятым с повестки дня усилиями Ф.Христича, было условие, которое поставил Великий Логофет – княжеское правительство должно было высказаться *«о том, как оно думает организовать церковное управление в Сербии»*¹⁰³. Условие сербами было резко и совершенно справедливо отвергнуто (тем более, что Ристич заподозрил, что Логофет говорит не от имени Патриарха) – государственная *«независимость дает право формировать управление нашей церковью так, как мы считаем целесообразным»*¹⁰⁴. При этом Христич, видимо, должен был намекнуть Патриарху, что сербская церковь может обойтись и без благословения Вселенской церкви. «Мы надеемся, – писал Ристич, – что Его Святейшество Патриарх справедливо оценит наши встречные шаги (особенно по сравнению с поступком Румынии, которая отделилась от Великой церкви, не прося ее благословения), и не будет чинить препятствий к мирному расставанию с Великой церковью, которая и в дальнейшем найдет в нашем лице верных сынов, сохранивших добрые с ней отношения»¹⁰⁵.

В целом, к маю 1879 г., по словам Патриарха Иоакима, вопрос об отделении сербской церкви был решен положительно¹⁰⁶, оставались лишь формальные трудности, по видимому связанные с формулировкой акта о признании, а также с амбициями членов Св.Синода, которые неожиданно поставили условие, чтобы сербский посол лично предстал перед Синодом и устно передал желание князя¹⁰⁷. Заседание Синода для этой цели уже было назначено, однако, Христич решительно отказался, считая этот шаг унижительным для Сербии¹⁰⁸, и заявил Логофету:

«Я аккредитован исключительно для переговоров с Патриархом, а не с неким административным церковным телом. И мои инструкции диктуют мне сообщить желание моего правительства Патриарху и переговоры вести с ним. И поскольку Патриарх – не только глава

церкви, но и председатель Синода, и ему наши дела хорошо известны, то он, как орган Св.Синода, пусть выступит легальным посредником между Синодом и мной, и пусть представит и объяснит Синоду наши дела. Любая другая процедура была бы некорректна.»¹⁰⁹.

Возражения нашли понимание у Патриарха и тот задержал готовое официальное приглашение Св.Синода¹¹⁰. Одновременно родилась идея предложить Синоду направить трех членов, которым бы Христич прочитал инструкции, посланные 11 февраля¹¹¹.

К августу дело, казалось было решено – «Патриарший Синод решил признать независимость сербской церкви»¹¹². Ристич ликовал и уже был готов «отозваться круглой суммой» – удалось сделать все быстро, без проволочек, и к тому же сохранить добрые отношения с Патриархией. Позиция великого соседа, России, так же благоволила сербской церкви. Петербургу было на руку образование новых самостоятельных церквей (сербской, румынской, черногорской) – этим в известной мере стало бы ограничиваться исключительное влияние греков в восточной церкви¹¹³.

Между тем, возникли новые затруднения, в которых искали руку Петербурга или Афин – в синодальном заключении были выдвинуты следующие условия: главой сербской церкви будет обозначен митрополит, священники-схизматики упомянуты отдельно, а св.миро сербы обязаны будут брать у Константинопольской Патриархии. Относительно мира сербы согласились – здесь сыграл роль пример греков¹¹⁴, которые также брали миро у матери-церкви¹¹⁵. Ссылку на священников-схизматиков в главном акте сербы считали неуместной, т.к. планировали, что это дело урегулируется письмом Патриарха Иоакима и митрополита Михаила, как и было условлено ранее. Но подлинное негодование вызвал нижеследующий пункт заключения: «*митрополит – глава сербской церкви и управляет ей вместе с Синодом*»¹¹⁶. В этой статье сербскому посланнику виделась попытка помешать Сербии восстановить старую Печскую патриархию, т.е. провозгласить со временем митрополита патриархом.

Любопытно, что когда митрополит Михаил отмечал 25–летие своей архиерейской службы (14 октября 1879г.)¹¹⁷ идея обновления патриархии уже обсуждалась как нечто реальное. Среди многочисленных поздравлений и пожеланий высказывались и желания увидеть митрополита Михаила на чelu восстановленной Печской патриархии. Даже русский публицист Николай Дурново¹¹⁸ высказался, что «недалеко то время, когда именинник станет высшим главой объединенной сербской иерархии, как недалеко и то время, когда не только Шумадия, но и иерархи Боснии, старой Сербии, Черногории, Герцеговины, Срема, Бачки и Баната и остальные сербские земли объединятся в одно политическое и церковное целое»¹¹⁹.

Возвращаясь к требованиям Синода, по мнению Христича, речь здесь шла «*об ограничении нашей независимости*». Однако сербам так и не удастся изменить этот пункт, – он, как и два остальных, войдет в главный акт о провозглашении автокефалии. Тем не менее, уверенность Христича не уменьшилась: «*Даст Бог, со временем присоединим всю старую Сербию, и*

*Дечаны, и Печ, и ничто нам не мешает восстановить нашу патриархию»*¹²⁰. Глава сербского правительства был того же мнения: *«я намереваюсь восстановить патриархат Сербский, и чем скорее, тем лучше»*¹²¹. Все предпринятые дипломатические усилия Христича оказались тщетны¹²² – Синод был «единодушен в вопросе, касающемся сохранения первоначальной формулировки». Посол нервничал – глава правительства давил на него, маячил разрыв отношений с Патриархией: вероятно, обсуждалась какая-то возможность отделиться нелегитимным путем без благословения матери-церкви¹²³. Такая перспектива пугала Христича: она несла непреодолимые трудности для сербской церкви в будущем, в частности, становилась туманной возможностью законного восстановления Печской патриархии. При осуществлении отделения легитимным путем провозглашение Сербской патриархии представлялось Христичу мероприятием нетрудным – он собирался попросту купить Константинопольский Синод, – кого деньгами, кого орденами¹²⁴.

Но до разрыва дело так и не дошло – возможно сыграл свою роль митрополит Михаил, с которым сербская сторона активно советовалась¹²⁵ (сам митрополит признавался русскому посланнику в Белграде А.И.Персиани, что он при переговорах с Патриархией *«употреблял всякого рода предосторожности, как бы этот акт признания СПЦ самостоятельной не принял характера насильственного разрыва»*¹²⁶, а возможно и убежденность русского посольства, что Патриархия *«в своем праве»*¹²⁷ подействовала отрезвляюще, но так или иначе, акт с дарованием независимости сербской православной церкви (т.н. томос) был подписан 20 октября 1879г.

Вместо двустороннего соглашения, которого сербы поначалу добивались, томос имел вид одностороннего акта, в котором специально подчеркивалось, что решение Св.Синода было принято в ответ на *просьбу* князя Милана и митрополита Михаила, которые *«во имя честного клира и благочестивого народа с письмами к Нам обратились и сообразно с политической независимостью и церковную независимость испросили»*.

Наряду с политическими причинами, томос ad hoc обосновывал и каноническую возможность существования автокефальных церквей:

*«И если одно стадо и одно тело Христово – суть церковь божия на земле, на духовном единстве основанная, тогда ничто не препятствует в сегодняшнее время и не препятствовало ранее установлению отдельных церквей по местам и пределам, независимых одна от другой, управляемых своими пастырями, учителями и служителями Евангелия Христова, т.е. епископами или архиепископами и патриархами; установлению не только по причине исторической важности в христианстве городов и пределов, но и политических условий, в которых живут люди и народы»*¹²⁸.

Итак, томос Великой Константинопольской церкви провозглашал следующее: *«Православная Церковь Сербского княжества, которая до сегодняшнего дня стояла в канонической зависимости от нашего Святого, Апостольского и Патриаршего Престола Цариградского*

вместе с новоприсоединенными к ней епархиями и срезами... отселе будет канонически автокефальна, независима и самоуправляема»¹²⁹.

Главой Сербской церкви назывался «как и во всех православных соборных и апостольских церквях, сам Богочеловек Господь и Спаситель Наш Иисус Христос, а в делах церковных <он> будет иметь представителем своим архиепископа Белградского и митрополита Сербии. А тот вместе с собором, ...составленным из архиереев, ...будет управлять церковными делами княжества свободно и независимо...»¹³⁰. Этой изящной формулировкой Константинополь вероятно смягчил предыдущую, где главой церкви был заявлен митрополит: упоминание митрополита и Синода, каковому противились сербы, все же осталось. Сербский митрополит был обязан брать св.миро от «Матери Великой Христовой Церкви Цариградской» и по избранию себя главой церкви должен был извещать о сем факте письмами патриархов и другие автокефальные церкви.

Относительно же болгарских священников в акте было сказано с истинно греческой дипломатической туманностью, или как выразился русский дипломат, «довольно неопределенно»: ¹³¹ «о приеме их в лоно православной соборной и апостольской церкви пусть будет решено и установлено так, как положено святыми правилами и церковными установлениями»¹³².

Вместе с томосом Патриархией были направлены еще три письма – на имя князя Милана, в котором говорилось, что Св.Синод с радостью принял «пламенное желание» князя, «чтобы Сербия, заняв новое политическое положение, получила от матери-церкви положенное признание своей святой церкви». Вторым письмом, адресованным митрополиту Михаилу, также подчеркивался факт признания сербской церкви автокефальной в ответ на его «прошение». Третье письмо являлось своеобразным «отеческим» напутствием матери-церкви своему «чаду», с призывом сохранять, как проповедовал апостол Павел, «единство духа в союзе мира», а также хранить и передавать потомкам «заветы православной веры». Обращение это предполагалось зачитывать во всех сербских церквях¹³³.

5 декабря сербская пресса напечатала четыре официальных документа, касающихся провозглашения независимости сербской церкви: инструкции Й.Ристича сербскому посланнику, письма Константинопольского Патриарха князю Милану и митрополиту Михаилу, а также «сопроводительное письмо» Ф.Христича. Сам томос о даровании автокефальности, видимо, чтобы не вдаваться в ненужные подробности, напечатан тогда не был. Однако год спустя, все эти официальные письма, а также греческие оригиналы по инициативе митрополита Михаила и с санкции Й.Ристича были изданы отдельной книгой¹³⁴.

После долгожданного признания автокефалии депутаты скупщины отозвались приветственным адресом на имя князя Милана, в котором, в частности, говорилось: «одним из самых значительных последствий нашей новополученной независимости без сомнения является само-

стоятельность нашей народной церкви...Этим значительным успехом завершается один этап истории нашей народной церкви и начинается другой, новый и прекрасный – по тому пути, которым бы ее повел св.Сава Неманич»¹³⁵.

Возрождение Сербской патриархии на этом новом этапе было не за горами – осенью 1880г., во время канонической поездки митрополита Михаила по округам Белградской митрополии, жители и администрация, приветствуя «первого сербского независимого архипастыря» стрельбой и колокольным звоном, желали митрополиту многих лет жизни, выражая надежду увидеть его в качестве Сербского патриарха после полного объединения народа сербского¹³⁶.

§ 2. Попытки восстановления Сербской патриархии: 1913–1914гг.

Обновление Печской патриархии как для сербского национального движения, так и для сербской дипломатии конца XIX – нач. XX оставалось задачей первого порядка, главной заботой княжества (а позже королевства) Сербии. В виду поворота сербской внешней политики в сторону Австро-Венгрии, давшей добро на продвижение Сербии в южном направлении, в турецкие области Старой Сербии и Македонии, в высших эшелонах сербской власти опять всплыли планы восстановления Печской патриархии.

Положение сербов и сербской церкви на территории Косовского вилайета было весьма непростым – юридически и сербской церкви, а потому и сербов, как этнической единицы, здесь не присутствовало. Сербь, в отличие от, например, болгар, которые входили в болгарский миллет (Eksarhhâne-i Millet i Bulgar) или армян (Millet-i Ermeniyân), были полностью поглощены греческим миллетом (millet-i Rûm). Соответственно, признание независимой Печской патриархии автоматически означало бы и признание прав сербского народа, в дальнейшем консолидирующегося вокруг своей церковной области, – но это отнюдь не отвечало желаниям султана, а так же влекло бы за собой конфликты вокруг спорных территорий с греками и болгарями. С другой стороны, для сербов был весьма щекотлив следующий момент: утвердить Печскую патриархию в границах двух существующих на турецкой территории сербских епархий, Рашкопризренской и Скопской, – значило смириться с тем, что вне этих узких границ сербов не существует.

Правительство Сербии рассматривало православную церковь важнейшим внешнеполитическим фактором влияния, пропаганды сербства и сохранения сербских интересов в Старой Сербии. Церковь и правительство (в лице министерства иностранных дел) действовали здесь рука об руку: с помощью сербских консулов в Призрене и Скопле при непосредственном уча-

стии церкви открывались сербские школы, с ее же помощью через министерство просвещения распространялись книги и учебники на сербском языке, подготавливались кадры для школ и церквей в Старой Сербии и Македонии. А после ряда дипломатических усилий Белграду удалось поставить сербских владык на три епископские кафедры – Скопскую, Рашко-призренскую и Велешко-дебарскую¹³⁷.

В 90–ых гг. XIX в. сербской, болгарской и русской дипломатией было предложено несколько проектов обновления Печской патриархии¹³⁸. Известный дипломат и политик, Стоян Новакович (1842–1915), в 1897 г. написал записку под названием «*План действий по восстановлению Печской патриархии*», в которой обрисовывал задачу Сербии – восстановить автокефальную сербскую церковь в Турции или, как минимум, добиться Скопской митрополии. По мысли Новаковича, Россия, Англия и Франция должны были оказать содействие Сербии в этом вопросе¹³⁹. Король Александр Обренович (1876–1903) рассказывал Новаковичу о встрече с болгарским князем Фердинандом в феврале 1897 г. в Софии, где, в частности, затрагивалась тема объединения двух церквей – Сербской и Болгарской. Болгары с подачи русских предлагали обновить патриархию в границах своего экзархата: автокефальная болгаро–сербская церковь включала бы в себя львиную долю Печской патриархии и экзархата, избавленного бы таким образом от схизмы¹⁴⁰.

Существовали и планы учреждения Сербского экзархата для всех сербов Турции (но без своей канонической территории) а также проект восстановления патриархии в границах Охридской архиепископии, охватывавшей сербов Македонии. Русская дипломатия в лице константинопольского посланника А.И.Нелидова настаивала на восстановлении патриархии исключительно в исторических границах, полагая, что «*установление церкви только на основе этнического происхождения без определенных территориальных границ было бы противно основному понятию о единстве православной церкви*»¹⁴¹.

Однако, несмотря на активное муссирование идей¹⁴² о возрождении Патриархии, реальные дипломатические шаги стали возможны только по завершению балканских войн, принесших Сербии долгожданную победу и воссоединение с освобожденными землями Старой Сербии. Как известно, после поражения в первой Балканской войне, Турция была вынуждена передать по Лондонскому договору 30 мая 1913 г.¹⁴³ свои европейские территории участникам Балканского союза – Сербии, Греции, Болгарии и Черногории. Спустя месяц после подписания мирного договора недовольные разделом османских земель балканские государства начали вторую Балканскую войну, жертвой которой пала развязавшая военные действия Болгария. После подписания Бухарестского мира 10 августа 1913 г.,¹⁴⁴ определившего границы союзниц с Болгарией, и греческо–сербского договора, Сербия получила Косово и Метохию, а так же Северную Македонию (включая города Охрид и Битоля).

После официального объявления королем Петром (1844–1921) 25 августа 1913 г.¹⁴⁵ о присоединении новых областей к королевству Сербия, казалось бы, уже ничто не могло воспрепятствовать восстановлению Печской патриархии, когда почти вся область бывшей Сербской патриархии была «освобождена от иноверцев и инородцев»¹⁴⁶. Спустя два дня после опубликования акта о присоединении, одна из ведущих сербских газет, «Политика», напечатала весьма пространную статью на тему восстановления Сербской патриархии, осуществления которого «с нетерпением ожидает» сербский народ, и где отмечалось, что провозглашение Патриархии *«не только в интересах сербской церкви, но и государственной власти»*. Своего разрешения, по мнению авторов, требовали две проблемы: урегулирование иерархического положения «сербских епархий, которые до вчерашнего дня были под чужой церковной властью» и решение в рамках канона вопроса о восстановлении незаконно ликвидированной патриархии. Последний должен был быть рассмотрен сербскими государственными властями и Цариградской Патриархией¹⁴⁷.

Вообще, необходимо отметить, что в отличие от требования автокефалии тридцатилетней давности, идея восстановления Сербской патриархии сразу же получила широкий резонанс в обществе, довольно бурно обсуждаясь в средствах массовой информации¹⁴⁸. А судя по информированности газеты «Политика» о ходе дипломатических переговоров с Вселенским Патриархом в Цариграде, можно сделать вывод, что, видимо, правительство Н.Пашича (точнее, непосредственно он сам, ибо Н.Пашич (1845–1926) занимал и пост министра иностранных дел) было озабочено созданием общественного мнения и делилось с журналистами конфиденциальной информацией¹⁴⁹. Более того, в одной из инструкций сербскому представителю в Цариграде (в связи с застопорившимися переговорами с Патриархией), он рекомендовал тому в разговоре с Константинопольским Патриархом сослаться на «наше общественное мнение», из-за которого «мы не можем отказаться от патриархии»¹⁵⁰.

Между тем, было очевидно, что присоединение епархий в новоосвобожденных землях Старой Сербии и Македонии к Сербской церкви не могло совершиться автоматически. Определение границ церковных, как и определение границ политических должны лежать в правовом поле и регулироваться договорами. Однако попытки первоиерарха сербской церкви, митрополита Димитрия (1846–1930), форсировать вопрос о присоединении епархий Вселенской Патриархии Сербской церкви до официального заключения договоров не увенчались успехом¹⁵¹.

Здесь обнаруживались два момента – *de jure* новоприобретенные епархии¹⁵² подпадали под власть Цариградской патриархии, и в отличие от случая 1879 г., когда Вселенская Церковь ничего не теряла от перехода новоприсоединенных епархий под юрисдикцию Сербии, ведь те являлись частью Болгарского экзархата, сейчас было ясно, что Патриархия не собирается просто так расставаться с шестью своими епархиями и потребует денежную компенсацию. Второй

момент заключался в том, что передача турецких земель Балканскому союзу хоть и была закреплена юридически, но мирный договор между Турцией и Сербией пока не был заключен. Следовательно, Цариградская Патриархия, находящаяся под политической властью Турции, не могла признать присоединение епархий к Сербской церкви, пока Турция не признает аннексию территорий¹⁵³.

Собравшийся в октябре 1913 г. Архиерейский собор Сербской церкви был посвящен рассмотрению сложившейся ситуации¹⁵⁴. Как сообщалось, епископы новых краев в нем не участвовали, ибо Цариградская Патриархия не признала единство церкви новых сербских краев с церковью Сербии старых границ. Планировалось, что новые владыки на пустующих кафедрах будут выбраны на Соборе после признания Патриархией.

Такое щекотливое положение епархий в присоединенных краях отразилось и в официальных документах. Одна из статей *«Постановления об урегулировании положения освобожденных земель»* от 27 декабря 1912 г. утверждала духовную власть Сербского митрополита над всеми православными христианами¹⁵⁵, но поскольку это входило в противоречие с практикой перехода епархий, находившихся под юрисдикцией Константинополя¹⁵⁶, то спустя полгода, *«Постановлением об урегулировании положения освобожденных областей»* от 18 августа 1913 г.¹⁵⁷ эта статья была скорректирована – управление православной церковью ставились под надзор министра просвещения и церковных дел согласно Конституции и церковным канонам.

Мирный договор между Сербией и Турцией был заключен 1 марта 1914 г., однако проблема присоединения епархий стояла, видимо, настолько остро, что уже 28 февраля Н.Пашич шлет сербскому представителю в Цариграде и начальнику МИД Др.Стевановичу распоряжение о начале переговоров об «урегулировании отношений между королевством Сербия и Патриархией»¹⁵⁸.

Сербское правительство выдвигало следующие требования: выдворение с территорий сербских епархий греческих иерархов (под предлогом того, что они не знают сербский язык и не могут служить на славянском языке) и восстановление Сербской патриархии с благословения матери-церкви. Сербия была готова компенсировать Вселенской церкви потерю епархий и выплачивать ежегодно 50 тысяч динар, а так же пенсии выдворенным греческим владыкам¹⁵⁹. Предвидя, что Патриархия потребует гарантий соблюдения прав греческих общин, сохранения автономии школ и церквей в новых сербских землях, Н.Пашич инструктирует Стевановича, что согласно заключенному с Грецией договору «Сербия и Греция не вмешиваются во внутренние дела друг друга. Греческое правительство не требует греческих школ в Сербии, и точно также и Сербия не требует сербских школ на территории Греции»¹⁶⁰.

Прозондировав почву и узнав, что вопрос восстановления Патриархии не так прост, Стеванович в начале марта отбывает на несколько дней в Белград получить более детальные инст-

рукции в МИД¹⁶¹. Между тем, в Патриархии уже знают о желании Сербии урегулировать отношения с Вселенской церковью, и избрав синодскую комиссию в составе шести митрополитов для изучения вопроса¹⁶², были настроены весьма оптимистично – грекам польстил сам факт желания сербского правительства канонически урегулировать отношения, особенно же их тронул факт добровольного желания выплаты компенсации за потерянные епархии¹⁶³.

17 марта во время официальной аудиенции Д.Стевановича у Константинопольского Патриарха Германа V (1838-1920)¹⁶⁴ информация эта подтвердилась – Патриарх назвал дело простой формальностью, так как на сей счет, по его словам, существовало несколько канонов, которые, оставалось, лишь «применить»¹⁶⁵.

В ответ сербский дипломат акцентировал внимание на выдаче Патриархией «томоса» – акта, которым бы Вселенская Патриархия признавала переход епархий под юрисдикцию Сербской православной церкви. Вопрос «томоса» представлялся ему достаточно простым, ибо регулировался канонами. Второй вопрос, поднятый Стевановичем, «экономический», касался выплаты денежной компенсации за потерянные епархии, которую сербское правительство готово было выплачивать «в границах своих возможностей». Следующая затронутая проблема касалась выдворения с епископских кафедр трех греческих владык¹⁶⁶. Обоснование этому давалось в духе инструкций Н.Пашича – не знают сербский язык, не могут общаться с сербской паствой, а экзархийские священники¹⁶⁷, желающие присоединиться к сербской церкви не смогут этого сделать из-за понятного конфликта с греческими архиереями, к тому же, владыки сербской церкви должны быть избираемы сербским Архиерейским собором. Последнее требование Патриарх попытался отвести, сославшись на отсутствие свободных кафедр для изгоняемых митрополитов, и посетовал, как нелегко им будет лишиться своего положения, на что поверенный в делах сербского посольства Вл.Джорджевич ядовито отметил, что «судьба тех достойных первосвященников будет облегчена выдачей пенсии»¹⁶⁸.

Как и в 1879 г., Патриархия потребовала официальное письмо Сербского митрополита Константинопольскому Патриарху с просьбами о признании перехода епархий под сербскую юрисдикцию, возвращения обратно греческих владык и благословения оставшихся сербских архиереев¹⁶⁹. Требуемое письмо в конце марта было послано через министра просвещения и церковных дел Л.Йовановича и передано патриарху Герману¹⁷⁰. При этом, видимо, существовала некая договоренность между митрополитом Димитрием и правительством, что в переговорах с Цариградской патриархией кроме чиновников МИД будут участвовать и представители церкви. В своем письме митрополит Димитрий напоминает Л.Йовановичу, что «дабы дела об урегулировании этого вопроса шли быстрее, в соответствии с нашей предыдущей договоренностью надо, чтобы письмо наше в Цариград доставил г. др.Чеда Митрович, единственный наш специалист в области канонического права. Он мог быть весьма полезен нашему посланнику свои-

ми советами, если бы со стороны Патриарха возникли какие-либо деликатные вопросы касательно канона»¹⁷¹. Любопытно, что еще в ноябре 1913 г. газете Политика и Вестнику сербской церкви было известно, что в переговорах как специалист по церковному праву примет участие Чедомиль Митрович, а также ректор богословии Стева Веселинович или, «вероятнее», Николай Велемирович¹⁷², уже тогда набиравший популярность.

Впрочем, как выяснилось с началом переговоров, вопросы канона мало интересовали Патриархию – греческих владык больше беспокоили вопросы финансового (размер компенсации) и политического (гарантии автономии греческим общинам) характера. Поэтому Драг. Стеванович специально подчеркивал в своем донесении Н.Пашичу: «эксперт мне не нужен. Пожалуйста, не посылайте никого, пока я не попрошу»¹⁷³. Надобность в церковных экспертах так и не возникла – греческие архиереи и сербский дипломат отлично нашли общий язык¹⁷⁴.

Однако из-за выборов в Синод и празднования пасхи переговоры застопорились – Стеванович в депеше Н.Пашичу сетует, что времени понадобится больше, т.к. на «Фанаре не научились быстро работать»¹⁷⁵. Для убыстрения дел сербы даже заплатили председателю комиссии Никоидийскому митрополиту «вознаграждение» в размере 2 тыс. динар¹⁷⁶. Тем не менее, на Фанаре все же были заинтересованы в благоприятном исходе дел, для чего сменили двух входивших в комиссию митрополитов, настроенных против Сербии, на более лояльных¹⁷⁷.

В конце апреля 1914г. переговоры пошли полным ходом. После первого совместного заседания специальной синодской комиссии Стеванович доносил в Белград:

«Комиссия изучила письмо митрополита и мое, в котором я изложил точку зрения своего правительства. Комиссия находит, что канонами не предусмотрена возможность отзыва двух митрополитов и хороепископа, и полагает, что те могут остаться на своих местах. Тому обстоятельству, что они не знают сербского языка и не могут общаться с паствой и заседать в Архиерейском Соборе, можно помочь, если при них поставить владык–сербов».

Возражения сербского дипломата греческой комиссии были категоричны:

«Поставление владык к митрополитам...усложнит все дело и привнесет политику в церковный мир. Мы требуем отзыва митрополитов не потому, что они не знают сербский язык. Это – вопрос не языка и не национальности, это – вопрос наших церковных законов, по которым оные митрополиты не могут исполнять свои обязанности, и потому мы надеемся, что Патриархия найдет способ их принять».

Впрочем, Стеванович дипломатически подсластил пилюлю словами: «...наполненное дружеским духом по отношению к матери-церкви сербское правительство не хочет вызывать негативное впечатление выдворением митрополитов. Оно нашло примирительный способ предоставить их в распоряжение Патриархии и дать им пенсию до конца жизни»¹⁷⁸.

По словам Стевановича, его объяснения все члены комиссии приняли с одобрением. Председатель сказал, «что они уверены в дружеском расположении сербского правительства и считают, что Синод примет его точку зрения и выполнит его желание».

Следующий вопрос, волновавший комиссию – выплата компенсации Патриархии за потерянные епархии. При этом на Фанаре дали знать, что вместо ежегодной помощи предпочли бы получить «единовременную за все, и чтобы вся сумма находилась в каком–нибудь банке на депоненте. Таким образом, Патриархия могла иметь интерес под тот депозит заключить займ, когда бы ей то потребовалось». Речь, как слышалось Стевановичу, шла о 80–90 тыс. франков единовременной выплаты, – сумма была вполне приемлемой и сербы были готовы поднять ее до 100 тыс.¹⁷⁹

Еще одна проблема, поднятая на комиссии, как и ожидал Н.Пашич, касалась соблюдения прав греческих общин (греческих школ и церквей) в новоприсоединенных сербских епархиях. Стеванович был «счастлив заверить их в том, что данный вопрос уже решен сербским и греческим правительствами как странами, которых связывает союз, существовавший не только вчера и сегодня, но который будет существовать и в будущем – союз, освященный кровью»¹⁸⁰. Заявление было принято членами комиссии «с огромным воодушевлением и выражением удовлетворения и одобрения».

Последний и весьма чувствительный для Цариградской патриархии вопрос, затронутый на заседании комиссии – освящение мира. Константинополь просил, чтобы Сербская церковь и далее продолжала брать у них мир, так же, как его берет греческая церковь, отнюдь не желая «тем самым закрепить подчиненное положение» сербской автокефальной церкви по отношению к Патриархии, а единственно – «поддержать духовную связь между двумя церквями»¹⁸¹. Здесь Стеванович ретировался, сославшись на незнание и обещал спросить правительство и митрополита о причинах, побудивших просить, чтобы сербская церковь сама готовила св.миро.

В заключении председатель комиссии констатировал, что «соглашение полное», и стороны, обменявшись любезностями, расстались, планируя в течение нескольких дней утрясти оставшиеся формальности на счет компенсации, и в скорейшем времени вынести заключение и представить его Синоду. Патриарх Герман, в свою очередь, обещал Стевановичу сделать все, дабы дело разрешилось быстрее.

Между тем, через несколько дней оказалось, что то ли сербский дипломат плохо слышал, то ли греки слукавили, но сумма компенсации, требуемая Патриархией волшебным образом увеличилась в десять раз и составила 800–900 тыс. франков единовременной выплатой¹⁸². Стеванович заявил, что сумма «вне возможности сербского государства», сравнив ситуацию с «человеком, который платит большие деньги за съем квартиры ежегодно, но не имеет денег купить эту квартиру»¹⁸³ и предложил в качестве помощи 30 тыс. дин. в год, как и договаривались, плюс пенсия митрополитам 15 тыс. динар, итого 45 тыс. динар, которые под нажимом греков выросли до суммы в 50 тыс. динар ежегодной выплаты¹⁸⁴.

В конечном итоге стороны договорились, что Сербия выплачивает Патриархии компенсацию в размере 50 тыс. динар ежегодно; греческие митрополиты без промедления покидают Сербию; а св. миро Сербская церковь готовит сама. Томос о передаче епархий Сербской церкви должен был быть выдан как можно раньше¹⁸⁵, а достигнутые соглашения оговаривались совместным протоколом. При этом Стеванович сперва хотел получить от Патриархии томос с признанием аннексии греческих епархий, а потом уже подписывать протокол о денежной компенсации и т.п., опасаясь, что имея подписанный протокол, греки «будут тянуть с томосом»¹⁸⁶. Решение комиссии в начале мая было передано на рассмотрение Св. Синоду и тот, одобривши все, что было утверждено на комиссии, обещал выдать через несколько дней томос¹⁸⁷.

Итак, проект договора между Сербией и Константинопольской Патриархией, соглашение о подписании которого было утверждено 1 мая 1914 г. включал в себя следующие пять статей:

1. Выдача Сербской церкви томоса о присоединении епархий
2. Немедленное выдворение двух митрополитов-греков и хорепископа Дойранского и право сербской церкви тотчас же распоряжаться освободившимися кафедрами
3. Компенсация в размере 50 тыс. динаров
4. Право сербской церкви самой готовить миро
5. Констатация факта заинтересованности и внимания Патриархии к греческим общинам. Сербское правительство только принимает это к сведению и не берет на себя никаких обязательств¹⁸⁸.

После мучительной дискуссии¹⁸⁹ на заседании 5 мая, где рассматривался уже готовый к подписанию проект договора, Стевановичу удалось отстоять все статьи договора (кроме 5-го пункта, на который греки в сербской формулировке не соглашались и планировали вынести на заседание Синода еще раз)¹⁹⁰.

Однако, 4 и 5 мая Пашич внезапно посылает в Цариград распоряжения, где среди одобрения позиций договора (выплата 50 тыс. динар, включая пенсию митрополитам, право сербской церкви готовить миро и сербская формулировка относительно греческих общин) ставит условием, чтобы Константинополем было дано благословение на возведение Сербской церкви в ранг патриархии. Договор мог быть подписан только с одобрением Сербской патриархии, т.к., по мнению сербского премьер-министра, «*все остальные вопросы мы можем решить самостоятельно без Патриархии*»¹⁹¹. Таким образом, вопрос благословения на возведение Сербской церкви в ранг патриархии, становился для сербской дипломатии приоритетным.

Др. Стеванович не стал скрывать от Пашича неожиданность и несвоевременность этого требования:

«При отбытии из Белграда Вы, г.Председатель, одобрили план действий – я получаю томос на епархии, мы возвращаем им митрополитов и хороепископа; позднее Вы мне велели истребовать право самим готовить миро, и когда все будет готово – объявить им установление нашей патриархии. Это Вы мне одобрили телеграммой ... 2 мая. Сейчас же все, что ранее утверждалось главным (и что я уже смог сделать) считается излишним, а главным стало получение благословения Сербской патриархии. Это ваше последнее распоряжение, которое мне было дано в последние часы, целиком изменило прежние инструкции и расстроило все дела. Благословение на патриархию я не могу никак получить до «томоса», а поскольку Вы мне приказали не подписывать договор, пока я не получу благословение, то я должен был внести это требование в договор, который будет воспроизведен томосом. Затем я пошел на заседание 5 мая с намерением, чтобы представить комиссии новое требование...»¹⁹².

Реакция греков на это новое требование Сербии оказалась вполне естественна: *«Вся комиссия была поражена. Воцарилось тяжелое молчание, которое прервал председатель, сказав, что комиссия не уполномочена решать этот новый вопрос и это должен решать Синод»*. На это Стеванович сказал, что «сообщил все это комиссии, потому что завтра она вынесет наш договор на заседание Синода по поводу 5 статьи и тогда же надо будет сообщить и об этом дополнении, являющемся составной частью целого договора и без которого договора не может быть»¹⁹³.

Подобную же просьбу Стеванович на следующий день высказал в своем письме Патриарху Герману, который при встрече *«заметил, что вопрос большой и его надо изучить, для чего требуется время»* и упрекнул, что в момент, когда соглашение было готово, сербы выдвигают новые требования. Сербский дипломат, хотя и заявил Патриарху категорично: «дело это ранее известное, ... тут не нужны глубокие исследования» – «мы объявляем Патриархии Вселенской установление Сербской патриархии», а «она имеет право либо дать свое благословение либо нет», в общем был солидарен с греческим иерархом – «если бы мы по завершению дела сделали бы только это заявление, было бы много лучше, т.к. в данном случае они должны были только принять это к сведению или рассориться с нами»¹⁹⁴, а так это требование вызовет большие трудности и его решение займет слишком много времени, – писал он в Белград¹⁹⁵.

Предвидя долгие переговоры, Стеванович, сославшись на ухудшение здоровья, просит разрешение Белграда отбыть из Цариграда домой. Согласившись, Пашич пытается представить отъезд дипломата как некий акт протеста. Стевановичу было дано распоряжение заявить Патриарху Герману:

«Мы боимся, как бы политические условия не заставили нас самих решить этот вопрос в условиях, когда церковные каноны ясно пишут, что бывает с епархиями, которые подпадают под власть другой православной державы. Нашим шагом мы хотели возвысить престол Вселенской патриархии и никак не ожидали такого приема и обманулись в своем ожидании»¹⁹⁶.

Подготовленный Стевановичем новый проект договора включал в себя следующие четыре статьи:

1. Выдача томоса, которым признается переход епархий под власть сербской автокефальной церкви и дается благословение Сербской патриархии. Договор Стеванович планировал подписать только после выдачи томоса.

2. Греческие митрополиты сейчас же уезжают, а их местами распоряжается сербская церковь.

3. Ежегодная компенсация от сербского правительства – 50 000 динаров, а если финансовое состояние позволит – 800 000 одновременно за все.

4. Мир готовит сербская церковь.

Таким образом, упоминание о греческих общинах было вовсе удалено из договора¹⁹⁷.

Новые сербские требования были восприняты негативно не только Цариградской Патриархией и греческим общественным мнением¹⁹⁸, но и русским посольством. Россия считала, что сербское правительство сделало большую ошибку, выставив требование, чтобы Константинополь признал новую Сербскую патриархию до того, как будет подписан договор об уступке епархий. Советник русского посольства по церковным вопросам, Серафимов, сообщил сербам: «Это поставило Патриарха и Св.Синод в весьма неудобное положение и привело в замешательство, ибо они боятся, что если согласятся, то потеряют субвенцию Австро-Венгрии¹⁹⁹ и ее поддержку, которой часто пользуются», для Сербии же самое важное – «обеспечить канонически правильный переход данных диоцезов под управление Сербской церкви с согласия Патриархии. Это много важнее провозглашения Сербской патриархии». А через несколько месяцев после подписания договора и получения томоса Сербия сама может возвести свою церковь в ранг патриархии – русский синод и черногорская церковь будут рады признать Сербскую патриархию. Для провозглашения Сербской патриархии надо просто объявить об этом остальным православным церквям, а не требовать предварительного согласия²⁰⁰.

Из Патриархии сербских дипломатов информировали, что «желание связать вопрос договора с вопросом провозглашения Патриархии произвело на Фанаре неблагоприятное впечатление» и советовали:

«не настаивайте на внесении в томос пункта о признании Сербской патриархии. Когда завершим первый, уже поднятый вопрос, будет много лучше и быстрее прийти к соглашению и привести Вселенскую патриархию к тому, чтобы она сама согласилась на возведение Сербской церкви в ранг патриархии. Лучше всего будет, если Сербия, договорясь с Вселенской Патриархией, выберет подходящий момент для провозглашения, что может быть очень скоро. Надо избежать впечатления, что Сербия хотела использовать сегодняшнее бедственное положение Вселенской Патриархии и принудить ее к соглашению на провозглашение, которое бы она в других условиях рада была дать»²⁰¹.

Разделение этих двух вопросов – о присоединении епархий и о Сербской патриархии Стеванович считал единственным шансом спасти почти погубленное дело²⁰². Впрочем, верный своему слову Стеванович, простился с Патриархом и в середине мая отбыл в Белград²⁰³. Дальнейшие переговоры легли на плечи уполномоченного в делах сербского посольства в Турции

Вл. Джорджевича, который, видимо, не обладал тактом Стевановича и его информированностью в делах.

Меж тем, сербское правительство предприняло дипломатические шаги, чтобы заручиться поддержкой русского²⁰⁴ и греческого²⁰⁵ правительств, надеясь на их помощь в вопросе восстановления Сербской патриархии. По всей видимости, именно их влиянию надо приписать согласие Константинополя дать благословение на возведение Сербской церкви в ранг Патриархии. Более того, один из членов Синода, митрополит Дерконский Калинник вообще заявил Джорджевичу (очевидно, по инициативе Патриархии), что

«Каждая православная автокефальная церковь по канонам имеет право провозгласить себя патриархией. Для этого не нужно согласия или одобрения Вселенской патриархии. Провозглашение патриархии – внутреннее дело всякой самостоятельной церкви, в которое ни Вселенская патриархия, ни какая другая православная церковь не имеет право вмешиваться»²⁰⁶.

Как бы то ни было, в конце мая Джорджевич сообщил русскому послу в Константинополе Н.М.Гирсу, что «Патриархия согласилась на все наши условия»²⁰⁷. И в русском посольстве, и в Патриархии сербов поздравляли с успехом²⁰⁸. Два вопроса все-таки решили разделить²⁰⁹: На Фанаре сначала готовят акт с томосом на основе проекта Стевановича (его обещали сделать через два–три дня) а потом, дней через восемь – акт, которым допускается восстановление Сербской патриархии²¹⁰. Единственное, что требовал Патриарх – послать письмо от имени сербского правительства, подтверждающее согласие разделить два вопроса и решать их по отдельности²¹¹.

Письмо было передано, однако переговоры снова встали – в ответ на действия Порты по депортации фракийских греков Константинопольская Патриархия закрыла все свои школы и церкви, Св.Синод не работал²¹². Патриарх в середине июня сообщил Джорджевичу, что между Патриархией и сербским правительством по обоим вопросам достигнуто полное взаимопонимание –

«Мы дадим вам оба акта. В первом будет томос, в другом – благословение Вселенской Патриархии на учреждение Сербской патриархии. Как только оба акта будут готовы, я извещу вас, чтобы Стеванович приехал подписать договор и завершить переговоры. Я сообщу вам, когда будет готов томос, дабы тотчас сербская церковь направила мне письмо, в котором она изъявит свое желание провозгласить патриархию. Я на основе этого письма в согласии с Синодом тотчас изберу новую комиссию, которая быстро изучит и решит этот вопрос по вашему желанию. Как только откроются школы и церкви, и Синод начнет работать ... я поставлю оба вопроса на повестку дня на первое место»²¹³.

Такой неожиданный кульбит со стороны Патриархии вызвал подлинное негодование Пашича²¹⁴:

«Патриарх сказал Стевановичу перед его отъездом, что даст изучить дело о нашей Патриархии секретарю комиссии. Вам сказал, что томос через два дня будет готов, а письмо с признанием патриархии – через 8 дней. Сейчас, между тем, меньшая комиссия изучает дело и требует письмо митрополита. Нам это все кажется непотребным затягиванием, и мы считаем излишним письмо митрополита, т.к. представитель правительства и устно, и письменно в два захода сообщил об установлении и признании патриархии»²¹⁵.

17 июня Вл.Джорджевич посетил Патриарха Германа и попросил его ускорить решение вопросов. Первоиерарх вновь посетовал, что из-за форс-мажорных обстоятельств они были вынуждены закрыть Патриархию и приостановить всю работу, и попросил, ссылаясь на желание Синода, чтобы все было по букве закона, послать от имени митрополита Димитрия письмо с просьбой Вселенской церкви о дозволении Сербской патриархии. И обнадеживающе пообещав, что через неделю, когда Патриархия начнет функционировать, все сербские дела быстро решатся, передал слова своего благословения королю Петру и правительству. Казалось бы, дело должно было вот-вот устроиться, однако этим благословением переговоры между Сербией и Константинопольской Патриархией прервались – через полторы недели в Сараеве был убит эрцгерцог Франц-Фердинанд; и на ближайшие шесть лет вопросы единства Сербской церкви, ставши неактуальными, были сняты с повестки дня.

§ 3. Объединение Сербской Православной церкви и восстановление Сербской патриархии: 1918–1920гг.

Объединение в 1918 г. югославянских земель в единое государство, Королевство сербов, хорватов и словенцев (далее – КСХС), позволило сербскому правительству и церкви вновь вернуться к вопросам обновления Сербской патриархии и дало возможность инициировать процесс объединения всех сербских православных церквей.

Ситуация с сербской церковью в пределах нового государства была следующей:

- на территории Королевства Сербия присутствовали:
  1. Сербская православная автокефальная церковь (Белградская митрополия);
  2. епархии на территории Старой Сербии и Македонии, которые по-прежнему находились под юрисдикцией Константинопольского Патриархата;
- на территории бывшей Австро-Венгрии находились:
  1. Карловацкая митрополия в статусе автокефальной церкви в ранге патриархии;
  2. церковь Боснии и Герцеговины (с 1880 г. – автономная от Константинопольского Патриархата церковь²¹⁶);
  3. церковь на территории Далмации и Боко-Котора (формально – автокефальная²¹⁷);
- церковь королевства Черногории охватывала Черногорско-приморская митрополия в статусе автокефальной церкви.

Первой задачей, стоявшей перед новым правительством и Сербской православной церковью, было объединение всех разрозненных церковных областей в единое целое. Уже 18 декабря 1918 г. по инициативе правительства Ст.Протича²¹⁸ в Сремских Карловцах под председательством Белградского митрополита Димитрия состоялась конференция православных епископов церковных областей на территории Австро-Венгрии – присутствовали епископы и и.о. архиепископа Карловацкой митрополии (с 1913г. карловацкая кафедра пустовала), архиереи Боснии и Герцеговины и Далматинский епископ. На конференции было сообщено намерение Синода Карловацкой митрополии воссоединиться с «остальными церковными областями в объединенном государстве СХС путем восстановления единства, существовавшего до 1710 г. в Сербской патриархии...»²¹⁹, равно, как и решение архиереев БиГ присоединиться к Белградской митрополии. Конференция вынесла резолюцию:

«Констатируется единодушная воля законных представителей сербских православных церковных областей к объединению и на основе того выражается потребность сейчас же приступить к совершению этого церковного объединения путем восстановления Сербской патриархии, поелику с полным правом можно ожидать, что и сербская церковь в Черногории, которая из-за недостатка времени и сложившихся тяжелых условий не смогла присутствовать на этом собрании епископов, согласится на объединение».

Митрополит Димитрий, выразив свое одобрение, ответил, что подкрепит это согласие решением Архиерейского собора. На конференции было вынесено решение просить правительство СХС о посредничестве в международном утверждении иерархического единства Сербской православной церкви, а также высказана необходимость создания временной комиссии для реализации объединения и постановления о выборах патриарха.

Касательно же Черногорской церкви, еще 16 декабря 1918 г. ее Синод, ссылаясь на решение народной скупщины сербского народа в Черногории об объединении независимой Черногории с Королевством Сербия от 13 ноября 1918 г., счел «целесообразным и оправданным, чтобы святая автокефальная церковь в Черногории объединилась с независимой православной церковью в королевстве Сербия и вместе с этим и с целой Святой Сербской православной церковью в новом государстве сербов, хорватов и словенцев»²²⁰ и уведомил о том решении Белградского митрополита Димитрия и главу правительства Ст.Протича.

В феврале 1919 г. Архиерейский собор Белградской митрополии уполномочил митрополита Димитрия созвать для подтверждения принятых решений вторую конференцию православных владык всех сербских церковных областей без различия, принадлежал ли архиереи самостоятельным или еще зависимым церквям²²¹. Она проходила в Белграде 24 – 28 мая 1919 г.²²² под председательством митрополита Черногорско-приморского Митрофана Бана и констатировала

«духовное, моральное и административное единство всех сербских православных церковных областей, которые упорядочат и определяют единство, когда целый Архиерейский со-

бор Объединенной Сербской церкви как единое независимое (автокефальное) тело будет заседать под председательством своего патриарха. До той поры объединение будет выражаться во временной комиссии епископов, избранной на этой епископской конференции»²²³.

Таким образом, из пяти архиереев был составлен Центральный Архиерейский собор объединенной Сербской церкви – главный представительный и исполнительный орган объединенной СПЦ, в чьей компетенции находились все дела касательно объединения церквей и выбора патриарха. Вынесенные решения по более серьезным делам политического характера должны были утверждаться министерством веры²²⁴, которое было учреждено 31 июля 1919 г.

Полномочия Центрального Архиерейского собора были подтверждены высшей государственной властью – 28 августа 1919г. престолонаследник Александр (1888–1934) издал распоряжение об устройстве Собора – временного органа, который *«представляет и выступает от имени объединенной СПЦ из всех покраин, действующих вместе с верховной государственной властью через Центральный Архиерейский собор в делах, касающихся объединения СПЦ»*²²⁵.

Другой актуальный вопрос, без которого объединение Сербской церкви не могло совершиться легитимным путем – вывод епархий, находившихся под властью Константинопольской Патриархии, из-под ее юрисдикции. Кроме территорий Старой Сербии и Македонии, это касалось и епархий Боснии и Герцеговины, чьи архиереи обратились к правительству СХС и митрополиту Димитрию с просьбой предпринять шаги к получению канонического отпуста от Константинопольской Патриархии для присоединения к Белградской митрополии²²⁶.

С распадом Австро-Венгрии перестали фактически существовать политические причины для того, чтобы Далмация и Боко-Котор и далее оставались под управлением искусственно созданной Буковинско-Далматинской митрополии. Поэтому Далматинский епископ обратился к Св.Синоду Карловацкой митрополии с просьбой включить юридически и канонически две сербские епархии – Далматинско-истрийскую и Бококотторско-дубровацкую в состав Карловацкой митрополии, на что тот, решением от 29 сентября 1918 г. дал свое согласие, ссылаясь на духовное единство с Далматинской церковью с 1828 по 1873 г. А в ноябре 1919 г. далматинский епископ Димитрий был послан к митрополиту Буковинско-далматинскому Владимиру в Бухарест просить его канонического отпуста, после получения которого (митрополит аргументировал, что *«по канонам нашей святой православной церкви церковные границы покрываются государственными... <поэтому>... естественно, что далматинские сербские православные епархии будут принадлежать объединенной сербской церкви»*), 20 декабря 1919 г., Синод митрополии Карловацкой официально принял эти две епархии под свою юрисдикцию²²⁷.

На конференции в мае 1919 г. помимо сообщения о предпринятых митрополитом Димитрием шагах, направленных на каноническое присоединение церковных областей, было выражено желание, чтобы правительство Королевства СХС включило в состав дипломатической

миссии для переговоров с Цариградом и группу церковных экспертов²²⁸. Учитывая более сложную, нежели пять лет назад ситуацию, правительство пошло навстречу, и в состав делегации под предводительством представителя в Каире Панты Гавриловича вошло несколько представителей церкви²²⁹.

Переговоры сербского правительства с Константинопольской Патриархией осложнялись тем обстоятельством, что после отречения от Патриаршего престола Германа V в октябре 1918 г. Константинопольская кафедра до ноября 1921 г. оставалась незанятой, и договариваться сербам пришлось с Синодом. Сербская делегация в конце июля 1919 г. прибыла в Цариград, и после долгих переговоров было достигнуто «соглашение между Вселенской Патриархией и правительством Королевства СХС для определения отношений между Великой церковью, с одной стороны, и автокефальной объединенной Сербской православной церковью и Королевством СХС, с другой стороны», которым признавалось присоединение к Сербии митрополий, подпадавших под юрисдикцию Вселенской Патриархии, а так же объединение и провозглашение патриархии. В ст. 5 правительство Королевства СХС гарантировало выплату Цариградской церкви сумму в 1,5 млн. франков помощи, которую министерство финансов выплатила тремя траншами (в декабре 1919 г., апреле и октябре 1922 г.)²³⁰

На основе этого договора 19 марта 1920 г. было выдано решение Синода Вселенской церкви, которым давалось «*благословение на присоединение объединенной Сербской православной церкви епархий в Южной Сербии, Боснии и Герцеговине*»²³¹. Ссылаясь на канонический порядок и обычай, согласно которому «дела церковного управления организуются и приводятся в соответствии с происходящими политическими переменами», Синод сообщал, что

«с удовольствием принимает и дает свое благословение ... на церковное освобождение от ее власти и присоединение автокефальной объединенной православной Сербской церкви выше упомянутых епархий, которые до сегодняшнего дня находились под ее управлением и признает провозглашенное объединение автокефальных церквей Сербской, Черногорской и Карловацкой, как и двух Далматинских епархий, и, следовательно, образованную святую автокефальную объединенную православную сербскую церковь, и принимает ее как сестру во Христе, которая обладает и пользуется всеми правами автокефальности и самостоятельности по прописям и порядку Святой православной церкви».

Синодское решение должно было быть заменено патриаршим томосом в течение трех месяцев со дня избрания нового Вселенского Патриарха.

Только после решения синода Вселенской церкви, 17 июня 1920 г. сербским правительством был издан указ, провозглашающий объединение всех сербских церковных областей в королевстве СХС в «*единую автокефальную объединенную Сербскую православную церковь Королевства СХС*»²³².

Как видно, наученные горьким опытом предыдущих переговоров, сербы разделили два вопроса – о передаче епархий и объединении автокефальных церквей с вопросом о восстановлении Патриархии. Успешно разрешив первую проблему, Сербская церковь, не спрашивая разрешения Константинополя, 12 сентября 1920 г. объявила о восстановлении Сербской патриархии, полагая, что теперь,

«когда с Божьей помощью, упорством и геройством сербского народа и священства, под мудрым руководством короля-освободителя Петра I и ...престолонаследника... Александра свершилось ... заветное дело народного освобождения и объединения, исчезли все обстоятельства, мешающие обновлению Сербской патриархии и объединению в ней всех церковных областей».

На День Собора святых сербских просветителей (12 сентября), в Сремских Карловцах Архиерейский собор провозгласил *«объединенную автокефальную СПЦ согласно ее новому положению и апостольской задаче»* возведенной в ранг патриархии, подчеркивая, что этим лишь обновляется и восстанавливается уничтоженная в 1766 г. иноверной властью старая Сербская патриархия²³³. Резонность восстановления патриархии Архиерейский собор оправдывал самым фактом существования *«признанной ...на той ступени всей Святой Церковью»* Печской патриархии, которая была уничтожена *«усилиями иноверной государственной власти»*, ибо *«насильная политическая раздробленность народа вызвала в конце и церковное разъединение – упразднение Сербской патриархии и основание автокефальных сербских областей, пребывающих в этом состоянии до сегодняшнего дня»*. При этом подчеркивалось, что Сербская церковь всегда оставалась *«хранителем духовного и народного единства»*, даже в период, *«когда государственное единство перестало существовать»*. Примечательно, что в тексте этого соборного постановления специально отмечалось – восстановление патриархии осуществляется по желанию народа и священства по освященным преданиям народа и церкви *«в согласии с короной и благосклонным сестринским согласием Святой великой церкви»*.

В тот же день, в Сремских Карловцах²³⁴, в зале патриаршей резиденции, украшенном картинами Св.Саввы и Св. Царя Лазаря, боевым знаменем царя Душана, привезенным из монастыря Хиландара, и Мирославовым евангелием²³⁵, в торжественной обстановке, в присутствии всех сербских архиереев, престолонаследника Александра, глав правительства и Скупщины, министра веры и представителей русской церкви, митрополит Димитрий сообщил решение Собора о провозглашении Сербской патриархии. Престолонаследник Александр прочитал речь, в которой уподобил церковь заботливой матери, обнявшей *«мученический народ»*, отметил заслуги в борьбе за свободу в то время, когда *«шли параллельно свобода золотая и крест частный; параллельно боролись и за то, и за другое, и селяк, и монах, – каждый на свой начин, но часто одним и тем же оружием»*²³⁶. Закончил он словами: *«да будет восстановлена сербская патриархия во славу бога, святой церкви и рода, отныне и во веки веков. Аминь!»*

В указе престолонаследника, подтверждавшего это соборное решение, зачитанном министром веры, восстановление Сербской патриархии амбициозно называлось «исполнением заветания царя Душана». Спустя пятнадцать лет русский канонист С.Троицкий, цитируя эти слова, писал о роли короля Александра в объединении церкви: «Александр понял, что без единства духовного не может быть и прочного политического единства» и поэтому видел в воплотившемся народном духовном единстве своего народа реализацию второй части Душанового завета²³⁷.

С выборами же нового патриарха произошел большой конфуз²³⁸. Несмотря на совместно с министерством веры выработанный проект *Закона о выборах первого патриарха восстановленной патриархии*, 16 сентября 1920 г. законодательный комитет Архиерейского собора в составе пяти митрополитов²³⁹ решил, что согласно св.канонам новый патриарх должен не избираться, а провозглашаться *Ipso jure*, и принял резолюцию: «Его Высокопреосвященство г.Димитрия как архиепископа Белградского и митрополита Сербского провозгласить патриархом Сербской церкви, и просить г. министра веры вынести эту резолюцию на заседание совета министров и выпустить королевский указ»²⁴⁰.

Позже, 28 сентября 1920 г., уже на заседании Собора²⁴¹, собравшегося в Белграде под председательством митрополита Димитрия для окончательного рассмотрения вопросов, связанных с выборами патриарха, было оглашено единогласное решение секции: «не приступать в этот раз к выборам патриарха, а декларативно на патриарший престол возвеличивается нынешний митрополит Сербии Димитрий, предстоятель церкви прежнего королевства Сербии»²⁴². После бурных обсуждений, длившихся больше трех часов, за вынесенное на голосование предложение о том, что «Архиепископ белградский и митрополит Сербии провозглашается патриархом Сербским декларативно со стороны Архиерейского собора» («за» проголосовало большинство (11) архиереев)²⁴³. Параллельно было направлено решение Собора к правительству, с просьбой провозгласить Димитрия патриархом²⁴⁴.

Известие о «выборе» патриарха быстро разлетелось по Белграду и взбудоражило своей внезапностью весь город. В митрополии отказывались давать какие-либо комментарии, лишь нишский владыка Доситей, который голосовал против решения собора, сообщил журналистам: «Неправда, что патриарх избран, все вести об этом неточны. Такая двусмысленность, если она есть, вызвана ст.17 и 28 Халкедонского Собора...». Газета Политика сообщала: «Митрополия выглядит необычно. Все взволнованы и обеспокоены, и очевидно растеряны. Персонал митрополии, и духовный, и светский, вообще не хотел вступать в разговор с нашими сотрудниками. И то, что мы узнали об этом вопросе, выяснилось из других источников, окольными путями, как будто речь идет о некой большой государственной тайне, о которой можно лишь говорить с глазу на глаз»²⁴⁵.

Чтобы замять скандал, владыка Доситей объяснял 6 октября, что патриарший Собор был поделен на четыре секции, первой задачей была выработка положения о выборах патриарха. Меж тем, эта секция, указавши на правила Халкедонского собора, полагала, что в сложившихся условиях выборы не нужны. Это решение она вынесла на заседание Собора, но оно не было принято, и поэтому никаких выборов не состоялось. А заседание собора, по заверению владыки Доситея, занималось этой проблемой «как принципом», – о личностях же не было речи. Все дело решалось в тайне и поэтому стало возможным появление в Белграде такого бессмысленного слуха, что патриарх уже избран. Положение о выборах патриарха находится на рассмотрении в министерстве веры, и день выборов зависит от времени прохождения его через министерский совет. Все в патриархии хотят, – подчеркивал владыка, – чтобы выборы состоялись как можно быстрее²⁴⁶.

Между тем, Политика сообщала, что по ее сведениям дела обстояли не так радужно, как описывал епископ Доситей. Вечером 6 октября министерский совет был занят рассмотрением данного вопроса. Министр веры, П.Маринкович, докладывал председателю правительства др. М.Весичу о произошедших в патриархии событиях, и после этого правительство решило, что первого патриарха в обновленной Сербской патриархии надо выбирать по установленным правилам, а положение о выборах необходимо подготовить как можно скорее.

Та же Политика писала, что белградские священники были весьма довольны, что так успешно были сорваны планы известных епископов, хотевших использовать в своих личных целях старого и доброго митрополита Димитрия²⁴⁷ (митрополиту Димитрию было 74 года).

Как бы то ни было, очевидно, что поспешное решение Собора пошло вразрез с видением ситуации министерством веры, уже 23 октября объявившим **«Постановление о выборе первого патриарха объединенной Сербской православной церкви»**, согласно которому патриарх избирался из трех кандидатов, представленных Синодом специальному Выборному Собору, созванному указом короля. В состав этого Собора должны были входить не только все епархийские архиереи, представители высшего и низшего священства и монашества (настоятели монастырей, окружные протоиереи), но и светские лица – представители правительства, судебных органов, военные лица, главы общин. Все эти лица приглашались министерством веры в Белград²⁴⁸. Выбранный тайным голосованием из трех предложенных Собором кандидатов, по предложению министра веры, утверждался королевским указом Сербским патриархом. Таким образом, вся церемония выборов целиком находилась в ведении министра веры и была подконтрольна правительству. Престолонаследник Александр подписал указ, определявший, что выборы первого Сербского патриарха возрожденной патриархии пройдут в Белграде, в Саборной церкви, 12 ноября.

За три дня до Выборного Собора церковь предложила троих кандидатов – митрополита Белградского Димитрия, митрополита Захумско-Герцеговачского Петра и епископа Пакрацкого Мирона. Любопытно, что накануне выборов, 9 ноября, журналисты случайно встретили Печского митрополита Гавриила (Дожица), будущего Сербского патриарха (с 1938г.), который на вопрос о возможном патриархе ответил, что «все внимание обращено на г.Димитрия», и прибавил, что «никто из нас не стремится к чести Патриарха...Мы – епископы...»²⁴⁹. Накануне выборов, 11 ноября, журналисту Политики удалось взять интервью у митрополита Димитрия. «Сынок, – сказал он, – я не знаю, кто там что думает, и не могу вам ничего сказать о вероятном выборе. Кандидаты – я, г.Мирон Пакрацкий и г.Георгий Мостарский. Святой дух определит того, кого хочет Божья воля»²⁵⁰.

Холодным ясным утром 12 ноября 1920 г. Выборным собором в составе 96 человек²⁵¹ в Белградской Соборной церкви патриархом обновленной Сербской патриархии был избран митрополит Белградский Димитрий. Протокол выборов министр веры П.Маринкович тотчас же понес на утверждение на королевский двор и, возвратясь, зачитал указ престолонаследника Александра, подтверждающий от имени короля Петра выбор Димитрия «Сербским патриархом православной церкви королевства СХС».

На следующий день, 13 ноября, в Соборной церкви состоялось устоличение нового Патриарха, на котором престолонаследник Александр в торжественной обстановке передал посох деспотовича Св.Максима (владыки Бранковича), символизирующий патриаршую власть. Патриарх Димитрий отозвался словами благодарности и призвал «сильных и просвященных сыновей сербского народа» помочь в его святой задаче, которую поместила в его «старческие руки» «непререкаемая воля короля над королями»²⁵².

Однако новая церковь *de jure* еще почти два года оставалась непризнанной Вселенской Патриархией. Между тем, министр веры писал 3 февраля 1921 г. министру иностранных дел и главе правительства Н.Пашичу, что после достигнутого с Цариградом соглашения, после объединения церкви и провозглашения Патриархии, был избран первый Сербский патриарх; выбор этот «по обычным и вошедшим в практику правилам ...необходимо нотифицировать и другим автокефальным православным церквям, а особенно старейшим Патриархиям, между которыми на первом месте – Вселенская в Цариграде»²⁵³. Поэтому министр, желая избежать возможных неприятностей просил узнать о настроениях заинтересованных кругов как в Афинах, так и в Цариграде, и на Фанаре; а также оказать необходимое влияние для признания этой нотификации «с тем, чтобы сразу же установились подходящие отношения между обновленной патриархией и упомянутыми церквями», и посему просил дать соответствующие распоряжения посольствам в Афинах и Цариграде относительно данного заявления.

Но новые внешнеполитические реалии, по-видимому, позволяли не столь формализовано, как раньше, подойти к вопросам «канона». Русскую церковь и русскую дипломатию как традиционных защитников Сербской церкви можно было сбросить со счетов, как и переставших существовать столь же «традиционных» для Сербской церкви противников – Австро-Венгерскую и Османскую империи; Германия была разгромлена, а Греция погрязла в войне с турками – все возможные заинтересованные силы, так или иначе, пребывали «вне игры», и дело решилось исключительно силами двух сторон. К тому же, не стоит пренебрегать тем фактом, что новое государство – Королевство СХС – стало одним из мощнейших православных государств, и с ним уже нельзя было не считаться. Поэтому министерство иностранных дел ответило:

«Вследствие общих причин политического характера сейчас надо сделать заявление только Цариградской патриархии: о воссоединении нашей церкви, о провозглашении Сербской патриархии и о выборе патриарха без каких-либо предварительных дипломатических телодвижений. Это сообщение надо сделать самой патриархии. Оно не требует какого-либо соглашения с нами»²⁵⁴.

Но только после избрания нового Константинопольского Патриарха, Мелетия, 30 марта 1922г. был издан томос, которым признавалось

«церковное освобождение от Патриаршего Вселенского Цариградского престола и присоединение к автокефальной объединенной православной Сербской церкви ... епархий, которые доселе находились под его управлением»²⁵⁵. Признавая провозглашенное единство автокефальных церквей: Сербской, Черногорской и Карловацкой, как и двух далматинских епархий, принимаем образованную из них Святую автокефальную объединенную православную Сербскую церковь как сестру во Христе, которая обладает и пользуется всеми правами автокефальности согласно прописям и порядку Святой православной церкви».

В ответ на обращение патриарха Димитрия о восстановлении Сербской патриархии спустя несколько дней, 24 февраля 1922 г., Патриарх Мелетий издал и каноническое письмо, которым признавалось возведение Автокефальной объединенной Сербской церкви в ранг патриархии.

Однако и здесь не обошлось без едкого замечания со стороны греков – в письме обращалось внимание на то, что образ действий, каковым было осуществлено провозглашение патриархии *«нашли мы больше в согласии с церковной икономией (оппортунизмом), чем с точностью канонического порядка. Потому что для повышения поместных святых Божьих церквей на степень достоинства патриархийского необходимо решение Вселенского Собора как нам свидетельствуют примеры Отцов»*. Впрочем, памятуя о вперед данном разрешении и «желая, прежде всего умножения радости набожного сербского народа», Вселенский Патриарх Мелетий дипломатично «присоединился» «как к намерению, так и к акту Святой Сербской церкви» о провозглашении патриархии²⁵⁶.

Томос и письмо были торжественно доставлены в Белград митрополитом Амасийским Германом и после рассмотрения на предмет соответствия соглашению, достигнутому прави-

тельством СХС и Синодом Вселенской церкви в марте 1920 г., приняты и одобрены²⁵⁷. А 2 апреля патриарх новой Сербской церкви Димитрий и скопский митрополит Варнава отслужили вместе с греческим митрополитом Германом литургию, после которой тот объявил от имени Вселенской Патриархии об объединении Сербской церкви и возведении ее в ранг патриархии²⁵⁸.

Так, дипломатические усилия сербского правительства, направленные на восстановление Сербской патриархии, берущие свое начало еще со времени переговоров сорокалетней давности правительством Й.Ристича, наконец, увенчались успехом. Государство, по мнению правительства *«совершило эпохальный исторический акт, жизненноважный не только для сербской православной церкви, но и для всего нашего королевства»*²⁵⁹.

Конечно, важность восстановления Сербской патриархии, этого хранителя национальной идентичности и символа государственной свободы и независимости, после почти полуторавекового небытия, трудно переоценить. Однако, такое, казалось бы, неординарное событие прошло в СМИ и в общественности сравнительно незаметно. Известный сербский историк и литератор В.Чорович писал в 1920г. на страницах популярного Сербского литературного гласника: *«новое провозглашение сербской патриархии является больше актом уважения ее значения в прошлом, чем какой-то действительной потребностью»*²⁶⁰. А газета Политика констатировала, что *«в сегодняшних условиях обновление Печской патриархии имеет только историческое значение как знак пиетета нашего поколения по отношению к былой старине и освященным традициям. Практического значения, имевшего в прежних веках, это событие сейчас не имеет»*²⁶¹.

Действительно, основание автокефальной церкви в средних веках имело несравненно большее значение: самостоятельная церковь являлась составной и существенной частью государственной и народной самостоятельности. Церковь была единственным фактором, который мог придать легитимности самостоятельному государственному существованию и государственным, народным и династическим претензиям. Без независимой церкви, как наиважнейшего атрибута государственного суверенитета, была немыслима и независимость государства. Именно поэтому Св.Сава учредил самостоятельную Сербскую архиепископию, а царь Душан для венчания себя на царство провозгласил сербского архиепископа патриархом. И уже в новое время, в 1830 г., князь нового Сербского княжества Милош Обренович был миропомазан митрополитом фактически автономной Сербской митрополии. И хотя в конце XIX в. влияние сербской церкви уменьшилось, и о церковном придании легитимности новой власти речи уже не шло (не зря помпезное «венчание на царство» Петра Карагеоргиевича в 1904 г. воспринималось современниками скорее как шоу), но государственная независимость по-прежнему требовала канонической независимости церковных областей. Окончательное освобождение сербско-

го народа и объединение в одном государстве возродило старую Печскую патриархию, которая по мысли первого патриарха возрожденной сербской церкви должна была служить «*верным духовным провожатым его великого государства*»²⁶².

***

Независимая от Константинопольского патриархата сербская православная церковь в глазах правящей элиты была неперемным условием суверенитета сербского государства, а планы восстановления Печской патриархии, вынашиваемые в правительственных кругах, вписывались в национальную политику ирредентизма. Поэтому борьба за независимость Сербской православной церкви (автономию, автокефалию, а потом и Сербскую патриархию) еще и в силу легитимации ею существования правящей династии и государства не были и не могли быть делом сугубо внутрицерковным. Все шаги, направленные на получение самостоятельности Сербской церкви от кириархальной Цариградской патриархии предпринимались государством и непосредственно осуществлялись министерством иностранных дел. Действия предстоятелей сербской церкви (митрополита Михаила и митрополита Димитрия) в этом направлении не носили самостоятельный характер, а управлялись и координировались сербским правительством.

Проходящие на самом высоком уровне дипломатические переговоры, на протяжении 1878–1920 гг., не ограничивались непосредственно участвующими в деле двумя сторонами – Белградом и Фанаром, а во многом определялись вмешательством России, традиционно расположенной по отношению к сербской церкви и оказывающей дипломатическое давление на Цариград.

Внешнеполитический статус СПЦ к. XIX–нач. XX вв. был своеобразным заложником внешнеполитического положения Сербии и зависел от сложного клубка всегда противоречивых балканских взаимоотношений – Сербии, Австро-Венгрии, Порты, России, Греции и Болгарии. Австро-Венгрия, рассматривающая сербскую церковь в качестве конкурента Карловацкой митрополии, не была заинтересована в усилении СПЦ. Высокая Порта считала церковные вопросы сугубо прерогативой Цариградской Патриархии и в вопросы канона не вмешивалась, пока они не касались ее сербских подданных. Существование же Болгарского экзархата на наш взгляд можно расценить в данном смысле двояко – с одной стороны, это порождало конфликтную ситуацию между СПЦ и экзархатом на спорных территориях, с другой – в некотором смысле облегчало взаимопонимание Сербской церкви и Константинополя, – сербы могли припугнуть отделением без разрешения Цариграда, а тот в свою очередь – отлучением. Но, ни та, ни другая сторона, имея перед собой пример болгар, в конечном итоге предпочитала не доводить дела до разрыва отношений.

Изменение геополитической ситуации в мире после первой мировой войны привело к кардинальной перемене положения Сербии, привычно повлекшее за собой и перемену внешне-политического статуса СПЦ. Новому славянскому государству – Королевству сербов, хорватов и словенцев в отсутствии традиционных игроков на Балканском поле пришлось самостоятельно разрешать накопившиеся проблемы Сербской церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁴⁵ Любопытно, что еще в XIX в. известный сербский общественный деятель и историк архимандрит Никифор Дучич считал, что Печская патриархия была ликвидирована по настоянию «корыстолюбивых цариградских господ – греческих шовинистов». (Дучић Н. Васељенска патријаршија и српско црквено питање. Београд, 1897. С.34.)

⁴⁶ Гавриловић М. Милан Обреновић. Београд, 1912. Књ. 3. С. 605–606; Слијепчевић Ђ. Историја српске православне цркве. Београд, 1991. Књ. 2. С.315.

⁴⁷ Гавриловић М. Милан Обреновић. Београд, 1912. Књ. 3. С. 497.

⁴⁸ Радосављевић Н. Православна црква у Београдском пашалуку 1766–1831 (управа Васељенске патријаршије). Београд, 2007. С.148–150; Гавриловић М. Милан Обреновић. Београд, 1912. Књ. 3. С. 585; Слијепчевић Ђ. Историја српске православне цркве. Београд, 1991. Књ. 2. С.314.

⁴⁹ Принятое в сербской историографии название документа – Конкордат, носит на наш взгляд весьма условный характер. Конкордат подразумевает двусторонний договор, традиционно заключаемым между Римским престолом и светским государством с целью взаимного урегулирования отношений (так, один из самых известных Конкордатов – Конкордат 1801 г., заключенный между Наполеоном и папой Пием VII). Дарование Сербии церковной автономии в 1832 г. было произведено Константинопольской патриархией в одностороннем порядке, ни о каком договоре речи и быть не могло (как не могло быть и речи о договоре между Портой и Сербией), ибо Сербская митрополия de-jure и de-facto была частью Константинопольской патриархии и в силу своего неполноправного статуса не могла претендовать на какие-либо билатеральные отношения.

⁵⁰ Гавриловић М. Милан Обреновић. Београд, 1912. Књ. 3. С.609–613; Љушић Р. Кнежевина Србија (1830–1839), Београд, 1986. С.20–22.

⁵¹ Итого, за две епархии положено было платить 6000 грошей, с появлением третьей епархии сумма возросла до 9000 грошей.

Для сравнения, бюджет Сербии на 1876 г. предполагал ежегодную выплату своим владыкам в размере 30 тыс. пореских грошей, а митрополиту – 60 тыс. (*Стенографске белешке за 1876 год. 1879 г.. С.436.*)

⁵² Мнение было высказано современным сербским историком Н.Радосавлевићем в книге: Радосављевић Н. Православна црква у Београдском пашалуку 1766–1831 (управа Васељенске патријаршије). Београд, 2007. С.155.

⁵³ См. об этом Љушић Р. Српска державност 19 в. Београд, 2008. С.171–172. Однако, если принимать во внимание Сан–Стефанские условия, то Берлинский договор для Сербии несомненно был выигрышем.

⁵⁴ В приватном письме графу Игнатьеву в феврале 1878 г. князь Милан писал, что если решение относительно БиГ он еще может понять (имея в виду интерес Австро–Венгрии), то «тяжело понять причины, препятствующие присоединению к княжеству не только целой Старой Сербии, но и всего Косовского вилайета», т.е. территории, включая Северную Македонию (*Србија 1878. Документи. Београд 1978. С.52.*)

⁵⁵ См.: Самарцић М. Србија и бугарско питање 1878–1885. // Зборник Матице српске за историју 77–78, Нови Сад 2008. С. 201–214; Он же. Од Сан Стефана до Сливнице. Србија против Бугарске 1878–1886. Нови Сад. 2008.

⁵⁶ Дучић Н. Историја српске православне цркве од првијех десетина 7 в. до наших дана. Београд, 2008. С.202.

⁵⁷ Дучић Н. Историја српске православне цркве од првијех десетина 7 в. до наших дана. Београд, 2008. С.202; Милаш Н. Православно црквено право. Београд, 2004. С.322.

17 правило IV Вселенского собора: «По каждой епархии, в селах, или предградиях сущие приходы, должны неизменно пребывать под властью заведывающих оными епископов: и наипаче, аще, в продолжении тридесяти лете, бесспорно имели оные в своем ведении и управлении. Аще же не далее тридесяти лете был, или будет о них какой спор: то да будет позволено почитающим себя обиженными, начали о том дело пред областным собором. Аще же кто будет обижен от своего митрополита: да судится пред ексархом великие области, или пред константинопольским престолом, якоже речено выше. Но аще царскою властью вновь устроен, или впредь устроен будет град: то распределение церковных приходов да последует. гражданскому и земскому порядку».

38 правило VI Вселенского собора: «Отцами нашими положенное сохраняем и мы правило, гласящее тако: аще царскою властью вновь устроен, или впредь устроен будет град: то гражданским и земским распределениям да следует и распределение церковных дел». (Епископ Далматино-Истрийский Никодим (Милош). Правила Святой Православной Церкви с толкованиями. Кн.1, [Online], http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikodim_milosh/rules1/contents.html, [22.06.2013]).

⁵⁸ Четыре присоединенных округа охватывали три экзархийские епархии: нишскую (правлящий архиерей – митрополит Виктор), пиротскую (правлящий архиерей – митрополит Евстатий) и враньскую (правлящий архиерей – владыка Паисий).

Состояние новоприсоединенных епархий было плачевным: министр просвещения и церковных дел Алимбие Васильевич сообщал князю Милану, что в нишской епархии имеется на 19 тыс. домов – 53 церкви, 6 монастырей, 145 священников, 3 монаха, в пиротской – 72 церкви, 13 монастырей, 137 священников, 11 монахов. В пяти монастырях нишской епархии вообще не было монахов.

В каждую епархии для помощи архиереям и гуманизации церковного и гражданского законодательства был назначен священник. (*Српске новине*, 20 августа 1978). Об организации церковной власти в освобожденных землях см.: Вучковић В. *Организација српске православне цркве у новим крајевима Кнежевине Србије после Берлинског конгреса*. Пирот. 2007.

Между белградскими и экзархийскими владыками тоже по всей видимости не все было гладко: генеральный консул Австро-Венгрии в Белграде князь Николай фон Вреде в феврале 1878 г. сообщал графу Д.Андраши о конфликте между Митрополитом Михаилом и Нишским и Пиротским владыками: «Митрополит Михаил требует от них подчинения его верховной церковной власти, они отклонили это, мотивируя тем, что они подпадают только под власть Болгарского Экзархата. Вообще говоря, клир Старой Сербии неприятельски относится к сербской аннексии той области» (*Србија 1878*. Документи. Београд 1978. С.80).

Прямо противоположную информацию сообщал присутствовавший на переговорах Белградского Митрополита Михаила и экзархийский владык прота Н.М.Трифуневич. При освящении нишской церкви в Нише митрополит Михаил и министр просвещения разговаривали с митрополитами Виктором и Евстатием (владыка Паисий убежал в Болгарию еще до занятия Вранье), и «деда Виктор, (так называли престарелого митрополита Виктора – Ю.К.) правильно поняв новое положение, без лишних разговоров сказал, что он хочет единства и сближения с сербской церковью, и рад отречься от схизмы и просит митрополита Михаила испросить у Его Святейшества Патриарха благословения и прощения для священства и народа». Владыка Евстатий же, за все время пребывания в Нише (25 дней) на вопросы митрополита ответил только это: «я болгарин, и что есть сербского (показывая мизинец) я вырву» и просил, чтобы его отпустили в Болгарию, что и было сделано. Член белградской консистории Иван Евтич проводил его до границы, видимо, во избежание эксцессов со скорыми на расправу соотечественниками. Прота Трифуневич был уверен: «поскольку в Сербии государственная вера восточно-православная, которую исповедуют все граждане, то в ней может быть только одна сербско-православная церковь и никак нельзя помыслить, а еще меньше дозволить, чтобы на территории королевства Сербии из-за такого малого количества болгар, греков, влахов находилось и столько отдельных церквей со своими отдельными организациями, тем более, что все они исповедуют одну и ту же православную веру». (*Штампа*, 27 января 1913).

⁵⁹ О негативном отношении Сербской православной церкви к схизме см.: Дучић Н. *Васељенска патријаршија и српско црквено питање*. Београд, 1897.

Архимандрит считал схизму проявлением «греческого филетизма», подчеркивая, что это дело рук «Цариградской Патриархии», а не Великой церкви и ставил вопрос о «Вселенности» Вселенской Патриархии.

Более сдержанный епископ Н.Милаш считал, что признание Экзархата – вопрос времени и он благополучно решится после обретения Болгарией политической независимости (*Милаш Н. Православно црквено право*. Београд, 2004. С.332).

Сам Митрополит Михаил во время экзархийского кризиса в официальном письме вселенскому Патриарху высказывался за право болгар иметь своих архиепископов из своей среды. Правда, сербы под эту сурдинку тут же попытались предъявить в Цариграде свои права на Печскую и Охридскую Патриархию, на тот случай, если те будут отделены от Вселенской церкви – графу Н.П.Игнатьеву стоило много труда убедить сербов, что время они выбрали неподходящее... (*Како је постала Бугарска Егзархија*. Београд, 1897. С.16–17).

⁶⁰ Слијепчевић Ђ. *Историја српске православне цркве*. Београд, 1991. Књ 2. С.381–384; Слијепчевић Ђ. *Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије*, Минхен 1983. С.94–101; Војводић М. *Како је српска црква добила независност 1879. године* // *Историјски часопис*, књ L. 2003. С. 87–98; Ковачевић Д. *Србија и Русија 1878–1889*. Београд, 2003. С.117–124.

⁶¹ См. о нем: Соколов И.И. *Константинопольская церковь в XIX веке*. Т.1. Спб.1904. С.651–672; Новый Константинопольский патриарх // *Прибавления к Церковным ведомостям*. 1901, № 22. С.786–788; Ιωακείμ Γ', ο αὐτὸς Θεσσαλονίκης «Μεγαλόπρεπτός» Οἰκουμηνικός Πατριάρχης, [Электронный ресурс], <http://www.amen.gr/article8322> [21.06.2013].

⁶² Ф. Христич (27.03.1819 – 29.01.1905) с 1871 г. занимал должность представителя Сербии в Константинополе, участвовал в переговорах по поводу заключения мира между Турцией и Сербией и был одним из самых авторитетных сербских дипломатов.

⁶³ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1878. Ф. 4, д.3. Рег. № П/5–VII. Пов.№ 854.

⁶⁴ Писма Јована Ристића Филипу Христићу. Од 1870 до 1873 и од 1877 до 1880. Београд, 1931. С.261.

Примечательно, что на заседании Скупщины, обсуждавшей бюджет на 1877, один из посланников предложил не платить ежегодную помощь Патриархии, однако поддержки у министра иностранных дел не нашел, сумма так и осталась в бюджете. В бюджете на 1878г. «данак Порте» и «помощь Патриарху» уже не входила (*Живановић Ж.*

Политичка историја Србије у другој половини 19 века. Књ. 1. 1878–1889. Београд, 1924. С.360; Белешке Народне Скупштине за 1877. Београд, 1878г.).

В октябре 1877г. Христич сделал запрос относительно того, собирается ли правительство платить миру за 1877 год. Миря должна была выплачиваться в начале каждого года и поэтому Христич говорит: «я сейчас должен две миря дать, одну за 1877, другую за 1878 г.» (*Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868–1880). Београд, 1953. С. 196.*)

⁶⁵ В том же разговоре Христич «просил Патриарха, чтобы он и далее обращал свое духовное внимание на сербов, живущих вне границ нынешнего Княжества, так как его отеческая забота может уберечь их от разных ошибок, а сербское правительство в этом отношении всеми находящимися в ее распоряжении средствами окажет помощь святой церкви, действуя в ее интересах, которые в настоящих условиях также и наши». Патриарх ответил, что «все будет сделано, чтобы те края развивались и духовно, и материально».

Под сербами, живущими вне княжества имелись в виду сербы, оставшиеся под властью Порты – Старая Сербия, Македония, и вероятно Босния и Герцеговина. Относительно БиГ Патриарх австро-венгерскому посланнику – графу Зичи выразил «желание, дабы православные епархии в Боснии и Герцеговине и далее оставались под покровительством великой церкви, на это Зичи ответил – он, де, надеется, что австро-венгерское правительство в этом смысле не будет ничего менять». Обещания Зичи не сдержал: как известно, Австро-Венгрия вывела церковь в БиГ из-под юрисдикции Константинопольского Патриархата.

В том же разговоре была затронута тема, которая станет одним из камней преткновения на последующих переговорах – судьба священников Болгарского экзархата на территории княжества Сербии. Патриарх «сказал что, конечно, Нишский митрополит как бывший болгарский владыка, а, значит, схизматик, который отрекся от великой церкви, должен совершить акт покаяния (либелла) перед Сербским митрополитом, если он хочет остаться на своем месте в качестве священника сербской церкви; в противном же случае митрополит Сербский может не признать его как священное лицо».

На практике все осуществилось менее формализованно, чем хотелось бы видеть грекам. И по реакции Христича – «я ответил Патриарху, что мне эти подробности неизвестны, но я напишу в Белград и обращу внимание наших духовных властей на эту возможность» очевидно, что правительство пока не рассматривало эти вопросы и не снабдило пока на сей счет своего посланника инструкциями.

(*АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1878. Ф. 4, д.3. Рег. № П/5–VII. Пов.№ 854*)

⁶⁶ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.2. Рег. № П/5–7. Пов.№ 54; Ристић Ј. Дипломатска историја Србије за време српских ратова. Књ 2, 1898. стр. 277–280.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Ристић, обращаясь к Митрополиту Михаилу, пишет: «в связи с изменением положения Сербии по отношению к Оттоманскому царству возникла потребность изменить и отношения нашей церкви с цариградской Патриархией. С этой целью я подготовил приложенные инструкции нашему посланнику в Цариграде и, послав их вашему Высокопреосвященству, имею честь просить Вас, чтобы вы изволили их изучить и дали знать мне, согласны ли вы с ними, и возвратили бы их с тем, чтобы я мог их показать на завтрашнем заседании кабинета министров» (*АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 2, д.2. Рег. № П/2. Пов.№ 60*).

Ответ Митрополита Михаила последовал в тот же день: «Как я полагаю, в них все хорошо сказано» (*АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 2, д.2. Рег. № П/2. Пов.№ 61*).

⁷¹ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.2. Рег. № П/5–7. Пов.№ 62.

⁷² Так потом и произошло – томос Константинопольской патриархии в одностороннем порядке даровал автокефалию сербской церкви, а реверансом упоминалось, что сделано это в ответ на просьбу князя Милана, митрополита Михаила и всего сербского народа. В случае двустороннего договора никаких «обязательств», о включении в договор которых писал Ф.Христич, Сербия не могла на себя взять, и это требование отпало в самом начале переговоров, – не исключено, что после разговора с митрополитом Михаилом (*Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868–1880). Београд, 1953. С.237*).

⁷³ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.2. Рег. № П/5–7. Пов.№ 62.

⁷⁴ Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868–1880). Београд, 1953. С.237; АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.4, П–5/VII. Пов. №176.

⁷⁵ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3 (без номера, III /594).

⁷⁶ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.3. Рег. № П/5–VII. Пов. №№ 126, 128, 137.

⁷⁷ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.3. Рег. № П/5–VII. Пов. №№ 126, 127.

⁷⁸ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.4. Рег. № П–5/VII (телеграмма от 22 апреля без номера).

⁷⁹ Независност српске цркве проглашена 1879. Београд, 1880. С.6–7.

⁸⁰ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.4. Рег. № П–5/VII. Пов. № 220; АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.4. Рег. № П–5/VII (письмо от 11 мая 1879 г. Исх. 77, без номера).

⁸¹ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.3. Рег. № П–5–VII. Пов. №. 137.

⁸² АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.4. Рег. № П–5/VII. Пов. № 209; АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 2, д.2. Рег. № П/2. Пов. № 98.

⁸³ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.4. Рег. № П–5/VII (письмо от 11 мая 1879 г. Исх. 77, без номера)

⁸⁴ Независност српске цркве проглашена 1879. Београд, 1880. С. 7–9.

⁸⁵ Там же. Так же см. ссылку 65.

⁸⁶ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.4. Рег. № П–5/VII. Пов. № 273.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Имеется в виду заключении Св.Синода 1872г., подвергнувшее Болгарский Экзархат схизме.

⁸⁹ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.4. Рег. № П–5/VII. Пов. № 273.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.4. Пов.№ 94.

⁹² Князь Лобанов-Ростовский сообщал в сентябре 1879г. в МИД, что кроме затруднения, относительно требований Синода определиться с устройством сербской церкви, *«есть еще другое, представляющее более важности, так как оно касается вопроса о болгарской схизме»*. В Константинополе шли живые споры о том, как быть с болгарскими священниками: греки по отношению к этому вопросу *«крайне щекотливы»*, – и миряне, и духовенство, – и будут спрашивать мнение других восточных церквей, в том числе и русской» – уведомлял русский посол. (РГИА. Ф.796. 160. 1062. 1879г. Дело о самостоятельности сербской церкви. № 150. Кн.Лобанов-Ростовский, 24 сентября (3 октября) 1879 г. Л.10–л.11)

Обер-прокурору Св.Синода Д.А.Толстому МИД сообщал, *«что возник вопрос о том, как поступить с болгарским духовенством, получившим рукоположение от экзарха в некоторых округах, присоединенных к Сербии и т.о. дело о Сербской церкви соединить с делом о болгарской схизме. Посол наш в Константинополе признает полезным попытаться склонить на нашу сторону церкви: Иерусалимскую, Антиохийскую, Александрийскую и Афинскую, и для этого находит необходимым, чтобы Синод дал свое заключение по этому предмету с канонической точки зрения»*. (РГИА. Ф.796. 160. 1062. 1879г. Дело о самостоятельности сербской церкви. № 5208 от 8 ноября 1879г. Обер-прокурору С.Синода. Л.9–9 об.; РГИА. Ф.797. 49. 205. 1879–1880г. По отношению Министра ин.дел относительно самостоятельности сербской церкви. МИД. Азиатский департамент. 10 октября 1879г. №3355. Барон Жомини – графу Д.А.Толстому).

Патриарх испрашивал мнения Святейшего Синода русской церкви уже после выдачи томоса о независимости сербской церкви (письмо датировано 6 ноября 1879 г.) Касательно тех, кто был рукоположен каноническими архиереями, но вступили в общение и единомыслие со схизматиками – Патриарх считал необходимым потребовать письменного исповедания, и те будут помазаны св.миром. Относительно же других священнослужителей Патриарх просил мнения Святейшего Синода (РГИА. Ф.796. 160. 1062. 1879г. Дело о самостоятельности сербской церкви. Письмо Константинопольского Патриарха русскому Св.Синоду от 6 ноября 1879г. л.30)

Ответное письмо из ведомства Д.А.Толстого последовало только в феврале 1880г. Любопытно, что письмо Вселенскому Патриарху начиналось словами: *«хотя <Синод> и не разделяет мнения названного собора и не признает болгар схизматиками, но желая всячески содействовать примирению болгар с греками, временно становится на точку зрения этого собора, чтобы дать Вашему Святейшеству требуемый ответ. Если уж допустить, что болгаре, осуждение коих собором правильно и согласно с канонами, <то> в таком случае, <для> решения предложенного Вами Святейшеством вопроса можно найти руководство и в канонах и в практике древней вселенской церкви»*. (РГИА. Ф.796. 160. 1062. 1879г. Дело о самостоятельности сербской церкви. Выписка из протокола Св.Синода Русской церкви от 25 января 1880 г. Л.35–43 об.)

Позиция русского Синода основывалась на точке зрения митрополита Московского Макария, подробно высказанной им в письме графу Толстому. Митрополит Макарий писал, что болгарские священники должны быть приняты в том же сане – они не раскольники и не еретики, а находящиеся *«в самочинных собраниях»*. Макарий ссылался на первое правило Василия Великого и указывал на многочисленные прецеденты в истории церкви касательно священников, рукоположенных от экзарха: мелетиане, хазары – *«чистые были раскольники»*, но им сохранили иерархию; а так же на 8 правило Первого Вселенского собора: *«письменно исповедати да пребывают в том же чине»*. К тому же, как отмечал Макарий, не все церкви приняли решение о болгарской схизме, и этих священников надо принять, чтобы избежать новых разногласий в церкви. (РГИА. Ф.796. 160. 1062. 1879г. Дело о самостоятельности сербской церкви. Письмо Макария, Митрополита Московского обер-прокурору. 5 ноября 1879г. Л.12 – л.17).

⁹³ См. ссылку 64.

⁹⁴ Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868–1880). Београд, 1953. С.238.

⁹⁵ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.4 (Исх.№69 от 24 апреля); Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868–1880). Београд, 1953. С.268.

Через год, уже после провозглашения независимости сербской церкви из бумаг МИД все же выяснилось, что все мирии до 1876г. включительно были выплачены. Вопрос встал о том, что считать точкой отсчета для расчета выплаты мирии – год признания независимости церкви (в этом случае Сербия должна была за 3 года 1877–1879гг.) или дату объявления войны Порте, т.е. 1877г. (в таком случае Сербия ничего не должна была платить). (*Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868–1880). Београд, 1953. С.314*).

⁹⁶ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.4 (Исх. № 69 от 24 апреля).

⁹⁷ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.4, Пов. № 208.

⁹⁸ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.4, Пов. № 220.

Хотя, если следовать логике Ристича, то формально мирия за 1878 год должна была быть выплачена, ибо Берлинский трактат был подписан летом 1878г.

⁹⁹ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.4. Пов. №№ 96, 294.

¹⁰⁰ Надо отметить, что Ристич вообще болезненно воспринимал вполне понятные попытки Патриарха Иоакима получить хоть какую-нибудь денежную компенсацию – церковь действительно нуждалась в денежных средствах. Однако Ристич до крайности упрощал ситуацию – «торгашеская» установка не платить ничего, пока Патриархия не «сделает дело», угроза, что «она не получит от нас ни копейки», если не пойдет навстречу, и обещание отозваться в качестве благодарности «круглой суммой», мелочные счета, кому и какие ордена давать, – разительно отличались от более разумной и целесообразной позиции Христича, полагающего, что суммы, испрашиваемые Патриархией ничтожно малы по сравнению с расположением Патриархии и тем, что Сербская церковь могла бы получить в будущем. (*Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868–1880). Београд, 1953. С.267, 272, 288, 314*).

¹⁰¹ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.4. Пов. №№ 310.

¹⁰² Патриарх не отступился от своей идеи и позже просил власти Порты стать посредниками для выплаты этих 6 грошей Сербией, Черногорией, Болгарией и Румынией (*Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868–1880). Београд, 1953. С.303*).

¹⁰³ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.3. Рег. № П/5–VII. Пов. № 126, 128, 137.

¹⁰⁴ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.3. Рег. № П/5–VII. Пов. № 126.

¹⁰⁵ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.3. Рег. № П/5–VII. Пов. № 137.

¹⁰⁶ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.4. Пов.№ 220; Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868–1880). Београд, 1953. С.242–242.

¹⁰⁷ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.4. Пов.№ 258.

¹⁰⁸ Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868–1880). Београд, 1953. С.245–246.

¹⁰⁹ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.4. Пов. № 258.

¹¹⁰ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.4. Пов. № 267.

¹¹¹ *Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868–1880). Београд, 1953. С.245–246; АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.4. Пов. №№ 267, 277, 289.*

Ристич полностью одобрил отказ Ф.Христича предстать перед синодом и предложил дать им копию своего письма от 11 февраля.

¹¹² Писма Јована Ристића Филипу Христићу. Од 1870 до 1873 и од 1877 до 1880. Београд, 1931. С.267.

¹¹³ Князь Лобанов–Ростовский, русский посол в Константинополе, писал Н.К.Гирсу о выгоде признания самостоятельности сербской и других церквей: «...потому что теперь, в случае созвания вселенского сабора, членами этого собрания, за исключением предстоятеля русской церкви, были бы только греки, не говоря о председателе, какой *de jure* был бы патриарх Константинопольский». Сербия, как полагали русские дипломаты, вообще «имеет самостоятельную национальную иерархию, почти независимую от великой церкви. Между тем, она продолжала сохранять наилучшие отношения к этой последней, которые были поколеблены лишь однажды, именно в эпоху, когда обсуждался церковный греко–болгарский вопрос».

Надо сказать, что русский МИД, будучи заинтересован в благоприятном исходе дела, пристально следил за событиями вокруг признания независимости сербской церкви. Посланник в Константинополе детально информировал Петербург о переговорах: «*Это дело в последнее время было обсуждаемо на многократных секретных заседаниях патриаршийского Синода. Обсуждение идет нормальным путем: Синодальное постановление под наименованием «томос» не замедлит получить окончательную форму и будет сообщено как князю Милану и белградскому Митрополиту, так и всем автокефальным церквям по обычаю, освященному преданием*».

Не хотел упускать русский МИД и возможного шанса разрешить заодно и болгарский вопрос. Так, в разговоре с первым переводчиком посольства – ном Ону, Константинопольский Патриарх Иоаким, «сообщая ... о переговорах с Сербиею, сказал в заключение: «*Вы видите, что Патриархия не настолько одностороння, как об ней думают, когда у нас просят чего-либо законно – мы не делаем никакого затруднения к удовлетворению*» – это очевидно был намек на болгарский вопрос», – заключал князь Лобанов–Ростовский. Г–н Ону спросил того: мол, если болгарский князь и экзарх направят Вам письма с просьбою о признании, Вы бы признали болгарскую церковь? Патриарх ответил: «*между этими двумя вопросами нет никакой аналогии*», – если бы речь шла только о Болгарском княжестве, то Патриархия признала бы ее иерархию, и схизму предала бы забвению, но экзарх претендует и на

восточную Румелию и Македонию: «при этих условиях невозможно соглашение» (РГИА. Ф.796. 160. 1062. 1879г. Дело о самостоятельности сербской церкви. № 131. 13 августа 1879г. Лобанов – Гирсу. Л.2–4.)

¹¹⁴ Там же. С.264.

¹¹⁵ Что касается права поместной церкви самой освящать мир, то Русская православная церковь и Вселенская церковь придерживаются здесь разных точек зрения. РПЦ однозначно связывает право миротворения и автокефальность, полагая, что церковь, которая берет мир у Константинопольской Патриархии нельзя в полной мере назвать автокефальной. Константинопольская церковь, признавая автокефальность церквей, оставляла за собой право готовить и давать мир, не считая этот факт, в отличие от РПЦ, свидетельством канонической зависимости, а лишь символом духовной связи. Однако, поместные церкви считали это, скорее, символом властных притязаний греков. Например, приготовление Румынской церковью мира в 1882 г. было осуждено Константинополем как разрывающее единство с матерью–церковью и привело к прекращению отношений до 1885г., когда Патриархия все же признала за Румынской церковью право миротворения. Сегодня мир у Константинопольской церкви продолжает брать Греческая церковь. (См.: Муро [Online], <http://drevo-info.ru/articles/480.html#8>, [21.07.2013]; Бурега В. Миротворение, автокефалия и стремление к первенству [Online], <http://www.religion.in.ua/main/analitica/5055-mirovarenie-avtokefaliya-i-stremlenie-k-pervenstvu.html>, [21.07.2013]).

¹¹⁶ Писма Јована Ристића Филипу Христићу. Од 1870 до 1873 и од 1877 до 1880. Београд, 1931. С. 262,264, 265.

¹¹⁷ Српске Новине. 18 октобра 1879 г.

¹¹⁸ Имеется в виду Николай Николаевич Дурново (старший) (1842–1919) – отец слависта Н.Н.Дурново, публицист и общественный деятель радикального толка, издавал газету «Восток», был близок к К.Леонтьеву. Известен своими одиозными высказываниями о «жидо–масонах», во всем видел либо их руку, либо руку католиков, которых считал виновными в Болгарской схизме. Ярый противник панславизма. Симпатизировал сербам и грекам, к болгарам относился резко негативно и называл их «дикая, обезверившаяся нация, неблагодарная к просветившей, вскормившей и взлелеявшей ее церкви –матери и к народу ее освободившему» (Дурново Н.Н. Русская панславистская политика на православном Востоке и в России. М., 1908 г., [Online], http://www.krotov.info/libr_min/05_d/ur/novo2.htm, [22.06.2013]; «Брат от брата помогаем...» (из неизданной переписки К.Н.Леонтьева и Т.И.Филиппова), [Online], <http://krotov.info/history/19/57/leontyev.htm>, [22.06.2013]).

¹¹⁹ Димитријевић С. Михаило, Архиепископ Београдски и Митрополит Србије, као православни јерарх, Србин, Словен и неимар Југословенства. Београд, 1933. С.33.

¹²⁰ Писма Јована Ристића Филипу Христићу. Од 1870 до 1873 и од 1877 до 1880. Београд, 1931. С. 270.

¹²¹ Там же. С. 272.

¹²² Там же. С. 278.

¹²³ Там же. С. 274, 280.

¹²⁴ Там же. С. 280.

После благополучного решения «церковного вопроса» члены Синода получили сербские ордена, Патриарх Иоаким был награжден Таковским крестом – высшей наградой Сербского княжества. (Там же. С.319).

¹²⁵ Там же. С. 269, 280.

¹²⁶ РГИА. Ф.796. 160. 1062. 1879 г. Дело о самостоятельности сербской церкви. Копия с донесения статского советника Персиани. 11 декабря 1879. № 61. Л.24–24 об.

¹²⁷ Писма Јована Ристића Филипу Христићу. Од 1870 до 1873 и од 1877 до 1880. Београд, 1931. С. 281.

Позиция русского МИД явно основывалась на точке зрения митрополита Московского Макария, с которым советовался обер–прокурор: тот полагал, что требование патриарха об устройстве церкви «совершенно законно и справедливо». (РГИА. Ф.796. 160. 1062. 1879г. Дело о самостоятельности сербской церкви. Письмо Макария, Митрополита Московского обер–прокурору. 5 ноября 1879г. Л.12 – л.17).

24 сентября князь Лобанов–Ростовский информировал Петербург о требованиях Синода: «Патриархия, в принципе, согласна признать независимость сербской церкви, но основываясь на прежних примерах, она требует от правительства княжества определить форму управления будущей церкви и теперь же решить, должна ли она быть только Митрополитией или иметь Синодальное устройство. В подтверждение этого требования она ссылается на пример России в конце 16 века и на пример Греции в ближайшую к нам эпоху: обе они, испрашивая себе церковную независимость, в то же время указывали на новое устройство, какое должны получить их церкви.

На это сербское правительство возражает, что оно еще и само не знает, каким образом церковь княжества будет устроена, что скупица несколько позже будет приглашена высказаться по этому поводу, и что в настоящее время достаточно, чтобы Патриархия в общих выражениях признала независимость сербской церкви. Со своей стороны Патриарх на это замечает, что в подобном деле общие выражения не могут быть допущены и что нельзя уклоняться от пути, указываемого преданием. Без сомнения, найдут средство устранить это первое затруднение...» – выражал надежду русский посланник. (РГИА. Ф.796. 160. 1062. 1879г. Дело о самостоятельности сербской церкви. № 150. Кн.Лобанов–Ростовский, 24 сентября (30 октября) 1879 г. Л.10–10 об.)

¹²⁸ Независность српске цркве проглашена 1879. Београд, 1880. С. 28–33.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ РГИА. Ф.796. 160. 1062. 1879г. Дело о самостоятельности сербской церкви. Копия донесения действительного статского советника г.Ону. 21 ноября / 4 декабря 1879 г. Л.20.

¹³² Независность српске цркве проглашена 1879. Београд, 1880. С. 28–33.

¹³³ Не обошлось и без провокаций – одна из турецких газет тотчас после провозглашения независимости напечатала, что «правительство сербское, вместо того, чтобы дать главе своей церкви титул Патриарха Сербского или Патриарха Белградского, назвала его Патриархом Дечанским», претендуя на земли Старой Сербии. (*Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868–1880). Београд, 1953. С.289.*)

¹³⁴ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.6, Пов. № 557.

Независност српске цркве проглашена 1879. Београд, 1880.

Эту книгу вместе с официальными письмами, извещавшими о признании Сербской церкви автокефальной митрополит Михаил направил в марте 1880 г. патриархам поместных церквей – антиохийскому и александрийскому, а также синоду РПЦ, синоду греческой церкви, кипрскому архиепископу, эфесскому митрополиту, охридскому, румынскому и черногорскому митрополитам. Для них, одако это не явилось новостью – из ответных приветственных писем ясно, что сразу по провозглашении автокефальности Патриарх Иоаким направил всем поместным церквям извещение с копией синодского акта (*Одговори самосталних цркава на проглашење независности српске цркве. Бм. Бг.*)

¹³⁵ Српске Новине. 8 декабря 1879 г.

¹³⁶ Бојовић. Љ. Каноничка посета његовог високопреосвештенства архијепскопа београдског и митрополита српског, господина Михаила по округима архијепецезе Београдске. Београд, 1880.

¹³⁷ Подробнее см.: Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда. 1878–1912. Спб., 2007; Војводић М. Стојан Новаковић и Владимир Карић. Београд, 2003..

¹³⁸ Берих Д. Митрополит Михаило и Аустроугарска. 1875–1880 гг. // Живот и дело митрополита Михаила (1826–1898). Београд, 2008. С. 201.

¹³⁹ В архиве Стояна Новаковича хранятся черновики бумаг «План действий по восстановлению Печской Патриархии» (23 марта 1897г.) и «План дальнейших работ по Скопскому вопросу» (24 марта 1897г.) Последняя была прочитана на заседании Синода в присутствии главы правительства и министра иностранных дел. План предполагал «удовлетворить» желания народа Скопьянской и Печской епархий, требующих обновить автокефальную церковь, основанную еще в 13 веке. Это решение от имени Архиерейского Синода сербской церкви планировалось послать всем автокефальным церквям и Синоду и Патриарху, а так же просить телеграммой Вселенского Патриарха выкинуть абзац из фермана, который гласит, что Печская и Охридская патриархии не могут быть восстановлены. На посланника в Цариграде возлагалась особая «миссия» провести это решение через султана в контексте решений о народности 1896г. (*АС.СН.227. План рада за васпостављење Пећске Патријаршије.*)

Более детальный план в черновиках писем Новаковича королю Александру см.: АС.СН.228 от 12 апреля 1897г.; АС.СН.229 от 13 апреля 1897г.; а так же письмо Вселенскому патриарху, в котором он обвиняет «иерархов Вселенской церкви, что они все чаще и больше забывают свои обязанности по отношению к вере, а все больше отдаются капризам филетизма» (*АС.СН.231*) и концепт письма, адресованного всем автокефальным церквям, синоду вселенской церкви, и патриарху относительно скопской митрополии (*АС.СН.232*)

Стоян Новакович и далее не оступился от идеи восстановления патриархии. В этой связи очень интересна переписка с ним митрополита Димитрия в 1908г. Митрополит пишет: «*Весьма меня интересует, действительно ли Вы предприняли какой-либо серьезный шаг с Портой и Патриархией относительно восстановления нашей Печской патриархии, как то сегодня передали некоторые наши газеты?*» Митрополит Димитрий полагал, что «*Если бы Порта и хотела это сделать, все же нелегко будет справиться с греческим шовинизмом, чтобы Патриархия пошла навстречу. Если бы они уступили – это было бы и в наших, и в их интересах. Видимо, Болгарская экзархия останется в турецких областях, с дальнейшей перспективой большей свободы передвижения и успеха в национальных болгарских делах. Этот ее успех был бы значительно ограничен, если не сведен к минимуму, лишь соглашением между Патриархией и нашим государством. А этого соглашения можно достичь, если Патриархия даст «добро» на восстановление нашей патриархии с правом иметь епископов во всех областях, где их имеют болгары; или, чтобы Цариградская Патриархия, если не позволит нам, сама бы в тех местах, где есть болгарские владыки, ставила епископами сербов с правом на славянскую службу. Об этом мы могли бы заключить конвенцию с Патриархией, и обещать ей в перспективе помощь со стороны нашего государства. Для этих вещей давно не было такого удобного момента, как сейчас. Если Патриархия не даст на это согласие, то она нанесет великий урон нам и собственным интересам, которым служит...» (*АС.СН. 1308. 17 новембра 1908г. Митрополит Димитрије – Ст. Новаковићу.*)*

¹⁴⁰ Король Александр рассказывал: «*Болгары предлагают восстановить Печскую патриархию, патриархом будет митрополит Михаил, а владыки в епархиях будут определяться по преобладающей народности. Наше предложение и ответ на это были:*

- *гарантировать и после смерти митрополита Михаила выбор сербского главы церкви;*
- *из объединенной церкви исключить и королевство, и княжество (т.е., Сербию и Болгарию – Ю.К.), с тем, чтобы это была автокефальная объединенная сербско-болгарская церковь в Турции;*

– *наперед определить те епархии, которые принадлежали бы сербам, чтобы это не зависело от случая и от голосования»* (АС.СН. 228. Разговор с кралем Александром. 11 апреля 1897г.).

¹⁴¹ Јовановић Ј. Седам предлога за обнову Пећке Патријаршије (1894–1897) // Прилози за книжевност, језик, историју и фолклор. Књ.18, 1938. С. 450–457.

¹⁴² Например, епископ Никанор (Ружичич) в 1888г. предложил собору: *«принимая во внимание расширение границ сербского государства и возвышение на степень королевства, необходимо возвысить церковную иерархию на ступень патриархии, как было в славные сербские времена»*. Собор решил: *«что касается восстановления патриархии – предоставить это мудрости и предусмотрительности нашего возлюбленного государя и короля»* (Хришћански весник. 1888, июнь. С.66–67).

¹⁴³ Treaty of Peace between Greece, Bulgaria, Montenegro, Serbia on the one part and Turkey on the other part. (London) May 17/30, 1913, [Online], <http://www.zum.de/psm/div/tuerkei/mowat120.php>, [09.07.2013].

¹⁴⁴ Српске новине. 27 августа 1913, № 186.

¹⁴⁵ Српске новине. 27 августа 1913 г.

¹⁴⁶ Политика. 29 августа 1913 г.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Политика. 1 сентября 1913 г., 1 октября 1913 г., 24 ноября 1913 г.; Весник Српске цркве, ноябрь–декабрь 1913 г. С.699; Там же, апрель 1914. С.333; Там же, май 1914. С.414; Там же, июнь–июль 1914. С.426–429.

¹⁴⁹ См.: Политика. 9 апреля 1914, 5 мая 1914, 31 мая 1914, 2 июня 1914.

¹⁵⁰ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914г. Ф.9, д.10. Пов. № 1826.

¹⁵¹ См.: АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1913. Пов. № 36 от 4 сентября 1913; Там же. Пов. № 44 от 17 сентября 1913.

¹⁵² В церковных границах присоединенные земли Старой Сербии и Македонии охватывали шесть епархий Константинопольского Патриархата, три из которых были условно «сербскими», три – «греческими»:

1. Рашко–призренская митрополия (временно находилась без митрополита, однако с 1896 г. митрополитами были сербы).
2. Скопская митрополия (с 1897/1902 г. кафедру занимали митрополиты–сербы. С 1905 г. митрополит – владыка Викентий).
3. Велешко–дебарская епархия (с 1910 г. надлежным епископом также являлся серб по национальности, владыка Варнава, будущий Сербский патриарх).
4. Преспанско–охридская епархия (митрополит–грек).
5. Дойранская (Полеанская) епархия (хороепископ–грек).
6. Битольская (Пелагонийская) (правлящий архиерей – греческий митрополит Хризостом).

¹⁵³ Политика. 24 ноября 1913.

¹⁵⁴ Политика. 1 октября 1913.

¹⁵⁵ Јагодић М. Уређење ослобођених области Србије 1912–1914: правни оквир. Београд, 2010. С. 23.

¹⁵⁶ Јагодић М. Нови крајеви Србије (1912–1915). Београд, 2013. С. 481.

¹⁵⁷ Политика. 21 августа 1913.

¹⁵⁸ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.9. Пов. № 832.

¹⁵⁹ Битолском Митрополиту планирало се выплачивать пенсию в размере 10 тыс., а Дойранскому, Ресанскому и Велешко–Дебарскому по 6 тыс. динар.

¹⁶⁰ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.9. Пов. № 832.

¹⁶¹ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.9. Пов. № 880.

¹⁶² АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.9. Пов. № 1038.

¹⁶³ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.9. Пов. № 1049.

¹⁶⁴ Стеванович так описывал прием у Патриарха: *«Патриарх принял меня в комнате, где, я бы сказал, нарочито, на видном месте вывешена фотография его величества короля с дарственной надписью, вероятно подаренная бывшему патриарху Иоакиму III. Разговор с Патриархом длился полтора часа. <...>*

Все, кто говорили мне о его святейшестве патриархе Германе, единодушно признавали, что он греческий шовинист и грубиян. Между тем, на приеме Патриарх таковым не показался. Напротив, можно сказать, что он был любезен и предупредителен в разговоре и в поведении. На мою речь он ответил словами теплой благодарности в адрес его величества короля и правительства за их приветствия и пожелания, и точно также и г. Митрополиту. Сказал, что он ожидал дружеских шагов сербского правительства с целью урегулирования отношения обеих церквей и что он уверен, все свершится легко в самом приятельском духе». (АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1049).

¹⁶⁵ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1049.

¹⁶⁶ Речь шла о Митрополите Битолском, епископе Преспанском и митрополите Дойранском. Двое сербских владык – Викентий и Варнава должны были войти в иерархию сербской церкви. (АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1151).

¹⁶⁷ На сербской территории Македонии с разрешения османских властей и при участии русской дипломатии располагалось несколько епархий Болгарского экзархата – Скопская и Охридская (разрешены бератами 1890г.), Велеш-

ская и Неврокопская (1894г.), Битольская, Дебарская, Струмичская (1897г.) и часть Доиранской. (*Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. Zagreb. 1925. Kn.1, str. 643–644*). О взаимоотношениях Сербии и Болгарского Экзархата на этих землях см.: *Jagodić M. Нови крајеви Србије (1912–1915). Београд, 2013. С. 480–490*.

¹⁶⁸ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1049.

¹⁶⁹ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 3484, 3485.

¹⁷⁰ Письмо министра просвещения и церковных дел в МИД от 24 марта 1914. АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1207; Деша Д. Стевановича Н. Пашичу от 27 марта 1914 № 13 АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1200.

¹⁷¹ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1297.

¹⁷² Вестник Српске цркве, ноябрь–декабрь 1913 г. С. 699; Политика. 24 ноября 1913.

¹⁷³ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 3484, 3485.

¹⁷⁴ Впрочем, чуть позже, в июне 1914 г., когда переговоры прервались, Вестник Сербской церкви позволил себе безапелляционно обвинить Стевановича в «непонимании вопроса» и «некомпетентности», которые наряду с отказом правительства от участия в переговорах церковных экспертов привели к тому, что переговоры с Патриархией пошли «вопреки ожиданию». По простодушному мнению сербского журнала, все дело можно было решить за один–два дня «в духе канона и церкви» (*Вестник Српске цркве, июнь–июль 1914. С. 426*).

¹⁷⁵ Деша Д. Стевановича Н. Пашичу от 27 марта 1914, № 13. АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1200.

¹⁷⁶ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1614.

¹⁷⁷ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. №№ 1401, 1455.

¹⁷⁸ Речь на тот момент шла о сумме в размере 4.200 дин., которую греки просили посылать через Патриархию, а не выплачивать непосредственно митрополита м. АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1637.

¹⁷⁹ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. №№ 1537, 1637.

¹⁸⁰ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1637.

¹⁸¹ См. примечание к сноске 115.

¹⁸² АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1236, 1636.

¹⁸³ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1236.

Пашич, согласившись со своим чиновником, писал, что «Выплату разом в сегодняшнем тяжелом финансовом положении не можем принять, но позже, когда финансовые дела поправятся, можем дать и 800 тыс. динар» (*АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1609*).

¹⁸⁴ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1616.

¹⁸⁵ Стеванович, желая ускорить дела, сообщил комиссии, что может остаться в Константинополе еще лишь на неделю, и стороны договорились, что к тому времени томос уже будет готов. (*АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1584*).

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1614.

¹⁸⁸ Относительно дискуссии вокруг 5 статьи договора Стеванович сообщал следующее: «Я ранее Вас известил: на первом заседании комиссии был поставлен вопрос о греческих общинах и школах, и члены комиссии удовлетворились моим ответом о том, что этот вопрос был разрешен сербским и греческим правительствами. Позже они возвратились к тому вопросу, и я думаю, это было сделано по предложению г. Панаса, который утверждает, что никакого соглашения не достигнуто. Таким образом, Патриархия бы получила то, чего не достигло греческое правительство. Они это представляют так, что Патриархия обязана показать свой духовный интерес к тем общинам. Патриархия уверена в том, что сербское правительство будет уважать права этих общин и просит подтверждения этого ее интереса, и чтобы сербское правительство имела его в виду. Я полагаю, что такое заявление можно принять и оказать услугу Патриархии. Дабы не принимать на себя никаких обязательств в этом плане, я взял формулировку, которую принял как ст. 5, где констатируется эта заинтересованность и внимание патриархии к тем общинам, а сербское правительство это только принимает к сведению и не принимает на себя никаких обязательств. Патриархии это надо из-за греческой автономии, и я думаю, можно сделать для них эту незначительную уступку» (*АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1698*).

¹⁸⁹ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1733.

¹⁹⁰ Стеванович писал в донесении Н. Пашичу, что относительно первого пункта греки настаивали: «*томос будет выдан после подписания договора. Я это отверг. Если томос будет готов в четверг, – не предмет дискуссии и время подписания договора. Договором от имени сербского правительства я беру обязательство, которое надо тотчас исполнить, а они исполняют свое. Моя аргументация победила и <нрзбр> осталась прежней.*

Ст. 2 принята целиком.

Касательно ст. 3 просили, чтобы после суммы 50 000 дин. поставили слово éternellement. Я сказал, что нахожу это претенциозным и излишним, но если они так этого хотят, то можно упомянуть. <...>

Еще с самого начала я увидел, что Патриархия хочет получить те 15 000, которые определены как пенсии митрополитам, с тем, чтобы платить им значительно меньшую пенсию или найти для них другие епархии. Поэтому комиссию не устраивает упоминание в договоре этой пенсии. Я согласился, т.к. для нас нет причины и пользы настаивать.

Ст. 4 принята в неизменном виде.

Вся тяжесть дискуссии была вокруг 5 ст. Синод хочет, чтобы вместо моей формулировки была внесена эта: «Вселенская Патриархия рекомендует, а сербское правительство обязуется уважать полученные права греческих православных общин, относящиеся к употреблению греческого языка в церкви и школе, так и к церковному имуществу, школам и другим институтам, чью церковно-школьную автономию оно обязуется уважать.»

Я категорично заявил, что такую формулировку никак не могу принять. <...>

Имел мучительную дискуссию со всеми 8 членами комиссии, которые вали, не стесняясь, что я должен был решительно пресечь. Приводили мне примеры с Добруджей и Россией. Ответил, что это не такой случай и нет прецедента, чтобы одно государство письменно бы обязалась на это. Митрополит Митиленский говорил мне, что есть прецедент в деле Скопской епархии, когда Сербия и Патриархия подписали договор о митрополите-сербе и тем самым взяли на себя обязательства уважать греческие общины той епархии. Я этот пример отверг, т.к. он касался Турции и одной епархии, которая принадлежала Патриархии, – наш же случай другой, и я считаю, что для моего государства было бы вредно принимать такое письменное обязательство. Член Смешанного совета, адвокат Ферманопуло, самый упрямый и речистый, взявши в третий раз слово, сказал мне, что ранее этими общинами управляли митрополиты, поставленные султанским ферманом, и община пользовалась привилегиями. Патриархия должна настоять, чтобы в Сербии им те привилегии были сохранены, и что я сам на это раньше согласился.

Я сказал г-ну Ферманопуло: тот забывает – ферманы и привилегии были в нехристианских землях Османской империи, когда нужны были гарантии для христианских общин, а сейчас все общины входят в состав одной христианской земли, которая если и не *éternellement*, то на долгое время будет союзницей Греции, и потому все те гарантии становятся излишними. Я отметил, что данные вопросы урегулировать могут только сербское и греческое правительства. А ссылка на то, что я ранее это принял – неточна и я отклоняю ее. Такого я никогда не мог допустить. Все, что было мной принято, содержится лишь в моей формулировке. Поскольку я смог ответить в этом смысле каждому, закончил я, то моя формулировка – это максимальная уступка, какую можно сделать. Вопрос же урегулирования находится исключительно в компетенции сербского и греческого правительств, – в моей формулировке я не изменю ни слова и без нее не подпишу договор. Председатель объявил мне, что этот пункт надо вынести на Синод» (АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1698).

¹⁹¹ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 3528 а; АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1614.

¹⁹² АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1698.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1733.

¹⁹⁶ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 9. Пов. № 1696.

¹⁹⁷ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1697.

¹⁹⁸ С начала сербско-патриаршийских переговоров греческая пресса была весьма хорошо информирована о всех требованиях обеих сторон и однозначно негативно отнеслась к сербским претензиям. В частности, в одной из газет писалось, что «Мысль Фотия, о том, что церковное управление меняется вместе с политическим – это его личная мысль, которая не есть церковный закон» и что подобные случаи, введенные в обычай «настали по политическим, а не по каноническим причинам». (АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 3755).

Греки беспокоились об оставшихся на землях епархий греческих общинах и настаивали на введении в договор формулировки «Вселенская патриархия, которая должна заботиться об общинах греческой народности, подпадающей под власть Сербии, рекомендует, а Сербское правительство заявляет, что будет уважать полученные права упомянутых общин, которые относятся к употреблению греческого языка, церковного имущества, школ и др. компетенций, чья церковная и школьная автономия должна быть уважаема» (АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. №3756).

Требования же восстановить Печскую патриархию известный греческий публицист Кириакидис назвал «безобразными», едко отмечая: «Появление сербских представителей с ультиматумами имеют жалкий вид, что говорит о их цивилизации и свидетельствует о невоспитанности». Грек, намекая на Н.Пашича, желчно писал: «Было бы странно, когда бы всякий политик, популярный в своей родной стране, вылезал бы перед Вселенской патриархией с дерзкими требованиями, единственное с тем, чтобы польстить шовинизму его родины и возвысить свою партию, не беря во внимание ни достоинство церкви, ни обязанности всего православия». И добавляя, что обновление патриархии – внутреннее дело Сербии, иронично заключал: «Они могут хоть каждую свою митрополию превра-

ть в Патриархию». (АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 2198).

¹⁹⁹ Было ясно, что Австро–Венгрия вообще не заинтересована в восстановлении Сербской патриархии. По верному замечанию сербского историка Д.Берича, «Стратегия церковных и политических кругов Австро–Венгрии заключалась в том, чтобы предотвратить обновление административного единства Печской патриархии...Не предотвратить – означало примириться с юрисдикцией Сербии над БиГ, что не отвечало интересам Австро–Венгрии и расценивалось как прямое вмешательство в дела Карловацкой митрополии». (Берић Д. Митрополит Михаило и Аустроугарска. 1875–1880 гг. // Живот и дело митрополита Михаила (1826–1898). Београд, 2008. С.200).

Сербская газета Политика сообщала, что МИД Австро–Венгрии предпринимает энергичные меры для устройства Сербской патриархии из сербов Карловацкой митрополии, БиГ и Далмации с целью скорейшего создания сербского центра вне Сербии до провозглашения восстановления Сербской Патриархии. (Политика. 2 июня 1914 г.)

Меж тем, Джорджевич доносил 15 июня 1914г. в Белград: «Из надежного источника узнал, что Австро–Венгрия и Германия просили Патриарха не соглашаться на создание новой Сербской патриархии. Австро–Венгрия, кажется, предложила 100 000 крон годовой помощи, если Патриархия не даст своего согласия. Патриарх, говорят, гневно отверг это предложение». (АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 2320).

²⁰⁰ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1812.

²⁰¹ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1815.

²⁰² В частности, Стеванович писал в телеграмме Пашичу: «Новыми категоричными распоряжениями требовать в первую очередь одобрения установления нашей патриархии испорчено целое дело и может дойти до разрыва с Патриархией.

Сейчас один выход – вопрос нашей патриархии отринуть и оставить в стороне, заключить договор и получить томос, как и было договорено, с тем, чтобы для греческих общин была принята формулировка, согласно телеграмме от 5 мая.

Я надеюсь осуществить это, а позже, когда все будет завершено, мы можем провозгласить патриархию с согласия двух православных церквей, для чего необходимо лишь уведомить Патриархию, которая должна будет принять fait accompli. Сейчас же она не будет отказываться от австро–венгерской помощи ради признания патриархии, которая еще не установлена.

Если вы согласны с моей точкой зрения, прошу полномочий спасти дело, пока еще можно спасти» (АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов. № 1813).

²⁰³ Стеванович телеграфировал 14 мая Н.Пашичу «Патриарх снова повторил: вопрос надо изучить и остался при своем. Из его слов видно, что они не согласны на восстановление нашей патриархии.

Поскольку я выполнил ваше раннее распоряжение и в виду ответа Патриарха, мне необходимо уехать из Цариграда» (АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1802).

²⁰⁴ Вл.Джорджевич сообщал Н.Пашичу 23 мая: «Русский посол, хотя я его о том не просил, т.к. вы не ответили мне на его предложение помочь с Патриархией, распорядился Серафимову, секретарю–референту по церковным вопросам, сообщить Патриарху желание русского правительства, чтобы Патриархия как можно скорее завершила переговоры с Сербией. (Примечание Стевановича на письме: это сделано, пока я еще был в Цариграде по моей просьбе, которую я высказал советнику б мая).

Серафимов сказал мне: это распоряжение он выполнил и уверен – Патриархия отступится от требования о школьных общинах и удовлетворится формулировкой Стевановича.

Русский посол просит сербское правительство согласиться решить сначала вопрос о томосе, а потом тотчас, отдельно от него, решить вопрос о новой Сербской патриархии. Русский посол уверен, что если его просьбу удовлетворят, то оба вопроса решатся за 8–10 дней». (АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1926).

В другой телеграмме, от 23 мая, Джорджевич пишет: «Никопуло, юридический советник Патриархии, сказал мне вчера на приеме в английском посольстве, что русский посол передал Патриарху желание России, чтобы Патриархия приняла требования Сербии и закончила переговоры с ней. Патриарх сообщит завтра синоду рекомендацию русского правительства». (АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1927).

²⁰⁵ В частности, Н.Пашич давал своим чиновникам распоряжение попросить, «чтобы союзное греческое правительство приемлемым способом повлияло на работу Патриархии и пошло навстречу желанию сербского правительства». (АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1717).

А 13 мая Н.Пашич писал в Цариград, что «греческое правительство обещало помочь нам в вопросе восстановления патриархии. Надеюсь, что и русское правительство нам поможет». (АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1788).

²⁰⁶ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1890.

²⁰⁷ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1982.

²⁰⁸ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1989.

²⁰⁹ Пашич писал в Цариград: «Если в томосе не может быть благословения на восстановление Сербской патриархии, то требуем, чтобы в то же время в другом акте Патриархия дала дозволение и благословение на установление Сербской патриархии. Когда оба акта будут готовы, я пошлю г. Стевановича подписать соглашение и взять в одно и то же время оба акта. О школьных общинах греческих г. Стеванович дал формулировку, которую можно принять. Попросите Патриархию не медлить с решением вопроса, который возвысит престол Константинопольской Патриархии в глазах всего мира. Мы, как добрые христиане, хотим сотрудничать в согласии с матерью православных церквей и для того настаиваем на благословении». (АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 1927).

²¹⁰ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 2051.

²¹¹ Здесь возникла небольшая коллизия: Джорджевич, пообещав Патриарху такое письмо, написал его и передал без санкции Н. Пашича. В письме приводился старый вариант договора, состоявший из пяти статей. О новом варианте (без упоминания греческой автономии) Джорджевича, видимо, не проинформировали. Разгорелся скандал – Пашич резко ответил, что тот не имел права что-либо посылать без его согласования, Джорджевич обиделся и в еще более несдержанной манере пространно ответил, что он – «в своем праве», и только лишь «исполнял инструкции», полученные ранее. Вообще же, виноват сам Н. Пашич, который направляет ему взаимоисключающие приказы: в «то время, когда я с успехом и с огромной охотой работаю днем и ночью над делами, которые Вы мне изволили доверить, я неприятно удивлен полученными от Вас попреками вместо признательности, на которую, как я думал, имею право». В конечном итоге, свое письмо Патриарху Джорджевичу пришлось дезавуировать, сказав, что он неправильно дешифровал депешу правительства и передать письмо Стевановича, которое было согласовано на заседании министров как проект договора с Патриархией. (АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. №№ 2132, 2145, 1914, 2034, 2122, 3562 а, 3568 а).

²¹² Политика. 28 мая 1914, 1 июня 1914.

²¹³ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. №№ 2279, 2388.

²¹⁴ Пашич ссылался на то, что Конкордат с Римской церковью был уже сделан, хотя «этот вопрос был много тяжелее и сложнее, а мы не можем разрешить такие ясные вещи с Патриархией». (АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 2279).

²¹⁵ АС. МИД Краљевине Србије (1871–1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д. 10. Пов. № 2279.

²¹⁶ Слијепчевић Ђ. Историја српске православне цркве. Београд, 1991. Књ 2. С. 492–494.

²¹⁷ С 1870 г. две сербские епархии на территории Далмации и Боко-Котора – далматинская и бококоторская были формально выведены из-под юрисдикции Карловацкой митрополии и в 1873 г. вошли в состав румынско-сербской Буковинско-Далматинской митрополии. (Слијепчевић Ђ. Историја српске православне цркве. Београд, 1991. Књ 2. С. 550).

²¹⁸ О роли правительства см.: Јанић В. Чланци и расправе. Сремски Карловци. 1921. С. 8.

²¹⁹ Гласник СПЦ. 1920, № 2. С. 18.

²²⁰ Odluka o prisajedinjenju nezavisne «Srpsko-Pravoslavne Sv. Crkve» u Crnoj Gori autokefalnoj Pravoslavnoj Crkvi u Kraljevini Srbiji, [Электронный ресурс] http://www.cpc.org.me/latinica/istorija_crkva.php?id=2 [25.07.2013].

²²¹ Гласник СПЦ. 1920, № 2. С. 23.

²²² 18 января 1919 г. Сербия перешла на григорианский календарь. Первым днем нового календаря стало 1 февраля 1919 г. Как и в России, иногда встречается написание двух дат – по старому и (по новому) стилю. Сербская церковь на новый календарь не перешла, поэтому зачастую в текстах возможна путаница.

²²³ Гласник СПЦ. 1920, 1(14) јула. С. 1–2.

²²⁴ Црквено законодавство српске православне цркве. Књ. 1. Београд, 1926. С. 1

²²⁵ Службене новине. 4 септембра 1919.

²²⁶ Объясняя принятое решение, др. Сава Любичевич, пишет: «сразу после политического освобождения и объединения, которое официально провозглашено 18 декабря 1918 архиереи Боснии и Герцеговины собрались на конференции 1 (14) декабря 1918 и вынесли решение об объединении и присоединении Боснийско-Герцеговинских Митрополий к Архиепископии Белградской и Митрополии Королевства Сербии» (Новаковић Д. Уједињење Српске православне цркве и успостављање Патријаршије 1920. године // Братство, часопис Друштва «Свети Сава». 2011, № 15. С. 78).

²²⁷ Гласник СПЦ. 1920. 1(14) јула 1920. С. 7–9.

²²⁸ Веселиновић Р. Уједињење покрајинских цркава и успостављање српске патријаршије. Посебан отисак. Б.м. Б.г.. С. 18–21.

²²⁹ В состав делегации на переговорах с Вселенской Патриархии входили: Панто Гаврилович, уполномоченный министр, др. Чедомиль Митровић, профессор юридического факультета, протоиерей Степа Димитриевич, ректор Богословии и народные депутаты: Темко Поповић и др. Саво Лубичевич, а также секретарь – будущий тимокский епископ Емельян. (Љубичевић С. Нацрт устава и самоуправно уређење Српске православне цркве. Сарајево. 1925. С. 20; Новаковић Д. Уједињење Српске православне цркве и успостављање Патријаршије 1920. године // Братство, часопис Друштва «Свети Сава». 2011, № 15. С. 82).

²³⁰ Radić R. 88 godina od osnivanja SPC. [Электронный ресурс], <http://pecanik.net/2008/09/88-godina-od-osnivanja-spc/>, [25.07.2013].

²³¹ Гласник СПЦ. 1920. № 7. С. 99–100.

²³² Гласник УСПЦ. 1920. № 1. С. 1.

²³³ Гласник СПЦ. 1920, № 5. С. 66–67.

²³⁴ Первоначально министром веры торжества планировалось провести в Белграде (см.: Бурић Мишина В. *Обнављање патријаршије и избор патријарха 1920. године* // Свети Кнез Лазар. Призрен: Епархија рашко–призренска и косовско–метохијска. 2004. № 4 (48). С. 30–32).

²³⁵ Политика. 5 септембра 1920, 13 септембра 1920; Петровић Д. Уједињење Српске цркве и обнова патријаршије // Српска Православна Црква 1219–1969. Споменница о 750–годишњици аутокефалности. Београд, 1969. С. 365.

²³⁶ Гласник СПЦ. 1920. № 5. С. 59.

²³⁷ Троицки С. Верска политика краља ујединитеља // Летопис матице српске. Мај–јуни. Књ. 343, св. 1. 1935. С. 1, 16.

²³⁸ Примечательно, что на проходившей в ноябре 1919г. третьей, заключительной конференции не присутствовал митрополит Димитрий, не желавший принимать участие в закулисных интригах. «Меж тем существовал договор о том, что регент Александр становится королем, а митрополит Цетиньский – Сербским патриархом, т.к. Черногория осталась без короля. И про это Димитрий знал и был оскорблен тем, что не являлся ни членом Временного комитета, ни членом Центрального Архиерейского собора». Однако тяжело заболел, Черногорско–Приморский митрополит Митрофан (Бан) умер 17 септембра 1920г. (Новаковић Д. *Уједињење Српске православне цркве и успостављање Патријаршије 1920. године* // Братство, часопис Друштва «Свети Сава». 2011, № 15. С. 81).

Незадолго до смерти, 15 септембра 1920г., митрополит Митрофан (Бан) направил министру веры телеграмму следующего содержания: «Неописуемо рад, что объединение сербской церкви с обновлением Сербской патриархии возвышено на степень патриархии. Если сам я малым каким делом помог тому историческому свершению, то это был мой долг. Я Вас, господин министр, учтиво прошу, извольте выразить мою глубокую благодарность его Королевскому Высочеству Регенту за дарованную мне высокую награду. Также, прошу, выразите мою признательность королевскому правительству. И Вам я очень благодарен.» (Бурић Мишина В. *Обнављање патријаршије и избор патријарха 1920. године* // Свети Кнез Лазар. Призрен: Епархија рашко–призренска и косовско–метохијска. 2004. № 4 (48). С. 39–40).

²³⁹ На заседании присутствовали: митрополит Белградский Димитрий, епископ Темишварский Георгий и администратор архиепископии Карловацкой, епископ Захумско–Рашский Кирилл и администратор епархии Бокоторско, епископ Жичский Николай и викарный епископ архидиоцеза Карловацкого Илларион.

²⁴⁰ Аргументация выглядела следующим образом: согласно трактовкам канонов, «основание большей церковной области в одной державе или в ее наибольшей области происходит таким образом, что кафедра ее столицы, т.е. метрополии самой большой области, поднимается на наивысшую ступень».

Этот обычай прописан правилами Халкидонского собора, так правило 17 гласит: «...Но аще царскою властью вновь устроен, или впредь устроен будет град: то распределение церковных приходов да последует гражданскому и земскому порядку» (Епископ Никодим (Милош). *Правила Святой Православной Церкви с толкованиями*, [Электронный ресурс], http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikodim_milosh/rules1/145.html, [25.07.2013]), а правило 28: «мы определяем и постановляем о преимуществах святейшей церкви Константинополя: ... город, получивший честь быть городом царя и сената и имеющий равные преимущества с древним императорским Римом, был бы в соответствии с этим, подобно ему, возвеличен и в церковных делах и стал бы вторым после него». (Карташев А.В. *IV–й Вселенский собор в Халкидоне в 451 г.*, [Электронный ресурс], http://apologia.narod.ru/history/kartashev/4sobor/IV_chast1.htm, [25.07.2013]).

На основе этих правил были возведены в степень патриархии епископская кафедра в Цариграде (3 правило 1 Цариградского собора, 28 правило Халкидонского собора и 36 правило Трулльского), а также кафедры митрополий Александрии и Антиохии.

Сходно этому было сделано и при основании национальных автокефальных областей во всех православных державах – Афины для Греции, Белград для Сербии, Цетинье для Черногории, Бухарест для Румынии, София для Болгарии. По правилам, глава церкви должен пребывать в столице, где сосредоточена наивысшая государственная власть. А раз местопребывание будущего главы церкви – Белград – является местопребыванием архиепископа Белградского, то, следовательно, кафедра Белградского архиепископа возводится в ранг патриархии, а архиепископ автоматически возводится в ранг патриарха (Архив Југославије. 69.1.1 Извод из записника от 3 (16) септембра 1920; Гласник СПЦ. 1920, №7. С.101–103; Политика. 6 октябра 2013 г.; Бурић Мишина В. *Обнављање патријаршије и избор патријарха 1920. године* // Свети Кнез Лазар. Призрен: Епархија рашко–призренска и косовско–метохијска. 2004. № 4 (48). С.40).

²⁴¹ На заседании присутствовали: Митрополит Димитрий, Епископ Темишварский и администратор Митрополии Карловацкой Георгий, Митрополит Банялучско–Бихачский Василий, Митрополит Зворничско–Тузланский Илларион, Епископы: Пакрацкий Мирон, Рашко–Захумский Кирилл, Велешско–Дебарский Варнава, Будимский Георгий, Нишский Доситей, Жичский Николай, Тимокский Ириней, Шабацкий Ефрем, викарный епископ Илларион и секретарь Димитрий Рошу.

²⁴² Архив Југославије. 69.1.1. Извод из записника седнице Архиерејског сабора от 15 (28) септембра 1920.

²⁴³ Только два епископа, велешко–дебарский Варнава и нишский Доситей, резко выступившие против данного решения, в тот же день направили Собору письмо, где напоминали о конференции архиереев, на которой красной нитью проходила мысль о том, что все сербские православные церкви воссоединятся как равные в одно целое, лишь когда будет выбран глава церкви – патриарх, и тем самым сербская церковь восстановила бы то, чего она когда-то лишилась (уже поэтому не стоит приводить пример возведения в ранг патриархии других церквей, ибо для Сербии статус патриархии – не новый, а лишь восстановление прежнего положения).

Именно руководствуясь этим принципом вторая конференция провозгласила объединение всех церковных областей. На этой и на следующей конференции много говорилось о выборах сербского патриарха, результатом чего явился проект закона о выборах патриарха, выработанный вместе с министерством веры. Именно это направление, – полагали епископы, – одобрила Цариградская Патриархия, и оно привело к тому, что престолонаследник провозгласил воссоединение нашей церкви – «наивысший акт признание нашей двухгодичной работы в этом направлении». «Обращаясь к Вселенской патриархии», – продолжали епископы, – «мы подчеркивали, что это желание всего народа, всего епископата и государственной власти, и ничто другое не может лучше подтвердить этого, чем выборы патриарха, в которых будет участвовать вся церковь, епископат, священство и монашество, народ в лице своих представителей и высших государственных чиновников». Завершали свое письмо епископы призывом: «Мы живем во время, когда нам нужна единая, организованная, полная авторитета духовная сила – церковь. И она действительно станет такой, но прежде всего, ее глава, будущий патриарх, должен быть носителем голоса доверия, надежды всех, кто составляет живую христову церковь. А глава наш, патриарх, может достигнуть этого положения только волей всей церкви, если вольется в него душа всего сербского народа». (Архив Југославије. 69.1.1. Письмо епископа Варнавы и епископа Доситея от 15 (28) сентября 1920).

²⁴⁴ Гласник СПЦ. 1920, № 7. С.101–103.

²⁴⁵ Политика. 6 октября 1920 г.

²⁴⁶ Политика. 7 октября 1920 г.

²⁴⁷ Политика. 7 октября 1920 г.

²⁴⁸ Политика. 27 октября 1920г.; Гласник СПЦ. 1920, № 8. С.114–115.

²⁴⁹ Политика. 10 ноября 1920 г.

²⁵⁰ Политика. 11 ноября 1920 г.

²⁵¹ За митрополита Димитрия проголосовало 83 человека, два – за митрополита Петра, за епископа Мирона – никого, и 9 человек воздержалось (Политика. 13 ноября 1920 г.).

²⁵² Политика. 14 ноября 1920 г.

²⁵³ Архив Југославије. 69–1–1. Письмо и.о. министра веры от 3 февраля 1921г. №31.

²⁵⁴ Архив Југославије. 69–1–1. Письмо из МИД. № 1511 от 11 февраля 1921 г.

²⁵⁵ Передаваемые митрополии включали в себя:

– Скопскую, Рашско–Призренскую, Велешко–Дебарскую, Пелагонийскую, Преспанско–Охридскую и часть митрополии Воденской, епископию Полианскую – на основе Бухарестского мирного договора от 10 августа 1913 г.;

– митрополию Струмичскую – на основе Нейиского мирного договора от 27 ноября 1919 г.

– Согласно мирному договору с Австрией, подписанному в Сен–Жермен–ан–Ле от 10 сентября 1919 г. – митрополии в Боснии и Герцеговине: Дабро–Босанскую, Герцеговинско–Захумскую, Зворничко–Тузланскую, Баня-лучко–Бихачкую;

– автокефальные церкви: Карловацкую, Черногорско–приморскую;

– две епархии: Бокоторско–Дубровацкую и Далматинско–Истрийскую. (Гласник СПЦ. 1962. № 4. С.143–146).

²⁵⁶ Гласник СПЦ. 1962. № 4. С. 144.

²⁵⁷ Петровић Д. Уједињење Српске цркве и обнова патријаршије // Српска Православна Црква 1219–1969. Споменица о 750–годишњици аутокефалности. Београд, 1969. С.367.

²⁵⁸ Гласник СПЦ. 1922. № 6. С. 88.

²⁵⁹ Архив Југославије. F.69. f.2, d.2. Письмо из Министерства веры КСХС № 3522 от 12 апреля 1921 г.; Письмо из Министерства веры КСХС № 5469 от 3 июля 1921г.; Приглашение на устоличение. Министерство веры КСХС. № 14192 от 15 августа 1924 г.

²⁶⁰ Далее Чорович продолжал: «... На это указывает и небольшой интерес широких кругов к этому событию и отсутствие живого участия при провозглашении, которое хоть и совершилось с особой церемонией ..., но имело мало притягательной силы. Церковь больше не присутствует ни в общественной, ни следовательно, в государственной жизни, и не имеет того значения которое прежде имела. Даже и в широких кругах нашего православного элемента религиозные вопросы не самые близкие. В нашем новом государстве со множеством конфессий это значение еще условнее и далеко от первостепенной важности. Но в своем узком кругу, в запущенной и находящейся в приличном расстройстве сегодняшней сербской церкви, которая страдает от того, что чувствует это ослабление и веры и интереса к церкви, и что она сама имеет тяжелые пороки...– может, это провозглашение и новая деятельность церкви принесет известную пользу. В некую новую жизнь и перерождение сербской церкви, оглядываясь на лица и на общее настроение народа, мы больше не можем верить» (Ђоровић В., Проглас Српске

патријаршије. «Српски књижевни гласник», 1920, 16 октобар. С.302–303; см. также: Гласник СПЦ, 1920, № 12. С. 187).

²⁶¹ Политика. 12 септембра 1920 г.

²⁶² В своем первом рождественском послании 1921г. патриарх Димитрий сказал слова, которые можно назвать квинтэссенцией понимания сербским обществом роли Сербской православной церкви и Сербской патриархии:

«...Многочисленные гробы наших лучших сыновей, героически положивших свои жизни на полях сражений, умерших после свирепых мучений от рук нашего неприятеля, новых варваров, позволили нашей родине после многих столетий невероятных страданий, появиться перед лицом мира, обновленной и объединенной, с прославленным и уважаемым на весь мир именем. А церковь наша после многих гонений, в которых ее самые славные пыстыри пали жертвами, заново засияла блеском славы первого своего учителя, великого нашего святого Св.Саввы и его последователей, старых наших святых Архиепископов и святых Патриархов.

Когда враги наши из-за междуусобиц наших уничтожили нашу державу и поработили нас, наш народ нашел утешение и духовную опору только в своей вере и в защите своей церкви и своей святой Патриархии. Враги скоро поняли, какая духовная сила отпора нашего народа скрывается в его церкви и его Патриархии, и быстро решили поставить его церковь в уничижительно положение, а у Патриархии отнять разными издевательскими способами для дел духовных. Враги хотели погасить в поработленном народе последнюю искру надежды и утешения.

И в самом деле, когда после нескольких попыток героического отпора, выглядело так, что наш народ будет целиком поработен в своей земле, единственные вожди его, Патриархи того времени, решили вместе с народом временно уйти и поискать поддержку в возвращении свободы своей родине и измученному стаду у других христианских народов. Уклоняясь от насилия, только Патриархи переселились с народом в чужие страны, поверя позвавшим их чужакам, что они возвратятся с их помощью в освобожденную родину как победители. Однако промысел Божий сложился по-другому, и стремление нашего народа и нашей церкви смогло осуществиться целиком только после целых столетий и целых рек пролитой крови. Братья смогли снова встретиться и обнять друг друга под крышей своего собственного государства только в наши дни, когда наша героическая армия под предводительством потомка славного Карагеоргия совершила полное освобождение и объединение целого нашего племени.

Рядом со страстным желанием свободы всего нашего отечества, о которой наш народ никогда, даже в самых тяжелых моментах, не переставал думать, в его разуме никогда не угасало воспоминание о славной древней Патриархии.

Как только наступила свобода для целого народа, тут же в его разуме воскресла и мысль о его старой народной Патриархии, которая должна быть верным духовным провожатым его великого государства. И так недавно народ через своих представителей и через представителей церкви изрек, что за все добро, которое она принесла народу, как знак признательности, надо воздвигнуть церковь на ступень Патриархии, на которой она находилась в дни былой славы.» (Преглед цркве епархije нишке. 1920. №№ 6 и 7. С. 8–10.)

ГЛАВА 2. ПРАВОВОЕ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕРБСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Правовое положение Сербской православной церкви в середине XIX в. – нач. XX вв. было результатом планомерных и методичных действий государственной власти, направленных на подчинение церкви, лишение ее самостоятельности как во внешне– так и во внутривнутриполитическом отношении, действий, которые сталкиваясь с сопротивлением церкви и ее высших иерархов, зачастую выливались в серьезные политические конфликты.

Такие непростые взаимоотношения церкви и власти были наследием средневековой османской системы, известной как *millet-i Rûm*, сделавшей церковь единственно возможным структурообразующим элементом в отсутствии национальных (сербских) органов власти. Естественно, что властные структуры, по мере возникновения и развития сербского государства в XIX в., оставляли церкви все меньше места в управлении государством и не желая мириться с существованием парагосударственной организации, готовили ей роль одного из государственных институтов с привилегированным положением. Вместе с формированием законодательной базы молодого государства появлялись и нормативно-правовые акты, регулирующие действия церкви. Помимо морально-этической и национально-идеологической функций, которые церковь традиционно несла на себе, присутствуя в качестве обязательного элемента в школе и армии, за церковь были закреплены важные гражданские обязанности – регистрация актов гражданского состояния подданных.

XX век обозначил для сербской церкви наступление эпохи крутых перемен. Образование многоконфессионального государства Королевства сербов, хорватов, словенцев в 1918г. потребовало пересмотра правового статуса церкви – и без того ограниченная в своих правах церковь была лишена привилегированного статуса носителя государственной религии.

§ 1. Конституционное положение сербской церкви и органы государственного регулирования

Государственное регулирование деятельности Сербской церкви в новое время берет свое начало с рождением Сербского государства. Приступив к внутренней организации государства, созданное хатт–и шерифами 1829/1830/1833гг. автономное княжество Сербия²⁶³, выработало и приняло на Народной скупщине свою первую «конституцию» – *Сретенский устав* 1835г.

Весьма показательны его статьи, касающиеся церкви – во-первых, они занимают целую главу (гл.9) из всех 14 глав Устава, что само по себе свидетельствовало о важности занимаемого церковью положения. Во-вторых, данные параграфы относятся не только к определению места религии и церкви в стране, но и регулируют ее внутреннее устройство, что для конституции было явным излишком – так государство пыталось сделать первые шаги в направлении официальной регламентации действий церкви.

Уставом определялось наличие «в православной восточной Сербской церкви» одного митрополита Сербского²⁶⁴, количество же архиереев могло быть сообразным с количеством народа. Внутреннее руководство церкви осуществлял митрополит и духовная власть, «которые определяются указом с соблюдением договора, утвержденного с Патриархом в Цариграде». Очевидно, что в основном статьи Устава повторяли пункты Конкордата 1832г.²⁶⁵, выданного Вселенской Патриархией Сербской церкви, и положениями которого надолго был определен статус церкви.

Жалованье митрополит и архиереи должны были получать государственное – из «народной казны», а священники – от народа. Видимо, с целью уменьшения политического влияния церкви, устанавливалось, что ни священство, ни духовенство не могли иметь в Сербии других званий. Это положение не касалось митрополита Сербского и, в «случае потребности», архиереев, которые могли быть призваны князем и госсоветом в качестве советников по церковным делам. На весьма демократический манер любому вероисповеданию в Сербии гарантировалось покровительство правительства и право свободного отправления богослужения.

Как известно, демократический Сретенский устав, этот «французский росток в турецком лесу», просуществовал всего 55 дней, и был отменен под давлением «гарантов» автономного княжества – России и Порты.

Дарованный султанским хатт–и шерифом 1838г. новый Устав, т.н. *Турецкий устав*, родившийся в перипетиях русско-британско-турецких отношений²⁶⁶ и более отвечающий социально-политическим реалиям вассального княжества, не столько определял положение церкви в княжестве, сколько подтверждал свободы, дарованные турецким правительством православному населению и православной сербской церкви²⁶⁷:

«Я (султан Махмуд II – Ю.К.) даровал народу Сербскому полную свободу (освобождая от обычных церемоний закона их) избирать между собой с Твоим (имеется в виду князь Милош – Ю.К.) содействием и под Твоим надзором митрополитов и епископов с условием, что они по духовному чиноположению будут подчинены духовной власти Патриарха, сидящего в Константинополе, который считается начальником этого Закона (греческого закона, т.е. православия – Ю.К.) и Синода. И на них распространяются те же преимущества и свободы, издавна дарованные христианам, жителям царства Оттоманского с начала правления»²⁶⁸.

«Турецкий устав», значительно сузивший права князя автономного княжества и подчеркивающий вассальное положение Сербии, как части Османской империи, а сербов, как поддан-

ных турецкого султана, формально оставался в силе до 1869г., когда по мере развития институтов власти в самой Сербии, а также в результате смены политического курса на получение независимости и прихода к власти либералов, при малолетнем князе Милане была самостоятельно выработана новая конституция.

Т.н. *Наместнический устав* 1869г. был большим шагом вперед для Сербии – это был первый устав, принятый без вмешательства Турции. Фактически он означал окончание борьбы за внутреннюю самостоятельность. Кроме того, Сербия впервые получила устав, который провозглашал принцип разделения властей и представительную систему власти²⁶⁹.

Устав, одним из авторов которого был либерал Й.Ристич (в разработке принимал участие и митрополит Михаил), содержал положения, определяющие место православной церкви в государстве, просуществовавшие без малого полвека – до времени создания Королевства СХС, мирно переключившаяся с некоторыми дополнениями и изменениями из одной конституции в другую.

Во-первых, устав требовал обязательного православного восточного вероисповедания от сербского князя и наследника престола (ст. 11, ст. 19)²⁷⁰. В качестве господствующей веры в Сербии утверждалась «*восточно-православная*» (ст. 31), хотя и делалась оговорка, что «свободна и всякая другая вера» и гарантировалась возможность отправления обрядов. При этом никто не мог, «ссылаясь на религиозные правила, быть освобожденным от своих гражданских обязанностей». Конституция стояла на страже господствующей веры – запрещалось любое действие, которое могло быть «гибельно» для православной веры, т.е. прозелитизм²⁷¹. Целая глава конституции (гл.8)²⁷² была посвящена церкви, школам и благотворительным учреждениям. Она гарантировала право «публичного отправления религиозных обрядов» религий, «которые признаны Сербией или которые будут признаны специальным законом» (ст.119). «Защитником» всех вероисповеданий, признанных в государстве, объявлялся князь (ст.120).

Конституция ставила церковь в непосредственную зависимость от государства: все духовные учреждения всех вероисповеданий в княжестве были отданы под надзор министра церковных дел. И хотя управление внутренними делами церкви осуществлялось в соответствии с принятыми церковными канонами (т.е. Архиерейским собором), свобода действий церкви была значительно ограничена. Статья 121 урезала право на переписку духовных властей православной церкви с заграничными «властями или соборами», – она должна была вестись только с одобрения министра церковных дел. Равно и «никакой акт, который бы дошел от духовных властей или собора за границей» не мог быть обнародованным духовными властями Сербии без санкции министра церковных дел. Так же министру церковных дел отдавалось право рассматривать жалобы против злоупотребления духовных властей «без различия вероисповедания»

(ст.122). Духовенство в «отношении своих гражданских дел и своего имущества» должно было подчиняться «общим государственным законам» (ст.123).

Устав 1869 г. продолжил свое существование и после получения независимости Сербского княжества, вплоть до 1888 г., когда в новых условиях политической борьбы трех партий – либералов, напредняков и радикалов²⁷³ была принята новая конституция, с которой обычно связывают начало парламентаризма в Сербии²⁷⁴ (хотя по мысли готовившегося к отречению короля Милана, она являлась временной мерой, направленной на компромисс королевского престола с радикалами).

В соответствии с новыми реалиями конституция декларировала, что Сербская церковь – автокефальная и *«не зависит ни от какой-либо иностранной церкви, но поддерживает единство в догматах с восточной Вселенской церковью»*²⁷⁵ (ст.3).

Практически в тех же словах, что и устав 1869г., новая либеральная конституция определяла *«государственной верой»* в Сербии восточно-православную (ст.3). Точно также запрещалась любая деятельность, направленная против восточно-православной веры (прозелитизм) (ст.19) и объявлялась невозможность «сербских граждан» быть освобожденными от своих гражданских и военных обязанностей на основе религиозной принадлежности (ст.20). Аналогично предписывалось, что король и его дом должны исповедовать восточно–православную веру (ст.41). Среди либеральных свобод, гарантированных конституцией, присутствовала и неограниченная свобода совести. Всем признанным религиям гарантировалась защита закона, при условии если отправление их обрядов не нарушало общественный порядок или мораль. (ст.18). Король, как и в уставе 1869 г., являлся защитником всех признанных вероисповеданий в Сербии (ст.42).

Глава 13, посвященная церкви, школе и благотворительным учреждениям, практически копировала аналогичную двадцатилетней давности. Внутреннее управление восточно–православной церкви определялось как принадлежащее Архиерейскому Собору. Духовные власти как восточно-православной, так и всех остальных признанных вероисповеданий являлись поднадзорными министру церковных дел. *«Устройство церковной власти и богословских школ восточно-православной церкви»* должно было осуществляться по закону и в согласии министра с Архиерейским Собором (ст.190).

Статья, предписывающая подношение жалоб против злоупотребления церковных властей министру церковных дел, а также определяющая подчиненность церковных лиц и церковных учреждений *«в отношении гражданских дел и имущества ...государственным законам»*, была несколько расширена. В ней появился пункт, регулирующий права церковного и гражданского судов в отношении преступлений священников – *«церковные власти судят священников*

за преступления, совершенные по церковным делам, исключая преступления, которые наказываются по уголовному закону» (ст.191).

Заключительная статья, касающаяся невозможности сербских архиереев вести самостоятельную переписку с представителями иностранных церквей, которой власть застраховывалась от своеволия сербских владык и возможных международных скандалов, полностью повторяла соответствующую статью устава 1869г.: *«переписка духовных властей восточно-православной церкви с иностранными властями, Соборами и Синодами ведется с одобрения министра церковных дел. ...Служебные письма или распоряжения церковных властей, Собора и Синода со стороны не может никакая церковная власть в Сербии ни исполнить, ни обнародовать без знания и одобрения министра церковных дел»* (ст.192).

В 1894 г., после государственного переворота короля Александра Обреновича, конституция 1888 г., значительно ограничивавшая права монарха, была отменена и возвращен устав 1869 г.²⁷⁶ Фактически установив личный режим правления, в 1901 г. король совершил еще один переворот, октроировав новую конституцию. За основу проекта конституции, написанной совместно напредняками и радикалами, была взята конституция 1888 г., поэтому та повторяет интересующие нас положения, касающиеся православной церкви, хотя в более лапидарных и категоричных формулировках²⁷⁷.

Октроированная конституция просуществовала недолго, и после майского переворота 1903 г., которым завершилась история династии Обренович, встал вопрос о выработке новой конституции. Она была принята скупщиной без короля, без его согласия, и более того, в тот момент, когда Сербия короля вообще не имела. Новый, избранный народной скупщиной король Сербии – Петр Карагеоргиевич должен был принять эту конституцию как необходимое условие восшествия на престол, что делало королевскую власть вторичной по отношению к власти народного представительства²⁷⁸. Новая конституция представляла собой измененную лишь в части статей, касающихся властных полномочий короля, конституцию 1888 г. Статьи относительно положения церкви изменены не были и целиком и полностью повторяли устав 1888 г.

В качестве государственной религии православная церковь официально просуществовала до 6 января 1919 г., когда в ознаменование положений Корфской декларации²⁷⁹, будущий глава нового, многоэтнического и мультиконфессионального государства Королевства СХС, регент Александр, издал Прокламацию, которой гарантировалась равноправность всех религий в королевстве и было подтверждено аннулирование государственного статуса и привилегированного положения православной церкви в Сербии и Черногории²⁸⁰. Конституция 1921 г., отказавшись от института «государственной церкви», закрепила положение о том, что все принятые вероисповедания равны перед законом²⁸¹ (ст.12), однако при этом церковь так и не была отде-

лена от государства и по-прежнему являлась объектом постоянного вмешательства со стороны государства, которое, в частности, оставило за собой решающий голос в выборах патриарха.

Надзор за церковной деятельностью на протяжении всего существования независимого княжества, а потом и королевства Сербии, осуществлялся государством с помощью соответствующих органов регулирования. Организация государственного управления была утверждена еще княжеским положением об *«Устройстве органов центральной государственной власти в княжестве Сербии»* 10 марта 1862 г.²⁸², которым в Сербии учреждалось семь министерств (юстиции, МИД, МВД, финансов, военное и строительства). В их число входило и министерство просвещения и церковных дел, каковому вверялась «забота о моральном и научном развитии народа». В качестве церковного ведомства оно должно было «стараться, чтобы соблюдались законы, касающиеся веры и церкви». Министерство, *«имея всегда перед глазами христианский закон православного восточного исповедания»* должно было печься *«о поддержании и развитии веры православной, об основании необходимых заведений для образования священства, о сохранении нужных монастырей, о пристойном содержании священства, о соразмерном делении епархий и вообще о возведении, обновлении и процветании храмов Божиих»*²⁸³. Кроме того, министерство церковных дел осуществляло надзор за всеми признанными религиозными объединениями.

Это положение было в силе до 1880 г., когда существующая система управления образованием (в первую очередь) и церковью перестала удовлетворять правительство – за 18 лет увеличилось население, изменились культурные, нравственные и интеллектуальные потребности государства. Главным недостатком нынешнего порядка управления министр образования считал слабый надзор за школами и неясно определенные или незакрепленные функциональные обязанности чиновников, вынужденных заниматься одновременно и вопросами школы, и вопросами церкви²⁸⁴. Увеличилось и количество церковных дел – министр образования Ст.Бошкович докладывал на заседании Скупщины:

«Сегодня в Сербии более 1000 духовных лиц – членов консисторий, протоиереев, священников и монахов – которые так или иначе контактируют с министерством просвещения, призванным... разбирать ... их официальные дела, разрешать конфликты, решать вопросы, проводить расследования, давать инструкции и т.д.».

Для более эффективного разрешения все увеличивающихся проблем было необходимо, чтобы управление церковными делами (которое по словам министра «по счастью» осталось объединено с министерством просвещения) *«имело в самом министерстве особое отделение, в котором бы все дела отправлялись точно и быстро в смысле закона, на славу и честь церкви и на пользу народа»*²⁸⁵.

Церковь так и осталась в «живой благотворной связи с народным просвещением», однако по **Закону о организации министерства просвещения и церковных дел 14 января 1880 г.**²⁸⁶ министерство было поделено на два отделения – отделение по делам просвещения и отделение по делам церкви, каждое из которых имело свой штат – начальника, секретаря и писарей (бухгалтер и статистик были общими на все министерство). Начальники отделений устанавливались княжеским (а в последствии королевским) указом по предложению министра. В качестве требований к начальнику отделения было наличие высшего образования и работа «профессором» в течении 3 лет.

В функции начальника отделения по делам церкви входило «согласно закону и специальным министерским распоряжениям давать ход делам, подготавливать рассмотрение и давать заключения по делам своего отделения». В обычных, ясных с юридической стороны случаях, начальник имел право сам выносить постановления и подписывать резолюции, заменяя тем самым министра. В сложных и сомнительных случаях тот всегда должен был информировать министра и требовать от него решения. Начальник ставил на рассмотрение министра вопросы, касающиеся церковных нужд и священства, докладывал министру обо всем, входящем в эту сферу от Архиерейского собора, отдельных архиереев, консисторий и т.д.

Общие обязанности министерства сохранялись теми же – забота об укреплении духовной морали и ее благотворном влиянии на жизнь и развитие народа. В сферу задач министерства входило управление согласно с положениями закона, а там «где требуется» – и согласно с мнением Архиерейского собора, церковными делами, не входящими в компетенцию собора или отдельных архиереев. В последнем случае министерство осуществляло только «надзор и защиту», насколько это требовалось со стороны государственной власти. Помимо православной церкви, министерство осуществляло надзор и за остальными религиозными организациями.

Церковное отделение вершило надзор за делами церкви вплоть до 1919г., когда было основано министерство веры Королевства СХС, взявшее на себя регулирование политики в отношении всех конфессий нового государства²⁸⁷. При этом вокруг самого правительственного **«Постановления о временной организации Министерства веры»** закипели нешуточные страсти, заставляющие вспомнить старую добрую Сербию времен противостояния митрополита Михаила и правительства Милана.

Еще в 1918 г., на о.Корфу, митрополит Димитрий, узнав, что министерство просвещения и церковных дел преобразовано в министерство веры, заявил, что это перемена «не согласна с духом нашей святой церкви и законом о церковных властях» и потребовал, чтобы никакие вопросы, касающиеся церкви не решались бы без предварительных обсуждений с Архиерейским собором, упорно при этом продолжая именовать в официальной переписке

министра веры «министром просвещения и церковных дел»²⁸⁸. На это глава министерства не приминул заметить, что вверенное ему министерство называется «министерством веры», а никак иначе, и просил впредь обращаться именно так, ибо только такое обращение гарантирует принятие посланных бумаг к рассмотрению²⁸⁹.

«Постановление о временной организации Министерства веры», принятое 31 июля 1919 г. уже в Белграде, помимо потери православной церковью прежнего привилегированного положения, принесло и новые сюрпризы. Мало того, что православие стало теперь лишь одной из многочисленных законнопризнанных конфессий (в министерстве, ответственном за равноправность всех вероисповеданий, образовывалось четыре отделения – общее, отделение восточно-православного исповедания, католического и мусульманского), так еще ст.2 Постановления гласила, что министерство веры – *«орган центрального государственного управления, который в границах существующих законов осуществляет верховную надзорную власть и наивысшую административную власть во всех религиозно-политических делах, входящих в компетенцию государства»*²⁹⁰. Естественно, что церковь, уже смирясь с очевидной утратой православием статуса государственной религии, с таким явным вмешательством государства в свои дела мириться не могла и не хотела.

Митрополит Димитрий через голову министра веры (что тоже вызвало неудовольство властей) направляет официальный протест главе правительства, где объявляет, что постановление *«совершенно противно каноническим и законным принципам, составляющим главную основу нашей церкви»*²⁹¹. Закон принят без договора с Архиерейским собором, какового требуют устав и закон о церкви, а также содержит положения, *«которых не может придерживаться ни одна из православных церковных властей»*, ибо верховную административную власть в православной церкви представляют епископы и соборы (синоды) соответствующих церквей. И если функция верховного надзора, доставшаяся в наследство от старого министерства, не сильно смущала митрополита, ибо была, по его словам, *«больше внешней природы»* и не особо касалась внутренней жизни церкви, то относительно сосредоточения высшей административной власти в руках министерства, он резко возражал. Первоиерарх доказывал, что эта власть по всем канонам принадлежит церкви *«как божественному установлению»* и призывал не вводить в действие постановление.

Министр веры, по его собственным словам, был *«неприятно удивлен этим шагом его высокопреосвященства»*²⁹² и в письме кабинету министров довольно желчно замечал, что да, внутреннее управление СПЦ принадлежит по закону церковным властям, но они стоят под верховным надзором министерства веры, а все епископы получают зарплату от государства, члены духовных судов содержатся государством, военные священники и вероучители получают содержание из государственной казны, богословия и богословские школы оплачивает госбюджет,

переписка церковных властей Сербии с иностранными идет через министерство, письма без одобрения министерства не публикуются и т.д. и т.п. Следовательно, государственная администрация, по мысли министра, *«не только осуществляет надзор над администрацией церковной, не только своим авторитетом и всеми располагаемыми средствами оказывает ей поддержку, но и в наиважнейших вопросах сама непосредственно осуществляет управление»*. Относительно же упрека митрополита в том, что правительство не посоветовалось с Архиерейским собором – то ведь организация государственного органа никак не входит в церковную компетенцию – это исключительно дело государства. И как может митрополит называть постановление об устройстве министерства веры излишним, если королевское правительство находит его необходимым?

Официальный ответ, адресованный Архиерейскому собору, не заставил себя ждать²⁹³.

Министр саркастически замечал:

«Я действительно не отрицаю, что постановление об устройстве министерства веры касается и сербской церкви и священства, но их, точно также, по крайней мере, касаются и все остальные постановления об устройстве всех остальных министерств. Но я не думаю, что церковь и священство возражали, что те изданы без предварительного совещания с Архиерейским Собором».

Непосредственно церкви это положение, по убеждению чиновника, никак не касалось. Министерство веры абсолютно не вмешивалось в существующее правовое и фактическое состояние в отношении церкви и государства, сохраняя *status quo ante*. В конце министр довольно жестко резюмировал: если государство учреждает себе орган, который от ее имени вершит часть тех дел, которые входят в его компетенцию, то это совершенно не касается церкви. И посоветовал Архиерейскому собору своими протестами не вводить «путаницу» в общественные круги и не подрывать доверие к министерству веры в рядах архиереев и священников.

Несмотря на дальнейшие многочисленные попытки архиереев настоять на своем (любопытно, что в стенограммах собора еще в 1920 г. министерство веры пишется в кавычках – *«веры»*)²⁹⁴, министерство в конечном итоге грубо одернуло митрополита:

«И если даже его высокопреосвященство господин митрополит считает постановление излишним, министерство веры от имени королевского правительства было бы весьма радо, если бы его высокопреосвященство держался бы в управлении вверенной ему церкви существующих законов...»²⁹⁵.

В преддверии объединения церкви и грядущих выборов патриарха ссора с правительством могла стоить митрополиту Димитрию патриаршего престола, поэтому инцидент был исчерпан, хотя церковь и в дальнейшем предпринимала официальные попытки изменить статьи Постановления²⁹⁶.

§ 2. Церковное законодательство (Закон об органах церковной власти 1862 г. с дополнениями от 1882 г. и Закон о церковных властях восточно–православной церкви 1890 г.)

Если конституция прописывала общие положения, касательно присутствия православной религии и церкви в государстве, то для более детальной регламентации организации церкви требовались специальные нормативные акты.

Еще в 1862 г. для урегулирования отношений между государством и церковью был принят *Закон об органах церковной власти православной веры* /от 30 сентября 1862 г./, который отменял действовавшие до того момента *«Начертание о духовной власти»* /от 21 мая 1836 г./ и *«Устройство духовной власти»* /от 23 августа 1847 г./

Значительная часть статей Закона 1962 г. была посвящена организации судебного процесса в церкви и определению функций церковных властей. Закон закреплял существование трех органов церковной власти в княжестве²⁹⁷:

1. епархийские консистории
2. апелляционная консистория
3. Архиерейский собор и архиереи

Епархийские консистории существовали при архиереях для управления делами православной церкви и для вершения судебных дел, которые входят в круг ее обязанностей²⁹⁸. Штат консистории имел статус государственных чиновников и получал жалование из бюджета, на них распространялись законы, касающиеся гражданских судов (§§14,16). Тем самым, церковные суды были выведены из-под власти епископов, что в дальнейшем надолго послужило камнем преткновения между правительством, архиереями и священниками.

В обязанность консисториям вменялось²⁹⁹: способствовать *«сохранению истин православной веры и церкви духовенства и христиан»*, следить за тем, чтобы священство проповедовало в церквях народу *«науку православной веры»* и давать с благословения архиерея наставления православному священству *«как благим советом отвращать христиан от суеверия»*. Так же консистория была ответственна за свершение богослужения в церквях и монастырях по церковному уставу, прописанным образом и в определенное время.

Кроме того, в функцию консистории входила забота о содержании церквей, кладбищ, возведении и ремонте храмов, о движимом и недвижимом имуществе церквей и монастырей (сведения о нем должны были передаваться в консисторию). Без согласия министерства (по представлению консистории) никакое недвижимое имущество церкви и монастыря не могло быть куплено, подарено, продано или сдано в аренду. Консистория была лишена права на пря-

мую обращаться к правительству – лишь через вышестоящую инстанцию – министерство просвещения и церковных дел. Члены консисторий должны были вести статистику (списки монашества и священства, списки крещенных, умерших, финансовая отчетность) и каждый год подносить министерству доклад о своей работе (количество преступлений, апелляций и т.п.), а также выписку из протоколов умерших, рожденных и венчанных.

Касательно священства консистория обязана была заботиться о каноническом совершении чинодействия монахов и священников, а в случае ошибок – предавать их суду по прописанным правилам. Консистории вменялось в обязанность осуществлять правосудие в отношении всех преступлений духовных лиц, совершенных во время священнодействия, а также рассматривать незаконные совершение брака и развода.

Однако, несмотря на весьма четкие указания закона о праве консисторий на суд только за дисциплинарные проступки, гражданские суды зачастую отдавали священников, совершивших уголовное (или административное) преступление консистории, с тем, чтобы она выносила наказание священнику и по гражданскому делу. Понадобилось специальное разъяснение министра просвещения, где строго разделялись сферы гражданских судов и духовных – гражданский суд не мог выносить приговоры по дисциплинарным нарушениям, а консистория не имела права судить представителей духовенства за гражданские правонарушения³⁰⁰.

Второй орган церковной власти, апелляционная консистория, являясь инстанцией более высокого порядка, занималась рассмотрением дел, которые по тем или иным причинам не были решены (или неудовлетворительно решены) епархиями консисториями³⁰¹. Аппарат консистории (его выбирал митрополит и предлагал министру, а затем утверждал князь (§54) состоял из председателя – епископа, избираемого на один год архиерейским собором, заместителя – архимандрита, трех рядовых членов из числа священства и двух почетных. Апелляционная консистория заседала в Белграде два раза в год (мае и сентябре) с санкции митрополита.

Высшая церковная власть сербской православной церкви принадлежала Архиерейскому Собору (§75)³⁰². Председателем Архиерейского собора являлся митрополит Сербский, а членами – все епархиями архиереи. Закон устанавливал место и периодичность заседаний – собор проводится там, где пребывает государственное правительство, один раз в год, в сентябре (но допускалось, что в случае необходимости может собираться и в другое время). Закон определял порядок обращения Собора в случае надобности к государственному правительству – через министерство просвещения и церковных дел. Также через него собор должен был получать все правительственные распоряжения и законы, касающиеся церкви и духовенства (§77).

Чтобы избежать неприятных сюрпризов, власти закрепили в законе свое право получать заранее официальное мнение Архиерейского Собора о любом деле: через министра просвещения правительство обращалось по интересующему вопросу к митрополиту, а тот – к членам

Архиерейского Собора (их мнение должно было быть оформлено специальным протоколом и подписано членами Собора – подчеркивалось, что все это свершалось до начала работы собора).

Все мало-мальски важные решения Архиерейского Собора, как-то: закон о суде над духовенством, судебные приговоры архиереям, устройство богословских школ, содержание курсов веронауки в школах, открытие или закрытие монастырей, оплата монахов и настоятелей монастырей, одежда духовенства, количество необходимых протоиереев и епархийских наместников, регулирование парохий и т.п. должны были подноситься министерству просвещения для утверждения (§93). Более того, выбранный на Архиерейском Соборе, новый епископ должен быть одобрен и утвержден указом князя и только потом могла осуществиться хиротония. Архиереям вменялось в обязанность каждые три года объезжать свою епархию и отчет об этом направлять собору, который пересылал его министерству. В случае, если место митрополита оказывалось свободным, администратора митрополии назначало правительство (§95).

Проект этого закона разрабатывался с ведома митрополита Михаила, и по предложению правительства в рабочую комиссию был включен один из представителей церкви (архимандрит Гаврило Попович). Но к соглашению стороны не пришли – комиссия больше следовала инструкциям правительства, нежели прислушивалась к предложениям церкви. Проект закона не устраивал митрополита Михаила, который полагал, что этим законом значительно умаляются права церкви, и что новый порядок «не отвечает правилам и священным канонам православной церкви»³⁰³. Причина главным образом крылась в том, что церковные суды были выведены из под власти епископа и отданы в подчинение министерству просвещения и церковных дел, а так же значительно сужены полномочия Архиерейского Собора³⁰⁴. По мнению митрополита, *«предпринимаемое устройство уничтожает все права, отнимая автономию и ослабляя иерархию, доводит ее до такого состояния и положения, что она перестает быть полезной в государстве, ...так как закон этот вводит в церкви вместо церковного управления светское»*³⁰⁵. Однако в министерстве придерживались иного мнения – церкви решили оставить ровно столько автономии, сколько бы позволило не чинить помех государству. Закон был принят без формального договора с церковью и рассматривался многими представителями духовенства как препятствующий осуществлению канонической деятельности и провоцирующий конфликты между церковными и государственными властями³⁰⁶.

Закон оставался в неизменном виде до 1882 г., когда после конфликта митрополита Михаила с властями (см. главу 4) и последовавшего за тем указа князя Милана 1881 г. об освобождении его от управления митрополией Сербской³⁰⁷, правительство внесло в существующий закон поправки, имевшие целью избежать в будущем подобных конфликтов церкви и государства. Власти пошли по проторенному пути урезания прав церкви – ей оставлялась полная автоно-

мия в «чисто церковных и внутренних вопросах», а ее отношения с государством организовывались таким образом, «чтобы конфликтов и недоразумений между ними не могло быть». Как докладывал на заседании Скупщины председатель законодательного комитета К.Борисавлевич,

«...теперь, с возникновением более правильных и прозрачных отношений между государством и церковью,... мы можем надеяться, что направление работы церковных органов будет более сообразовываться с направлением законодательства и государственных органов. Церковь – важная составляющая народной жизни. И в интересах благоприятного течения общенародного дела это – великое достижение, которым будут обеспечены договор и согласие между церковью и государством»³⁰⁸.

«Более правильные и прозрачные отношения» подразумевали полный контроль правительства над высшей церковной иерархией. В состав Архиерейского Собора кроме архиереев были введены два архимандрита и по одному протоиерею от каждой епархии, которые утверждались королевским указом (I)³⁰⁹. О времени созыва собора, первого и заключительного заседания, министру должны были сообщать заблаговременно, а все решения собора доставлялись на одобрение министру. Архиереи приравнивались к государственным чиновникам, и им была определена ежегодная плата в размере 10 тыс. динар (VII).

Но главные изменения касались выборов митрополита – теперь его выбирал не Собор, а специальный избирательный орган, в состав которого, помимо членов Архиерейского Собора, входили и представители власти – председатель министерского совета (т.е. глава правительства), министр просвещения и церковных дел, председатель госсвета, председатель кассационного суда и пять членов Скупщины (IV). Выбор митрополита должен был утверждаться королем – церковный обряд устоличения не мог совершиться прежде одобрения короля. Таким образом, выборы главы церкви, очевидно, превращались из сугубо внутрицерковного дела в мероприятие государственного значения и под государственным же контролем. События последних лет дали понять, насколько самостоятельными и нелояльными к власти могут оказаться избалованные излишней свободой архиереи, посему требовалось исключить саму вероятность появления высших церковных иерархов, не подчиняющихся законодательству и бойкотирующих правительственные распоряжения. Ведомство Стояна Новаковича блестяще справилось с задачей – архиереи превращались в чиновников на службе королю и государству.

Закон об изменениях и дополнениях в закон о церковных властях православной веры 30 сентября 1862 г. от 31 декабря 1882 г. вступил в силу 1 февраля 1883 г. и позволил правительству полностью сменить всю церковную иерархию. Новый митрополит Теодосий Мраович (1815–1891) был выбран на Избирательном соборе, в составе которого не было ни одного епископа, а непокорные архиереи, отказавшиеся участвовать в неканонических выборах по тому же закону были сняты с должностей, а их епархии вскоре, в 1886 г., указом короля Милана были вообще упразднены.

Перемена церковного закона стала возможна только с переменной правительственного курса – с отречением в 1889 г. короля Милана и приходом к власти либералов, вернувших опального митрополита Михаила. Разработка проекта нового закона о церкви вызвала нешуточные баталии, в которые были вовлечены все политические партии, правительство, скупщина, духовенство и лично Н.Пашич, который, употребив свои внешнеполитические ресурсы, привлек к участию и Россию. Дебаты в скупщине на чтениях проекта закона притягивали массу любопытных зрителей и журналистов, следивших за перипетиями церковного вопроса, вступавшего в свою завершающую фазу. За статьи закона между церковью (в лице митрополита Михаила) и скупщиной шла самая настоящая торговля – в результате, закон от 27 апреля 1890 г., хотя и был принят с формального согласия митрополита, архиереев все равно не удовлетворял, ибо умалял их влияние и давал светским властям в церкви решающие права³¹⁰.

Закон о церковных властях восточно-православной церкви состоял из 246 статей и охватывал все сферы церковной жизни³¹¹. Вслед за конституцией ст. 1 провозглашала восточно-православную веру государственной религией Сербии, а сербскую церковь – автокефальной и не зависящей ни от какой-либо иностранной церкви, но поддерживающей единство в догматах с восточной Вселенской церковью. Ст.2 определяла, что «внутреннее управление восточно-православной сербской церкви принадлежит Архиерейскому Собору». Все церкви, монастыри, епархии и их имущество отдавалось под верховное управление Архиерейского Собора и под надзор министерства просвещения и церковных дел (ст.3).

Закон закреплял церковно-административное разделение земель: область королевства Сербии в этом отношении разбивалась на епархии, протопресвитерства, наместничества, парохии и капелании (ст.5). Королевство Сербия делилось на четыре епархии: Белградскую, Жичскую, Нишскую и Тимокскую (ст.6).

Все церковные власти в королевстве Сербия должны были находиться под верховным надзором министра просвещения и церковных дел. (ст.232). Органы церковной власти распределялись следующим образом (ст.8):

1. Архиерейский собор
2. архиепископ Белградский и митрополит Сербский
3. епархийские архиереи
4. Великий Духовный суд
5. епархиальные духовные суды
6. окружные протопресвитеры, парохийские священники
7. церковная община
8. монастырские старейшины (архимандриты, игумены, иеромонахи)

Архиерейский собор представлял собой наивысшую церковную власть. Собор снова (в отличие от поправок 1882 г.) состоял только из епархиальных архиереев. В отсутствие председателя собора (митрополита Сербии) должность замещал старейший по хиротонии (ст.9). Точное время заседания собора (один раз в году, весной или осенью) определял митрополит, о чем извещал министра (ст.11).

Архиерейскому собору вменялось в обязанность «следить за чистотой православной веры народа сербского – по святому письму, священным преданиям, правилам святых апостолов, вселенских и областных соборов, святых отцов и по старым благочестивым обычаям сербского народа» (ст.19).

Помимо сугубо церковных обязанностей, собор принимал решения об учебниках для преподавания «христианской науки» в школах, которые стоят под надзором государственной власти. По новому закону никакой акт, распоряжение или закон, касающиеся сербской церкви и духовенства не могли быть приняты или изменены без предварительного слушания Архиерейского Собора. Кроме того, Собор имел право высказывать свое мнение министру просвещения о согласии или несогласии законов и распоряжений относительно церкви и духовенства с духом православной веры. Любопытно, что ни митрополит, ни епископы не обладали свободой передвижения вне пределов Сербии – архиереи за разрешением для поездки за границу должны были обращаться к королю. Выбор епископов по-прежнему должен был одобрять король по рекомендации Митрополита, направленной через министра просвещения. Хиротония могла состояться только после утверждения кандидатуры епископа главой государства (ст.25), а после хиротонии король указом назначал новоизбранного владыку на епископскую кафедру (ст.26). Каждый епископ был обязан каждый год представлять собору отчет о своей архиерейской деятельности, который передавался министру просвещения и, в случае надобности, предавался гласности.

Закон закреплял структуру и обязанности еще одной ветви церковной власти – белого духовенства: окружные протопресвитеры (старейшины над окружными священниками, выбирались ими и поставлялись надлежными епископами) (ст.30), районные наместники (старейшины над районными священниками ими и выбираемые, утверждались епископом) (ст.35), парохийские (приходские) священники (ст.37) и помощники парохийских священников – дьяконы.(ст.38).

Новый закон 1890 г. вводил понятие «*церковной общины*», которая состояла из всех парохий, принадлежащих одной церкви (ст.41) – церковную общину, таким образом, составляли все прихожане (ст.42). Церковная община управляла всем движимым и недвижимым церковным имуществом и должна была стараться, чтобы церковь снабжалась всем необходимым

(ст.43), община имела свой счет и могла распоряжаться деньгами с одобрения епархического суда.

Следующий представитель церковной власти – настоятели монастырей. Они выбирались и поставлялись либо Архиерейским Собором (монастыри первого порядка) либо надлежными архиереями (ст.65). Настоятели управляли движимым и недвижимым монастырским имуществом, составляя каждые три месяца отчет окружному начальнику, а каждый год – инвентарь монастырского имущества для надлежных властей. Надзор за приходом и расходом осуществлял окружной протопресвитер (ст.67). Все сербские монастыри были поделены на три группы: к первой группе принадлежали самые важные задужбины сербских князей – Студеница, Жича, Раваница, Манасия, Горняк, Любостиня, Каленич и Рача. Монастыри второй группы – Трноша, Наупара и др., к третьей принадлежали все остальные (ст.75). Монастыри в Сербии были киновийными (общежительными) (ст.73). Все монастыри, настоятели и монахи находились под надзором надлежного епископа (ст.76).

Судебная власть (кроме Архиерейского Собора, который вершил суд над епископами и архиепископами, а так же разбирал брачные споры членов королевской семьи) (ст.77) принадлежала Великому Духовному суду и епархиальным духовным судам (ими заменялись соответственно Апелляционная и епархийские консистории закона 1862г.). Великий духовный суд занимался рассмотрением дел, выходящих за рамки компетенции епархиальных судов, и разрешал споры между церковными властями (ст.78). Суд состоял из представителей черного и белого духовенства, председатель – епископ, избираемый Архиерейским Собором, все члены поставляются указом короля по предложению министра просвещения (ст.82).

В каждой епархии учреждался свой духовный суд (ст.95), который кроме рассмотрения преступлений духовных лиц и дел относительно развода, получал право распоряжения церковными и монастырскими деньгами (в случае суммы больше 2 тыс. динаров требовалось одобрение министра), и право выносить решение о покупке/продаже церковной недвижимости (в случае суммы более 1 тыс. динар требовалось одобрение министра) (ст.97). Кроме того, суды вели статистические данные (протоколы крещенных, венчанных, умерших), и роспись числа священников, монастырей, церквей, имущества и т.д. Члены суда поставлялись королевским указом (ст.103) по предложению министра (эта статья была впоследствии заменена §8 закона 1862г. – членов суда выбирал епископ).

Согласно новому закону митрополит Сербский являлся «верховным представителем» сербской церкви (ст.20), который *«поддерживает единство иерархии, обращая внимание на то, чтобы между епископами господствовала любовь и согласие в делах церкви и ее управления»*. Закон 1890г. подтверждал порядок выбора митрополита Сербии *Выборным собором*, однако менялся его состав – туда входили все епархийские архиереи, все архимандриты, все ок-

ружные протопресвитеры, а так же представители власти – председатель министерского совета, министр просвещения и церковных дел, председатель и заместитель председателя Скупщины, председатель госсовета, председатель кассационного суда, председатель главконтроля, ректор великой школы и ректор Богословии (при условии если они принадлежат к восточно-православной вере) (ст.127). Выборный собор после трех месяцев со дня смерти митрополита созывает министр просвещения (ст.131), голосование тайное, из трех выбранных собором кандидатов (ст.136). Кандидату необходимо набрать две трети голосов (ст.138), если никто не наберет нужного количества голосов, выборы через четыре дня проводят заново (в этом случае необходимо набрать больше половины голосов). Протокол выборов подносят королю на одобрение, и после его одобрения избранный епископ поставляется королевским указом по предложению министра митрополитом Сербии.

Всем архиереям были определены права госчиновников (ст.225), а годы, проведенные на архиерейской службе, приравнивались к годам госслужбы. Ежегодная плата митрополиту и епископам составляла 8.500 динар, а митрополиту сверх того 4 тыс. динар, кроме того им гарантировалось бесплатное «пристойное» жилье за счет епархии (ст.226). Члены епархийских судов также приравнивались к чиновникам (председатель получал жалование в 3500 динар, другие члены от 2500 до 3500 динар). Протопресвитеры получали плату в размере 300 динар, наместники – 200 динар из государственного бюджета (ст.228).

Практически сразу же после вступления в силу *Закона о церковных властях* была создана комиссия для внесения в него изменений, которыми значительно расширились функции, и увеличивалась власть епископа, однако этот проект так и не был осуществлен. Позже в закон несколько раз вносились изменения и дополнения – законами от 26 апреля 1895 г.³¹², 29 июля 1898 г.³¹³, 11 января 1899 г.³¹⁴, 29 января 1900 г.³¹⁵, 19 ноября 1910 г.³¹⁶. Дополнения касались в основном передачи власти над епархиальными судами надлежным епископам и увеличению платы архиереям (митрополиту ежегодная плата устанавливалась в размере 15 тыс. динаров, епископам – 10 тыс., кроме того дополнительно митрополиту выплачивалось 7.5 тыс., а епископам по 1 тыс. динаров) (ст.226).³¹⁷

Закон о церковных властях православной веры благополучно пережил объединение Сербии, Хорватии и Славонии в Королевство СХС в 1918 г., после чего его действие было распространено на всю православную церковь нового государства.

Рядом королевских и правительственных постановлений 1919–1920-ых гг.³¹⁸ была начата унификация всех церковных областей объединенной сербской церкви, а также и централизация управления – в 1920 г. в министерстве веры жаловались на так и непроведенную унификацию *«различного в разных краях церковного законодательства»*. Между тем, в министерстве считали, что *«только при унифицированном управлении может быть реализован принцип равно-*

*правности всех вер в отношении их к государству и государства к ним»*³¹⁹. Унификацию планировалось осуществить как можно быстрее, с тем, чтобы провести централизацию административной власти, касающейся религиозно-политических дел православной церкви. Цель унификации – возможность *«единообразно управлять единообразно организованной церковью»*, а заодно и определить, насколько государство будет «ангажировано» в данном деле.

Однако эти процессы растянулись на следующие десять лет, вплоть до принятия нового **Закона о церкви 1929 г.**, необходимость которого обосновывали чиновники министерства, признавая, что объединенная сербская церковь *«в действительности не представляет единое целое, так как для каждой покраинской церкви в нашем королевстве действует свое законодательство, принятое в разных политических реалиях и с разными целями»*³²⁰. Разнобой в законодательстве и автономии ставили под угрозу и сам принцип равноправности всех уставом признанных вероисповеданий в многоконфессиональном государстве.

Сербская православная церковь потеряла статус государственной религии в стране, где число православных верующих составляло лишь 46,6% от всего населения, однако при этом так и не освободилась от государственного контроля. Образованное министерство веры осуществляло не только привычный верховный надзор, но и *«наивысшую управную власть во всех религиозно-политических делах, входящих в компетенцию государства»*. Власти Югославии не собирались отказываться от старой сербской политики в отношении церкви и по-прежнему считали целесообразным управлять выборами главы церкви – **Закон 1930 г. о выборах Патриарха**³²¹ копировал королевское постановление о выборах первого Сербского патриарха 1920 г., согласно которому процедура осуществлялась Выборным собором, состоящим не только из представителей духовенства, но и высших государственных чиновников и утверждалась указом короля. А принятый в 1929 г. Закон о сербской православной церкви³²², отделивший, наконец, церковь от государства, по-прежнему сохранил право короля утверждать епархийских архиереев. Через надзорные ведомства (министерство юстиции, в ведении которого теперь находилась церковь, и министерство просвещения) государство всегда могло поставить вето на любое решение церкви³²³.

§ 3. Законодательные основы участия церкви в общественных институтах

Православная церковь присутствовала во всех сферах жизни сербского государства и общества: являясь носителем государственной религии, она обладала легитимной привилегией на участие в функционировании таких важнейших институтов, как семья, армия и школа.

3.1. Армия

Накануне сербско-турецкой войны, в 1876г., в Сербии был принят закон об «*Общевойсковом устройстве*», который определял наличие в генштабе в военное время «военного владыки». Кроме того, священник полагался каждой из шести сербских дивизий, а так же каждой бригаде (дивизия состояла из трех бригад)³²⁴. На основе этого закона были разработаны внутриминистерские *Правила службы военных священников*³²⁵, которые закрепляли главенство «военного владыки» над всеми военными священниками. Его обязанность, помимо заботы о проведении службы по церковным прописям, состояла в том, чтобы все священники во время боевых действий находились на своих местах для молитвы, поднятия морального духа и причастия. Место самого владыки во время боя определял начальник генштаба. Дивизионные священники в согласии с командующими дивизиями назначали дни церемоний, на которых неукоснительно должны были присутствовать все войска – народные праздники, дни побед, дни поминовений погибших и т.п. Обязанности бригадных священников были определены в соответствии с их положением на войне – воодушевлять и призывать солдат к победе, помогать переносить тяготы войны, утешать раненных на поле боя и причащать умирающих.

Новый *Закон об устройстве войск 1883 г.*³²⁶, принятый уже независимым Сербским государством, рассматривал церковь в армии как обязательный институт. Служба военных священников имела по закону статус вспомогательной военной службы (наряду с медицинской и почтовой) (ст.20). Статья 65, целиком посвященная службе военных священников, определяла, что постоянной армии, пребывающей в мирном состоянии, положен военный протоиерей, который проживает в столице и совершает церковные обряды. Чин военного протоиерея делился на два класса, первый отвечал чину майора, второй – чину капитана. Соответственно чину выплачивалось годовое жалованье в размере 4 тыс. динар майору и 2700 динар капитану. Военный протоиерей имел статус государственного чиновника и поставлялся указом короля по предложению военного министра. За совершение церковных обрядов на территории других гарнизонов постоянной армии были ответственны местные священники, работа которых оплачивалась или из военного бюджета или по утвержденной таксе за свершение каждого обряда.

Закон 1901 г. «*Об устройстве войска*»³²⁷ еще более детально подходил к описанию занятий военных священников, которые теперь несколько поменяли статус и превратились в одну из разновидностей «служб», наряду с судебной и транспортной (ст.4). Священники в армии делились на постоянных (штатных), внештатных (гонорарных) и почетных (ст.64). Закон определял следующие виды штатных священников:

1. военный протоиерей, чей класс соответствовал чину майора;
2. военный священник двух классов, чины соответствовали капитанскому 1 и 2 классов;
3. военный дьякон двух классов.

Все штатные священники помимо соответствующего чину жалования (майору – 4500 дин., капитану 2600–3150 дин., дьяконам 1800–2200 дин.) получали все полагающиеся офицеру привилегии. Штатные священники должны были поставляться королевским указом, а место их службы, за исключением военного протоиерея, определял военный министр особым распоряжением.

В 1904 г. в закон были внесены изменения, которыми военно-священническая служба была фактически упразднена, т.к. закон оставил только внештатных (гонорарных) священников³²⁸. Отказ от штатной службы военных священников был скорее всего вызван финансовыми затруднениями и элементарной нехваткой бюджетных средств³²⁹. При этом сами священники остались крайне недовольны такими переменами, так что редактор Вестника СПЦ Драгутин Дмитриевич сетовал, что в 1914 г. в армии осталось всего два постоянных военных священника, отчего, по его словам, проигрывала и церковь, и армия, и государство, ибо

«Между работой штатных ... и гонорарных священников очень большая разница...Штатные священники все внимание и старание посвящают вершению своей службы, систематической деятельности, которая должна приносить успех в деле укрепления веры и морали в армии, – и для них это единственная и главная работа.... Для внештатных священников – это второстепенная, побочная служба, хотя бы они и не считали ее таковой, все равно так есть, ибо им не достает довольно времени, чтобы посвятить себя этой возвышенной службе, и понятно, что при таких обстоятельствах, вера и мораль в нашей армии не могут окрепнуть».³³⁰

После образования Королевства СХС в 1918г. штатные священники (всех признанных в мультиконфессиональном государстве вероисповеданий – православного, римо-католического и мусульманского) вновь были возвращены на службу в армию³³¹.

Для поднятия морального уровня армии и образования солдат в христианском духе, в 1889 г. в армии было введено обязательное двух-трех месячное преподавание веронауки для рекрутов³³². Вероучителями были либо военные священники, либо приходские священники на местах, которым платили из военного бюджета по 10–20 динар в месяц. Учили военных основам христианства – объясняли значение креста, изучали символ веры, основные заповеди, молитву Отче наш.

Участвовала церковь и в чисто идеологической пропаганде в армии – праздновании т.н. *славы* – своеобразного сербского праздника семейного патрона, чьи общезыческие корни не помешали церкви трансформировать его в сугубо сербский православный праздник, воспринимавшийся как атрибут этническо-религиозной принадлежности³³³.

Отмечать славу в армии стали с 1888 г., когда король Милан издал соответствующее распоряжение, обязывающее каждый армейский полк, бригаду, батальон, а также военную академию и другие военные школы отмечать славу. Дни славы были назначены князем для каждого полка – в честь какой-либо славной даты (например, Таковского восстания и т.п.) или в память святителя (князя Лазаря, короля Стефана). Каждая армейская единица, славящая славу, должна была иметь икону своего патрона – сербского святителя, чья дата по календарю приходилась на день славы³³⁴. Прописи детально регулировали церемонию празднования славы – круг присутствующих, порядок действий священника и резания славского колача, проведение торжественного обеда, – вплоть до определения количества и качества еды и питья (например, на день славы в рационе следовало дополнительных 300 мл. вина)³³⁵.

Пропаганда сербства в армии способствовало и обязательное празднование общенациональных праздников, несущих патриотическую нагрузку³³⁶ – кроме традиционных христианских пасхи и рождества, в Сербии широко отмечался день Св.Саввы и Видовдан. Среди «исторических» праздников при Обреновичах, кроме королевских дней рождения, отмечали день провозглашения независимости Сербии на Берлинском конгрессе, начало войны против Турции и день провозглашения королевства (22 февраля), а также Вербное воскресенье как начало второго сербского восстания, при Карагеоргиевичах – помимо дня рождения короля, общегосударственным праздником остался лишь Видовдан.

3.2. Школа

Пожалуй, самым эффективным орудием национальной пропаганды в обществе была школа. По мнению многих представителей сербской интеллигенции, просвещение играло значительную роль на пути к осуществлению важной национальной задачи – объединения сербского народа³³⁷. Министр Стоян Новакович говорил в 1880г.: *«то, что имеет сейчас наш народ, это результат, с одной стороны, героизма наших предков, а с другой стороны – интеллектуальной, мыслящей Сербии. Стремление к единству и будущему целого народа – самая высокая цель и заслуга пера и книги. Дальнейший прогресс этих идей зависит от просвещения народа.»*³³⁸ Естественно, что при таком подходе религиозное воспитание молодых граждан Сербии рассматривалось не только как часть морально-этического (по общему мнению, переживавшему серьезный кризис³³⁹), но и национально-патриотического воспитания³⁴⁰. Именно православная религия и сербский язык мыслились как важнейшие составляющие национального единства.

Посещения церкви, как для учителей, так и учеников, регулировалось специальными *Правилами посещения церкви для учителей и учеников основных школ 1884 г.*³⁴¹, которые обязывали учителей ходить в церковь, петь вечерню во время всякого церковного или общенародного праздника, и заутреню – на Божич, Богоявление, Великую пятницу, Субботу и Воскресенье. Ученики обязаны были посещать вечернюю службу в зависимости от класса: 4–5 раз в год для учеников младших классов и 10–15 раз для учеников старших классов. Для учеников гимназий и реалок хождение в церковь также было обязательным³⁴².

Законы об основных и средних школах в Сербии менялись в к. XIX–нач. XX вв. несколько раз³⁴³, менялись и цели образования – с Обреновичевской формулировки *«роста в народе знания, веры и нравственности»*³⁴⁴ до *«воспитания детей в народном духе»* и распространения просвещения и сербской письменности при Карагеоргиевичах³⁴⁵. Но предмет «Христианская наука», везде шедший №1 в списке обязательных предметов, оставался неизменным.

Обучение в основной школе длилось 6 лет (4 класса нижней основной и 2 класса высшей основной школы)³⁴⁶. Христианская наука наряду с историей и сербским языком была обязательным предметом и преподавалась все 6 лет два часа в неделю (для сравнения, в низшей школе сербский язык занимал от 5 до 10 часов в неделю, счет – 3–5 часов, в высшей школе историю изучали 3 часа, сербский язык – 5 часов)³⁴⁷.

В 1 и 2 классах школьники должны были наряду с изучением основных христианских молитв знакомиться и со специфическими сербскими атрибутами православия – значением крестного имени, церковной славы, заветины (престольного праздника) и с наиболее почитаемыми сербскими праздниками – Божичем, Савинданом (общесербским днем школьной славы), Митровданом, Никольданом, Джурджевданом, Аранджеловданом. В 4 классе учеников ожидало введение в общую историю церкви, где после темы об императоре Константине и провозглашении свободы христианства следовали обязательные для изучения темы крещения славян, деятельности Кирилла и Мефодия и Св.Саввы. Четыре класса основной школы были обязательными, а тех, кто продолжал учиться, в 6 классе ожидало более подробное знакомство с историей сербской церкви (отдельно выделялась тема *«Значение сербских патриархов во время рабства»* и *«Гибель патриархии»*), а также ее современным положением во всех областях, где обитали сербы³⁴⁸.

В средней школе (гимназии), обучение в которой длилось 8 лет (полная) или 4/6 лет (неполная гимназия) христианская наука также была обязательна³⁴⁹ и занимала два часа в неделю. При этом ученики других вероисповеданий освобождались от посещения занятий, однако были обязаны вне стен школы обучаться основам своей религии и приносить в школу каждые три месяца справку.

Естественно, что учебники по курсу христианской науки были направлены на воспитание национального чувства и пропаганду духовного единства народа. Так, в учебнике П.Протича 1895 г. «Краткая православная христианская этика»³⁵⁰ вопросы патриотизма и национальности рассматривались как составные части христианской этики в целом, и обосновывались автором связью между христианским началом и любовью к отечеству. По мысли Протича, христианскую любовь к родине, кроме покорности отечеству и государю, выражает несение воинской повинности, т.к. «отечеству нужно защищать свои права и независимость от внешних неприятелей, потому все граждане обязаны быть солдатами и если надо положить свои жизни за родину», которая по мысли автора – это «не только страна, в которой мы родились, но и народ, который в ней живет, и язык которым он говорит, и ... история этого народа, и религия его, и предания, и обычаи». Причем автор противопоставлял патриотизм, который не мешает христианину любить людей других народностей, космополитизму: «рассматривая весь свет своим отечеством, он освобождает от каких бы то ни было обязанностей по отношению к своему ближнему...»

Еще один учебник, профессора Богословии, П.Швабича, *История христианской церкви*³⁵¹, также предназначался для изучения в средней школе. Учебник очень добротный и практически лишен националистической «косовской» риторики. Тем не менее, автор, представляя всю историю сербской церкви как историю сербского народа, красноречиво давал понять сербским гимназистам о значении сербской церкви для развития и сохранения сербской нации – «сербская церковь была не в состоянии дать сразу после гибели угнетенному сербскому народу вождя, который бы повел его... в кровавый бой с турками для освобождения погубленного государства, но непрестанно давала ему монахов и священников, которые вершили службу, полную чести и благодарности»³⁵² (хотя, идея о том, что православие – главный признак сербской идентичности, шла вразрез с государственным пониманием языка как основного элемента единства национальной общности).

Очень любопытен учебник И.Стояновича, изданный с благословения митрополита Дмитрия: «Уроки с примерами по христианской науке для учеников первого класса средних школ»³⁵³. Необычной выглядит сама подача материала – вся библейская история, т.е. история еврейского народа, иллюстрировалась картинками из истории сербской. Тем самым, как бы проводилась параллель между одним избранным и рассеянным народом, евреями, и другим – сербами (идея эта очень популярна сейчас у современных сербских богословов, видящих в Косово утраченный Иерусалим – *Если я забуду тебя, Косово и Метохия, пусть отсохнет десница моя!*)

Так, например, параграф учебника «Как возник избранный народ» содержал следующие формулировки: «Бог всегда хранил Сербию и сербский народ» и «Только согласием, искренней

верой и надеждой на Бога сербы могут осуществить стремление к объединению и свободе». На богоизбранность вождей (как израильских, так и сербских) указывала тема «Освобождение Израиля» Моисеем, которая разъяснялась таким примером – *«Бог освободил Сербию от турок через Карагеоргия и Милоша Обреновича»*, а гибель иудейского царства – тем, что *«Бог не сохранил сербов, ибо они не находились в согласии»*. Отсюда очевидно напрашивался вывод, что объединение сербов – богоугодное дело, ибо Бог всегда поддерживал сербов, находящихся в единстве и согласии.

Все национально значимые темы, затрагиваемые в курсе христианской науки, так или иначе, рассматривались и в школьном цикле сербской истории. В частности, это касалось деятельности Св.Саввы, а так же образования и ликвидация Печской патриархии. Книги для предмета школьного чтения также содержали рассказы, посвященные национальной тематике, а обязательные уроки пения кроме сугубо церковных песнопений вроде, *Благослови душе и Тебе, Господи*, предполагали разучивание и светских песен, в массе своей представляющих патриотические произведения, как то *Гимн Св.Савве*³⁵⁴, *Я сам сербин сербский сын*³⁵⁵, *Восстань, восстань, сербин*³⁵⁶. Очевидно, что при таком всепредметном подходе к идеологическому воспитанию, подрастающее поколение поголовно было проникнуто национально-патриотическим духом.

3.3. Регистрация актов гражданского состояния

Другой «сферой приложения» церкви в Сербии был институт брака, в заключении которого духовенство играло важнейшую роль, ибо только на оформленный в церкви брак распространялось гражданское право.

В 1844 г. в Сербии был принят Гражданский кодекс («Гражданский Законник»)³⁵⁷, закреплявший нормы обычного права, в основном касающиеся наследственных и семейных прав. Кодекс имел уникальную судьбу – он действовал на протяжении ста лет (до 1944 г.), а *de facto* утратил свою силу лишь во времена второй Югославии, когда в 1978 г. был утвержден новый Гражданский кодекс, хотя на отдельные его нормы, нерегулируемые никакими другими современными актами, опираются и по сей день.

Закон прописывал порядок вступления граждан Сербии в брак и участия в нем церкви – *«права и обязанности супругов проистекают из брака, который заключается между двумя лицами разного пола и совершается посредством венчания священником по правилам православной церкви...»* (ст.60). Первым шагом на пути к официальному браку было обручение жениха и невесты, которое совершал священник после взаимных переговоров сторон и обмена подарками. Причем, пока помолвка, которую мог расторгнуть только священник, оставалась в силе, ни

одна из сторон не могла участвовать в других брачных переговорах. На протяжении трех дней (для этого специально оговаривались воскресные или праздничные дни) священник должен был по прописанным духовным начальством правилам объявить «христианам» (т.е. жителям прихода) имена юноши и девушки, вступающих в брак (ст.83), в противном случае брак аннулировался, а священник отдавался под суд (ст.90). Правда, здесь «виновники» отдавались на милость надлежного архиерея, который мог по своему усмотрению благословить брак. Если же помолвленная пара переселялась в другой приход, то ни венчание, ни объявление свадьбы не могли свершиться, пока пара не оставалась здесь на постоянное местожительство, и пока с прежнего местопребывания не последовало бы одобрение священника (ст.84).

Законный брак должен был совершаться *«в церкви, во время, церковью предписанное, перед двумя или тремя свидетелями, как и обручение, по правилам и обрядам православной церкви. Только в случае нужды, возможно совершить венчание вне церкви в другом пристойном месте»* (ст.91). После венчания священник должен был вносить информацию о каждом браке в книгу венчаных, записав имя и фамилию венчавшихся, их родителей, свидетелей, их положение и адрес, а также дату венчания, с добавлением, какой по счету у молодоженов брак (ст.92).

Закон определял круг лиц, которые не могли вступать в брак: в частности, юноши, не достигнувшие 17 летнего возраста, а девушки – 15-летнего, кроме случаев, дозволенных надлежным архиереем, при этом венчание лиц младше 18 лет требовало согласие родителей или опекуна (ст.69). В случае, если священник венчал молодоженов младше разрешенного возраста, действительность или недействительность брака оставалось на усмотрение архиерея, но священник, венчавший пару (при условии, если он об этом знал) подлежал суду, как и в случае венчания без родительского одобрения (ст.72). Священник предавался суду и за венчание умственно отсталых и одержимых людей, христианина и нехристианина, а так же если девушка была доставлена под венец силой³⁵⁸.

Несмотря на предписываемые законом меры, в Сербии достаточно широко были распространены как венчание лиц, не достигших указанного возраста, так и близких родственников, за что священники постоянно представляли перед духовными судами – это было одной из самых распространенных причин налагаемых взысканий. Другой особенностью семейно-брачной жизни в Сербии был сохранившийся обычай кражи или побега невесты.

Священник Душан Попович³⁵⁹ описывал две возможности такого увода девушки. В первом случае, без согласия родителей, парень с двумя-тремя друзьями с гиканьем и выстрелами увозил невесту в дом своих родителей и начинал жить с ней брачной жизнью. По прошествии энного количества времени обе семьи все-таки договаривались, заключивши, «как на базаре», выгодную сделку, и только потом молодые шли венчаться, зачастую уже имея ребенка. Другой вариант – после официального обручения и сопровождающихся торжеств невесту с согласия

родителей вводили в дом жениха, где молодожены опять-таки начинали жить брачной жизнью и лишь через какое-то время шли к священнику венчаться. Разумеется, что эти укоренившиеся в народе обычаи, которые автор статьи называет «настоящим покушением на святую браку» противоречили всем церковным правилам.

В 1899 г. будущий Сербский патриарх, шабацкий епископ Димитрий, в своем отчете Архиерейскому собору о каноническом посещении епархии живописал брачную жизнь соотечественников:

«Наибольшую заботу вызывают скверные привычки в народе, которые хотя и не направлены непосредственно против веры, но наносят вред, подтачивая основы христианской морали. Эти привычки: увод девушек, жизнь в конкубинате и легкое избавление от законных брачных уз. Известно, что эти привычки были обычными явлениями у всех народов до принятия христианства, христианство же искоренило их строгостью моральных принципов... Но у нас они не целиком искоренены до сегодняшнего дня, когда церковь и власть проявляют слабость авторитета. Против увода девушек существуют строгие предписания государственных законов и распоряжения церковных властей, но от тех мер нет толка. В моей епархии, как и в остальных краях нашей страны, увод девушек... опять практикуется под разными предлогами... Случается, что жених или невеста берут себе в супруги близких родственников, с которыми по церковным правилам не могут быть обвенчаны, и так и остаются в незаконной связи. Государственные власти их разводят и наказывают, но они после этого опять возвращаются один к другому и целый ряд лет досаждают архиерейскому собору, испрашивая благословения. ... Что касается конкубината, он существует в разных видах. Более всего распространены случаи, когда люди, которые не хотят вступать в брак, приводят к себе женщин, свободных или замужних, если их законный муж не протестует, и живут с ними как со своими женами, а во многих случаях и детей рожают. Есть еще случаи, когда человек помимо живой законной жены приводит вторую или в качестве наложницы, или чтобы она рожала тому детей, если законная жена бесплодна. Законная жена в этих условиях – настоящая рабыня и не смеет ни одного слова сказать, если хочет остаться в доме... Обычно блудник свою блудницу представляет как служанку или наоборот, блудница – блудника как слугу. Потом бывает, что один другому предоставляет комнату в своем доме в качестве квартиранта. Либо один другому продает долю в доме,... и так становятся соседями. Все эти способы употребляют имущие люди в городских условиях, в условиях испорченной цивилизации»³⁶⁰.

Если предпринятые полицейскими властями строгие меры против увода девиц возымели свое действие, и случаев насильственного увода становилось меньше (церковь также была причастна к этому, активно рассылая полицейским и општинским властям циркуляры с запретом венчания сбежавшей девушки, пока та не возвратится в тот дом, из которого убежала)³⁶¹, то внебрачная жизнь, оставаясь фактически вне компетенции церкви, получала все большее распространение. Особенно заметно это стало после первой мировой войны, когда в силу объективных причин заключение брака часто было невозможным, так что в 1920 г. один священник жичской епархии писал, что внебрачная жизнь стала «опасной болезнью» и «великим моральным недугом»³⁶².

Церковные власти безуспешно пытались бороться с внебрачной жизнью, – в частности, рядом распоряжений Архиерейского собора 1884 и 1890 гг. приходским священникам предписывалось сообщать о случаях внебрачного сожительства полиции, с тем чтобы та предпринимала против них законные меры, а также предоставлять ежегодно окружному протоиерею сведе-

ния о всех живущих невенчанными. Распоряжением 1894 г. Собор постановлял священнику и вовсе отчитываться каждые три месяца надлежащему архиерею по численности внебрачных пар в его приходе³⁶³. Собор призвал священников венчать пары, живущие вне брака³⁶⁴, и просил правительство и полицию ужесточить меры, сознавая, что слово священника в таком случае – «мертвое слово на бумаге»³⁶⁵.

Таблица 1 – Количество уголовных преступлений в Сербии в 1891–1900г., связанных с браком (уголовные суды)³⁶⁶

Вид преступления	Год	Обвиненных	Осужденных ³⁶⁷		
			каторга	тюрьма	всего
Увод девушек	1900	61	1	26	27
	1899	80	1	27	28
	1898	60	3	27	30
	1897	79	4	27	31
	1896	68	10	19	29
	1895	127	17	24	41
	1894	124	11	27	38
	1893	95	4	21	25
	1892	107	3	29	32
	1891	128	11	26	37
Блуд	1900	12	–	6	7
	1899	19	–	4	4
	1898	18	–	6	7
	1897	14	–	4	4
	1896	18	–	5	5
	1895	28	–	5	5
	1894	32	–	4	4
	1893	17	–	1	1
	1892	12	1	3	4
	1891	22	–	6	6
Измена	1900	–	–	–	–
	1899	–	–	–	–
	1898	–	–	–	–
	1897	7	–	2	2
	1896	2	–	–	–
	1895	25	–	10	10
	1894	15	–	2	2
	1893	18	–	4	4
	1892	19	–	1	1
	1891	26	–	9	9

Гражданский кодекс предусматривал разводы – вследствие доказанного прелюбодеяния, умышленного покушения на жизнь одного из супругов, осуждения супруга за преступление на срок более, чем 8 лет и отступления от «христианского закона» (ст.94). В этом случае закон диктовал, чтобы священник попытался примирить супругов; если же те остались при своем, – то доложить окружному протоиерею, который, в свою очередь, три раза должен попытаться

уладить конфликт, напоминая супругам о взаимном торжественном обещании, данном при венчании и указывая на пагубные последствия развода. И только в случае неуспеха протоиерей передавал дело в духовный суд: тот, после очередных стараний к примирению, рассматривал все факты и выносил решение (ст.98).

Все дела, связанные с браком, как-то брачные споры – аннулирование и развод, попадали под юрисдикцию духовных судов (ст.99), правила работы которых были более подробным образом расписаны в Законе о церковных властях. Именно эту свою прерогативу церковь отстаивала ревностнее всего, когда наиболее радикально настроенные депутаты Скупщины выступали за передачу разводов из ведения церкви в гражданские суды. В частности, уже в 1881г. предлагалось упразднить консистории как не отвечающие «народной потребности»³⁶⁸, где судят по гражданским законам, но при этом священники законов не знают. «Подумайте господа, – вопрошало несколько депутатов, в том числе и два священника, – деликатный брачный процесс судят два-три попа – неюриста, которым диктует архиерей, – и он тоже не является юристом». Брачные споры группа депутатов предлагала перенести в окружные суды, где под председательством окружного протоиерея или избранного священника планировалось рассматривать разводы. В 1882 г. в Скупщину был внесен проект закона о брачных спорах, которым все споры о разводах между лицами православной веры передавались в ведение гражданских судов, а сам развод или аннулирование брака должен был провозглашать надлежный архиерей³⁶⁹. Проект этот не был принят, но вопрос о передаче брачных споров в гражданские суды часто муссировался в Скупщине, например, в 1889 г. при обсуждении нового закона о церковных властях, неоднократно высказывалось предложение о передаче этих дел из духовных судов в гражданские.

Государство делегировало церкви полномочия заключать брак и от его имени регистрировать гражданское состояние своих подданных – рождение, вступление в брак и смерть, ибо приходской священник присутствовал при важнейших с точки зрения государства моментах человеческой жизни – крещении, венчании и отпевании. В этом смысле церковь выполняла не только функцию местной государственной власти по регистрации брачного союза, но и исполняла обязанности по сбору всех важных статистических данных в стране, так как каждый приходской священник был обязан записывать сведения о свершенном обряде над каждым своим прихожанином в книгу крещенных, венчанных и умерших. О важности этой функции церкви свидетельствует статья Уголовного кодекса, которая определяла наказание в 50 талеров или год тюрьмы для «священника любой веры, который не исполняет правила, касательно протокола о рожденных, венчанных и умерших». В случае же сокрытия информации в протоколе или исправлении, священник мог быть наказан сроком до 10 лет лишения свободы. (§§142,143 УК). Одно из многочисленных постановлений Архиерейского Собора, озабоченного тем, что церковные протоколы не хранятся должным образом, часто совсем пропадают или утрачиваются

ряд страниц, а нередко бывают «погрызены мышами», гласило, что они должны «всегда храниться в церкви в специальном шкафу или сундуке запертыми на ключ, которым ведаёт старейший священник в церкви»³⁷⁰.

Статистические сведения передавались в епархиальные духовные суды, где после сведения и обработки предоставлялись в различные министерства – внутренних дел, просвещения и веры, военное ведомство. Например, для военного министерства в связи с набором рекрутов в армию была необходима информация о рождении, которую предоставлял приходской священник, нередко притом изменяющий год рождения в пользу своих прихожан, не жаждущих попасть в армию. Такие случаи часто являлись поводом для обвинения и наказания священника за умышленное сокрытие или искажение сведений.

Небрежность и злоупотребления в заполнении церковных протоколов заставили в 1884 г. Архиерейский Собор принять постановление, которым снабжение приходских священников соответствующими книгами для регистрации было возложено на епархиальные консистории (т.е. духовные суды); книги должны были быть подписаны председателем и членами консистории и заверены печатью³⁷¹, каждый архиерей должен был назначить специального священника, который бы осуществлял осмотр церковных книг в епархии.

Церковь довольно строго следила за брачными взаимоотношениями, которые должны были протекать согласно православным обычаям. Например, в 1879 г., специальным распоряжением Собора, одобренным министерством просвещения, было установлено, что *«православному сербу не может быть ни кумом, ни старым сватом никто, кто не принадлежит к православной вере»*³⁷².

Регулировала церковь и количество браков – несмотря на запрет православной церковью четвертого брака, в Сербии разрешение вступать четвертый раз в брак легко давал архиерей, чем в свою очередь был озабочен митрополит Михаил, издавший в 1894 г. резолюцию, которой ставил «на вид» такие вошедшие в практику разрешения, особенно, когда их выдавали мужчинам старше 60 лет, разведенным и т.п. Митрополит распоряжался строже подходить к этому вопросу, рекомендуя архиереям допускать четвертый брак лишь молодым людям, и то, в крайнем случае (многочисленные дети, трудности в содержании дома и т.п.)³⁷³. Запрет на вступление в брак людей, находящихся в 5 колене родства, аналогично, оставался на усмотрение надлежащего епископа; на вступление в брак мужчины старше 50 лет, а женщины – 40 лет тоже требовалось архиерейское благословение.

***

Брак, семья, школа и армия – вот те социально-политические институты, рамками которых церковь, по мысли государства, должна была ограничить свою деятельность. Сербская

церковь прошла в вместе с Сербией долгий путь становления и освобождения государства. По мере конституирования государственных основ – от полуфеодального «стихийно–демократического» Сербского княжества до объединенной Югославии – власть загоняла церковь в рамки принятого законодательства. За какие-нибудь пятьдесят лет, прошедшие со времени митрополита Михаила (1859г.), видного либерала, любителя политических интриг и одной из центральных фигур сербского политического Олимпа, и ко времени патриарха Димитрия (1920г.), борьба в правовом поле с набравшем силу государством церковью была проиграна. А создание многоэтничного и многоконфессионального Королевства СХС поставило крест на монополии православия, до сих пор бывшем государственной религией.

Но утрачивая свои средневековые вольности и переставая быть самостоятельным игроком на политической арене, сербская церковь в к. XIX – нач. XX в., тем не менее, оставалась важным элементом повседневной жизни серба. Благодаря присутствию церкви во всех значимых гражданских институтах, она могла взять на себе уготованную для нее государством официальную функцию национального идеолога.

Православная церковь сопровождала серба на всех важных этапах его жизни – приходской священник крестил «частным крестом» маленького сербчика – будущего славного юнака, вероучитель в школе укоренял идеалы сербства, внушая мысль о неразрывном единстве сербской церкви и сербского народа, венчание освящало брак в духе традиционных сербских и православных ценностей, а армия пополняла ряды новых косовских мучеников.

ПРИМЕЧАНИЯ

²⁶³ См.: Лужић Р. Кнежевина Србија (1830–1839). Београд, 1986; Он же. Српска државност 19 в. Београд, 2008.

²⁶⁴ Устав Княжества Србие. Крагуевац. 1835. С.9.

²⁶⁵ См. Приложение к настоящей диссертации.

²⁶⁶ См.: Виноградов В.Н. Восточный вопрос и англо–русские отношения в 30–ые годы XIX в. // Советское славяноведение. 1982, № 3. С. 3–22.; Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. Москва. 1990.

²⁶⁷ Ст. 57 гласила: «Сербы являются подданными Высокой Порты и ей платящими, христианами Закона греческого, иначе называемого церковью Восточная. Я даровал народу Сербскому полную свободу (освобождая от обычных церемоний закона их) избирать между собой с Твоим (имеется в виду князь Милош – Ю.К.) содействием и под Твоим надзором их митрополитов и их епископов с условием, что они по духовному чиноположению будут подчинены духовной власти Патриарха, сидящего в Константинополе, который считается начальником этого закона и синода. И на них распространяются те же преимущества и свободы, издревле дарованные христианам, жителям царства Оттоманского с начала правления – начальники священства совершенным образом управляют делами закона и церкви (кроме дел политических). Также было определено вознаграждение со стороны народа их митрополитам, их епископам, их игуменам и их священникам, побожным заведениям, принадлежащим Церкви. Точно также эти установления должны быть соблюдены в отношении содержания и достоинства Митрополита и епископа, которые находятся в Сербии.»

Ст.58: «Определяется в Сербии место для собрания особенного Совета Митрополита и Епископов для учреждения законодательных дел, дел Митрополита, епископов и священников, и дел, касающихся церкви страны».

²⁶⁸ Устав Княжества Србие. Београд, 1838. С. 6.

²⁶⁹ Лужић Р. Српска државност 19 в. Београд, 2008.. С.159, 178 и далее; Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ. 1. Београд, 1934. С. 86–134.

²⁷⁰ Устави и владе кнежевине Србије, краљевине Србије, Краљевине СХС и Краљевине Југославије. 1835–1941. Београд, 1988. С. 74–75.

²⁷¹ Там же. С. 76.

²⁷² Там же. С. 86–87.

²⁷³ Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини 19 века. Књ. 2. 1878–1889. Београд, 1924. С. 372–375; Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ. 3. Београд, 1934. С. 487; Новаковић С. Двадесет година уставне политике у Србији. 1883–1903. Београд, 1912; Јовановић В. Устав «од корица до корица» (неки мање познати детаљи око Устава из 1888. године) // Зборник Матице Српске за историју. № 56.1997. С. 193–200; Државноправна историја српског народа. Ниш. 2002. С.186–198.

²⁷⁴ О развоју парламентаризма у Србији см.: Поповоћ–Обрадовић О. Парламентаризам у Србији. Београд, 2008.

²⁷⁵ Устави и владе кнежевине Србије, краљевине Србије, Краљевине СХС и Краљевине Југославије. 1835–1941. Београд, 1988. С. 107.

²⁷⁶ Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ. 2. Београд, 1935. С.20–30; Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини 19 века. Књ. 3. 1889–1897. Београд, 1924. С. 248–357.

²⁷⁷ Ст.3 «Государственная вера в Сербии – восточно-православная. Православная церковь королевства по догматам едина с восточной Вселенской церковью, независима и автокефальна».

Ст.33 «Свобода совести неограничена. Все признанные веры стоят под защитой закона, если отправление их обрядов не нарушает общественный порядок или мораль. Запрещается любая деятельность (прозелетизм), направленная против государственной веры».

гл.11. Вероисповедания

Ст.98 «Все церковные власти в королевстве находятся под верховным надзором министра церковных дел. Особенный закон по заслушиванию Архиерейского Собора прописывает Устройство церковной власти. Все иностранные вероисповедания только касательно своего внутреннего устройства управляются по законам своей веры, а во всем остальном подлежат надзору министра церковных дел. Никакая переписка между церковными властями чужих исповеданий в королевстве с другими властями за границей не допускается и никакой акт, который выпущен чужими властями не смеет объявляться в королевстве без одобрения министра церковных дел.»

²⁷⁸ Поповоћ–Обрадовић О. Парламентаризам у Србији. Београд, 2008. С. 117; Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини 19 века. Књ. 4. 1897–1903. Београд, 1924. С. 355–358.

²⁷⁹ Ст. 7 Корфске декларације провозглашала, што у будућем государству СХС «Все признанные вероисповедания будут свободны и публичны. Православное, римокатолическое и мухамеданское вероисповедания, которые по количеству исповедующих религию наиболее преобладают в нашем народе, будут иметь одинаковое и равноправное положение по отношению к государству. На основе этих принципов законодатель будет стараться сохранять и поддерживать конфессиональный мир, который отвечает духу и прошлому целого нашего народа». [Електронни ресурс], [http://sr.wikisource.org/wiki/Крфска_декларација_\(1917\)](http://sr.wikisource.org/wiki/Крфска_декларација_(1917)) [31.08.2013.]

²⁸⁰ Novaković D. Donošenje i osnovna rešenja Zakona o Srpskoj pravoslavnoj crkvi u Kraljevini Jugoslaviji iz 1929. године // Токони историје, 2011 бр. 1. С. 48.

²⁸¹ Устав Краљевине Срба, Хрвата, Словенца од 29 јуна, 1921г. Београд, 1988. С. 4.

²⁸² Српске новине, 13 марта 1962 г., № 31.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Стенографске белешке оседницама Народне Скупштине (1879–1880гг.), 2 део. Београд, 1880 г.. С. 1476.

²⁸⁵ Стенографске белешке оседницама Народне Скупштине (1879–1880гг.), 2 део. Београд, 1880 г.. С. 1479.

²⁸⁶ Српске новине. 23 јануара 1880г.

²⁸⁷ Распорезањем од 3.09.1919 г. министерство просвешћенја перестало одговарати за црквене дела, које били передани постановлењем 31.07.1919 у министерство вере.

Министерство вере Королевства СХС било учређено 7 августа 1918г., а его внутрешња организација била уставовљена 31 јула 1919г. Министерство просушествовало до 31 марта 1929г., кога било присоједињено к министерству юстицији. (Народна енциклопедија српско–хрватско–словеначка. Загреб. 1927, књ 2, стр. 969, 982;

[Електронни ресурс], http://www.arhivyu.gov.rs/active/sr-cyrillic/home/glavna_navigacija/koriscenje_gradje.html/pretrazite_baze_podataka/opsti_podaci_o_fondovima_u_bazi_inventar/detalji_fonda_params/item_id/677098.html [09.01.2015].)

²⁸⁸ Письмо митрополита Димитрија № 549 од 11/24 марта 1919г. било адресовану «министру црквене дел», хотя тот официјално јављался министром вере). Архив Југославије. F.69. f.5.d.5.

²⁸⁹ Письмо министра вере митрополиту Димитрију од 25.3.1919. Архив Југославије. F.69. f.5.d.5.

²⁹⁰ Новое ведомство ставило министра вере вершити у Србији и Черногорији всю «административну власт у высшей инстанции», у отличие от территорий Биг, Хорватии и Славонии, у отношении которых контроль министерства распространялся лишь на ту часть высшей религиозной верховной власти, которые входили в компетенцию властей у бывшей Австро–Венгрии (БиГ– министерства культа и образования, Хорватии и Славонии – короля) (ст.3).

²⁹¹ Письмо митрополита Димитрија главе правительства № 2187 од 3 септембра (21 августа) 1919 г. Архив Југославије. F.69. f.5.d.5.

- ²⁹² Письмо министра веры кабинету председателя министерского совета № 4054 от 11 сентября 1919 г. Архив Југославије. F.69. f.5.d.5.
- ²⁹³ Ответ центральному архиерейскому Собору из министерства веры КСХС от 7 декабря 1919г., № 6201. Архив Југославије. F.69. f.5.d.5.
- ²⁹⁴ Письмо митрополита Димитрия № 3221 от 7 (20) декабря 1919. Архив Југославије. F.69. f.5.d.5.
Письмо министра от 16 декабря 1919 № 5643. Архив Југославије. F.69. f.5.d.5.
Стенограмма собора от 9 (22) марта 1920 № 3. Архив Југославије. F.69. f.5.d.5.
- ²⁹⁵ Письмо министра веры – митрополиту Димитрию от 4 июня 1920 № 4593. Архив Југославије. F.69. f.5.d.5.
- ²⁹⁶ Письмо патриарха Димитрия – министру веры от 21 августа (3 сентября) 1921, № 121.
Архиерейский собор настаивал на изменении формулировок *Постановления*, т.к. по их мнению на территории Сербии министерство имеет ту же власть в православных делах, что и министерство просвещения и церковных дел в королевстве Сербии по закону 1890г. и т.п. (*Архив Југославије. F.69. f.5.d.5.*)
- ²⁹⁷ Зборник закона, уредаба и наредба министарства просвете и црквених послова по црквеним пословима. Београд, 1880. С. 1–49.
- ²⁹⁸ Каждая консистория имела в своем составе пять человек – председателя и четырех членов (двух действительных, двух почетных) (§7), члены консистории выбирались из числа духовенства – председателем должен был быть священник (протоиерей), один из рядовых членов мог быть монахом, остальные – священниками. Состав консистории выбирал архиерей и представлял министерству, а тот – на утверждение князю (§8). Причем канцелярия (секретарь, писари), также утверждалась князем, члены консистории давали архиерею клятву (как и государственные судьи) которая отсылалась затем в министерство.
- ²⁹⁹ Зборник закона, уредаба и наредба министарства просвете и црквених послова по црквеним пословима. Београд, 1880. С. 2–17.
- ³⁰⁰ Там же. С. 78.
- ³⁰¹ Там же. С. 18–22.
- ³⁰² Там же. С. 22–30.
- ³⁰³ Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије, Минхен. 1983. С. 43.
- ³⁰⁴ См. письмо Митрополита Михаила князю Михаилу в кн.: Канонска одбрана православне цркве у Србији. Београд, 1881. С.1–11.
- ³⁰⁵ Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије, Минхен. 1983. С. 44.
- ³⁰⁶ Дучић Н. Упоредњење новог закона о црк.властима у Краљевини Србији са законом од 1862г. // Книжни радови. Књ 5. Београд, 1898. С. 211.
- ³⁰⁷ Српске новине. 18 октобра, 1881г.
- ³⁰⁸ Стенографске белешке оседницама Народне Скупштине. 1882, део 2 (нумерација нарушена), С. 592–593.
- ³⁰⁹ Српске новине. 14 јануара 1883 г.
- ³¹⁰ Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије, Минхен. 1983. С. 366.
- ³¹¹ Српске новине. 5 маја 1890.
- ³¹² Српске новине. 29 априла 1895 г.
- ³¹³ Српске новине. 5 аугуста 1898 г.
- ³¹⁴ Српске новине. 19 јануара 1899 г.
- ³¹⁵ Српске новине. 5 фебруара 1900 г.; Полностью закон со всеми изменениями и дополнениями см.: Зборник правила, уредаба и наредба архијерејског сабора православне српске цркве у Краљевини Србији (од 1839–1900 г.). Београд, 1900. С. 245– 369.
- ³¹⁶ Српске новине, 4 децембра 1910г.; Зборник закона, уредаба и наредба министарства просвете и црквених послова по црквеној струци (од 1881–1912). Београд, 1912. С. 2.
- ³¹⁷ Там же. С.365. Это изменение было внесено законом от 29 июля 1898г.
- ³¹⁸ Уредба о устројству министарства вера од 31 јула 1919г.; Уредба о устројству Средишњег Архијерејског Сабора од 28. августа 1919. г.; Уредба о избору првог Српског патријарха успостављене Српске Патријаршије од 23. октобра 1920. г.; Привремена уредба о Српској Патријаршији од 24. октобра 1920. г.; Уредба о Светом Архијерејском Сабору и Светом Архијерејском Синоду СПЦ од 24. децембра 1920. г.; Уредба о централизацији управне и судске власти у српској патријаршији од 13 децембра 1920 г. (допуна 21 јуна 1921г.)
- ³¹⁹ Министерство веры КСХС №9720 от 3 октября 1920 (Архив Југославије. F.69. f.5.d.5).
- ³²⁰ Реферат министерства веры № 5930 от 14 мая 1927 (Архив Југославије. F.69. f.5.d.5).
- ³²¹ Закон о избору патријарха Српске православне цркве (1930), [Електронный ресурс], [https://sr.wikisource.org/wiki/Закон_о_избору_патријарха_Српске_православне_цркве_\(1930\)](https://sr.wikisource.org/wiki/Закон_о_избору_патријарха_Српске_православне_цркве_(1930)), [10.08.2013].
- ³²² Закон о Српској православној цркви (1929), [Електронный ресурс], [https://sr.wikisource.org/wiki/Закон_о_Српској_православној_цркви_\(1929\)](https://sr.wikisource.org/wiki/Закон_о_Српској_православној_цркви_(1929)), [10.08.2013].
- ³²³ Слијепчевић Ђ. Историја српске православне цркве. Београд, 1991. Књ 2. С. 567.
- ³²⁴ Српске новине. 17 марта 1876г.
- ³²⁵ Милкић М. Специфичност верског живота у војсци Књежевине/Краљевине Србије // Војно дело. 2003. № 1. С. 171–172.

- ³²⁶ Службени војни лист. 1883. С. 8, 22.
- ³²⁷ Закон о устројству војске. Београд, 1901. С. 4, 45.
- ³²⁸ Српске новине. 4 априла 1904 г.
- ³²⁹ Весник СПЦ. 1914, № 1. С. 8.
- ³³⁰ Там же.
- ³³¹ Милкић М. Правно регулисање положаја војнослужбеничке струке у војсци Краљевине СХС/Југославије // Војно–историјски гласник. 2005. №№ 1–2. С. 137–138.
- ³³² Милкић М. Специфичност верског живота у војсци Књежевине/Краљевине Србије // Војно дело. 2003. № 1. С. 174.
- ³³³ Квинтэссенцией смысла праздника Славы служит следующее стихотворение Владыки Николая (Велимировича):
 Когда сербин славу славит /Где колач, он свечку ставит /Колач вином поливает /Святым чином освящает /Тот колач как образ отца /Всякого доброго дела творца /Свеча ему как снимок сына. Образ Духа – сила вина /Перед Троицей Сербин станет, /Сокрушенно воздыхает: /Царь мой вечный, благослови /Эти все дары свои. /А людей со всего света примири и преумножи /Пусть все люди будут Божьи, /Твое имя прославляют, /В страхе суд свой ожидают./ Пускай как хлеб все будут сердцем благи /И как свеча – душой прямы, /С вином пусть будут сильны, /Благи, прямы, сильны, здравы и добры!
- ³³⁴ Војни лист. 1888, № 2. С. 441–442; №№ 15–16. С. 445–448; № 27. С. 806.
- ³³⁵ Милкић М. Специфичност верског живота у војсци Књежевине/Краљевине Србије // Војно дело. 2003. № 1. С. 179.
- ³³⁶ См. Милкић М. Државни и верски празници у војсци Књежевине и Краљевине Србије // Војно дело. 2007. №№ 1–2.
- ³³⁷ См., например: Ацић С. Српска национална школа. Београд, 1891.
 По мнению автора, сербская школа была недостаточно национально ориентированной, и призывал проводить идею национального объединения не только в таких предметах, как история, язык, страноведение и веронаука, но и использовать арифметику, природоведение, рисование и труд.
- ³³⁸ Илић А. В. Уџбеници и национално васпитање у Србији (1878–1918). Београд, 2010. С. 49.
- ³³⁹ Марјановић Ч. Веронаука и вероучитељи у нашим средњим школама. Београд, 1909. С. 10–11; Весник СПЦ. 1914, јануар. С. 9–10; Стенографске белешке за 1881г. Београд, 1881. С. 1341–1349.
- ³⁴⁰ Илић А. В. Уџбеници и национално васпитање у Србији (1878–1918). Београд, 2010. С. 40.
- ³⁴¹ Правила о идењу у цркву за наставнике и ученике основних школа. Бм. Бг.
- ³⁴² Школски закон за ученике гимназија и реалака (*Српске новине 1883г. 11 јануара*).
- ³⁴³ Первый Закон об устройстве основных школ был принят еще 11.09.1863 г. (*Српске новине. 1863, 12 септембра*). Главными предметами были объявлены христианская наука, чтение, письмо, счет и пение. В независимой Сербии деятельность основных школ регулировалась следующими законами – Закон об основных школах 1882г. (*Српске новине 1883, 13 јануара*), Закон о народных школах 1898г. (*Српске новине. 1898, 4 августа*), Закон о народных школах 190г. (*Српске новине. 1904, 23 априла*).
- ³⁴⁴ Српске новине. 1883, 13 јануара.
- ³⁴⁵ Српске новине. 1904, 23 априла.
- ³⁴⁶ По Закону об основных школах 1882г. обучение длилось 6 лет (4года+2года), но закон 1898 г. изменил эту схему – основная нижняя школа длилась 4 года, а высшая – 3 года. В 1904г. Закон о народных школах вернул схему 4 года+2 года, четыре класса нижней основной школы были обязательными.
- ³⁴⁷ Наставни планови, програми и недељни распореди часова за основну школу с министарским наредбом о извершењу њиховом. Београд, 1884; Наставни план, распоред и програм за основне школе. Београд, 1897.
- ³⁴⁸ Илић А. В. Уџбеници и национално васпитање у Србији (1878–1918). Београд, 2010. С. 71.
- ³⁴⁹ Закон о средним школама 1898г. (*Српске новине. 1898, 22 јула*).
- ³⁵⁰ Илић А. В. Уџбеници и национално васпитање у Србији (1878–1918). Београд, 2010. С. 160–161.
- ³⁵¹ Швабић П. Историја хришћанске цркве за ученике и ученице средњих школа. Београд, 1912. Первое издание учебника вышло в 1901г.
- ³⁵² Швабић П. Историја хришћанске цркве за ученике и ученице средњих школа. Београд, 1912. С. 120.
- ³⁵³ Стојановић Ј. Поуке и примери за хришћанску науку првог разреда средњих школа. Београд, 1909.
- ³⁵⁴ Гимн Святому Савве являлся (и является сейчас) традиционной песней, исполняемой в школах и на всех торжествах, приуроченных ко дню Св.Саввы.
 Воскликнем с любовью Святителю Савве / Сербской церкви и школе, святительской главе. / Тамо венци, тамо слава, где наш сербский пастырь Савва. / Пойте ему, сербы, пойте, песню и утройте! / Благодарна Сербия, полна ты любви / К своему пастырю, Светителю Савве. / Все сербство славит славу – своего отца, Святого Савву. / Пойте ему, сербы, пойте, песню и утройте! / Чтобы все сербские сердца с тобой слились, / Солнце мира и любви, чтоб нам всем сияло, / И да будем жить все в согласьи, Святой Савва, ты, помоги. / Услышь глас своего рода, Сербского народа!
- ³⁵⁵ Автор песни «Я серб, сербский сын» – Йован Субботич (1817–1886).

Я серб, сербский сын, имя мне – Радивой. / Первый мой завет такой – умри за сербство, стой! / И этого буду держаться, покуда буду дышать / Великого сербского отца сын, настоящий сербский сын. / От отца мне осталось три чудесных дара: / Имя серб, меч и кровь. / От матери святой дар: сербский язык и алтарь, / Есть у каждого сербского сына, настоящего сербского сына. / У турка есть Цариград, у француза – Париж, / Для меня все – мое имя серба и язык мой. / За это каждый пусть умрет / Великого сербского отца сын, настоящий сербский сын, / На честь немцу – немка с ее светлыми волосами. / А англичанину – англичанка и ее гордый стан. / А мне дайте сербку, для нее сею, для нее жну / Великого сербского отца сын, настоящий сербский сын.

³⁵⁶ Автор песни «Вставай, вставай, серб!» – Йован Штерия Попович (1806–1856).

Восстань, восстань, серб, восстань с оружием! / День тебя ждет, ночь уже прошла. / Вставайте на ноги, не медлите, сербы, / Братья, свобода зовет! / Кто не знает, когда надо за род свой умереть – тот не серб, а выродец, / Того земля проклянет. / На ноги, сербы, братья!

³⁵⁷ Српски грађански законик – оригинал [Электронный ресурс] http://sr.wikisource.org/wiki/Српски_грађански_законик_–_оригинал [20.09.2013].

³⁵⁸ Уголовный кодекс предусматривал весьма суровое наказание священникам, нарушавшим запрет, например в случае, если тот венчал невесту / жениха, зная, что тот уже женат / замужем – наказание составляло лишение свободы на срок от двух до пяти лет (§135); если священник венчал парня / девушку не достигших 17 и 15 лет соответственно – лишение свободы на срок до одного года, а если девушке не исполнилось 13, а юноше – 15 лет, срок лишения свободы увеличивался (от года до пяти) (§136). Так же, до пяти лет тюрьмы было положено священнику, если он венчал украденную, насильно приведенную девушку (§138) (*Зборник правила, уредаба и наредба архиепископского сабора православне српске цркве у Краљевини Србији (од 1839–1900 г.). Београд, 1900. С. 364*).

³⁵⁹ Глас нишке епархије. 1899. С. 255–256.

³⁶⁰ Гласник СПЦ. 1900, № 1. С. 10–11.

³⁶¹ Гласник СПЦ. 1902, №№ 7–8. С. 459.

³⁶² Преглед епархије жичке. 1920, №№ 4–5. С. 145–149.

³⁶³ По сведениям МВД на 1892г. в стране внебрачных пар было 2.763. (*Зборник правила, уредаба и наредба архиепископского сабора православне српске цркве у Краљевини Србији (од 1839–1900 г.). Београд, 1900. С. 236*)

³⁶⁴ Зборник правила, уредаба и наредба архиепископского сабора православне српске цркве у Краљевини Србији (од 1839–1900 г.). Београд, 1900. С. 234.

³⁶⁵ Зборник правила, уредаба и наредба архиепископского сабора православне српске цркве у Краљевини Србији (од 1839–1900 г.). Београд, 1900. С.236.

³⁶⁶ Статистички годишњак Краљевине Србије. Београд, 1904.

³⁶⁷ Для сравнения, за 1900г. было осуждено 3.581 человек. (*см. Статистички годишњак Краљевине Србије. Београд, 1904.*)

³⁶⁸ Стенографске белешке о седницама народне скупштине за 1881. Београд, 1881. С. 98–99.

³⁶⁹ Стенографске белешке о седницама народне скупштине за 1882. Београд, 1882. С. 1023–1026.

³⁷⁰ Зборник правила, уредаба и наредба архиепископского сабора православне српске цркве у Краљевини Србији (од 1839–1900 г.). Београд, 1900. С. 32.

³⁷¹ Зборник правила, уредаба и наредба архиепископского сабора православне српске цркве у Краљевини Србији (од 1839–1900 г.). Београд, 1900. С. 34.

³⁷² Зборник закона, уредаба и наредба министарства просвете и црквених послова по црквеним пословима. Београд, 1880. С. 144.

³⁷³ Зборник правила, уредаба и наредба архиепископского сабора православне српске цркве у Краљевини Србији (од 1839–1900 г.). Београд, 1900. С. 215.

ГЛАВА 3. ДУХОВЕНСТВО В СЕРБИИ В 1878–1918 ГГ.

Сербское духовенство условно можно разделить на три категории: первая и самая многочисленная группа – мирское духовенство – т.е. священники, большинство из которых были обычными сельскими приходскими попами. Число священников в к. XIX–нач. XX вв. колебалась в районе одной тысячи человек. Численность же монашества – второй категории духовенства – фактически представляла собой статистическую погрешность, уверенно стремясь к нулю, и составляла по нашим подсчетам на 1914 г. всего 88 человек.

Часть черного духовенства, которую в силу своей специфики можно выделить в третью категорию – это высшие духовные сановники сербской церкви. Хотя епископы и принадлежали к монашествующим, но в сербских реалиях в силу политических коллизий и нехватки кадров архиереев частенько выбирали из вдовых священников, постригая их по мере надобности в монахи и тут же возводя в епископский сан, как это произошло с епископом шабацким Димитрием (Димитрием Павловичем) или нишским Иннокентием (Яковом Павловичем). Как иронично высказался народный депутат Велько Яковлевич, когда речь зашла об упразднении монашества – об архиереях не стоит беспокоиться: сегодня он священник, завтра – постригся в монахи, третьего дня – уже владыка. Более того, когда в 1914 г. рассматривалась кандидатура скопского архиепископа, а в перспективе и патриарха Сербского, то престолонаследник Александр и Никола Пашич вообще предложили кафедру мирянину – бывшему министру иностранных дел Чedomилу Миятовичу, который был вынужден отказаться отнюдь не из-за того, что не был духовным лицом, а по соображениям морального характера. Миятович считал, что для епископа надобно искренне верить во все церковные догматы, которые лично для него были весьма сомнительны, на что Пашич ядовито заметил, что никто не просит у него распространяться насчет его истинной веры³⁷⁴. Епископы, количество которых в зависимости от числа епархий составляло 3–5 человек, представляли собой отдельную касту, ревностно оберегающую свои привилегии и совершенно далекую как от нищих безграмотных монахов, так и от священников, открыто конфликтующих с церковным начальством.

Таблица 2 – Духовные чины по епархиям в 1903 г.³⁷⁵

Духовный чин	Белградская	Жичская	Нишская	Тимокская	Шабацкая	Всего
Архимандрит	9	4	4	2	2	21
Протосингел	1	–	–	–	–	1
Игумен	4	4	5	1	2	16
Сингел	2	2	1	–	–	5
Иеромонах	21	13	11	6	4	55
Иеродьякон	2	3	–	2	1	8
Монах	3	1	2	1	–	7
Протоиерей	25	6	17	6	10	64
Священник	271	157	280	101	108	917
Протодьякон	3	–	–	–	–	3
Дьякон	13	2	9	4	5	33
Всего	354	192	329	123	132	1130

В 1905г. церковная статистика³⁷⁶ насчитывала всего 1100 человек духовенства³⁷⁷ и 784 церкви (включая около 50 монастырей и 50 капел). Но при этом церковь обладала значительной собственностью – в 1900г. в церквях и монастырях располагалось 346 гостиниц, 43 кабака, 44 лавки, 4 пекарни, 5 амбаров, 80 мельниц, 17 покосов. Стоимость только церковного имущества на 1900г. оценивалась в 4 млн. 266 тыс. динар (рыночная цена, естественно, была в разы больше)³⁷⁸. При всем том, из 70–80 миллионного государственного бюджета, на церковь государство тратило всего 200–300 тыс. динар (из них около 100–150 тыс. на Богословию, 90 тыс. на духовные суды и 66 тыс. на содержание архиереев)³⁷⁹.

Таблица 3 – Количество церквей и монастырей в Сербии³⁸⁰

Епархия	Церквей	Капел	Монастырей
Белградская	168	2	15
Жичская	112	12	12
Нишская	205	26	15
Тимокская	82	5	6
Шабацкая	77	4	5
Всего на 1903г.	644	49	53
Всего на 1900г.	536	40	40
Всего на 1895	596	31	50
Всего на 1891	540	25	50

В религиозном отношении Сербия была моноконфессиональной страной – почти все население исповедовало православие. Так, из двухмиллионного населения страны, в 1884 г. 98,55% граждан были православными. На селе этот процент был еще выше – 99,36 %, а в городе, за счет протестантского и мусульманского населения, ниже – 92,80%. При этом по состоянию

на 1884 г. 10 % населения этнически не являлось сербским (за счет румын, цыган, болгар, немцев и евреев)³⁸¹. В 1900 г. цифра снизилась до 7,80% – поэтому количество православного населения в городах выросло до 94,06%.

Таблица 4 – Население Сербии по вероисповеданию

Год	Общая численность населения	Население по вероисповеданию (в процентах)									
		православные		католики		протестанты		мусульмане		иудеи	
		город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
1884	1 901 336	92,80	99,36	3,09	0,04	0,3	0,01	2,03	0,58	1,76	0
		Всего 98,55%									
1900	2 492 882	94,06	99,47	2,52	0,06	0,36	0,01	1,42	0,43	1,63	0
		Всего 98,7%									

Учитывая рост населения страны в целом (с 1 млн. 200 тыс. в 1866 г. до 3 млн. в 1911 г.), численность духовенства имела явную тенденцию к снижению по отношению ко всей популяции – с 0,07% в 1866 г. и до 0,03% в 1911 г., являясь таким образом самой низкой в православных странах. Один сербский священник приходился в целом на две–две с половиной тысячи верующих. В России, где количество священников было в два раза больше (112 тыс. на 178 млн.), один священник обслуживал около 1500 человек.

Таблица 5 – Численность духовенства в конце XIX–нач. XX вв.³⁸²

Год	Белградская епархия		Шабацкая епархия		Нишская епархия		Жичская епархия		Тимокская епархия		Неготинская епархия		Велешско–дебарская епархия		Рашко–призренская епархия		Скопская епархия		% от общего числа населения
	монахи	свящ.	монахи	свящ.	монахи	свящ.	монахи	свящ.	монахи	свящ.	монахи	свящ.	монахи	свящ.	монахи	свящ.	монахи	свящ.	
1885	41	331	10	118	14	269	34	156			12	132							0,059%
Итого	1006 священников 111 монахов+5																		
1900	34	324	10	109	19	303	26	164	10	109									0,045%
Итого	1009 священников 99 монахов+5																		
1911	31	330	12	131	19	295	33	154	8	108									0,038%
Итого	1018 священников 103 монаха+5																		
1914	31	326	11	119	17	295	22	147	7	103			33	362	19	105	24м 20ж	321	0,04%
Итого	990 священников и 88 монахов+5 в старой Сербии + в новоприсоединенных краях 788 священников и 96 монахов 1778 священников 184 монаха+7																		

Границы церковной области княжества, а затем и королевства Сербии совпадали с политическими границами – все епархии сербской православной церкви находились на территории государства Сербия. В административном плане сербская церковь делилась на епархии, протопресвитерства, наместничества, парохии (приходы) и капелании.

Таблица 6 – Церковно-административное деление Сербии в 1901–1903г.³⁸³

Число Епархий	Число Протопресвитерств	Число Наместничеств	Число Парохий	Число Капеланий	Число Домов	Численность православного населения
1900						
5	17	50	905	11	344 655	2 331600
1901						
5	17	54	934	11	354 640	2 453238
1903						
5	19	52	901	59	346 718	2 448139

Во главе сербской церкви стоял митрополит с титулом «Архиепископ Белградский и митрополит (королевства) Сербии» (до 1890 г. титул официально звучал как «Архиепископ Белградский и митрополит Сербский»). Во главе епархий стояли епархиальные архиереи – епископы. Сербская церковь в 1878 г. насчитывала четыре епархии – Белградскую, Неготинскую (Тимокскую), Ужицкую³⁸⁴ и Шабацкую. После войны с Турцией, в 1879 г., в состав церкви вошла пятая епархия – Нишская³⁸⁵.

Упразднение и организация новых епархий не были делами сугубо внутрицерковными, а находились в ведении министерства просвещения и церковных дел и утверждались князем/королем Сербии. Так, в 1886 г. в период управления митрополита Теодосия, с целью экономии бюджетных средств, две епархии – Шабацкая и Неготинская – были упразднены и разделены между остальными. Таким образом, до возвращения митрополита Михаила на митрополичью кафедру в сербской церкви оставалось только три епархии – Белградская, Нишская и Жичская. В 1890 г. была восстановлена Тимокская епархия, а в 1898 г., уже при митрополите Иннокентии, с целью «примирения иерархий», и Шабацкая. После балканских войн кроме пяти старых епархий (Белградской, Жичской, Нишской, Тимокской и Шабацкой) в состав сербской церкви формально входили еще четыре епархии: Велешко-Дебарская, Рашко-Призренская, Скопская и Пелагонийская. И хотя их переход не был утвержден Константинополем, епархии перечислялись в 1914 г. в ежегодном официальном издании «Државни календар» как часть сербской церкви³⁸⁶.

§ 1. Положение священства

Основной структурной единицей сербской церкви была парохия (приход) во главе со священником. Как таковой статус приходских священников до 1882 г. в Сербии был не определен, – по выражению журналиста, протоиерея Алексы Илича они фактически находились «вне

закона»³⁸⁷. Несмотря на то, что священник, как и государственный чиновник, служил государству и исполнял важную социальную и идеологическую функции в государстве, где православие являлось официальной религией, за свои труды от государства он не получал ничего. Еще в 1881 г. в скупщине безрезультатно рассматривался вопрос о государственных зарплатах для священников. Тогда правительство пришло к выводу, что этого «не позволяют финансовые условия ... вследствие прошедших войн», и «что таким образом священство оказалось бы несамостоятельным и было бы отторгнуто от народа, а народ – от священства», чего, по мнению правительства, «никак нельзя допустить»³⁸⁸. В отличие от архиереев и членов духовных судов, которые в конце концов обрели статус госчиновников, и получили тем самым право на бюджетные зарплаты, сербский священник оставался, что называется, «на подножном корму»³⁸⁹.

Доход священника складывался из двух частей. Первая часть – обязательный налог, т.н. *бир*, который граждане Сербии обязаны были платить священнику ежегодно. До 1882 г. бир платили продуктами натурального хозяйства (мукой, кукурузой) – норма составляла 12 ока³⁹⁰ жита (15.3 кг) с каждого налогоплательщика. Теоретически сбор лежал на плечах кмета каждой общины³⁹¹, но фактически же, каждый год священник самолично на телеге объезжал дома своих прихожан и требовал с них законно причитающуюся плату. Такая практика не гарантировала сколько-нибудь стабильного дохода – крестьяне нередко (особенно в неурожайные года) были не в состоянии платить бир. **Законом о регулировании положения священников от 31 декабря 1882 г.**³⁹² продуктовый бир был заменен денежным в размере 2 динаров от каждого налогоплательщика³⁹³. Бир собирался общинными властями (а впоследствии налоговыми органами)³⁹⁴ и передавался священнику. Но деньги выплачивались крестьянами нерегулярно, так что ежегодный долг по выплатам бира составлял около 35–40 %.

Таблица 7 – Статистика собираемости бира за 1904–1910 гг.

Год	Начислено всего по стране	Выплачено всего по стране	Процент выплаченного бира
1904	1 655 812	1 064 823	64 %
1905	1 788 301	1 124 253	62 %
1906	1 822 782	1 213 529	66 %
1907	1 867 847	1 154 960	61 %
1908	1 985 589	1 177 820	59 %
1909	2 124 829	1 395 138	65 %
1910	2 059 747	1 465 546	71 %

Вторая часть заработка – установленная государством такса за услуги (крещение, отпевание, венчание, освящение воды, причастие и т.п.), которую сельяки также платили весьма неохотно (так, епископ Мелентий в 1898г. писал митрополиту Михаилу, что сельяки в его краю перестают славить славу, только чтобы не платить священнику один динар за резание славского колача и режут его сами³⁹⁵). При этом священник был обязан совершать обряды вне зависимо-

сти от факта наличия оплаты, в противном случае он подвергался установленным законом наказаниям. Священник был вынужден требовать плату через кмета, который за неуплату грозил селяку тюрьмой или насильной продажей домашней утвари.

Народный посланник Дина Милиич описывал в Скупщине это так:

«После того, как священник отпевает кого-нибудь в доме, иногда двух или трех человек, он не требует плату сразу. Проходит 5–6 дней, он приходит, говорит хозяину: «христианин, где деньги, за то, что я совершил свою службу?» Тот, расстроенный отвечает: «пожалуйста, господин поп, нету сейчас денег, истратил все, заплачу, когда будут». Но поп не может ждать: «отдай мне деньги, иначе я на тебя в суд подам». У того денег нет, и что тогда происходит? Поп идет на суд к кмету и говорит: «такой-то должен мне столько-то, требую, чтобы заплатил». Кмет того спрашивает: «Когда ты заплатишь?» Селяк отвечает: «нету, брат, сейчас ничего». «У тебя нет, но поп не может ждать и это его право, таков закон», – отвечает кмет и по своей обязанности идет к нему домой и отбирает котел, чтобы продать и заплатить попу. Кого должен ненавидеть этот мужик – священника, который требует свое по закону, или кмета? Конечно, священника, прежде всего. Отсюда происходят все конфликты между народом и священниками»³⁹⁶.

Надо ли говорить, что такая нездоровая обстановка мало способствовала проповедям христианской любви среди прихожан и воспитанию духовных чад, с половиной которых священник открыто конфликтовал из-за денег. Жадность священников становилась предметом народных анекдотов и шуток. Так, широко была распространена следующая история: тонет поп, его прихожане собрались вокруг, хотят попа из реки вытащить, кричат: «отче, дай руку». Поп не дает, продолжает тонуть, пока не прибегает попадьа, которая говорит: «э, люди, вы не правильно ему кричите, надо не «дай руку» – а «на, тебе руку», он же не привык ничего давать – только брать»³⁹⁷.

Таблица 8 – Плата священникам³⁹⁸

Чин	Тарифы от 29.03.1853 г. ³⁹⁹	Тарифы по закону 1882г. ⁴⁰⁰
Крещение	1 цванциг	1 динар
Венчание	6 цв.	3 / 6 / 12 динар (в зависимости от уплаты основного налога)
Водоосвящение	1 цв.	1 динар
Обручение	1 цв. (с жениха)	1 динар
Елеосвящение	6 цв.	2 динара
Слава	1 цв.	1 динар
Отпевание большое/малое ⁴⁰¹	18 / 9 чаршийских гроша	2 / 3 / 4 динара (в зависимости от уплаты основного налога)
Отпевание для ма- лоимущих большое/малое	9 / 4 чар. гр.	1 / 1,5 / 2 динар (в зависимости от уплаты основного налога)
Парастос	1 цв.	1 динар
Чтение Евангелия / Псалтири	6 цв.	4 динара
Бир	12 ока (село) или 6 грошей (город) (с налогоплательщика) ежегодно ⁴⁰²	2 динара (с налогоплательщика) ежегодно

Епископ тимокский Мелентий в 1901 г. обращал внимание собора на апатичность священства, на то, что многие сосредоточились лишь на вершении внешних сторон обряда. Но это было результатом не только «общего духа времени», но и плохого материального положения, т.к. священнослужители вынуждены больше заботиться о том, как накормить свою семью и выучить детей. Из-за тяжелого материального положения многие селяки отказывались от празднования славы, были семьи, в которых дети умирали некрещеными, а крещеные дети умирали неотпетыми из-за того, что у семьи нет денег оплатить услуги священника. Священники пытаются компенсировать свои убытки за счет поборов на венчание и обручение, что вызывает ропот в народе. Сам епископ слышал от одного селяка: «коли так, не нужно мне ни венчания ни обручения, возьму молодую за руку и приведу в дом»⁴⁰³.

Прота Илич полагал, что в условиях, когда священник не в состоянии прокормить свою семью и детей, оплатить дрова, аренду дома, не говоря уже о покупке книг и т.п., общество не имеет право ничего требовать от священника и ожидать чудес от своих пастырей, пока интересы священника не будут должным образом защищены законом. Поп Здравко Паунович писал:

«От священника требуют, чтобы он с непокрытой головой в поте лица добывал хлеб свой, а ставят его в ситуацию, когда он с непокрытой головой должен бегать по судам со своими прихожанами, которым проповедует мир, согласие и все доброе и прекрасное; должен добывать свой кровью и потом заработанный кусок хлеба. После этого требовать, чтобы процветали вера, мораль, любовь и другие христианские и человеческие добродетели безосновательно и вредно»⁴⁰⁴.

Никаких пенсий или других вспоможений от государства священнику также не было положено. Благополучие священника напрямую зависело от прихода, количества домов, богатства прихожан и т.п. Количество домов в парохии варьировалось от 100 до 500. Сообразно колебался и доход священника – от 1 тыс. до 5 тыс. динар. До Закона 1882 г., определившего величину парохии не меньше 300 и не больше 400 домов, приходы были маленькими (100–200 домов). Однако на поверку проблема величины прихода так и осталась не решенной – статьи закона в этом отношении не соблюдались, парохии зачастую дробились⁴⁰⁵, а некоторые священники и вовсе жульничали, отчитываясь о количестве домов в своем приходе.

Так, например, в 1909 г. комиссия по пересчету домов в приходах Белградской епархии нашла волшебным образом затерявшиеся в отчетах белградских священников три с половиной сотни семейств – священники занижали количество семей в приходе, что позволяло им иметь в 2–3 раза больший доход. По подсчетам комиссии выходило, что белградские священники имеют приходы по 1300–1400 домов, хотя положено было не больше 400. Естественно, что «белградское лобби» было настроено против митрополита, урезавшего и перекраивавшего приходы⁴⁰⁶.

Естественно, что священники требовали от государства финансовых гарантий своего будущего – весь конец XIX и начало XX столетия проходили под знаком борьбы священников за свое положение, – в первую очередь, это касалось зарплат и пенсий. В 1891 г. наконец был принят *Закон о содержании вдов и детей умерших священников и дьяконов восточно-православной церкви в королевстве Сербия*⁴⁰⁷, по которому все священники и дьяконы были обязаны уплатить единовременно в зависимости от величины parroхии от 200 до 600 динар и ежегодно вносить 48–160 динар в специальный фонд. Соответственно, после потери кормильца, вдовы и дети могли рассчитывать на получение пенсии в размере от 240 до 1400 динар в зависимости от их возраста и внесенной суммы. При этом вдова, и дочь теряли право на пенсию в случае, если выходили замуж, а сыновья – по достижению совершеннолетия.

За свои права священники выступали единым фронтом, для чего в 1889 г. с согласия митрополита Михаила организовали своеобразный профсоюз – Объединение священников (т.н. «Свештеничко удружење»). Объединение имело свое правление, устав, подписанный министром просвещения и церковных дел, и печатный орган – Вестник сербской православной церкви. Ежегодно собирались скупщины Объединения, насчитывающие несколько сот человек (на первой скупщине собралось 227 человек священников и монахов), на которых обсуждались текущие дела, вырабатывались законопроекты и т.п. С тем же азартом, с каким священники участвовали в политической борьбе, они занялись лоббированием своих интересов.

Так, например в 1890 г. подкомитет Объединения священников Пожаревацкого округа выставлял следующие требования относительно положения священников:

1. «Мы хотим иметь все права и обязанности чиновников и ничем не отличаться от остальных чиновников в Сербии, кроме того, что в чисто церковных вещах мы будем подчинены нашим архиереям...»;
2. чтобы нас поставлял наш архиерей в согласии с министром просвещения и церковных дел;
3. чтобы нас в случае какого-либо малого или большого преступления сообразно природе преступления судили духовные или гражданские суды...»;
4. чтобы все чиннодействия и богослужения, которые входят в наши обязанности, вершились бесплатно...»;
5. кроме этих обязанностей, мы бесплатно исполняем и остальные, которые связаны с ними – проповеднические и учительские ...»;
6. вместо бира и остальных вознаграждений, которые мы по «тарифу» от каждого получали в качестве платы за чиннодействия, мы получаем месячную систематическую плату согласно годам службы и норме, утвержденной законом.....»;
7. <...>
8. чтобы parroхии были одинаковыми и было утверждено количество parroхий;
9. чтобы часть нашей зарплаты мы, как и чиновники, отдавали в фонд вдовам;
10. чтобы в случае старости, душевной или телесной болезни или неспособности вершить свои обязанности мы получали от государства содержание;
11. чтобы наши семьи в случае нашей смерти получали пенсию сообразно с нашей последней зарплатой....»⁴⁰⁸.

Касательно самой больной темы – систематической заработной платы существовало несколько проектов⁴⁰⁹. Один из них, например, подразумевал⁴¹⁰

- упорядочить количество домов в приходах до 300–400 домов;
- с каждого налогоплательщика брать налог в 6 динар ежегодно, из которых выплачивать зарплаты священникам⁴¹¹;

- систематическая ежемесячная плата согласно четырем классам, на которые священники делятся по выслуге лет:

1. свыше 20 лет – 4 тыс. динар в год
2. 15–20 лет – 3 тыс. динар в год
3. 7–15 лет – 2 тыс. динар в год
4. меньше 7 лет – 1500 динар в год

Еще один проект закона 1907 г.⁴¹², выработанный Объединением священников и направленный в Народную скупщину депутатами так и не был рассмотрен, пав жертвой политических и партийных дрызг. А Госсовет, через который должен был пройти законопроект перед выносом на Скупщину⁴¹³, вообще пришел к дивному заключению, что систематическая государственная плата священникам не соответствует духу православной христианской церкви, и цинично аргументировал словами апостола Павла: «Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования»⁴¹⁴. Священники справедливо возмущались – непонятно, почему в таком случае ежегодный *бир* и тарифы за услуги священников «в духе церкви», а регулярная зарплата (кстати, существовавшая в России и Болгарии) – нет? И почему жалованье архиереям, установленное распоряжениями 1822 / 1835 гг. и Законом о церковных властях 1890 г. не противоречит духу православной церкви, а зарплаты священникам противоречат?⁴¹⁵

Другой аргумент противников систематической оплаты – несоответствие «духу времени», согласно с которым современное свободное государство предполагает существование и свободной церкви⁴¹⁶. На что священники совершенно верно отвечали, что в Сербии православие – государственная религия, а церковь не отделена от государства, все население которого исповедует православие. Касательно нехватки средств, то на все зарплаты в среднем, по подсчету священников, потребовалось бы около 3 млн. динар ежегодно – как раз столько, сколько поп собирает с прихожан (1.5 млн. бира и 1.5 млн. за услуги).

Но несмотря на убежденность самих священников в том, что «ни один народ не обязан своему священству за государственный и культурный прогресс так, как сербский народ своей церкви»,⁴¹⁷ они так и остались без государственных гарантий – закон о систематической плате священников не был принят. Проблема материального обеспечения священников благополучно пережила балканские и мировую войны⁴¹⁸, сохранив свою актуальность в королевстве СХС и

Югославии⁴¹⁹, когда с утратой православной церковью государственного статуса, надежды священников на государственные зарплаты и пенсии и вовсе стала призрачными.

Однако, не только финансовая неустроенность порождала проблемы с исполнением священниками своих обязанностей. Так, будущий патриарх, шабацкий епископ Димитрий делил священство своей епархии на три группы. Первая – хорошо образованные, просвещенные и читающие священники, безукоризненно исполняющие свои обязанности, которые регулярно служат в церкви и проповедают – «настоящие пастыри своего стада». Другая, также значительная часть священства «средней квалификации», мало читает, плохо излагает свои мысли на бумаге, обязанности вершат кое-как, часто с ошибками читают Евангелие и богослужебные книги, плохо знают церковное пение и обычно больше озабочены своим материальным состоянием. И третья, немногочисленная группа совсем опустившихся священников, часто спившихся, но искренне любящих церковь.

Основным недостатком священника владыка Димитрий отмечал недостаток образования в подготовке священнослужителя, так что некоторые из них не умеют читать по-старославянски, не знают церковных правил и церковного пения. Будущий патриарх сокрушался:

«Редко кто наполнен апостольской миссионерской деятельностью, – очень мало священников, которые бы энергично защищали свою веру от нападков, и которые бы преследовали неверующих на каждом шагу. У священников не хватает энергии бороться силой евангельской проповеди с рассадниками порока, подрывающими веру и мораль. Если их спросить, почему они не делают этого, они сразу отвечают, что их никто не будет слушать, и виноваты власти, которые не наказывают и не преследуют ведущих себя безнравственно. Этот ответ доказывает, что священники не понимают сложных задач своей службы. А многие из них заботятся о своих материальных интересах, из-за которых они избегают портить отношения с аморальными людьми. Можно свободно сказать, что народ больше сам, силой своего религиозного чувства хранит свою веру, чем священники достигают своей проповедью».⁴²⁰

Более того, священник не только не показывает рвение в защите и расширении веры в народе, но и не учит своих прихожан тому, что является самым важным для православной веры. Епископ Димитрий писал, что сплошь и рядом он встречает престарелых людей, которые даже не умеют правильно перекреститься, не говоря уж о знании каких-то догматов: «священник вершит свои обязанности наспех, чисто механически, иногда стыдясь своей работы. При всем этом, если есть люди, которые знают что-то из основ веры и умеют правильно перекреститься – это не всегда заслуга священника. Больше всего этому поспособствовали школа и казарма»⁴²¹.

И хотя по прописанным правилам 40-х гг. и закону 1890 г. необходимым условием для рукоположения священника являлось богословское образование, в действительности, масса священников его не имела⁴²². Так, нишский епископ Никанор сообщал в 1899 г., что из 344 священников его епархии 114 человек закончили Белградскую Богословию, остальные – необразованы, а многие из них вообще совершенно неграмотны⁴²³: «Ужасались мы, смотря на неко-

торых священников, которые ни единого печатного слова прочесть не умеют, так как, говорят, не учились читать такие книги, ни церковные книги различить не могут». Так, некоторые попы не знают ектенью, а вместо короля поминают по служебнику русских царей, а вместо епископов – русский синод. Церковного пения у таких попов нет – только одно жуткое неразборчивое бормотание, церковные протоколы у них заполняют только что обучившиеся грамоте малые дети или сельские писари. Отсюда – недобросовестная работа и многочисленные злоупотребления. Епископ Никанор писал в том же отчете, что из 344 священников своей епархии были отданы под суд 34 священника, из которых 8 наказали предупреждением, 4 выговором, двоих – временным отлучением, 13 – отлучением от епитрахили и один временно удален с прихода. В целом по стране в нишской епархии за 1891 г. было зарегистрировано 138 преступлений священников⁴²⁴, в основном, за небрежное отношение к службе и непристойное поведение. Основная масса преступлений пришлась на 80–ые годы – время активного участия священников в политике и «смутные» годы после выдворения митрополита Михаила. К началу XX в. их количество заметно снизилось – в 1905 г. всего было зарегистрировано 316 преступлений священников (в нишской епархии эта цифра составляла 133)⁴²⁵.

Самыми распространенными преступлениями, за которые священников предавали суду, были следующие: венчание малолетних без разрешения судьи, венчание без предварительного оглашения, венчание близких родственников, венчание лиц из чужого прихода, небрежность в заполнении церковных протоколов, пропажа протоколов, внесение ложных сведений в протоколы. В меньшей степени встречались финансовые злоупотребления – завышение таксы, присвоение денег, принуждение выплатить долг под угрозой отказа венчания⁴²⁶.

Но встречались и курьезные случаи – так, в 1906 г. в скупщине один из депутатов рассказывал про сельского священника Весу Михайловича, который за два динара отпел мертвого щенка, за что у того на несколько лет отняли парохию, а потом, вопреки здравому смыслу, дали приход в городе⁴²⁷. Или случай попа Милойко Мирчича, который знахарством и продажей крестиков с заговорами против злых духов заработал около двухсот тысяч динар золотом и был за свои злоупотребления осужден и расчленен, но потом помилован государем и поставлен на другой приход⁴²⁸.

Таблица 9 – Статистика преступлений священников в 1871–1885гг.⁴²⁹

Год	Количество обвиненных священников	Преступления		Наказание		
		священно– действие	непристойное поведение	запрет в служении	епитимья	лишение сана
1871	103	52	28	5	13	1
1872	114	42	33	8	20	2
1873	95	22	35	7	17	–
1880	336	168	110	12	44	–
1881	325	190	85	10	17	–

Год	Количество обвиненных священников	Преступления		Наказание		
		священно– действие	непристойное поведение	запрет в служении	епитимья	лишение сана
1882	298	155	77	2	29	3
1883	431	167	97	8	48	1
1884	462	204	114	13	59	–
1885	428	185	105	9	55	7

О многочисленных нарушениях дисциплины со стороны мирского духовенства можно узнать из предпринимаемых Архиерейским Собором мер, направленных на повышение дисциплины в рядах священников. Так, в ответ на многочисленные жалобы прихожан на священников, которые не сидят у себя в парохиях и до которых люди вынуждены добираться по 5 часов и искать их по кабакам, в то время как дети умирают некрещеными⁴³⁰, Собор был вынужден в приказном порядке распорядиться, чтобы каждый приходской священник жил в центре своей parroхии. Так же священникам запрещалось покидать свой приход в праздничные дни без уважительной причины и оставлять церковь без службы, – случалось такое, видимо, весьма часто. Собор предписывал священникам читать каждое воскресенье и праздник проповеди в церкви, что не было распространенной практикой в сербской церкви. Упрекая священников в излишней пристрастности к кабакам, спиртному и картам, и, видя в том причину ослабления влияния и уважения среди народа, собор запретил посещать священникам кабаки и трактиры. За несоблюдение этого приказа в первый раз полагался денежный штраф в 50 динар, во второй раз – епитимья на 30 дней и в третий раз – извержение из сана.

Другим начинанием собора было ужесточение мер касательно ношения прописанной униформы священников, которой те не придерживались, демократично облачаясь в светские одежды, и так, нередко, в брюках и пиджаках, совершали в церкви богослужение. Запретил Собор и ношение обычных шляп, которые священники имели привычку носить не только в обыденной жизни, но и на литиях, похоронах и т.п. Эти меры вызвали неподдельное возмущение священников, будучи расцененными как покушение на поповские вольности и свободу⁴³¹.

Стоит упомянуть еще одну инициативу священников, которой они расходились с архиереями – требование разрешить овдовевшим священникам жениться во второй раз. В виду высокой смертности священники часто оставались без хозяйки в доме, с тремя-четырьмя детьми на руках. Естественно, что поп был вынужден приводить в дом женщину – случаи сожителства овдовевших священников с такими барышнями, зачастую служившими прислугой, были довольно распространенным явлением⁴³².

Еще в 1875 г. был направлен запрос министру просвещения – могут ли священники жениться второй раз, если останутся вдовы. Скупщина приняла запрос и направила его правительству для реализации в согласии с Архиерейским Собором⁴³³. В 1882 г. этот вопрос опять был

поднят депутатами. Так, народный посланник, поп Никола Крупежевич, озвучивал свое видение проблемы: Апостол Павел, проповедовал против многоженства, а не против второго брака. Запрет священникам жениться во второй раз – это не церковный догмат, по мнению попа Николая, а канон. Каноны же устанавливаются поместными церквями. В интересах священников надо эту ошибку исправить и для этого нужно собрать не вселенский собор, а поместный собор сербской церкви. Министр просвещения, открестившись на заседании скупщины от решения такой щекотливой проблемы, стоял на том, что подобные вопросы находятся исключительно в компетенции Архиерейского собора.

В 1890 г. правление «Объединения священников» направило Собору официальное письмо с просьбой согласовать их инициативу с Вселенским Патриархом и другими православными церквями и разрешить второй брак. Но Собор занял предельно жесткую позицию, ответив, что считает это требование неканоничным, т.к. все церковные правила предписывают женитьбу до, а не после рукоположения. Более того, собор вообще запретил вдовым священникам, имеющим детей, держать молодых домработниц, – только в преклонных годах, дабы не компрометировать себя и православную церковь⁴³⁴. От идеи добиться разрешения второго брака священники не отказались и в объединенной в 1920 г. сербской церкви⁴³⁵.

Одной из неприглядных реалий повседневной жизни сербской церкви была широкомащтабная открытая конфронтация между священством и церковной иерархией. Трудно проследить истоки возникновения конфликта сербских священников и архиереев – церковная периодика 70–х гг. малоинформативна и нерегулярна, а начавшие издаваться в новой Сербии независимые журналы, такие как «Христианский вестник» Алексы Илича (с 1881 г.) и «Вестник Сербской церкви» (с 1890 г.) были уже оппозиционно настроены. Официальное издание – «Гласник Сербской церкви», стало выходить только с 1900 г. и, естественно, придерживалось проепископской позиции. Очевидно, что причины конфликтных взаимоотношений между архиереями и духовенством кроются в излишней свободе сербского духовенства. Священство, поднаторев в политических склоках противоборствующих партий, стало настолько сильным и политически самостоятельным, что смогло противостоять и церковному начальству. Любопытно, что эта особенность не укрылась от глаз русских богословов. Так, С.Троицкий, считал, что сепаратистская деятельность «Объединения священников», которое борется за свои интересы, стремясь освободиться от законной власти архиереев, противоречит правилам Вселенских соборов, и призывал запретить Скупщины священников и монахов, которые рушат единство церкви и свои отдельные интересы ставят выше интересов всей церкви⁴³⁶.

Выражение крайней пренебрежительности к архиереям со стороны священников можно проиллюстрировать словами одной резолюции, поднесенной в 1881 г. народной Скупщине, в числе авторов которой было два попа (Маринко Ивкович и Радое Димитриевич), где среди про-

чего высказывалась мысль о том, что из всей церковной иерархии хорошо бы оставить лишь митрополита – этого бы было вполне достаточно для Сербии, а остальных архиереев упразднить за ненадобностью⁴³⁷. Священники в Скупщине искренне сожалели, что владык надо избирать из числа монахов и выступали с предложением, чтобы епископов избирали из числа священников. Иерархов открыто обвиняли в финансовых махинациях, злоупотреблениях властью, кумовстве, в том, что в то время, как люди умирают с голода, епископы ведут роскошную жизнь за государственный счет⁴³⁸.

Но главное, что заботило попа и вызывало его неприязнь – это власть епископа над священником, в условиях обостренной «партизанской» борьбы ставшая орудием открытой манипуляции и принуждения. Как жаловался поп Глиша Петрониевич – митрополит говорил ему: «я могу тебе дать парохию, а могу и не дать»⁴³⁹, лишив таким образом священника – своего политического противника – средств к существованию. Естественно, что получивши свободу политическую и осознав себя силой, священники ринулись отстаивать свободу от церковных властей, презрительно называемых ими «иерархия». Между тем, один из депутатов рассказывал про своего бывшего приятеля, епископа шабацкого Иеронима: когда тот еще не был сторонником Ристичевой партии, он держал у себя в кровати револьвер по соображениям личной безопасности, от того же Ристича⁴⁴⁰.

Думается, что корни такого специфического свободомыслия и неуважения к власти надо искать в сербском менталитете. Власть для серба была явлением вполне земным и утилитарным. Отсутствие своей знати освободило серба-селяка, в отличие от русского собрата-крестьянина, от привычки ломать шапку перед господами, а бурная политическая жизнь смела остатки пиетета перед раз в полгода меняющимся правительством и министрами.

В России с Петровских времен церковь являлась государственным учреждением, а церковная иерархия была подчинена государству. Но православием было пронизано все общество и государство, более того, легитимность императора заключалась в том, что он – помазанник божий и одновременно, в каком-то смысле, глава церкви⁴⁴¹. Для Сербии же нового времени тема сакрализации власти никогда не была актуальна. Наилучшее этому подтверждение – конец династии Обреновичей и выборы короля Петра. Как говорил министр финансов Войя Велькович: *«никто из нас не верит, что король свою власть имеет от неба и от Бога....По нашим понятиям, в появлении Петра в качестве короля есть столько же божественного права, сколько в приходе г. Пашича председателем министерства»*⁴⁴². А Павле Маринкович цинично замечал, что *«после 29 мая, когда Сербия видела, как государь полетел в окошко вниз головой, с неприкосновенностью и престижем монархии было покончено»*⁴⁴³. Совершенно права Ольга Попович-Обрадович, когда пишет, что *«выборность и насильная смена на престоле были только новым свидетельством отсутствия всякой идеи о божественном или историческом праве*

как источнике легитимности государственной власти в Сербии»⁴⁴⁴. Монархизм не имел в Сербии достаточно глубокой традиции. Факт существования государственной власти был обусловлен только народным доверием. Отсюда – выборность и частые смены на престоле. «У нас государи меняются чаще, чем в других странах правительства», – говорил Люб. Радованович. Насилие над правителями можно расценивать как своеобразное подтверждение тому, что народное доверие в понимании серба имело примат над наследственным началом. В глазах серба королевская власть вне политической воли народа была лишена всякой легитимности⁴⁴⁵. Жертвой такой, по выражению Л.Троцкого, стихийно-бытовой демократии, пала и церковь.

Лишенная особого пиетета перед «помазанником божьим» церковь составляла, в каком-то смысле, конкуренцию для государства. А рядовое священство, попирающее права иерархии, представляло весьма опасную деструктивную силу для церковного руководства. Государство же не было заинтересовано в существовании неуправляемой и самостоятельной церкви и последовательно осуществляло утилитарную потребность превращения церкви в государственное учреждение. Шаги правительства, направленные на реализацию этой цели совпали с направлением церковных властей на ликвидацию дезорганизации священства и ужесточение дисциплины в его рядах. И хотя «Объединение священников» продолжало свою деятельность и в первой Югославии, совершенно очевидно, что власть, отдавая приоритет архиереям, лишила в конце концов священников той самостоятельности, которой они обладали еще в середине XIX вв.

§ 2. Положение монашества

Не будет преувеличением сказать, что монашество в Сербии XIX – нач. XX вв. переживало глубокий кризис: весь XIX век число монахов неизменно сокращается и к концу столетия насчитывает около ста человек, женское же монашество исчезло вовсе. Количество насельников в монастырях редко составляет более одного–двух монахов, за исключением царских лавр, как например, в монастырях Манасия, Раваница и Студеница, где братство насчитывало четыре–пять монахов. При этом, 53 действующих монастыря в 1895 г. владели 5 тыс. 687 га пахотной земли и 19 тыс. 555 га лесов⁴⁴⁶. Т.е. на одного монаха приходилось свыше 200 га земли! Естественно, что монастырская братия была не в состоянии сама обрабатывать свои земли и отдавала их окрестным селякам в испольщину.

Кроме того, монастыри обладали и другой собственностью – на 1891 г. в их владении находилось 20 кабаков, 45 мельниц и около 4 тыс. голов скота⁴⁴⁷, а стоимость всего монастырского имущества в 1900 г. оценивалась в 3 млн. 81 тыс. динар⁴⁴⁸ (хотя более детальные подсче-

ты показывали сумму в 10–20 млн. на 1913г)⁴⁴⁹. Но не смотря на такие богатства, количество монастырского имущества имело тенденцию к сокращению – еще в 1882 г. монастыри имели более 5 тыс. голов скота, 30 кабаков и 72 мельницы. А совокупный капитал монастырей за двадцать лет, с 1880 г. по 1900 г., сократился в четыре раза – с 400 тыс. до 100 тыс. динар.

Причины такого упадка монастырей помимо очевидной нехватки людей, следующие: в 1883 г. на основе ст.2 *Закона о регулировании положения священников* у монастырей были отобраны parroхии в пользу священников. Таким образом, монастыри потеряли 37 parroхий, что в денежном эквиваленте составляло около 74 тыс. динар убытка ежегодно (при расчете 2 тыс. динар дохода с одной parroхии)⁴⁵⁰. А *Закон о прямых налогах*⁴⁵¹ 1884 г., облагавший налогом монастырское имущество – земли, леса и здания, окончательно подкосил монастырское хозяйство. Например, в 1895 г. ежегодный налог со всех монастырей составлял 31 тыс. 809 динар⁴⁵². За 20 лет, с 1885 по 1904 гг. было уплачено в совокупности около 913 тыс. налога⁴⁵³. Редко какой монастырь был в состоянии выплатить налог на имущество – в 1891 г. монастыри были должны около 50 тыс. динар (28 тыс. налога государству и 22 тыс., частным лицам), хотя в 1864 г. ни один монастырь еще не был в долгах.

Кроме того, монастыри были вынуждены отдавать ежегодно 20% прибыли в церковный фонд, а так же, решением Архиерейского Собора, обязаны оплачивать обучение своих монахов в сумме 700–900 динар ежегодно (а училось одновременно около 5–6 монахов от монастыря)⁴⁵⁴. В целом, если учесть, что прибыль монастырей по самым оптимистическим подсчетам в среднем составляла около 6 тыс. динаров в год, то после уплаты всевозможных платежей (налоги, obsлуга, церковные нужды, утварь, певчие, дьяконы и т.д.) чистой прибыли оставалось около полутора тысяч⁴⁵⁵.

Для уплаты налога монастыри были вынуждены с разрешения духовных судов распродавать свои земли или сдавать их в аренду, не говоря уже о продаже продуктов, скота, посуды и даже котлов для перегонки ракии⁴⁵⁶. Сплошь и рядом случались случаи финансовых махинаций с церковным имуществом, когда настоятели монастырей откровенно наживались на продаже и разоряли некогда цветущий монастырь. Так, в одном из своих отчетов Архиерейскому Собору епископ Димитрий приводил в пример монастырь Радовашница, который находился на краю разорения из-за огромного долга по уплате налога и неудачного управления воруги–настоятеля, который сбежал из страны, но находился вне юрисдикции Сербии, ибо был гражданином другого государства⁴⁵⁷. Или случай монастыря Боговаджа, настоятель которого за год один разорил богатейший монастырь⁴⁵⁸. Другой очевидец рассказывал, что новый старейшина монастыря Раваница, отец Теофил, столкнулся с пустой монастырской кассой, а часть роскошной обстановки и мебели этой некогда царской лавры была распродана⁴⁵⁹. Нередко занимались поборами и сами владыки – монастыри вынуждены были посылать «дань» надлежным архиере-

ям. Так, один из депутатов Скупщины писал запрос, в котором рассказывал об одном курьезном случае: в 1908 г. архимандрит Дорофей из монастыря Наупаре в открытую, почтовым переводом, послал владыке Никанору 200 динар с припиской «сейчас больше нету»⁴⁶⁰.

Теряли монастыри свои владения и более прозаическим образом – окрестные селяки при поддержке общинных властей попросту присваивали себе лакомые куски монастырских земель. Государственные власти взирали на это сквозь пальцы, как, например, в монастыре Каленич, у которого жители окрестных сел самовольно заняли несколько сотен гектар. Монастырская братия в виду своей крайней малочисленности была не в состоянии контролировать земли – в монастырских лесах селяки открыто вырубали деревья на продажу, пасли скотину. Как писал Вестник СПЦ: «Все окрестные общины были бы рады отнять и поделить монастырское имущество – это факт, не требующий доказательства»⁴⁶¹. Сказывалось и отсутствие у настоятелей монастырей и братии какого бы то ни было образования, пригодного для ведения монастырского хозяйства – экономического или сельскохозяйственного. Прибывавшие же обратно в свой монастырь «господами с огромными претензиями» после завершения Богословии молодые образованные теологи, плели интриги и сами метили на место настоятеля.

Резкое падение численности монахов совершенно справедливо объяснял будущий патриарх Димитрий⁴⁶² – монашеский чин перестали принимать сыновья из благородных семейств, вместо них в монахи стали брать людей сомнительного происхождения, зачастую это были люди с криминальным прошлым, освободившиеся из тюрем и т.п. Владыка связывал это явление с освобождением Сербии от османов. Теперь грамотные люди из приличных семей были востребованы на государственной службе, и приток молодых людей в монахи, поэтому прекратился – стали брать кого угодно, лишь бы в монастырях кто-то остался. Утверждение на наш взгляд спорное – монастыри не деградировали в одночасье после 1878 г., их упадок был тенденцией времени. Совершенно справедливы были слова депутата Велько Яковлевича, который считал, что «монашество отжило свое время в нашем отечестве. Они больше не нужны народу»⁴⁶³. Действительно, их время ушло – центры книжности и образования, каковыми некогда были монастыри, переместились в школы, институты и библиотеки, и к концу XIX в. монастыри, лишенные государственной поддержки времен Неманичей, утратили былой престиж и величие, оказавшись на задворках истории, а монашеский образ жизни перестал вызывать пиетет и уважение в народе. Монастыри стали экономически убыточными, а монашество деградировало.

Христианский весник писал в 1902г., что «в наше время настоящего монаха надо искать по примеру Диогена с фонарем в руке. Ибо монашество сошло со своего пути, обет послушания превратился в подчинение физически более могущественному настоятелю, ... а молитва и молчание нашли себе замену в бурных оргиях»⁴⁶⁴. Газета Политика вторила: «Известно, кто у нас становится монахами – преимущественно люди без какой-либо школьной подготов-

ки, часто вообще необразованные. В течение времени все они становятся архимандритами и так делают карьеру. Из 50 монахов, которые есть сейчас, сегодня около 25 архимандритов, которые получили этот чин больше за то, что составляют партию того или иного епископа»⁴⁶⁵.

К тому же дело осложнялось неприкрытой враждой монашества и священства⁴⁶⁶, которое, казалось бы, должно было поддерживать собратьев по кресту. Однако, в действительности, образ жизни монахов вызывал агрессивную неприязнь белого духовенства. Например, поп Марко Богданович жаловался: в то время как он мучился, экономил каждую копейку, учился, кончал Богословию, и получил в результате 100 домов parroхии, необразованные монахи легко получают сразу по 600 домов прихода. И довольно резко резюмировал: *«В монахи принимают таких, кто и жить не достоин. Есть такие, каким бы я и ребенка крестить не доверил»⁴⁶⁷*. А поп Иван Протич упрекал, что в то время, когда столько семей умирает с голоду, монастыри обладают такими богатствами.⁴⁶⁸ Для вражды имелись и чисто внутрицеховые причины – недовольство случаями исполнения монахами должностей приходских священников. Многие монастыри служили приходскими церквями – нередко случались конфликты с вынужденными там служить священниками, из-за одежды, утвари и т.д. Так же взаимную неприязнь вызывали случаи, когда архиерей отнимал монастырь у провинившегося игумена и делал настоятелем священника или наоборот, parroхию священника отдавал на обслуживание монастырю.

Специфика сербских монахов, свободно пользующихся всеми «скромными радостями жизни», остро бросалась в глаза и русским очевидцам. Так, путешествуя по Сербии конца 90-х гг. Е.Марков писал, что сербские монахи – «вовсе не отшельники и не подвижники, <они> не говорят никому поучений и не следят ни за чьей нравственностью», не стесняясь, едят мясо, пьют вино и не избегают никаких собраний и сношений с людьми⁴⁶⁹.

Упадок монашеской жизни был настолько очевиден, что дело едва не дошло до ликвидации монашества как института и передачи монастырских землевладений приходским церквям и государству. Инициатива упразднения монастырей и монашества исходила, что называется, «снизу» – от священников, и обсуждалась в законодательном собрании в 1881г., где эта идея нашла массу своих приверженцев. Претензий к черному духовенству по большому счету было две – владение несоразмерно огромной собственностью и абсолютная бесполезность и ничтожность современного монаха, далекого от средневекового идеала образованного и высокоморального нестяжателя и борца за свободу. Монахов упрекали в утрате общехристианских ценностей и дискредитации самой православной церкви. Так, поп Марко Богданович рассуждал в Скупщине:

«По канонам православной веры и святой церкви монашеская жизнь – жизнь отшельническая, и в начале своего существования монахи этого строго придерживались. По строгим каноническим правилам, лицо, постригающееся в монахи, отрекается от мира и всех мир-

ских влияний. От этих строгих правил, как мы все знаем и видим, сегодня чин монашеский совсем отступил и из пустыни возвратился на землю, из пещеры сделал великолепные палаты, а из уединения прихватил с собой мирские наслаждения».⁴⁷⁰

Священник предлагал правительству упразднить монашеский орден, монастыри переделать в церкви, монастырские parroхии передать священникам, а монастырские земли употребить как сельскохозяйственные школы или дать общинам на возделывание под контролем государства. Очень показательна реакция народных депутатов на речь Милана Куянджича, впоследствии занимавшего пост министра просвещения и церковных дел. Один из первых сербских академиков говорил:

«...Глядя на монастыри, не видно, чтобы там преумножалась прошлая народная слава или ширилось народное просвещение. Мы видим, что сейчас в монастырях много больше заботятся об элементарном хозяйстве, о жизни будничной, а не о будущей народной жизни и народном просвещении (Крики – точно так). <...> Нет больше надежды, что монастыри будут такими, какими были раньше. <...> Совсем естественно, что в народном представительстве появилась мысль – вопрос монашеский решить и не тянуть его обратно к стыду монастырей и в убыток нам. (Крики – очень хорошо). <...> Я признаю, что наши монастыри – дивные сокровища, которые напоминают нам старую славу и величие сербское. Но те, кто являются сейчас живыми свидетелями этих седых воспоминаний <...> – они не те, кем когда-то были и не те, кем им должно быть. И что мы должны делать с монастырями? Нет лучшего способа, чем переделать святые монастыри в святые церкви. <...> В монастырях превратим монахов в священников»⁴⁷¹.

Сербский политик задавался вопросом –

«Можем ли мы здесь, в скупщине, решить вопрос об упразднении монашества? <...> Святая обязанность каждого без различия, уважая святые задужбины наши, уважая тех святых людей, которые некогда и крестом, и саблей, и книгой служили процветанию народному... прекратить то, что недостойно этих святых, чтобы не монашили больше людей с бору по сосенке».

Куянджич предлагает, чтобы монахи перед пострижением, как и священники перед рукоположением, обязаны были получить образование, и имели бы за плечами окончанный юридический или исторический факультет. При этом, мысль оставить в Сербии только образованных монахов, а сотню остальных необразованных монахов отослать на Хиландар была встречена аплодисментами депутатов и единогласными криками «очень хорошо»⁴⁷². Солидарен с ним был и поп Иван Протич – количество монахов надо ограничить, сместить их в несколько исторических монастырей, а parroхии отобрать⁴⁷³.

Известный радикал – протоиерей Милан Джурич также полагал уместным и целесообразным отобрать parroхии у монастырей, т.к. монахи, вступая в монашество, сами провозглашают отречение от мира. Но надо отдать ему должное – Джурич вступился за монашество, которое существовало по церковным канонам и просто так упразднить его, по убеждению Джурича, было невозможно, – необходимо только, чтобы монахи были образованы и заканчивали богословие и философский факультет перед пострижением⁴⁷⁴. Это предложение выносилось на заседание скупщины несколько лет спустя, в 1889 г. Михаило Поповичем⁴⁷⁵, полагавшим, что

«...великое уважение, которое имели монахи, происходило из того факта, что они были самостоятельнее и образованнее обычных священников. Но сейчас отношения изменились...Сегодня священники по своей повсеместной образованности – как некогда были монахи». Но предложение отклонили, посчитав, что если заставлять кандидатов в монахи перед постригом заканчивать факультеты и богословии, в монахи никто не пойдет.

Еще один поп-радикал, Маринко Ивкович (расстрелянный двумя годами позже за участие в Тимокском восстании), призывал отобрать монастыри у монахов, полагая, что сейчас, когда в стране есть Богословия и образованные священники, монахи стали не нужны для проповедования веры и морали. Более того, народ высказал свое мнение, что монахи, которые якобы проповедуют мораль, стоят на самой нижней ступени морали и лишь деморализуют народ⁴⁷⁶. Высказывались депутатами и предложения никого больше не постригать в монахи⁴⁷⁷. Но самым радикальным было предложение депутата Ранко Таисича упразднить институт монашества вообще, а их имущество пустить на оплату госдолга⁴⁷⁸. Правда, тут вступился министр Стоян Новакович, разъяснив, что статус монаха и монастырского имущества прописан в гражданских законах – отбирать его, значит не уважать волю людей, завещавших его монастырю, ибо большая часть монастырских земель – это дар⁴⁷⁹.

Результатом такой агрессивной антимонашеской кампании стали, как мы уже упомянули, принятые Скупщиной в 1883–1884 г. законы, фактически приведшие монастыри к экономическому краху. Христианский вестник писал в 1891 г.: «*наши монастыри и монахи никогда не были в более жалком состоянии, чем сегодня*»⁴⁸⁰.

Отношение к монахам осталось столь же негативным и спустя двадцать лет, уже при Карагеоргиевичах – скандалы, пьянство в монастырях, как и многочисленные судебные расследования финансовых махинаций стали обычным делом⁴⁸¹. В 1910 г., в Скупщине, снова активно муссировалась эта тема. Др. Драг. Аранджелович говорил:

«Мы все здесь в Скупщине, абсолютное большинство, считаем, что церковь нужна народу, что наше священство имеет великую задачу в нашем народе. <...> Наше право и обязанность – освободиться от всего, что вредит облику церкви. <...> Священники наши – хорошие, но что касается монахов, не понятно, что с ними делать <...> Все то, что говорится о наших монахах, все, что мы видим, глядя на монашескую жизнь, приводит нас к выводу, что наши монахи, каковые есть сейчас в Сербии – сплошная рана на теле нашей церкви»⁴⁸².

Милан Марьянович призывал «что-то решать с монахами»:

«Это неправильно и вообще неканонично, что архиереи выбирают из числа монахов. Монахи вообще не должны заботиться о пастве, это задача священников. Но монахи имеют огромное влияние на народное, финансовое, сельское хозяйство, экономику. В Сербии 102 монаха которые владеют 187 тыс. гектарами земли <...> А хозяин дома – 90 акрами!»

Писала о проблеме монастырей и церковная пресса. Так, Здравко Паунович заключал в 1910 г.:

«Мы все должны признать, что большинство монахов живет сегодня без какой-либо высшей цели. Для большинства – монашеский чин лишь ремесло, так как многие из их круга только по названию и внешнему виду могут называться монахами, а по делам – никак. Многие в монашеской жизни ищут легкого хлеба, ибо, когда не могут найти пропитания без работы, тогда они надевают мантию и камилавку!!»

В результате – монастырями управляют люди без какой-либо подготовки. И стоит ли удивляться целому скопищу жалоб в духовные суды, министерство юстиции и народного хозяйства на монахов, злоупотребляющих монастырским имуществом и унижающих свое имя и звание! Надо ли удивляться тому, что пока монастыри испытывают дефицит, монахи кладут деньги в банки под проценты, что никак не вяжется с их обетом! Большинство монастырей не может уплатить налог, а если бы все земли обрабатывались рационально, совокупный чистый доход составлял бы около 500 тыс. динар в год. Паунович предлагал при монастырях организовать школы, больницы, дома призрения, мастерские для обучения сирот и беспризорников, и сельскохозяйственные школы в богатых монастырях. А так же установить минимум в 4 монаха для каждого монастыря, а те, где нет такого количество – преобразовать в мирские церкви; старейшин монастырей должно выбирать братство, а монастырское имущество, как и государственное, не может подлежать продаже⁴⁸³. Монастыри предлагали освободить от налогов, образовывать монастырскую школу для поставления старейшин монастырей, где бы им давали знания из области экономики и сельского хозяйства⁴⁸⁴. В 1898 г. голос был услышан, и власти освободили монастырские леса от налогов.

Немногочисленные сторонники и защитники монашества, как водится, отсылали к славной сербской истории – ко временам Неманичей и первого сербского монаха – Св.Саввы, возводивших величественные сербские монастыри – центры книжности и образования; ко временам, когда монахи жертвовали своей жизнью и интересами во благо народа, и с которым всегда состояли в неразрывной связи, чем выгодно отличались от монашества других народов, в особенности западных⁴⁸⁵. В эпоху турецкого рабства они *«проповедовали славу и величие сербской державы и славных предков»*, а *«когда пробил час избавленья, первые взяли за оружие и с крестом в одной руке и с ятаганом в другой позвали народ против своих заклятых врагов и героически боролись с народом за свободу»*. Так, что сегодняшняя Сербия, – подытоживали сторонники монастырей, – должна быть благодарна монастырям и монахам за ту исключительную роль, которую они играли в жизни страны.

Однако факт абсолютной деградации монастырской жизни был налицо, и причины ее сами защитники монастырей определяли совершенно верно – они выполнили свою миссию и остались не востребовааны: *«пока монастыри и монахи были нужны сербству – их уважали и почитали. А как только часть сербского народа освободилась от рабства и оказалась в лучшем и безопасном положении – народ забыл свое прошлое, как и заслуги монастырей и мона-*

хов»⁴⁸⁶. Времена рабства, когда «сербский монах был первым носителем сербской мысли, а святые обители – единственными очагами, в которых тлел огонь сербской надежды»⁴⁸⁷ давно канули в лету, и в современном мире со скупщиной и госсоветом монах должен был заново найти свое место.

***

Духовенство сербской православной церкви в к. XIX–нач. XX в. переживает трудные времена, вызванные модернизационными процессами в экономической и социально-политической сферах Сербии. Для самой многочисленной части сербского духовенства – приходского священства – это время проходит под знаком борьбы за свои права. Государство признавало выдающиеся заслуги церкви перед сербским народом, но при этом парадоксальным образом не желало брать на себя обязанности по материальному обеспечению священника, выполняющего предписанные ему государством же обязанности (крещение, отпевание, венчание и т.п.) Естественно, что сербский священник первоочередной своей задачей ставил лоббирование собственных материальных интересов, для чего основал «Общество священников», – своеобразную «профсоюзную» организацию, – которая активно разрабатывала законопроекты о государственном содержании и других социальных гарантиях священников и их семей.

Помимо сугубо финансовых интересов сербский священник отстаивал и свою независимость – не только политическую свободу заседать в Скупщине и заниматься партийной агитацией, но и свободу от подчинения церковной иерархии, т.е. архиерею. Открытая вражда священников и архиереев, причина которой крылась в активной партийной деятельности представителей, как белого, так и черного духовенства, была одним из факторов, компрометирующих в глазах серба и церковь, и православную религию.

Но если священство вписалось в новые политические и экономические реалии новой Сербии, то сербское монашество этого времени переживает тяжелейший кризис. Налицо был упадок монастырской жизни: современный сербский монах не мог похвастаться ни образованием, ни когда-то непререкаемым моральным авторитетом. Немногочисленная братия не в состоянии была обработать огромные земли, которыми обладали некогда богатейшие монастыри. Все эти факторы ставили под вопрос целесообразность существования самого института монашества, давно отжившего свой век. Подобные идеи будут неоднократно подниматься на заседаниях народной Скупщины, служившей площадкой для выплескивания непримиримой вражды между сербским священством и монашеством.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ³⁷⁴ О Миятовиче см.: Марковић С. Гроф Чедомил Миятовић–протестантски дух међу србима // *Liberalna misao u Srbiji. Prilozi istoriji liberalizma od kraja 18. do sredini 20 veka*. Београд. 2001. С. 247–280.
- ³⁷⁵ Гласник СПЦ. 1905, № 2.
- ³⁷⁶ Касательно подсчета цифр приходится сталкиваться с определенными трудностями – статистика численности духовенства, церковных зданий (церквей и монастырей) расходится даже по официальным источникам, хотя при этом порядок цифр в общем ясен. Оценка же имущества – как количества земель, принадлежащих монастырям, так и общая оценка капитала и недвижимого имущества отличается подчас в разы.
- ³⁷⁷ Гласник СПЦ. 1906, № 8. С. 544.
- ³⁷⁸ Гласник СПЦ. 1906, № 8. С. 82.
- ³⁷⁹ См. бюджет на 1900–1906 г. (*Стенографске белешке за 1899, за 1901, за 1903, за 1904 гг.*); Чалић М–Ж. Социјална историја Србије. 1815–1941. Београд, 2004.
- ³⁸⁰ Гласник СПЦ. 1905, № 2.
- ³⁸¹ Државопис Србије. Београд, 1889, св.16.
- ³⁸² Подсчет сделан нами на основе пофамильных сведений в изданиях *Календара са шематизмом Књажества Србије* соответствующих лет.
- ³⁸³ Гласник СПЦ. 1905, № 2.
- ³⁸⁴ В 1884г. Ужицкая епархия была переименована в Жичскую. (*Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1884. Београд, 1884.*)
- ³⁸⁵ Календар са шематизмом Књажества Србије за годину 1880. Београд,
- ³⁸⁶ При этом, еще две епархии Старой Сербии – Преспанско–охридская и Дойранская (Полеанская) в календаре не значились, видимо из–за правящих архиереев–греков.
См. сноску 152.
- ³⁸⁷ Илић А. Задатак свештенства и његово садашње стање. Београд, 1879. С.22; Православље. 1871, № 1. С.175–185, 216–220, 276–283; Информацию об оплате священства в середине 19 в. см.: Лазаревић К. Србия и њено свештенство. Београд, 1863; Миљковић–Катић Б. Структура градског становништва Србије средином XIX века. Београд, 2002. С.165–171.
- ³⁸⁸ Хришћански весник. 1881, № 2. С.256–257.
- ³⁸⁹ Любопытно, что по закону о налоге, от 14 июня 1884г., священники вместе с чиновниками, госслужащими, фабричными работниками попадали в группу налогоплательщиков, получающих постоянный доход, и платили следующий налог: до 2 тыс. дохода – 1%, свыше 2 тыс. – 2%, свыше 8 тыс. – 3%. Но уже по закону от 30 марта 1891 г., вводимому более дифференцированный подход к группам налогоплательщиков, священники попали в группу лиц, которые работают «на свою руку» – адвокатов, аптекарей и врачей (до 3 тыс. динар – 3%, от 3 до 4 тыс. – 4%, от 4 тыс. до 6 тыс. – 5%, от 6 до 7 тыс. – 6%). Естественно, что священники, недовольные повышением налога, просили вернуть прежний налог, в частности, с такой инициативой выступали в 1901 г. священники–депутаты прота Никола Крупезевич, прота Милутин Попович и прота Ж.Иванович (*Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1901 кн1. Београд, 1901. С.536–537; Српске новине. 1884, 28 јуна; Српске новине. 1890, 4 априла.*)
- ³⁹⁰ Ока – мера веса, составляла около 1280 гр.
- ³⁹¹ Сборник закона, уредаба и наредаба министарства просвете и црквених послова по црквеним пословима. Београд, 1880. С. 131.
- ³⁹² Сборник правила, уредаба и наредаба архијерејског сабора православне српске цркве у Краљевини Србији (од 1839–1900 г.). Београд, 1900. С. 310–314.
- ³⁹³ Но и здесь священники опять проиграли – стоимость денег с годами падала, а пшеницы – росла, так, стоимость 12 ока жита в 1890г. –2.60 динара, перед войной – 3.20 динар, а в 1928 г. – 46 динар!) (*Марјановић Ч. Наша религиозност и питање о уређењу свештеничког стања. Београд, 1928. С. 66.*)
- ³⁹⁴ Правила за извршење закона о уређењу свештеничког стања. Београд, 1909.
- ³⁹⁵ АС.ПО–30/167. Письмо Епископа Мелентий от 14 января 1898г.
- ³⁹⁶ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1895. Београд, 1896. С.566.
- ³⁹⁷ Илић А. Задатак свештенства и његово садашње стање. Београд, 1879. С.19.
- ³⁹⁸ Весник СПЦ. 1912, №5. С. 435.
- ³⁹⁹ Сборник закона, уредаба и наредаба министарства просвете и црквених послова по црквеним пословима. Београд, 1880. С. 129–130.
- ⁴⁰⁰ Сборник правила, уредаба и наредаба архијерејског сабора православне српске цркве у Краљевини Србији (од 1839–1900 г.). Београд, 1900. С.312–313.
- ⁴⁰¹ Чин малого отпевания был предназначен для детей до 7 лет, большого – всех, после 7 лет.
- ⁴⁰² Бир собиранся по осени, когда собирали хлеб, а в городе два раза в год вместе с остальными налогами.
- ⁴⁰³ Гласник 1902. №№11–12. С. 728–729.
- ⁴⁰⁴ Весник СПЦ. 1891, №1. С. 31.
- ⁴⁰⁵ Весник СПЦ. 1913, №№ 3–4. С. 614–615.

- ⁴⁰⁶ Глас епархије Нишке. 1909, № 7. С. 350.
- ⁴⁰⁷ Зборник правила, уредаба и наредаба архијерејског сабора православне српске цркве у Краљевини Србији (од 1839–1900 г.). Београд, 1900. С. 315–325.
- ⁴⁰⁸ Весник СПЦ. 1891, № 2. С. 123–124
- ⁴⁰⁹ Весник СПЦ. 1895, № 8. С. 698–700, № 9. С. 806–827, № 10. С. 1011–1023; Хришћански весник. 1901, № 1. С. 53–61, № 4. С. 34–38, № 8–9. С. 1–9; Хришћански весник. 1903, № 3. С. 139–145; Хришћански весник. 1909, № 9. С. 750–752; Глас епархије Нишке. 1909. С. 243–247.
- ⁴¹⁰ Весник СПЦ. 1891, № 4. С. 459–461.
- ⁴¹¹ Расчет был таков – в Сербии было около 450 тыс. налогоплательщиков х 6 динар, получаем сумму в 2 млн. 700 тыс на 1 тысячу священников.
- ⁴¹² Проект предполагал разделение всех священников на пять классов по выслуге лет (до 5 лет, 5–10 лет, 10–15 лет, 15–39 лет, 20–25 лет, 25–30 лет) и, соответственно, классам зарплаты – от 1500 до 4000 динар, а также пенсии. Оставались тарифы на услуги, как например, молитва в церкви – 1 динар, на дому – 2 динара, обручение на дому, освящение дома и т.п.
- ⁴¹³ Марјановић Ч. Наша религиозност и питање о уређењу свештеничког стања. Београд, 1928. С. 56
- ⁴¹⁴ 1 Коринћянам IX, 9:14
- ⁴¹⁵ Весник СПЦ. 1909, №№ 6–7. С. 465–473.
- ⁴¹⁶ Впрочем, народный депутат–селяк Драгич Мулич жаловался в Скупштине, что, мол, священникам хорошо, они получают деньги за все, у них есть фонд для детей и вдов умерших священников, – *«а что будут мои дети делать? Я работаю каждый день за 4 гроша. Священник не работает, как остальные чиновники, с 8 до 12 и с 2 до 19, а употребляет это время, когда не работает, на себя»*. Никола Крупжевич возражал: *«если сравнить с доходами 50–60 лет назад, то они уменьшились. Раньше кормились от животноводства, сейчас – от сельского хозяйства. Обычный селяцкий дом зарабатывал ежегодно 50 дукатов, тратил – 45, в остатке – 5. Сейчас средний дом зарабатывает 150 дукатов, но тратит – 155. Священники в худшем материальном положении, чем 50 лет назад. Нельзя сравнивать священника, который закончил гимназию и богословию, полвека провел в образовании, и тысячи динар потратил на свое образование с едва грамотным селяком, завершившим 2 класса»* (Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1895. Београд, 1896. С. 560, 569, 571).
- ⁴¹⁷ Глас епархије Нишке. 1909, № 6. С. 243.
- ⁴¹⁸ Правда, надо отдать должное правительству Сербии – во время войн священники добились выплаты компенсации в связи с дороговизной продуктов – 1 динар в день в 1912–1913гг. и 4 динара в 1914–1918гг. А в 1917г., когда множество священников вынуждено было вместе с армией пребывать на Корфу, или в качестве беженцев в Марселе, Париже, Салониках, правительство выплачивало сначала 4, а потом и 6 динар помощи ежедневно.
- После возвращения в Белград, в 1918г., священники, как и чиновники, правительственным распоряжением стали получать по 12–16 динар помощи ежедневно и по динару на жену и на каждого ребенка. Денежные прибавки духовенству в той или иной мере сохранялись до середины 20–х гг., дифференцируясь, в зависимости от положения священника (сюда входили и представители римо-католического, мусульманского и иудейского духовенства) и региона. (Марјановић Ч. *Наша религиозност и питање о уређењу свештеничког стања*. Београд, 1928. С. 68–69).
- ⁴¹⁹ Преглед цркве епархије жичке. 1934, № 6. С. 163–165; Преглед цркве епархије жичке. 1922, №№ 9–10. С. 328–331; Преглед цркве епархије жичке. 1933, № 6. С. 150–154.
- ⁴²⁰ Гласник СПЦ. 1890, № 5. С. 9–12.
- ⁴²¹ Гласник СПЦ. 1890, № 5. С. 14.
- ⁴²² Подробнее об образовании священников см.: Радић Р. *Образовање свештенства српске православне цркве у Србији у 19. веку и у првој половини 20. // Образовање код Срба кроз векове*. Београд, 2003. С. 101–125.
- ⁴²³ Гласник СПЦ. 1890, № 6. С. 12.
- ⁴²⁴ Весник СПЦ. 1892, № 7. С. 701.
- ⁴²⁵ Гласник СПЦ. 1906, № 8. С. 543.
- ⁴²⁶ Записници министарског савета Србије. 1862–1898. Приредио Н. Шкеровић. Београд, 1952.
- ⁴²⁷ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1906, књ. 6. Београд, 1907. С. 3883.
- ⁴²⁸ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1903–1904. књ. 1. Београд, 1904. С. 956.
- ⁴²⁹ Весник СПЦ. 1894, № 8. С. 951.
- ⁴³⁰ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1882. Београд, 1882. С. 460; Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1895. Београд, 1896. С. 1394–1396.
- ⁴³¹ Хришћански весник. 1911, № 1. С. 38, 121.
- ⁴³² Хришћански весник. 1885, № 1. С. 70–71; Хришћански весник. 1909, № 2. С. 128–130.
- ⁴³³ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1882. Београд, 1882, 2 део. С. 511–514.
- ⁴³⁴ Зборник правила, уредаба и наредаба архијерејског сабора православне српске цркве у Краљевини Србији (од 1839–1900 г.). Београд, 1900; Хришћански весник. 1911, № 1. С. 310–316.
- ⁴³⁵ Весник СПЦ. 1921. С. 80–84, 88–89, Политика. 15 септембра 1919; Политика. 28 марта 1920.
- ⁴³⁶ Глас епархије Нишке. 1909, № 7. С. 339–344.

- ⁴³⁷ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1880–1881, део 1. Београд, 1881.
- ⁴³⁸ Архиепери у 1853г. получали за сингелију (справку о поставлении священника) с каждого священника по 1 царскому дукату, за антиминос – три дуката и за освящение церкви – 5–7 дукатов (*Зборник закона, уредаба и наредаба министарства просвете и црквених послова по црквеним пословима. Београд, 1880. С. 135*). Законом 1882г. (ст.7) была определена систематическая зарплата архиепериам в размере 10 тыс.динар, что было сравнимо с зарплатой министра (для сравнения, содержания всего сербского посольства в Петербурге обходилось казне порядка 27 тыс.)
- ⁴³⁹ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1882. Београд, 1882. С. 1968.
- ⁴⁴⁰ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1879–1880, део 2. Београд, 1880. С. 1761.
- ⁴⁴¹ См. подробнее: Андреева Л. А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. М. 2007; Андреева Л. А. Религия и власть в России. Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М. 2001; Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.) Спб. 2003, том 2; Фирсов С. Русская церковь накануне перемен (конец 1890–х – 1918 гг.). М., 2002.
- ⁴⁴² Поповоћ-Обрадовић О. Парламентаризам у Србији. Београд, 2008. С.117.
- ⁴⁴³ Поповоћ-Обрадовић О. Парламентаризам у Србији. Београд, 2008. С.116.
- ⁴⁴⁴ Поповоћ-Обрадовић О. Парламентаризам у Србији. Београд, 2008. С.115.
- ⁴⁴⁵ Поповоћ-Обрадовић О. Парламентаризам у Србији. Београд, 2008. С.119.
- ⁴⁴⁶ Весник СПЦ. 1895, № 8. С. 766–769.
- ⁴⁴⁷ Весник СПЦ. 1900, № 10. С. 1111.
- ⁴⁴⁸ Гласник СПЦ. 1906, № 8. С. 82.
- ⁴⁴⁹ Гласник СПЦ. 1913, №№ 4, 5, 6, 8.
- ⁴⁵⁰ Извештај једне службене ревизије манастира Архиепископије Београдске у 1904 год. Београд, 1905.
- ⁴⁵¹ Српске новине. 1884, 28 јуна.
- ⁴⁵² Другая статистика свидетельствует, что в 1900г. монастыри владели 3290 га пахотной земли, 14693 га лесов и 4959 га свободной земли (т.е. всего 22 943 га), за что выплачивался налог в размере 21 233 динар. См.: Весник СПЦ. 1900. № 10. С. 1001–1002.
- ⁴⁵³ Извештај једне службене ревизије манастира Архиепископије Београдске у 1904 г. Београд, 1905. С. 21.
- ⁴⁵⁴ Марјановић Ч. Будућност наших манастира. Ниш. 1899. С. 4.
- ⁴⁵⁵ Гласник СПЦ. 1913, № 8. С. 121–122.
- ⁴⁵⁶ Извештај једне службене ревизије манастира Архиепископије Београдске у 1904 год. Београд, 1905. С. 22.
- ⁴⁵⁷ Гласник СПЦ. 1900, № 1. С. 26.
- ⁴⁵⁸ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1880–1881, део 1. Београд, 1881. С. 380.
- ⁴⁵⁹ Хришћански весник. 1892. С. 338–339.
- ⁴⁶⁰ Хришћански весник. 1909, № 3. С. 368.
- ⁴⁶¹ Весник СПЦ. 1895. С. 755–771.
- ⁴⁶² Гласник СПЦ. 1900, № 1. С. 19–20.
- ⁴⁶³ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1880–1881, део 1. Београд, 1881. С. 356.
- ⁴⁶⁴ Хришћански весник. 1902, № 3. С. 130.
- ⁴⁶⁵ Политика. 8 августа 1905.
- ⁴⁶⁶ Хришћански весник. 1902, № 5. С. 715–718.
- ⁴⁶⁷ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1880–1881, део 1. Београд, 1881. С. 357.
- ⁴⁶⁸ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1880–1881, део 1. Београд, 1881. С. 358–359.
- ⁴⁶⁹ Русские о Сербии и сербах. Т. 1. Письма, статьи, мемуары. Спб., 2006, стр. 313–314.
- ⁴⁷⁰ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1880–1881, део 1. Београд, 1881. С. 97–98.
- ⁴⁷¹ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1880–1881, део 1. Београд, 1881. С. 352.
- ⁴⁷² Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1880–1881, део 1. Београд, 1881. С. 355.
- ⁴⁷³ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1880–1881, део 1. Београд, 1881. С. 358–359.
- ⁴⁷⁴ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1880–1881, део 1. Београд, 1881. С. 377–378.
- ⁴⁷⁵ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1889, део 3. Београд, 1889. С. 4810.
- ⁴⁷⁶ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1880–1881, део 1. Београд, 1881. С. 382.
- ⁴⁷⁷ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1880–1881, део 1. Београд, 1881. С. 380.
- ⁴⁷⁸ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1880–1881, део 1. Београд, 1881. С. 384.
- ⁴⁷⁹ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1880–1881, део 1. Београд, 1881. С. 386.
- ⁴⁸⁰ Хришћански весник. 1891, № 1. С. 70.
- ⁴⁸¹ См., например, о злоупотреблениях старейшины монастыря Роман, который был отдан под суд, или разбирательства в монастыре Наупаре, обсуждавшиеся в Скупштине: *Стенографске белешке о седницама народне скупштине. 1910. Београд, 1910. С. 4–5*.
- ⁴⁸² Стенографске белешке о седницама народне скупштине за 1910, Београд, 1910. С. 12–15.
- ⁴⁸³ Весник СПЦ. 1900, №№ 10–12. С. 998–1006, 1104–1112, 1210–1221.

---

⁴⁸⁴ Весник СПЦ. 1895, № 7. С. 755–771.

⁴⁸⁵ Весник СПЦ. 1892, № 6. С. 586.

⁴⁸⁶ Весник СПЦ. 1892, № 6. С. 586.

⁴⁸⁷ Весник СПЦ. 1892, № 3. С. 226.

ГЛАВА 4. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА –СИМФОНИЯ ВЛАСТЕЙ В СЕРБСКОЙ ТОНАЛЬНОСТИ

Взаимоотношения сербской церкви с государственной властью в к. XIX – нач. XX в. были обусловлены сложным комплексом проблем, возникших вместе с независимым государством Сербия. Целый клубок противоречий, вызванных внутриполитическими событиями страны, коллизиями борьбы партий и внешнеполитическими симпатиями сербской элиты определял повседневную жизнь сербской церкви, раздираемой внутренними конфликтами между иерархией и священством. Активная политическая деятельность священников оказывала деструктивное влияние как на единство самой церкви, так и на ее моральный авторитет в глазах верующих, а средневековая византийская доктрина «симфонии властей» входила в клинч с политической практикой светского государства западноевропейского образца.

§ 1. Сербские канонисты о взаимоотношениях церкви и государства

В конце XIX в. после обретения Сербией политической самостоятельности, сербская церковь, не оставляя надежды на освобождение старой Сербии, БиГ и воссоздание Печской патриархии, как и двести лет назад, идейно обращалась к эпохе Неманичей и Стефана Душана⁴⁸⁸. Сербское государство XII – XIV вв. мало чем отличалось от остальных средневековых государств, церковь которых выстраивалась по образу и подобию Византии, где, по выражению Г.Флоровского «*церкви и государства как двух разных обществ просто не существовало*», а «*религия и государство никогда не разъединялись, не отделялись друг от друга*»⁴⁸⁹, гармонично сливаясь, по мысли императора Юстиниана, в единую «симфонию властей». Однако о такой идеальной модели построения взаимоотношений церкви и государства в новое время в Сербии всерьез говорить уже не приходилось. Даже авторитетные сербские ученые-богословы находили обязательным соблюдение паритета, основанного на разделении «сфер влияния». Предполагалось разумное и независимое сосуществование государства и церкви, которая берет на себя обязательство признавать любую мирскую власть и обосновывать необходимость подчинения человека светским государственным институтам. В каноническом смысле для оправдания смирения человека перед земным правительством обычно приводят слова апостола Павла: «*Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же вла-*

сти от Бога установлены»⁴⁹⁰ и апостола Петра – «...будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти, правителям ли ... ибо такова есть воля Божия...»⁴⁹¹.

Толкование христианского учения о церкви и власти наиболее последовательно можно увидеть в «Православном церковном праве» сербского епископа Никодима Милаша (1845–1915) – одного из самых авторитетных по сей день канонистов, отрывки из монументальной работы которого публиковались еще в 1889 г. Милаш пишет: *«Бог – основатель всякого земного царства и поэтому каждый человек без разницы обязан покоряться государственной власти, которая над ним поставлена, каков бы то ни был облик и устройство той власти».* Церковь признает, что власть – божественное установление, – и проповедует полную ей покорность, осуждает всякое самое малое ей неповиновение безотносительно религии, которую исповедует носитель той власти. Церковь никогда не может отступать от своего учения о значении государственной власти и побуждать своих членов противиться ей. И церковная, и государственная власти происходят из одного источника, источника божественного, но они существенно различаются между собой, и каждая из них самостоятельна и независима в своей сфере. Церковь непосредственно основал Бог и дал ей определенное устройство. Государства же основаны Богом опосредованно – он укоренил в природе человека стремление к объединению, и из этих стремлений людских произошли государства, которые по человеческим законам получили то или иное внутреннее устройство. Церковь, в отличие от государства, – как считал Милаш, – не ограничена ни временем, ни пространством, ибо непреходяща и неизменна, и в известном смысле может быть только одна. Цель церкви – спасение человека. И в осуществлении этой цели она должна быть, безусловно, независима и самостоятельна. Точно так же и государство независимо в осуществлении своей цели – земной⁴⁹².

Очевидно, что Милаш, будучи подданным Австро-Венгерской империи был более лоялен к власти как таковой, нежели его сербские «коллеги». Милаш полагал, что в случае, если государство погрешит против морали, церковь должна отреагировать и повлиять на государственную власть, чтобы та отступила от этого ложного направления. А власть, в свою очередь, вольна как принять, так и не принять те требования церкви. Но церковь в любом случае должна удовлетвориться тем, что исполнила свою обязанность, и терпеливо сносить все, ожидая, пока не закончится ненормальное положение в государстве. Был Милаш и ярким противником участия духовенства в политике, считая это вообще противным канонам церкви. Он явно не одобрял конфликт митрополита Михаила с правительством – *«как государство не может вмешиваться в дела касающиеся спасения души, так и церковь не имеет права вмешиваться в дела, которыми управляет государственная власть».* Для того, чтобы та и другая власти не вмешивались в дела друг друга, а церковь не теряла свой духовный характер и не конфликтовала с го-

сударственной властью, она особым законодательным положением запретила своим служителям вмешиваться в какие бы то ни было мирские дела. Апостольское Правило 6 гласит: «Епископ, или пресвитер, или диакон, да не приемлет на себя мирских попечений. А иначе да будет извержен от священнаго чина»⁴⁹³.

И церковь, и государство, по мысли Милаша, должны иметь тесные отношения, оказывая взаимную помощь, и дополняя друг друга *«ради временного и вечного процветания человека»*. Задача церкви лежит в области морали, и никакими земными средствами она не может быть осуществлена – лишь духовными⁴⁹⁴.

Согласно представлениям Милаша, сферы влияния церкви и государства делятся на три группы: в первую, сферу общих интересов, входят определения границ церковных областей, учреждение епархий, парохий и т.п., возведение церквей, основание монастырей, поставление епископов. Второй круг обязанностей входит только в надлежность церкви – ее внутреннее устройство, вопросы богослужения, деятельность духовных судов, управление церковным имуществом, внутреннее церковное законодательство. И третья сфера – функции, находящиеся исключительно в ведении государства – установление гражданского значения церковных актов, определение значения церковных таинств для государства (т.е. фактически речь идет о том, делегирует ли государство церкви права регистрации актов гражданского состояния)⁴⁹⁵. Также церковь, по убеждению владыки Никодима, должна признавать право государства вершить верховный надзор над тем, правильно ли церковь соблюдает положения закона, – ибо без государственной власти не могут быть установлены никакие церковные правила и т.д.⁴⁹⁶

Но это теория. На практике проблема взаимоотношений церкви и государства как таковая встала с отстранением митрополита Михаила от власти. В 1882 г. министр Ст.Новакович, объясняя перед Скупщиной причины его смещения, таким образом обосновывал права Милана Обреновича в отношении митрополита –

«Во всех православных странах государь есть одновременно и глава церкви. ...Церковные архиереи получают <свои> права от главы государства... Это в нашей стране видно по правилам для поставления церковных сановников, прописанным в церковных законах. ...Никто не может стать архиереем, если его не изберет Архиерейский собор, и хиротония не совершается, пока его не одобрит перед этим король. ...Государь, если он может поставить верховного духовного владыку, может его и сместить...»⁴⁹⁷

Более развернуто позицию правительствующей партии напредняков выразила в 1883 г. газета «Видело», писавшая следующее: «мы уважаем священный и религиозный характер церкви, но думаем, что она находится в государстве, и это хорошо и для церкви и для государства. Церковь с государством должны быть в согласии, и церковь должна следовать государству и помогать ему». Напредняки ясно представляли себе церковь целиком государственным учреждением: «Государство и церковь – не два независимых друг от друга института. Но если бы церковь в государстве и была бы автономна и независима, ее независимость и автономия не

смела бы идти через границы, очерчивающие государственный порядок. В таком случае, – заключала в вульгарном цезаропапистском духе газета, – нельзя говорить, что государь не является главой церкви. *Государь – верховный глава всего в государстве. Поэтому он является главой и церковному старейшинству*⁴⁹⁸.

Очевидно, что представления напредняков о государе как главе церкви были вынесены из России, но нетривиальное и юридически до конца неясное положение императора по отношению к церкви, в сербском менталитете однозначно упростилось до формулировки «глава церкви – царь». При этом сербы отнюдь не воспринимали князя (а потом и короля) Милана как «наместника Христова» и источник власти, – а именно эту самодержавную доктрину обслуживала русская церковь⁴⁹⁹. Газета сравнивала «главный дух» реформы Петра I с новым сербским церковным законодательством, урезающим права церкви. Цель и той и другой реформы – единство направления государства и церкви, с тем, «*чтобы церковь знала: в государстве государственная потребность всегда стоит на первом месте*»⁵⁰⁰.

Прямо противоположная, но столь же утопическая в сербских реалиях конца XIX в. точка зрения не только отказывала власти во вмешательстве в дела церкви, но и пыталась легитимировать право вмешательства церкви в дела государства. Анонимный автор писал в 1893 г. на страницах церковного издания:

«Государство представляет собой светскую власть, это светское общество, и оно не имеет никакого права ни по божьему ни по природному закону вмешиваться в христианское общество – в церковь, навязывать ей законы, предписывать ей, осуществлять над ней надзор и смещать какого-либо члена высокого или малого сана.... Церковь старше государства, – его не станет, а церковь останется. Церковный закон непреходящ, как и власть церкви, как и представитель той власти; а государственный закон переменчив, как и его власть и как его представитель; следовательно, по старейшинству, по долговечности, по географии, по источнику закона, по власти и по представительству надо, чтобы церковь в государстве являлась законодателем, а не государство в ней»⁵⁰¹.

Церковная власть должна пребывать над всякой другой властью и быть свободна от любого вмешательства – как государства, так и какого-то ни было другого общества. Автор возмущается распространенным определением церкви как «государства в государстве», полагая, что правильнее говорить: «церковь – государство в церкви божьей»⁵⁰².

В этом безвестный сербский автор был солидарен с Ефремом Бойовичем, также полагавшем, что церковь – это не государство в государстве, а скорее, государство Христа, и потому не подчиняется никому, кроме него. Государство не имеет право вмешиваться во внутреннюю жизнь церкви, что касается канонов и догматов, богослужения, обрядов, принятия в чин, духовных судов и т.п. Подчинение церкви противно духу ее. Если бы светская власть самовольно подчинила себе церковь, то церковь в строгом смысле перестала бы быть Христовой, перестала быть православной⁵⁰³. По науке Христовой и по канонам православной церкви все христиане – члены церкви, значит, и сам глава государства как христианин, и все остальные государствен-

ные власти во всех религиозных делах и вопросах, подпадают под юрисдикцию церковной власти.⁵⁰⁴ Точно также, по государственным законам, все граждане – подданные государства; значит, и глава автокефальной церкви, и все духовные власти ее, и духовенство в любых гражданских политических делах и вопросах – в юрисдикции гражданской власти. Из этого следует, что и церковь, и государство соприкасаются в делах административных, законодательных и судебных. И та и другая власти независимы и самостоятельны в своей сфере. Первая управляет религиозной, духовной стороной человека. Вторая – политическим, гражданским состоянием.

Протоиерей и народный посланник-напредняк Станойло Драгульевич⁵⁰⁵ также полагал, что церковь не может быть неким государством в государстве, как, например, католическая церковь, – это противно духу восточно-православной христианской церкви. Православная церковь признает тесную связь между ней и государством, которая выражается в единстве веры и духа граждан, живущих по началам и прописям двойственных законов – государственных и церковно-канонических. Церковь не может быть отделена от государства, т.к. это отделение поставит под вопрос интересы и прогресс государства и церкви. При этом прота Станойло предлагает более адекватную концепцию взаимоотношений: *«Восточно-православная церковь признает, что государство – тело, а церковь – душа. Поэтому православная церковь никогда не навязывала правительствам, никогда не хотела сотворить «государство в государстве», она дистанцировалась от притязаний церкви на государственную власть ... иерархия восточно-православной церкви всегда подчиняла свою власть верховным государственным правителям»*⁵⁰⁶.

Лишенную подобной эмоциональной христианской риторики основу взаимоотношениям церкви и государства, опирающуюся на юридический базис, дал в своей работе 1900 г. известный правовед, др. Чедомиль Митрович. «Церковь, – пишет Митрович, – не может стоять вне границ государства, она должна входить в государство как ее составная часть»⁵⁰⁷. Члены церкви в то же время являются подданными государства и, значит, само собой разумеется, что правовые нормы данного государства распространяются и на церковь, определяя степень законной силы церковных постановлений в данном светском гражданском обществе. Следовательно, церковь вынуждена принять подданнические обязанности. Вопрос, по мнению Митровича, заключается в том, где пересекаются сферы церковного и гражданского законодательства. Взаимоотношения между церковью и государством не могут строиться на основе подчиненности. Лучше всего – на основе принципа невмешательства в чужую область, на сохранении своих границ, на основе одинаковых целей и взаимопомощи в их достижении⁵⁰⁸.

На этой основе Митрович, как и владыка Милаш, делит правовое положение церкви на три области: сугубо церковное законодательство, сугубо государственное, где жизнь церкви определяется гражданскими законами, и общую область. В область чисто церковного законода-

тельства он включает само христианское учение (книги, богослужение, преподавание в школах), богослужение и управление (законодательное и судебно-административное) и все, что касается веры и морали – каноны, догматы, обряды и т.п. Митрович считает совершенно законным участие государственной власти в выборе высшей церковной иерархии – *«истина, что назначение высших иерархических должностей всегда вершится со знанием и подтверждением государственной власти, но тем только и ограничивается ее вмешательство в иерархический вопрос»*⁵⁰⁹. Митрович видит много причин, по которым надо признать право участия и при выборе, и при утверждении высших церковных иерархов, ибо не только государство, но и общество в целом заинтересовано в вопросе, кто займет это высокое положение. Из-за возможных злоупотреблений правами на такой должности, лица, занимающие высокое церковное положение, должны получить санкцию государственной власти. Сама церковь, по мнению правоведа, как общественный институт, находится в зависимости от государства в своем внешнем проявлении. Члены церкви должны в тоже время быть и подданными государства, и, касательно гражданских обязанностей – покоряться государственным законам. В область двустороннего регулирования законодательства, на взгляд Митровича, входят задачи определения границ епархий и церковно-административных границ, установление церковных праздников, функционирование церковных зданий и школ, кладбищ, основание монастырей и т.п.⁵¹⁰

В 1919г., еще до официального воссоединения сербской церкви, один белградский священник, Драгутин Димитриевич, обсуждая отделение церкви от государства, писал, что «церковь – общественная организация, много больше границ самого большого государства, но построенная на других началах, нежели государство. Церковь – моральный институт и как таковой он основан на моральном принципе, который должен пронизывать всю церковную организацию»⁵¹¹. Рассматривая вопрос об отношениях церкви и государства, надо, по мнению Димитриевича, ставить вопрос – признает ли государство то высшее начало, которое лежит в основе церкви как общественной организации и гармонирует ли с его культурными задачами тот высший моральный идеал, который стремится осуществить церковь? В случае положительного ответа, государство обязано предоставить церкви полную свободу в ее внутренних делах. Вмешательство же государства во внутреннюю жизнь церкви повлечет за собой атрофию морального начала, на котором основана церковь, и паралич всех самых важных функций церкви как морально-воспитательного института⁵¹².

Белградский священник пытается примирить сербскую церковь и власть, создавая идиллическую картину их сосуществования. В отличие от католической церкви, – пишет он – православная церковь всегда сотрудничала с государством, никогда не составляя оппозицию власти и не противясь прогрессу. Церковь старалась быть для государства тем, чем является для тела душа. Исторический факт, – утверждает он, – что церковь служила и служит государству. Пра-

вославная церковь и государство со времен Св.Саввы организовались на основе союза и были фактически самостоятельны по своей природе и задачам – каждая из них имела свою власть, жила своей независимой жизнью, стремясь осуществить свои идеалы. Сербская церковь никогда не была клерикальной, даже когда располагала многочисленными депутатами в скупщине. Тенденция сербской церкви, – отмечал Димитриевич, – стремление всегда идти вместе с государством и работать с ним на ниве осуществления общих идеалов. Церковь никогда не была и не стремилась быть над государством, зачастую находилась под ним, и служила государственным и национальным интересам. В заключении священник выражал надежду, что православная церковь в будущем будет играть важную роль во всех направлениях государственной жизни⁵¹³.

Если вопросом об отношении церкви и государства люди церкви и чиновники задавались и до создания Королевства СХС, то после он стал «предметом повседневности». Сегодняшний день *«религиозной толерантности и демократизма»* – как писалось в предисловии к книге священника К.Джурича «Церковь и государство» – не допускает, чтобы отношения эти были таковыми, какими они были в нашем старом государстве, или какими они были в турецком государстве, или в Австро-Венгерском». Редакция «Библиотеки современных религиозно-моральных вопросов» была твердо убеждена: «Мы должны отказаться от нашего прошлого понимания отношений церкви и государства, которое мы называем историческим. Церковь в народной истории сыграла свою роль... Мы не должны обманываться ожиданиями того, что государство повернет назад и возвратит церкви привилегии, которыми она обладала сто лет назад. Везде, во всех странах, церкви отделяются от государства. И теперь, после воссоединения, церковь в Сербии должна стать обычным религиозным объединением, хотя сербский народ и идентифицирует свою народность со своей верой: ведь в прошлом лишь то оставалось верным сербской народности, что сохраняло верность православной вере и церкви, а то, что «обвилось чалмой», звалось турецким»⁵¹⁴.

Сам же Коста Джурич считал, что церковно–государственные взаимоотношения должны базироваться на двух принципах. Первый принцип – *государственно-правовой*, согласно которому государство обязано сохранять свой государственный суверенитет по отношению ко всем религиям и церквям и, следовательно, должно отделить себя от церкви. И второй принцип, *церковно-правовой*, налагал обязательства по соблюдению независимости или автономности церквей от государства, другими словами, речь шла о постепенном освобождении церкви от опеки государства.

В этой связи любопытен взгляд на сербскую церковь «со стороны» – взгляд русского эмигранта, специалиста по церковному праву, Сергея Троицкого. В 1926 г., когда по прошествии нескольких лет прежде положение церкви в королевстве Сербии можно было оценить более объективно, Троицкий писал, что в отличие от протестантских церквей, восточная право-

славная церковь юридически не была подчинена государству, а находилась в личной унии с государством и не теряла свой суверенитет, «похоже на то как, в бывшей Австро-Венгерской монархии одно физическое лицо государя соединяло в себе две разные личности правителя – австрийского императора и венгерского короля, так и в кажущемся восточном цезарепапизме император соединял в своей физической личности главу государства и хранителя церкви, епископа монарха»⁵¹⁵.

Как и в Византии, в Сербии до первой мировой войны церковь и государство были частями одного национального общественного организма⁵¹⁶. И в такой симбиотической зависимости церкви от государства Троицкий не видит ничего аномального и вредного для церкви, ибо почти все население Сербии было православным, народная скупщина состояла исключительно из православных депутатов, в том числе и священников, православная вера была государственной, князь, а позже король, по конституции исповедовали православие. Проекты церковных законов выработывались представителями церкви, а в сами законы вносились статьи для защиты церковной самостоятельности во внутренних делах. Закон же 1882 г., уничтоживший церковную самостоятельность, по мнению русского профессора – лишь эпизод партийной борьбы.

Разумеется, что тот законодательный порядок для православной церкви в королевстве Сербии нельзя было распространять на Королевство СХС, ибо православие уже не являлось государственной религией, а половина населения не исповедовало православие, политические же деятели и вовсе с православием порвали. Устройство КСХС действительно не давало гарантий, что его законодательство будет находиться в согласии с православными канонами и интересами церкви, а предоставлять решения скупщине, – это значило полагаться на решения неправославных и атеистов. Поэтому, по мысли Троицкого, свое внутреннее устройство церковь должна определить сама, решениями Архиерейского собора, законодательно независимо от государства. А обязанность государства – одним актом упорядочить все религиозные вопросы в стране, признав все непризнанные религии, урегулировав имущественные права, определив связи с заграничными главами церквей, порядок государственной материальной помощи и т.д.⁵¹⁷

Следуя трактовкам С.Троицкого, нам кажется совершенно справедливым следующее утверждение: если церковь не является государственной религией, т.е. если государство не берет на себя определенных обязательств по отношению к церкви, то вслед за отказом от этих обязательств власть теряет и свое законное право вмешиваться во внутренние дела церкви. Самостоятельность церкви во внутренних делах в многоэтничном и мультиконфессиональном королевстве СХС действительно возросла по сравнению с церковью в моноэтничной Сербии, но при этом, как и раньше, власть оставила за собой право контролировать выборы главы церкви и высшей иерархии.

§ 2. Партизанщина – специфика политической борьбы в Сербии

В практическом выражении проблема взаимоотношения церкви и государства в Сербии, в конечном итоге, сводилась не столько к проблеме подчинения церкви государственной власти, сколько к обсуждению вопроса об участии духовенства в политике, которое традиционно в Сербии было весьма заметным. Главные политические события молодого сербского государства проходили под знаком участия в них духовенства. Знаменитые герои-воеводы первого и второго сербских восстаний – Матей Ненадович, Хаджи Мелентий Стеванович, Никола Смилянич, – были не только священниками, но и политическими деятелями. Представителем этой славной традиции в сербско-турецких войнах 1876–1878г. стал архимандрит Никифор Дучич, командующий добровольческими отрядами (под его началом было ок. 3 тыс. чел.), а позже депутат Народной скупщины и член Академии Наук. Монахов и священников с подобными послужными списками трудно было убедить в верноподданнических чувствах королю и правительству – по старой привычке они связывали свое служение с народом, а не с правительством, против которого частенько выступали. Множество священников принимало участие в антиправительственных волнениях – так, одним из идейных вдохновителей Топольского восстания 1877 г. был поп Панта Попович, казненный годом позже. А помимо рядовых священников, фигурировавших участниками Тимокского восстания и впоследствии осужденных, в числе вождей был радикал и народный депутат поп Маринко Ивкович, расстрелянный в 1883г.

Наиболее показательное присутствие духовенства в политике Сербии на примере высшего законодательного собрания страны – Народной Скупщины. Так, например, в работе Скупщины 1843 г., которая собиралась для повторных выборов князя, участвовали митрополит и все епископы, а также выборно – по два монаха от каждой епархии, от архидиоцеза – по три или четыре, и от каждого округа – по два священника⁵¹⁸. *Закон о Народной Скупщине 1858 г.* предполагал участие в парламенте всех окружных протоиереев от каждой епархии⁵¹⁹, а в знаменитой Святоандреивской скупщине, возвратившей князя Милоша Обреновича на престол, наряду с посланниками-священниками, участвовали митрополит Петр и епископы.

В составе первой после обретения независимости страны Скупщины, избранной в 1878 г. (на 1878–1880 гг.) из 130 выбранных депутатов 16 человек были священниками, а из 40 назначенных князем (глава государства обладал привилегией назначать «своих» представителей в парламент) – 9 человек. Итого, из общего числа депутатов в 170 человек 25 человек были представителями духовенства, что составляло 14,7 % от общего числа. Эта цифра колебалась на

протяжении почти сорока лет до образования Королевства СХС в зависимости от парламентского партийного большинства, но в целом почти неизменно (за исключением созыва 1901 г.) количество священников среди заседавших в парламенте разных созывов составляло от 5 до 25 человек.

Таблица 10 – Присутствие духовенства в Народной Скупшине в 1878–1918гг.⁵²⁰

Год созыва	На период	Общее количество депутатов	Количество депутатов–священников	Процент от общего числа	Парламентское большинство
1878	1878–1880	130 избранных 40 назначенных 170	16 9 25	14,7 %	либеральное
1887	1887–1888	156 избранных 52 назначенных	16 избранных 2 назначенных		радикально–либеральное
1888	1887–1889	156 избранных 43 назначенных	20 избранных 0		абсолютное радикальное
1890	1890–1892	112 избранных 114?	10	9	радикальное
1897	1897–1900	93 избранных 63 назначенных 194?	0 7 7	4	либеральное
1901	1901–1904	122	0	0	радикально–напредняцкое
1903	1903–1906	160	10	6	радикальное
1905	1905–1908	160	5	3	независимая т.н. «самосталци»
1908	1908–1911	160	5	3	радикальное
1912	1912–1915 (работала до 1918г.)	166	5	3	радикальное

Духовенство в скупшине представляло интересы определенных кругов – игровое поле в политической сфере Сербии было поделено между представителями трех противоборствующих партий, чье появление стало возможным после вступления в силу закона, закрепившего существование политических партий и движений. 12 марта 1881 г. в Сербии был принят *Закон о печати*⁵²¹, а 1 апреля – *Закон об объединениях и собраниях*⁵²², введшие в стране свободу печати и собраний – политических и неполитических. В том же 1881 г. окончательно оформились три политические партии – Народная радикальная партия во главе с Николой Пашичем и Перой Тодоровичем (т.н. «радикалы»), идеологически вышедшая из социалистических воззрений Св.Марковича; Прогрессистская партия (т.н. «напредняки», от слова «напред» – «вперед»), лидерами которой были И.Гарашанин, Н.Христич, М.Пирочанц, Ст.Новакович и Ч.Миятович, придерживающиеся, вопреки названию, консервативных взглядов; и Либеральная партия (т.н. «либералы»), образовавшаяся вокруг Й.Ристича, Е.Груича, Вл.Йовановича, Ал.Васильевича, которая представляла собой националистическую партию.

Программы либералов и напредняков на поверку мало чем различались друг от друга. Вот как в 1886 г. правовед, судья кассационного суда, Никола Крстич, описывал приехавшему «заграничному» епископу Никодиму Милашу политическую обстановку в Сербии:

«Он попросил рассказать ему, чем различаются наши партии – либеральная, напредняцкая и радикальная. Я обрисовал ему картину. Либералы и напредняки почти ни в чем не различаются, что касается вопроса о внутренних делах. Ни одна партия не придерживается своей программы, но каждая рада поддержать очертания и законодательство современных стран. Во внешней политике напредняки опираются на Австрию, либералы – на Россию. Радикалы значительно отличаются от двух первых партий, но их программа невыполнима....»⁵²³

Костяк либеральной партии составляли торговцы, богатые крестьяне и высокопоставленные государственные чиновники. К либералам принадлежало и высшее духовенство, особенно когда партия была при власти (преимущественно через митрополита Михаила) – Ристич в 1896 г. говорил, что «наше направление ценят первые служители алтаря»⁵²⁴. Либералы были национально ориентированной, русофильской и так же, как и напредняки, весьма консервативной партией. Социалист Мита Ценич в 1881 г. писал про либералов:

«Этот церковно-либеральный балаган душит и отказывает всем в любом праве, оставляя все для себя... Ристич, митрополит, и остальная клика выходит с программами, где упоминаются только Косово, сабли, пушки, знамена, вера и тому подобная «мешанина», а о народе и его правах они вспоминают лишь тогда, когда ему, как медведю, хотят надеть намордник»⁵²⁵.

В отличие от архиереев, обычные священники, воспринявшие социалистические идеи⁵²⁶ Светозара Марковича и Адама Богосавлевича, были связаны с радикальной партией. Присутствие священников в партии, имеющей социалистические корни, объяснялось самим социальным происхождением и положением сельских священников в Сербии. Социальную основу партии составляли бедные крестьяне, сельские пролетарии, «лапотники». А сельские попы рекрутировались из сельских же жителей, продолжали жить с ними, деля и добро и зло, и мало чем отличались от селяков. Финансовое положение священника, как уже говорилось выше, толком не было определено – он не получал постоянной платы, а кормился только тем, что добудет из рук такой же сельской бедноты. Так что, именно священники служили главной опорой радикальной партии в самый долгий период ее существования, будучи идеальными партийными агитаторами «на местах», и наряду с учителями составляли локальное руководство сельских организаций. По мере же приближения радикалов к власти, в партию начали вливаться и представители высшей церковной иерархии⁵²⁷.

Партийная борьба, в которую с головой окунулась страна, лишь недавно выбравшаяся из эпохи феодализма, страна, где по выражению одного из министров «*чье правительство, того и государство, чья власть, того и свобода*»⁵²⁸ приобрела здесь довольно уродливые очертания. По совершенно справедливому замечанию Ольги Попович-Обрадович «в Сербии...политические партии, как механизм современных политических режимов появились до

того, как был завершен процесс перехода из аграрно-патриархального общества в гражданское»⁵²⁹.

Принадлежность к партии и сама партия (именно партия, а не ее программа) во вчерашнем патриархальном обществе превратилась в единственный инструмент власти, захватив, как дурная болезнь, все слои граждански девственного сербского общества. Вся сила и энергия, с которыми народ и духовенство самоотверженно боролись с турками за «крест частный и свободу златну», столь же беззаветно в эпоху «парламентаризма» были брошены на борьбу со своими же соотечественниками – приверженцами других политических взглядов. Мало того, что менявшиеся в лучшем случае раз в два года правительства, формируемые победившей на выборах партией, дестабилизировали ситуацию в стране (как замечал прота Алекса Илич: «дела шли нормально, король Милан каждые полгода менял правительство»), так еще борьба между членами той или иной партии – т.н. *«партизанами»* – далеко выходила за рамки политической, превращаясь в по-балкански жестокие разборки (нередко, после прихода партии к власти, представителям прежней властвующей группировки просто резали глотки). К тому же в патриархальном обществе отношение к власти было чисто утилитарным – становившийся министром партиец тащил во власть не только всех своих соратников, старательно избавляясь при этом от чиновников-членов другой партии, но и делал все возможное, чтобы пристроить к освободившейся «кормушке» всех своих друзей, родственников и знакомых. Такое кумовство, процветавшее в среде власть предержащих, было актуальным и для церкви, ставши источником неприязни между рядовыми священниками и архиереями.

В 1893 г., после возвращения к власти либеральной партии и митрополита Михаила, прота Алекса Илич сокрушался: все, что слышит в церкви поп – сторонник радикалов и напредняков, это:

«Ты – радикал, для тебя нет работы в церкви, иди куда знаешь. Ты – напредняк, ты помог узурпаторам и гонителям законных и канонических архиереев, для таких нет места здесь. ... Раньше не было политических партий и вражды между владыками и священниками. Сейчас первый вопрос архиерея к священнику на причастии – к какой партии ты принадлежишь? Всё, значит, остается в стороне – и церковь, и паства, и вера, и набожность, и мораль, и атеизм, и назаренство – спрашивают только: какой партии? Если либерал, тогда хорошо. Тогда, вот тебе стул и разговаривай со своим архипастырем, тебя угостят и проводят. Если же несчастный – напредняк или радикал, пускай убирается вон, пока цел»⁵³⁰.

Именно партийные разборки между напредняками и либералами, по мнению многих современников стали причиной смещения митрополита Михаила. Так, Ст.Новакович, вспоминая, что Михаил в 1881 г. был смещен из-за финансового «антиканонического» закона, говорил, что вопреки ожиданиям, он не стал после своего возвращения требовать отмены закона о таксах, более того, митрополит Михаил согласился возвратиться на службу как всякий обычный чиновник простым указом, и еще целый год этот «неканонический» закон, против которого он так

боролся и поставил на уши весь Восток, был в силе – выплачивались налоги за чины, благословения и т.п. Это значит, что «вся война, которая была поднята в защиту канона, была просто маневром. А в действительности, политика играла главную и настоящую роль...»⁵³¹, ведь когда в 1879 г. ввели налог на церковные и монастырские доходы без согласия с Архиерейским собором, митрополит почему-то не возражал, а против закона о таксах выступил⁵³².

Скандал вокруг «дела митрополита Михаила», партизанство священников, агитация с церковного амвона сильнее всего ударили по престижу церкви, чьи служители вскоре сами забили тревогу, видя какой урон православной народной вере наносит такое отстранение священника от своих непосредственных духовных обязанностей в угоду сиюминутным политическим интересам. Симптоматично, что массовые публикации на эту тему появляются после 1890 г., т.е. вслед за возвращением к власти либерала митрополита Михаила, авторитарный стиль руководства которого не вписывался во вселенную, где глава церкви должен был терпеть нападки рядовых напредняцких и радикальных священников.

Так, в 1890 г., накануне съезда Объединения священников, печатный орган объединения, Вестник СПЦ, попытался ответить на вопрос: «какое положение надо занять сербскому священнику по отношению к существующим в королевстве партиям?»⁵³³ Сербскому священнику видится, что «государство не может процветать без партий с различными политическими идеями и способами действия», ибо «больше политических партий дают больше контроля за государственными делами». Однако факт разделения священников по разным партиям представляется тому не только не нужным, но и вредным, т.к. искренняя набожность и уважение веры со стороны всех ее граждан – в государственных интересах, но народ, чье духовенство поделено на партии, не в состоянии этого достичь⁵³⁴.

По мнению автора статьи, сербский священник не может быть глух и нем, когда речь идет о важных государственных вопросах, но он не может быть партизаном какой-либо партии. Он должен быть искренним учителем своей паствы – такое политическое положение в сербском народе сербский монах и сербский поп занимал в старое время, «в золотой век истории христианского и патриотического дела сербского духовенства». Именно эта деятельность сербского духовенства освободила сербский народ и та же деятельность необходима, чтобы сербское духовенство вновь приняло участие в деле полного освобождения и объединения сербов. Сербия должна осуществить свою национальную задачу, как ее осуществили немцы и итальянцы, а для этой великой задачи, Сербии нужны сила и мощь, которыми не обладает ни войско, ни просвещение, но только христианство – искренняя и сильная вера сербского народа. Эту силу народа призваны хранить и преумножать архиереи сербской церкви и ее священство.

Но сравнивая религиозность современного серба с предыдущими поколениями, автор приходит к неутешительному выводу:

«Измеряя ту разницу, мы бы едва согрешили против истины, если бы сказали, что сербы сорокалетней давности по своей вероисповедной жизни настолько различаются от нынешнего поколения, что они с христианской точки зрения представляют два различных вида! Разве не истина, что материализм и партизанство гасят жизнь и силу наших идеалов, и всю духовную жизнь? <...> Было время, когда священники и монахи не только проводили политику, но и руководили с обнаженной саблей в руке вооруженными отрядами. Но это время прошло и сейчас задача священника – на поле духовном и просветительском. Тогда политика и ятаган прославили сербское духовенство, и из той славы родилась свобода, королевство и была сохранена в народе вера, чистая и сильная, но сегодня для осуществления <подобных задач> призваны другие <люди>, и их достаточно»⁵³⁵.

В заключении автор, ссылаясь на опыт Греции и Румынии, где священникам запрещено голосовать и быть избранными в парламент, призывает: уже подошло время, «чтобы наше духовенство оставило политику и партии, а особенно партизанство, и стало для народа ангелом мира любви и согласия»⁵³⁶.

Точно так же видел призвание духовенства другой автор Вестника СПЦ – священник Спира Копривица, полагающий, что после освобождения Сербии духовенство выполнило свою церковно-народную миссию и обратило свое внимание на внутреннюю организацию храмов и на христианскую мораль. Раньше народ видел в священнике борца за идеал христианства и государственные свободы, а сейчас, – жалуется поп Спира, – высокая политика вмешалась в церковные дела – правительство начало делать своих «попов» и «своих» владык, навешивая ярлыки: «наш» поп и «наш» владыка. При таком положении священникам некуда было деваться, – оправдывает своих коллег поп Спира. Привело это к тому, что христианская мораль стала просто формой, и народ, видя такую политическую агитацию среди духовенства, охладел к вере⁵³⁷.

Пример подобной агитации приводил в начале 90-х гг. журнал Христианский вестник. На праздник рождества богородицы в селе Моравци, после службы, седой и полный благодати священник появился на амвоне, но вместо ожидаемой проповеди начал говорить о безбожных книгах Васы Пелагича, известного социалиста, атеиста и архимандрита (чуть позже официально лишённого духовного звания) и советовал книги его сжечь, а потом, перейдя на политику, призвал: «братья, не надо ходить на эти собрания радикалов. Радикалы вас обманули, они сделали так, что страна теперь должна 60 миллионов динаров. Нельзя больше выбирать таких врунов, как Ранко Таисич, Мика Данилович и т.д.». На это, со словами «хватит, поп, замолкни, вон из церкви – там собрания собирай, а мы тут пришли богу молиться» народ покинул церковь⁵³⁸. Автор статьи «С амвона о политике» приходил к выводу, что этот поп Димитрий, ранее не замеченный в подобных речах, агитировал «по указке» сверху⁵³⁹. Статья кончалась призывом: «Господа архиереи! Закройте двери алтаря божьего от политики и не давайте вносить партизанский пыл в церковь». В представлении редакции журнала «жизненные интересы церкви, иерархии и священства живо советуют архиереям устранить партизанство из церкви, перестать делить священников на «наших» и «ваших»⁵⁴⁰.

Заходила в публикациях речь и о злоупотреблениях властью –

«Посмотрите, кому дают наилучшие сельские и городские парохии – только бесхитрым и верным партизанам. Скоро четыре года, – писал в 1892 г. тот же Христианский вестник, – как сегодняшние архиереи возвращены к управлению церковью, но за все то время они наградили только одного священника другой партии (и то опять из политических соображений); а так, все награды получают и парохии дают только своим партизанам»⁵⁴¹.

В признании пагубного влияния политики как на общество, так и на духовенство сходились многие: «К сожалению, у нас сегодня партия – отправная точка всего. Она стала чуть меньше самой родины. Ей безответно служат и приносят в жертву все – и друга, и родственника, и честь, и совесть». Политическое партизанство «разрушает единство, согласие, любовь и все моральные основы нашего общества»⁵⁴².

А какой-то учитель вообще обвинил духовенство в политической безграмотности населения:

«Священники и учителя – без сомнения, самые важные политические факторы в массе нашего народа.... Но на этих важных факторах лежит самая большая ответственность за политическую незрелость своего народа и за укоренение демагогии в нем, т.к. на ниве политического воспитания народа они мало что сделали, а расширению демагогии сыграли на руку!»⁵⁴³

В целом, тон большинства публикаций был в духе высказывания одного из представителей духовенства: «священник – и гражданин, и подданный, и обладает всеми гражданскими правами, он учитель и пастырь церкви, но он не смеет злоупотреблять церковью и своим служением в ней, ставя их на службу политическим интересам»⁵⁴⁴. А 35 священников белградской и жичской епархий опубликовали в 1898г. коллективное письмо, требуя изгнать партизан из Митрополии и епархий: «Пока митрополия будет главным «клубом» известной партии, а епархии – ее «филиалами», до тех пор будет в церкви немощь, расстройство и моральный застой»⁵⁴⁵.

Официальный орган Архиерейского Собора, Гласник СПЦ, также нетерпимо отзывался о своих младших собратьях-партизанах, не жалея при этом красочных эпитетов:

«Партизаны служат партизанству как божеству, и поэтому нет у них бога в сердце. Из всех людских слабостей – партизанство наихудшее. Партизанство – порок, который захватил целые массы человеческого сообщества ... Сербский народный священник должен освободиться от влияния партизанства. Знамя, которое он несёт, должно быть высоко поднято над всеми слабостями общества. Участие в партизанстве...только унижает достоинство священника»⁵⁴⁶.

А как же относились к идее отвадить духовенство от политики сами священники–партизаны? Вот мнение известного радикального депутата, протоиерея Николы Крупежевича, которое он высказал на заседании Народной Скупщины в 1896г.:

«Священников упрекают, что они совсем ушли в политику. Это так. Но покажите мне хоть одного человека в Сербии, кого за эти 15–20 лет не захватила эта болезнь – и сеяка и чиновника, и учителя и профессора, одним словом, всякого. Все они зашли в политику дальше, чем надо. Я совершенно уверен, что нам, священникам, меньше всего подобает так далеко заходить в политику. ... Значит, политика – наша общая болезнь, и если будем умны, надо лечиться от этой чрезмерной болезни...»⁵⁴⁷.

Противоположная точка зрения апеллировала к сербской традиции присутствия духовенства в жизни общества. Священник С.Божич таким образом отстаивал права священника на участие в политике:

«История сербской церкви свидетельствует: сербское духовенство со времен первого сербского архиепископа св.Саввы и до сегодняшнего дня всегда было с народом, делило с ним счастье и несчастье и всегда вмешивалось в общенародные дела. Если бы во время рабства сербского под турками, священство бы не вмешивалось в политико–общенародные вопросы, разве сербы победили бы и выстояли перед турками? Разве тогда существовала бы свободная Сербия? ... Сербский священник тем и отличается от священника других наций, что он заботится не только о душе своих прихожан, но и о теле. Заботиться не только о том, чтобы сербы имели царствие небесное, но и земное».

Каждому священнику, по мнению Божича, надо оставить право самому выбирать, вмешиваться или нет в партийные и политические дела. Только при этом от всякого без исключения священника Божич требовал, чтобы он прежде всего вершил свою священническую службу, т.к. все же признавал, «что есть священники, которые совсем забыли свое призвание и стали агентами партий, которые никогда в своей церкви не проповедовали, а каждый день объясняют и проповедают политические программы»⁵⁴⁸.

Поп Божа Йоканович в своем требовании политических прав шел еще дальше:

«Запретить священникам участвовать в политике, в условиях сегодняшних свобод, лишить их права вещать народу, права подготавливать его к тому, чтобы стать свободными гражданами современного государства – это было бы не только несправедливым по отношению к священникам, но и грехом по отношению к самому народу».

Отстранить священников от политики, по мнению попа-партизана, чтобы народные «ряды пополнились городским люмпен-пролетариатом или сельскими безработными и кафанскими политиканами», было бы шагом назад в политической жизни Сербии⁵⁴⁹. Такая точка зрения находила своих приверженцев. Автор заметки «Священник и политика»⁵⁵⁰ писал в 1910 г.:

«Священник – такой же гражданин, как и мы. Какой же это гражданин, который бы мог быть равнодушным к социально-политическим вопросам? Церковь – это не только церковь из людей состоящая. Вера – не просто вера, если не соединена в душе человеческой с другими идеалами. ... Такое впечатление, что церковь – какое-то неосоздаемое, мистическое, аскетично–пустынническое тело, а не живые люди, которые верят и размышляют, спорят и узнают. Надо только напомнить тем людям речи апостола: Церковь живых, а не мертвых»⁵⁵¹.

Как уже было сказано выше, и государство, и церковь (в лице Архиерейского собора) пытались ограничить такое активное участие священников в политике. В 1883 г. Собор вынес решение: «Ни один отечественный священник не может быть членом никакой политической партии и участвовать в собраниях этих партий» с тем, чтобы «наше духовенство вершило только свою священную обязанность и поучало прихожан вере, послушности государственным законам и властям, согласию и любви»⁵⁵². Однако это постановление так и осталось «мертвым словом на бумаге»⁵⁵³.

В 1898 г. консервативное правительство Н.Христича приняло *Закон об изменениях и дополнениях в закон об объединениях и собраниях от 1884 г.*⁵⁵⁴ – теперь чиновники, учителя и представители духовенства (как монахи, так и священники) не могли быть членами политических объединений, участвовать в их работе и присутствовать на их собраниях. Однако священники по-прежнему занимались политической агитацией, стараясь послать в парламент как можно большее число своих политических сторонников⁵⁵⁵. Поэтому правительство пошло еще дальше – в 1900 г. новыми изменениями в законе было ужесточены наказания за политическую деятельность духовенства: священник терял свое право на приход сроком на пять лет, монах лишался всех доходов от монастыря, а старейшина монастыря терял свое положение старейшины⁵⁵⁶. Но и на этом власти не остановились – новая конституция 1901 г. запрещала духовенству обоих видов быть избираемыми в народную скупщину (ст.68). Зато пожизненными членами нового законодательного органа – сената, стали митрополит Иннокентий и нишский епископ Никанор. В итоге, на выборах 1901 г. в Скупщину не прошел ни один священник.

Редактор Вестника СПЦ, протоиерей Ник.Божич, возмущался этим обстоятельством:

«от душановых времен и ранее сербское духовенство имело право путем выборов входить в народное вече или народную скупщину, а сегодня оно лишено того права <...> Во время рабства, восстания, борьбы за освобождение и объединение Сербии, как во время ее образования и провозглашения королевством, ничто не хотело работать без участия народного духовенства. В то время везде раздавалось слово народного духовенства и слушалось с великим вниманием, так как их произносил горячий патриот, теплый молитвенник и истинный друг народа своего – народный священник. Слово, которое больше 500 лет слушали, сейчас умолкло, так как народному священнику закрыты двери в дом народной скупщины»⁵⁵⁷.

Однако последовавшие политические события 1903 г. и принятие новой конституции, в которой отсутствовала статья, налагавшая запрет на выборы духовенства в парламент, снова вернули священников в высокую политику – многие священники-радикалы, как например, прота Милан Джурич, давний друг короля Петра, были яркими «караджджевцами». Той же конституцией 5 июня 1903 г.⁵⁵⁸ был возвращен либеральный *Закон об общественных объединениях и собраниях 1891 г.*⁵⁵⁹, отменяя тем самым запреты закона 1898 г., правда, оговаривая, что церковь не может являться местом политических собраний (9 ст.). При этом необходимо отметить, что в целом, общегосударственная тенденция к уменьшению количества священников в скупщине все же сохранялась – достаточно сравнить их присутствие в народной скупщине первого и последнего созывов независимой Сербии – в 1878 г. их число составляло 25 чел., а в 1912 г. – 5 человек, при почти одинаковом числе депутатов.

§ 3. Митрополит Михаил против Милана Обреновича – «культуркампф» на сербский манер

Самым характерным случаем, вскрывшим в сложных политических коллизиях 80-х годов XIX в. непримиримые позиции церкви и власти, стал масштабный конфликт 1881–1889 гг., известный современникам под названием *церковного вопроса*. Этот инцидент, вышедши за рамки сугубо церковных и надзорных органов, выплеснулся наружу и захлестнул не только весь политический истеблишмент, СМИ и общественное мнение. Будучи во многом плодом разногласий сербской политической элиты, мечущейся между Петербургом и Венной, он затронул аспекты внешней политики не только Сербии, но и России, и, доставивши массу хлопот ведомству на Певческом мосту, стал серьезным испытанием для русско-сербских отношений.

Поворот Сербии в сторону Вены после Берлинского конгресса был понятен и, в общем-то, оправдан – по мнению князя Милана, Россия пожертвовала интересами Сербии ради Великой Болгарии, создание которой на тот момент более отвечало потребностям русской внешней политики, заинтересованной в черноморских проливах, а не в эфемерной «общеславянской взаимности». 6 июня 1881 г. заключенным трехсторонним договором между Россией, Германией и Австро-Венгрией был обновлен Союз трех императоров, фактически устанавливающий *status quo* на Балканах. Три державы договаривались не «противиться возможному соединению Болгарии с Восточной Румелией»⁵⁶⁰, а Австро-Венгрия сохраняла за собой право аннексировать Боснию и Герцеговину «*в момент, который она признает подходящим*».

В том же месяце между Австро-Венгрией и Сербией была заключена Тайная конвенция (впрочем, для русского правительства усилиями посланника в Белграде А.И.Персиани, «тайной» она не была), которой двуединая монархия застраховывалась от русского присутствия в Сербии – Сербия брала на себя обязательства не плести никакие «политические, религиозные или иные интриги» против Австро-Венгрии. Иными словами подразумевалось не вести никакую национально-освободительную агитацию на территории Боснии и Герцеговины и Новипазарского санджака. Вена в свою очередь обещала дипломатическую поддержку Сербии в расширении ее границ на юг⁵⁶¹. Таким образом, Австро-Венгрия давала сербам карт-бланш на присоединение турецких территорий Старой Сербии и Македонии – на них же претендовала поддерживаемая Россией Болгария, проводившая активную церковно-национальную агитацию. Два новых «союзника» преследовали одну и ту же цель – не дать России закрепиться на Балканах.

Главное действующее лицо разразившегося конфликта – митрополит Михаил⁵⁶² (в миру Милое Йованович) (1826–1898) – был одной из самых заметных фигур в истории Сербии второй половины XIX в., без участия которой трудно себе представить церковные и политические

реалии жизни страны. Родившись в маленьком городишке Соко-Баня и отучившись в школе и гимназии, Милое попал в 1842 г. в Белградскую Богословию, где его заметил тогдашний предстоятель сербской церкви, митрополит Петр,⁵⁶³ и взял под свою опеку. В 1845 г. Петр, озабоченный недостатком образованных кадров в церкви, шлет шестерых молодых богословов, в том числе и Милое, в Россию, в Киевскую духовную семинарию. Окончив сначала семинарию, а потом и академию, в 1853 г., с благословения митрополита Петра, видевшего в молодом человеке «краткого и доброго нрава» своего преемника, он был пострижен в монахи, а потом (по просьбе сербского первоиерарха) самим Киевским митрополитом Филаретом рукоположен в иеромонахи⁵⁶⁴. Пробыв семь лет в России, Михаил возвратился в 1854 г. в Сербию и буквально через несколько месяцев, опять же стараниями Петра, неполных тридцати лет был избран епископом Шабацким. Молодой амбициозный епископ сразу же включился в политическую борьбу, используя административный ресурс для политических контактов с соотечественниками в Боснии и Старой Сербии, так что австрийский консул рассматривал его как одного из соучастников «славяно-русской агитации в Турции», а итальянский консул прямо называл избранного в 1859 г. белградского епископа «главным агентом России»⁵⁶⁵.

В 1858 г. решением Святоандреивской скупщины князь Александр Карагеоргиевич был смещен и на престол возвращен престарелый князь Милош. Те же предводители Святоандреивской скупщины (Ефрем Груич, Стевча Михайлович, Милован Янкович и Ранко Алимпич) начали плести интриги против митрополита Петра. Используя ссору князя Милоша с митрополитом, молодые либералы принудили его в 1859 г. к отставке, видя новым главой церкви более покладистого и обладающего серьезными связями в России епископа Михаила, открыто выступившего против Александра Карагеоргиевича. В отличие от своего энергичного ученика, митрополит Петр, по определению Филиппа Христича, «был всегда привержен и верен правящей династии. Был верен князю Милошу и, точно также, и князю Александру. Двумя было не свойственно ему. Верен Милошу – не знался с Караджорджевичами, верен Караджорджевичам – не заигрывал с приверженцами Обреновича»⁵⁶⁶.

Достоверно неизвестно, какое участие принял Михаил в смещении своего наставника, но злые языки⁵⁶⁷ утверждали, что шабацкий епископ непосредственно приложил к этому руку, нетерпеливо ожидая митрополичьего престола из рук своих, по выражению Груича, «образованных либеральных друзей»⁵⁶⁸. В том же, 1859 г., епископ Михаил был избран митрополитом, однако влиятельные государственные деятели – Йован Ристич, Филипп и Никола Христичи – попытались вернуть митрополита Петра обратно, на что новоизбранный Белградский митрополит Михаил ответил, что не может уйти в отставку, ибо его «связывает закон, который запрещает самовольно покидать руководство церковью»⁵⁶⁹. Но в конечном итоге, последнее слово было за князем, и Михаил остался главой сербской церкви.

Очевидно, что главный русофил Сербии – митрополит Михаил – не вписывался в новую политику Обреновичей. К тому же, широко было известно, как сербский архиерей с помощью русских финансов, полученных от Славянского комитета, проводит через своих агентов кампанию, направленную против Австро-Венгерского присутствия в Боснии и Герцеговине. Вена давала понять князю Милану, что заинтересована в удалении митрополита Михаила и оказывала в этом смысле всяческое давление – в 1880 г. князь Милан писал главе правительства Йовану Ристичу, что министр иностранных дел Австро-Венгрии Генрих Хаймерле⁵⁷⁰ жаловался ему на активность митрополита в Биг.⁵⁷¹ Персиани сообщал в Петербург, что князь Милан после возвращения из Вены решил подчинить церковь государству. Русский посол охарактеризовал это, по аналогии с борьбой Бисмарка против католической церкви, как *Kulturkampf*⁵⁷².

Первые серьезные разногласия между главой сербской церкви и политическим руководством возникли еще в 1862 г. в связи с принятием нового закона о церкви, а в 70-ых гг. австрийский генеральный консул в Белграде, Бенъямин Каллай,⁵⁷³ писал, что «*в отношениях княжеского правительства Сербии и митрополита Михаила существует раздразнительно касательно решения неких внутривластных и церковных проблем, что было отражением их противоположной внешнеполитической ориентации*»⁵⁷⁴, и сообщал, что митрополит Михаил был против назначения министром просвещения в правительстве Йована Ристича Стояна Новаковича, которого обвинял потом в «*узурпации компетенции духовных властей*»⁵⁷⁵.

Несмотря на приверженность митрополита Михаила династии Обреновичей, конфликты между ними были неизбежны. По справедливому заключению историка церкви Д. Слиепчевича, хотя и сербское государство, и сербская церковь были связаны старой традицией параллельно существовавшей сербской средневековой державы и церкви, они, в конце концов, пришли если и не к разрыву, но к разной идейно-духовной ориентации. Обреновичи были автократорами и стремились подчинить своей власти церковь, которая изумленно наблюдала, как новое государство, оставаясь национально ориентированным во внешне- и внутривластном отношении, стало по-другому выглядеть, получив иное идеологическое лицо, и все более обмирщалось. Митрополит Михаил имел другой идеал национального государства и другое понимание развития: идеал средневековой сербской государственности, дополненный его славянофильской ориентацией должен был входить в органический конфликт с современной Сербией. Новые сербские интеллектуалы, пришедшие к власти, рассматривали церковь как учреждение, которое не может и не должно участвовать ни во власти, ни в управлении государством⁵⁷⁶.

Пришедшее в 1880 г. к власти после отставки либерального правительства Йована Ристича правительство напредняков Милана Пирочанца лишь ускорило падение митрополита Михаила, известного своей приверженностью к партии либералов (в первые года прихода к власти напредняки старательно освобождались от присутствия либералов в администрации: на пенсию

было отправлено 65 чиновников и 25 уволено). Слободан Йованович писал, что «напредняцкая борьба против либералов достигла своего апогея в церковном вопросе, который в действительности не был ни чем другим, как вопросом митрополита Михаила. Напредняки ненавидели митрополита Михаила как одного из столпов либеральной партии».⁵⁷⁷

Историки сходятся в том, что в 1881 г. митрополит Михаил пал жертвой своей приверженности России: противясь австрофильской политике князя Милана, он навлек на себя недовольство и князя, и Австро-Венгерской монархии⁵⁷⁸. А русский министр иностранных дел Н.К. Гирс считал этот демарш осознанным политическим шагом князя, так как митрополит мечтал о создании при содействии России «сербского государства, включающего в свои пределы области Балканского полуострова, занятые австрийцами»⁵⁷⁹.

Повод для смещения «главного русского агента» нашелся уже в 1881 г. 3 апреля 1881 г. был принят *Закон о таксах*⁵⁸⁰, обязывавший частные лица уплачивать в государственную казну таксу по установленным тарифам за совершения услуг судебными учреждениями, органами управы и другими государственными властями.

Таблица 11 – Из Закона о таксах от 3 апреля 1881 г.⁵⁸¹

№ статьи	Наименование	Сумма в динарах
Касательно священников, консисторий и архиереев ⁵⁸²		
61	Всякий брачный спор в епархиальном духовном суде	20 –
61	Апелляция на решение епархиального суда первой инстанции	10–
63	Просьба иностранных граждан о вступлении в брак	20–
64	Разрешение дать объявление о венчании (не подлежащий выплате полного налога освобождается от уплаты таксы) кто платит полный налог кто платит излишек	20– 50–
65	Разрешение брака с благословения архиерея	100–
66	Выписка из церковных протоколов о рождении, венчании и смерти	50–
67	Сингелия при рукоположении в чин священника	20–
68	За протоиерея	50–
69	За монашеский чин	100–
70	За иеромонаха	150–
71	За сингела	160–
72	За протосингела	200–
73	За игумена	300–
74	За архимандрита	400–
75	За архиерейский чин	2000–
76	За митрополита	4000–

Наряду с уплатой обычных пошлин (при выдаче квитанций, актов, свидетельств, дипломов, заграничных и внутренних паспортов, виз, составлении завещаний и т.п.) закон предписывал платить государству и за вступление в чин любого представителя духовенства – от простого

монаха или священника до митрополита. Причем для монашества суммы были весьма приличны и составляли около половины годового заработка. Весьма примечательно, что кроме оплаты пошлин духовенства в законе не были прописаны пошлины для вступления в должность других чиновников (разве что, за дипломы военных требовалось уплачивать энную сумму, но она колебалась от 5 (поручику) до 150 (генералу) динаров).

Однако заподозрить правительство в протаскивании закона о таксах как части многоходовой комбинации по отстранению митрополита представляется нам весьма фантастичным: видимо, такие «драконовские» меры были порождением длительной дискуссии в Скупшине о состоянии сербского духовенства, точнее монашества, и объяснялись резко негативным отношением народных посланников, в том числе и священников, к монахам и архиереям.

Поскольку закон был опубликован в официальном издании, то его текст стал известен и епископам сербской церкви. Один из членов Собора, епископ Моисей, обеспокоенный грозными последствиями, призывает митрополита Михаила созвать собор для обсуждения сложившейся ситуации, пока закон еще не вступил в силу, – в противном случае, предупреждает он: «все тяжкие последствия падут на Вас <...> не смейте потом никого обвинять». Из письма епископа понятно, что митрополит Михаил не собирался созывать собор, полагая, что «не может ничего сделать» (на что епископ резонно спрашивал, зачем тогда тот пишет письмо с протестом?)⁵⁸³

12 мая митрополит Михаил направил министру просвещения Стояну Новаковичу довольно резкое письмо, где выразил протест против принятого Закона о таксах. Митрополит не скрывал своего возмущения – его не известили о законе заранее и не посоветовались с архиереями. Он обращал внимание чиновника на то, что по закону о церковных властях, по всем законодательным решениям, касающимся церкви и духовенства, должно быть сначала выслушано мнение архиерея (хотя ст.77, на которую ссылался митрополит, гласила лишь, что Собор через министерство просвещения принимает все правительственные распоряжения и законы). Среди многочисленных эмоциональных доводов митрополита логичным представляется только один – как государство может требовать уплату таксы за должность, к распределению которой она не имеет никакого отношения? Если бы кто-то и имел право требовать выплаты таксы, то это церковь, которая их дает, а никак не государство. Однако, по мнению митрополита, это фактически означало бы симонию, которая строгойше запрещена и является тяжким грехом. Отмечает митрополит и действительно неподъемные суммы выплаты, составляющие до годового или выше годового заработка.

В письме митрополит Михаил описывает свое видение взаимоотношений власти и церкви:

«Мы находим неправильным, что государственные распоряжения, касающиеся церкви и священства, вступают в законную силу без соглашения с церковными властями. Во всех цивилизованных странах и везде на востоке есть точно очерченные границы деятельности государственной власти, которые она не смеет переходить, и принимать законы во вред церкви, – церковь имеет свои законы, которая власть не может менять. Церковь существует во всех странах, не сталкиваясь с государственными институтами, но и не меняя и не подлаживая свои законы под влиянием государства».

По тону письма было видно, что митрополит задет не на шутку:

«Если государство не считает целесообразным предварительное согласование законов, которые, как этот, могут значительно навредить церкви, тогда логично, что и церковь освобождается от обязанности, исполняя свои функции, основанные на апостольских правилах и соборных установлениях, приходиться к соглашению с государством... Церковь пребывает над изменениями временными и политическими, часто бурными и скоротечными, и если бы она подчинялась всем однодневным нововведениям, тогда бы она сегодня уже прекратила свое существование, перестала быть соборной, апостольской, христовой, превратившись в некую современную церковь, сваянную из каких-то реформ, которые сегодня принимают, а завтра отклоняют»⁵⁸⁴.

Ответ Стояна Новаковича последовал только 21 июля. Совершенно справедливо Новакович пишет, что Закон о таксах никак не задевает гарантированного Уставом Архиерейскому Собору «внутреннего церковного управления». Соглашаясь с несоразмерной величиной таксы, он признавался, что во время рассмотрения проекта закона в качестве министра выступал на заседании Скупщины против столь высоких сумм, однако народные посланники не согласились их снизить, и они были приняты «неколебимой волей народного представительства». Причину этого факта видит ему «в слабом и утраченном авторитете церкви и ее служителей в народе, в частых конфликтах священства с моральными чувствами народа, в видимых недостатках сильной дисциплины»⁵⁸⁵. Относительно же антигосударственных выпадов митрополита, Новакович призвал его «по отношению к государственному законодательству и правительству Его Высочества придерживаться тона, отвечающего положению высшего сановника нашей церкви».

В сентябре 1881 г., когда решение о снятии митрополита Михаила уже, видимо, было принято, на стол министра просвещения легла докладная записка одного из чиновников ведомства об исполнении в церкви закона о таксах – оказалось, что в части выплаты за выдачу свидетельств и выписок (о рождении, крещении и т.п.) закон священниками исполняется, а при поставлении духовенства в чин – нет. В качестве показательной жертвы был выбран недавно поставленный игуменом сербского подворья в Москве Теофил, не заплативший в казну положенные 300 динар, которые министерство в качестве штрафа в шестикратном размере постановило взыскать с митрополита⁵⁸⁶.

В конце сентября на свое заседание для рассмотрения сложившейся ситуации собирается Архиерейский собор. Один из членов собора, неготинский епископ Моисей, по решению собора был направлен к Стояну Новаковичу и «нашел в нем...готовность к мирному...решению спорного вопроса». Министр просил передать собору от своего имени и от имени правительст-

ва готовность «принять всякую поправку, относящуюся к церкви и ее органам, тем более, что я в скупщине говорил: нельзя узаконивать налог на духовные чины и звания»⁵⁸⁷. В результате, Собор констатировал: закон, прописывая, что «за благословение архиерея, как и за духовные чины, которые получают благодатью святого духа, надо платить, противен канонам святой православной церкви и поэтому просит исправить его так, чтобы он не противоречил церковным канонам». Точно также архиереи считали, что «совершена несообразность, и этот закон принят без предварительного соглашения с Архиерейским Собором»⁵⁸⁸. Протокол был передан министру и дело казалось улаженным.

Однако 10 октября первоиерарх сербской церкви «по причинам, ему одному известным» направил еще одно послание Стояну Новаковичу, где довольно вызывающе заявлял, что тон предыдущего письма митрополита выдержан им

«в тех границах, которых мы и наши блаженноупокойшиеся предшественники иерархи придерживались в переписке с государственным правительством. С того момента, как мы по божьей благодати приняли бремя архипастырской службы и божьей милостью вступили на кафедру архиепископско-митрополитскую, мы всегда со всякой готовностью шли навстречу намерениям правительства, когда они нам предварительно узаконенным путем были доставляемы»⁵⁸⁹.

Называя закон «противным канонам святой православной церкви» и ссылаясь на общее мнение, принятое на заседании Архиерейского Собора 22 сентября, он информирует: «отечественные архиереи не могут принять в своих богохранимых епархиях выполнение закона о таксах <...>, ибо совершена несообразность в принятии закона без предварительного согласования с Архиерейским собором».

В ответ на протест митрополита, Стоян Новакович 15 октября официально опросил четырех членов Архиерейского Собора на предмет подтверждения, действительно ли на заседании собора было вынесено решение, не принимать закон о таксах (опрос проходил в здании митрополии, куда министр пришел вместе с секретарем). Все четыре епископа ответили: речи о том, чтобы не принимать и не выполнять закон на заседании не было, – лишь только о нахождении его «в противоречии с некоторыми церковными канонами». Митрополит Михаил на следующий день пожаловался главе правительства Милану Пирочанцу на Новаковича, некорректно опросившего архиереев, и нарушившего тем самым порядок в иерархии: сначала надо было спросить митрополита, автора тех самых спорных строк, вырванных, по утверждению митрополита Михаила из контекста.

Скандал, судя по всему, быстро вышел далеко за рамки сугубо церковные, и судьба митрополита Михаила была предрешена – 16 октября обеспокоенный русский посол А.И.Персиани докладывал Гирсу: «Отношения между митрополитом и правительством стали до того натянутыми, что окончательный разрыв делается неизбежен. Сегодня министерство предложило ему сложить с себя сан. Митрополит отказался»⁵⁹⁰.

18 октября 1881г. в официальной газете «Српске новине» был напечатан указ князя Милана⁵⁹¹:

«По предложению нашего министра просвещения и церковных дел и посоветовавшись с министерским советом, постановляем: Его Высокопреосвященство, господина митрополита Михаила, утвержденного княжеским указом от 26 июля 1859г. № 3557 ½ архиепископом Белградским и митрополитом Сербским, отстранить от управления архиепископией Белградской и митрополией Сербской».

Одновременно, согласно 95 ст. закона о церковных властях, которая гласила, что в случае, если кафедра митрополита оставалась незанятой, и.о. митрополита определялся распоряжением правительства – администратором Белградской митрополии назначался епископ неготинский Моисей, по выражению Сл.Йовановича, «хитрый монах» и «лысый крестьянский пройдоха» (епископ был совершенно лишен растительности, что являлось предметом многочисленных насмешек и обидных прозвищ).

Газета опубликовала и пространное письмо министра просвещения Стояна Новаковича, по чьему «предложению» был снят митрополит Михаил. Письмо гласило: «И духовные власти, и духовенство обоих видов, как и остальные мирские граждане, должны быть покорны законам, которые возникли прописанным уставным путем. Т.о. положение церкви по отношению к государству в Сербии уставом законами мирскими определены, и о том спора не может быть». Новакович продолжал: «Нигде не прописано, чтобы Архиерейскому Собору дано было право участия в законотворчестве государственным. По существующему закону Архиерейскому Собору оставлено только внутреннее управление церковью, а законодательную власть по уставу вершит князь и скупщина». Министр обвинял церковь, желающую быть третьей законодательной властью, в покушении на права государства, а самого митрополита фактически в неповиновении закону: «Господин митрополит отрицает и не признает это уставом и законами определенное положение». Вывод напрашивался сам собой: «на челу церковной власти не может оставаться человек, который открыто нарушает закон, присваивая себе власть, законом другим определенной».

Позже, в 1882 г., когда министру пришлось давать объяснения относительно обстоятельств смещения митрополита перед Скупщиной, он вспоминал, как приходил к Михаилу и просил того добровольно уйти в отставку без скандала, но тот уперся и ответил, что ему запрещают каноны. Поэтому правительство было вынуждено сместить митрополита – если бы это был «маленький чиновник», его судили бы по статье уголовного закона за присвоение власти и за неисполнение закона, но «с такими людьми не делают то, что с обычными», – сказал Новакович, резонно прибавив: по закону митрополита утверждает глава государства, и если «государь ... может поставить верховного духовного владыку, то может его и сместить»⁵⁹².

В том же газетном номере «Српске новине», целиком посвященному митрополиту Михаилу, правительство сочло нужным опубликовать всю переписку между сторонами, а так же корреспонденцию вокруг третьестепенного дела по поводу перераспределения митрополитом парохий между двумя конфликтующими священниками с целью показать, что и церковные законы митрополит не считает нужным для себя соблюдать (по закону регуляция парохий находилась в ведении Архиерейского Собора). Правительство давало понять: в Сербии на сегодняшний момент существует лишь одна легитимная сила – государство, которое обладает достаточным административным ресурсом для отстранения от власти любого, кто игнорирует или оспаривает законы, ставя таким образом под сомнение полноту княжеской власти.

§ 4. «Дело Митрополита Михаила» в общественных и правительственных кругах Сербии и России

Отставка митрополита Михаила всколыхнула все общественные круги Сербии. Более пространно позиция правительства была выражена на страницах печатного органа напредняков – газеты «Видело». Митрополита Михаила откровенно обвиняли в том, что за двадцать лет своего пребывания на престоле, который он получил весьма непорядочным образом, «вмешивался во все и во вся», и уж во всяком случае, церкви не стоит жалеть о человеке, который на первое место всегда ставил свои личные интересы, на второе – интересы своей партии, и по остаточному принципу – церкви.

Покидая белградскую кафедру, митрополит, по мнению одного из авторов, оставлял после себя «страшное равнодушие к вере и церкви» у мирян и «путаницу в понятиях, сумбур в отношениях, соблазнительную распущенность» в духовенстве. Касательно вмешательства митрополита в политику, где тот «никогда ничего не понимал», приводились слова из одной (видимо, либеральной) газеты: «г.митрополит действительно наш друг и он хочет нам добра, однако он, на несчастье, так глуп, что портит нам все, во что вмешивается...». И, наконец, автору виделось будущее, в котором сербский народ забудет митрополита Михаила «как будто, его никогда и не было»⁵⁹³.

Напредняки переводили весь конфликт митрополита и правительства исключительно в законодательное русло – «он не должен был, он не смел пытаться игнорировать прописи законов, управляющих обществом, членом которого он является, – писала та же «Видело», – законов, господствующих в стране, сыном которой он является»⁵⁹⁴. Согласно представлениям на-

предняков, в управлении церковью, как православной, так и католической, оставались только внутренние церковные дела, относящиеся к службе, «все остальное определяется везде политическими властями в интересах народа и страны путем обычного государственного законодательства»⁵⁹⁵.

В неповиновении митрополита государственным законам напредняки видели сепаратизм и в этом контексте обращали внимание на борьбу двух принципов в управлении – принципа власти и порядка и принципа сепаратистской автономии. Силой первого, утверждали напредняки, созданы все современные сильные и свободные державы. Другой в эпоху средневековья привел многие народы, в том числе и сербский, к пропасти.

«Дело митрополита Михаила», прогремевшее на всю страну, спровоцировало очередной виток взаимной неприязни между напредняками и либералами⁵⁹⁶, с чьим печатным органом, «Сербская независимость», рьяно отстаивавшим своего соратника митрополита Михаила и обвинявшим во всем правительство, пикировалась газета «Видело»⁵⁹⁷. Либералы использовали дело митрополита как серьезный повод для нападок на партию напредняков. И в каждой публикации, посвященной делу митрополита (а «Сербская независимость» в течение почти двух месяцев, прошедших с момента отстранения Михаила, в каждом! номере затрагивала эту тему) обязательно сводило счеты с кабинетом М.Пирочанца-М.Гарашанина-Ч.Миятовича.

Радикальная партия отреагировала на отстранение митрополита более индифферентно, видя в нем конфликт сугубо партийных интересов. Газета радикалов, «Самоуправа», писала, что спор митрополита и правительства

«выглядит так, что партийные расхождения были главным мотивом его развития» и «только партийное перо в руках митрополита Михаила могло писать столь мало учтивые письма правительству, только партийная ярость могла поколебать в правительстве веру в искренность сербского архиепископа, только партийным фанатизмом объясняется, что митрополит мог упрекать членов правительства в нехристианстве и отсутствии набожности, только отвратительная партийность могла направить министра в обществе одного чиновника идти к владыкам лично допрашивать их о том, что они до того вместе решили!»⁵⁹⁸

Радикалы считали, что все добродетели митрополита «парализуются его принадлежностью к политической партии»: при поставлении священников и при выборах в скупщину предстоятель сербской церкви использовал административный ресурс и авторитет в интересах своей партии. Глава церкви, в отличие от другого сербского гражданина, – заключали радикалы, – не может агитировать за свою партию. Митрополит Михаил злоупотреблял любовью русского народа для утверждения своего авторитета: когда его друзья, бывшие во время наместничества у власти, хотели сблизиться с Австрией, митрополит Михаил всячески поддерживал их и интриговал против русского генконсула Н.П. Шишкина, противившемуся этому, но когда в сторону Австрии повернулось правительство напредняков – митрополит Михаил обратился к России.

Автор статьи полагал, что «те старые времена, когда народ сербский ожидал от своих церковных руководителей защиты своих политических прав» прошли, конституционное регулирование определило эту обязанность государству и скупщине. От церкви народ не требует теперь ничего, кроме совершения службы «по прописям христианской веры и нашей церкви»⁵⁹⁹. Призвал автор и к пересмотру несовершенного церковного Закона 1862 г., который выглядит так, как будто им специально хотели вызвать конфликт между светскими и церковными властями: надо «изъять из церковной власти все, что в ней нынешнем веке и социальных условиях не может больше оставаться (рассмотрение брачных споров) и ясно описать границы государственной и церковной власти...»⁶⁰⁰.

На удивление спокойно отреагировало на факт смещения главы церкви сербское священство⁶⁰¹. Новакович боялся, что духовенство с подачи либералов будет бойкотировать отправление обрядов – венчания, крещения и т.п., однако этого не произошло. Если в первые дни еще было какое-то движение среди белградских священников и протесты в прессе, то день за днем волнения были все слабее, а с выборами нового митрополита и вовсе стихли – любимцы митрополита Михаила первыми приветствовали митрополита Теодосия,⁶⁰² лишь один из священников, председатель консистории, протоиерей Сима Петрович, подал в знак протеста в отставку⁶⁰³.

Немудрено, что рядовых священников больше волновало свое собственное положение, чем положение Сербского митрополита (дискуссиям вокруг принятия Закона о регулировании положения священников и Закона об организации фонда для сирот и вдов священников в церковной печати отводилось гораздо больше места, чем пресловутому Закону о церкви, в основном касавшемуся архиереев, чьи интересы не слишком затрагивали едва сводивших концы с концами священников)⁶⁰⁴. Как уже говорилось выше, участие митрополита и епископов в борьбе политических партий не прибавляло им симпатии священников, в массе своей принадлежащих к радикальной партии. Были в Сербии и священники, которые в силу своей политической принадлежности активно поддерживали правительство в борьбе с митрополитом Михаилом, как, например, протоиерей напредняк Алекса Илич, издатель журнала «Христианский Вестник», который стал рупором проводимой Стояном Новаковичем церковной политики.

Наиболее верную на наш взгляд оценку происходящего можно найти в дневнике Николы Крстича – сербского правоведа, занимавшего в ту пору довольно высокую должность председателя кассационного суда. Крстич, считавший, что «правительство перешло границы, сместив митрополита», записал:

«Рассуждая об этом деле, я не могу одобрить ни поступок митрополита Михаила, ни владык, относительно закона о таксах. Эти законы неудобны, но это не значит, что они противны христианской науке. Все это пустые и напрасные крики, когда называют симонией взывание с протоиерея платы в 150, а с митрополита – 4000 динар. Этими деньгами не

покупаются церковные чины: ведь не может каждый, кто в состоянии заплатить 4000 динаров, стать митрополитом. В законе о таксах, следовательно, нет симонии, нет ничего антиканонического, а особенно, ничего антидогматического. Митрополит и владыки поэтому не имели оснований сопротивляться этому закону <...> Но отсюда не проистекает уместность совершенного, т.е. отстранение митрополита от управления, а еще неуместнее, что у него отнято жалование и даже не определена пенсия ... Митрополит, не покоряющийся законам, стал неприемлем для правительства...»⁶⁰⁵.

Эффект разорвавшейся бомбы отстранение Митрополита Михаила вызвало в России, произведя *«самое тяжелое впечатление»* на Александра III⁶⁰⁶, который, как известно, называл позже короля Милана не иначе как «скот» и «подлец». О негативной реакции русского царя сербскому посланнику Д.Хорватовичу официально сообщил глава русского внешнеполитического ведомства Н.К. Гирс, объясняя его русской спецификой: *«в России религиозное начало выше всех остальных, – именно поэтому подобные вещи так остро воспринимаются»*. И заодно озвучил мнение Святейшего Синода, который заключал, что случай митрополита Михаила *«действительно задевал каноническое право»*.

На заявление протеста главы русского МИДа серб, лишенный религиозно–мистического сознания, выразил сожаление и объяснил, что, будучи гражданином, митрополит Михаил должен подчиняться закону, принятому скупщиной и королем, в противном случае он – «государственный преступник». А также сообщил, что митрополит больше занимался политической агитацией, чем церковными вопросами и «почти все правительства имели с ним трудности».

Гирс в разговоре с сербским посланником озабоченно поинтересовался, не приведет ли этот случай к эксцессам в народной среде, и напоследок подчеркнул, что русская сторона считает все произошедшее внутренним делом Сербии. Хорватович заверил, что в набожном сербском народе отставка митрополита не вызовет никаких волнений⁶⁰⁷. Неоднократно русский МИД в дальнейшем призывал князя Милана исправить ситуацию, подчеркивая, что Россия рассматривает отстранение Михаила как успех Австро-Венгрии и умаление достоинства России, на что она не может равнодушно смотреть⁶⁰⁸.

Выразил свое недовольство сербам и Константинопольский Патриарх. В разговоре с сербским послом Ефремом Груичем Иоаким посетовал: «очень печально и очень жалко», что такого «ученого духовника» и «доброго патриота» «принесли в жертву». Реакция сербского посланника была далека от сдержанной манеры греческой дипломатии: он свысока обронил, что Константинопольского Патриарха сие не касается, дело это внутренне и «входит в круг народной церковной независимости», и добавил, что кроме православной церковной власти, в Сербии есть и православная государственная власть и т.д. и т.п. Напоследок Груич призвал Иоакима воздержаться от шагов, которые испортили бы замечательные и стабильные отношения Сербии, короля и Вселенского Патриархата⁶⁰⁹. И хотя Патриарх, памятуя о коллизии с болгарской цер-

ковью, не мог допустить никакого серьезного конфликта с Сербией (последствиями которого постоянно недипломатично пугал Груич), своего негативного отношения до сербского посланника Вселенский Патриарх не мог не донести. В ответ на уговоры Груича, что никаких трудностей в признании отставки митрополита он не видит: Фанару вовсе нет нужды никак реагировать, а необходимо просто «принять к сведению», – Патриарх сопротивлялся: *«Ага, просто! Но смещение митрополита со своей должности – противно правилам православной церкви, и не увидеть здесь трудностей, а просто принять противоканоническое решение «к знанию» ... это трудно, очень трудно»*⁶¹⁰.

Однако в отличие от Константинополя, Петербург не мог смириться с подобным оскорблением православия, покровительницей которого видела себя Россия. Здесь полагали, что сербско-русские отношения не могут стать нормальными, пока митрополит Михаил не вернется на свое законное место⁶¹¹.

Отстранение митрополита Михаила было, если и не провалом балканской политики России, но весьма чувствительной пощечиной русской дипломатии. Бывший посол России в Османской империи граф Н.П.Игнатьев, известный своими панславистскими взглядами, писал К.Н.Победоносцеву:

«Удаление Михаила – надежнейшего нашего союзника, воспитанника нашей духовной академии и человека твердого и предприимчивого – неисправимый удар, нанесенный венграми и немцами нашему влиянию. Я его поддерживал 15 лет сряду против разнообразных врагов и интриг. Одним махом – дали сокрушить трудно создаваемое. Мы теперь вкушаем плоды берлинского договора и нашего посрамления»⁶¹².

В России однозначно расценивали случившееся как результат влияния Австро-Венгрии на политическое руководство Сербии, которое «в нападках своих ... не имело в виду ни введение реформ, ни чувство озлобления против епископов, но исключительно угождение видам Венского кабинета»⁶¹³. Для русской дипломатии не было секретом, что удаление митрополита Михаила – одно из требований, поставленных королю Милану Веной для приобретения ее расположения⁶¹⁴. Австро-Венгрия продолжала считать владыку «центром панславистской агитации не только в Сербии, но и на всех Балканах», опасаясь, что вслед за Боснией, его агитация распространится и на югославянские части империи⁶¹⁵. На интриги Австро-Венгрии не однократно указывал Победоносцев в письмах к Гирсу, называя князя Милана и его правительство «марионетками австрийской политики». По мнению обер-прокурора Святейшего Синода, свержение митрополита не может быть кардинальным вопросом значения для России, но позиция России на Востоке могла пошатнуться с подрывом авторитета церкви, т.к. православная церковь всегда была фактором, гарантирующим русское влияние на Балканах⁶¹⁶.

Еще больший протест дело митрополита Михаила вызвало у русской общественности⁶¹⁷. Публицисты консервативного (М.Н.Катков) и славянофильского толка (И.С.Аксаков), – чьи

статьи в защиту мятежного Сербского митрополита сербский посланник Д.Хорватович считал сдиржированными непосредственно русским правительством, – разразились гневными статьями против сербских властей⁶¹⁸. Думается, что серб преувеличивал в данном случае влияние царского правительства: между митрополитом Михаилом и славянофилами существовали действительно тесные связи, а Катков был известен своим неприятием внешней политики, проводимой «немцем» Гирсом – осторожным и дальновидным дипломатом, стремившимся всеми средствами обеспечить России мир в ущерб (по мнению Каткова) «русским национальным интересам». Так что, в данном случае, видение ситуации и русским правительством, и русской общественностью, счастливо совпали.

По мысли Аксакова, цель отстранения митрополита, этого символа сербского народа и его патриотизма – «вырвать из народной души чувство братской любви к России»⁶¹⁹. В оценке Аксакова, отстранение митрополита, представителя русской партии, было наглым оскорблением «не только сербской, но и всей православной церкви, не только самой Сербии, но и России». Разумеется, что во всем Аксаков видел руку Австрии, которая превратила сербское правительство «в подобострастное, раболепное орудие австрийской политики, умудрилась заставить его собственным же руками подтачивать одну за одной все основы сербской национальной независимости...», а Михаил – «такое авторитетное в народе лицо, служившее живым звеном Сербии и России был как бельмо на глазу у Австро-Венгрии и министерства Пирочанца–Новаковича и К^о». А в качестве доказательства преступных намерений правительства Аксаков опубликовал в своей газете письмо к нему митрополита Михаила от 9 октября, в котором тот предупреждал: «пусть вас не удивит, если услышите, что меня прогнали или уничтожили».

Впрочем, Иван Сергеевич был уверен, что протест русской и константинопольской церквей, за которым последуют протесты предстоятелей других православных церквей, поставят сербскую церковь в такое положение, которое страна терпеть не захочет, и князь Милан волей–неволей должен будет сменить свое министерство⁶²⁰.

«Московские церковные ведомости»⁶²¹ вообще паниковали: «мадьярофильское сербское министерство не знает границ в своей вражде к православию» и планирует упразднить все епархии, кроме Белградской, ликвидировать все монастыри и подчинить сербскую митрополию Карловацкой патриархии. «Закрепощение сербского правительства в пользу Австрии, – писала русская газета, – закончилось блистательным финалом. Попрана народная святыня, поперано православие, а без православия нет славянства, нет национальной славянской самобытности...». При этом Церковные Ведомости не преминули отметить необразованность сербских священников и народа, незрелость православия, которое держится в сербах более чувством, чем разумом и т.п. Из этого же номера можно узнать, что настоятелями многих московских церквей были

отслужены молебны «о даровании крепости и мужества митрополиту Михаилу в его великой борьбе с латинской ересью, старающейся посредством подкупа затмить православие».

Известный публицист М.Катков пламенно взывал к читателям «Московских ведомостей»: ⁶²²

«Кому на Руси неизвестно имя митрополита Михаила? Кто не помнит его воззваний, проникших во глубину русского народа о помощи Сербии во дни горя и нужды? И вот, митрополита Михаила, ревностного сербского патриота и верного друга России, этого целителя ран, наносимых православию в сербских землях под игом Турции и Австрии дрекольем сгоняет с его священного поста какое-то министерство, которое вчера родилось и завтра быть может исчезнет».

Безусловно, Катков тоже видел здесь козни Австрии, которая с занятием Боснии и Герцеговины «не только приобрела новые страны, но и открыла новый путь для своих интриг на всем Балканском полуострове», «усилила влияние на полуобразованную славянскую интеллигенцию» и «сумела, не брезгуя средствами, овладеть легкими умами». Катков с негодованием вопрошал: что должна делать Россия? Предоставить дела в Сербии их нынешнему ходу – «в таком случае оставалось бы отозвать русского представителя из Белграда, сноситься с Сербией через посредство Венского посольства, как со страной вассальной, откровенно подвластной» Австро-Венгрии или же «дать почувствовать князю сербскому и его министрам силу своей политики, которой Сербия обязана своим существованием и которая русской кровью запечатлела ее независимость?» ⁶²³

«Почувствовать силу своей политики» русскому правительству так и не удалось – даже предложения министру иностранных дел Австро-Венгрии графу Г.Кальноки от главы русского внешнеполитического департамента разрешить сербский церковный вопрос соглашением между Веной и Петербургом и готовность отступить от «агитации славянофилов в Сербии» были встречены жестким отказом. Австрийский министр твердил, что это внутреннее дело Сербии и что он не знает церковных канонов, по которым бы можно было осуществить это соглашение ⁶²⁴. Все дипломатические шаги России, направленные на возвращение митрополита Михаила потерпели фиаско, так что МИДу в конце концов пришлось констатировать, что князь, «действовавший, по-видимому, по указаниям Австрии, оставался глух ко всем представлениям сделанным ему нашим правительством» ⁶²⁵. Но нет худа без добра: в самой Сербии, по мнению некоторых современных сербских историков, популярность России, существенно упавшая после Сан-Стефанского договора, значительно выросла на фоне ощущения угрозы со стороны Вены. Заступаясь за митрополита Михаила, Россия становилась защитницей сербской независимости от Австрии, которая дала указание Карловацкому патриарху посвятить нового Сербского митрополита ⁶²⁶. Так, Россия, благодаря угрозе сербским национальным интересам со стороны Австрии набрала значительные политические очки в сербском обществе ⁶²⁷.

В 1884 г. русское правительство еще надеялось на благоприятный исход события – консул в Белграде И. Ястребов разговаривал с королевой Наталией о деле митрополита, которое она считала «оконченным, решенным и сданным в архив». Сербская королева называла экс-митрополита жертвой либеральной партии, подначившей его не уступать требованиям министерства Новаковича: противясь закону о церкви, он «сам себя отстранил от управления церковью». Осуждая Михаила за его вмешательство в политику, Наталия ставила в пример нового митрополита Теодосия, занятого исключительно клиром и церковными делами⁶²⁸.

Между тем, умеренное крыло в России наконец победило, и она перестала оказывать дальнейший дипломатический нажим, требуя возвращения непокорного митрополита – прошло время, в Сербии утвердилась новая иерархия, возможный конфликт с Австро-Венгрией из-за такой мелочи был совсем нежелателен для ведомства Гирса⁶²⁹, а «темперамент» митрополита Михаила, развившего бурную антиобреновичевскую деятельность,⁶³⁰ грозил втянуть Россию в очередной международный скандал. Правительство поспешило избавиться от соседства с таким беспокойным жильцом и после долгих проволочек выдало разрешение на жительство в России без права пребывания в Москве, определив в качестве местонахождения Киев⁶³¹.

§ 5. Новая иерархия: 1881–1889 гг.

Способ, которым митрополит Михаил, без малого четверть века прослуживший главой церкви, был «просто выброшен на улицу»⁶³² без какого то бы ни было содержания, без средств к существованию вызвал ропот и опасение епископов, что с ними могут поступить так же. Сразу же после указа об отрешении митрополита Михаила, 21 октября, Собор направил письмо министру, в котором тот грозил отставкой всех своих членов, если правительство не пересмотрит условия содержания архиереев:

«Когда архиерей отстраняется от должности и управления без решения надлежного суда и без пенсии и признания стольких лет службы, то это ставит архиерея в бесправное положение. <...> Собор с жалостью констатирует, что положение архиерея становится иллюзорным и бесправным и что отечественные архиереи, находясь в таком униженном и бесправном положении, не могут достойно вершить свою тяжкую должность, которую имеют по отношению к церкви и государству. Вследствие этого невозможно им и далее оставаться во главе вверенных им епархий...»⁶³³

В ответ Стоян Новакович обещал на ближайшем же заседании скупщины урегулировать на законодательном уровне этот вопрос и определить пенсии епископам⁶³⁴. Обеспокоенный возможной отставкой оставшихся архиереев⁶³⁵, князь Милан разговаривал с епископами три часа и в конце обратился со словами: «я вас прошу взять этот акт обратно и продолжить вашу

работу в церкви; а что касается нарушенного состояния в церкви нашей, то я и мое правительство в скором времени поправим». Завершил свои слова князь вопросом «*Верите ли вы Обреновичу IV?*»⁶³⁶ Епископы поверили и остались на своих кафедрах.

Новый виток конфликта произошел после принятия Закона о церкви 1882 г., благодаря которому правительство могло теперь выбрать более лояльного главу сербской церкви (подробнее см. главу 2).

Протестуя против нового закона после вступления его в силу и.о.митрополита епископ Моисей попросил министра освободить его от управления тремя епархиями⁶³⁷. Епископ Иероним (соратник Михаила по партии, «упрямый либерал», по выражению Сл.Йовановича) также заявил о «невозможности работать по новому закону», который

«противен по форме и содержанию церкви. По содержанию – потому что им меняется облик церкви, и рушатся догматические святыни веры. По тому закону церковь сейчас не существует канонически ни по форме, ни по содержанию по канонам. По тому закону церковь стала государственным учреждением,...государственная власть вошла в сферу духовную, где ей не место. По тому закону нет православной церкви ни православия в Сербии. Одним словом, по тому закону церковь и внешне и внутренне в руках светской власти»⁶³⁸.

Это же письмо, но со своей подписью, направил в адрес министра третий епископ – старый полуграмотный «деда Виктор», бывший болгарский экзархийский владыка.

Тщетно министр призывал епископов «следовать закону», взывал к их гражданским обязанностям, писал, что «правительство не может принять необоснованные и противозаконные протесты», и предупреждал, что если они останутся при своем, правительство предпримет то, что ему предписывает положение⁶³⁹. Епископы продолжали настаивать на своем, проигнорировав и многочисленные приглашения министра на грядущие выборы нового митрополита, считая немислимым для себя присутствовать на неканонических выборах.

Стало ясно, что правительство столкнется с проблемой выборов нового главы сербской церкви. Король Милан предпринял попытку надавить на архиереев, довольно недвусмысленно намекнув на их дальнейшую судьбу в случае, если они и впредь будут бойкотировать Собор. Собравши у себя епископа Моисея, архимандритов Никифора Дучича и Нестора, протоиерея Якова Павловича (начальника церковного отделения министерства), король объявил, что «*церковный вопрос по мере своего развития превратился в политический, а в настоящую минуту он даже стал вопросом династическим*» (король намекал на связи митрополита Михаила с Александром Карагеоргиевичем). В заключении Милан Обренович серьезно заявил: «*кто идет против церковной реформы, идет против меня*»⁶⁴⁰.

11 марта 1883г. в соответствии с новым *Законом о церковных властях*, Милан своим указом назначил заседание по выборам митрополита на 20 марта.⁶⁴¹ 19-го вечером, на предварительном заседании о ходе предстоящих выборов, стало ясно, что троица епископов (Моисей, Виктор и Иероним) на выборы не явится. Решено было выбирать без них, ибо нигде в законе не

было сказано, что Выборный орган⁶⁴² не может работать без участия епископов. 20 марта митрополитом был избран престарелый архимандрит **Теодосий Мраович** (1815–1891 гг.)⁶⁴³, и после одобрения протокола о выборах королем Миланом, утвержден митрополитом.

Королева Наталия видела в старце «новый столп порядка и законности»⁶⁴⁴, а священник Алекса Илич на страницах «Христианского Вестника»⁶⁴⁵ «со смиренностью и уважением» приветствовал «седого архипастыря нашего господина Теодосия как промыслом божьим определенного, чтобы корабль нашей сербской церкви из волнующегося моря отвести в тихую пристань христианской любви»⁶⁴⁶.

Новоизбранного митрополита требовалось посвятить согласно церковным канонам. Однако, в отсутствии церковной иерархии в Сербии сделать этого было некому. Тогда было решено обратиться к «непосредственной наследнице той церкви, которую установил еще Св.Савва»⁶⁴⁷ – Карловацкой митрополии, лояльность главы которой – Германа Анджелича, не столь давно назначенного указом австрийского императора Франца–Иосифом патриархом в обход выборов⁶⁴⁸, была очевидна.

Стоян Новакович направил официальное письмо с просьбой, и патриарх Герман, желая помочь в «восстановлении нормального состояния» в иерархии сербской церкви и, разумеется, не без влияния Австро-Венгерского правительства,⁶⁴⁹ согласился. 27 марта в Сремских Карловцах, на территории Австро-Венгерской империи состоялась хиротония архимандрита Теодосия (Мраовича) – нового митрополита Белградского⁶⁵⁰.

Мраович, как саркастически отмечали, был некоторое время «сам себе митрополит», т.к. не застал в целой Сербии ни одного епископа⁶⁵¹ – владыки новоизбранного митрополита Теодосия не признали, и 1 апреля 1883 г. епископы нишский Виктор и шабацкий Иероним, а 6 апреля – епископ Моисей, после отказов на приглашение митрополита Теодосия явиться на заседание Архиерейского собора, королевским указом были смещены с должностей за «непокорность закону»⁶⁵², а на освободившиеся кафедры тотчас назначены новые владыки⁶⁵³.

Сложность возникла и с формальным признанием новоизбранного сербского митрополита – и для Москвы, и для Константинополя волюнтаристским методом назначенный Теодосий Мраович был «вне закона». Но и здесь русская дипломатия потерпела неудачу. Еще в 1883 г., после хиротонии митрополита Теодосия, Вселенский Патриарх сообщал сербскому посланнику Ефрему Груичу, что «Великая Христова церковь весьма задета внезапным и неожиданным актом посвящения в Карловцах», хотя и обещала, что не будет сама проявлять никакую инициативу и поднимать этот вопрос для официального рассмотрения⁶⁵⁴. Но уже в 1884 г., после отставки лояльного к России Вселенского Патриарха Иоакима III был выбран патриарх Иоаким IV, который вопреки ожиданиям, в ноябре направил официальное письмо на имя митрополита Теодосия Мраовича с признанием его главой церкви⁶⁵⁵. Такое категорическое заявление

о признании поразило своею неожиданностью, – А.И.Персиани сообщал, что *«Патриарх в августе месяце, возвращаясь через Белград в Константинополь из заграничного путешествия, не только не хотел видеться с о. Мраовичем, но и не согласился отправиться в собор, опасаясь, что такое посещение скомпрометирует его в глазах православной церкви»*⁶⁵⁶. Ходили слухи, что имел место подкуп со стороны сербского правительства, другие полагали, что в своем письме митрополит Теодосий ввел в заблуждение Патриарха относительно каноничности собственного избрания. Однако, объяснения, полученные советником русского посольства М.К.Ону от самого первосвященника Великой церкви, видятся более естественными: признание Теодосия Иоаким обосновал причинами «высших интересов православной церкви». Патриарх был вынужден, по его словам, ответить на «очень любезное письмо», проникнутое «самым горячим желанием общения с Великой церковью» нового митрополита Мраовича, готового лично прибыть в Константинополь. Желания увидеться со скандальным сербским митрополитом у Вселенского Патриарха не возникло, но ему стало известно, что Сербский первосвященник считал эту попытку примирения последней. В случае же отказа Константинополя признать Теодосия, сербская церковь окончательно связала бы судьбу с Австрией в лице Карловацкой митрополии⁶⁵⁷.

Продолжение затянувшегося конфликта Сербии и России было перенесено на русскую почву. Жертвой очередной разыгранной партии пало сербское подворье в Москве, закрытие которого было «ассиметричным» ответом уязвленных действиями Белграда русских властей.

В марте 1883 г. новый митрополит Теодосий, как и полагается, посылает настоятелю подворья, игумену Теофилу, официальное извещение о своем вступлении в должность. Москва не желает терпеть даже упоминания «неканонического» владыки, знаменующего собой полнейший провал русской дипломатии в деле митрополита Михаила, и запрещает сербам произносить при богослужении на ектеньях имя нового митрополита, ссылаясь на то, что *«подворье находится в пределах русской церкви»*, – о чем игумен спешит уведомить Его Высокопреосвященство письмом от 15 апреля 1883 г.⁶⁵⁸

17 апреля сербский посланник в Петрограде Хорватович, в свою очередь, информирует о произошедшем правительство в Белграде, вменяя при этом в вину игумену Теофилу ненужную инициативу: он испрашивал московские духовные власти разрешения помянуть нового первоиерарха, хотя совершенно не должен был этого делать – *«его обязанность была помянуть и ничего более»* (посланник подозревал, что тот специально устроил это для проволочки «известного вопроса»)⁶⁵⁹.

Подобного оскорбления своей церкви сербское правительство не могло допустить, и уже 27 апреля митрополит Теодосий шлет Теофилу распоряжение: «сразу по получении одного акта вместе с подчиненным братом соберитесь и приезжайте сюда. Дом и церковь закройте, ключи

от них передайте в сербское посольство в Петрограде»⁶⁶⁰. Однако, дело осложнялось предстоящей коронацией императора Александра III (подобная демонстрация с сербской стороны накануне торжеств смотрелась бы вызывающе), а так же подходящим сроком уплаты процентов по займу подворья (долг составлял около 27 тыс. рублей, и игумен опасался, что, если проценты не будут выплачены, подворье продадут с молотка). Как бы то ни было, по желанию королевского правительства до коронации императора игумен оставался в Москве⁶⁶¹, продолжая упоминать на богослужении имя митрополита Теодосия, хотя русские и чинили ему препоны (впрочем, поначалу, Белград весьма скептически отнесся к жалобам Теофила, подозревая, что игумен темнит)⁶⁶².

В мае игумена Теофила пригласил к себе всесильный обер-прокурор Св.Синода К.П.Победоносцев. Разговор носил крайне неприятный для серба характер: Победоносцев попенял ему, что тот не испросил дозволения у епархиального начальства, как того требуют каноны. А на решительный ответ игумена, что он, как сербский подданный, подчиняется сербскому королю и сербскому митрополиту, – объявил: *«мы презираем вашего князя и ваших министров... мы не признаем вашего нового митрополита»*. А в конце и вовсе обескуражил игумена обещанием: *«вероятно, мы отберем подворье»*⁶⁶³.

Такое решение, очевидно, было на руку сербскому правительству и МИДу, которые отказались от скоропалительной мысли закрыть подворье. По крайней мере, Хорватович говорил: *«лучше, чтобы они нашу церковь закрыли, чем мы»*, тем более, что видимых причин для этого уже не было – новый митрополит Теодосий поминался при богослужении. Сербский посланник приводил еще один аргумент: закрытие подворья, дозволенного указом покойного императора Александра II, которому сербы столь многим обязаны, будет неуважением к императору Александру III⁶⁶⁴. В разговоре же между Победоносцевым и игуменом он видел обычный диалог двух лиц и отнюдь не считал факт закрытия подворья русскими решенным делом⁶⁶⁵.

Но через месяц наступила развязка событий – 7 июля Теофил был вызван к московскому митрополиту Иоанникию, предостерегшему игумена, что если тот не прекратит поминать имя Сербского митрополита, то его запретят в служении. Теофил не согласился, и далее последовал Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Московской консистории: *«настоятель сербского подворья игумен Теофил за противление распоряжениям епархиального начальства устранивается от священнослужения»*, а на место сербского игумена был определен служить иеромонах Богоявленского монастыря⁶⁶⁶.

Известив о случившемся Его Высокопреосвященство, Теофил получает из посольства приказ митрополита тотчас же закрыть дом и церковь и возвратиться в Сербию⁶⁶⁷. В своем письме на адрес посольства Теофил возмущался действиями русских: *«в то время, как всероссийский император высочайшим своим указом дарует свободу вероисповедания ..., русская*

высшая духовная власть запрещает вершить богослужение сербским православным священникам, находящимся в России в своей сербской церкви...»⁶⁶⁸

Через неделю Иоанникий опять пригласил игумена и предупредил, что тот может закрыть дом, но церковь – пусть не смеет, а если так сделает, то «они с полицией снова откроют»⁶⁶⁹. Белград настоятельно требует игумена возвращаться: «если вам полиция не дает закрыть церковь, то унесите ключи с собой». 20 июля игумен Теофил известил королевское сербское посольство о получении через московский купеческий банк 300 рублей «для возвращения в Сербию», закрыл церковь и дом, и, оставив все вещи, с ключами отбыл в Белград⁶⁷⁰.

Но история на том не закончилась. В марте 1884 г. до МИД Сербии доходят слухи, что бывший сербский епископ Иероним поставлен настоятелем сербского подворья в Москве⁶⁷¹ – заметку об этом напечатали Санкт–Петербургские ведомости к немалому удивлению главы русского внешнеполитического департамента Гирса⁶⁷². Многочисленная русская пресса активно муссировала известия о том, что бывший шабацкий епископ Иероним «по предложению ексмитрополита Михаила поставлен Св.Синодом <Русской православной церкви> настоятелем сербского подворья в Москве», и как уже свершившийся факт сообщала: «Иероним прибыл из Парижа, чтобы принять управление подворьем в свои руки». Сербский посол, Дж.Хорватович, обратился за разъяснениями к главе Азиатского департамента И.А.Зиновьеву – тот назвал все толки «выдумками журналистов», а заодно передал слова К.П.Победоносцева заверившего его, что о поставлении Иеронима речи не идет⁶⁷³.

При детальном рассмотрении выяснилось следующее: Иероним действительно (еще 25 апреля) прибыл в Москву, в надежде быть поставленным настоятелем подворья. «Нет сомнений, – пишет Хорватович, – он приехал в Москву по взаимной договоренности, и ему было обещано это место» и даже подготовлена квартира. Соглашение с Иеронимом была достигнуто через русское посольство в Париже: это очевидно, – был убежден сербский дипломат, – отсюда и утечка информации, просочившейся в газеты.

Однако уже 10 марта Иероним неожиданно покидает Москву: «Он не был принят по-дружески и сегодня уехал, по его словам, в Сербию, а Москву оставляет якобы из-за климата», – телеграфировал в Белград Хорватович. Несомненно, что русские власти отказали Иерониму: сербский посол связывал такую резкую смену курса с соглашением России и Берлинского правительства – 15 (27) марта 1884 г. между Россией, Германией и Австро-Венгрией был заключен договор, продлевавший «Союз трех императоров» 1881 г., и который, по убеждению Хорватовича, «диктовал <русским> избегать любых вызывающих шагов» и как можно больше демонстрировать лояльность...⁶⁷⁴

Протекавшие относительно безмятежно годы присутствия на белградской кафедре нового митрополита Теодосия были бедны на истории в духе экс-митрополита Михаила, – но и здесь не обошлось без скандала – немало наделавшего шума развода королевской четы, короля Милана и королевы Наталии. Конфликтные отношения между первой парой королевства были хорошо известны – Милан имел многочисленные внебрачные отношения, супруги жили врозь, Наталия с престолонаследником пребывала то в Италии, то Германии, и в 1888 г. дело дошло до развода.

12 июня король Милан собственноручно написанным письмом обратился к митрополиту Теодосию с просьбой о расторжении брака вследствие непрекращающихся, по его словам, взаимной вражды и ссор. Митрополит находился в затруднении – по закону, все брачные споры подпадали под юрисдикцию духовных судов, однако случай развода короля – помазанника Божьего – был делом исключительным, и решено было посоветоваться с более авторитетными коллегами.

Алекса Илич, председатель Белградского духовного суда, предварительно переговорив с королем Миланом и митрополитом Теодосием, направился к Карловацкому патриарху Герману, который пришел к заключению, что брачный спор короля имеет право рассматривать лишь Архиерейский собор⁶⁷⁵. Актом от 21 июня, направленном архиереями министру просвещения, было сообщено, что развод короля находится в компетенции Архиерейского собора. Епископы предложили королю предпринять попытку договориться с Наталией полюбовно, заключив договор, по которому бы она оставалась за границей, воспитывая престолонаследника в Германии. Королева отказалась, однако владыки не теряли надежду на мирный исход событий, и в Висбаден поехал епископ Димитрий уговаривать королеву принять предложение короля, но та даже не пустила его на порог⁶⁷⁶. В дело вмешалась высокая политика – не без участия немецких властей (непосредственного самого Бисмарка и императора Вильгельма) королева Наталия была вынуждена передать престолонаследника королю Милану, и тот в начале июля возвратился в Белград.

После этого, 13 июля, епископы, вероятно под нажимом напредняков, переменили свое мнение, и на заседании Архиерейского собора проголосовали против рассмотрения спора о разводе на соборе, решив, что брачную тяжбу должен разбирать обычный духовный суд. В результате долгих препирательств духовный суд принял дело к производству. 16 июля Милан направил в белградскую консисторию акт с просьбой о разводе, подчеркивая исключительные обстоятельства королевской четы, однако белградская консистория приняла дело к производству как при разводе обычных граждан.

Меж тем, Наталия, взяв в свои защитники шефа напредняков, Милана Пирочанца, бывшего любимца короля Милана, составила ответ на обвинения Милана, и направила его в духов-

ный суд⁶⁷⁷. Белградский духовный суд состоял из председателя – напредняка проты Алексы Илича и трех судей. Алекса Илич тянул с рассмотрением, желая, чтобы все было в соответствии с законом, и потому был указом короля снят с должности; три остальных священника под влиянием М.Пирочанца вообще отменили требования короля Милана о разводе⁶⁷⁸.

Дело принимало для короля нешуточный оборот – напредняки и часть радикалов (в частности, Сава Груич) поддерживали королеву, припоминая королю все политические обиды; либералы же (Йован Ристич) дипломатично держались примирительной позиции. По выражению Николы Крстича, ситуация выглядела так, что росла агитация «за королеву против короля»⁶⁷⁹.

Не найдя легитимного пути разрешения своей «идефикс», король Милан обратился к силовому приему – 11 октября он направил митрополиту Теодосию письмо, чтобы тот *«силой Богом данной ему власти.... и по канонам святой православной церкви аннулировал ...брак с супругой Наталией»*. В качестве оправдания Милан писал, что *«по государственно-правовым принципам ... не может подпадать под юрисдикцию никаких судов, в том числе, и духовных»*⁶⁸⁰.

Глава правительства Никола Христич и министр просвещения Владан Джорджевич принесли митрополиту готовый акт о разводе и объяснили, какую опасность для всей страны таит возможный династический кризис и отставка короля вследствие нерешенного бракоразводного процесса⁶⁸¹. Министры сообщили, что Милан очень раздражен и что страна находится в опасности, т.к. король хочет покинуть страну в случае, если не получит развод. Митрополит, недолго думая, переписал собственноручно акт, и министры, приложившись к митрополичьей руке, поблагодарили его словами: *«вы этим актом учинили королю большую услугу и спасли землю от возможного переворота»*⁶⁸².

В итоге, 12 октября официальная газета «Српске новине» опубликовала акт за подписью митрополита Теодосия, которым он «после всестороннего рассмотрения» и приняв во внимание «священную и неприкосновенную личность государя и его династии, интересы нашей святой церкви, как и интересы государства» и «в силу власти митрополита автокефальной церкви Сербской» объявлял об аннулировании брака между королем Миланом и Наталией (урожденной Кешко). В качестве канонического обоснования развода митрополит смог привести лишь одну евангельскую заповедь «...и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах»⁶⁸³. Сторонники экс-митрополита Михаила сходились в том, что Теодосий не имел прав и никакой власти, ни по законам, ни по канонам, совершать развод⁶⁸⁴. Семейная история однако на том не окончилась – Наталия официально жаловалась в скупщину на высокородного мужа, называла его сумасшедшим, будучи уверен-

ной, что все радикалы в парламенте, армия и военные встанут на ее сторону,⁶⁸⁵ и в конечном итоге была изгнана из Сербии.

§ 6. Возвращение Митрополита Михаила и новые противоречия

В течении нескольких лет после отстранения митрополита Михаила *церковный вопрос* в Сербии был средством политической агитации в руках противоборствующих партий либералов и напредняков⁶⁸⁶. В 1886 г. русский посланник Персиани, писал о том, что в высших сербских кружках проявилась господствующая мысль *«о вынужденном сближении в скором времени с Россией и о возможности возвращения митрополита как последствию этого сближения»*⁶⁸⁷. В устах либеральной партии имя митрополита Михаила стало своеобразным символом борьбы с режимом короля Милана. Йован Ристич на одном из собраний Либеральной партии говорил: *«недалеко время, когда сербский народ снова поприветствует во главе церкви своего заслуженного архипастыря – митрополита Михаила»*⁶⁸⁸. В программу либеральной партии 1889г. входил пункт: *«партия считает своей обязанностью употребить всю свою силу ради того, чтобы в церкви возвратить законное состояние»*⁶⁸⁹. Переменилось и отношение радикалов к митрополиту – в эмиграции тот тесно сошелся с Николой Пашичем, вынашивая при поддержке русских славянофилов планы вооруженного переворота и устранения короля Милана от власти⁶⁹⁰.

В 1889 г. политические коллизии заставили короля Милана отречься от престола, и уже через месяц, в апреле 1889 г., взявшие при малолетнем короле Александре в свои руки власть наместники и либеральное правительство Савы Груича, несмотря на протесты Австро-Венгрии, позвали опального митрополита Михаила обратно⁶⁹¹. Митрополит был тепло встречен как либералами, называвшими его *«мучеником за нашу церковь и православие»*,⁶⁹² так и радикалами.

Но ситуация была весьма щекотливой – на челу церкви находилась новая иерархия, которую митрополит Михаил считал неканоничной, и как нечто само собой разумеющееся рассматривал ее скорейшую отставку и восстановление «законной» иерархии. Правительство желало «примирения» двух иерархий, а «неканонические» владыки Теодосий, Никанор и Димитрий пребывали в растерянности относительно дальнейших действий. Митрополит Теодосий писал епископу Димитрию 21 мая:

«Митрополит приехал. Кажется, нас обманывали. ...Нет тут никакого примирения. Они удивляются, что мы не сбежали. ...Я не пошел к митрополиту, так как не знаю, что будет, тем более, что слухи всюду неблагоприятные. Если ты знаешь больше, сообщи мне. Идут переговоры об отставке, как ты думаешь, надо ли дать отставку?»⁶⁹³

К чести митрополита Теодосия, епископов Никанора и Дмитрия, все обошлось без скандала⁶⁹⁴, и 28 мая 1889 г. указами наместников Й.Ристича, К.Протича и Й.Билимарковича, митрополит Теодосий по его просьбе был снят с должности и отправлен на пенсию, заодно с жичским епископом Никанором и нишским Дмитрием (тот по молодости лет на пенсию отправлен не был)⁶⁹⁵. Одновременно митрополит Михаил был возвращен «на управу Архиепископии Белградской и Митрополии Сербской, с которой был снят указом 18 октября 1881 г.»⁶⁹⁶

Вместе с этими указами было опубликовано письмо Теодосия, Дмитрия и Никанора министру просвещения, которым они объясняли причины отставки:

«Уважая причины, которые нам изволили сообщить, чтобы в интересах государственных было должно уступить свои места прежним архиереям, возвратившимся на родину, ценя мир и репутацию нашей святой церкви, которой мы должны служить с безграничной любовью и самопожертвованием, и наконец, что от нас требуется не только братская любовь, но и справедливость – архиереям, старшим нас и по посвящению и по опыту уступаем свои места, добровольно принимаем ваше предложение и ставим наши епископские кафедры на расположение Высокопреосвященному господину митрополиту Михаилу и его товарищам».

Перемена в иерархии была встречена духовенством «с воодушевлением и надеждами»⁶⁹⁷.

На том *церковный вопрос*, длившийся без малого восемь лет, завершился в пользу митрополита Михаила. Но эйфория от победы быстро прошла – политическая линия на уменьшение власти церкви сохранялась по-прежнему, хотя во главе правительства стояли друзья и политические соратники митрополита.

Одной из общественнорезонансных проблем, с которой пришлось столкнуться митрополиту Михаилу по возвращении, была необходимость урегулирования дела о разводе короля Милана и королевы Наталии, доставшегося в «наследство» от митрополита Теодосия. «Королева-мать», не желая мириться со своим унижением, обратилась в 1890 г. с жалобой в Архиерейский Собор, неожиданно нашедши поддержку епископов.

Собор под председательством митрополита Михаила актом от 16 июня фактически аннулировал развод, заключив, что «письмо г.Теодосия Мраовича, тогдашнего Митрополита о разводе брака их величеств короля Милана и королевы Наталии, незаконно и неправильно, так как противно существующему закону, и без всякой законной основы выдано»⁶⁹⁸. Естественно, решение вызвало гнев Милана, и регент Йован Ристич, чтобы замять дело, склонил митрополита выдать другой акт, о том, что «Архиерейский собор в полном составе на заседании, по поводу жалобы королевы Наталии из-за развода брака, единогласно решил, что не в его компетенции снова рассматривать уже решенное и законченное дело»⁶⁹⁹. Однако на второй акт митрополит не поставил печать и не зарегистрировал его – эти формальности Михаилу пришлось исполнить, лишь когда в здании митрополии появился король Милан со своим адвокатом. Ми-

трополит сообщал Ристичу, что взял с короля слово не предавать огласке им полученное, дабы не будоражить общественность. Симпатии митрополита Михаила были на стороне королевы Наталии – но, ни солидарности в неприязни к Милану, от которого оба пострадали, ни любви обоим к России было недостаточно, чтобы идти на новый конфликт с королем и правительством. Позже Михаил писал Йовану Ристичу в качестве оправдания: «наше духовное заявление не имело бы никаких последствий, кроме как успокоения совести верной христианки королевы»⁷⁰⁰. А Наталия перевела конфликт в сугубо политическое русло, втянув на какое-то время в свой спор с Миланом все власти Сербии – правительство, регентство и скупщину.

6.1 Проекты церковного законодательства

Естественно, что после возвращения митрополита встал вопрос о выработке нового закона о церкви. 1889 год вместе с обсуждением нового проекта закона о церковных властях принес и новые конфликты. Только на этот раз к вечному противостоянию митрополита Михаила и правительства прибавилась еще одна заинтересованная сторона – священники, наиболее активная часть которых была представлена в качестве депутатов народной скупщины. Разумеется, те не были заинтересованы в усилении церковной иерархии в стране. Радикальное правительство было вынуждено лавировать между интересами радикальных священников и церковных иерархов, ища компромиссное решение.

Представленный летом *1889 г. проект закона*, выработанной комиссией под председательством протоиерея Якова Павловича и под непосредственным руководством митрополита⁷⁰¹ полностью перекраивал облик сербской церкви – сербский митрополит прозывался теперь «экзархом всея Сербии», выбирали его на соборе, состоящем только из духовенства – епархиальных и областных епископов, архимандритов, протопресвитеров и главного и епархиальных икономов (эта должность вводилась впервые для контроля над финансами епархий). Выборный собор созывал теперь не министр, а старейший по хиротонии епископ, и на нем не дозволялось присутствовать никому, кроме короля и министра просвещения. Органы административно-судебного управления отдавались целиком и полностью под контроль епископов – вместо консисторий учреждались епархиальные синоды и высший церковный синод, председателем епархиального синода становился епархиальный архиерей, а церковного – экзарх, членами синодов назначались икономы и окружные протопресвитеры. Кроме обычных епархиальных епископов возникали новые, областные епископы, которых не планировалось вводить в состав Архиерейского собора.

Проект закона, передававший в руки архиереев не только управление над церковью и духовенством, но и административную, и всю судебную власть, сербские священники встретили, что называется, «в штыки», в один голос осудив «это чудовище от закона»⁷⁰². По мнению Алексы Илича, этот закон

«сделал бы иллюзорным все права гражданские, которые уставом и законами государственными признаны у духовенства. Священники поставлены бы были им в абсолютную зависимость и подчиненность власти архиерейской, и надо было бы отречься от своих гражданских прав ... и следовать тому направлению, которому принадлежит архиерей. Короче, священники лишены бы были всякой независимости и всех гарантий, которые ему дает сегодняшней закон»⁷⁰³.

В прессе поднялась шумиха против проекта закона, на министра просвещения посыпались письма с требованиями гарантировать священникам независимые суды. В самой церковной иерархии тоже нашелся голос против⁷⁰⁴ – архимандрит Никифор Дучич, исполняющий обязанности администратора жичской епархии отмечал в проекте ошибки канонического и юридического порядка⁷⁰⁵. Дучич направил свои замечания на проект закона, где предлагал выбросить слово «экзарх», которое вообще не имеет ничего общего с сербской традицией, полагая, что Сербии вообще не нужна никакая экзархия, а следовало бы провозгласить сербскую патриархию на день коронавания Александра и подготовиться к этому политически и канонически – договориться с восточными патриархами и русским синодом. Точно так же Дучич отмел необходимость областных епископов, которых так же никогда не было в истории сербской церкви, приходя к выводу, что с введением хороепископов (т.е. епископов без епархии) будет создан «епископский пролетариат». Также Дучич выступил против средневековой должности великого и малого икономов, совершенно ненужных в современных условиях. Епархийские суды (слово «синод» он посоветовал заменить) Дучич по-прежнему оставил в руках епископа, но вводил туда священника, посчитав, что суды должны быть независимы. В итоге, проект отозвали⁷⁰⁶, и по поручению и под руководством главы церкви, бывшим начальником министерства просвещения С.Сретеновичем при участии Никифора Дучича был выработан **новый проект закона**, и в апреле **1890 г.** был вынесен на обсуждение в Народную Скупщину, из ста депутатов которой 10 человек было священниками.

Первые серьезные столкновения в скупщине последовали уже вокруг обсуждения состава Архиерейского Собора (ст.9). Множество депутатов (в том числе и священников) не устраивало, что только архиереи будут определять политику церкви. Радикал прота Милое Барьяктарович потребовал ввести в состав собора представителей «из народа» – протоиереев от каждой епархии и двух архимандритов⁷⁰⁷. Менее радикально настроенные депутаты (в частности, поп Марко Петрович) активно возражали: само название «Архиерейский Собор» по их представлениям подразумевало участие в нем только архиереев. Представитель правительства в скупщине – архимандрит Никифор Дучич – настаивал: по церковным канонам, и по конституции Сербии,

верховная власть принадлежит исключительно Архиерейскому Собору. Если бы в законе вместо «Архиерейского Собора» стояло «церковный синод», тогда туда могли бы входить и архимандриты и протопресвитеры⁷⁰⁸. В итоге, на голосовании предложение Милое Барьяктаровича о расширенном составе собора было забаллотировано и принята редакция правительства.

Следующее «недопонимание» возникло вокруг статьи о том, что Архиерейскому Собору для выборов епископа достаточно всего лишь двух голосов – председатель плюс один епископ (ст.13). Некоторые считали, что Архиерейский Собор не может быть устроен таким образом, чтобы два человека выбирали двух других епископов⁷⁰⁹. Поп Марко Петрович беспокоился как бы выбор не был навязан – при двух голосах фактическое решение будет только за одним митрополитом⁷¹⁰. Архимандрит Дучич разъяснял, что по церковным канонам два епископа могут избрать третьего – и это обычная практика⁷¹¹. В результате, скупщина приняла предложение Марка Петровича, и фраза была вычеркнута⁷¹². Примечательно, что во втором чтении проекта закона к этому вопросу вновь вернулись – предлагали, чтобы епископов, также как и митрополита, выбирал специальный Выборный собор⁷¹³. Предложение не нашло поддержки, и в конечной редакции закона статья гласила: *«Архиерейский собор может принимать важные решения, если присутствуют председатель (или его заместитель) и еще два члена»*.

Наступления на Архиерейский Собор со стороны скупщины продолжились – в частности, была взята под сомнение одна из важнейших прерогатив Собора – регулирование парохий (т.е. приходов) (ст.19). Один из депутатов, Тома Боичич высказал мнение, что вопрос о регуляции парохий – вопрос народный и настолько жизненноважный, что не может входить в надлежность церковной власти, а должен определяться гражданами того места, где парохия находится⁷¹⁴. Однако после дебатов статью оставили. Так же скупщина оспорила денежную плату архиереям⁷¹⁵. Велимир Кундович возмущался, что глава правительства получает 17 тыс. динар, а митрополит – 12 тыс. плюс 4 тыс. прибавки. Депутаты планировали значительно уменьшить оплату и приравнять в этом плане архиереев к государственным сановникам. Депутат Вича Радованович предложил выплачивать митрополиту зарплату сообразно с зарплатой министра, а епископам – как советникам. Часть депутатов полагала, что архиереи должны быть довольны своим жалованьем, ибо траты у них небольшие, – в отличие от священников те не имеют семей и им предоставляется бесплатное жилье (кто-то из депутатов высказал упрек: «живут в 40 комнатах»). Другая часть считала, что митрополиты и епископы занимают более высокое положение, чем кто-либо из государственных чиновников, имея огромные траты (архиереи занимаются благотворительностью, оплачивают многочисленные обеды и т.п.). Поп Марко Петрович заметил, что «под чужим господством и чужой верой», в частности, в Австро-Венгрии и в БиГ и на востоке, архиереи получают большую оплату, чем в Сербии (например, владыке Й.Штросмайеру австрийцы платили 300 тыс. форинтов), и епископы «могут лучше осуществ-

лять свою святую обязанность на ниве просвещения и на общую национальную пользу». Для того, чтобы епископы «отвечали своему великому долгу и на ниве просвещения и милосердия, и на национальной ниве» призывал: «не смейте им связывать руки!». В итоге плата митрополиту и епископам законом все же была уменьшена до 8.500 динар (с прибавкой митрополиту 4 тыс.), но во временных распоряжениях закона оплата настоящему митрополиту сохранялась в размере 10 тыс. (ст.244).

Но самое крупное завоевание скупщины и священников касалось духовных судов. До 1862 г. архиереям принадлежала и духовная, и административная, и судебная власть над священниками. Князь Михаил законом 1862 г. отобрал у архиереев судебную власть над священством, дав консисториям права гражданских судов. Но тенденция архиереев «подмять» под себя независимые духовные суды сохранялась. Архиереи, как писал прота Алекса Илич,

«хотя, ни много, ни мало, чтобы им дали неограниченную власть над священством. Господин митрополит хочет диктатуру. Он хочет, чтобы вершилась его воля, а не воля закона, чтобы закон церковный каждый год менялся по его настроению, чтобы судьи духовного суда работали так, как он распорядится или чтобы непослушных отстранить, чтобы пришли те, кто будет беспрекословно слушать своего архиерея, и по его приказу судить и вершить справедливый суд»⁷¹⁶.

Прота Милое Барьяктарович на заседании скупщины напал на архиереев, творящих беззакония *«по своей нам известной благости и праведности по отношению к священникам, особенно из тех политических лагерей, чьи цвета им не нравятся»*⁷¹⁷. Независимость судов скупщина в итоге отстояла – священники на собраниях епархиального священства избирали кандидатов в судьи обоих духовных судов, как и в председатели епархийских судов (председателя высшего духовного суда избирал Архиерейский Собор), а члены судов наделялись правами гражданских судей (ст.82, 103, 106).

Отстояли священники и свое право заниматься политикой – статья, запрещавшая заниматься мирскими делами, которые не отвечают священническому чину (правда, с оговоркой «не ограничивая их гражданских прав») была выброшена стараниями проты Милоя Барьяктаровича, который усмотрел в ней ущемление политических прав священников – участия в деятельности партий, политической агитации и пр. (ст.38 т.9)⁷¹⁸.

При рассмотрении проекта закона, и в первом, и во втором чтениях был затронут вопрос о юрисдикции епархиальных судов в рассмотрении брачных споров (ст.97). Неоднократно высказывалось предложение перенести эти споры в гражданские суды⁷¹⁹. Но при попытке депутата Велизара Кундовича объявить брак гражданским институтом⁷²⁰ все скупщинское духовенство единодушно воспротивилось. Архимандрит Никифор Дучич говорил, что брак – церковное таинство и пока оно является таковым, решение о разводе принадлежит духовным судам. Поп Марко Петрович⁷²¹ поддержал коллегу и апеллировал к Евангелию: брак – не гражданский институт, а христианский, т.к. его благословил Христос в Кане Галилейской и оттуда его проис-

хождение как таинства. Брак – не договор, основанный на свободной воле, который мог бы перестать действовать, как только прекратиться свободная воля, а лежит в рамках христианской заповеди «что Бог сочетал, того человек да не разлучает»⁷²².

Прота Милан Джурич провозглашая, что духовные суды были унаследованы «от наших дедов», как всегда пламенно ораторствовал:

«Если мы ценим единство нашей православной веры, установленное еще нашими предками, если хотим руководствоваться путем свободы и набожности, мы не смеем пойти другой дорогой и перенести в гражданские суды рассмотрение брачных споров, т.к. наш народ ... и Сербия, как Пьемонт на Балканском полуострове, не смеют позволить одним махом отпасть и отделиться от остальных своих братьев, с которыми мы должны состоять в единстве».

И опять взывал к седой старине и «прадедовским костям»:

«Разве мы хотим внести в нашу страну назаренство, по которому не смеет никто носить оружие? По которому не смеет никто убить врага, даже если он отнял у него и дом, и имущество, и детей, свободу и отечество его? Нет, господа, мы не смеем идти тем путем...»⁷²³

Обращалось духовенство и к аргументам нравственного характера – Дучич связывал духовные суды с сохранением морали сербского народа, а гражданские суды, по его мнению, «открыли бы двери» многим семейным несчастьям и обернулись бы бедой для детей и т.п.⁷²⁴ Милан Джурич называл перенесение брачных споров в гражданские суды «ударом по основе нашей общественной и семейной жизни» и приводил в качестве доказательства свой 25-летний опыт службы, за который к нему приходило множество людей, желающих развестись. Но их мирили и они благополучно продолжали совместную жизнь: «и те кто проклинал меня, что я не хочу их разводить через несколько лет благодарили меня». Прота резюмировал в конце: мы – маленький и раскиданный по свету народ и должны хранить мораль и духовную сторону жизни⁷²⁵. Разумеется, что при таком отпоре в скупщине, статью о рассмотрении брачных споров в церковных судах сохранили.

В целом, закон 1890 г. можно назвать в какой-то мере победой радикальных священников в Скупщине – они добились урезания прав епископов и относительной самостоятельности священников (духовные суды) при сохранении положения церкви в целом (рассмотрение браков в духовных судах). Архиереи со своей стороны отстаивали право безусловного выбора епископов и своей прерогативы утверждать общую политику церкви в согласии с министерством и без какого-либо вмешательства священников. Совершенно прав был Слободан Йованович, когда называл этот закон рожденным

«В столкновении противоположных устремлений митрополита Михаила и радикальной партии. Митрополит хотел такое церковное положение, по которому всю власть будут вершить епископы. Радикальная же партия имела опору в нижнем священстве.... Церковная политика радикалов не согласовывалась с епископско-олигархическими устремлениями митрополита Михаила. Если бы за митрополитом Михаилом не стояла бы Россия, радикальная скупщина не считалась бы с митрополитом; а так, она должна была щадить его чувства, и закон 1890 г. сделан частью по ее, частью по его вкусу»⁷²⁶.

Однако компромисс держался не долго – с приходом к власти консерваторов после государственного переворота короля Александра, в 1895 г. в церковный закон были внесены значительные изменения, направленные на усиление власти епископов внутри церкви. Вполне объяснимо, что политика ужесточения государственной власти и сосредоточения ее в одних руках при отказе от «народного (т.е. радикального) самоуправления» повлекла за собой и отказ от «народных основ» в церкви. Очевидно, что жесткое подчинение «младших» «старшим» и субординация в церкви более отвечала новым реалиям. Ст.103 о выборах в епархиальные духовные суды была выброшена и заменена статьей из закона 1862 г. – члены суда выбирались епископами и представлялись министру на утверждение, из ст. 82 был выброшен целый абзац касательно выборов священниками членов Великого духовного суда, а законом 1898 г. правительство Владана Джорджевича, проводившее «епископскую политику», в два раза увеличило плату архиереям.

6.2   *Конфликт митрополита Михаила с министром Андрой Николичем*

Возвращение митрополита было отмечено и новыми столкновениями с государственной властью: серьезный конфликт возник между митрополитом и министром просвещения и церковных дел Андрой Николичем в 1890–1892 гг. Природа нового конфликта крылась в старых причинах: диаметрально противоположном видении разделения сфер церковной и государственной власти. Митрополит, в голове которого все еще звучала византийская симфония властей, не желал мириться с очевидным фактом – государство смотрело на церковь глазами чиновника как на один из институтов государственной юрисдикции.

Первое разногласие возникло в связи с выборами новых епископов: на тот момент сербская церковь состояла лишь из митрополита Михаила и нишского епископа Иеронима и остро нуждалась в пополнении пустовавших кафедр. Правительство видело новым жичским епископом бывшего нишского владыку Димитрия из прежней Мраовичевской иерархии, против которого резко выступал Михаил. Митрополит Михаил был принципиально негативно настроен против введения в состав своей иерархии неканонических епископов. В письме к Ристичу, узнавши, что епископ Никанор хочет войти в состав новой иерархии, митрополит гневно обрушился на бывших владык:

«...напредняцкая иерархия нарушила каноны, а мы их защищали и страдали за них. А сейчас ложная, неканоническая, раскольническая иерархия хочет идентифицироваться с незапятнанной канонической, чтобы и эту незапятнанную, верную канонам иерархию замарать грязью. И это не вопрос личностей, это вопрос начал, канонов. Либо напред-

няцкие владыки – истинные, либо они неистинные; а раз они истинные, то не надо было их сбрасывать, но если они неистинные, тогда нельзя вводить их в союз с нами»⁷²⁷.

Архиерейский собор выбрал своего кандидата в епископы, но Андра Николич этого выбора не принял, устно предложив митрополиту ввести Димитрия в состав Архиерейского собора, что по мнению сербского первоиерарха противоречило всем церковным канонам – право избирать епископов имел только Архиерейский собор, а никак не светские власти⁷²⁸. Формально министр был прав – по закону о церковных властях конечное решение об утверждении епископа принимал король через представление министра, и вполне естественно, что еще на этапе выбора министр отклонил одну кандидатуру и предложил другую. В результате долгих переговоров, на жичскую кафедру был поставлен кандидат Архиерейского собора – архимандрит Савва, а Димитрия договорились поставить на тимокскую. Но кандидатура Димитрия снова вызвала жесткий отпор со стороны новой иерархии. Несмотря на то, что Андра Николич неоднократно призывал митрополита «не создавать трудностей» и придерживаться договоренностей, тот настаивал на своем, так что в конце вызвал краткий и гневный окрик со стороны министра «Извольте действовать по закону!»⁷²⁹

Конфликт с г.Андрой (как называли министра) заставил пойти митрополита Михаила на крайне рискованный шаг – подать прошение об отставке:

«... я хочу поднести прошение о разрешении меня от должности митрополита, – раз г.министр Андра одним актом уничтожает решение Собора, другим актом утверждает, что соборного решения не существует, а третьим актом ставит себя в церкви выше митрополита. Такой принцип, когда светская власть ставится в церковной управе выше нас, не отвечает ни канонам, ни закону. Мы быть в таком положении, когда нам г.министр приказывает, не можем. Того, что он в церкви хозяин, мы не можем допустить. Мы не можем вступать в борьбу и не будем ничем мешать действиям правительства. Поэтому мы решили отступить. Такие письма, какие нам пишет г.Андра, нам не писали и напредняки, которые нас прогнали.... Целый год прошел для меня как под непрестанной осадой, я не могу больше выдерживать борьбу. Поэтому за лучшее я прошу дозволения уйти».⁷³⁰

И хотя отставка митрополита все же не состоялась, конфликт так и не затухал – помимо кандидатов в епископы, правительство считало вправе иметь и ставить своих кандидатов в члены и председатели духовных судов, в ректоры Богословии, на место вероучителей в гимназии и школы – словом, во все церковные учреждения, финансируемые государством.

Михаил остро реагировал на вмешательство государственных чиновников в дела церкви, неоднократно официально выражая протест министру Андре Николичу и указывая на его «ошибочные поступки»⁷³¹. В 1891 г. митрополит писал Николичу, когда тот дезавуировал митрополичье распоряжение о разрешении от должности одного священника:

«Вам не достаточно было отнять у архиереев духовные суды и поставить их таким образом, словно они враги архиереям, – так вы еще ударили внутрь, по органам духовной власти, предписывая тем не слушаться архиерейских распоряжений. Исходя из этого, Вы можете и запретить служить литургию тому, кого назначил архиерей. В эдаком слу-

чае и при таких действиях, – когда вы свою надзорную функцию рассматриваете как управленческую, – вам не нужен ни митрополит, ни владыки – вы сами будете все и вся, и командуйте попами как знаете. Такой невидали и такого позора нигде нет. Вот наша горькая жалоба...

Я же хочу оставаться православным архиереем, хочу, чтобы и церковь сербская оставалась православной, а не раскольничьей. Поэтому требую, чтобы Вы не вмешивались в церковное управление, которое по закону и по канонам нам передано, и в котором не Вы наиболее компетентны, а мы. Я хочу и требую, чтобы младшие были поставлены в повиновение нам, старшим. Я хочу, чтобы вы не были защитником тем, кто рушит порядок и нарушает субординацию. Я хочу, чтобы вы приструнили чиновников, дабы те относились к нам пристойно, как к своим архиереям и старейшинам, а не оскорбляли бы своим вызывающим поведением»⁷³².

В ответ на эту жалобу, чиновник заверил, что касательно литургии, нет ни «повода ни причины предполагать подобное» – эти сугубо церковные вопросы находятся вне дискуссии. Однако относительно других дел министр настойчиво подчеркивал, что в церковной литературе известны три сферы дел: «дела чисто церковные – куда не вмешивается министр, чисто гражданские – куда не вмешивается митрополит, и церковно–гражданские, находящиеся в компетенции как министра, так и митрополита (и каждого только на основе закона)⁷³³, которые и могут являться предметом обсуждений.

Конфликт между митрополитом и министром выходил за рамки внутриведомственных разборок: глава сербской церкви неоднократно жаловался на Николича правительству – этого «*папу в Сербской церкви*», который по-диктаторски приказывает епископам, велит священникам не слушать своих архиереев, и тем самым расстраивает церковное управление, так что теперь стало «неизвестно, ни кто что должен делать, ни кто кого должен слушать и почитать»⁷³⁴.

Естественно, что недовольство независимостью духовных судов, на которые в первую очередь жаловался митрополит, было камнем в огород священников, чье растущее неподчинение архиереям становилось все большей проблемой – достаточно взглянуть на вызывающие заголовки статей Христианского вестника: «Новые беззакония высшей церковной власти», «Нападки архиереев на независимые духовные суды» и т.п. Так, владыка Иероним предлагал поставить вопрос: «признает ли государственное правительство церковные каноны, из которых проистекают права архиереев или не признает?» Он писал митрополиту, торопя его передать претензию правительству:

«готов ли ваш меморандум? Надо как можно скорее его передать, а то, или священники признают каноны, и это будет засвидетельствовано, или мы возьмем шляпу и пойдем домой. Иначе священники совсем одичают, потому, что если все будет идти так, как идет, не останется ни поборников в церкви, ни дисциплины церковной»⁷³⁵.

Митрополит в многочисленных жалобах высказывал ряд претензий к министру, который «мешает работе церкви и унижает ее достоинство», внося

«своим поведением и своими действиями по отношению к церковным великодостоиникам раздразняет между церковными властями и их органами; подстрекает младших на неисполнение своих обязанностей и обязанностей перед своим начальством; священство провоцирует на

непослушание церковным властям, что противно не только духу и канонам православной церкви и существующим законным актам, но противно и самому понятию об официальных порядках и действиях»⁷³⁶.

На конфликте сказывались и политические симпатии и антипатии – митрополит-либерал обвинял министра-радикала в партийной ангажированности: «...г.министр хочет радикализировать церковь. Поэтому он заполнил духовные суды радикалами, а от тех, кто не из их числа, взял письменное обязательство, что они будут, безусловно, слушать его и радикалов». «Церкви нельзя быть партийной, – продолжал митрополит, известный своими политическими амбициями, – поэтому собор архиерейский и конфликтует в своих действиях с г.министром; ибо собор отрицает, что церковь может быть либеральной, напреднячкой или радикальной, но только православной христианской церковью. Кроме того, конфликт происходит и от того, что г.министр свое право надзора рассматривает как управление и ведет себя так, как будто он призван управлять церковью, а Собор не согласен с этим, т.к. подчинять дела церкви светскому управлению ему запрещает каноны».

От имени Архиерейского Собора Михаил просил министерский совет королевства Сербии «сделать все что требуется, чтобы все противоречия, учиненные г.министром просвещения и церковных дел исправить согласно предложениям надлежных церковных властей и чтобы г.министру ... рекомендовать, что целесообразным найдете, с тем, чтобы в будущем такие случаи не происходили...». В противном случае Архиерейский собор считал своим долгом предупредить, что *«будет вынужден приостановить всякую свою деятельность, дистанцируясь тем самым от какой бы то ни было ответственности за последствия вмешательства в осуществлении его канонических и законных прав и архиерейских обязанностей в ...церкви»*.

Митрополит Михаил и владыка Иероним писали наместничеству на министра просвещения: *«г-н министр ставит себя выше Собора и он в официальном письме буквально заявляет, что он – высшая власть над митрополитом, что совсем неуместно и неответственно. Так как он не власть над собором, не судья владыкам и не их старейшина. В других странах министр помогает церкви и ее власти, а не тиранизирует ее и не давит на совесть архиерея»*⁷³⁷.

Новый конфликт митрополита и правительства Алекса Илич тут же окрестил *«митрополичьим кризисом»*, отмечая впрочем язвительно, что все это «личные капризы» митрополита, которого «не сможет удовлетворить ни одно правительство под солнцем»⁷³⁸. В результате своей несговорчивости и упрямства митрополит из-за несогласия с кандидатурами на должность епископа и председателя духовного суда ухитрился рассориться не только с министром просвещения, но и с главой правительства Н.Пашичем, и со скупщиной⁷³⁹. В конце концов, в 1891 г., тимокским епископом по предложению Михаила стал «компромиссный», третий кандидат, Ми-

лентий (Вуич), чье посвящение «как гром среди ясного неба...развеселило мирных обывателей»⁷⁴⁰.

Так закончилось острое противостояние предстоятеля церкви и правительства вокруг восстановления и пополнения «законной» иерархии. В 1893 г. к власти ненадолго пришло новое либеральное правительство, потом последовал государственный переворот, партийные лидеры были заняты правительственными перестановками: кабинеты министров сменялись с частотой раз в полгода (Андра Николич успел побывать министром еще год, в 1896–1897 гг.), а митрополит сосредоточился на приведении в порядок внутрицерковных дел, не оставляя при этом продвижение сербских национальных интересов вне границ Белградской митрополии – в Старой Сербии и Македонии, где православная церковь была главным орудием национальной государственной политики.

Через несколько лет, 5 февраля 1898 г., митрополит Михаил умер: похороны его были необычайно торжественны – все государственные учреждения и многие частные дома в окрестностях Саборной церкви, где происходило отпевание, были затянuty черным, торговые ряды не работали. В церкви присутствовали король Милан в красной генеральской униформе, король Александр и все королевские министры. Рядом с королем стоял русский посол и от имени императора принимал соболезнования, так что, по словам Перы Тодоровича выглядело, как будто покойный был не сербским митрополитом, а царско-русским представителем⁷⁴¹.

Вместе с митрополитом Михаилом ушла в прошлое пора отчаянной конфронтации руководства сербской церкви и государственных властей. Никто из последующих первоиерархов сербской церкви ни в XIX, ни в XX веке не посягал на прерогативы власти, ибо в отличие от митрополита Михаила, рассматривавшего все церковные вопросы сквозь призму политических интересов, его преемники не обладали такими властными амбициями и таким политическим авторитетом, как внутри Сербии, так и за ее пределами – в России. Изменения в законодательстве, имевшие целью направить активность архиереев в сугубо внутрицерковное русло и избежать в дальнейшем недоразумений между Архиерейским Собором и министерством просвещения, свели к минимуму возможность появления во главе церкви излишне независимого архиерея. При этом растущая зависимость церковных иерархов от государства своеобразным образом «компенсировалась» усилением власти епископов в самой церковной организации, что, прежде всего, касалось ограничения своеволия священников и некогда независимых духовных судов.

§ 7. Церковная иерархия в 1898 – 1905 гг.: митрополит Иннокентий и митрополит Димитрий

После смерти митрополита Михаила правительство столкнулось с проблемой подбора кандидата на митрополичью кафедру – на лицо была нехватка кадров высшей церковной иерархии, выбирать митрополита было не из кого. Один из упреков, высказываемых в адрес покойного предстоятеля сербской церкви – не смог подготовить себе преемника, как в свое время это сделал митрополит Петр. На тот момент в Сербии епископские кафедры занимали три действующих архиерея – тимокский Мелетий, жичский Сава и нишский Иннокентий⁷⁴². Еще два епископа мравичевской иерархии на пенсии, Никанор и Димитрий, формально являлись «неканоническими» и, следовательно, не имели права баллотироваться. В прессе звучали имена известного канониста Никодима Милаша и архимандрита Никифора Дучича, но те не были епархиальными владыками⁷⁴³, хотя для Сербии это никогда не составляло особой проблемы – церковные власти охотно хиротонисали нужного правительству кандидата во епископа, а потом и в митрополита, – но свободной кафедры для нового епископа не было.

Кандидатом правительства на пост митрополита стал нишский епископ **Иннокентий** (1840–1905), по выражению Перы Тодоровича, «русский человек, русский воспитанник и многолетний хорошо известный духовник двора»⁷⁴⁴. Это был тот самый протоиерей Яков Павлович – чиновник министерства просвещения и участник многих комиссий по выработке церковных законопроектов.

Яков Павлович был сыном влиятельного придворного протоиерея Йована Павловича, любимца князя Милоша, участника переговоров 1835 и 1859 гг. в Цариграде и посланника на Святоандреивской скупщине. Как писал русский консул Беляев

«Благодаря этому обстоятельству, Яков, хотя и неспособный, был ... послан по окончании Белградской семинарии в Киевскую Духовную Академию. Там, однако, нашли его недостаточно подготовленным и потому поместили сначала в Киевскую семинарию. Здесь он несколько дополнил свою подготовку, затем снова поступил в Академию, но все-таки кончил ее незavidно, без диплома и ученой степени, только получил свидетельство, что кончил курс как «любитель духовного просвещения».

Однако, имя отца, симпатии к их семье Обреновичей и партийные единомышленники (либералы) проложили ему дорогу»⁷⁴⁵. Он стал придворным священником, занимал пост ректора Богословии в 1874–1877 и 1886–1893 гг. и начальника церковного отделения министерства просвещения в 1880–1886 гг., а после смерти жены в 1892 г. постригся в монахи под именем Иннокентия⁷⁴⁶ и в 1894 г. был выбран епископом нишским вместо умершего владыки Иеронима.

15 февраля 1898 г. Выборным собором согласно ст.131 закона о церковных властях⁷⁴⁷ Иннокентий большинством голосов был выбран и утвержден королем Александром «Архиепископом Белградским и митрополитом Сербии».

Сразу после смерти митрополита Михаила встал вопрос о примирении церковных иерархий – «неканонической» мравичевской и «канонической» митрополита Михаила. Настоянием министра просвещения Андры Георгиевича было достигнуто соглашение между епископами одной и другой иерархии⁷⁴⁸. Впрочем, со слов митрополита Иннокентия русскому дипломату, «этого примирения желал с давних пор сам почивший митрополит Михаил, особенно много занимавшийся этим вопросом за последние дни своей жизни», о чем свидетельствовали постоянные и дружеские сношения, которые митрополит Михаил поддерживал с одним из отстраненных епископов – Никанором Ружичем. «Таким образом, можно с положительностью утверждать, – заключал дипломат в донесении, – что примирение состоялось не вследствие того, что митрополит Михаил не стало, а лишь по приличному поводу его кончины – *Post hoc non propter hoc*»⁷⁴⁹.

Примирение иерархий было сделано не лишенным изящества способом – королевским указом от 19 февраля 1898 г. митрополит Иннокентий награждался орденом Белого Орла 3 степени, епископ Жичский Сава – орденом Таковского креста первой степени, а орденами Белого Орла пятой степени – тимокский епископ Мелетий, владыки Димитрий и Никанор⁷⁵⁰. Таким образом, епископы «мравичевской» «неканонической» иерархии узаконивались и ставились на одну ступень с «каноническими» владыками. На опустевшую нишскую кафедру в марте был поставлен Никанор (Ружичич), а после изменения закона о церковных властях 29 июля, которым была образована новая, пятая епархия – шабацкая⁷⁵¹, епископом в ноябре того же года был избран Димитрий⁷⁵². Тем же законом правительство увеличивало денежное содержание архиереям – митрополиту определялось 15 тыс. динаров ежегодно плюс 7,5 тыс. надбавки, а епископам по 10 тыс. плюс 1 тыс. динаров дополнительно.

Примирение иерархии состоялось, но мирного состояния в церковь, к сожалению, не принесло. С самого начала выборы оказались омрачены шумихой, поднятой прессой против нового митрополита – при детальном подсчете голосов оказалось, что 25 проголосовавших из 38 человек не составляют необходимых по закону двух третей. Недостающая треть голосов позволила высказать сомнение в законности выборов⁷⁵³. Атака священников на церковных иерархов продолжилась с новой силой – персона митрополита Иннокентия, состоявшего всегда «при власти» и лишённого авторитета и личных добродетелей предшественника стала удобной мишенью для нападок.

Шутники опубликовали «Письмо митрополита Михаила с того света новому митрополиту Иннокентию», в котором обвиняли митрополита в развале церкви: «сегодняходишь в митрополию все равно как в какой-то притон. Кроме одного кретина в мантии никого в митрополии после меня не осталось» и нелестно намекали на «достоинства» нового митрополита: «...если ты, на несчастье, опьянен неожиданным возвышением твоим и почестями, которые тебе оказывают (а ты, между нами говоря, всегда был падок на это) и не можешь увидеть настоящую действительность и пользуешься этим моментом – тогда ты, чадо мое, в большом заблуждении...»⁷⁵⁴.

Не был секретом облик нового митрополита и для русской дипломатии, по мнению которой, тот –

«Не особенно образованный, хотя и окончивший Киевскую Духовную Академию, ...всегда отличался слабостью, пристрастием к придворной жизни и оппортунистическими наклонностями в сфере политической, вследствие чего нередко, при постоянных переменах в сербских режимах и программах деятельности, вытекали не особенно достойные и тактические последствия»⁷⁵⁵.

Серьезный повод для обвинений нового митрополита не заставил себя ждать – молодой король Александр задумал жениться. Невеста была бывшей фрейлиной королевы Наталии – зрелой, побывавшей замужем дамой, с соответствующей безупречной репутацией и на двенадцать лет старше жениха. Против такого мезальянса, вносящего дисгармонию в и без того нестабильную политическую систему Сербии были настроены решительно все – начиная от родителей Александра (короля Милана и королевы Наталии) и заканчивая правительством и армией. Консервативная в подобных вопросах Сербия негативно отнеслась к перспективе видеть в качестве своей королевы вдову горного инженера Драгу Машин.

Однако Александр Обренович, как и его отец Милан, в амурных делах был упрям и, манкировав интересами государства, 8 июля 1900 г. обратился письмом к митрополиту Иннокентию с просьбой дать благословение на брак с Драгой Машин *«по велению ... сердца»* и предупредил, что отказом тот поставит его *«в безвыходное положение»*⁷⁵⁶. В своем ответном письме митрополит вспоминал о сообщенной им накануне оценке церкви, которая считает брак с женщиной много старше неподходящим и о том, как сербский народ смотрит на второй брак, упомянув при этом и причины *«государственного характера, с которыми надо считаться, когда государь вступает в брак»*; вспомнил, что посоветовал тогда молодому королю послушать совета родителей. Однако сейчас, ссылаясь на слова Александра о том, что для него нет другого выхода, кроме как отречение или благословение, митрополит Иннокентий дает свое благословение: *«я вынужден с моей стороны не делать ничего противного авторитету престола, и потому данной мне от господина властью, мы даем вашему величеству архипастырское благословение за вступление в брак»*. По словам Живана Живановича, митрополит Иннокентий рас-

сказывал ему, как он всеми силами противился разводу, но когда король в личной беседе поставил альтернативу – благословение митрополита или отречение и воскликнул «выбирайте сейчас же!», тот ответил: «*я не для того митрополит, чтобы ниспровергать королей, и если я вынужден выбирать между отречением и женитьбой, тогда я дам благословение на второе*»⁷⁵⁷.

Все осуждали митрополита за такую мягкотелость и называли разрешение брака королю Александру крупной ошибкой⁷⁵⁸, которая стоила молодой королевской чете жизни и привела к гибели династии Обренович. Поведение митрополита Иннокентия после майского переворота 1903 г. тоже не прибавило очков главе сербской церкви – еще вчера митрополит утверждал: «все, что Сербия сейчас имеет – божий дар и завоевание божьих избранников – великих Обреновичей и народа сербского»⁷⁵⁹ и призывал –

«Мир и благословение Божье пусть до века осеняют освященную главу государя нашего и короля Сербии Александра ! Сердечная любовь и безграничная преданность сербского народа к миропомазаннику пусть ему вовек облегчает властительское бремя, и пускай Сербия и сербство почувствует и увидит, что милосердный бог хранит и помогает благословенному королевскому дому»⁷⁶⁰.

А уже на следующий день после переворота 29 мая Иннокентий с амвона, если верить Алексе Иличу⁷⁶¹, приветствовал убийц короля Александра словами – «... рука божия уничтожила тирана, благословляя и вознося благодарности христолюбивому воинству, спасшему Сербии от второго Нерона»⁷⁶². Но и в опубликованной речи митрополита присутствовали достаточно красноречивые слова о том, как в виду многих искушений, Сербия находилась на границе упадка, и тут «*Божье провидение послало нам короля*»⁷⁶³.

Такая политическая гибкость шокировала общественность – Иннокентий (Яков Павлович), будучи придворным священником, крестил покойного короля Александра и всем был обязан династии Обреновичей, а теперь без малейшей рефлексии участвовал в избрании короля Петра Карагеоргиевича, приветствуя в здании народной скупщины «внука славного Карагеоргия», клявшегося 12 июня на Евангелии и кресте «... всемогущим богом и всем самым святым и дорогим, ... хранить независимость Сербии и целостность государства и неизменно соблюдать государственную конституцию...»⁷⁶⁴.

Новая династия вспомнила подзабытого было Обреновичами знаменитого предка и произошла легкая смена акцентов – вместо легендарного Обреновича выплыла фигура легендарного Карагеоргиевича. Митрополит с удовольствием участвовал в такой легитимации владетельных прав нового короля – отслужил парастос на могиле Карагеоргия в Тополе⁷⁶⁵, служил литургию при встрече нового, 1904 года, который король Петр провел на могиле своего деда, открывши серию мероприятий, посвященных столетию восстания⁷⁶⁶. Новый король оказался весьма набожен – объезжал столичные церкви вместе с сыновьями, истово молился и своим примером «благотворно влиял на массы». Официальные издания разливали елей: «Его величе-

ство король Петр с целым своим возвышенным и светлым семейством после строгого поста и исповеди на Благовещение принял святое причастие в Соборной церкви из рук седого главы сербской церкви»⁷⁶⁷.

Апофеозом легитимации прав короля Петра, который пожелал признания своих не только исторических и наследных, но и божественных прав на престол, стала коронация 8 сентября 1904г. Религиозный чин коронации всенародно избранного короля должен был «освятить» и узаконить приставку *«по милости божьей»* к формуле *«по воле народа»*⁷⁶⁸ и давал возможность дистанцироваться таким способом от прежних сербских государей – никто из династии Обреновичей не короновался. Так Петр Карагеоргиевич, по выражению митрополита Иннокентия, из чьих рук новый монарх принял корону, стал *«первовенчанным королем обновленного независимого королевства Сербского»*⁷⁶⁹.

Однако с самим митрополитом Иннокентием дела обстояли не столь радужно – церковную иерархию обвиняли в коррумпированности и припоминали близость к Обреновичам: *«революция 29 мая покарала ... представителей испорченной и злосчастной политической системы, но не покарала их компаньонов в мантиях»*. В прессе развернулась целая кампания против митрополита Иннокентия – требовали освободить церковь «от этого недостойного человека»,⁷⁷⁰ описывая случаи мздоимства и рукоприкладства Иннокентия. Газеты и журналы красочно расписывали, как во дворе митрополии сушится женское белье и детские пеленки – в здании проживали дочь и зять митрополита⁷⁷¹. Смаковали подробности о том, что сыновья митрополита, так же живущие в здании митрополии, приводят проституток и устраивают оргии по ночам⁷⁷². Поползли слухи, что митрополит Иннокентий уходит на пенсию⁷⁷³.

В ноябре 1903 г. депутаты народной скупщины пришли в митрополию и заявили главе сербской церкви, что 36 народных посланников поднесли в скупщину запрос министру просвещения по его поводу, общий смысл которого сводился к требованию, чтобы митрополит был смещен как недостойный глава церкви. И минимум, что от него требуется сейчас – подать в отставку, дабы избежать официального запроса в скупщину, который передали депутаты⁷⁷⁴. Митрополита обвиняли в многочисленных злоупотреблениях властью, финансовых махинациях, продаже чинов и парохий, денежных поборах, расшатывании церковной дисциплины и наконец, нарушении конституции. Огласки и последовавшего за ним скандала избежать не удалось, текст запроса всплыл в прессе, а на газету Дневной лист, который перепечатал эти обвинения со своими комментариями, митрополит подал в суд за клевету. В 1904г. министр направил обвинения посланников в Архиерейский Собор, перед которым митрополит должен был давать объяснения, как и перед Вселенским патриархом, живо заинтересовавшимся происходящим. Митрополит вынужден был отвечать, скандал потихоньку замяли, не дав ходу разбирательству в скупщине, однако авторитет митрополита в глазах не только общественности, но и

духовенства настолько упал, что ему открыто предлагали отречься самому, «возвратив мир и покой в церковь»⁷⁷⁵.

По сведениям русского посланника в Белграде К.А.Губастова, все государственные деятели Сербии, в том числе и министры Пашич и Андра Николич, были солидарны в том, что Сербский митрополит был далек от того идеала, к которому должен стремиться иерарх его положения. Министр просвещения Андра Николич в разговоре с русским дипломатом открыто сетовал, что *«митрополит Иннокентий слаб, бесхарактерен и неспособный иерарх»*, впрочем, с горечью прибавляя, что *«едва ли не грустнее еще сознаться, что никто из наших архиереев не был бы способен заместить с честью нынешнего митрополита. Я думаю, что все же он между ними наиболее бескорыстный, добрый и незлонамеренный»*⁷⁷⁶.

Но нет худа без добра – 19 мая 1905 г. «митрополичий кризис» разрешился сам собой – владыка Иннокентий отошел в мир иной. Некрологи были неутешительны – втиснутый внизу второй страницы центральной газеты Политика некролог звучал как приговор: *«женитьба короля Александра и 29 мая показали, что митрополит Иннокентий был человек слабой воли, который следовал за случаем и быстро подстраивался под все ситуации, были ли они полезны или вредны для страны»*⁷⁷⁷. А бывший министр иностранных дел Чедомиль Миятович писал: *«Бог смилостивился над сербской православной церковью, освободивши ее от первосвященника, который очевидно не проявлял сознательности и ответственности ни по отношению к ...господу Иисусу Христу, ни к церкви и народу своему. Бог смилостивился и над самим митроносным грешником, позвавши его пред престол своей правды»*⁷⁷⁸.

После смерти митрополита Иннокентия, как и пять лет назад, встал вопрос о выборе нового главы церкви. И опять достойных кандидатов среди епископов не оказалось, ситуация же в церкви была намного сложнее, чем в 1898 г. – в том «хаотичном состоянии» в церкви» нужен был человек, который бы мог встать на пути у «моральной анархии»⁷⁷⁹. «Политика» писала, что в Сербии нет никого, кто имел бы все качества, необходимые для митрополита, между тремя кандидатами газета не видела ни одного, кто бы выделялся между остальными: «как и в армии нету генерала, который бы в случае войны был бы главнокомандующим нашими войсками, так и между нашими сегодняшними епископами нет ни одного, кто бы своим именем и своим авторитетом импонировал всей стране и выборному собору»⁷⁸⁰. Вопрос о выборе митрополита был вопросом «не только церковным, но и государственным», – признавался некий бывший министр в интервью Христианскому вестнику⁷⁸¹, добавляя при этом, что «настоящее и самое большое несчастье состоит в том, что начало церковное оставлено, и при выборе митрополита преимущество имеют партийные интересы»⁷⁸².

Нехватка кадров в духовной иерархии заставила искать более достойных кандидатов вне Сербии. В прессе опять звучало имя Никодима Милаша, Австро-Венгерского подданного, к то-

му времени уже ставшего владыкой далматинским. Правительство и король Петр послали к нему ректора Богословии, проту Стеву Веселиновича с письмом короля и предложением стать сербским митрополитом. Но Милаш отказался, объяснив, что для него это слишком большая ответственность и он не знаком с реалиями Сербии и сербской церкви, и с клиром, припоминая: когда в 1886г. по приглашению короля Милана принял пост ректора Белградской Богословии, общественность так резко была настроена против, что он через год вынужден был возвратиться в Далмацию обратно⁷⁸³. В прессе ходили слухи, что под Милаша правительство было готово поменять закон о церкви (чтобы митрополит выбирался не только из сербских подданных и епископов королевства Сербии) и в случае нехватки времени устроить так, что ни один из кандидатов не пройдет, и должны будут состояться повторные выборы. Так и получилось.

14 августа на Выборном соборе в составе 50 чел. (на само заседание пришло 45 человек) никто из кандидатов не набрал необходимые две трети голосов. За шабацкого епископа Димитрия, который был назначен администратором митрополии как старейший по хиротонии, было подано 13 голосов, за жичского епископа Саву – 13 голосов, за нишского епископа Никанора – 12 и за тимокского Мелетия – 2. Пятеро из 45 человек не голосовали вообще – бумажки оказались пустыми, предполагали, что это глава правительства и председатель и зампреды скупщины, которые очевидно ожидали согласие Милаша⁷⁸⁴.

Если верить Алексе Иличу⁷⁸⁵, согласие Милаша, за кандидатуру которого были все члены Выборного собора, кроме либералов, все-таки было получено. Однако это не устроило ни епископа Димитрия, ни других архиереев, недовольных перспективой, что ими будет руководить иностранец⁷⁸⁶, и епископа Савву уговорили отдать свои голоса за Димитрия.

Дело осложнилось как всегда переменой правительства – вместо Пашича к власти пришла независимая партия с Любой Стояновичем во главе. С новым правительством была достигнута договоренность о кандидатуре Милаша. Но после следующего заседания Выборного собора 18 августа⁷⁸⁷, когда епископ Сава отказался в пользу Димитрия⁷⁸⁸ и тот набрал необходимые 27 голосов⁷⁸⁹, Л.Стойнович неожиданно, вопреки соглашению, принес королю на утверждение указ о поставлении Димитрия митрополитом, чем несказанно удивил короля Петра. Стоянович заявил, что у правительства множество более важных дел, чем выборы митрополита, и если король не согласен с таким выбором, «пусть примет нашу отставку». Король после долгих раздумий и советов с бывшим министром просвещения Андрой Николичем указ подписал, хотя какие-то вести о том, что правительство не хочет подносить на подпись королю указ о поставлении Димитрия, т.к. это не его кандидат, в прессу все-таки просочились⁷⁹⁰.

Любопытно, как комментировали выборы сербы с «австрийского» берега: прота Димитрий Руварац, издатель официального органа Синода Карловацкой митрополии – газеты Сербский Сион, сообщал своим читателям, что Димитрий своим избранием обязан мудрому реше-

нию епископа Саввы, который в пользу него отказался от своих голосов и уговорил своих избирателей голосовать за Димитрия, тем самым оказав великую услугу сербской церкви, сняв с повестки дня «митрополичий вопрос». Ответственность за сегодняшнее состояние церкви по мнению Дм.Руварца всецело лежит на митрополите Михаиле, который будучи политиком и собирая вокруг себя только своих «партизан» был «слабым иерархом» и за 30 лет своего митрополитства не смог организовать нормальную церковную иерархию, чтобы члены выборного совета, «голосуя сегодня против всех кандидатов красноречиво не свидетельствовали тем самым, что ни один из кандидат не дорос до такой высокой должности и не достоин звания митрополита»⁷⁹¹.

Как бы то ни было, **19 августа 1905 г.** указом короля Петра епископ шабацкий **Димитрий** был поставлен «за Архиепископа Белградского и Митрополита Сербии»⁷⁹².

Новый митрополит Димитрий Павлович (1846–1930) закончил Богословию, женился, был рукоположен, и с 1870г. состоял капелланом при тесте – сельском священнике, но после смерти жены решил дальше продолжить образование, приехал в Белград, где и остался экономом при Богословии, в 1874–75гг. посещал лекции на философском факультете, потом в 1882г. стал профессором Богословии⁷⁹³, а в 1884 г. внезапно выбран нишским епископом, незадолго до того приняв монашеский постриг. В 1889 г. после возвращения митрополита Михаила Димитрий был отправлен в отставку и какое-то время жил в Париже, посещая там лекции по философии; в 1895г. вернувшись в Сербию, был назначен государственным советником, а после смерти в 1898г. митрополита Михаила, избран шабацким епископом. В такой ничем непримечательной биографии «попа Миты», обычного сельского священника без высшего образования, никак нельзя было угадать будущего первого Сербского патриарха объединенной сербской церкви.

Реакция русской стороны на нового митрополита была весьма сдержанной. В Москву сообщали, что «выборы прошли довольно спокойно, при сравнительном равнодушии населения и ... без особого давления со стороны правительства». Митрополит Димитрий был охарактеризован нашими дипломатами как, хоть и пользующийся репутацией человека нравственно безукоризненного, но до сих пор ничем выдающимся себя не засвидетельствовавший:

«Его считают человеком непостоянным, к тому же не особенно умным и образованным, и смотрят на него как на креатуру Ст.Новоковича⁷⁹⁴. Определенных политических убеждений митрополит Димитрий не имеет, но предшествующая деятельность его дает некоторые основания считать его приверженцем партии напредняков, – доносили из Белграда в Петербург, – в общем, новый митрополит по своему нравственному облику сильно напоминает покойного митрополита Иннокентия, значительно, впрочем, уступая последнему талантами. Едва ли при таких обстоятельствах ему удастся внести столь желательное и единодушно указываемое общественным мнением обновление в быт Сербской церкви»⁷⁹⁵.

Церковь новый митрополит принял в весьма жалком состоянии. Печатный орган Объединения священников, Вестник СПЦ, писал, что новый митрополит принимает от своего пред-

шественника тяжелое наследие, «всюду господствует распад, гниль, хаос» и констатировал – «без всякого преувеличения можно смело сказать, что в церкви сегодня мало, что находится на своем месте» и что в священниках *«отчаянная борьба за существование свое и своих семей, протекция и произвол убили всякую волю и желание к пастырской ревности и у молодых и у старых. Всюду апатия, равнодушие и небрежность»*⁷⁹⁶.

Митрополит Димитрий начал свою деятельность в качестве главы церкви с попытки примирения епископов и священников, добиваясь, «полного единства между иерархией и священниками»⁷⁹⁷. Новый первоиерарх заявил правлению Объединения священников, что хочет заключить с ними соглашение «по всем вопросам, касающимся церкви и духовенства»⁷⁹⁸, дабы вернуть порядок в церковь, и что он готов пойти на реформу церковного законодательства и дать священникам больше прав в части управления церковью. Примирение вроде бы состоялось – прота Алекса Илич по просьбе Димитрия даже на несколько лет перестал издавать свой журнал Христианский вестник, известный резко негативным настроением против епископов.

Но правление Объединения священников, поняв намерение митрополита слишком буквально, решило предложить свою кандидатуру на вакантную кафедру шабацкой епархии, однако Архиерейский собор предложение естественно отклонил, и епископом избрали архимандрита Сергия, настоятеля подворья в Москве⁷⁹⁹. Кандидатура собора оказалась крайне неудачной – за ряд проступков в 1907 г. собратья-архиереи владыку Сергия наказали отлучением от совместной трапезы, от шабацкой епархии и шестимесячной епитимьей в монастыре Каленич⁸⁰⁰. Случай в новой истории сербской церкви был беспрецедентным, и владыка Сергей стал одиозной фигурой, особенно в кругах социал-демократов⁸⁰¹, против которых наиболее рьяно выступал. Депутат-социалист Триша Канцлерович в 1910 г. в скупщине требовал отделить государство от церкви, которая оказывает неморальное влияние на народ, а в качестве иллюстрации приводил пример епископа Сергия, который в монастыре Раковица на сборе антиалкогольного общества напился пьян, и чье бездыханное тело ученики транспортировали на себе в келью. Епископу ставили в вину, что такое же аморальное поведение он распространяет всюду – ставит священниками отсидевших в тюрьме, находящихся под следствием, любителей женского пола и т.д.⁸⁰²

В подобных же проступках общественность обвиняла и епископа Никанора (Ружичича)⁸⁰³ – злоупотребление властью, распущенность, безнравственность, богохульство. Русский консул А.К. Беляев в 1906 г. характеризовал владыку так:

«Что касается нравственного облика Преосвященного Никанора, то в этом отношении, к сожалению, приходится про него сказать только дурное. Кроме слабости к прекрасному полу, он пристрастен к деньгам до такой степени, что даже брал взятки. Политических убеждений у него нет, и он так же, как и митрополит Иннокентий, «менял свою шкуру» всякий раз, как только это представит для него какую-нибудь выгоду»⁸⁰⁴.

Его деятельность стала предметом серьезных разбирательств на уровне министерства просвещения и скупщины, так что в 1911 г. Архиерейскому Собору пришлось от греха подальше отправить владыку на пенсию, предварительно созвав врачебную комиссию, которая констатировала, что епископ не может исполнять свои обязанности вследствие «паралича мозга»; на что епископ Никанор подал жалобу в госсовет и требовал аннулирования указа об отправке на пенсию и возвращения епархии. Ходили слухи о личной неприязни митрополита Дмитрия к владыке Никанору, чем и было вызвано такое решение собора⁸⁰⁵.

Не сходявшая почти двадцать лет со страниц печати тема противостояния церкви и власти сменилась в начале XX в. более злободневными сюжетами – скандальными архиерейскими историями, становившимися предметом дебатов и в народной скупщине, и в самом архиерейском соборе. Все внимание и все силы митрополита Дмитрия и церковных верхов были отданы разрешению перманентно возникающих скандальных ситуаций внутри самой церкви и извечным противостоянием со священниками. Так, на общем фоне все более падающего в глазах общественности авторитета церкви и все более громких голосов о необходимости отделения церкви от государства, архиереи, потерявшие свой политический вес и престиж, ушли с «ринга» большой политики.

§ 8. Новые законодательные инициативы

Вокруг выработки обещанного митрополитом Дмитрием нового проекта закона о церковных властях опять возникли споры и непреодолимые разногласия. В этой связи интересно видение протоиереем Стевой Веселиновичем, известным богословом, ректором Белградской семинарии, конфликтной ситуации между государством и церковью –

«Управляющая церковная иерархия ... была напугана вторжениями светской власти в сферу церковных дел, а управляющие государственные круги – независимостью церковной иерархии, священники же – так называемой централизацией государственной власти. Власть не была удовлетворена тем, что с началом нового церковного законодательства в нем господствовала крайняя неоднозначность в определении отношений церкви и государства и эта неоднозначность шла властям на пользу. Власть хотела сильнее подчинить церковь и клир государственному руководству и заставить соблюдать чиновничью субординацию»⁸⁰⁶.

В 1907 г. соглашением между церковными и государственными властями была предпринята очередная попытка подготовки проекта закона о церковных властях «с оглядкой на новые идеи и стремления к реформированию церковного устава». Министерство планировало при участии представителей церкви разработать новый проект на основе закона 1890г., с изменениями и дополнениями согласно новой конституции⁸⁰⁷. Действующий закон, помимо его несо-

ответствия «духу времени» и противоречия конституционным началам, оставлял священникам слишком мало самостоятельности и участия в управлении церковью. Основные претензии высказывались: к зависимости духовных судов от епископов; к возможности махинаций с выдачей парохий и перемещениями священников на усмотрение архиерея; к составу Архиерейского собора, который не был гарантией принятия решений в интересах всего духовенства (священники требовали ввести в него пять священников, определяемых на выборах от каждой епархии).

*«Возврат уставных начал в закон о церковных властях и внесение новых положений в закон, – по мнению Веселиновича, – должны привести к тому, что священник будет поставлен в естественные условия по отношению к пастве, церковным и государственным властям...»*⁸⁰⁸ Ст.Веселинович предлагал учредить новый орган – церковный совет, как высший орган церковного управления, куда бы кроме епископов и 5 священников вошли еще 5 человек специалистов – теологов, экономистов, юристов. В ведении церковного совета находилось бы церковное имущество, контроль над доходами, контроль за кандидатами в епископы, разработка программ для богословских школ. Совет представлял бы Архиерейскому собору мысли относительно регуляции новых парохий и улучшения отношений между духовенством и другими государственными институтами⁸⁰⁹.

Однако проект закона, выработанный правлением Объединения священников положили в долгий ящик – правительству оставалось неясным, нужен ли вообще новый закон как таковой, (в частности, в 1910 г. вместо принятия нового закона предлагали ограничиться упразднением духовных судов, а все бракоразводные дела передать в гражданские суды)⁸¹⁰. Вслед за проектом закона о церкви туда же отправился проект закона о регулировании положения священников, выработанный правлением в 1904г. и гарантирующий духовенству систематическую ежегодную заработную плату. Проект был исправлен на священнической скупщине и на заседании Архиерейского собора, затем передан в министерство просвещения и в 1905 г. направлен министерством в госсовет, а оттуда в 1907 г. передан в парламент, где и был похоронен.

В том же году правительство пыталось предпринять действия по переподчинению церковного отделения министерства просвещения, отдав его в ведение министерства юстиции. Членам Архиерейского собора из министерства просвещения был направлен акт с просьбой высказать свое мнение о проекте – вывести церковь из-под юрисдикции министерства просвещения и отдать в министерство юстиции. Все епископы, как один, были против, аргументируя протест традиционным, еще со времен Св. Саввы, сосуществованием института церкви и школы⁸¹¹. Духовенство весьма прозорливо расценивало это как подготовку к осуществлению *«той программы, главная цель и направление которой – постепенно отстранить церковь от государства и облегчить путь к ее отделению от государства»*⁸¹².

В 1910 г. Архиерейский Собор представил министерству свой проект закона⁸¹³, настолько расходящийся с интересами священников⁸¹⁴, что даже далекий от совершенства Закон 1890 г. казался теперь более приемлемым. Законопроект продолжал тенденцию узаконения власти епископов в церкви – суды ставились под контроль архиереев и их место сводилось «к положению архиерейской канцелярии» (членов епархиального суда выбирал епархиальный архиерей и поставлял король по предложению министра (ст.121), а членов великого духовного суда представлял митрополит, и также утверждал король по предложению министра (ст.104)). Тем же законом в два раза увеличивалась плата архиереям – митрополиту до 30 тыс., а епископам до 15 тыс. динар. Попытались архиереи избавиться и от излишнего вмешательства светских властей в дела церкви – в случае пустующей митрополичьей кафедры, Архиерейский Собор не мог быть созван ни по каким вопросам, кроме касающихся выбора митрополита (ст.9). Тем самым епископы подстраховывались от вероятного протаскивания властями на место митрополита своего кандидата «со стороны», делая невозможным в тот момент выбор новых епископов из вчерашних священников, архимандритов или не принадлежащих к церкви Королевства Сербии епископов (как в случае с владыкой Никодимом Милашем во время выборов 1905 г.).

Еще одно свидетельство стремления церкви к самостоятельности – статья, согласно которой никакой закон о церкви и духовенстве не мог быть принят без «предварительного согласия» Собора (ст.30), что позволило некоторым противникам архиереев обвинить церковь в антиконституционных намерениях, ибо Собор подобными требованиями претендовал на законодательную власть, носителями каковой по конституции являлись лишь король и народная скупщина⁸¹⁵. В действующем законе и в законе 1862 г. ни о каком «согласии» собора речь не шла, – лишь о праве высказать свое мнение по поводу того или иного законопроекта.

Но навстречу священникам архиереи вынуждены были пойти, и узаконили т.н. «церковные собрания». Ст.169. учреждался «церковный совет», состоящий из двух канонистов, ректора богословии, шефа церковного отделения, секретаря великого духовного суда и пяти выборных от каждой епархии священников. Совет должен был вырабатывать проекты церковных распоряжений «в смысле решений Архиерейского Собора» по предложению митрополита (ст.175), а также имел право представлять собору свои соображения, способствующие «прогрессу церкви» (ст.171). Так же учреждались епархиальные, окружные и районные собрания, в надлежность которых входило вынесение решений по вопросам, касающихся «чистоты веры и христианской морали и репутации церкви и духовенства в народе» (ст.181). Церковный совет должен был созываться митрополитом, а епархиальные собрания – надлежным епископом. Окружные собрания созывал протопресвитер, районные – старейший по рукоположению священник района. Решения собраний, в первую очередь, рассматривались духовным судом, а потом подносились Собору – так, что весь демократизм новообразованных собраний практически сводился к нулю.

Суды находились в руках епископа, что заведомо исключало принятие предложений и законопроектов, не отвечающих интересам архиереев, а необходимость утверждения решений Архиерейским собором и вовсе дискредитировало всю идею священнической законотворческой инициативы.

Для рассмотрения проекта закона, министр Й.Жуйович образовал летом 1910 г. комиссию во главе со Стояном Новаковичем, однако не прошло и месяца, как Новакович отказался от председательства, письменно сообщив причины своего отказа. Он объяснял:

«Реформа основного церковного законодательства – одна из наиважнейших в Сербии. Для ее эффективности сначала нужно договориться королевскому правительству, которое хочет... произвести реформу, и Архиерейскому собору, который церковью управляет. Если правительство начнет реформу, вопрос в том, решит ли оно идти до конца (на случай, если Архиерейский собор не захочет с ним сотрудничать). ... Если Архиерейский собор начнет реформу – вопрос в том, захочет ли правительство следовать в его русле? И если они не придут к соглашению, пойдет ли правительство до конца? Кроме того, реформы вообще, а церковные особенно, не могут производиться ни с того ни с сего. Ибо реформа – это не остров в море сам по себе: она находится во взаимосвязи с остальной народной жизнью. Не вдаваясь в оценку сегодняшней моральной ситуации в Сербии, я не считал бы обстоятельства благоприятными для реформы. Если Архиерейский собор требует от своих подчиненных больше власти, вопрос – есть ли смысл давать ему ее, ибо может оказаться так, что Архиерейский собор не сможет распорядиться властью, находящейся у него в руках»⁸¹⁶.

В результате, закон, который должен был быть вынесен в 1911 г. на обсуждение перед скупщиной текущего созыва, так и не был представлен. Тем не менее, дела вокруг закона о церкви, хоть нехотя, но обсуждались в парламенте – в частности, в 1911 г. Алекса Ратарац предлагал возвратить закон 1890 г.⁸¹⁷ и активно направлял господину министру запросы о существующем законе как противоречащем конституции⁸¹⁸. А в июне 1912 г. известный священник и народный трибун Милан Джурич на заседании народной скупщины вопрошал министра просвещения, готов ли Закон о церковной власти и когда он будет вынесен перед Скупщиной. Ибо принятия нового закона вместо сегодняшнего, действующего во вред священству, «императивно требуют интересы государства и церкви»⁸¹⁹. Законопроект, по всей видимости, был бы, в конце концов, вынесен на обсуждение депутатам, и после ряда компромиссных решений между правительством, архиереями, священниками и народными посланниками, как и 1890г., принят, – но начавшиеся балканские войны, а потом и первая мировая пресекали эту законотворческую деятельность. Хотя еще в 1914 г. священники не теряли надежды получить современный закон о церковных властях для «правильного регулирования» прав и обязанностей священников и отношений между церковью и государством. Сербские служители алтаря были уверены в том, что «великие и тяжкие задачи», ожидающие сербскую православную церковь в будущем, благоприятно могут решиться только при урегулированном церковном положении⁸²⁰.

Неудачные попытки выработать современное церковное законодательство и сравнительно вялое обсуждение этих законопроектов в скупщине свидетельствовали об отсутствии на по-

литическом сербском Олимпе серьезных игроков, заинтересованных в пересмотре церковного закона и обладающих таким сильным лобби, как, например, митрополит Михаил, или такой авторитарной политической властью, как король Милан или Александр; ровно, как и об отсутствии церковных вопросов государственного значения, решение которых требовало вмешательства правительства. Все указывало на то, что *церковный вопрос* в той острой форме, какую можно было наблюдать последние несколько десятилетий, ко времени митрополита Димитрия был снят с повестки дня. Церковная тема постепенно сходит с первых страниц газет и перестает будоражить умы общественности. Балканские и первая мировая войны сделали и вовсе несвоевременной кампанию церкви за свои права, сместив интересы и деятельность церковной иерархии и духовенства в русло национально-освободительной борьбы.

***

В к. XIX – нач. XX вв. Сербия переживала болезненный процесс установления новых взаимоотношений между государством и церковью. Доставшиеся в наследство от средневековых времен Османской империи связи требовали пересмотра в русле церковной политики западноевропейских государств, по чьим образцам строилось молодое сербское государство, у кормила которого становились сербские интеллектуалы – образованные в западном духе, они брали за эталон западную модель развития. Вслед за странами Западной Европы, Сербия должна была пойти по пути отказа от церкви как от легитимирующей основы государства. Резкое изменение экономического развития, конституирование основ государства, диктуемые Европой и Россией, и новые политические реалии, в одночасье вытолкнули Сербию в Новое время; но сербская православная церковь, не желая видеть произошедших перемен, оставалась верной средневековой традиции.

Защищая *status quo*, православная сербская церковь настаивала на своем историческом праве. Священники и монахи видели церковь «государствообразующей» структурой и были свято убеждены в том, что «сербская церковь породила сегодняшнее сербское государство»⁸²¹, а посему не желали перемены статуса сербской церкви, не спеша расставаться со своими привычками чрезмерного вмешательства в гражданские дела Сербии.

Другая причина противоречий церкви и власти – специфика политической борьбы, захлестнувшей Сербию с возникновением после 1881 г. трех ведущих политических партий – напредняков, либералов и радикалов, в чьей жесткой борьбе за власть участвовали и высшие церковные иерархи, и рядовые священники, темпераментно, подобно проту Милану Джуричу, заседающие в Народной Скупщине. Служители алтаря, получив народную трибуну для высказывания своего мнения, не только агитировали против своего брата-священника, принадлежавше-

го к другой партии, отнюдь не способствуя сплочению и без того излишне политизированного общества, но и открыто напали на церковную иерархию – сербских архиереев и митрополита, что уничтожало моральный авторитет церкви в глазах серба.

Сербская церковь очень быстро проиграла Kulturkampf государству: непримиримая и открытая вражда между архиереями и священниками, разобщенность в стане самих священников, занятых бурной политической жизнью, больше, чем церковными делами, не позволили духовенству ни выступить единым фронтом против государственной власти, ни выработать сколько-нибудь вменяемой положительной программы дальнейшего развития церкви, ограничься мечтаниями о восстановлении царства Душана. Не будучи, в отличие от римо-католической церкви, иерархически спаянной и сплоченной организацией, не приспособилась сербская церковь и к новым политическим реалиям, и вместо того, чтобы заняться лоббированием своих интересов в высших правительственных сферах, погрязла в партизанских «разборках». Не смогла церковь отойти от византийской модели и по-новому взглянуть на взаимоотношения между церковью и государством, все также видя свой идеал в «симфонии властей». С сожалением приходится констатировать, что противостоять вызовам «европейского» XIX века сербская церковь, привыкшая в условиях анархии турецкого времени к роли единственного легитимного представителя сербской нации, оказалась не в состоянии.

В результате государственной политики, к нач. XX в. сербская церковь не представляла самостоятельной политической силы. К голосу церкви переставали прислушиваться, а церковные иерархи перестали быть активными самостоятельными игроками на внешнеполитическом поле. В общем и целом политика, направленная на выдавливание церкви из политической сферы и сохранение контроля над высшей церковной иерархией, пережила этнически и религиозно гомогенную Сербию образца 1878–1918 гг. и получила свое второе издание в уже многоконфессиональном КСХС, а затем, и Югославии.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

⁴⁸⁸ См.: Зубац Д. Верски паритету држави с нарочитим обзиром на Краљевину Југославију. Докторска теза. Београд, б.г. [1933].

⁴⁸⁹ Флоровский Г. Империя и пустыня. Антиномии христианской истории [Электронный ресурс] http://www.krotov.info/library/21_flo/rovsky_007.html [08.09.2013].

⁴⁹⁰ К Римлянам 13:1

⁴⁹¹ 1–е Петра 2:13–15.

⁴⁹² Милаш Н. Православно црквено право. Мостар. 1902. С. 737–738.

⁴⁹³ Милаш Н. Православно црквено право. Мостар. 1902. С. 740.

⁴⁹⁴ Милаш Н. Православно црквено право. Мостар. 1902. С. 742.

⁴⁹⁵ Милаш Н. Православно црквено право. Мостар. 1902. С. 757.

⁴⁹⁶ Милаш Н. Православно црквено право. Мостар. 1902. С. 759.

⁴⁹⁷ Стенографске белешке о седницама народне скупштине за 1882г. Београд, 1882. С. 1965.

⁴⁹⁸ Видело. 9 јануара 1883.

- ⁴⁹⁹ См.: Андреева Л.А. Религия и власть в России. М., 2001.
- ⁵⁰⁰ Видело. 21 јануара 1883.
- ⁵⁰¹ Весник СПЦ. 1893, № 7. С. 799–800.
- ⁵⁰² Весник СПЦ. 1893, № 7. С. 804.
- ⁵⁰³ Весник СПЦ. 1895, № 2. С. 111.
- ⁵⁰⁴ Весник СПЦ. 1895, № 2. С. 108.
- ⁵⁰⁵ Станојло Т. Драгуљевић (1847–1926) [Електронни ресурс], <http://www.velikipopovac.rs/78-velikipopovac.html?start=5> [16.09.2013].
- ⁵⁰⁶ Весник СПЦ. 1893, № 4. С. 323.
- ⁵⁰⁷ Митровић Ч. О законодавним границама између цркве и државе. Београд, 1900. С. 5.
- ⁵⁰⁸ Митровић Ч. О законодавним границама између цркве и државе. Београд, 1900. С. 9.
- ⁵⁰⁹ Митровић Ч. О законодавним границама између цркве и државе. Београд, 1900. С. 13 .
- ⁵¹⁰ Митровић Ч. О законодавним границама између цркве и државе. Београд, 1900. С. 32.
- ⁵¹¹ Димитријевић Д. Црква и Држава. Поводом питања о одвајању цркве од државе. Нови Сад. 1919. С.4.
- ⁵¹² Димитријевић Д. Црква и Држава. Поводом питања о одвајању цркве од државе. Нови Сад. 1919. С.5.
- ⁵¹³ Димитријевић Д. Црква и Држава. Поводом питања о одвајању цркве од државе. Нови Сад. 1919. С. 11–12, 15, 30.
- ⁵¹⁴ Ђурић К. Црква и држава. Поводом питања о одвајању цркве и државе. Београд, 1923. С. III–IV.
- ⁵¹⁵ Троицки С. Проблем црквеног законодавства // Преглед цркве епархије нишке .1926. С. 71.
- ⁵¹⁶ Троицки С. Проблем црквеног законодавства // Преглед цркве епархије нишке. 1926. С. 77.
- ⁵¹⁷ Троицки С. Проблем црквеног законодавства // Преглед цркве епархије нишке. 1926. С. 81.
- ⁵¹⁸ Митриновић Ч., Брашић М. Југословенски народне скупштине и сабори. Београд, 1937. С. 54.
- ⁵¹⁹ Митриновић Ч., Брашић М. Југословенски народне скупштине и сабори. Београд, 1937. С. 58
- ⁵²⁰ Таблица основана на официјалних подацима, објављених у различитим годинама у газети *Српске новине* и зборнику статистичких података *Државни календар*. К сожалению, социјални састав свих народних скупштина Србије, изабраних у периоду од 1878 до 1912г., нам проследић не удало, но наведени статистички подаци дозвољавају у целим проилустрирати слику присуства духовенства у парламенту.
- ⁵²¹ Српске новине. 20 марта 1881.
- ⁵²² Српске новине. 18 априла 1881.
- ⁵²³ Крстић Н. Дневник: јавни живот. Књ 3. Београд, 2007. С. 297.
- ⁵²⁴ Јанковић Д. О политичким странкама у Србији XIX в. Београд, 1951. С. 195.
- ⁵²⁵ Јанковић Д. О политичким странкама у Србији XIX в. Београд, 1951. С. 184.
- ⁵²⁶ Несмотря на требования Пашича, высказанные еще в 1881г. об исключении церкви из государственной организации, программа радикалов «стыдливо» признавала статью устава 1869г. о государственной православной вере (Јанковић Д. О политичким странкама у Србији XIX в. Београд, 1951. С. 241).
- ⁵²⁷ Јанковић Д. О политичким странкама у Србији XIX в. Београд, 1951. С. 264.
- ⁵²⁸ Поповић–Обрадовић О. Парламентаризам у Србији. Београд, 2008. С. 242.
- ⁵²⁹ Поповић–Обрадовић О. Парламентаризам у Србији. Београд, 2008. С. 433.
- ⁵³⁰ Хришћански весник. 1893, № 1. С. 4.
- ⁵³¹ Хришћански весник. 1891, №№ 7 и 8. С. 147.
- ⁵³² Стенографске белешке о седницама народне скупштине за 1882г. Београд, 1882. С. 1964–1965.
- ⁵³³ Весник СПЦ. 1890, № 7. С. 666.
- ⁵³⁴ Весник СПЦ. 1890, № 7. С. 667.
- ⁵³⁵ Весник СПЦ. 1890, № 7. С. 670.
- ⁵³⁶ Весник СПЦ. 1890, № 7. С. 672–673.
- ⁵³⁷ Весник СПЦ. 1909, № 2. С. 121; Весник СПЦ. 1891, №№ 6–7. С. 481–486.
- ⁵³⁸ Хришћански весник. 1892. С. 445.
- ⁵³⁹ Хришћански весник. 1892. С. 446.
- ⁵⁴⁰ Хришћански весник. 1892, № 1. С. 51.
- ⁵⁴¹ Хришћански весник. 1892. С. 528.
- ⁵⁴² Хришћански весник. 1892. С. 527.
- ⁵⁴³ Весник СПЦ. 1909, № 2. С. 121.
- ⁵⁴⁴ Хришћански весник. 1893, № 2. С. 186.
- ⁵⁴⁵ Дневни лист. 1898, № 103.
- ⁵⁴⁶ Гласник СПЦ. 1911, № 22.
- ⁵⁴⁷ Стенографске белешке о седницама народне скупштине за 1895. Београд, 1896. С. 572.
- ⁵⁴⁸ Весник СПЦ. 1890, № 7. С. 686–688.
- ⁵⁴⁹ Весник СПЦ. 1910. С. 964–967.
- ⁵⁵⁰ Хришћански весник. 1910, № 11. С. 825–826.
- ⁵⁵¹ Перифраз из Матфеја 22:32 – Бог не ест Бог мртвих, но живих.

- ⁵⁵² Зборник правила, уредаба и наредаба архијерејског сабора православне српске цркве у Краљевини Србији (од 1839–1900 г.). Београд, 1900. С. 71.
- ⁵⁵³ Весник СПЦ. 1910, № 12. С. 1062.
- ⁵⁵⁴ Српске новине. 21 новембра 1898.
- ⁵⁵⁵ Весник СПЦ. 1910, № 12. С. 1062.
- ⁵⁵⁶ Српске новине. 19 јануара 1900.
- ⁵⁵⁷ Вестник СПЦ. 1902, № 1. С. 2–3.
- ⁵⁵⁸ Српске новине. 15 јуна 1903.
- ⁵⁵⁹ Српске новине. 6 априла 1891.
- ⁵⁶⁰ Документи по «Союзу трех императоров». [Электронный ресурс] <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/FOREIGN/3imper.htm> [13.08.2013].
- ⁵⁶¹ Ковачевић Д. Србија и Русија 1878–1889. Београд, 2003. С. 155; Самарџић М. Политика Србије према Бугарској и тајна конвенција 1881 године // *Zbornik Matice srpske za istoriju*. 2005, br. 71–72, str. 40.
- ⁵⁶² Биографију Митрополита Михаила см.: Димитријевић С. Михаило, Архијепископ Београдски и Митрополит Србије, као православно јерарх, Србин, Словен и неимар Југословенства. Београд, 1933.
- ⁵⁶³ О Митрополите Петре см.: Миличевић М. Успомене. 1831–1855. Београд, 1952; Илић А. Петар Јовановић Митрополит Београдски: његов живот и рад. Београд, 1911.
- ⁵⁶⁴ См. переписку Митрополита Петра и Милое Јовановича: *Гласник православне цркве у Краљевини Србији, 1907 № 15, № 16. С. 248–250, № 17. С. 267–269.*
- ⁵⁶⁵ Стојанчевич В. Улога Митрополита Михаила у помаганју ослободилачког покрета срба у Турској // Живот и дело митрополита Михаила (1826–1898). Београд, 2008. С. 96–97.
- ⁵⁶⁶ Илић А. Моји доживљаји. Београд, 1931. С. 64.
- ⁵⁶⁷ По воспоминаниям архимандрита Гаврила, заставшего Михаила у Митрополита Петра, тот сказал якобы: *«он мне горло режет и в тоже время пришел, циник, меня спросить, есть ли какой ответ от князя Милоша, к которому я обратился, чтобы меня защитил. А я не посмотрел на него и сесть не предложил. В самом деле, я все предполагал и ко всему был готов, но от него никогда такого не ожидал».* (Илић А. Моји доживљаји. Београд, 1931. С. 66).
- ⁵⁶⁸ Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије. Минхен, 1983. С. 34.
- ⁵⁶⁹ Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије. Минхен, 1983. С. 38.
- ⁵⁷⁰ Генрих Карл Хаймерле (Heinrich Karl Freiherr von Haymerle) (1818–1881) – австријски дипломат, учествовао у раду Берлинског конгреса, с 10.09.1879 – министар иностраних дела у правителству Андраши (см.: *Österreichisches Biographisches Lexikon und biographische Dokumentation 1815–1950, Bd. 2 (Lfg. 8, 1958), S. 227, [Электронный ресурс], <http://www.biographien.ac.at>, [13.08.2013]*).
- ⁵⁷¹ Ковачевић Д. Србија и Русија 1878–1889. Београд, 2003. С. 159; Војводић М. Митрополит Михаило и Стојан Новаковић // Живот и дело митрополита Михаила (1826–1898). Београд, 2008, С. 41.
- ⁵⁷² Ковачевић Д. Србија и Русија 1878–1889. Београд, 2003. С. 159.
- ⁵⁷³ Беньямин фон Каллај (Kállay de Nagy-Kálló, Béni) (1839–1903) – државни дејатељ Австро–Венгрии, представитељ конзервативних кругова, стороник Андраши во внешнеј политици. Генерални консул у Белграде у 1868–1875гг., у 1882–1903гг. замио пост министра финансио и соответствено држности – пост администратора Боснии и Герцеговины (см.: *Österreichisches Biographisches Lexikon und biographische Dokumentation 1815–1950, Bd. 3 (Lfg. 13, 1963), S. 196 [Электронный ресурс], <http://www.biographien.ac.at>, [11.08.2013]*).
- ⁵⁷⁴ Гаћеша Н. «Дневник» Беньямина Калаја (1868–1875) о Митрополиту Михаилу // Живот и дело митрополита Михаила (1826–1898). Београд, 2008. С. 210.
- ⁵⁷⁵ Војводић М. Митрополит Михаило и Стојан Новаковић // Живот и дело митрополита Михаила (1826–1898). Београд, 2008. С. 35.
- ⁵⁷⁶ Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије. Минхен. 1983. С. 40–41.
- ⁵⁷⁷ Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ. 2. Београд, 1934. С. 408.
- ⁵⁷⁸ Пузовић П. Нови епископи за време друге управе Митрополита Михаила Српском црквом // Живот и дело митрополита Михаила (1826–1898). Београд, 2008. С. 21.
- ⁵⁷⁹ Никоноров Д.В. Роль идей «Великой Сербии» и «Великой Болгарии» в балканской политике Российской империи в 1878–1908гг.: автореферат диссертации на звание кандидата исторических наук. Тверь: МГУ, 2004. С. 10.
- ⁵⁸⁰ Српске новине. 28 априла, 1881 г. Закон вступао у силу 1 јуна 1881г.
- ⁵⁸¹ Српске новине. 28 априла, 1881 г.
- ⁵⁸² Для сравнения цен – выдача загранпаспорта стоила от 3.50 до 5 динар, составление завещания – 10 динар, право держать кафану – 250 динар.
- ⁵⁸³ Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије. Минхен. 1983. С. 217–218.
- ⁵⁸⁴ Српске новине. 18 октобра 1881.
- ⁵⁸⁵ Српске новине. 18 октобра 1881.

⁵⁸⁶См.: АС. ПО–К–30/ 227. Письмо Митрополита Михаила от 27 сентября 1881г. госсовету, в котором он протестует против абсолютно незаконного на его взгляд решения министра просвещения о наложенном на него штрафе в 1800 динар, и просит госсовет его аннулировать как «противный закону».

История с игуменом продолжилась и после отставки митрополита Михаила: Теофил просил министра разрешения не платить налог в связи с тяжелым финансовым состоянием подворья. Министр на ходатайство ответил отказом, и Белградская консистория продолжала предъявлять претензии на уплату трехсот динар за игуменский чин. (АС. *Varia*. 1690. Письмо из Белградской консистории игумену Теофилу от 24 мая 1882г. № 2563).

В дело пришлось вмешаться новому администратору митрополии, епископу Моисею, который, спрашивая с игумена Теофила отчета о прошлогодней деятельности, обвинил настоятеля подворья в том, что его «...деятельность не отвечает ни интересам государства нашего, ни интересам самого монастыря»; потребовал разъяснить, почему тот игнорирует официальные письма об уплате таксы в 300 динар; почему держит в квартире пианино (!); а так же призвал объясниться относительно сказанных им слов московскому митрополиту Иоанникию, напечатанных в Московских ведомостях: «сербская церковь много страдала и от своих, и от чужих» (АС. *Varia*. 1699. Письмо епископа Моисея игумену Теофилу от 19 сентября 1882г. № 740).

Теофил резонно отвечал, что в своей работе он продолжает руководствоваться положением о подворье 1874г. за подписью митрополита Михаила, ибо до сих пор так и не извещен официально ни о административных переменах, произошедших в сербской церкви, ни о том, что Сербия получила статус королевства. От долга своего игумен не отказывался, жалуясь, что пока не имеет средств его заплатить. Никаких скандальных слов, которые может произнести только враг сербства, он не высказывал. Относительно же пианино, оказалась, что оно принадлежит квартиранту, уехавшему «в деревню». (АС. *Varia*. 1697. Письмо игумена Теофила от 27 сентября 1882г. № 19).

Епископу Моисею пришлось спешно официальным образом извещать настоятеля сербского подворья о произошедших переменах в руководстве церковью и посылать указания о том, как теперь поминать при чиннодействии главу государства, ставшего королем (на первой ектенье: «о благоверном государе и короле нашем Милане...», на сугубой ектенье: «еще молимся о благоверном государе и короле нашем Милане, о стране.... Еще молимся о супруге его благоверной, королеве Наталии по милости ...Еще молимся о престолонаследнике королевиче Александре по милости...») и на великом входе: «Благоверного и христолюбивого государя и короля нашего Милана и престолонаследника его королевича Александра да помянете...») Т.е. при чиннодействии глава церкви теперь не поминался) (АС. *Varia*. 1701. Письмо епископа Моисея игумену Теофилу от 4 октября 1882г. № 791).

В результате, игумен Теофил вынужден был послать краткий отчет о состоянии монастыря и финансовых расходах, а также требуемые деньги за чин. (АС. *Varia*. 1701. Письмо игумена Теофила от 14 октября 1882г. № 24; АС. *Varia*. 1704. Письмо игумена Теофила от 10 ноября 1882г. № 27).

⁵⁸⁷ Епископ Мојсеј. Црквено питање у Србији. Београд, 1895. С. 13.

⁵⁸⁸ Српске новине. 18 октября 1881.

⁵⁸⁹ 9 октября члены Архиерейского собора направили Милану Обреновичу письмо с просьбой «прислушаться к голосу ахипастыря сербской церкви, которая непрестанно молится Господу Богу за Ваше Высочество, за Ваш королевский дом, за державу и народ сербский».

Тон этого письма более приличествовал званию архиерея, однако тоже был весьма дерзким: «Собор не мог найти оправдания причин, по которым власть в вопросах и постановлениях, которые касаются церкви и ее священнослужителей, проигнорировала церковную власть. Тем меньше было причин для такого поступка, что церковные власти никогда не мешали развитию государственного регулирования, а напротив, всегда в этом оказывали свою поддержку.» (Канонска одбрана православне цркве у Србији. Београд, 1881. С. 46–51).

⁵⁹⁰ РГИА. Ф.797. 51. 300. Об отстранении сербского митрополита Михаила от администрации церкви. 1881г. Телеграмма от Персиани 16 октября 1881 г. Белград. Л.2.

⁵⁹¹ Српске новине. 18 октября, 1881г.

⁵⁹² Стенографске белешке о седницама народне скупштине за 1882г. Београд, 1882. С. 1964–1965.

⁵⁹³ Видело. 21 октября 1881 г.

⁵⁹⁴ Видело. 23 октября 1881 г.

⁵⁹⁵ Видело. 31 октября 1881 г.

⁵⁹⁶ В октябре 1881г. из либерального лагеря вышла любопытная книжица под названием «Семь смертных грехов Стояна Новаковича». Как следует из предисловия, написана она была по заказу Сербской независимости. Книга без подписи, но на экземпляре, оказавшимся в наших руках карандашом было приписано «Ефрем Илич».

Автор называет состояние сербской церкви «весьма жалостным, так как правительство сербское сделало в ней то, что никогда еще доселе ни султан в Цариграде, ни мадьяры в Воеводне не смели сделать.» В понимании серба, церковь и государство – две независимые параллельно существующие структуры: «как государство сербское – организованное общество, так и церковь сербская – организованное общество, с той самой разницей, что в основе церковной организации – сам Бог, а в основе государственной организации – человек; государство – светское, а церковь – духовное общество; уважение государственных порядков обеспечено, кроме прочего, и насильственными мерами, а церковные порядки – только вещь совести и веры....» (стр. IV).

Среди «семи смертных грехов» министра просвещения автор находит действия, направленные в целом против православной церкви, и тем самым нарушающие устава; отъем власти у архиерейского собора и судебной власти;

антиконституционные действия путем вмешательства во внутренние дела церкви; действия против основных начал церкви, против личной свободы сербских граждан и, наконец, злоупотребление властью.

⁵⁹⁷ Видело 15 ноября 1881 г., 22 ноября 1881 г., 2 декабря 1881 г., 4 декабря 1881 г., 6 декабря 1881 г.

⁵⁹⁸ Самоуправа. 3 ноября 1881 г.

⁵⁹⁹ Там же.

⁶⁰⁰ Там же.

⁶⁰¹ Црквено–хиерархиско питање у Србији с канонске тачке гледишта. Београд, 1883.

⁶⁰² Илић А. Моји доживљаји. Београд, 1931. С. 128

⁶⁰³ Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини 19 века. Књ. 2, Београд, 1924. С. 183.

⁶⁰⁴ В частности, Христианский вестник хоть и писал, что не может согласиться с проектом закона о церковных властях, т.к. им *«государственная власть хочет получить решительное влияние над действиями всех духовных властей, ... а это не может отвечать церковным установлениям»*, но во главу угла ставил ущемление прав священников: *«священству этим законом хотят ограничить самостоятельность и поставить в зависимость, с одной стороны, от архиерея, с другой – от министерства просвещения»*, а *«установлением дисциплинарных судов на место консисторий нисколько не гарантировано право священников... В те суды, чьи члены меняются каждые два года по воли тех, кто их ставит, скорее всего проникнут и разгорятся партийные страсти во вред вере и независимости священников»* (Хришћански весник. 1881. С. 189).

⁶⁰⁵ Крстић Н. Дневник: јавни живот. Књ 3. Београд, 2007. С.108–111.

⁶⁰⁶ Глава Азиатского департамента Н.К.Гирс инструктировал русского посланника в Белграде Персиани: *«сообщите князю, что меры, принятые правительством относительно сербской церкви и главы ее, произвели на Государя Императора самое тяжелое впечатление. Меры эти затрагивают такие основные начала и такие интересы, к коим Россия, как член православной церкви, не может остаться безучастно»* (РГИА. Ф.797. 51. 300. Об отстранении сербского митрополита Михаила от администрации церкви. 1881г. Гирс – Персиани. 24 октября 1881г. Л. 15.)

⁶⁰⁷ АС. МИД КС. ПО. 1881. Ф. 1. Д. 6. Д.Хорватович – Пирочанцу. СпБ, 29 октября 1881.

Хорватович считал, что *«Во всех сегодняшних волнениях глава – Победоносцев. Его влияние на императора, Синод и славянофилов – не тайна. Он – душа поднявшемуся вихрю...»* (АС. МИД КС. ПО. 1881. Ф. 1. Д. 6. Хорватович – Пирочанцу. 14 ноября 1881. Спб. № 107).

Впрочем, Хорватович был склонен демонизировать Победоносцева, преувеличивая его влияние на внешнюю политику России, открыто намекая на участие того в попытке покушения на короля в 1885г. (АС. МИД КС. ПО. 1885. Ф. 4. Д. 7. Хорватович – Милутину Гарашианину. 17 февраля 1885. Спб. № 6. Пов.бр. № 117.)

⁶⁰⁸ АС. МИД КС. ПО. 1882. Ф. 2. Д. 3. Хорватович – Пирочанцу. 1 января 1882. Спб. №1.

⁶⁰⁹ АС. МИД КС. ПО. 1881. Ф. 1. Д. 6. Ефрем Груич – Пирочанцу. 3 ноября 1881. Цариград; Грујић Ј. Животопис Јеврема Грујића. Аранђеловац. 2009. С.154–156.

Греческий посол в Цариграде заверял Груича в лояльности Патриарха и обещал поддержку, объясняя, что *«главное происходит в Петрограде, а не здесь; а больше всего – в русском Синоде»*.

Он полагал, *«что Патриархия не будет брать на себя инициативу, хотя и не может гарантировать, что Патриарх не поднимет этот вопрос. По крайней мере, на сегодняшний день, ни от митрополита Михаила, ни от Русского Синода не было заявления. И надо убедить митрополита Михаила не обращаться к Патриарху и работать в Петрограде над тем, чтобы русский Синод не делал заявления»* (АС. МИД КС. ПО. 1881. Ф. 1. Д. 6. Ефрем Груич – Пирочанцу 10 ноября 1881, № 95; АС. МИД КС. ПО. 1881. Ф. 1. Д. 6. Ефрем Груич – Пирочанцу 13 ноября 1881, №95.)

⁶¹⁰ АС. МИД КС. ПО. 1882. Ф. 2. Д. 3. Ефрем Груич – Пирочанцу, № 45. Цариград. 18 октября 1882 Пов.бр. 774, № 83.

⁶¹¹ Ковачевић Д. Србија и Русија 1878–1889. Београд, 2003. С. 162.

⁶¹² Победоносцев К.П. и его корреспонденты. Т. 1, 2003. С. 88.

⁶¹³ РГИА. Ф. 797. 51. 300. Об отстранении сербского митрополита Михаила от администрации церкви. 1881г. Персиани. 25 мая 1883 г. № 32. Л. 159.

Министерство иностранных дел в годовом отчете за 1881г. анализировало задним числом ситуацию: *«...князь в угоду Австрии все чаще и чаще начал высказывать свое неудовольствие митрополитом Михаилом, известного своей приверженностью России и около которого стала группироваться партия недовольных с Ристичем во главе. Влияние и уважение, которым пользовался в стране митрополит и частые мелкие столкновения с правительством делали удаление его неизбежным»* (Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). Руски извори о Србији (1878–1903). Књ 1. Нови Сад, 1996. С. 66.)

⁶¹⁴ Персиани докладывал в Москву:

«Донесением моим от 24 июля 1880г. за № 32, т.е. за год до перемены в направлении сербской внешней политики, я долгом счел указать на условия, поставленные Гаймерле (министр иностранных дел Австро–Венгрии Heinrich Karl von Haymerle – Ю.К.) королю Милану для приобретения расположения австро–венгерской монархии. Первым требованием было удаление митрополита Михаила, вторым – отказ генералу Черняеву как [нрзбр.] и агитатору

в ж–д концессии, третьим – воздержание от всякого поползновения на расширение со стороны БиГ. Король Милан сдержал слово, и теперь низложение Митрополита представляется ни чем другим, как удалением не духовного архипастыря, а отчиннолюбца, мечтавшего о возрождении сильного Сербского государства с помощью России и русских славянских деятелей присоединением занятых Австрией земель на Балканском полуострове» (РГИА. Ф. 797. 51. 300. Об отстранении сербского митрополита Михаила от администрации церкви. 1881г. Персиани 25 мая 1883 г. № 32. Л. 159 об.–160).

Знали о конфликте короля Милана с митрополитом Михаилом и в Германии – сербский посол сообщал о том, как на обеде у Бисмарка (тот был уже совсем плох) говорили о церковном вопросе, и Бисмарк заметил: «все народы должны пройти через эту борьбу и принести порядок и нам, и болгарам» и советовал «держаться короля («il faut tenir au Roi»)» (АС. МИД КС. ПО. 1883. Ф. 5 Д. 3, № 499. М.Петрониевич–Пирочанцу).

⁶¹⁵ Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ. 2. Београд, 1934. С. 417.

⁶¹⁶ Ковачевић Д. Србија и Русија 1878–1889. Београд, 2003. С. 166.

⁶¹⁷ Владимир Йованович (бывший министром финансов в правительстве Ристича) вспоминал, что летом 1881 г. в Белград приехал известный русский славист В.И.Ламанский. Ламанский поведал ему о заключении Тайной конвенции между Сербией и Австро–Венгрией, которой Милан «продал не только торговую и экономическую, но и политическую независимость Сербии», и призвал «сербских патриотов» свергнуть Милана с престола. Поддержки либеральной партии он не получил – Йованович и его товарищи были сторонниками «легальных средств» (Јовановић В. Успомене. Београд, 1988. С. 467–468).

⁶¹⁸ Реакция русской прессы, которая «грубой рукой коснулась деликатного вопроса», вызвала в свою очередь взрыв негодования в сербской напредняцкой прессе. Например, Видело 8 ноября 1881г. писала: «Мы знаем, что Россия – родина великого народа, который достаточно сделал для сербов, но в Москве должны знать, что балканские народы стремятся жить своей независимой жизнью. Они считают, что лучше знают, как оптимально организовать свои торговые и иные отношения с другими державами. Им кажется, что у себя дома они призваны для того, чтобы независимо решать проблемы взаимоотношений между церковью и государством, и дать своей стране законы, которые наилучшим образом отвечают и духу народа, и современным потребностям, и условиям прогресса» (Видело. 8 ноября 1881.)

⁶¹⁹ Русь. 31 октября 1881г. № 51.

⁶²⁰ Русь. 7 ноября 1881г. №52.

⁶²¹ Московские церковные ведомости. № 45, 8 ноября 1881 г.. С. 621. С. 630, № 52. С. 745.

⁶²² Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей за 1881 год. Москва, 1898. С. 504.

⁶²³ Там же. С. 505.

⁶²⁴ Ковачевић Д. Србија и Русија 1878–1889. Београд, 2003. С. 168.

⁶²⁵ Годиншњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). Руски извори о Србији (1878–1903). Књ 1. Нови Сад, 1996. С. 68.

⁶²⁶ Никола Крстич назвал «неприродным и аномальным проявлением, что человека, который избран митрополитом, посвящают за пределами страны владыки иностранного государства, и это в то время, когда в стране есть трое епископов на своих местах» (Крстић Н. Дневник: јавни живот. Књ 3. Београд, 2007. С. 111)

⁶²⁷ Ковачевић Д. Србија и Русија 1878–1889. Београд, 2003. С. 159–173

⁶²⁸ Ковачевић Д. Србија и Русија 1878–1889. Београд, 2003. С. 266.

⁶²⁹ В этой связи очень любопытно довольно смелое письмо 1885 г. Персиани Гирсу, в котором он обвиняет в неудачах русской дипломатии Синод и общественные круги. Предвидя, что вслед за Вселенской церковью и Афинской, нового сербского митрополита признают все автокефальные церкви, а русская останется в меньшинстве, он развивал свою мысль так:

«...мы составим тогда исключение и придется, верному старым порядкам, сербскому духовенству выбирать одно из двух: или идти с нами за одно, или подчиниться решению большинства автокефальных православных церквей. Один этот вопрос не только поколебает наше обаяние, но заставит призадуматься в будущем сербское духовенство относительно того, не лучше ли ему будет пренебрегать взглядами Русской церкви, отдавая предпочтение воззрениям своей светской власти, успевшей привлечь на свою сторону большинство православных церквей. Такой печальный исход вероятен, но ни Императорское министерство, ни я не можем принять на себя за него ответственность. **Мы Сербского церковного вопроса не поднимали.** Инициатива заявления нашего недовольства принадлежала Сввятейшему Синоду и выразилась в записке профессора Троицкого, содержание которой Вашему Высокопревосходительству благоугодно было сообщить мне в секретном предписании от 13–го апреля 1883 г. за №58 в следующих выражениях:

1. «Означенный Собор (избравший о.Мраовича) «был не архиерейским собором, а самочинным сборищем, не смотря на присутствие в оном архимандритов и протоиереев»
2. «Такой Собор не имел права избирать епископов»
3. «Таких епископов не имеет права рукоположить ни один епископ»
4. «Даже при правильности избрания, ни Константинопольский Патриарх, ни всякий другой представитель автокефальной церкви не имеет права, без формальной просьбы со стороны сербской церкви с епископами во главе рукоположить для нее ни епископа ни митрополита, так как по церковным канонам, епископов автокефальной церкви имеет право рукополагать лишь ее Митрополит (или Патриарх), а Митрополита (или Патриарха) лишь ее епископы»

5. «Епископы, взятые со стороны, вследствие отказа местных епископов и отказа представителей автокефальных церквей рукоположить на их место других епископов, будут татями и могут положить основание незаконной иерархии вроде австрийской и известной части наших старообрядцев».

Взгляд этот, основанный на началах канонических **еще ранее высказан был нашей печатью с правой глумления над нашей дипломатией.** При этом практическая сторона вопроса была отстранена, когда же дело созрело и ясно стало, что на канонической почве нельзя было довести его до благополучного конца, **во взгляде нашего духовного ведомства обнаружился поворот**, выразившийся во второй записке профессора Троицкого, приложенной к секретному предписанию вашего Высокопревосходительства от 9 февраля, №25.

В этой записке профессор Троицкий, хотя и не отступает в принципе от своих прежних взглядов, говорит, однако же «что Патриарх, принимая во внимание целый ряд фактов подобного же низложения одних и возведения на их место других лиц» (речь идет о митрополите Михаиле) «на иерархических степенях в предшествовавшей и современной истории Востока, вероятно, находит не последовательным отказывать в признании факта с целым рядом таковых же», и заключает, что «объявлять Патриарху войну по данному вопросу не следует, как он не объявляет нам войны из-за нашего разногласия с ним по болгарскому вопросу» и что «следует тянуть, пока смерть или добровольное отречение от престола Митрополита Михаила не развяжут рук нам или смерть Мраовича не развяжет рук Патриарху, на преемнике Мраовича мы можем войти в соглашение с Патриархом».

В практическом применении своем мнение профессора Троицкого неминуемо приводит нас к следующему результату: скоро или поздно, но Русская церковь признает Сербские церковные порядки, которые были ею же осуждены*

* На подлиннике собственною Его Императорского Величества рукой написано карандашом «Я думаю, он не так понял»

Умрет ли Митрополит Михаил ранее о.Мраовича, мы сего последнего признаем, не смотря на его антиканоническое избрание, – умрет ли о.Мраович, сербское парвительство, ободренное одержанными успехами, не остановится перед выбором второго антиканонического митрополита и Митрополиту Михаилу будет нанесено новое оскорбление. <Приписано:> «Это вовсе не так»

В обоих из этих случайностей не может не пострадать обаяние наше в глазах сербского духовенства и народа; и насколько я могу судить, нам теперь же необходимо бы было предотвратить возможность такого нравственного поражения».

Далее Персиани фактически предлагает шантажировать Константинопольский Патриархат:

«Не можем ли мы погрозить Патриарху, на основании равноправности, признанием Болгарской церкви автокефальной? Такая угроза могла бы удержать остальных Патриархов от избытка ревности в подражании Великой церкви. <...> я пришел к убеждению, что как фанариотов, так и греков королевства ничто не страшит так, как призрак великой независимой Болгарии с ее автокефальной церковью. С каким бы огорчением не отнесся бы Патриарх к этой угрозе, он не прибегнет к мере, имеющей вид разрыва с нашей церковью <...> Решится ли Великая церковь на поступок, могущий вызвать раскол с много миллионной православной Россией..»

Русский Синод на нападки Персиани дипломатично отвечал, что никакого мнения по поводу избрания Мраовича митрополитом он не заявлял, ибо официально не был о нем извещен:

«...Святейший Синод признает прежде всего необходимым заявить, что со стороны русской церкви не было доселе выражаемо никакого мнения о переменах, происшедших в недавнее время в иерархическом управлении Сербской церковью. Не получая от именуемого себя предстоятелем сей церкви Феодосием Мраовичем извещения об избрании его митрополитом, Святейший Синод не имел достаточного повода входить в обсуждение вопроса о том, насколько соответствовало церковным канонам избрание Феодосия Мраовича на место Преосвященного Михаила, об отрешении коего от управления сербской митрополией, по каким-либо каноническим на то основаниям, Русская церковь не была поставлена в известность. Таким образом, Святейший Синод, руководствуясь принятым между самостоятельными церквями началом невмешательства в дела внутреннего каждого церковью управления, не выражал никаких суждений об избрании предстоятеля Сербской церкви.»

Предложения же пригрозить Вселенской церкви вызвали со стороны Синода краткую, но жесткую ответ:

«Что же касается до мнения Действительного Статского Советника Персиани о желательности при помощи угрозы признанием самостоятельности Болгарской церкви, повлиять на Вселенского патриарха и на других Патриархов и удержать их от признания Мраовича Сербским Митрополитом, то с таким мнением Святейший Синод не может согласиться, ибо прибегать к угрозам, даже и с благою целью, не дозволяет ни достоинство церковного управления, ни столь желательные для сохранения мира между церквями искренность и прямота во взаимных между ними отношениях». (РГИА. Ф.796. оп.166. № 2260. Дело о признании Греческим Синодом о.Мраовича Митрополитом Сербским. Делеша 28 февраля 1885. Белград. Персиани – Гирсу. л.2 об.-л.7; РГИА. Ф.796. оп.166. № 2260. Дело о признании Греческим Синодом о.Мраовича Митрополитом Сербским. Выписка из протокола Св.Синода № 697. 10 апреля 1885. л. 12–л. 17 об.)

⁶³⁰ Например, после т.н. Илкиного аттентата 1882 г., король Милан сказал королеве Наталии, что это может быть делом рук либералов и Митрополита Михаила (Обреновић Н. Моје успомене. Београд, 1999. С.123).

⁶³¹ В 1884 году митрополит Михаил выказал желание поселиться в России. Глава русского МИД, Н.К.Гирс, писал К.Победоносцеву: *«было бы крайне неудобно ответить отказом на ходатайство митрополита, в виду того, что постигшие его невзгоды были отчасти и следствием энергии, с которой он защищал как церковь, так и национальные интересы своей Родины против посягательств правительства короля Милана».* Местопребыванием сербскому владыке определили киевскую епархию, *«в которой он получил высшее богословское образование и которая ему известна более, чем другая епархия империи».* (РГИА. Ф.797. 54. 147. По отношению министра иностранных дел о желании сербского митрополита Михаила переселиться в Россию. 1884г.)

⁶³² Епископ Мојсеј. Црквено питање у Србији. Београд, 1895. С. 29.

⁶³³ Епископ Мојсеј. Црквено питање у Србији. Београд, 1895. С. 30.

⁶³⁴ Епископ Мојсеј. Црквено питање у Србији. Београд, 1895. С. 33.

⁶³⁵ На тот момент Архиерейский Собор составляли епископы: неготинский Моисей, нишский Виктор, шабацкий Иероним и ужичкий Викентий.

⁶³⁶ Епископ Мојсеј. Црквено питање у Србији. Београд, 1895. С. 34.

⁶³⁷ Моисей управлял тремя епархиями – Белградской, своей Неготинской и Ужичкой (епископ Викентий умер в 1882 г. и Моисей стал администратором этой епархии).

⁶³⁸ См. письмо епископа Иеронима министру просвещения от 15 января 1883г. Письмо такого же содержания направил епископ Виктор 2 февраля. (*Хришћански весник. 1883, јун. С. 358–359*).

⁶³⁹ Хришћански весник. 1883, јун. С. 363.

⁶⁴⁰ Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). Руски извори о Србији (1878–1903). Књ 1. Нови Сад, 1996. С.72

⁶⁴¹ Српске новине. 12 марта 1883 г.

⁶⁴² Выборный орган состоял из двух архимандритов – Теодосия (Мраовича) и Нестора, пяти протоиереев, главы правительства М.Пирочанца, министра просвещения С. Новаковича, председателя госсвета Д.Ценича, председателя кассационного суда Н.Крстича и пяти депутатов Скупщины (*Српске новине. 28 марта 1883 г.*)

⁶⁴³ Председатель кассационного суда, Никола Крстич, присутствовавший на выборах митрополита описывал их так: *«Все отдали голос за архимандрита Теодосия Мраовича. Тот по завершению голосования встал и дрожащим голосом поблагодарил за доверие и выбор, и добавил: «Знаете, господа, на меня будет много нападков. Я вас прошу, чтобы вы заступались и защищали меня, а я, сколько мне силы позволят, буду стараться возратить в церкви мир, чтобы успокоились умы и настал порядок в делах церковных, сейчас нарушенный»* (*Крстић Н. Дневник: јавни живот. Књ 3. Београд, 2007. С. 333–334*).

⁶⁴⁴ Српске новине 22 марта 1883 г.

⁶⁴⁵ Хришћански весник. 1889, № 1. С. 3.

⁶⁴⁶ Впрочем, тот же Илич в 1889г., отдавая дань заслугам нового митрополита в деле установления мира в церкви, ядовито обвинял «доброго старца Теодосия»: *«сколь своим темпераментом, в котором проглядывает индифферентность неизвестного происхождения, он помог возратить мир в церкви, столь же в два раза больше нанес вреда и ущерба жизненным интересам церкви и священства. Своим попустительством по отношению к церкви и правам ее он сделал так, что за эти шесть лет вся митрополичья и целокупная власть управы церковной перешла в светские руки».*

Илич приписывал «Мраше» (уменьшительное от «Мраович») после его отставки все затруднения сербской церкви, попрекая попустительством и молчанием: *«Правительство, переломив силой тяжелую и мучительную борьбу с митрополитом Михаилом, поспешило нужными мерами предохранить себя от подобных столкновений с церковным руководством, так как не хотело снова вызвать церковный вопрос. ...Требовалось вообще ослабить власть и влияние главы церкви и иерархии церковной, чья сила стала заметна только в процессе борьбы. Требовалось привести в крайнюю подчиненность архиереев, взять в руки дисциплинарный контроль над церковью и священством..., для чего были самые благоприятные условия, ибо хорошо известно, что в попустительстве и индифферентности к правам церкви и главенству ее, никто не может превзойти «доброго старца» Теодосия....И все правительства, которые менялись того времени: и напредняки, и либералы и радикалы, в этом одном единственном вопросе были целиком и всегда согласны. Где прекращало свою работу одно, тут же свою работу на подчинение церковной иерархии продолжало другое. 1.Так, требовалось отнять у церковной иерархии ее органы, ...привести в подчинение светской власти тех, на кого опирается церковное управление...Был принят закон, что ни одно звание в церкви, ни одно старейшинское место в церкви нельзя дать, если этого не хочет министр. Следовательно, тому, кто желает стать игуменом, наместником, протоиереем, архимандритом, председателем консистории, судьей духовного суда, секретарем, писарем и т.д. необходимо получить одобрение министра. ...Целый архиерейский собор может хотеть отдать признание одному из наизаслуженных священников:...все бесполезно, если министр лишит благословения. Церковное управление стало больше, чем неэффективным... 2. Когда в стране выросло недовольство вследствие великих финансовых затруднений и налогов, и когда скупщина затребовала упразднения всех ненужных учреждений, вся государственная экономия свелась к тому, что были упразднены две епархии – шабацкая и неготинская. ...Но несколько тысяч динар государственных денег не принесли никакой помощи и облегчения, а церкви был нанесен тяжелый удар.... 3. Точно так же покушались упразднить все консистории и передать все споры брачные в гражданские суды противно учению православной церкви».*

...Церковное руководство и тут не подало голоса.... 6. Когда законом были урегулированы отношения между церковью и государством, были определены и церковные дела в министерстве, и установлено особое церковное отделение, начальником которого должно являться духовное лицо известной квалификации.... Но на жалость, за время управления Митрополита Теодосия, опять под предлогом экономии, было упразднено церковное отделение в министерстве, и на место духовного лица, вытесненного из департамента, поставлены референтами люди, которые никогда и не думали о церкви и ее функциях... 10. Бесплезно старается Архиерейский собор привести в порядок церковь..., ведь все его решения, если не получают одобрения министерства, как будто и не существуют. Поэтому соборные решения остаются только в архиве министерства, а собор информируют, по какой причине его решение не принято. Таким образом, Собор Архиерейский, как наивысший церковный орган, низведен до крайности. ....11. Монастыри наши... погибают под бременем больших и тяжелых налогов. ...Государственный налог во многих монастырях составляет больше, чем все монастырские доходы.. ... 12. Долгое время слышится от священства голос, чтобы был урегулирован и вопрос о фонде сирот и вдов священников. . ...В то время, как все остальные чиновники, официальные лица и учителя получили особую помощь для учреждения фонда по содержанию своих семейств, только священники никак не получают закон и правила основать фонда своими силами. Вопрос этот вынесен был на заседание скупщины и из-за каких-то мелочей возвращен. ...14. Со всех краев слышатся жалобы, со стороны священства, что им нерегулярно выдается плата, а власти специально по более чем полугоду не выдают собранные с народа церковные деньги... И глава церкви остается совсем равнодушен к тем жалобам ..., повторяя свое излюбленное «господи, помилуй сорок раз» ...» (Хришћански весник. 1889, № 1. С. 5–15).

⁶⁴⁷ Епископ Мојсеј. Црквено питање у Србији. Београд, 1895. С. 80.

⁶⁴⁸ Обстоятельства выборов карловацкого патриарха см.: РГИА. Ф.797. 52. №43. 1882г. По письму статс-секретаря Гирса с отношением консула нашего из Фиума о назначении епископа Ангелича Патриархом Сербским.

⁶⁴⁹ Королева Наталия в своих мемуарах пишет: «*проезжая через Вену, я попросила императора Франца-Иосифа, по указанию Милана, чтобы патриарх Ангелич согласился подтвердить Мраовича. Тут я узнала, что дело уже сделано, и патриарх дал свое согласие по распоряжению венского правительства. ... Кальноки расспрашивал меня о Теодосии; я ему сказала, что он – старый пес, и что он единственный, кто способен принять то, что предлагают в сегодняшних условиях*» (Обреновић Н. Моје успомене. Београд, 1999. С.128.)

В уговорах были задействованы и сербские архиереи Карловацкой митрополии: так, известный сербский церковный и общественный деятель, писатель, поэт, владыка Никанор Груич вспоминал: «*Я сказал патриарху, ...что он как патриарх сербский не может отказаться, если бы ему предложили и попросили посвятить им нового митрополита*». (Грујић Н. Автобиографија. Сремски Карловци. 1907. С.178). О переговорах с патриархом Германом см.: Вуковић С. Стварање нове више јерархије после насилног уклањања Митрополита Српског Михаила // Живот и дело митрополита Михаила (1826–1898). Београд, 2008. С.4–12.

⁶⁵⁰ Хришћански весник. 1883, март. С.249–252; Видело. 30 марта 1883; Илић А. Моји доживљаји. Београд, 1931. С.76. С.126.

⁶⁵¹ В частности, для рукоположения нового епископа нишского, патриарх Герман послал в Белград епископа темишварского, чтобы хиротония осуществилась по церковным канонам (епископа полагается рукополагать двум или трем архиереям).

⁶⁵² Српске новине. 2 апреля 1883 г.; Српске новине. 7 апреля 1883 г.

⁶⁵³ 3 апреля 1883 г. на должность епископа нишского был поставлен архимандрит Нестор (Попович), который участвовал в выборах митрополита (Српске новине 5 апреля 1883 г.). Он же был и администратором неготинской епархии. После его смерти, в 1884 г., епископом был избран малоизвестный священник Димитрий (Павлович) – будущий первый сербский патриарх обновленной патриархии.

19 апреля 1883 г. ужицким епископом стал Корнелий (Станкович) (Српске новине 26 апреля 1883 г.), который в 1885г. был отправлен на пенсию по состоянию здоровья, и на его место 1886 г. епископом поставлен ректор Богословии Никанор (Ружичич).

Вокруг кандидатуры Никанора было много споров – он состоял в переписке с Митрополитом Михаилом и владыкой Иеронимом, к тому же, имел не очень чистую репутацию монаха. Ходили слухи, что правительство планировало посадить на епископскую кафедру грека – выбирать архиереев в Сербии было не из кого. (Об обстоятельствах вокруг выборов новых владык см.: Крстић Н. Дневник: јавни живот. Књ 3. Београд, 2007. С. 152–155, 163–164, 271)

В 1884г. шабацким епископом был избран архимандрит Самуил (Пантелич), который через два года умер, и пустующие шабацкая и неготинская епархии по соображениям финансового характера (в целях экономии бюджетных средств) были в 1886г. упразднены. (Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије, Минхен 1983. С. 292–293; Српске новине 9 децембра 1886 г.)

Т.о. в Сербии оставалось лишь три епархии: Белградская, Ужицкая и Нишская. Но уже в 1888 г. епископ Никанор на Архиерейском соборе докладывал, что для церковной иерерхии упразднение двух епархий вызвало губительные последствия: «*дисциплина день ото дня слабеет, расстройство в управлении растет*». Архиерейский собор решил «*просить правительство его величества короля и государя изволишь учинить нужный шаг по восстановлению шабацкой и неготинской епархий, так как это весьма нужно и полезно для сербской церкви, православной веры и морали евангельской*». (Хришћански весник. 1888, июнь. С. 66–67).

⁶⁵⁴ АС. МИД КС. ПО. 1883.Ф.5.Д.3. Ефрем Груич – Пирочанцу. 22 апреля 1883. Цариград. № 698; Грујић Ј. Живопис Јеврема Грујића. Аранђеловац. 2009. С.159.

⁶⁵⁵ Патриарх писал: «из письма Вашего мы узнали о Вашем каноническом возведении на многочтимый престол Архиепископа Белградского и Митрополита Сербского, возведение, которое совершено святым синодом автокефальной Сербской церкви согласно государственным законам» (РГИА. Ф.797. 51. 300. Об отстранении сербского митрополита Михаила от администрации церкви. 1881г. Делеши Персиани. Белград. 25 ноября 1884. № 38)

Это признание Теодосия «законным и каноническим митрополитом королевства Сербии» вызвало протест Митрополита Михаила, который до этого момента не обращался официально к другим церквям, опасаясь быть преданным суду за государственную измену (РГИА. Ф.797. 51. 300. Об отстранении сербского митрополита Михаила от администрации церкви. 1881г., депеша Персиани 26 ноября 1881 г., л.39).

Он направил протестное письмо Вселенскому патриарху Иоакиму: «Ваше Святейшество изволило узаконить все ... беззакония и провозгласить как каноническое дело такое попирательство церковных канонов. <...> от своего имени и от имени законных архиереев заявляю вашему святейшеству и святому синоду великой церкви, что ни я, ни они не отрекутся от своих законных и канонических прав на свои епархии, и что мы протестуем против всех насильных и незаконных действий, которые очевидно попирают каноны и законы церкви православной.»

Синод вселенской церкви решил эти протесты отклонить, о чем Патриарх Иоаким сообщил сербскому посланнику Е.Груичу. В официальном ответе Патриарх писал: «В ответ на представление, энергичным и в неподобающей тоне написанном, и через то действительных оснований лишенных, спешим сообщить Вашему Высокопреосвященству, что наша святая, великая Христова церковь, не имея ниоткуда никаких соответствующих сведений ни против лица, которе на ваше место ступило, ни против его выборов, и видя, что общению с ним ничего не мешает, не смогла не вступить с ним в сношения по обычаям, которые искони существуют между автокефальными и независимыми церквями; и с того ни один факт, который Ваше Высокопреосвященство приводит, осуждая поступок великой церкви, не может иметь своего законного и канонического основания.» (АС. МИД КС. ПО. 1885. Ф.4. Д.7. Ефрем Груич – Гарашиану. №21. 16 марта 1885. Константинополь. Пов.бр 159; Хришићански весник. Септембар. 1885г. С. 706–709).

⁶⁵⁶ РГИА. Ф.797. 51. 300. Об отстранении сербского митрополита Михаила от администрации церкви. 1881г. Делеши Персиани. Белград. 25 ноября 1884. № 38.

⁶⁵⁷ РГИА. Ф.797. 51. 300. Об отстранении сербского митрополита Михаила от администрации церкви. 1881г. Донесение Ону 27 ноября (9 декабря) 1884. № 217.

⁶⁵⁸ АС.МПС–ц. Ф. IV, р. 17. 1881–1883. Материалы Сербского подворья в Москве. 29 марта 1883. Митрополит Теодосије – игумену Теофилу.; АС.МПС–ц. Ф. IV, р. 17. 1881–1883. Материалы Сербского подворья в Москве. 15 апреля 1883. Игумен Теофил – Митрополиту Теодосију.

⁶⁵⁹ АС. МИД КС. ПО. 1883. Ф.5. Д.3. № 691. Хорватович – Пирочанцу. Пов. № 25. 17 апреля 1883г. Петроград.

⁶⁶⁰ АС.МПС–ц. Ф. IV, р. 17. 1881–1883. Материалы Сербского подворья в Москве. 27 апреля 1883. Митрополит Теодосије – игумену Теофилу.

⁶⁶¹ См.распоряжение главы правительства и министра иностранных дел Пирочанца сербскому посланнику в Петрограде приказать игумену Теофилу оставаться служить «на время коронации» (АС. МИД КС. ПО. 1883. Ф.5. Д.3. № 701. 3 маја 1883. Пирочанац – Хорватовићу. Београд); а так же пространный ответ сербского посланника, в котором он предлагает дождаться результатов переговоров Й.Мариновича, который представлял сербское правительство на коронации (АС. МИД КС. ПО. 1883. Ф.5. Д.3. № 711. № 734. Хорватович – Пирочанцу. 6 маја 1883. Москва). Глава правительства спрашивает Хорватовича, есть ли доказательство, что Теофил требовал дозволения у московских духовных властей, и действительно ли те ему запретили поминать митрополита? (АС. МИД КС. ПО. 1883. Ф.5. Д.3. № 711. 7 маја 1883. Пирочанац – Хорватовићу. Београд).

Сербское посольство телеграфировало в Белград в начале мая, что игумен будет поминать нового митрополита, и сотрудник посольства Стеванович убедился в этом сам: «Был сегодня на службе в сербском подворье и убедился самолично, что нового митрополита поминают» (АС. МИД КС. ПО. 1883. Ф.5. Д.3. № 717. Телеграм. Стевановић – министру ин. дел).

В депеше Хорватович писал более подробно о том, что «здешний игумен сербского подворья продолжает поминать при богослужении законного митрополита г.Теодосия» и посылал в качестве доказательства запрещения московскими властями поминания нового митрополита. стенограмму разговора игумена Теофила с К.П.Победоносцевым. (АС. МИД КС. ПО. 1883. Ф.5. Д.3. № 757. Хорватович – Пирочанцу. 14 маја 1883)

⁶⁶² АС. МИД КС. ПО. 1883. Ф.5. Д.3. № 731.12 маја 1883. Хорватовићу.

⁶⁶³ Победоносцев (П) спросил игумена Теофила (Т), правда ли, что тот начал поминать нового митрополита? Тот ответил, что

«по приказу сербского митрополита и правительства он, как сербский подданный, должен был это сделать.

П. Это неприятные вещи. Вы должны были по канону просить дозволения от епархиального митрополита московского, так как подворье находится в его епархии.

Т. Я эту форму исполнил, митрополит мне разрешения не дал, о чем я известил сербского митрополита, но когда я сам вторично получил приказание или помянуть, или закрыть церковь и дом и возвратиться в Сербию, – я должен был послушаться, так как я сербский, а не русский подданный.

П. А знаете ли Вы, что мы можем отобрать подворье?

Т. Это, господин, – ваши дела, я этого не могу знать, и Вы о том договаривайтесь с нашим правительством, а не со мной.

П. Мы презираем вашего князя и ваших министров (Победоносцев здесь, видимо, специально назвал короля Милана князем, хотя прекрасно знал о том, что тот был провозглашен королем – Ю.К.).

Т. Мне это очень неприятно слушать от вас, господин.

П. Я это говорю не только для Вас, я тоже самое сказал бы и вашему посланнику г. Хорватовичу. Мы не признаем вашего нового митрополита.

Т. Это, господин, – ваши дела, Вы о том можете и должны выяснять с ними, а не со мной, а я должен подчиняться законам той страны и того главы государства, чьим подданным я являюсь.

П. Таким образом Вы должны будете, по всей вероятности, возвратиться в Сербию.

Т. Это, господин, – единственное, что Вы можете со мной сделать в этой ситуации, но сербский митрополит и правительство за непокорность высшей власти могут отдать меня под суд, и жизнь моя – в руках моего короля. Так кому больше я сейчас должен покоряться?

П. Мы не можем допустить это бесчинство, вы – в чужой епархии.

Т. Но в сербском доме, господин. Если вы не признаете нового митрополита, признаете ли вы сербского короля и правительство законными?

П. Да, они законны.

Т. Тогда, если вы не признаете митрополита, обратитесь к сербскому правительству и решайте с ним эти вопросы, а я вам опять говорю, что я должен подчиняться их приказам.

П. По всей видимости, мы отберем подворье. Прощайте

Т. Прощайте». (АС. МИД КС. ПО. 1883. Ф.5. Д.3. № 757/ 83. Разговор настоятеля подворья игумена Теофила с обер-прокурором Синода).

⁶⁶⁴ АС. МИД КС. ПО. 1883. Ф.5. Д.3. № 711. № 734. Хорватович – Пирочанцу. 6 мая 1883. Москва.

⁶⁶⁵ Хорватович писал в Белград: «если сербскую церковь и должны закрыть, то пусть это сделает русская духовная власть, а не мы. Такой поступок с нашей стороны уместен еще и потому, что мы сейчас не имеем причин закрывать церковь, после того, как при богослужении поминается законный митрополит. Разговор между игуменом и обер-прокурором св. синода не следует рассматривать как предлог для закрытия, это разговор между двух лиц, с которым сейчас нужно только считаться, и который можно использовать как материал в ряду будущих доказательств, что это не мы при решении такого важного спора оперировали эмоциями, – ибо конечное развитие событий по этому делу еще не ясно.»

Хорватович сообщал, что Й.Маринович, согласный с ним в этом деле, ведет переговоры о подворье в Москве и Петербурге, затрагивая этот вопрос в разговорах с «компетентными лицами» (АС. МИД КС. ПО. 1883. Ф.5. Д.3. № 789. Хорватович – Пирочанцу. 24 мая 1883, Москва.)

⁶⁶⁶ АС.МПС–ц. Ф. IV, р. 17. 1881–1883. Материалы Сербского подворья в Москве. 8 июля 1883. Игумен Теофил – Митрополиту Теодосию; АС.МПС–ц. Ф. IV, р. 17. 1881–1883. Материалы Сербского подворья в Москве. 8 июля 1883. Указ его императорского величеств 7 июля №169.

⁶⁶⁷ АС. МИД КС. ПО. 1883. Ф.5. Д.3. № 909, 10 июля 1883. Посланству у Петербургу; АС.МПС–ц. Ф. IV, р. 17. 1881–1883. Материалы Сербского подворья в Москве. 18 июля 1883. М.Гаршанин – Теофилу.

⁶⁶⁸ АС.МПС–ц. Ф. IV, р. 17. 1881–1883. Материалы Сербского подворья в Москве. 9 июля 1883. Игумен Теофил – Краљевском српском посланству.

⁶⁶⁹ АС.МПС–ц. Ф. IV, р. 17. 1881–1883. Материалы Сербского подворья в Москве. 30 июля 1883. Игумен Теофил. Извештај г.Митрополиту о двугодишнем раду у подворју.

Игумен писал, что Московский митрополит Иоанникий во время их встречи сказал ему, что митрополит Теодосий не известил Св.Синод ни о своем назначении, ни о низложении митрополита Михаила, поэтому, и нельзя помянуть его имя.

⁶⁷⁰ АС. МИД КС. ПО. 1883. Ф.5. Д.3. № 1010. 27 июля 1883. М.Гаршанин – министру ин.дел.; АС.МПС–ц. Ф. IV, р. 17. 1881–1883. Материалы Сербского подворья в Москве. 20 июля 1883. Игумен Теофил – Краљевском српском посланству.

⁶⁷¹ АС. МИД КС. ПО. 1884. Ф.2. Д.6. № 151, 2 марта 1884. М.Гаршанин – Хорватовићу; АС. МИД КС. ПО. 1884. Ф.2. Д.6. № 156, 4 марта 1884. Телеграмм. Хорватовић – М.Гаршанину.

⁶⁷² Хорватович сообщал, что информацию в официальные газеты слил низший чиновник МИДа, и видимо для такой новости были какие-то основания. (АС. МИД КС. ПО. 1884. Ф.2. Д.6. № 156, 29 февраля 1884. Хорватовић – М.Гаршанину.)

⁶⁷³ АС. МИД КС. ПО. 1884. Ф.2. Д.6. № 180, 7 марта 1884. Хорватовић – М.Гаршанину. АС. МИД КС. ПО. 1884. Ф.2. Д.6. № 183, 8 марта 1884. Хорватовић – М.Гаршанину.

⁶⁷⁴ АС. МИД КС. ПО. 1884. Ф.2. Д.6. № 178, 10 марта 1884. Хорватовић – М.Гаршанину; АС. МИД КС. ПО. 1884. Ф.2. Д.6. № 194. 11 марта. Хорватовић – М.Гаршанину.

⁶⁷⁵ Илић А. Моји доживљаји. Београд, 1931. С. 98.

⁶⁷⁶ Илић А. Моји доживљаји. Београд, 1931. С. 101.

⁶⁷⁷ Авакумовић Ј. Мемоари. Нови Сад. 2008. С. 231–234.

⁶⁷⁸ Илић А. Моји доживљаји. Београд, 1931. С. 108–109.

⁶⁷⁹ Крстић Н. Дневник: јавни живот. Књ 4. 1888–1896. Београд, 2007. С. 39.

- ⁶⁸⁰ Српске новине. 12 октобра 1888 г.
- ⁶⁸¹ Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ. 3. Београд, 1934. С. 440.
- ⁶⁸² Крстић Н. Дневник: јавни живот. Књ 4. 1888–1896. Београд, 2007. С. 44.
- ⁶⁸³ Мтф., 16:19.
- ⁶⁸⁴ Авакумовић Ј. Мемоари. Нови Сад. 2008. С. 231–234.
- ⁶⁸⁵ Јовановић В. Успомене. Београд, 1988. С. 477–480.
- ⁶⁸⁶ Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије. Минхен, 1983. С. 343.
- ⁶⁸⁷ РГИА. Ф.797. 56. 161. По записке статс–секретаря Гирса касательно замещения вакантных епископских кафедр в Сербии. 1886г. Донесение Персиани. Белград. 11 мая 1886. № 21. Л.2 об.
- ⁶⁸⁸ Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије. Минхен, 1983. С. 343.
- ⁶⁸⁹ Крстић В., Љушић Р. Програми и статуту српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991. С.174.
- ⁶⁹⁰ Шемякин А.Л. Сербский митрополит Михаил. Годы изгнания (1883–1889). Вместе с Николой Пашичем против Милана Обреновича. // Живот и дело митрополита Михаила (1826–1898). Београд, 2008. С.155–165.
- ⁶⁹¹ Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије. Минхен, 1983. С. 346.
- ⁶⁹² См. печатный орган Либеральной партии *Српска независност*, который детально освещал события с возвращением Митрополита Михаила (*Српска независност. 1889. 13 априла, 18 априла, 20 априла, 22 априла, 6 маја, 11 маја, 16 маја, 31 маја*).
- ⁶⁹³ Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије, Минхен. 1983. С. 352.
- ⁶⁹⁴ Совершенно прав оказался русский посланник Персиани, писавший в 1886г.: «Что касается Митрополита Мравича, то я убежден, что он согласиться отказаться во всякое время от своего высокого положения, если ему только предоставлена будет подобающая пенсия. К тому же он до того стар и слаб, что просто внезапная смерть его может разрешить весь сербский церковный вопрос». (РГИА. Ф.797. 56. 161. По записке статс–секретаря Гирса касательно замещения вакантных епископских кафедр в Сербии. 1886г. Донесение Персиани. Белград. 11 мая 1886. № 21. Л.3.)
- ⁶⁹⁵ Српске новине. 28 маја 1889г.
- ⁶⁹⁶ Бывший епископ шабацкий Иероним, снятый указом 1 апреля 1883г., был поставлен за епископа нишского. Бывший неготинский владыка Моисей (Вересич) ушел на госслужбу (в 1888–1890 гг. он являлся членом Государственного совета, т.е. госссоветником, см.: АС.ПО–34/88. Дело о пенсионисању еп.Мојсеја), а остальные архиереи из старой, «законной» иерархии, не дожили до возвращения митрополита Михаила. Ужицкий епископ Викентий умер еще в марте 1882 г. (*Српске новине. 1882, № 61*), а нишский епископ Виктор – в 1888г. (*Gagulić P. Deda Viktor Čolaković–hilandarac. [Электронный ресурс]. <http://www.manastir-lepavina.org/vijest.php?id=732> [04.02.2015].*)
- Интересно описание этих событий и видение двусмысленности ситуации с точки зрения юридической, очевидца, Николы Крстича.
- 26 мая Крстич писал в своем дневнике: «Вчера был у митрополита, и он мне сказал, что приходил министр и требовал от него отставки, это же требуется и от владык Димитрия и Никанора. Мравич заявил тому, что не будет, и не может уйти в отставку, а правительство, если оно находит, что тот ему мешает, пусть поступает по–своему». 27 мая, когда Крстич нанес визит Мравичу, митрополит сообщил: «дело решено. Он и владыки поднесли министру акт, которым испрашивают пенсию. Он мне не рассказывал в тонкостях, как было дело, но с его слов я узнал, что 26 мая, после обеда, он и владыки Димитрий и Никанор пришли в дом митрополита Михаила, где застали владыку Иеронима, там же находились глава правительства и министр просвещения, решившие это дело».
- Как юрист Н.Крстич не находил, что правительственный указ об отправке митрополита и владык на пенсию нарушает закон, ибо формально они сами ее просили («Мравич – не боец. Он не имеет для того ни душевных сил, ни необходимых знаний, а без этого борьба была бы безуспешна ...Владыка Никанор был самый стойкий из них, но владыка Димитрий – нищий, испугался остаться без хлеба и поэтому стал сговорчив» – характеризовал владык Крстич).
- Вопрос вызывало лишь одно – насколько легитимно поставление митрополита Михаила на кафедру простым правительственным указом? Конечно, – убежден Крстич, – не дело, когда владык и митрополита лишают должностей указом, унижающим церковное достоинство: митрополит и владыки этим правительственным актом были поставлены в один ряд с обычными чиновниками, хотя гарантии, предусмотренные по конституции, например, судьям и госссоветникам, им не были предоставлены. Конечно, в том, как митрополит был отстранен, есть много неправильного и несправедливого, но если брать во внимание, факт легитимности митрополита Теодосия в качестве преемника Михаила, насколько законно основание, что после отставки Теодосия, указом или без указа, Михаил может быть возвращен на митрополичью кафедру?
- Ведь государственный Закон регулирует порядок выбора митрополита. Как только митрополит Теодосий подал в отставку, и таким образом освободилась кафедра, то настал тот случай, когда на пустующую кафедру согласно с законом (если хотят, чтобы эти выборы были законны) выбирается другой митрополит. Крстич был уверен: как только митрополичья кафедра опустела, надо было созвать выборный орган для выборов митрополита.

Все это очевидно, продолжал Крстич свою мысль, – если принять, что Михаил был свергнут по правилам. Но если допустить, что это было осуществлено в разрез с правилами, то отсюда вытекает, что и митрополит Теодосий – незаконный митрополит. Но раз сейчас ему назначают пенсию, раз еще вчера церковь и государство считали его законным митрополитом, то в чьей теперь власти в один миг провозгласить его незаконным митрополитом?

А так, митрополит Михаил «мимо закона» стал митрополитом: не по закону, а по указу, постановлением административной власти, как и владыка Иероним – нишским епископом. (*Крстич Н. Дневник: јавни живот. Књ 4. 1888–1896. Београд, 2007. С. 85–86.*)

⁶⁹⁷ Хришћански весник. 1890, № 1. С. 3.

⁶⁹⁸ Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини 19 века. Књ. 3. Београд, 1924. С. 65.

⁶⁹⁹ Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ. 1. Београд, 1934. С. 253.

⁷⁰⁰ Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини 19 века. Књ. 3, Београд, 1924. С. 66.

⁷⁰¹ Хришћански весник за 1889 г. 1889. С. 669–698.

⁷⁰² Хришћански весник за 1889 г. 1889. С. 783.

⁷⁰³ Хришћански весник за 1889 г. 1889. С. 699.

⁷⁰⁴ Любопытно, что проект закона был уже в сентябре 1889г. передан митрополитом Михаилом через русского посланника в Синод, К.Н.Победоносцеву, который направил его для анализа проф.Ив.Троицкому. Троицкий находил, что законопроект «не вызывает на обширное и всестороннее обсуждение. Все, что им проектируется или существует в других православных церквях, отчасти под теми же именами и названиями, отчасти под другими, или существовало некогда, так что он твердо стоит на общей исторической почве православия». Среди явных, бросающихся в глаза несуразностей Троицкий отметил несоразмерное с численным составом сербской церкви количество иерархии и безмерное развитие чиновничества: «Не понимаю, для чего понадобилась сербской церкви такая масса церковного чиновничества с такой сложной организацией и субординацией? Было бы крайне прискорбно думать, что вся эта ранжированная по табели масса понадобилась для того, чтобы создать приличную обстановку для главы сербской церкви в его новом сане Экзарха ... или может быть, она понадобилась для восстановления дисциплины в сербской церкви?» – спрашивал он в письме к Победоносцеву.

Но в целом законопроект отвечал интересам России – как писал Победоносцев Гирсу: самое важное для нас, что устройство и управление основывается на «праве божественном, а не на принципе народной воли», на который опирается сербская конституция.

Сербское правительство, по-видимому, было серьезно озабочено проблемой выработки законопроекта: в декабре оно запрашивало русский Синод прислать правительственные распоряжения, касающиеся устройства русской церкви и ее отношений с государством в связи с законопроектом об устройстве сербской церкви.

Не исключено, что митрополит Михаил отступился от этого проекта и под влиянием русской стороны – записка Троицкого была конфеденциально направлена ему по инициативе Победоносцева. (*РГИА. Ф.797. 59. 343. отд. II, стол. 3. По отношению министра иностранных дел о выработанном духовной комиссией новом законопроекте об устройстве церковного управления в Сербии. 1889–1990 гг.*)

⁷⁰⁵ Хришћански весник за 1889 г. 1889. С. 933–953.

⁷⁰⁶ 20.11.1889 г. сотрудник русского посольства Хитрово сообщал из Белграда в Санкт–Петербург: «Митрополит не одобрил церковного законопроекта, выработанного комиссией, они совместно с епископом Иеронимом составили новый, коим экзархат, викариатства не вводятся. В виду торжественного заявления скупщине об особо внимательном отношении к духовной реформе, здесь принятие ею церковного законопроекта считается несомненным». (*АС.ПО–82/69 Телеграмма Хитрово. № 252.*)

В России живо наблюдали за перипетиями выработки сербского церковного закона. На протяжении 1889–1890гг. Хитрово и Григорович информировали Санкт–Петербург телеграммами (*к сожалению, большинство телеграмм без дат*):

«правительство назначило архимандрита Дучича представителем министерства церковных дел во время прений по церковному законопроекту в скупщине.»...

«Епископ Иероним, архимандрит Дучич вызваны для обсуждения церковного законопроекта, который, полагают, претерпит большие изменения».

«Между митрополитом Михаилом и правительством при живейшем участии архимандрита Дучича состоялось полное соглашение по всем вопросам церковного законопроекта, который на днях внесен будет на обсуждение в скупщину» (*АС. ПО–82/72. № 255; АС. ПО–82/73. № 256; АС. ПО–82/82. № 257; АС. ПО–82/79. № 2512; АС. ПО–82/78. № 2511; АС. ПО–82/77. № 2510; АС. ПО–82/80. № 221; АС. ПО–82/101. № 2222 от 22.8.1889г.*)

⁷⁰⁷ Стенографске белешке о седницама народне скупштине за 1889. 3 део. Београд, 1889. С. 4259.

⁷⁰⁸ Там же. С. 4261.

⁷⁰⁹ Там же. С. 4263.

⁷¹⁰ Там же. С. 4271.

⁷¹¹ Там же. С. 4272.

⁷¹² Там же. С. 4273.

⁷¹³ Там же. С. 4765.

⁷¹⁴ Там же. С. 4278.

⁷¹⁵ Там же. С. 4863.

⁷¹⁶ Хришћански весник. 1891, № 1. С. 45.

⁷¹⁷ Стенографске белешке о седницама народне скупштине за 1889. 3 део. Београд, 1889. С. 4838.

⁷¹⁸ Там же. С. 4782–4786.

⁷¹⁹ Там же. С. 4333.

⁷²⁰ Там же. С. 4855.

⁷²¹ Там же. С. 4856.

⁷²² Мф.19:6.

⁷²³ Стенографске белешке о седницама народне скупштине за 1889. 3 део. Београд, 1889. С. 4336.

⁷²⁴ Там же. С. 4857.

⁷²⁵ Там же. С. 4860.

⁷²⁶ Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ. 1. Београд, 1934. С. 64–65.

В самой России считали, что «Церковным регламентом, принятым ... скупщиной, уничтожены все напредняцкие антиканонические узаконения, церкви возвращен внутренний мир и прежнее каноническое положение; вполне урегулированы отношения церкви и государственной власти», – сообщал Хитрово в Санкт–Петербург 26.4.1890г. (АС.ПО–82 / 79. №2512).

⁷²⁷ АС. ПО–31/16. Письмо от 24 апреля 1890г. Митрополит Михаил – Ристичу.

Михаил обвинял Никанора в том, что он «*хочет удовлетворить свои честолюбивые и властолюбивые намерения, а не церковные*», и грозил бывшим владыкам разбирательством: «*Г.Мраович, Никанор и Димитрий живут мирно и беззаботно, получая хорошую пенсию, но если они будут требовать сверх того, они не только согрешат, но могут вызвать и осуждение за нарушение канонов и за внесение раздора в церковь, чьи дела с муками и большими усилиями были приведены в порядок и мирное состояние*».

⁷²⁸ АС. ПО–31/17. Письмо от 25 мая 1890г. Митрополит Михаил – Министру церковных дел.

Михаил писал министру: «*Прошу вас не требовать, чтобы мы составили собор из супротивных особ, которые бы нарушали согласие и вносили бы политику в церковь, которая должна быть выше и моральный партийных страстей*».

⁷²⁹ АС. ПО–31/22. Письмо от 26 июня 1890г. Министр просвещения – Митрополиту Михаилу; АС. ПО–31/23.

Письмо от 29 июня 1890г. Министр просвещения – Митрополиту Михаилу.

⁷³⁰ АС.ПО–30/220. Письмо Митрополита Михаила. Б.Д. (Адресат этого письма неизвестен, по всей видимости, письмо планировалось направить правительству).

В письме же министру просвещения Митрополит писал:

«*Господин, когда в письме своем от 9 июля № 811 вы изволите говорить, что стоите по отношению к митрополиту как высшая власть, то тем самым вводите в церковное управление новое отношение и новый образ действий, которые не отвечают канонам, определяющим по–другому значение митрополита. Чтобы избежать последствий, которые бы нанесли вред, мы находим необходимым предоставить в распоряжение государственного правительства наше место с просьбой уйти на пенсию.*» (АС.ПО–30/219. Письмо Митрополита Михаила министру просвещения. Б.Д.).

⁷³¹ Митрополит возражал и против министерских кандидатов в члены духовного суда: «*думаю, что имею свободу как митрополит церкви и как архиерей с тридцатилетним стажем обратить ваше внимание на ваш ошибочный поступок*». (АС. ПО–30/221. Письмо от 6 октября 1890г. Митрополит Михаил – Министру церковных дел).

См. также: АС. ПО–30/232. 27 сентября 1891 г. Письмо Митрополит Михаил – министру просвещения; АС. ПО–30/231. Письмо Митрополита Михаила. Б.Д.

⁷³² АС.ПО–31/29. Письмо от 4 января 1891г. Митрополит Михаил – Министру церковных дел.

⁷³³ АС. ПО–31/30. Письмо от 4 января 1891г. Министр церковных дел – Митрополиту Михаилу.

⁷³⁴ АС. ПО–30/222. Письмо от 19 декабря 1890г. Митрополит Михаил – главе правительства Саве Груичу.

⁷³⁵ Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије. Минхен. 1983. С. 374.

⁷³⁶ АС. ПО–30/230. Митрополит Михаил. бд (предположительно 1890–1891)

В черновике документа, очевидно с жалобой правительству, Михаил детальнейшим образом по пунктом перечислял все претензии к министру:

1. Архиерейский Собор выбрал епископа Тимокской епархии и просил министра, чтобы заместники того утвердили. Но министр не принял этот выбор, и выбрал другого кандидата – это право принадлежит только Архиерейскому Собору, это противоречит канонам и тп. Устно министр предложил ввести в состав Ариерейского собора г.Димитрия .

2. Относительно кандидатуры председателя духовного суда: Собор предложил кандидатуру бывшего председателя белградской епархиальной консистории, но министр вместо того, чтобы уважить это предложение, отдал распоряжение уволить того сразу же.

3. Митрополит предложил министру кандидатуры членов и председателя белградского епархиального суда, но министр даже не ответил на это представление.

4. По закону, ректора богословии предлагает митрополит, но когда он это сделал, министр поставил своего кандидата, который по своим качествам не может сравниться с кандидатом митрополита. Все это министр проделал, даже не известив предварительно митрополита: об этом назначении митрополит прочел в газете.

5. Министр созывает священство для выборов членов духовного суда белградской епархии без договора с митрополитом.

6. *«...В ответ на препятствующие каноническим и законным действиям Архиерейского собора поступки министра просвещения и церковных дел, Архиерейский собор вынужден протестовать против подобных действий г.министра и просить министерский совет королевства Сербии все что требуется, чтобы все противоречия, сделанные со стороны г.министра просвещения и церковных дел исправить согласно предложениям надлежащих церковных властей и чтобы г.министру просвещения и церковных дел рекомендовать, что целесообразным найдете, с тем, чтобы в будущем такие случаи не происходили. ...*

А если все останется так и далее, как и раньше, то Архиерейский собор считает своим долгом предупредить, что в таком случае будет вынужден приостановить всякую свою деятельность, дистанцируясь тем самым от всякой ответственности за последствия, которые последуют тем, которые мешают в осуществлении его канонических и законных прав и архиерейских обязанностей в нашей церкви.»

7. *«...Мы желаем, чтобы священство возвратилось в церковь, желаем успокоить партийные волнения в церкви среди священства и среди народа, но нам невозможно осуществить эти намерения, так как г.министр хочет радикализировать церковь – поэтому он заполнил духовные суды радикалами, а от тех, кто не из их числа, взял письменное обязательство, что они будут безусловно слушать его и радикалов.*

Церкви нельзя быть партийной, поэтому Собор Архиерейский и конфликтует в своих действиях с г.министром; т.к. собор отрицает, что церковь может быть либеральной, напредняцкой или радикальной, но только лишь православной христианской церковью.

Кроме того, конфликт происходит и от того, что г.министр свое право надзора рассматривает как право верховодить, и ведет себя так, как будто он призван управлять церковью. Собор не согласен с этим, т.к. ему запрещают это каноны – подчинять дела церкви светскому управлению».

Под тем же номером в архиве хранится документ под названием «Ссоры и конфликты», писанный рукой Митрополита Михаила, в котором он обвиняет министра, который «стал как некий папа, что уничтожает соборные решения», приказывает духовному суду, и собственно попам, сам или через полицию, чтобы те не слушали архиерейских распоряжений, а это вносит непорядок и расстройство в церковное управление и вообще «он на каждом шагу убивает авторитет власти епископской, которую хочет свести к нулю и помогает попам бунтовать против владык».

⁷³⁷ Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије. Минхен. 1983. С. 376.

⁷³⁸ Хришћански весник. 1891, №№ 7 и 8. С. 147.

⁷³⁹ Сложные отношения между Митрополитом и властями, по всей видимости сохранялись и далее, и он не оставлял попыток уйти в отставку. В январе 1892 г. Михаил жаловался Пашичу на написанный против него памфлет: *«Меня сильно огорчает то, как клеветники нападают на меня в Скупщине. Все, что неприятели на меня вылили, все, что могли придумать злонамеренного, чтобы оскорбить, обесчестить, лишить всякого почтения – все это сделано. И сейчас мне ничего не остается, кроме как оставить место, которое я занимаю. <....> Вся эта клевета из венской кухни во вред нашей Сербии, на пропасть православия. <....> Простите меня за все это: если бы я знал, что на родной земле все пойдет таким образом – не возвратился бы сюда, но чинно и благородно умер бы вне своего отечества»* (АС. ПО–30/233. Письмо Митрополит Михаил – Пашичу 29 января 1892).

⁷⁴⁰ Хришћански весник. 1892, № 1. С. 50.

⁷⁴¹ Тодоровић П. Дневник. Београд, 1990. С. 274–275.

⁷⁴² Прежний нишский владыка Иероним умер в 1894г. (Весник СПЦ. 1894. С.500), а бывший митрополит Теодосий – в 1892 году. (Весник СПЦ. 189. С.317–319)

⁷⁴³ Дневни лист. 11 февраля 1898.

⁷⁴⁴ Тодоровић П. Дневник. Београд, 1990. С. 277.

⁷⁴⁵ Пилипович Р. Сербия в богословских учебных заведениях России во второй половине XIX века — мнение царского дипломата // Русский Сборник: исследования по истории России. Том XIV. М., 2013. С. 110.

⁷⁴⁶ Весник СПЦ. 1898, № 2. С.147; Народна енциклопедија српско–хрватско–словеначка. Загреб. 1928, књ 3. С. 369.

⁷⁴⁷ Выборный собор составляли: епископ жичский Сава, епископ тимокский Мелентий, епископ нишский Иннокентий, глава правительства Владан Джорджевич, председатель скупщины Никола Пашич, заместитель председателя народной скупщины Димитрий Катич, председатель госсовета Никола Христич, председатель кассационного суда Стоян Велькович, председатель госконтроля Джордже Стефанович, ректор великой школы Воислав Бакич, 15 архимандритов, 16 протопресвитеров и министр просвещения Андра Николич. За епископа нишского Иннокентия проголосовало 25 человек из 38 присутствующих. (Весник СПЦ. 1898, № 2. С. 138–139).

⁷⁴⁸ Дневни лист. 19 апреля 1898.

⁷⁴⁹ Относительно самого примирения в депеше говорилось:

«Примирение, совершившееся в среде сербских епископов, представляет то отрадное явление, что отныне окончательно устранен вопрос о законности или незаконности священников, поставленных за время неканонической

иерархии, о действительности или недействительности таинств, совершенных этими священниками, а этот вопрос существовал всегда, хотя и хранился благоразумно под спудом как опасный для мира сербской церкви и всего сербского народа. Ныне церковь эта не включает в себе более никаких зародышей междоусобной распри, что особенно знаменательно в настоящую минуту, когда светская власть теряет все более и более в глазах народа свое объединяющее национальное значение.» (РГИА. Ф.796. 179. 4035. Дело по препровожденной Министром иностранных дел депеше С.С.Неклюдова о примирении с Сербскою законною иерархией 2-х отставленных епископов Никанора и Димитрия. 1898г. Деша С.С.Неклюдова. Белград. 3 марта 1898. № 22. Л.2 об. – Л.4 об.)

⁷⁵⁰ Српске новине. 21 февраля 1898.

⁷⁵¹ Српске новине. 5 августа 1898.

⁷⁵² Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини 19 века. Књ. 4. Београд, 1925. С. 34.

⁷⁵³ Дневни лист. 21 февраля 1898; Дневни лист. 22 февраля 1898.

⁷⁵⁴ Дневни лист. 28 марта 1898.

⁷⁵⁵ РГИА. Ф.796. 186. 5786. По представленной г. товарищем Обер-прокурора копии с донесения российского посланника в Белграде о напаках некоторых сербских политических деятелей на сербского митрополита Иннокентия. 12 января 1905, № 214. Копия из МИД, доставленная в Синод. Донесение русского посланника в Белграде тайного советника Губастова от 14 декабря 1904г, № 89, л.3.

⁷⁵⁶ Хришћански весник. 1903, № 6–7. С. 269.

⁷⁵⁷ Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини 19 века. Књ. 4. Београд, 1925. С. 211.

⁷⁵⁸ Весник СПЦ. 1905, № 5. С. 462.

⁷⁵⁹ Весник СПЦ. 1902, №№ 3–4. С. 208.

⁷⁶⁰ Весник СПЦ. 1898, № 2. С. 144–145.

⁷⁶¹ Сам же Илич о перевороте писал следующее: «Сербия прошлой ночью поставила крест на том страшном режиме, который несколько десятилетий вносил расстройство, суматоху, коррупцию и зло в жизнь молодого королевства и мешал всякому прогрессу. Нет больше чрезвычайного положения, полевых судов, нет царедворцев или противников династии, не стало сексотов и доносов – прошлой ночью не стало всего того, что сверху распространяло коррупцию, разврат и всякое зло в нашем обществе. Настала новая эпоха и в политической, и в социальной жизни народа сербского.» (Хришћански весник. 1903, №№ 6–7. С. 255)

В том же журнале Николай Велимирович писал о «реакционном и ужасном времени, которое охватывало период последнего десятигодичного безумного режима». Период с 70-х гг. до правительства последнего потомка вымершей династии он называл «разрушительной системой, которая продолжается и посейчас в церкви сербской, уничтожает веру и хоронит мораль».

Велимирович видел в перевороте несомненную божью волю: «Бог оказался сят по горло причудливыми событиями сербской истории последних дней. Это была его воля – мучительной майской катастрофой завершить еще более мучительный и злосчастный период нашей истории. Провидение, которое провело сербский народ сквозь многогодичные тяжелейшие искушенья...смилостивилось и мудро вывело из области угрожающей коррупции и других губительных бедствий. Бог сохранил Сербию. Последний день прошлой реакционной эпохи окрашен кровью; кровавая точка поставлена в конце всех безумных и непристойных махинаций... Мудрость Божья и патриотическое сознание спасли родину от очевидной гибели». (Хришћански весник. 1903, №№ 6–7, 8–9. С. 360, 516)

⁷⁶² Илић А. Моји доживљаји. Београд, 1931, С. 210.

⁷⁶³ Народни лист. 1903, № 155.

⁷⁶⁴ Весник СПЦ. 1903, № 6. С. 573–574.

⁷⁶⁵ Штамп. 14 јула 1903.

⁷⁶⁶ Весник СПЦ. 1904, № 1. С. 94.

⁷⁶⁷ Весник СПЦ. 1904, № 1. С. 97.

⁷⁶⁸ Поповић–Обрадовић О. Парламентаризам у Србији. Београд, 2008. С.115.

⁷⁶⁹ Весник СПЦ. 1904, № 10. С. 863.

⁷⁷⁰ Штамп. 21 октобра 1903.

⁷⁷¹ Штамп. 8 августа 1903.

⁷⁷² Хришћански весник. 1905. С. 241.

⁷⁷³ Штамп. 14 јула 1903; Штамп. 19 јуна 1903.

⁷⁷⁴ Штамп. 24 новембра 1903.

⁷⁷⁵ Хришћански весник. 1904, № 11–12. С. 714; Хришћански весник. 1905, № 1–2. С. 65–68.

⁷⁷⁶ РГИА. Ф.796. 186. 5786. По представленной г. товарищем Обер-прокурора копии с донесения российского посланника в Белграде о напаках некоторых сербских политических деятелей на сербского митрополита Иннокентия. 12 января 1905 № 214. Копия из МИД, доставленная в Синод. Донесение русского посланника в Белграде тайного советника Губастова от 14 декабря 1904г. № 89. Л.3.

⁷⁷⁷ Политика. 20 маја 1905; Самоуправа. 20 маја 1905.

⁷⁷⁸ Хришћански весник. 1905. С. 328–329.

⁷⁷⁹ Политика. 14 августа 1905.

⁷⁸⁰ Политика. 21 маја 1905; Политика. 8 августа 1905.

- ⁷⁸¹ Хришћански весник. 1905. С. 377.
- ⁷⁸² Хришћански весник. 1905. С. 378.
- ⁷⁸³ Илић А. Моји доживљаји. Београд, 1931. С. 242.
- ⁷⁸⁴ Политика. 15 августа 1905.
- ⁷⁸⁵ Илић А. Моји доживљаји. Београд, 1931. С. 245–246.
- ⁷⁸⁶ Подобную же версию озвучивал Чеда Марьянович (*Хришћански весник. 1909, №2. С.123*).
- ⁷⁸⁷ Политика. 18 августа 1905.
- ⁷⁸⁸ Политика. 18 августа 1905.
- ⁷⁸⁹ Гласник СПЦ. 1905, № 9. С. 626.
- ⁷⁹⁰ Политика. 19 августа 1905.
- ⁷⁹¹ Српски Сион. 1905, № 17. С. 488–489.
- ⁷⁹² Гласник СПЦ. 1905, № 9. С. 565.
- ⁷⁹³ Народна енциклопедија српско–хрватско–словеначка. Загреб. 1928, књ 3. С. 367.
- ⁷⁹⁴ Епископ (а впоследствии, митрополит) Димитрий и Стоян Новакович действительно находились в приятельских отношениях. Например, в письме к Новаковичу 1902г. он обращается словами: «*Уважаемый господин, дорогой друг! Для Вас не чудо, что уменьшилось количество Ваших друзей и товарищей, ибо времена у нас теперь такие настали, что не знаешь ни кто кому друг, ни кто о ком хлопочет. Умершие Ваши друзья – все были великие люди. Меж теми, с которыми Вы остались, Вы возвышаетесь как мамврийский дуб, Вы осенили их прохладой своего исполинского роста и удивили их своей стойкостью*». Относительно Иннокентия он писал: «*Митрополит слаб и безволен*» (АС.СН.1306. Письмо от 31 января 1902г.). Остальную переписку между Димитрием и Новаковичем см.: АС.СН. 1305; АС.СН. 1307; АС.СН. 1308.
- ⁷⁹⁵ РГИА. Ф.796. 186. 5936. Дело об избрании сербским митрополитом епископа Дмитрия Шабацкого 1905 г. Донесение коллежского советника Каншина. Белград. 19 августа 1905. № 45. Л.3–3 об.
- ⁷⁹⁶ Весник СПЦ.1905, № 9. С. 770.
- ⁷⁹⁷ Весник СПЦ.1905, № 9. С. 785.
- ⁷⁹⁸ Хришћански весник. 1905, № 5. С.423.
- ⁷⁹⁹ Гласник СПЦ, 1905, № 9. С.645.
- ⁸⁰⁰ Штамп. 5 Јуна 1907.
- ⁸⁰¹ Весник СПЦ. 1910, № 10. С. 899–900. Хришћански весник. 1910, № 8. С. 837–848.
- ⁸⁰² Стенографске белешке о седницама народне скупштине за 1910г. Београд, 1910. С. 7–8.
- ⁸⁰³ Стенографске белешке о седницама народне скупштине за 1910г. Београд, 1910. С.4–5; Хришћански весник. 1910, № 9. С. 738; Хришћански весник. 1910. № 10. С. 822–825; Хришћански весник. 1910. № 11, 904–906. Хришћански весник. 1911, № 1. С.4–5; Весник СПЦ. 1910, № 5, 421–427; Глас епархије Нишке. 1909, св.11–14. С. 302–308.
- ⁸⁰⁴ Пилипович Р. Сербь в богословских учебных заведениях России во второй половине XIX века — мнение царского дипломата // Русский Сборник: исследования по истории России. Том XIV. М., 2013. С.117–118.
- ⁸⁰⁵ Хришћански весник. 1910. № 11. С. 906.
- ⁸⁰⁶ Весник СПЦ.1907, № 9. С. 678.
- ⁸⁰⁷ Весник СПЦ.1907, № 9. С. 680.
- ⁸⁰⁸ Весник СПЦ.1907, № 10. С. 753.
- ⁸⁰⁹ Весник СПЦ.1907, № 10. С. 754.
- ⁸¹⁰ Весник СПЦ.1910, № 5. С. 408.
- ⁸¹¹ Весник СПЦ.1910, № 5. С. 422.
- ⁸¹² Хришћански весник.1911, № 8. С.589.
- ⁸¹³ Весник СПЦ.1910, № 9. С. 717–772, 1022–1031; Хришћански весник. 1911, №№ 7–8. С. 516–533.
- ⁸¹⁴ Весник СПЦ.1910, №11. С. 908–913.
- ⁸¹⁵ Весник СПЦ.1910, № 10. С. 917.
- ⁸¹⁶ Хришћански весник.1910, № 10. С.740; Весник СПЦ.1910, № 910. С. 896.
- Комиссия под председательством Живана Живановича, которую назначил министр, позже, рассмотрев законопроект, передала все дела Чедe Миятовичу, чтобы тот облек все в законодательную форму и поднес комиссии на утверждение. (*Весник СПЦ. 1914, № 1. С. 7*)
- ⁸¹⁷ Весник СПЦ.1911, № 1. С. 75.
- ⁸¹⁸ Весник СПЦ.1911, № 3.
- ⁸¹⁹ Весник СПЦ.1912, №№ 6–7. С. 630.
- Заинтересованность священников в новом законе объяснялась еще и тем, что они планировали либо включить в него статьи, гарантирующие систематическую заработную плату, либо – принять отдельный закон об Урегулировании положения священников, уже давно совместно выработанный, но который и скупщина, и правительство отказывалась рассматривать отдельно, связывая его в одно целое с проектом закона о церкви. Джурич говорил в парламенте, что проект закона об Урегулировании положения священников должен предстать перед скупщиной, «*так как это...в интересах государства, и церкви, и священников – этого важного фактора в государстве. Это увери-*

ло бы священников заботе о них государство, и они бы с еще большей преданностью вершили свою возвышенную службу церкви и народу».

⁸²⁰ Весник СПЦ. 1914, № 1. С. 7.

⁸²¹ Весник СПЦ. 1895, № 2. С. 226.

ГЛАВА 5. СЕРБСКАЯ ЦЕРКОВЬ КАК ПРОВОДНИК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Сербская церковь по справедливому выражению современного историка Р.Радич никогда не была исключительно религиозным институтом, но являлась также и национальным установлением, защищавшим интересы сербского народа⁸²². Однако, говоря о сербской церкви как о национальной и рассматривая ее участие в осуществлении национальных притязаний, необходимо понимать, что эти особенности не были единственными в своем роде – они типичны для государств Юго-Восточного региона Европы конца XIX в. – Сербии, Болгарии, Румынии и Греции, где церковь играла весьма заметную роль в движении за национально-политическое освобождение. Невозможно не учитывать следующего важного момента: конфессиональная принадлежность была одной из составляющей модели построения национальных государств этого региона Европы. Конструкция *одна нация–одно государство–одна церковь* была реализована во всех бывших под управлением Османской империи православных государствах: Сербии, Болгарии, Румынии, Греции.

Присутствие православной церкви как неотъемлемой категории национального государства на Балканах стало возможным благодаря религиозно-этнической политике Османской империи, которая разделяла своих подданных по конфессиональному признаку и наделила в XV в. Константинопольского Патриарха обширными политическими и религиозными правами в отношении всех православных подданных Империи⁸²³. В патриаршую юрисдикцию входили не только гражданские и судебные дела священнослужителей, но и бракоразводные, наследственные (а по желанию и уголовные) дела христиан. Посему не кажется столь уж преувеличенным заключение современного турецкого историка о том, что могущество греческой церкви достигло своего апогея во времена расцвета Османской империи и утратилось с ее исчезновением⁸²⁴. Патриарх фактически был главой всех православных подданных Порты – *этнархом*; его власть распространялась и на другие православные земли – Сербию, Болгарию, Румынию, Македонию, входивших в греческий, т.е. православный, миллет (*millet-i Rûm*)⁸²⁵.

В христианских землях греческая церковь при покровительстве османских властей активно проводила политику эллинизации – насаждался греческий язык, культура и литература, греческое богослужение. Все церкви находились в подчинении Константинопольского Патриарха и греков с Фанара, грезивших о новой Византийской империи. Греками было подавляющее большинство епископов и митрополитов на новоприобретенных сербских, болгарских, румынских кафедрах. С движения за собственных иерархов, за богослужение на родном языке, из противостояния с греческим духовенством, начинала выковываться идея национальной иден-

тичности и возрождения национальной церкви – прежде всего, сербской и болгарской. Таким образом, именно сама Порта во многом заложила фундамент под здание «этнофилетизма», жертвой которого пала в конце XIX в. болгарская церковь. В этой связи интересно замечание турецкого исследователя К.Карпата, о том, что православная религия в империи к XIX в. став формой национальной идентичности и проводником этнического национализма (а не всеобщего братства, распавшегося в 1878 г.), разрушила гармоничное 400-летнее существование *Rax Ottomana*, в которой *не*-национальные православные церкви царили среди османских православных христиан⁸²⁶.

Как уже было сказано, Порта руководствовалась государственно-теологической доктриной, направленной на нивелирование этнических, национальных различий в империи и консолидацию по конфессиональному признаку. Но, в конце концов, эта политика способствовала пробуждению этнического и национального самосознания и привела к такому всплеску этнонационализма, что жертвой его стали не только захватчики – турки-мусульмане, что было вполне объяснимо, но и вчерашние соседи, и собратья по несчастью – греки, румыны, болгары, сербы. Поскольку именно через противопоставление своего этноса чужому (болгар против греков, сербов против болгар и греков, румын против болгар и т.д.) развивалась идентичность бывших подданных Османской империи.

Порта способствовала и созданию искусственной конструкции «этноконфессионализма» *серб=православный / православный=серб*, который к XIX в. прочно обосновывается в национальной идеологии в качестве базового элемента. Недаром известного русского слависта А.Гильфердинга, путешествовавшего по Боснии и сербы, и мусульмане, зная, что он русский «Москов», спрашивали: «Вы – серб?», имея в виду религиозную принадлежность. А один бег выказывая свое удивление тому, что русский царь помог немцам в борьбе с венграми, аргументировал это тем, что ведь «ваш царь – серб, а немец – католик»⁸²⁷. Аналогично этому, сербский селяк доказывал русскому историку и публицисту П.Ровинскому, прочитавшего «Отче наш», что он – серб: «Нет, ты сербин, ты этого сам не знаешь; а вот, ... когда придешь в Студеницкую лавру, там есть ученые монахи, и у них старые книги, они тебе покажут, что русские все сербы»⁸²⁸.

Та же самая османская политика дала духовенству административную власть – сельские священники вершили судопроизводство в области семейного, наследственного и договорного права, – ту власть, с которой впоследствии будет вынуждено бороться национальное светское государство. Необходимо так же учитывать, что в условиях османского завоевания именно церковь выступала единственной реально действующей и легитимной государствообразующей силой, силой противостоящей мусульманскому натиску: она хранила язык, обычаи и народность,

и делала все для консолидации нации и освобождения государства, и зачастую далеко не христианскими методами.

Закономерно, что к моменту образования независимых государств на Балканах церковь приобрела такую власть, положение и авторитет в обществе, что стала своеобразным «государством» в государстве – со своей развитой структурой, иерархией, движимым и недвижимым имуществом, а главное, со своим видением дальнейшего пути развития государства и привычками вмешиваться не только во внутривнутриполитические распри, но и вести самостоятельную внешнюю политику. И также закономерно, что новые легитимные власти молодых независимых государств, отрядив «богу богово, а кесарю кесарево», указали церкви на то место, какое она должна занимать в современном государстве. Церковь была поставлена под государственный контроль во всех православных балканских странах, ее делами ведали специальные ведомства, внутрицерковные споры решались в парламенте, священнослужители теряли право быть депутатами и быть членами политических партий; назначения высших иерархов, происходившие с подачи министров, подписывали главы государств и т.п. Эти шаги церковь воспринимала довольно болезненно, реализация их проходила не так гладко, как планировалось, и часто становилась причиной многих правительственных кризисов; частично и сама церковь была причиной снижения своего влияния – стяжательство, пьянство, участие в политических дрязгах священнослужителей не прибавляли популярности церкви. Сыграла роль и секуляризация общества в целом, к концу XIX в., докатившаяся и до Балкан.

Но, ни от религии как таковой, ни от национальной идеологии государство отказываться не спешило – в самом деле, все Балканские страны с 1878 по 1918 гг. находились в состоянии перманентной войны друг с другом, все территориальные приращения (за счет друг друга) делались под лозунгом возвращения/освобождения исконных территорий. Более того, освобождение этих самых национальных территорий, находящихся под властью иноэтничного/иноконфессионального народа, и объединение в единое государство и являлось исполнительной частью программы национальной идеологии всех Балканских стран⁸²⁹.

К началу XX в. церковь на Балканах исчезает из политической жизни и теряет свое прежнее значение, оставаясь при этом значительным явлением в жизни общества и сохраняя на будущее отработанные идеологические приемы, установки и мифы. И все мы, уже в начале XXI столетия, становимся свидетелями второго издания национализма, ирредентизма и этнофилетизма у наших балканских православных соседей.

§1. Религиозное состояние общества

В конце XIX в. сербской церкви и обществу пришлось столкнуться с фактом, от которого не возможно было отмахнуться – повсеместная религиозная индифферентность и равнодушные к православной вере, проявившиеся не только в малочисленной среде интеллигенции, но и в массе крестьянства. Архимандрит Илларион Весич рассуждал на страницах официального церковного издания:

«Эта духовная болезнь (религиозная равнодушность – Ю.К.) уже существует в нашем народе и день от дня все ширится и ширится. ... Больше всего заразе подверглась наша интеллигенция и горожане, которые менее всего принимают участие в богослужении по воскресным и праздничным дням и равнодушнее всего относятся к своей вере и церкви, хотя и не показывают себя как ее противники. В нашем городском обществе забвение своих христианских обязанностей (посещение общих богослужений в храме каждое воскресенье и праздник) настолько глубоко вошло в естественный порядок современной жизни, что обычно все развлечения и театральные представления происходят в канун воскресенья и праздников, и подразумевают, что на следующий день не будет никаких домашних и служебных работ. А когда назавтра св.церковь звоном созывает своих чад на молитву в храм божий, все они отдыхают от ночных забав, а св.храмы обычно пусты... Эта равнодушность к исполнению своих христианских обязанностей, к вере и к церкви, быстро распространяется из городов в простую массу народа так, что сегодня по нашим селам можно видеть в воскресные и праздничные дни полные кабаки и залы суда народа, а церкви, которые находятся в нескольких шагах от этих сборищ, пусты во время литургии...»⁸³⁰.

Епископ Мелентий жаловался как-то митрополиту Михаилу: когда тот служил на Новый 1898 год литургию, людей в храме можно было пересчитать по пальцам. Накануне праздника народ гулял и веселился до трех-четырех часов ночи, а на утро в храм пойти никто был уже не в состоянии. Сей чуждый «западный обычай» – забавы накануне Нового года – владыка предлагал в Сербии искоренить⁸³¹.

Эта странная особенность сербского православия, так сильно бросающаяся в глаза и особенно осуждаемая русскими – непосещение сербом церкви – была одним из наиболее тревожных проявлений упадка веры. Обеспокоенная церковная публицистика писала, что церкви стоят пустые, ходят туда лишь чиновники по обязанности да школьники, когда пошлют; порой доходит до того, что општинские власти гонят народ в воскресенье в церковь, как раньше на барщину⁸³².

Однако народ не всегда можно было «пригнать» в церковь, даже когда приезжало высокое начальство – епископ. Так, в 1908 г. селяки Дворанской епархии, озабоченные исключительно засушливой погодой, стоявшей тем летом (трава погорела, косить было нечего, маячила голодная зима для скотины, лес поела гусеница) канонический визит епископа Никанора проигнорировали и в церковь на архиерейскую службу не явились, что вызвало лютейший владычин гнев – он не захотел ни воду святить, ни окроплять, ни проповедь говорить⁸³³.

Естественно, что скрывать эту тревожную тенденцию было невозможно, даже митрополит Иннокентий отмечал в 1900 г. во время посещения Пожаревацкого округа, что прихожане нескольких парохий посещают церковь только по великим праздникам, а из иных приходов и вообще не появляются⁸³⁴. А епископ Димитрий признавал: «истина, что наш народ не часто ходит в церковь», правда прибавляя при этом: «зато массами идет туда на великие праздники и на славу»⁸³⁵. Подобное оправдание игнорирования сербом своих христианских обязанностей, объяснявшее, что сербский народ обладает особой, внутренней глубокой верой, а обряды – это нечто внешнее и необязательное, приобретало в устах церкви даже некое подобие «национального колорита».

Согласно подобной точке зрения, сербы – народ верующий, но не религиозный. Священник Душан Попович писал:

«Римокатолики, русские, немцы, турки и греки говорят, что наш народ нерелигиозен и неверующ, т.к. редко посещает церковь, редко публично молится богу, но прилюдно хулит его; говорят, что мало храмов и мало свидетельств веры, что сербы не причащаются в массе своей и не получают отпущение грехов, не жгут толстых свечей, не кладут поклонов, разговаривают в церкви и не крестятся часто, не поют вместе со священником и часто непристойно ведут себя в храме. ... Истина, что касается хождения в церковь – могу на пальцах перечислить праздники, когда люди идут в церковь: Рождество, Богоявление, Св.Иован, Св.Сава, Три иерарха, св.архангел Гавриил и Михаил, Св.Никола, Пасха, Вознесение, Троица, Крстовдан...

Женщины чаще и больше ходят в церковь, чем мужчины, но при этом женщины ведут себя хуже мужчин. Выглядит, как будто церковь для них – место сборищ, где каждая может о чем-то поболтать. Но все же, они первые готовы искренно расплакаться во время страстной недели и оплакать богоматерь, и вздохнуть, перекрестившись много раз, молясь от всего сердца богу... Когда приходят в храм, они ощущают себя как в гостях и ведут себя, как будто они приятели всем святым, и поэтому для них допустимо свободно разговаривать, в то время как мужчины всегда серьезны и торжественны... Можно сказать о нашем народе, что когда он в церкви, хотя это и редко бывает, он всегда Божий, и в этот момент занят больше всего верой, предаваясь весь богу и службе его. Он таков только в храме, но редко вне храма... Он набожен и тогда, когда мысли и язык его опоганены богохульством и поруганием Бога и всех святынь. А такой он часто, к стыду и греху его!»⁸³⁶

Повсеместное несоблюдение и незнание христианских обрядов сербским народом, как например, поста, было еще одной проблемой, с которой сталкивалась церковь. Так, один из священников приводил пример:

«...каждый год жители Власотина 11 декабря празднуют день памяти освобождения от турок. В церкви они приносят благодарение Богу, а затем коллективно идут в кафану отмечать, где садятся за стол, полный скоромной и постной еды. Постная еда предназначена для священников, т.к. все знают что они не могут есть скоромное, а скоромная еда – для образованных и для патриотов. <...> еще 10 лет назад во Власотинцах нельзя было увидеть мяса в пост, а сегодня его много, как и в обычные дни»⁸³⁷.

Любопытны в этом плане замечания д-ра Чед. Марьяновича, который в ответ на статью русского богослова проф. А.И.Введенского, побывавшего в Сербии и отметившего среди прочих грехов церкви невоздержанное потребление монахами и епископами мяса, возражал, что сербский народ всегда «обращал внимание не на форму, а на душу и сердце священника». Сербский правовед возмущался:

«Никто до сегодняшнего дня, от простого селяка до министра, не попрекал наших монахов и епископов, что те едят мясо. В России монахи и епископы и подумать не могут, чтобы есть мясо, это был бы неопиcуемый соблазн <...> Но то, что соблазн в России, не является таковым в Сербии. И монахи и владыки свободно едят у нас: запеченных поросят, ягнят, пьют вино и ракию, и никто их в том не попрекает. Никто этого не ставит в грех: пусть каждый ест, что ему есться, – только пускай будет достойно и порядочно себя вести и исполнять свои обязанности. Не в еде грех, а в делах».

И это – мысли ведущего богослова относительно соблюдения христианских обрядов высших церковных сановников! Что уж говорить о том, как относились к соблюдению внешних обрядов простые селяки!⁸³⁸

Не зря Поп Марко Петрович в скупщине говорил, что

«Народ не знает дух наших обрядов, не знает святую идею, которая в них заложена; ровно так же и не знаком он с духом святого письма как источника всех христианских добродетелей – отнимите у него или ослабьте эту обрядовую сторону в священнической службе, тогда вскоре из веры вытрется все, и не знаю, что тогда от нее останется...»⁸³⁹.

Очень полезны для понимания сути религиозного поведения серба-селяка воспоминания проты Савы Петковича⁸⁴⁰, поставленного в 1904 г. приходским священником в районе Юго-Восточного Срема. Петкович с грустью отмечал, что католики и протестанты в его селе были более ревностными прихожанами, чем сербы, в домах которых почти не было икон, а те которые были, неосвящены или зачастую вообще оказывались римо-католическими. Почти никто из его прихожан не соблюдал пост, а когда священнику удалось личным примером ввести пост в практику сельской жизни, то он с удивлением обнаружил, что понятие поста для серба означает лишь воздержание от скоромной еды, а никак не от алкоголя:

«В отношении же самого поста мои прихожане, как и почти весь наш народ, придерживались ошибочного понимания. Поститься – значило для них воздерживаться лишь только от скоромной пищи. А то, что надо было воздерживаться и от алкогольных напитков, от непристойных речей, пустых разговоров <...> и т.п., <...> об этом они в большинстве своем не знали. <...>, о телесном посте они имели правильные, а о духовном не имели никаких понятий. <...>

В понедельник первой недели великого поста, который в народе прозван чистым понедельником, когда типиком предписан строгий пост, как и на великую пятницу, народ в основном пьет, гуляет и играет. Я был немало удивлен, когда поначалу встречал на улице целые толпы пьяных людей с бутылками вина в руках, которые пели скабрзные песни под музыку. На мой вопрос: что вы делаете? весело мне отвечали: «румянец нагуливаем на щеки» <...> На саму великую пятницу <...> в моем селе все дома были полны «благочестивых христиан». Все едят и пьют ракию или вино. «Сегодня великий пост, так положено», – с гордостью говорит такой «испостник». И у самой церкви эту ночь отмечали оргиями. Уже смеркается, и «богобязненные мирноносицы» спешат из разных сторон села с ковриками и полными торбами лепешек, кукурузы, бутылками вина или ракии в церковь «сторожить гроб Христов». Является и несколько людей с тулупами и здесь же, около святыни, рассаживаются на коврах и водят «душеполезные» разговоры, выпивая и закусывая целую ночь до заутреней. После заутрени, которая свершается тяжелой мукой в этой смрадной атмосфере, загаженной алкоголем и испарениями, они окружают священника, чтобы я дал им обратно мелочь, которую они пожертвовали – поправиться немножко ракией, а то ведь всю ночь в бдении провели! И это повторяется и в субботу ночью, вплоть до воскресения Христова. Бывали случаи, когда я при встрече с таким пьяным братом, на свой вопрос: «почему напился?», получал ответ – «пощусь, господин. Хочу в воскресенье причаститься»⁸⁴¹.

Относительно этих важных составляющих христианской жизни – причастия и исповеди, многочисленные свидетельства приходских священников повествуют о том, что значительная масса их прихожан не причащалась по 20–25 лет, а иные и вовсе никогда. Исповедь же, как правило, совершалась священником лишь формальным образом, и ее смысла народ также не знал и не понимал. Сава Петкович приводит такой забавный случай – когда он попытался исповедовать своих прихожан по правилам, то натолкнулся на жесткий отпор: «что это за поп такой, что он о моих грехах спрашивает? Чего это его мои грехи касаются?», – возмутились «набожные» прихожане.

Что уж говорить о религиозном настроении общества после мировой войны! Достаточно сказать, что службы вернувшийся после пятилетнего отсутствия в родное село интернированный священник Сава Петкович служил в пустой церкви – певчие и служки разбежались, молодые в церковь уже не ходили, старые отвыкли, а ранее обязательное посещение церкви школьниками и учителями было отменено. Местный же социалист, проходя мимо церкви, и вовсе сказал: «что нам за польза от этой церкви? Лучше было бы ее на кирпичи разобрать»⁸⁴².

Один из священников тимокской епархии жаловался после войны на отсутствие духовной связи между ним и его прихожанами:

«Я вижу и чувствую, что моим прихожанам священник нужен лишь только для совершения чиннодействия, т.к. священника он зовет не сам, а через служку. В церковь, куда я хожу, народ слабо идет, а кафаны, куда я не хожу, всегда полны; поэтому нет такого места, где мы могли бы собраться и поговорить по сердцам. Единственный подходящий случай для этого – празднование славы, но и тогда хозяева больше заняты гостями, и у меня нет возможности заинтересовать их разговором о церкви и вере. А политикой и партиями – тем, что их интересует, – я не занимаюсь. <...> Школа везде у нас семимильными шагами (а в моем местечке М. еще быстрее) удаляется от церкви. Благодаря «современным» просветителям молодежь быстро и легко забывает, что такое исповедь, причастие и вообще православная церковь. Ученики очень редко посещают церковь, и когда школьник приходит в церковь, он не знает, где и зачем тут что находится».

Доходило до казуса – священник во время великого поста упросил учителя привести детей в церковь для причастия. Рано утром дети собрались в школе, где, как обычно, играли и носились, сломя голову, и лишь после начала литургии их привели в церковь. Священник отчитал учителя за нерадивость в воспитании детей в духе православной церкви, на что тот пожаловался школьному инспектору, который стал угрожать священнику иском министру просвещения и тем, что он своей властью распорядится, чтобы ученики всех школ в области вообще не посещали церковь⁸⁴³. Все тот же тимокский священник сетовал:

«Церковь посещают совсем слабо, и кажется мне, что они боятся церкви. Много раз бывали случаи, что кому-то из прихожан надо позвать меня для совершения чиннодействия, но когда он узнает, что я в церкви, он туда не входит, но ждет перед воротами, пока я не выйду. На мой вопрос, почему он не вошел в церковь перекреститься и помолиться богу, я всегда получаю один и тот же ответ: «ну, ... я не знаю, не посмел, боюсь, как бы ни осрамиться...». Но есть еще хуже! Когда приходят в церковь договориться насчет крестин ребенка или жених с невестой венчаться, а заутрениа или служба еще не окончена, пономарь, кото-

рый служит при церкви 43 года, тут же прогоняет их вон из церкви и гонит в кафану, чтобы они ждали там и не мешали церковной службе. Грешным делом я подумал, не получает ли служба от трактирщика процент? На мои упреки, что так нельзя, всякий раз злобно мне отвечает: «У нас люди так привыкли и все тут»⁸⁴⁴.

«Набожность» же прихожан заключалась, как правило, в неуклонном и скрупулезном соблюдении сугубо внешних обрядов, во время празднования славы, свадьбы, похорон и т.п., а что касается церковных обрядов и чиннодейств, тут серб требовал вершить их как можно быстрее и не затягивать проповедями. «Так, один коммерсант, который, кажется, целый год учился в университете, – рассказывал священник, – просил меня, чтобы я во время венчания как можно меньше читал, обещая мне заплатить еще больше, если я постараюсь, чтобы весь обряд венчания занял не больше 10 минут. Его свадьба, с разгулом сопровождавшаяся разными обрядами, длилась, между прочим, три дня и три ночи». При этом самое краткое обращение священника во время службы в церкви вызывала злобу и неудовольствие: «чего это поп нас так долго мучает, почему это так долго длится служба?» Считалось, что крестьяне больше всего по сравнению с остальными социальными слоями остались привержены церкви, но и они «слабо посещали церковь, у них больше суеверий, чем у чиновников и торговцев, они не знают молитв, а число тех, кто не умеет перекреститься, отнюдь не малочисленно», – сообщал тот же священнослужитель.

Джордже Хаджич, липский священник, тоже отмечал, что в народной среде и 20 человек нельзя найти, которые бы правильно крестились, потому что люди не понимают смысл этого обычая, народ не знает элементарных молитв, которые после 4–5 классов образования напрочь забываются вместе с основами грамотности. Люди в массе своей абсолютно неграмотны, – писал священник, – и вообще ничего не знают ни о Христе, ни о Богородице, ни о святых, ни об обычае красить яйца на пасху, ни о бадняке. Изображения святых имеются едва в 20–30 процентах домов. Многие селяки не знают ничего о необходимости причастия и исповеди больного, и всегда со страхом к этому относятся, т.к. существует убеждение, что после свершения этих обрядов человек непременно умрет. Простой народ ничего не знает ни о загробном мире, ни о душе, ни о рае и аде. Когда славят славу, хозяин дома не имеет понятия о жизни своего домашнего патрона, как и о смысле самого обряда славы, преломления колача, возжигания свечи. Основное понятие о святой троице – божь-отце, божь-сыне и божь-духе святом, точно также, как и «Верую» и заповеди Божии оставалось для народа «тайной великой». Те же, кто прошел через среднюю школу выучили, что «Бога нет, мир сотворен природой и человек произошел от обезьяны», когда же люди попадают в армию, то становятся совершенными безбожниками⁸⁴⁵.

Причины такого упадка веры, как обычно, связывали с распространением цивилизации и образования, привнесенных с Запада; в погоне за материальным достатком, в развитии индустрии и экономики. «Нечего делать, ваше преподобие, подвиньтесь немножко, химия идет!» – ци-

тировали сербы Достоевского, видя в стремительно надвигающейся науке и материально-технической культуре, направленной на удовлетворение лишь сиюминутных потребностей, главный корень зла⁸⁴⁶. Во всем винили безбожную интеллигенцию – церковь видела в ней «убийцу православия» и рассадник современной религиозной индифферентности⁸⁴⁷.

Так, будущий владыка Николай (Велимирович) считал, что неверие в Сербии возникло в 70–х гг. XIX в. и пришло из-за границы «как мода», а не было плодом естественного развития в «духе народа». Вместе с идеями социализма, в основе которой лежал атеизм, для которого сербское общество было еще не готово, пришло отрицание всякой веры и церкви, и эти враждебные к церкви отношения очень быстро распространялись – в журналистике, литературе, общественном мнении. Но церковь оказалась не в состоянии противостоять этим тенденциям, равно как и защитить свой авторитет. Совершенно справедливо Ник.Велимирович определял одну из основных причин такого катастрофического снижения престижа церкви – участие священников и церковных иерархов в политических играх, которое «убило веру, ... унизило церковь и испортило мораль». В 1903 г. по горячим следам он вспоминал, что политическая борьба за последние три десятилетия была *«страстью сильнее алкоголизма и безотчетней инстинкта, вихрем безграничной и безумной вражды, подлога, травли, разрушения и уничтожения всего благотворного, святого и возвышенного, омутом, на дне которого виделись погруженными и глава церкви и глава государства»*⁸⁴⁸.

Сам первоиерарх сербской церкви, митрополит Михаил, оправдывал непопулярность посещения церкви и упадок монастырей условиями современной жизни и, по словам русского писателя Е.Маркова, в 1895 г. путешествующего по Сербии, «не относился особенно строго к этому недостатку народных нравов». Митрополит объяснял:

«Монастыри теперь очень сильно обложены казенными повинностями, а доходов их не хватает на содержание многочисленной братии. ... А подвижников в наше время не является. Дух времени направляет умы и сердца людей совсем в другие сферы. Общественная жизнь приняла теперь широкие размеры; ежедневно то какая-нибудь скупщина, то собрание каких-нибудь обществ, зрелища разные, – вот и некогда посещать храмы»⁸⁴⁹.

Политические деятели Сербии также склонны были видеть причину в излишней политизированности священников. Так, министр просвещения Андра Николич признавался:

«Попы наши виноваты, что сербский народ без религии. ...Высшая духовная власть, к сожалению, сама так заражена политикой, что приучила политиковать и все деревенское духовенство. Поп наш решительно ничему не наставляет народ, кроме политики. И серб ни в чем не станет слушать своего попа, кроме того, когда он читает ему газету и толкует про политические дела. Оттого-то серб готов умереть за церковь, за веру свою, а богу не молится, и ни о какой религиозной нравственности не имеет понятия...»⁸⁵⁰

Конечно, в немалой степени упадку религиозности и дискредитации института церкви послужило излишнее рвение священников к политике; всеобщая секуляризация, развитие науки и техники, появление материализма и атеизма также имели место⁸⁵¹, но основную причину

сложившейся ситуации на наш взгляд все же было бы логичнее объяснить тем, что за время Османской империи сербская церковь, бросив все силы на организацию и пропаганду национально-освободительной борьбы, совершенно «выпустила» народ из сферы своего сугубо религиозного внимания⁸⁵². Никакой проповеднической работы, направленной на разъяснение христианских догматов и сущности веры церковью не велось. Количество церквей за время османского господства значительно сократилось (турки не разрешали возводить новые храмы), стремительно снижалось число священников и монахов. Средневековый культ книги и книжности оказался в забвении, школьным образованием (не говоря уже о университетском) была охвачена ужасающе малая часть населения, традиции аккуратно посещать церковь у серба не сложилось – неграмотному народу⁸⁵³ неоткуда было почерпнуть элементарные сведения религиозного характера.

Совершенно правы те историки и публицисты, кто говорит, что сербский народ сохранил свою веру не благодаря церкви, а вопреки ей. Только вера эта была весьма специфической – не зря в 1911 г. известный историк Веселин Чайканович писал:

«Наш народ исповедует странную религию: почти вся интеллигенция или апатична или насквозь нерелигиозна, народные массы точно также, либо апатичны, либо суеверны. Наши погребальные и свадебные обычаи остались в неприкосновенности еще с бронзового века. Как следствие, в совокупности мы получаем не настоящую религию, а какую-то суперсмесь»⁸⁵⁴.

Не приходится удивляться, что при отсутствии церкви как сугубо духовного института, средневековое сознание серба-селяка заполнилось мешаниной из христианских и языческих представлений. Под христианскими святыми скрывались злые, требующие поклонений языческие божества, на старых святилищах вырастали православные монастыри; камни и родники, на которых к неудовольствию церкви палили свечи и ставили иконки, получали в народе статус «священных»; заговоры от болезней творились бабками-знахарками «именем Христа и св. Йована». Повсеместно (и православные и мусульмане) верили в то, что душа мертвого человека переходит в новорожденного ребенка, и сколько людей умирает – столько и рождается⁸⁵⁵. Пережитки язычества (анимизм, бытовая магия, культ предков) можно увидеть во всех обрядах, заполнявших жизненный цикл серба-селяка – от рождения и до смерти. Как писал проф. Маринко Станоевич в 1903 г.:

«Вся народная жизнь пронизана суевериями. Можно свободно сказать: нет ни одного значительного акта в его жизни, который не был бы сопровождем каким-нибудь верованием – от момента рождения и до момента смерти. Невозможно перечислить все суеверия, некоторые из них касались рождения, свадьбы, болезни, смерти, праздников. Таким образом можно увидеть, насколько распространены в нашем народе, как и в стародавние времена, вера в оборотней, вил, чертей, духов, в злые души и очи...»⁸⁵⁶.

Наиболее ярко они проявлялись во всем, что касалось «нижнего мира» – погребального обряда, разного рода хтонических существ, вроде вампиров и вукодлаков⁸⁵⁷. Родственники по-

койника спешили поскорее избавиться от мертвеца в доме – крестьяне повсеместно нарушали закон, предписывающий выждать 24 часа с момента смерти для похорон, и стремились похоронить чуть ли не в этот же день. Перемещать мертвого было дурной приметой, а особенно строго следили, чтобы никто и ничто не перепрыгнуло или не перескочило через труп – кот или домашняя птица, иначе покойник становился вампиром. От боязни, что покойник станет вампиром, под ногти вставляли шипы или прибивали труп к гробу. От одежды мертвеца отрезали по несколько сантиметров ткани для лечения скота или вешали на стену от всякой заразы; на месте, где лежал покойник разбивали яйцо и размазывали его по полу, забивали гвоздь в землю, чтобы кто-нибудь еще из домашних не умер от болезни и т.п. Мужу на похоронах нельзя было снимать шапку, – считалось, что так он легче второй раз женится.

При этом, когда кто-то из священников попытался объяснить христианское значение креста, столкнувшись с обычаем ставить посмертный крест для женщин в виде красиво обструганной палки, затейливо вырезанной сверху и окрашенной (для мужчин он был обычным, православным) – на все его увещевания, что, мол, не по-христиански это, без православного креста, – сельяки отвечали: «может быть оно и так, но мы не будем менять обычай, который остался нам от старины»⁸⁵⁸. Даже епископ Никанор в отчете Архиерейскому собору в 1902 г. докладывал об оставшихся со времен язычества предрассудках – поклонении народа разного рода камням, развалинам, пещерам и т.п. (епископ даже самолично ездил вместе с полицейскими властями разрушать эти «священные» места)⁸⁵⁹.

Дикие суеверия, вера в вампиров повсеместно распространялись и разносились по деревням бабками, причем зачастую эти суеверия поддерживались как врачами, так и священниками, которые нередко сами лечились у бабок-знахарок. Сохранялись обычаи насильного увода невесты и брачной жизни до официального венчания⁸⁶⁰. Тимокский Епископ Мелентие на Пасху 1900 г. говорил относительно народных предрассудков, что среди народных масс христиан, а особенно, христианок, очень много суеверия:

«Они больше верят всяким гадалкам и знахаркам, чем настоящим служителям Божиим – священникам. Множество христиан и христианок больше уделяют внимания гаданиям, врачеваниям, колдовству, приворотам, чем церковной молитве и богослужению, они больше опираются на бабкины лекарства и цыганские гадания, чем на врачей и их лекарства. ...В некоторых местах церкви в праздники совсем пусты, зато около каких-то развалин и камней полно народа. Пока священник в одиночестве служит в церкви, народ собирается около разных сумасшедших спекулянтов и слушает их бредовые фантазии и ложь. ... Некоторые христиане, недовольные обрядами и святыми таинствами, сами проводят какие-то бессмысленные обряды, которых умный человек должен стыдиться. И при крещении, и при венчании, и при отпевании для них бабкины заговоры, речи и советы имеют большее значение, чем само чиннодействие священника. ... Так, из-за суеверного бредового совета бабки случилась одна трагикомедия – жених отказался от невесты, и сейчас она оплакивает злую судьбу свою, которая ей выпала из-за полумных советов суеверной бабки.

При родах и крещении ребенка бабкины советы и гадания играют первенствующее значение. «Это хорошо, это нет, то надо, а это не надо» – говорят они, и их советы принимают за нечто

священное. Особенно во время похорон глупые и смешные суеверия занимают первое место. Так, например, живые смотрят, чтобы через мертвеца не перескочило никакое животное, мертвеца колют, чтобы он не стал вампиром, мертвеца хоронят вместе с петухом, чтобы в доме еще кто-нибудь не умер. До того, как опустить мертвеца в могилу, туда спускается бабка, и размахивая юбкой по углам, отгоняет дьявола. ... Как только кто-то из народа разболеется, то сразу бежит к знахаркам...Знахарки сразу определяют причину болезни – работала на великий четверг, стирала в пятницу... И говорят, что им то Св.Архангел явился, то Илия, то Св.Петка... Они выкапывают какие-то травы или делают сами отвратные жидкости и дают больным, которыми те травятся...»⁸⁶¹

Неудивительно, что сталкиваясь с повседневной религиозной жизнью серба-селяка, священник Джордже Хаджич приходил к выводу – «можно свободно сказать, что масса нашего народа только по названию христианская, ...но по познанию своей веры стоит чуть ли не на той же ступени, что и язычники»⁸⁶². Так что справиться с народной традицией церкви оказалось не под силу, – народ крепко держался своих обрядов, и священник, который пытался ввести нормальные христианские правила, рассматривался селяками как крушитель «народного» закона.

Приходится признать, что сербская церковь к концу XIX столетия во многом утратила отведенную ей общественную роль не только в формировании обыденного мировоззрения и поддержании морально-этических норм, но, как это не парадоксально, и самого религиозного сознания. В отличие от русского крестьянства, влияние церкви на религиозно-нравственные представления которого было основополагающим⁸⁶³, сербский народ не воспринимал православную церковь как духовно-нравственный авторитет. Сербский селяк в отличие от своего собрата, русского крестьянина, в центре христианского мировоззрения которого стоял образ Христа и образ Храма Божьего, был не склонен к религиозному мистицизму и святости.

Очень точно подметил швейцарский журналист Арчибальд Райс: сербы превратили свою религию в народную церковь, или, лучше сказать, в народную традицию, оставшись при том абсолютно нерелигиозными. Образ Бога в народном сознании сильно отличался от Бога библейского, которого народ не принял, представляя, что «сербский «бог» носит кольчугу, бороду королевича Марка и шайкачу солдата с Цере и Каймакчалана». В самом деле, бога серб по старой языческой традиции воспринимал скорее как своего старшего партнера, которого можно похлопать по плечу и умастить подношениями – не зря серб молился разным богам, «малым святым», по большей части из страха перед стихией – дождем, засухой, мором и т.п.

Такое же утилитарное отношение мы видим и в отношении к церкви и священнику. Тот же Арчибальд Райс писал: «священники никогда не были у вас церковными людьми, но пламенными патриотами со всеми достоинствами и недостатками вашего народа». Действительно, сербский священник был не пастырем своего стада, а соседом, фактически тем же селяком, который так же пахал, сеял и ходил за лошадью с заткнутыми за пояс пистолетами, был порой также нищ, пьян, оборван и безграмотен, как и рядовой селяк⁸⁶⁴. Священник для серба был такой же «свой», как и весь остальной народ, поэтому дистанция между духовенством и народом,

так свойственная для русской церкви или католичества, отсутствовала в сербской церкви. Вероятно, не будь турецкого завоевания, церковь, как крупный феодал, превратилась бы в совершенно иную организацию – с жесткой иерархией, развитым аппаратом подавления, многочисленными зависимыми крестьянами и т.п. Однако нет худа без добра – турецкий ятаган уравнивал всех: и селяка и священника. Русский ученый-славист А.Гильфердинг удивлялся: зашедши к одному архимандриту, он увидел на стене рядом с иконами штук пять висящих ружей и парочку пистолетов: «на всякий случай», – пояснил архимандрит⁸⁶⁵. Почти в то же время русских священников волновали совсем другие проблемы. Как тут не вспомнить слова одной попадьи из писем А.Энгельгардта: «плохо нынче, земляного дохода мало – все больше дети мрут, нет, чтоб настоящие люди!» Неудивительно, что при таком отношении, русский крестьянин не питал особой любви к церкви и в 1917 г. оплатил «сторицей», – чего никак невозможно было себе представить в Сербии, где церковь никогда не воспринималась как некая инородная, паразитическая институция, а уж тем более, символ угнетения. Прав был несостоявшийся Сербский патриарх Чедомиль Миятович, когда писал, что *«сегодняшние сербы считают церковь политическим учреждением, которое неким мистическим образом связано с существованием нации. Они не позволяют никому ни нападать на нее, ни ставить под вопрос. Между тем, когда на нее никто не нападает, они сами на нее не обращают никакого внимания»*⁸⁶⁶.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что сербская церковь, бросивши во время Османов все свои силы на национально-освободительную борьбу, перестала уделять основное внимание религиозному и духовно–этическому развитию народа: в какой-то мере духовно–нравственные ценности христианства были принесены в жертву национальной свободе, заботе о сохранении «сербской расы». И после 1878г., когда Сербия обрела долгожданную свободу, а церковь – автокефалию, священники и архиереи, со всем патриотическим пылом бросившиеся в эпицентр политических баталий, уже не могли претендовать на роль духовных пастырей полужыческого и полубатеистического «стада».

§2. Национальная миссия сербской церкви

Для сербского общества середины-конца XIX в. характерно глубоко укоренившееся осознание особой роли православной церкви в истории Сербии⁸⁶⁷. Труды немногочисленных сербских историков от Вука Караджича до Стояна Новаковича, а вслед за ними и всех публицистов и общественных деятелей, тиражировали штампы о том, как в эпоху Неманичей церковь боролась с язычеством, ересями и римскими папами, сохраняя в чистоте свою веру; во время

нашествия османов, кроме религиозной, взяла на себя еще и миссию хранителя народности – и сохранила и то, и другое от чужого влияния; в период восстаний вместе с народными вожаками руководила борьбой с турками, а напоследок сотворила и сербское государство⁸⁶⁸.

Убеждение о неразрывной связи церкви с народом, возникшей, по всеобщему мнению, еще во времена Св.Савы, утвердившего православие, было в глазах общества тем стержнем, на котором держалась вся история сербства. Из безоговорочной веры в непреложный факт, что церковь в столетия рабства была той силой, «которая с помощью монастырей, церковей, священников и монахов хранила сербскую народность»⁸⁶⁹ и спасла народ от уничтожения, логически следовало заключение, что церковь – залог существования сербского этоса. И сама церковь была убеждена, что именно православие, будучи национальной верой, нераздельной от сербской народности, «делает серба сербом»⁸⁷⁰.

Современная исследовательница Радмила Радич совершенно верно объясняет такое сращение: сам характер православия предполагал связь между религией и нацией, ибо православные церкви по сути своей – церкви национальные. Восточная церковь, основанная на народных началах, – пишет Радич, – слила веру и нацию в единое понятие – сербская церковь уже своим фактом существования подчеркивала сербскую идентичность:

«Национализация веры еще с принятием христианства была привнесена в нашу племенную жизнь, ... и глубоко угнездилась в народной душе. Св.Савва не по главному городу назвал независимую церковь, или по месту своей резиденции, каковой была практика, но – **Сербская церковь**, а себя – первым **архиепископом Сербским**. И так крещенная церковь, исповедуя и храня чистое православие от внутренних и внешних неправильностей и влияний, становилась все более национальной»⁸⁷¹.

Радич отмечает, что борьба за национальное освобождение по всем Балканам началась под квазирелигиозным покровительством, так как политические слоганы первых сербских (и греческих) революционеров не различали борьбу за веру от борьбы за свободу и независимость⁸⁷². Православие было в Сербии институтом не столько религиозным, сколько политическим – не даром Вл.Соловьев еще в 1911 г. писал: «Равнодушие сербов к религии достаточно известно, так же, как и их мания пользоваться православием, как политическим оружием в братоубийственной борьбе с хорватами – католиками»⁸⁷³.

Такое осознание серба через принадлежность к православной религии позволило поставить знак равенства между православной верой и сербством, между этносом и религией, и этот знак равенства можно назвать краеугольным камнем сербского национализма. Однако с православием связывался не только сербский этнос, но и сам сербский язык. Так, британская путешественница Мери Дарам рассказывала забавный случай: при регистрации в полиции города Пирота она записала свое имя по-сербски, объяснив, удивленным сербам, что кириллице ее научил в Лондоне один поляк. «Невозможно, чтобы Вы научились этому письму от поляка, так как поляки – католики, а эти буквы – православные», – возразили ей сербы. Но какому-то начальнику

пришла в голову мысль, что поляк, видимо, сначала был католик, а потом покрестился – такое объяснение удовлетворило сербов, ибо, как комментирует англичанка, по мнению серба, легче было переменить веру, чем выучить алфавит, принадлежащий другой вере⁸⁷⁴.

Сербская церковь веками рассматривала себя единственным легитимным представителем сербского народа⁸⁷⁵ и активно поддерживала мысль об исключительной роли и заслугах духовенства перед народом, в котором оно на протяжении 500 лет «подогревало преданность и любовь к святой вере и свободе, сохраняло отечество и народность»⁸⁷⁶. Николай Велимирович писал в 1903 г.:

«Нигде вера не связана так тесно с народом, как у нас, и нигде церковь не имеет столько заслуг перед народом, как наша церковь перед нашим народом. В эпоху царства и величия государственного она находилась на единственной высоте, она всегда была источником величайшей благодати и счастья народного, истинной хранительницей и защитницей евангельских и народных интересов, мудрой советчицей и помощницей в деле государственного устроительства и просвещения – всегда глубоко уважаема и почитаема. Во время рабства церковь служила утешением и укреплением угнетенному народу, – хранительница заветных мыслей и носитель лучей освобождения; главный фактор консолидации в новоосвобожденной земле. Во время общественных разногласий – непоколебимая стена, в минуты мелочной политики – всегда та же, светлая и святая»⁸⁷⁷.

Но не только священники, но и миряне полагали, что «духовенство – наиглавнейший столп не только государственной, но и народной жизни всякого народа, животворная связь всего, что есть в народе и в государстве»⁸⁷⁸. Интересно, что даже иностранным путешественникам внушалась эта мысль о единстве церкви и народа – так, английский журналист писал в 1897 г.:

«Всеобщее и единодушное признание церкви – это производное от ее кредо, которое не есть предмет духовности, но национальной гордости. И действительно, сербы своей церковью гордятся не из-за уверенности в том, что принятие ее доктрин есть доказательство высшей мудрости и порядочности, а вследствие осознания всеми, что она – самый значимый фактор сохранения их национальной идентичности. Религии, которые основываются на убеждениях отдельных людей разделяют людей и ослабляют дух национализма. В отличие от них, сербское православие, связывает людей крепче всех остальных связей»⁸⁷⁹.

И в светской прессе, «демократическом листке о политике и новостях» газете «Штампа», писали:

«Неоспоримая истина, что Сербия очень много должна церкви и ее священникам за свое политическое воскресение из рабства...

После косовской катастрофы, лишенным государственной самостоятельности и оставленным на милость и немилость азиатских варваров, поработанным сербам осталась только одна утеха и надежда на церковь, которая подбадривала их верой и надеждой на Бога.... Поддерживая в народе веру праотцов, сохраняя чистые обряды православной церкви, она была хранителем народных традиций и обычаев, она утешала его в бедах рабской жизни и была единственной надеждой на воскрешение народа. Церковь и монастыри сохранили народу воспоминания прошлого и были источником уверенности в том, что не все еще пропало, что народ сербский еще жив, хоть и горькой зависимой жизнью. А когда пробил час, и сербский народ стал сотрясать своими тяжелыми рабскими цепями и разрывать их своей титанической силой, тогда священники вели его вперед, подавая примеры самопожертвования»⁸⁸⁰.

В том же ключе расценивали роль церкви и сербские политики. Сам Милан Обренович милостиво благодарил в 1879 г. «священство независимой Сербии, доказавшее на днях, что стоит на высоте патриотизма, на которой и стояло всегда сербское священство, которое было в пятивековом рабстве хранителем народных стремлений к свободе и независимости»⁸⁸¹. А Стоян Бошкович, министр просвещения и церковных дел, говорил о высокой национальной и моральной миссии церкви:

«После злосчастной косовской битвы главную роль в делах народной жизни взяла на себя церковь. По всем сторонам и весям нашей распавшейся державы, по всем краям, где только слышится язык и имя сербское, везде ощущалась ее мощная и благотворная струя, в которой собирались все источники духовной и национальной жизни... Она от моря до Саввы и Дуная неотступно хранила святой завет Неманичей и князя Лазаря...»⁸⁸²

Такая уверенность в тесной связи сербского этноса и сербского государства с православной церковью породила представление о совершенно особом характере сербской православной церкви и сербской веры, отличающейся как от католической церкви, так и от сестринских православных церквей, представление, которое в 30–х гг. XX–го в. после основательной разработки в трудах епископа Николая Велимировича обрело свое название (святосавие) и статус официальной доктрины сербской церкви. Духовная парадигма святосаввия – уникального сербского народного православия, ориентированного на «национализм» Св.Саввы и базировавшегося на совокупности архетипов: народа, народного языка, народного государства и народного священства, – в дальнейшем была взята на вооружение сербскими националистами и превратилась в политическую идеологию «святосавского национализма», культивируемую как в предвоенное и военное время первой Югославии, так и в сегодняшней Сербии⁸⁸³.

Понимание церкви как национального учреждения было воспринято всеми слоями общества. Даже министр внутренних дел Стоян Протич излагал в 1903 г. в народной скупщине: «у нас церковь играет другую роль и имеет много большую важность, чем у других объединенных народов и государств... мы – народ разделенный на семь частей, у которого церковь и вера имеют национальную роль»⁸⁸⁴. А известный историк и этнограф Й.Цвиич писал: «коллективная душа сербского народа создала особую православную церковь, совсем другую, нежели католическая, во многом отличную и от остальных православных церквей; создала церковь Святого Саввы, сербскую церковь, церковь народной души...»⁸⁸⁵. В сравнении сербской церкви с католической, последняя, по мнению, сербов явно проигрывала. Так, один из депутатов Скупщины, Радослав Агафонович отмечал: «католическая церковь считала своей обязанностью подбить народ на бунташную идею и боролась против прогресса человечества, в то время как наша церковь, напротив, боролась за культурный прогресс своего народа, а особенно за его освобождение, и хранила его национальные и человеческие характерные черты...»⁸⁸⁶

А известный радикальный лидер, прота Милан Джурич, в той же Скупшине, как всегда эмоционально отстаивал интересы церкви словами:

«История сербской церкви ни что иное, как история сербского народа. <...> Сербская церковь и сербское священство – не то, что западное. Сербский священник и в тюрьме, и на ратном поле ... не отрекся ни от сербского имени, ни от веры... Кто придаст силы нашему племени, чтобы оно могло объединиться? Никто другой, как православная сербская церковь и ее священство <...> Сербский священник и сербский народ так срослись воедино с другим, что священники наши не являются и не могут быть никаким особым сословием...»⁸⁸⁷

Но сербскую церковь полагали не только хранителем сербской идентичности, но и важным государствообразующим институтом. Церковь это видение всегда энергично пропагандировала в печати, особенно когда речь шла об ущемлении прав духовенства или самой церкви. Белградский священник Д.Димитриевич выступал в 1919 г. против отделения церкви от государства, апеллируя к прошлым заслугам:

«наша государственная организация политической идеи, наша внутренняя жизнь сотворена под влиянием церкви. Церковь у нас была в начале единственным институтом, который работал на общее благо, и общественное и государственное... Сербская церковь в сотворении новой сербской державы принимала самое активное участие. Только она и могла делегировать из своей среды людей для переговоров и требований помощи от иностранных государств, она дала сербскому народу вождей и в борьбе за освобождение. Ее великую роль в сотворении нового сербского государства нельзя не дооценивать ни в политическом, ни в моральном смысле»⁸⁸⁸.

А орган Архиерейского Собора, Вестник СПЦ, и вовсе брал на себя смелость утверждать, что «сербская церковь родила сегодняшнее сербское государство – это непреложный факт. Сербская держава, следовательно – дочь сербской церкви»⁸⁸⁹.

Однако и церковные, и светские публицисты и писатели умалчивали об истинных причинах, позволивших церкви занять столь значимое положение в средневековой и новой истории Сербии, – ведь оно отнюдь не было результатом естественного течения событий, а было вызвано религиозно-политической доктриной Османской империи: в результате ее применения к завоеванным балканским народам, те стали идентифицироваться по этнорелигиозному признаку, а светская административная власть была отдана церкви.

Исторически выглядит, как на то указывают все серьезные писатели-сербы от Доситея Обрадовича до Милорада Экмечича, что религии, точнее конфессии, играли роль водораздела в формировании современных югославянских национальных идентитета и национализма. Именно поэтому мы вправе утверждать, что сербская нация, как впрочем и остальные балканские нации, сформировались не на гражданской, а на конфессиональной основе, как религиозные общности внутри Османского царства. В связи с этим сербскую национальную идентичность довольно тяжело отделить от православия и от сербской церкви. Совершенно права Ольга Попович-Обрадович, когда говорит, что «сербская нация сформировалась не с помощью идентификации с государственными границами, в которых обитала (как это было на Западе), но через

идентификацию с церковью, которой та принадлежала, однако не как гражданская, а как этноконфессиональная общность»⁸⁹⁰.

Важными шагами на пути к консолидации сербской этноконфессиональной общности стало признание независимости церкви в 1878 г. и восстановление Сербской патриархии в 1920 г. Эти два события отнюдь не были данью уважения старым традициям или знаком благодарности к церкви за ее прошлые заслуги, – но необходимыми государству актами: как атрибут суверенитета государства, как демонстрация верно проводимой властями политики, направленной на национальное освобождение и объединение и, наконец, как свидетельство силы и способности диктовать свои условия Цариграду в пику греческой Μεγάλη Ιδέα.

Получение Белградской митрополией автокефалии, а потом и восстановление патриархии несомненно были связаны с осмыслением властями современного Сербского государства как преемника и наследника царства Душана, подлинным символом которого была и оставалась Сербская патриархия – единственная связующая ниточка между средневековой сербской державой и королевством Сербия. И ниточка эта была очень и очень крепка, ниточка за которую государство с неизменным успехом дергала, напоминая сербскому обществу о законной преемственности и, следовательно, легитимности существования сегодняшней сербской власти – самого государства, королевского дома и всех властных институтов. Хотя торопые на создание мифов сербы к концу XIX в. уже сотворили новые, – так что имена королей из дома Обреновичей (Милана и Александра) и Карагеоргиевичей (Петра и Александра), кроме традиционной связи со средневековыми правителями Стефаном Неманем и Душаном, получили законную прописку на престоле благодаря своим собственным славным предкам – легендарному вождю Карагеоргию и предводителю таковского восстания Милошу Обреновичу.

Постоянное освящение и подтверждение этой исторической преемственности стало одной из функций сербской православной церкви в новое время. Церковь в глазах общества являлась гарантом легитимности многочисленных династических переворотов и захватов власти, неправомерных с точки зрения буквы закона. Только церковь, освященная самим создателем сербского государства – царем Душаном, могла засвидетельствовать законные права очередного сербского государя, мыслившего себя объединителем и освободителем сербства, и неизменно искавшего оправдания в славном средневековом прошлом. Только церковь, будучи единственным сербским институтом, сумевшим выжить в годы турецкого рабства, в новое время оставалась законным «свидетелем» времени. И лишь она могла удостоверить правомочность новых национальных вождей, новых Душанов и Стефанов, – прав не столько Божественных, сколько исторических.

Так, церковь приветствовала князя Милана, внука «великого Милоша», таковского юнака, чья династия Обреновичей, по уверению официальной газеты, связана «как будто неким

провидением» с судьбой сербства, «как в старой истории она была связана с Неманичами»⁸⁹¹. 24 июня 1878 г., после завершения сербско–турецкой войны и освобождения сербских территорий, в Крагуевацкой церкви митрополит Михаил выступал перед представителями народной скупщины:

«Сербская держава, которая пала на Косово, воспряла вновь и идет вперед. Святая вера православная сохранила наш народ сквозь долгие века рабства и тяжкого угнетения, а святая церковь вливала ему силу, заботясь о том, чтобы он помнил старую славу и счастье свое. <...> Таковский юнак заложил основу здания новой державы сербской, мудрый сын его очистил Сербию от оставшихся неприятелей отечества нашего и подготовил армию, которую его героический наследник Милан Обренович IV повел в бой и храбростью расширил границы и добыл независимость Сербии»⁸⁹².

А освящая провозглашение мира и независимости Сербии 10 августа 1878 г., пресса общала, что «во всех церквях было благодарение, а в Саборной, где были на службе божией князь с княгиней, все господа министры, иностранные дипломатические агенты и бесчисленно много народа служил г.митрополит», который призывал: «о, святые Неманичи, наши покровители, подкрепите наши теплые молитвы у престола праведного Бога, да благословит он труд и усилия князя и народа»⁸⁹³.

В том же году национальный герой – архимандрит Никифор Дучич – читал проповедь в Саборной церкви в день заседания Народной Скупщины:

«Скоро исполнится пять столетий с того момента, как пропало сербское царство на поле Косовом, царство, которое под царем Душаном было в среднем веке на Балканском полуострове великим, сильным, славным и известным в Европе. Но после Душановой смерти наступили злосчастные дни для сербской державы; случилась несчастная битва на Косово, где пропало сербское царство и была закопана в гробницу сербская государственная независимость и свобода ... Вместо драгоценной свободы – турецкое ужасное рабство, вместо света – мрак, вместо славы и гордости – стыд и унижение, вместо сербских великолепных монастырей и церквей, задужбин наших славных королей и царей – турецкие мечети и минареты, вместо колоколов – дикие крики турецких муэдзинов! Сербские города опустели, сербские села спалены, сербские дворы срушены, и в сербских полях и дубравах вместо песен и сербских мелодий раздается плач и стон! <...>

Господь послал избавление сербскому народу в рабстве искушаемом, послал ему вместо великих Неманичей славных Обреновичей. Великий Милош Обренович I положил основание сербскому государству, мудрый князь Михаил Обренович III изгнал турков из городов Сербии и поднял ее престиж в мире.

Но Сербия и после того осталась еще вассалом турецким<...> Чтобы избавиться от этого унижения, чтобы стать целиком свободным и независимым, надо было, чтобы в нем родился новый царь Душан. И так...послал Господь избавление сербскому народу в лице благоверного князя Милана Обреновича IV <...>

И еще осталось осуществить до конца косовский завет. <...>Косовский завет – чтобы весь сербский народ освободился и объединился под знаменем славных Обреновичей...»⁸⁹⁴

Но не только церковь ассоциировала Милана со средневековыми монархами, – поэт и писатель Милорад Шапчанин поздравлял князя словами: «приветствую тебя как витязя, как первого независимого сербского государя после Косова, как преемника славной короны Неманичей».⁸⁹⁵ До знакового поворота Милана в сторону Австро-Венгрии церковь надеялась увидеть «всюду сербство освобожденным от чужеземного ярма»⁸⁹⁶. На праздновании дня незави-

симости в Нише 20 июня 1879 г. нишский житель призывал князя Милан завершить начатое освобождение, «чтобы увидели мы однажды себя свободными и объединенными, а тебя в Призрене, той столице царей сербских – коронованным».

Коронование, правда не в Призрене, не заставила себя ждать – в 1882 г., 22 февраля⁸⁹⁷ князь Милан Обренович IV провозгласил княжество Сербию королевством, а себя – королем Сербии Миланом I. Председатель скупщины Милан Куянджич приветствовал новоиспеченного короля: «Сербия тебе с правом подносит корону, которую отлил Неманя, которую Милутин и Душан озарили сиянием, которую Лазарь мученическим крестом перекрестил». В глазах церкви этим актом Сербия осуществляла святую идею – обновление королевства, – ибо сербское племя со времен Косова никогда «не переставало вести поединок за свою святую идею, еще от Неманичей унаследованную, оберегать свою свободу и бороться за нее»⁸⁹⁸.

Однако Обреновичи занимались не столько пропагандой воссоединения сербства, сколько укреплением собственной династии, даже государственные праздники времен Обреновичей, носили чисто династический характер – день таковского восстания, который приходился на Вербное воскресенье, 22 февраля – день провозглашения королевства и дни рождения короля, королевы и престолонаследника. Одним из таких укрепляющих династию в глазах церкви и общества шагов была поездка в 1896 г. молодого короля Александра на Святую Гору, в сербский монастырь Хиландар – событие беспрецедентное по своему значению. Первый раз за много столетий (святогорские монахи утверждали, что в последний раз его посещал Душан Сильный) сербский государь посещал знаменитую царскую лавру, задужбину Неманичей, основанную святителем Савой в XIII в.⁸⁹⁹

И хотя верный династии Обреновичей епископ Никанор желал сыну короля Милана – «Божьему миропомазаннику» Александру, чтобы тот «вознес королевство на ступень Душанова царства»⁹⁰⁰, судьба все же распорядилась иначе. После переворота 1903 г. еще вчера лояльная к династии церковь проклинает с амвона «кровавый режим» Обреновичей, направив все силы на утверждение культа Карагеоргия. Топола – бывшая столица Карагеоргия становится местом поклонения легендарному предку⁹⁰¹, а на Опленцу король Петр строит церковь св.Георгия, свою задужбину – первую задужбину «со времен рабства». Тем самым король Петр, как сказал министр просвещения Люба Йованович, выступил продолжателем традиций Неманичей и князя Лазаря⁹⁰² (кстати, священником этой задужбины был поставлен иеромонах Николай Велимирович).

А в 1904 г. состоялась помпезная коронация Петра I Карагеоргиевича – «первовенчанного короля обновленного независимого Королевства Сербского»⁹⁰³, как назвал его совершавший «венчание на царство» митрополит Иннокентий. И хотя коронация некоторыми политическими деятелями была воспринята негативно, а главы иностранных держав и вовсе ее проигнорирова-

ли, патриотически настроенные круги, а особенно церковь, истолковала это как заявку на скорое объединение югославян. Не зря короля Петра уже с момента восшествия на престол начинают называть «югословенским королем»⁹⁰⁴. «Дай Бог, – писал Весник СПЦ, – чтобы корона, выплавленная из пушки Карагеоргиевой по истине стала символом идей: свободы, сербства и словенства»⁹⁰⁵.

В самом деле, коронация узаконивала преемственность между Карагеоргиевичами и Неманичами, тем самым Сербия свидетельствовала о готовности четко следовать геополитическим курсом средневековой сербской державы, направленным на расширение границ, на присоединение старых сербских территорий. Более того, акт коронации как бы отсекал династию Обреновичей, поставленную «вне закона» и признавал Карагеоргиевичей единственной легитимной, народом избранной и Богом освященной династией. Никто из Обреновичей не проводил церемонию коронации – начиная с князя Милоша, сербские государи лишь были помазаны на царство (особенно торжественным было помазание тринадцатилетнего короля Александра Обреновича в 1889 г. в годовщину 500-летия Косовской битвы, которую совершал митрополит Михаил в монастыре Жича⁹⁰⁶). Король Петр был первым и единственным в новой истории Сербии коронованным королем, его сын Александр и внук Петр II не короновались и не были помазаны «на царство» – во многоконфессиональном государстве, каким стала Югославия, легитимация «божественных прав» государя со стороны православной церкви стала неприемлемой.

При этом стоит отметить, что хотя сама коронационная процедура во многом был списана с чина коронации русских царей, она не носила того исключительного священного характера, присущего русской церкви, где наличие у царя сакрального статуса и харизмы власти, сообщаемой именно через миропомазание, подчеркивалось особо (не признающий этой сошедшей благодати Св. Духа на помазанного царя подлежал анафемствованию и отлучению)⁹⁰⁷. Для Сербии, особенно после кровавого убийства короля Александра и королевы Драги, было характерно отсутствие всякой идеи о божественном историческом праве как источнике легитимности государевой власти. Так что не удивительно, что во время церемонии, председатель правительства Груич поднес наследнику вождя Караджорджа корону, которую Петр надел сам, воевода Радомир Путник вручил королю скипетр, а лидер радикалов Аца Станоевич – жезл.

Церковь видела в коронации прежде всего возрождение старых традиций. Какое впечатление коронация произвела на духовенство можно заключить по словам епископа Савы, разразившегося панегириком в адрес «первого коронованного короля после Косова» 23 сентября 1904 г. в монастыре Жича, который Петр посетил для помазания⁹⁰⁸. Действо носило глубоко символическое значение – монастырь Жича был тесно связан с сербскими государями «золотого века» – здесь венчался на царство Стефан Неманя (за что получил прозвище «Первовенчаный») и остальные короли из династии Неманичей:

«Мы встречаем тебя, Ваше Величество...как прежде, без малого семь веков назад, встречал и приветствовал просветитель Святой Сава племянника своего, короля Стефана Первовенчанного – второго Неманича, чей венец блистает сегодня на голове Вашего Величества.<...>Благословенно это торжественное посещение, когда Ваше Величество как Первовенчаный король обновленной Сербии входит в эту св.Лавру поклониться ее основателю – первому Немани <...> Народ сербский, почитая эту святыню Божью, сквозь все века мучений собирался около нее на молитву, падал на колени, и перед святым королем своим, как угодником божьим, изливал свои надежды, свои страдания и молился Богу, чтобы освободил его от мучений и неправды, которые учинены с ним со времени Косова и до того века, когда под предводительством деда Вашего Величества, многострадальный народ поднял свой голос и как страшная небесная труба громко прогремел своему пятивековому насильнику: «стой, разбойник – разрушитель сербского царства!» И благодаря этой святыне...с Божьей помощью из косовского праха, крови и пепла...возникло обновленное сербское королевство под царским знаменем народным, которое поднял наследник Неманичей, вождь Караджордже.

А ты, светлый Король, – внук того великого и славного вождя народного – той сияющей звезды на небе сербском...И когда сегодня ты преклоняешь колени перед святыней народной, перед которой веками склонялся сербский народ, ты идешь сюда по стопам славных Неманичей – и так обновляешь старую сербскую славу, за которую и дед твой, бессмертный Караджордже, положил свой живот.

Слава Богу, ...что ты в эти дни принимаешь царскую корону Неманичеву, которая на твоей голове блистает всему сербскому племени как яркое солнце».

Продолжая стоять на страже национальных интересов, церковь не стеснялась менять свои династические симпатии: разочаровавшись в Обреновичах, она на следующий день после гибели Александра и Драги восторженно приветствовала Карагеоргиевичей, оставаясь по-настоящему верной лишь одной власти – власти идеи освобождения сербства. Но если во время Обреновичей церковь была вынуждена сосредоточиться на пропаганде сербской идеи лишь в Старой Сербии и Македонии – БиГ и другие сербские земли на территории Австро-Венгрии были исключены из официальной сферы внешнеполитических интересов в силу обязательств перед Веней, – то с приходом к власти Карагеоргиевичей ситуация в корне переменилась. Помимо смены культа «таковского юнака» и его внука Обреновича на вождя Караджорджа и его правнука Петра, правительство переменило внешнеполитические пристрастия и взяло курс на осуществление воссоединения всего сербства. Не в последнюю очередь «помогла» в этом и политика Австрии, которая в 1908 г.⁹⁰⁹ произвела аннексию БиГ – Сербия тогда стояла на пороге войны, газеты выходили с заголовками «*Отечество в Опасности*», каждый день в сербских городах проходили многотысячные манифестации с агрессивными требованиями объявить войну Австро-Венгрии – именно в эти дни родилась националистическая организация Народная оборона («Народна одбрана»)⁹¹⁰. Церковь тоже не осталась в стороне, – митрополит Димитрий направил письмо своему русскому коллеге – митрополиту Антонию следующего содержания:

«Отечество мое, несчастная Сербия, переживает тяжелые минуты, которые в конце концов грозят гибелью ей и ее святому православию. Австрия – непримиримый неприятель славянства и православной веры, разбойным образом отсекла надрагоценные части сербского национального тела, после чего сербскому племени жизнь невозможна. Сербский народ героически выдержал пятивековую борьбу за свое существование, за защиту святого православия и европейской культуры. И вот, сейчас оказывается, что он со стороны европейского ареопага осужден на политическую смерть. ...

Сейчас, когда неприятели разбойным образом завладели этими классическими землями сербскими – что будет с народом и его православием? Мы уверены, что сербское племя в тех землях будет совсем уничтожено неприятелем и потеряно для славянства и православия. А вместе с этими землями Сербия и Черногория будет притеснена и отторгнута от славянства.

Вот из-за чего, святой владыко, сербский народ в Сербии и Черногории возмущен, вот почему тот народ готов погибнуть до последнего человека и будет похоронен в великую балканскую могилу. И мы, архипастыри и пастыри, последуем за паствой своей. А в истории будет записано, что в той могиле лежит самый храбрый и самый честный народ, который, не найдя правды и любви от своих современников, геройски погиб. Все мы предпочитаем честную смерть жалкой жизни, ибо ни Сербия, ни Черногория после аннексии Боснии и Герцеговины ни коим образом не могут существовать и развиваться, ни культурно идти вперед...

Если нам в этот критический момент не поможет братская Россия – кто нам поможет?»⁹¹¹

Аннексия БиГ послужила поводом не только к открытым антиавстрийским заявлениям, но и породила ряд публикаций, осуждающий весь немецкий и шире – европейский мир, который по мысли националистически настроенных авторов противостоит православной Сербии и ее традиционным ценностям. Это еще одна характерная черта сербского национализма – наличие обязательного внешнего «врага», постоянно мешающего осуществлению заветной сербской мечты. «Враги рода сербского», как писала церковная пресса, стараются расколоть народ на разные политические станы, интригами воспрепятствовать прогрессу, «делают все, чтобы нас, как народ и как государство, разрушить в основании своем»⁹¹².

Помимо образа основных врагов XIX в. – Турции и Австро-Венгрии, в качестве анти-сербсконастроенного государства выступала Греция, что неудивительно – греческая Μεγάλη Ιδέα априори входила в клинч с сербской идеей, к тому же миф о вездесущих греках–фанариотах, плетущих заговор против Сербии был очень распространен⁹¹³. Доставалось при этом иногда и «большой сестре» или, как ее называли сербы, «матушке» России, которую периодически обвиняли в попытке предать сербские интересы и действовать то в интересах Болгарии, то Австро-Венгрии.

Любопытно, что Великобритания не входила в этот список сербских недоброжелателей и всегда виделась мудрой и справедливой покровительницей. И церковь тоже играла здесь свою роль – в отличие от римского престола, к которому сербы относились традиционно враждебно, с англиканской церковью сербская церковь охотно сотрудничала, воспринимая ее как «партнера» по борьбе с Римом и его притязаниями. В Сербию периодически наезжали английские проповедники, церковная пресса публиковала материалы о церковных событиях в Англии, сербы (самый знаменитый из них – Николай Велимирович) учились на теологическом факультете в Оксфорде, а во время первой мировой войны Лондон и Оксфорд при активной помощи архиепископа Кентерберийского становятся центрами сербского православия.

В качестве иллюстрации антиевропейских настроений в среде духовенства приведем отрывок из статьи монаха Валериана, профессора Богословии, разразившегося после аннексии

грозной филиппикой в адрес всего «мрачного» Запада. Досталось от сербского монаха и России, которая хоть и не называется прямо, но легко узнаваема в «ледяном Севере».⁹¹⁴

«...Свершилось. На весах судьбы перевесил меч мировой неправды. Им ударила рука кровавых преступников, обгаренная сербской кровью, окропленная мученическими слезами униженных и оскорбленных народов. Страшно мерзок и тяжел тот меч, которым коварно и подло ударил в сербскую грудь вековой неприятель, тяжелы те раны и неизлечимы!!

... А мученица Босния и Герцеговина в чистоте своей ждала правды, уповала на мировой суд праведный и с чистым сербским сердцем, показавши глубокие раны, которые в течении тридцати лет наносил ей ненасытный хищник, дождалась страшной години. ...Очи горькой мученицы обращаются к высокому небу, к далекому белому северу, а больше всего, к соборному Белграду – чтобы увидели они ужас и боль на лице сестры Сербии.

И глядит на нее мрачный Запад с равнодушной улыбкой убийцы, ...с безумной радостью сатаны.

А белый, ледяной Север молчит. Замерзло его ледяное сердце, онемели его мощные уста и не может сказать ни одного слова в защиту двух славянских мучениц. Только из соборного Белграда слышатся воодушевленные восклицания: «Война грабителю и разбойнику!»

...А оттуда, с Запада, из преступного города – нового Вавилона – слышится безумный злорадный смех. Идут новые эскадроны за эскадронами, идет Антихристово воинство...А в вышине кружит черный ворон, вековой носитель смерти многих народов, грозный вестник рабства и тьмы. Он распростер свои кровавые и темные крыла и перелетел через Саву, возжаждав кровавого пира на поле брани смелого народа. Мрачный облик рабства показался на сербском горизонте – он застигает солнце свободы и звезды веры. Не видно ни луча правды, ни луча надежды. Густо и черно то облако исторической судьбы. .... Но пусть тебя сжигают. И ты гори, но знай, что из твоего пепла возродится Феникс сербского народа, придет час, и двуглавый орел не побоится черного ворона. Придет день и час, когда падет коварная Вена под громом славянского оружия, когда срушится Новый Вавилон, грешный город лжи и клеветы...»

Подобное противопоставление Сербии и «завистливой», по выражению священника Мих.Поповича⁹¹⁵, Европы, которая пытается свернуть с пути сербскую святую идею освобождения, причудливым образом сочеталось со столь же гипертрофированным желанием быть частью Европы – исторической опорой здесь служил факт существования государства Неманичей, бывшего, по убеждению сербов, полноправным европейским государством...

§3. В погоне за Великой Сербией – церковь и национальная идея на путях от Сербии к Югославии

Сущность сербской национальной идеи, выкристаллизовавшейся со времен «Начертания» И.Гарашанина к началу XX в. в исторически и духовно фундированную государственную программу, заключалась в необходимости освобождения и воссоединения всех сербов в едином национальном государстве, поначалу мыслившимся как возрожденное средневековое Душаново царство – Великая Сербия, а потом, по мере успехов сербского оружия и развития идей югославизма, как единое государство Югославия.

Глубоко укорененная национальная ориентированность сербского народа отмечалась многими исследователями, – еще историк Слободан Йованович, сетуя в 1936 г. на отсутствие в Сербии XIX–нач. XX в. Каких-либо традиций – династических, политических, правовых, – писал, что *«существует лишь одна единственная устойчивая и непоколебимая традиция, ибо πε-стуется веками – это национализм»*⁹¹⁶. Насколько сильным было это национальное чувство, можно судить по ощущениям одной из немногих сербских образованных женщин, Паулины Лебл-Албалы, вспоминая в 30–х гг., во времена дискредитации национализма, о том, что в 1917 г. ей и в голову не могла прийти мысль «бросить хоть какую-то тень на чистоту и святость национального чувства», которое было тогда *«сущностью нашей жизни, движимой силой нашей деятельности и наших стремлений. ... Реализацию наших национальных стремлений мы считали за исполнение своего личного счастья, ... а поражение наших национальных стремлений ударило бы по нам также тяжело, как наша личная фатальная неудача»*⁹¹⁷.

И в самом деле, по оценке современного историка, Ольги Попович-Обрадович, идеи национального освобождения и объединения в милитаризованном сербском обществе были столь значимы, что одерживали верх над имеющими неглубокие корни конституционализмом и индивидуальными свободами. А благодаря политике национального объединения и расширения государственной территории, которая после майского переворота стала первостепенной государственной целью, Сербия в 1903–1914 гг. все время провела или в состоянии войны или подготавливаясь к войне⁹¹⁸. Даже английский журналист, путешествующий по Сербии Обреновичей, заметил: *«Сербь – пламенные патриоты, едва ли не шовинисты. Нет большего заблуждения, чем предполагать, что милитаризм и желание войны характерны только для сербской элиты. Если бы Болгария напала на Македонию, в целой Сербии не было бы ни одного селяка, который не требовал бы похода на Софию»*⁹¹⁹. Не зря Душко Ковачевич остроумно сказал недавно, что в Сербии существует пять времен года – зима, весна, лето, осень и война, – настолько обыденным и привычным кажется состояние войны для Сербии нового времени.

Идея объединения была той константой сербского мира, которая, как верно замечал один австрийский дипломат, никогда не менялась, а лишь расширялась географически. После 1878 г. Босния и Герцеговина была №1 в списке сербских геополитических запросов до тех пор, пока Австро-Венгрия не оккупировала, а потом и вовсе не аннексировала провинцию. Вслед за этим сфера сербских внешнеполитических интересов с разрешения «сюзерена» сместилась на юг, в области Старой Сербии и Македонии, где вопрос сербского присутствия – в условиях лавирования между Портой, Вселенской Патриархией и Болгарским Экзархатом стоял наиболее остро. Сербское правительство (в лице министерства иностранных дел) и церковь, ставши здесь главным орудием государственной политики по защите и пропаганде национальных интересов, действовали рука об руку. Сербия добилась поставления сербских владык на три епископские

кафедры – Рашко-призренскую, Скопскую и Велешко-дебарскую. С помощью сербских консулов в Призрене и Скопле при непосредственном участии церкви открывались сербские школы, с ее же помощью через Министерство просвещения распространялись книги и учебники на сербском языке, подготавливались кадры для школ и церквей в Старой Сербии и Македонии⁹²⁰.

Задача освобождения находящихся под властью Порты сербских территорий была осуществлена в 1912 г., после первой балканской войны, однако результат не вполне удовлетворял великосербским претензиям – сербский взгляд простирался дальше, включая и южные территории Болгарии, и север Албании, где маячил столь желанный выход к Адриатическому морю. Сербскими территориями (в зависимости от степени ангажированности подсчитывающего численность проживающего там сербского населения) считались практически все близлежащие земли – Далмация (Дубровник вообще называли старейшим сербским городом), Истрия, Хорватия, Славония, Босния и Герцеговина, Воеводина. Методика доказательства присутствия сербов на той или иной территории была изящна и проста – народы, проживающие на территории Турции объявлялись потурченными сербами, на территории Хорватии – похорваченными сербами и, соответственно, в Болгарии – поболгаренными сербами. Очевидно, что благодаря такому подходу сербы, по выражению В.Караджича, действительно были *«все и всюду»*.

Один из самых авторитетных сербских этнографов и теоретиков югославизма, Й.Цвиич, участвовавший после первой мировой войны в Парижской мирной конференции в качестве специалиста по «этнографическим границам», научно и исторически обосновывая все сербские территориальные претензии, писал в 1912г. в статье для английского читателя: «область в Турции, в которой Сербия имеет интерес, в основном та, что на славянском языке называется Старая Сербия, в которую входит Новипазарский Санджак..., Косово Поле с Приштиной, Метохия с городами Печ и Призрен, и некоторые области к югу от Шар-планины. Южная граница Старой Сербии, или та граница, которая разделяет сферы сербских и болгарских интересов определена соглашением между Сербией и Болгарией. Старая Сербия выходит узкой полосой на Адриатическое море около Скадра, Леша и, вероятно, Драча...»⁹²¹.

Цвиич полагал, что на всех этих территориях проживает один народ – сербы, объединенные, несмотря на региональные различия, единым национальным мышлением, языком, исторической и литературной традицией. И этого «народного духа» вполне было достаточно для создания единого государства. Обосновывая сербские претензии на Боснию и Герцеговину, которую Цвиич считал областью сербской расы, он писал, что та гораздо важнее, чем Эльзас и Лотарингия для Франции, сравнивая ее по значимости с Московской областью для России и видел в ней решающий фактор для развязки сербско-хорватского и, тем самым, югославянского вопроса.

Югославянская тема в Сербии все больше и больше начинает звучать после балканских войн – приходит осознание необходимости объединения югославянских народов, наряду с убеждением, что первую скрипку в новом государстве должна играть Сербия⁹²². Тот же Цвиич был уверен: *«существует ясно выраженное стремление составить целый югославянский комплекс от Триеста до Солуня и развивать культуру на национальной основе. ... А главную массу того югославянского комплекса составляет сербский народ, который кроме того, занимает благоприятное, но и очень непростое географическое положение, ведет главную борьбу и несет главные жертвы за идею»*⁹²³.

В прессе начинают активно пропагандироваться «родственные связи» трех народов будущей триединой нации, даже «патриарх» сербской политики, Стоян Новакович, видел будущее в югославянском союзе сербов, хорватов и словенцев⁹²⁴. Хорватов и сербов называют теперь «братьями, рожденными от единого отца и матери» – религиозные отличия при этом стараются активно затушевывать. Так, по поводу празднования, посвященного просветителям Кириллу и Мефодию, газета «Штампа» писала в 1914г.: тем, кто хочет быть носителями югословенства, «надо иметь в виду, что наш народ католической веры, братья хорваты, особенно в Приморье и на островах, прославляет обоих апостолов как своих сыновей и их именами называет многие церковные и школьные општины и задужбины, – и так же делают и словенцы»⁹²⁵.

Начавшаяся первая мировая война сменила несколько эйфоричный пафос 1912–1913 гг.: после первых успехов сербского оружия в конце 1914 года в статьях и речах уже слышатся серьезные «имперские» мотивы. В передовице «Политики» писали, что Сербия, принеся такие огромные жертвы, имеет право требовать границ, «которые будут охватывать всех ее соплеменников (как хорватского, так и славянского имени)». Процентный состав сербов на освобожденных землях не имел значения – так как Сербия не воевала с целью завоевания краев, в которых «есть столько-то и столько-то процентов сербов», а освобождала всех своих соплеменников, следовательно *«все области, где в массе живет наш народ должны войти в сербское государство»*⁹²⁶. В будущее государство должны были войти БиГ, Далмация, Хорватия и Славония, Срем, Банат, Бачка и Баранья, Словения и Истрия. Н.Пашич в Народной Скупшине провозгласил военной целью Сербии «освобождение и объединение всех наших неосвобожденных братьев сербов хорватов и словенцев». Когда же Австрия предложила мир, компенсацию военных затрат и исправление границ за счет боснийских территорий, Сербия, которая по мнению авторов все той же «Политики» стояла «на пороге своих заветных народных идеалов», буквально задохнулась от возмущения, будучи совершенно уверена: «не пройдет и нескольких месяцев, как политическое объединение целого сербского народа станет делом свершенным»⁹²⁷.

Окончательное освобождение и объединение всех сербов в одно государство состоялось в 1918 г. с образованием государства СХС. Так сербская национальная программа вроде бы

была выполнена, однако создания моноэтнического государства всех сербов, о чем мечтала сербская церковь, не получилось. В дальнейшем это послужит возрождению сербского национализма, а заодно и нового издания сербской национальной идеи, свидетелями которых в XXI в. нам всем пришлось стать.

В церковной среде, как в никакой другой, хранилась и взращивалась идея национального единства. Несмотря на частые конфликты с властью, в вопросе реализации национальных аспектов государственной политики церковь не только неизменно выступала союзником государства, но и зачастую «бежала впереди паровоза», настоятельно и последовательно во всех проповедях и речах призывая к освобождению и воссоединению сербов и апеллируя к косовскому завету – к необходимости отмщения за Косовскую битву 1389 г. Лишенная реального политического влияния и привычной для себя ведущей роли в национальной политике, церковь была вынуждена смириться с отведенной ей государством, (воспользовавшимся для реализации своих геополитических замыслов уже готовыми установками), ролью идеолога. При этом, если церковь раздирали противоречия по всем фронтам, разгорались конфликты между священниками и архиереями, кипели страсти между представителями различных партий, то в отношении сугубо идеологическом, церковь была едина, и непоколебимо стояла на национально-ориентированных позициях. «Воспитать народ для развития культуры и прогресса, подготовить и сотворить дух в народе для осуществления великих сербских задач государство не в состоянии. Это задача на первом месте церкви...», – писал «Христианский вестник» в 1903 г.⁹²⁸ Церковь ощущала себя единственным институтом, сохранившим легитимное право заботиться о национальных чувствах подданных и проводить в жизнь национальную идею.

Но идея невозможна без идеологии. В чем же конкретно заключался вклад церкви в развитие национальной идеологии, носителем и проводником которой духовенство является и по сей день? Где те идеологические «кирпичики», из которых складывалось причудливое здание сербской идентичности? Сопутствующие этой идее дефиниции – «сербство», «косовская этика», «Небесная Сербия» – были накрепко вколочены православной церковью в строение под названием *Rax Serbica*.

С сербской церковью, с принадлежностью к православию были сассоциированы все, выражаясь археологической терминологией, «этномаркирующие признаки» сербского народа – сугубо сербские праздники (слава, Видовдан, Савиндан), всеобщие православные праздники, переосмысленные на национальный манер – Божич, Джурджевдан, Никольдан, воспевание Косовской битвы, царя Лазаря, косовских юнаков и потерянного Душанова царства, и особое, сравнимое с почитанием Христа, поклонение Св.Савве⁹²⁹.

Любопытно, что почти все их перечислили в благодарственном адресе князю Милану в 1878 г. жители Пирота, желая доказать свое легитимное право на вхождение в состав Сербии. Пирочане упирали на то, что они «настоящие природные сербы, которые святую славу славят, доломаны носят, Косово и князя Лазаря воспевают, играют на гусях и все остальное, как и наши братья сербы делают. ... мы, – зывали жители Пирота, – настоящие старо-сербы, о чем свидетельствуют наши св.монастыри и церкви.»⁹³⁰

Праздник славы всегда был и остается самым излюбленным праздником среди сербов. *Слава* (Крестная слава) – день памяти семейного патрона – существовал с языческих времен, но с введением христианства был «приспособлен» к церковным нуждам, обрел литургический вид, а место защитника и покровителя дома и всех членов семьи занял православный святой (св.Николай, св.Георгий, св.Архангел Михаил). Интересно, что религиозная подоплека славы за несколько столетий так и осталась ничтожна мала: праздник прежде всего мыслился как семейный (право праздновать славу передавалось по наследству – от отца к сыну) и народный – сколько существует историй о том, как в XVIII–XIX вв. сербы и черногорцы-селяки разорялись, чтобы накормить и напоить всех пришедших на славу гостей и ответные меры властей, запрещающих славить со столь широким размахом!

Церковь же упорно отрицала и отрицает по сей день происхождение славы от языческого обычая поминовения предка, но при этом настаивает на уникальности этой сугубо сербской традиции, не знакомой остальному христианскому миру (хотя подобный обычай существовал и в Македонии, и в южной Болгарии, и даже кое-где у мусульман и хорват-католиков). В самом факте сохранения этой традиции на протяжении пятисот лет турецкого господства церковь видит свидетельство особого, православного духа сербского народа. Действительно, когда сегодня говорят о сохранении сербским народом своей идентичности под властью Порты, в первую очередь ссылаются на тот факт, что сербы продолжали отмечать православные праздники – славу и Божич (Рождество), который тоже в свое время связывался с культом поминовения предков. Прославление предка имело большое значение в развитии сербской культуры, в сохранении этнического самосознания и развитии чувства принадлежности к семье и роду. Не зря в Сербии широко распространено выражение – «там где сербин, тут и слава» (сегодня некоторые церковные деятели всерьез утверждают, что серб не отмечающий славу, лишен принадлежности и к церкви, и к нации).

Другая сугубо сербская православная традиция – культ Св.Саввы, первого сербского архиепископа и создателя автокефальной сербской церкви. Св.Сава (1174/75 – 1236 гг.), этот самый популярный в народе святой, воспринимается не только как хранитель сербской самобытности и независимости, фактически он получает сакральный статус прародителя – чуть ли не *Pater Patriae*⁹³¹. Ведь Растко Неманич (будущий Св.Савва), отказавшийся от «царской порфиры»

ради монашеской жизни – не просто создатель сербской церкви, – будучи сыном Стефана Немани и братом Стефана Первовенчанного, творцов средневекового Сербского государства, он оказывается связан с созданием сербской государственности и духовными, и кровными узами. И именно Св.Савва венчал на царство своего брата Стефана – первого короля Сербии (не зря их называли «новыми Моисем и Аароном», «Авраамом и Яковом»).

Культ Св.Саввы складывается в Сербии очень быстро (практически сразу после смерти в 1236 г. его канонизируют), при этом в народных преданиях и легендах он далеко отстоит от христианской теодицеи и морали, скорее напоминая гневного и злобного языческого божка, и ясно связывается с пережитками каких-то архаических культов («волчий пастырь», покровитель скота)⁹³². Как кровного родственника и предка Св.Савву почитали не только православные сербы, но и мусульмане, и римокатолики на территории Далмации и Боснии⁹³³, а начиная с XV в. культ Св.Саввы распространяется и на Руси, достигая расцвета во времена Ивана Грозного.

Монастырь Милешева, где хранились кости Св.Савы был местом поклонения не только сербов, но и евреев, и турок, надеявшихся на чудодейственную силу мощей. Св.Саве придавали настолько большое значение, что во время Банатского восстания османы под предводительством Синан-Паши в 1594 (1595) г. сожгли в Белграде привезенные из монастыря останки святителя. А через триста лет, в 1895 г., под председательством митрополита Михаила было образовано Общество за сооружение храма святого Саввы на Врачару⁹³⁴, целью которого было строительство на месте сожжения мощей святителя храма-памятника. Общество, в состав которого входило множество известных и авторитетных политиков (Сава Груич, Андра Николлич, Стоян Велькович, Стоян Новакович, Пера Тодорович) опубликовало воззвание к «народу сербскому» – помочь в воздвижении храма, – который открывался эпитафией: «Пять веков сербин в рабстве томился – святителю Савве молился». Общество призывало «благодарное сербство» жертвовать на храм своему «великому учителю и просветителю», сохранившему «святую веру и через церкви и монастыри распространившему просвещение».

В Сербии XXI столетия Св.Сава стал культовой фигурой №1, затмившей собой остальных исторических персонажей⁹³⁵. С его именем как будто начинается сербская история как таковая, и, дотоле не существовавшие, церковь, государство, нация. Церковь постаралась предать забвению как языческую традицию, так и христианство в до Неманическую эпоху. Соответственно, личности Св.Саввы приписывается создание всего, доселе не существовавшего – церкви, письма, славянской литургии. Фигура Св.Саввы как просветителя затмевает собой и славянских просветителей Кирилла и Мефодия, и сербского деятеля просвещения Доситея Обрадовича. Савву славят прежде всего как основателя сербской религии – святосаввия. И разумеется, что церковь продолжает играть активную роль в поддержании образа Св.Саввы как

«духовного отца нации». Не зря в «Гимне Святому Савве», в обязательном порядке поющемся на день его поминовения 27 (14) января, который с 1840 г. стал днем школьной славы (и с большой помпой возрожден сегодня) есть слова: «Единое сербство славит славу / Своего отца Святого Савву».

Значительно более сложное и интересное явление сербской мифологии или, как охарактеризовал его известный югославский этнограф В.Дворникович, «этнопсихологический и религиозный феномен, единственный пример защитной функции религии в жизни народа» – Видовданский культ. Культ св.Вита (Вида) проникает в славянский православный мир сравнительно рано – в XII–XIII вв.⁹³⁶ День его поминовения – 15 июня у сербов и болгар, как и большинство христианских праздников, связан с языческой традицией (Святовит, солярный культ). Однако для Сербии понятие Видовдана стало одним из центральных элементов народной мифологии, с этой датой связывают многие важные факты сербской истории – убийство Франц-Фердинанда в 1914 г., принятие Видовданской конституции 1921 г., выдача в 2001г. С.Милошевича Гаагскому трибуналу – все эти знаковые события случались в день Косовской битвы.

15 июня 1389 г. на Косовом поле произошла легендарная битва между сербскими войсками под предводительством князя Лазаря Хребеляновича и турецкой армией султана Мурата. И хотя исход сражения остается спорным – ведь несмотря на видимый разгром сербских войск, убийство князя Лазаря и большинства знати, османы повернули обратно на восток (наследник убитого в сражении султана Баязит поспешил вернуться домой) – в сербском фольклоре битва на Косовом поле однозначно трактуется как катастрофа сербского царства, попавшего с того дня под пятивековую зависимость Порты. И не взирая на тот факт, что Османской империей Сербия была завоевана 80 лет спустя – в 1459г., в национальном сознании Видовдан стал поистине судьбоносным событием, символом гибели сербства, символом смерти и поражения.

С видовданским культом связан идеал жертвенности и мученичества за веру и отечество – по легенде, перед битвой, царю Лазарю явился ангел Господень и спросил, какому царству тот хочет принадлежать – небесному или земному? Если выберет царство земное, то завтра победит всех турок, а если небесное – погибнет сам и все его войско. Поразмыслив, Лазарь выбрал небесное: *«земное царство – лишь миг, а небесное всегда и во веки веков.»* Так что миф, возникший уже в к. XIV–нач.XV вв., приписывал причину поражения сербов их выбору небесного царства, подчеркивая превосходство моральной чистоты над военной победой. И безусловно, прав хорватский историк Бр.Анжулович, писавший, что первоначально миф помогал сербам преодолеть унижение, вызванные катастрофическим поражением и многовековой зависимостью от чуждой культуры (не зря Дворникович назвал его «чудесный культ смерти и поражения, но с позитивной динамикой для новой жизни»⁹³⁷). Но после восстановления государ-

ственности в XIX в. косовский миф стал опасен как для сербов, так и для их соседей, ибо обещал воскрешение Сербской державы: сербский народ, выбрав небесное царство, свое земное царство взял с собой, чтобы восстановить его в будущем, которое настанет после очищения⁹³⁸.

С XIX в. Видовдан становится одним из главных элементов национально-политической мифологии. В конце XIX в. сербская церковь сделала день 15 июня своим праздником, и ежегодное торжественное отмечание Видовдана, на котором присутствовали король, члены парвительства и военачальники, становится мероприятием общегосударственного значения. Для понимания сути Видовдана очень важно, что он связан с идеей отмщения за Косово, а не только с воспоминанием о нем. Видовдан, главным образом, переживался как символ кроваво-беспощадного отмщения всему, что есть турецкое и мусульманское вообще⁹³⁹. А исполнение «косовского завета» надолго оставалось в сербском обыденном сознании главной сербской миссией.

Например, очень характерна риторика воззвания, с которым обратилась в 1890 г. специальная комиссия по сбору средств для строительства памятника косовским героям, председателем которой был митрополит Михаил (входил в нее и Н.Пашич)⁹⁴⁰

«Сербь!

Косову, этой великой и славной гробнице сербской нет надгробного ... памятника! А Косово, братья, – это страшная гробница, в которой похоронено наше царство; Косово – та глубокая кровавая рака, в которую канула наша народная свобода, счастье, независимость царства, прогресс. Косово – величественный склеп преславных витязей сербских; Косово – ужасная буря, которая срушила крышу царского дома, которая рассеяла народ сербский и разбросала его на все четыре стороны света; Косово – черная и неизбывная гробница царской короны сербской, которая упала со святой головой князя Лазаря и утонула в крови сербской и турецкой!...

Косово, братья, ... – это могила царства сербского, ...самая светлая жертва людская, ... неугасимая и беспримерная в истории путеводная звезда, ибо недостижима по силе юнацкой, и потому, что нету на свете народа, у которого есть царь, равный славному царю Лазарю, который «предпочел царство небесное»! ...

Помянем, братья, бога своего и во славу славно погибшим предкам своим, воздвигнем достойный надгробный памятник. Каждая копейка, которая на это дадена будет, братья – это свеча в память царю Лазарю и его юнакам, свеча, которая будет веками светить пред престолом Божьим за бессмертные души косовских юнаков! И великий Бог сербский благословит нас; и благородные души героев-витязей, и святая душа царя-мученика из горних высей будет радоваться за нас и поднесет престолу божьему теплую молитву: укрепи, осчастливь и прославь благодарный народ сербский».

В разработке Косовского мифа церковь сыграла значительную, хотя и не ведущую роль, которая по мнению ряда исследователей принадлежит сербской культурной элите – сербский национальный романтизм XIX в. был одержим мифическим прошлым этноса. В самом деле, сама церковь не столько занималась разработкой и пропагандой мифа, сколько косовская риторика прочно вошла в обыденное сознание серба через народные песни и предания, которые в течение пяти веков передавали «завет отмщения» за потерянное Косово (проповеди не в счет, их влияние было минимально – в церковь, как мы установили, народ ходил не часто, а журналы церковного содержания мало, кто читал, да и тематика статей вращалась, в основном, вокруг

внутрицерковных дразг; хотя, несомненно, общегосударственное отмечание Савиндана и Видовдана играло, хоть и пассивную, но все же пропагандистскую роль)⁹⁴¹. Церковь приняла эти идеи национального романтизма, возникшие из потребностей национального освобождения, наполнила их новым смыслом, дала свою интерпретацию и место в своей доктрине.

Но ни после балканских войн, когда Косово вошло в состав сербского государства, ни во время второй мировой войны, косовский миф не был развенчан. Напротив, он остался таким же актуальным, служа тем или иным политическим целям. В 1941 г. патриарх Гаврило (Дожич) так говорил о смысле Косова⁹⁴²:

«Мы, сербы, веками праздновали это поражение – это единственный случай в мировой истории, чтобы народ таким образом отмечал свое поражение. Но это поражение было для нас самым великим торжеством, инициатором продолжения нашей борьбы, вечным источником национальной мысли, из этого поражения родилась косовская этика. Косовская трагедия соединила сербов в единой борьбе против завоевателей и угнетателей нашей свободы и государственной независимости. Она задавала нам курс и напоминала о поступке Милоша Обилича, который в этой славной битве убил царя Мурата – персонификацию насилия и завоевателя сербской державы. Он стал примером для всех сербов, которые продолжали свою борьбу против турок.

Культ Косова стал символом в сердцах всех сербов, который напоминает, что нужно делать, чтобы получить свободу и освобождение. И до сегодняшнего дня мы никогда не отступали от этой вечной и спасительной идеи в нашей борьбе, которая объединяет нас всех своей высокой задачей и обязанностью совершить то, что необходимей всего для независимого существования и свободы нашего народа».

В середине XX в. косовская легенда была переосмыслена сербской церковью: так появился «*небесный народ*» – сербы и «*Небесная Сербия*», где пребывают все православные сербы, мученики за веру, юнаки, начиная от Св.Саввы и князя Лазаря. Вечный идеал царства небесного, по представлению церкви, – этого царства божьей истины и правды, народного согласия и свободы, – вынашивался в сердцах всех настоящих сербов и сербок, хранился и теплился в святилищах православных храмов. Притча о Косово стала трактоваться одновременно и как глубоко национальная, и как христианская и евангельская. В легенде видится мотив «тайной вечери» накануне битвы, есть здесь свой Христос – князь Лазарь, принесший себя в жертву, и даровавший тем самым вечную жизнь сербским юнакам, и свой Иуда – Вук Бранкович, предавший князя на Косово, и своя Голгофа – Косово поле.

Метафизическая живучесть косовского мифа заключается в том, что это – один из ключевых мифов, служащих политическим целям основания государства и сохранению национальной общности. Это миф о национальной идентичности сербского народа, повествующий о славной гибели героев Косовской битвы. Но главное действующее лицо косовского мифа – не Милош Обилич и не князь Лазарь – это сербский народ, сербская нация. Это тот герой, который никогда не меняется, имеет свою богом данную идентичность, имя, характер, веру, язык и культуру. Он неизменен, и он такой, каким его сотворил бог – он рожден на Косово, умирает на Косово, его сердце – Косово, он перманентно воюет с неприятелями, гибнет и страдает. Следова-

тельно, жертвует и становится святым, – меняются только внешние условия, в которых после побед следуют искушения и поражения, а после поражений – воскрешение и новые победы, – и так на протяжении всего времени⁹⁴³.

Естественно, что цикличная форма, свойственная всякому мифу, послужила к его сегодняшнему возрождению. Потеря Косова заставила сербов, как и сто лет назад, вспомнить, что видовданская идея борьбы и жертвы за идеалы вечные и небесные вместо земных – это тот пароль, который двигал поколения на борьбу за свободу, сохраняя сербство от деградации⁹⁴⁴.

Сегодня Косовскую битву склонны называть «ключевым моментом», вершиной сербской истории, с которой необходимо смотреть на все прошлое; событием, которое, как ни какое иное, выражает так ясно суть сербской истории и историческую миссию Сербии. Сербские богословы, а вслед за ними и все национально ориентированные политики, публицисты и СМИ называют Косово «наш святой град Иерусалим», без которого Сербия, как «труп без головы и тело без сердца». Видовдан мыслится как общенациональный день, объединяющий и расставляющий приоритеты: чему должны служить все сербы, безотносительно места жительства и партийной принадлежности.

Вчера и сегодня культ Косова – это пропаганда идеала мученичества, готовности к самопожертвованию за национальные цели: сербский юнак, гибнущий за свой народ и православную веру, «крест частный и свободу златну», морально превосходит своих многочисленных врагов, его жертва становится синонимом святости, он никогда не может быть по-настоящему побежден, ибо его поражение – не поражение, а триумф духа православного воина, мстящего за свою униженную родину.

Почитание юнака (героя) в Сербии было необычайным – поэт Йован Дучич писал в 1930 г.:

«Сербский селяк твердо веровал и верует в своих героев как в высших существ, точно также, как грек–язычник верил в героев, которые стоят между богом и человеком. Косово было для нас в этом отношении тем же, чем Троя для эллинистического мира, Косово в царя Лазаре видит своего Агамемнона, так же, как и Ахилла в герое Милоше. Всех свои королей из династии Неманичей сербский народ превратил в святителей, в древнегреческой традиции это были бы герои, существа, которые стоят между богами и людьми. Почти все Неманичи сохранены в киотах по нашим церквям. Все ужасное пятивековое рабство не могло отнять у сербского человека ... эти киоты с мощами его национальных и государственных великих деятелей. ... Сербский народ, принимая христианство, никогда не доходил до того, чтобы идентифицировать свою национальную веру до конца с христианством остальных христианских народов... В государстве Неманичей нет других святителей, кроме сербских по происхождению и нет святителя сербского, который бы не был или сербским государем или сербским юнаком»⁹⁴⁵.

Церковь всегда особо почитала Неманичей – идеал сербского народа, сербской мощи и сербского православия. Естественно, что мифологизация сербской средневековой державы и ее правителей началась в турецкий период, но в процессе сербского национального конституирования в XIX в. это явление получило новое развитие и содержание, а сербская

церковь внесла свою немалую лепту, раздавая святые ореолы сербским властителям⁹⁴⁶. Все сербские святители в массе своей – национальные вожди из сербской средневековой истории, поминовение которых церковью вершило функцию политического воспитания граждан⁹⁴⁷. Церковь немало способствовала идеализации сербской государственности и ее государей – от Стефана Немани до Стефана Душана, причисленных к лику святых, – ведь именно в ту эпоху существовало единство государства, церкви и народа – недостижимый эталон взаимоотношений, к которому она стремилась.

Сербскую церковь можно назвать и носителем державной идеи: в среде православной церкви, наследнице Св.Саввы, культ государства всегда был очень значим, об утерянном былом Душановом царстве помнили и желали вернуть. Например, когда немецкий писатель Густав Раш в 70–х годах был в монастыре Раваница, где велся разговор о надеждах на восстановление сербского царства от «Черного до Адриатического моря», игумен монастыря заявил: «мы хотим царство Стефана Душана в его старых границах, потому что это наша земля и наша территория, но не со устаревшими порядками и прерогативами из тех времен, но со всеми свободами и либеральными законами XIX в.!»⁹⁴⁸ Церковь хорошо представляла себе национальные сербские интересы и чутко стояла на защите всего сербского – настолько, что породила на свет в 30–х гг. XXв. и сербскую религию – *святосаввие*, не забывая при этом призывать к национальному освобождению и ставя знак равенства между словами «сербство» и «свобода», которую церковь в эпоху войн упорно старалась навязать в качестве второй национальной религии серба⁹⁴⁹. Пропаганда милитаризма и насилия, религиозной и этнической нетерпимости, ровно как к туркам и арнаутам, так и к грекам и болгарам, к сожалению, тоже были в не малой степени плодом формирования общественного мнения сербской церковью.

В сербский национальный миф укладывалась и представление о том, что именно церковь сотворила из диких языческих славянских народов культурную зрелую нацию, сумевшую сохранить свое единство между такими мощными центрами, как Рим и Цариград⁹⁵⁰. Но особо церковь превозносила свои заслуги периода турецкого завоевания, будучи убежденной в том, что только благодаря православию и сербской церкви выжил сербский народ, и посему роль церкви для формирования чувства национального единства и сохранения сербской идентичности исключительна и ее невозможно переоценить. Имея подобные представления об онтологической связи церкви и государства, вполне объяснимо, что церковь полагала факты получения автокефалии и восстановления Сербской патриархии национальнозначимыми предприятиями, укладывающимися в миссию по восстановлению сербского государства.

Все перечисленные нами выше составляющие можно соединить в *сербский национальный архетип* – набор мифов, вдохновителем и бессменным хранителем коих выступала и выступает православная церковь. Более того, не будет преувеличением сказать, что вся концепция сербского национального объединения «под чистую» укладывалась в набор взглядов и идей, транслируемых церковью. Идеологически государство не могло предложить никакой новой и оригинальной концепции – даже знаменитые политические программы И.Гарашанина с лихвой перекрывались великодержавными запросами церкви.

Пропаганда давала успешные плоды – наученные со школьной скамьи сербы рвались в бой на фронтах балканских и первой мировой войн «за крест частный и свободу златну», однако цена, заплаченная за реализацию сербской национальной мечты оказалась несоразмерно высокой. Впрочем, потеря трети населения сербов, кажется, никогда не смущала сербов – вбитый идеал мученичества и жертвы за Косово действовал безотказно. Первая мировая война была поистине живым воплощением всех сербских мифов и в свою очередь сама породила миф о себе, как о Великой голгофе.

Сербская национальная идеология, зачатая в XIX в. при помощи сербского мифотворчества – средневековой косовской эпопеи и народного фольклора, была совершенно необходима молодому государству для завершения ее геополитических целей по освобождению и воссоединению всех сербов (и здесь косовский миф дал определенные плоды, не важно с какими жертвами), однако он сыграл довольно зловещую шутку с историческим и национальным сознанием самих сербов, так и не сумевших за сто с лишним лет преодолеть этот национальный миф, к которому за неимением других идеологических установок пришлось вернуться Сербии после распада Югославии. По справедливым словам Латинки Перович, мифические представления о каких-то событиях или персонажах, в той или иной степени присутствуют в истории любой страны, но только в Сербии миф подменил собой реальную историю. И ключевую роль в этом сыграла сербская православная церковь.

§4. Исполнение косовского завета: балканские войны и первая мировая война

Балканские войны и первая мировая война стали для Сербии долгожданным часом материализации всех составляющих сербскую национальную идеологию мифов, – мифа о Великой Сербии и новом Душановом царстве, о Косовской Голгофе и исполнении «косовского завета», о

сербских мучениках и Воскрешении Сербии. Духовно-идеологическая подоплека необходимости войны с Турцией, психологическое оправдание миллионных жертв, понесенных Сербией в результате трех войн, сербскому государству не понадобилось – настолько глубоко была укоренена в сербском обществе готовность умереть за «Славу сербинову», «крест частный и свободу златну»: пять веков детям рассказывали о насилии янычар и осман, о подвигах славных юнаков.

Война против Турции была объявлена в официальной прокламации «святой войной» за освобождение Старой Сербии – «исторического ядра сербской державы старых королей и царей»⁹⁵¹. Митрополит Димитрий в белградской Соборной церкви 5 октября 1912 г. произнес эмоциональную патриотическую речь (очевидцы рассказывали, что люди в церкви рыдали):

«...Знаете ли вы, куда мы идем? Что идем мы не к чужим, а к братьям своим? Идем туда, где колыбель наша, где враг загасил очаг нашей славы и просвещения. Идем, чтобы на том погашенном очаге снова зажечь огонь свободы, чтобы собрать вокруг него все сербские души, жаждущие мира и счастья. Идем в свой дом, в котором расселся лютый безбожник, пройдя по рекам мученической крови и слез наших предков. Идем в свое золотое отечество, которое неприятель превратил в землю пустоши, землю печали и плача, крови и ужаса. Идем разбить рабские вериги нашего долгого рабства. Идем, чтобы из тяжкого рабства выволить витязей – вернуть гордость душанового юнака. Идем, чтобы животворной водой из святого источника свободы смыть с дорог и полей мученическую кровь наших предков. Идем, чтобы воскресить из праха униженных людей и вернуть им человеческое достоинство.

А еще идем мы на славное Косово поклониться тени славного князя Лазаря, Милоша Обилича и других храбрых витязей, которые погибли с ним, чтобы жить вечно. Идем в святую патриархию, в древний дом сербской надежды и утешения. Идем к величественным Дечанам, поклониться праху набожного короля Дечанского. Идем к славной Грачанице, помянуть богатырского короля Милутина. Идем к дивному Скопю, вернуть престол сильного Душана. Идем к городу Прилепу – юнацкому гнезду королевича Марка. Идем к старым полям битв, на которых Неманичи строили свою могучую державу. Туда идем, потому что там ждут нас наши братья, которые не могут дальше существовать без нас, ни мы без них. Туда идем и там и останемся с божьей помощью...»⁹⁵²

С великим воодушевлением была воспринята сербами война, всеми слоями общества, от простого селяка до политика и министра⁹⁵³ – народ, по выражению Вестника СПЦ, «горел от желания жертвовать»⁹⁵⁴. Перед Кумановской битвой Николай Велимирович в одной из своих проповедей говорил: «Пришла война, долгожданная... Почему эта война святее других войн? Потому что это – народная война. Народ веками готовился к этой войне, народ чувствовал неминуемость этой войны, поэтому народ сейчас и пошел на войну как один человек»⁹⁵⁵.

Войну действительно нетерпеливо ожидали – писатель Велько Петрович отмечал, как в Сербии хотели войны, ибо войн уже не было больше 30 лет: за это время выросло новое поколение национально ориентированных людей, энтузиазм среди которых был особенно заметен. «Все наше поколение годами через книги, школу, газеты, общественные собрания было наполнено духом национальных идеалов освобождения и объединения, – вспоминала очевидица тех событий, – и совсем не удивительно, что войну против Турции мы рассматривали как исполнение своих давних снов»⁹⁵⁶. Мобилизация прошла в рекордные сроки – люди шли на войну с

песнями и цветами, как на свадьбу, никто не думал о смерти или поражении, все верили в победу – «нашему поколению выпало быть исполнителями косовского завета! Какое счастье!»⁹⁵⁷.

Тема осуществления косовского завета, освобождения старых сербских земель вообще была лейтмотивом первой балканской войны. Прота Милан Джурич взывал к бойцам 4-го пехотного полка «Стефан Неманя» (к которому 68-летний священник был приписан):

«Сыны мои! Это земля наших прадедов, это земля, где мы были славными, это земля, где мы царствовали, это дом наших царей, это славные царские задужбины, это могилы наших витязей, что умерли за свою веру, что грудью встали на защиту сербства, что кровью омыли родину. Не бойтесь, сыны! Я вижу перед вами царя Душана и царя Лазаря, Обилича, Юговичей... Знает душман, кто дети Милоша Обилича. Вперед, сыны! И я сам, старик, тоже с вами. Иду с вами исполнить косовский завет»⁹⁵⁸.

Уже через месяц после начала войны, поздней осенью 1912 г., сербские войска заняли Старую Сербию, центральную и западную Македонию и центральную и северную Албанию. «Наступил день, когда героическое сербское войско искупило своей юнацкой кровью свой завет» и «пятивековое желание стало реальностью. Сербские сны стали явью – Косово отмщено!» – писал прота Божа Йоканович⁹⁵⁹. Так закончилось пятивековое турецкое рабство – Косово отмщено, Душанова слава обновлена, косовский счет оплачен, а король Петр получил к своему имени приставку «витязьский» (богатырский).

Образ «оплаченного счета» вообще был весьма популярен в сербской публицистике к XIX–нач.XX в. Так, год спустя после войны, Николай Велимирович, возвращаясь к теме Косова, говорил:

«...в душе каждого нашего солдата жива народная традиция. Та традиция хранила народные заветы, которые как самая большая реликвия передавалась от отца к сыну. Косово в этой традиции было самым понятным и самым звучным словом, которое нельзя было произнести, чтобы не услышать эха с одного края сербства до другого. Косово была неоплаченным счетом, который как и всякий долг обявывал каждого серба как должника. Объявление войны 1912г. означило вызов в суд для оплаты долга. Так народ это и понял. Великий это был суд и великие судьи, пред которым предстало наше поколение. В 1912 году мы были призваны на суд пред Неманей и Св.Саввой, перед Душаном и Лазарем, Милошем и Карагеоргием. Долг должен быть уплачен – это была мысль каждого мобилизованного солдата»⁹⁶⁰.

С какой возвышенной эмоциональностью воспринималось это событие народом, можно понять по ставшим широко известным словам историка и бывшего министра просвещения Любомира Ковачевича, которые он произнес над гробом своего единственного сына Владеты Ковачевича (дипломата, секретаря МИДа), геройски погибшего в октябре 1912 г. в Кумановской битве:

«Сын! Пять сотен лет сербский народ ждал момента, чтобы освободить Косово и дождался его. Ты пал в войне за это святое дело и я горд, что как отец, могу сегодня с честью и с полным осознанием пожертвовать всем ради того идеала, для которого я сам жил. Иди и скажи царю Лазарю, Милошу Обиличу и всем косовским юнакам, что Косово отмщено. Отнеси им голос нашей радости и будь вестником лучшего времени для целого Сербства!»⁹⁶¹

Лейтмотив отмщения кровью за «старые могилы предков» и воскрешения «славных витязей» хорошо виден и в стихотворении известного поэта Алексы Шантича «Косовка», посвященном памяти Владеты Ковачевича, в котором присутствовал образ Господа, снова ступающего по Сербии Старой. После балканской войны для сербских писателей и поэтов вообще был характерен несколько сказочный пафос, – не зря эти события стали поводом для написания множества патриотических произведений – стихов, поэм, песен и даже театральных постановок, где оживали мифические сербские герои – кралевиц Марко, Обилич, Юговичи. А богословы, переосмыслив значение Косова, придавали ему новый мистически-сакральный характер – святое Косово, сербская Голгофа, жертвенник косовских мучеников, из крови которых родилась свобода⁹⁶².

Поэтому не много преувеличивает современный историк Славенко Терзич, когда утверждает, что косовская идея веками жила в качестве стенового хребта освободительной борьбы сербского народа, венцом которого виделось освобождение Косова⁹⁶³. Даже Никола Пашич в обращении к депутатам народной скупщины 21 марта 1913 г. обращался к прошлому, когда указывал на успехи армии: «на Куманово она отомстила за Косово и возвратила Душанову столицу Скоплье, на Присаду и Прилепу воскресила свободу столицы королевича Марка, на Битолу показала целому свету своей блистательной беспримерной победой, что нет границ военным доблестям и самопожертвованию сербского войска»⁹⁶⁴.

Первый Видовдан после освобожденного Косова, в 1913 г., отмечали как и сербы, так и братья-хорваты «во всех сторонах югословенства»⁹⁶⁵. Но подлинным праздником грядущего югославянства стал Видовдан 1914 г.⁹⁶⁶ В церкви Вознесения, где присутствовал престолонаследник Александр и члены правительства, митрополит Димитрий служил парастос погибшим на Косову, потом на Калемегдане состоялась манифестация, в которой участвовали представители всех краев будущей Югославии в этнических костюмах: «этот великий праздник печали получил после отмщенного Косова и другой смысл – он день нашей гордости. Расширенная Сербия будет первым сербским Пьемонтом», – писала газета «Политика»⁹⁶⁷.

Церковь высокую историческую задачу «*Пьемонта сербского племени*» принимала и поддерживала, ожидая скорейшего всеобщего воскрешения и готовясь, как всегда, к мученичеству и жертвам⁹⁶⁸. Не зря, во время первой мировой войны, Австро-Венгерская и немецкая пропаганда внушала, что «православная церковь – основа национальной оппозиции в Далмации, Боснии и Герцеговине»⁹⁶⁹, а власти Хорватии наряду с запрещением кириллицы, ликвидации церковной и школьной автономии, преследовали православных священников.

Естественно, что и церковь видела в этих победах свои заслуги: «Войска пошли в бой с благословением церкви. ... молитвы святой церкви не прекратились и сейчас, они сопровождали и сопровождают наших юнаков сквозь все моменты их жизни. Их верховный главнокоман-

дующий, Е.В. король Петр из церкви отбывает на поле брани и с поля брани сначала приходит в храм. Вера в бога и молитва поднимает дух нашего войска и ведет его в победу. За крест частный, за короля и отечество, с верой в Бога пошли наши войска кровушку проливать»⁹⁷⁰.

Сами же представители духовенства по старой сербской традиции не всегда ограничивались ролью проповедников – помимо сугубо «профессионального» присутствия духовенства на фронте в качестве войсковых священников (около 118 человек в первой балканской и 140 во второй балканской)⁹⁷¹. С оружием в руках они непосредственно участвовали в боевых действиях. Некоторые священники шли простыми добровольцами на фронт или (как, например, монах Йосиф Цвийович, будущий скопский митрополит⁹⁷²) командовали четами; многие попадали в плен, умирали под пулями, или, ухаживая в больницах за ранеными, от холеры и тифа (как, например, нишский епископ Доментиан). Помогала церковь фронту и материально – был организован специальный Комитет, занимавшийся сбором пожертвований пострадавшим в войне и их семьям⁹⁷³.

Известно, что во время войны военные священники влачили жалкое существование: в отличие от офицеров и чиновников, мобилизованные священники (не *гарнизонные* священники в ранге офицеров, и не священники соседних приходов, т.н. «*гонорарные*», а мобилизованные во время войны в связи с увеличением армии и выбранные духовными судами) оказывались без всякого положения и оплаты. За свой счет они должны были покупать себе коня со всем необходимым (седлом и т.д.), обмундирование и амуницию. Между тем, резервные офицеры получали по 200 динар помощи, обмундирование и лошадей за государственный счет, а также деньги на пропитание. Священники же получали только еду из «общего котла». Бир государство им не выдавало, ибо налоги во время войны не собирались, а доходы от парохий упали до минимума, т.к. священника стали звать только на крестины и похороны, за что в селах почти никто не платил⁹⁷⁴.

Вторую балканскую войну церковь тоже встретила, что называется, в идеологическом всеоружии – антиболгарские настроения в связи с совместными притязаниями на Македонию в церковной среде были всегда очень сильны. Теперь же Болгарию называли то славянским Каином⁹⁷⁵, то славянским Иудой⁹⁷⁶, нередко выражая при этом сомнение в славянском происхождении болгар. Ибо, как замечал прота Йоканович, славянская душа не способна на те преступления, которые творят болгары в Сербии, – это могут творить только «татары», – хотя широко известно, что зверства творились как с болгарской, так и с сербской стороны, и сами сербские священники были настроены отнюдь не по-христиански. Например, французский военный журналист Анри Барбье вспоминал о том, как во время первой балканской войны, проходя по Македонии, встретил попа, который мирно пахал землю в двухстах метрах от своего догораю-

щего дома, подожженного албанцами. Француз удивился, на что поп спокойно ответил: «Ну да, правда, арнауты здесь все спалили, но мы им обратно возвратили, гляньте-ка! – и показал вдали другие столбы дыма, – сейчас мы квиты! Не будут больше приходить, а мы в конце концов сможем жить и работать спокойно!» «Сия месть так естественна для этого православного пастора. Вековая привычка! – заключал француз⁹⁷⁷. Другой поп, из Охрида, как только сербские войска вошли, поспешил попросить офицера бросить несколько гранат на соседнее село; в итоге попа пришлось запереть – он не понимал, почему сербские войска не могут сравнять с землей неприятельские села⁹⁷⁸.

Болгар на страницах церковной печати обвиняли в осуществлении мегаломании и ложных национальных устремлений, упирая на тот факт, что болгары не имели понятия о своей национальности – сербы и русские дали им народную идею, освободили от рабства, отвоевали для них экзархию, которую мыслили как религиозную организацию, а болгары превратили в орудие политическо-национальной пропаганды.

О жизни церкви в годы первой мировой войны говорить довольно сложно – как известно, территория Сербии с конца 1915 г. была оккупирована австрийскими и болгарскими войсками, а сербская армия и правительство покинуло страну, и вплоть до 1918 г. пребывали на о.Корфу. Там же частично находились и церковные иерархи и перебравшиеся рядовые священники (в том числе, и военные). Многие представители духовенства оказались в эмиграции в Европе (Франция, Швейцария), часть священников была интернирована или погибла⁹⁷⁹. Наибольшие жертвы среди священников оказались на территории, оккупированной болгарами (на территориях, контролируемых австрийцами жертв было значительно меньше) – нередко расстрелы священников без суда и следствия сопровождались пытками и издевательствами. Не миновала чаша сия и сербских архиереев – так, скопского митрополита Викентия накануне Никольдана болгары замучили и сожгли; часть владык была интернирована – нишский епископ Доситей, шабацкий епископ Сергей, умировленный митрополит рашко-призренский Никифор – в Болгарию⁹⁸⁰. Владыка Гаврило (Дожич) был интернирован в Венгрию, а митрополит охридский Варнава (Росич) вместе с войсками перешел через Албанию на о.Корфу. Но если относительно героического поведения последних двух архиереев (кстати, будущих сербских патриархов) не было никаких сомнений, то самого главу церкви – митрополита Димитрия обвиняли в отнюдь не безупречном поведении – тот поспешно бежал из Белграда, прихватив ящик с церковной казной, бросив и священство, и паству. Очевидцы, офицеры сербской армии, со смехом рассказывали, как лицезрели проезжающую митрополитову телегу – только камилавку и было видно. Подобным же манером бежал из своей епархии и шабацкий епископ Сергей, прихватив с собой свою горничную⁹⁸¹. Но если митрополиту удалось благополучно добраться до Франции через

Черногорию, а оттуда на о.Корфу, то Сергия сербские офицеры выкинули из военного автомобиля вместе с «горничной», и того впоследствии интернировали в Болгарию.

В военных действиях 1915–1918 гг. погибло свыше 200 сербских священников, около ста человек умерло, будучи интернированными в Болгарию и Австро-Венгрию⁹⁸² (всего насильственному интернированию подверглись: в Австро-Венгрию около 350 сербских священнослужителей, в Болгарию – около двухсот). По подсчетам М.Поповича, если учитывать все сербские земли (включая БиГ, Старую Сербию, Македонию), то за годы войн за освобождение, т.е. первую и вторую балканские войны и первую мировую, погибло около 600 сербских священников и монахов.

В первую мировую Косовский лейтмотив, тема жертвенности и мученичества расцветают с необычайной силой – к ней прибегает не только церковь, она становится неотъемлемой частью всей патриотической риторики⁹⁸³. «Великая Сербия примет под свое крыло всех детей славянского юга, и это историческое событие будет достойно сербских жертв» – пишут официальные «Српске новине». Вряд ли мы ошибемся, сказав, что все сербские священники восклицали перед своей паствой, как и прота Божа Йокановичем на Савиндан 1917 г. в Салониках:

«наши славные предки пять веков несли мученический крест, но не поколебались в своей вере, не лишились национального самосознания, не унизили ни чем сербского имени. Их во всем достойные потомки могут сейчас в течении одного–двух лет нести свой тяжкий национальный крест с верой в скорое воскрешение своего племени и его будущее. Храбрый в борьбе на кровавом европейском поле, великий как победитель, сербский народ – великий и как страдалец! В героизме и жертвенности, в перенесении телесных мук сербский народ не имеет себе равных в истории мира. <...> Везде, где наш народ живет, веками он был мучеником и поборником за свою национальную идею. Последние три года были годами нашего распятия, нашей Голгофы, нашего мученичества»⁹⁸⁴.

Видовдан, отмечаемый в 1916–1918 гг. в изгнании, вдали от родины, действительно становится «сильнее, чем просто воспоминание, много сильнее обычной надежды – становится знаменем несломленной веры в конечное осуществление всех наших идеалов...»⁹⁸⁵, превращаясь из Голгофы «нашего прошлого ... в Вифлеем нашего будущего». Тема Косова тоже получает новый, югославянский оттенок – рождается новое Косово, новый Видовдан в масштабах сербско-хорватско-словенского народа, связанного общими жертвами и общей пролитой кровью.

Конечно, церковь приветствовала создание в 1918 г. новой державы, объединившей сербов со своими братьями хорватами и словенцами, «собранными на единой территории, около одного очага, связанными одним языком, одной кровью»⁹⁸⁶. Очень важно понимать, что, несмотря на заздравные речи по поводу осуществления «заветной мысли об объединении всего сербства и югославянства», сербская церковь воспринимала новую державу прежде всего, как

расширенную Сербию – Великую Сербию, как венец сербского национального воскрешения и объединения в сильное сербское царство под скипетром народной и Богом благословенной династии Карагеоргиевичей. Рождение нового государства было результатом превращения маленькой Шумадии в Великую Сербию, и еще шире – в Югославию⁹⁸⁷. Не удивительно, что при таком подходе Герцеговина и Босния, Бачка, Банат, Срем и Славония, Хорватия и Словения с Истрией и Далмацией понимались как «составные части сильной и мощной Сербии»⁹⁸⁸.

Но видение Югославии сербами шло вразрез с пониманием таковой хорватами и словенцами, с опаской воспринимающих мегаломанские великосербские затеи и более трезво оценивающих реалии сербской экономики и политики. Австрийские славяне предвидели непреодолимые разногласия между тремя «братскими» народами (в том числе, и религиозные), которые сербские власти упорно не желали замечать, – а зря: из-за них первую Югославию лихорадило все двадцать лет существования. Не в последнюю очередь свою роль сыграла здесь и церковь – мессианские амбиции сербской православной церкви, с одной стороны, и навязчивый прозелитизм католической церкви, с другой, не прибавляли стабильности молодому государству. Не зря еще Йован Скерлич, один из идеологов югославизма, предупреждал, что церковь не должна играть особой роли в объединении «югославской нации», точнее, религиозная равнодушность – залог ее формирования и дальнейшего существования (тезис не такой глупый, как показали события конца XX в.) Ибо, действительно, как указывал М.Экмечич, для югославянских народов религиозная, а не национальная идентификация была доминантной чертой политических идеологий. Основа же «югославянской идеологии объединенного национального государства базировалась на ошибке и фатальном, но сознательном упущении из вида роли религии в югославянских обществах» и «низкого уровня югославянской культуры, в которой постоянно происходит религиозный раскол народа»⁹⁸⁹.

Необходимо отметить еще один немаловажный факт: несмотря на поддержку сербской церковью нового государства, сама православная церковь не играла заметной роли в развитии идеи югославизма как такового, а следовала лишь в фарватере сербской геополитики. В отличие от католической церкви с ее социальным католицизмом и такими хорватскими церковными деятелями, как, например, епископ Йосип Штросмайер и священник Франьо Рачки, чьи имена обычно тесно связывают с теорией югославизма (впрочем, общеизвестна и деятельность противника югославизма, хорватского епископа Й.Штадлера), сербская церковь, испытывавшая в к. XIX – нач. XX в. системный кризис, была лишена талантливых фигур в руководстве, ярких теологов и идеологов, а посему оказалась не в состоянии предложить обществу новые социально-политические доктрины⁹⁹⁰.

После объединения всех сербских земель в одно государство и восстановления Сербской патриархии церковь пребывала в некоторой растерянности: пятисотлетняя национально-

освободительная программа тахитум была исполнена и сербская церковь лишилась той высокой цели, к которой шла вместе с народом несколько столетий. Теперь, вспомнив о своей первоочередной обязанности – вере, – церковь пытается по-новому сформулировать цели и задачи в современном обществе. Так, будущий нишский епископ Йован (Илич) констатировал в 1920 г.: казалось бы, изнурительная народная борьба, продолжавшаяся несколько столетий, завершилась, а налицо признаки морального разложения общества: народ больше не вдохновляют возвышенные мотивы, эгоизм и материализм «ударил по вековым идеалам мученического народа». Но церковь, как истинный пастырь стада Христова, должна делать все для достижения царства божьего, царства любви». Поэтому цель церкви сегодня – «вдохнуть в людей дух христианской любви и показать путь в новой исторической эпохе»...⁹⁹¹

***

Сербская православная церковь, стремительно теряющая в к. XIX–нач. XX в. свою былую политическую самостоятельность и религиозно-нравственный авторитет, тем не менее, оставалась одним из важнейших факторов национальной консолидации сербов. Единственной успешной положительной программой церкви оказалась утопическая мечта о Душановом царстве. Здесь, интересы церкви и государства, стремившегося к объединению всех сербов, счастливо совпадали. Церковь активно пропагандировала идеи национального освобождения и воссоединения всего сербства в едином государстве, обращаясь к эпохе сербских средневековых героев, ко временам Косова поля, взывая к отмщению за пролитую сербскую кровь и к осуществлению Косовского завета. Приняв сербскую мифологию в качестве национальной идеологии, государство охотно воспользовалось услугами церкви, видя в ней важный фактор сплочения нации. Два главных события сербской церкви нового времени – провозглашение автокефальной сербской церкви в 1879 г. и восстановление сербской патриархии в 1920 г. неразрывно связаны с возрождением и объединением сербства в двух молодых государствах – независимой Сербии и КСХС.

Естественно, что церковь поддерживала развитие идей югославизма и с радостью встретила создание КСХС в 1918 г., видя в нем окончательное освобождение и воссоединение всего сербства. Восстановление Сербской патриархии стало заключительным аккордом в деле объединения сербского государства, на поверку оказавшимся отнюдь не «великосербским», как мечталось. Тяжелым ударом для церкви оказалась потеря государственного статуса православной религии в многоконфессиональном теперь государстве. Но самым болезненным оказалось утрата не востребовавшей роли проводника сербской национальной идеологии, которую церковь играла на протяжении 500 лет – идеи объединения сербства осуществились, и оставшись не у

дел, церковь тщетно пытается ставить перед собой новые, сугубо духовные и нравственные задачи. Церковь оказалась выброшена «на обочину истории» – не зря тимокский епископ Иринеи, описывая положение церкви в Югославии, сравнивал ее с одиноким родственником, которому в свое время много задолжали, и теперь он считает, что все обязаны его содержать, но для нас это – большая обуза⁹⁹².

Исполнение Душанового завета, к которому так стремилась сербская церковь, в конечном итоге, принесло горькие плоды – после первой мировой войны она оказалась разрушена и деморализована. Большая часть Югославии, как известно, была оккупирована: множество священников и архиереев было депортировано или убито. Вернувшиеся священники находили разрушенные церкви и абсолютную индифферентность селяков к церковной службе. В церковь никто не шел: за восемь лет люди отвыкли от привычной жизни, в которой теперь не находилось места для хождения в церковь (не будем забывать, что Сербия воевала фактически непрерывно с 1912 г., демобилизация была объявлена только весной 1920 г.).

Но было бы неверно заканчивать на столь пессимистической ноте. После войны и разрухи церковь отстроилась и морально воспряла духом. Она охотно взяла на себя миссию проводника новой идеологии и активно поддерживала шестоянварскую диктатуру короля Александра и курс на «интегральный югославизм» (о выросшем влиянии в обществе и попытках вновь вмешиваться в государственную политику свидетельствуют события 1936–1937 гг. вокруг конкордата с римской церковью, закончившиеся кровавыми стычками и отлучением от церкви министров и депутатов, проголосовавших за его ратификацию).

Правы те исследователи, которые видят в идеологии, связанной с церковью как носителем сербского национализма, причину неосуществимости концепции югославизма. Парадигма идентификации нации по религиозному, а не языковому и культурному аспекту привела к этнической отгороженности православных сербов. В первой Югославии это сделало невозможным этническое определение себя как сербов южных славян – носителей сербо-хорватского языка католического и мусульманского вероисповедания⁹⁹³. Было бы ошибкой считать, что церковь отказалась от национализма – в так и неопределенной до конца национальной государственной политике Югославии, лихорадочно метавшейся из стороны в сторону между политикой создания «югославского» народа и попытками играть на национальных противоречиях сербов и хорватов, великосербский национализм очень скоро опять поднял голову. Великосербизм, шовинизм и ксенофобия, которые подспудно обретались в церковных недрах, получили второе дыхание, будучи крепко спаяны в новую сербскую идеологию «*святосаввия*», вышедшую из-под пера епископа Николая Велимировича. Благополучно пережив вторую мировую войну и вторую Югославию, сербская православная церковь, причислив к лику святых создателя великосербской идеологии, владыку Николая, повторяет уже в XXI столетии ту же матрицу взаимо-

отношений церкви и государства, что и сто лет назад, прочно заняв нишу хранителя сербской нации...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁸²²Radić R. Džepna istorija srpske pravoslavne crkve // Zašto se u crkvi šapuće. PEŠŽČANIK FM. Knj. 2. Beograd, 2005. стр.181.
- ⁸²³Герд Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С.23–29; Макарова И.Ф., Жила Л.И. Конфессии и формирование болгарской нации // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 198–200.
- ⁸²⁴Karpat K. Ottoman Views and Policies Towards the Orthodox Christian Church. Greek orthodox theological review. Volume 31, №. 1–2, 1986, pag. 131–155.
- ⁸²⁵См. подробнее: Öztürk F. The Ottoman millet system. // Güneydoğu Avrupa Araştırmaları Dergisi, Band 16. Istanbul. 2009, s. 71–86; Stamatoopoulos D. From Millets to Minorities in the 19th–Century Ottoman Empire: an Ambiguous Modernization. // Citizenship in historical perspective (edited by Steven G. Ellis). Pisa, 2006, s. 253–273; Inalcik H. The status of the Greek Orthodox Patriarch under the Ottomans // Turcica, 23, 1991, s. 407–435; Roudometof V. From Rum Millet to Greek Nation: Enlightenment, Secularization, and National Identity in Ottoman Balkan Society, 1453–1821 // Journal of Modern Greek Studies, Volume 16, No. 1, (May 1998), s. 11–48; Braude B. Foundation Myths of the Millet system // Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Abridged Edition (edited by B.Braude and Lewis B.). New York, 1982, s. 65–87; Clogg R. The Greek Millet in the Ottoman Empire // Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Abridged Edition (edited by B.Braude and Lewis B.). New York, 1982, s. 109–133.
- ⁸²⁶Karpat K. Ottoman Views ... pag. 131–155.
- ⁸²⁷Гильфердинг А. Босния, Герцеговина и Старая Сербия // Собрание сочинений. Т. 3. Спб., 1973. С. 87.
- ⁸²⁸Русские о Сербии и сербах. Т. 1. Письма, статьи, мемуары. Спб., 2006. С. 82.
- ⁸²⁹См.: Moraru A. Biserica Ortodoxă Română între anii 1885–2000. Vol 3, Tom 1. Bukureşti, 2005; Centenarul Autocefaliei Bisericii Ortodoxe Române 1885–1985. Bukureşti, 1987; Păcurariu M. Istoria Bisericii Ortodoxe Române, Vol.III. Bukureşti, 1994; Очерки политической истории Румынии (1859 — 1944). Кишинев. 1980. С.16; Бондарева В.В. Болгарский экзархат в 1878–1897 гг. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. Краснодар. 2006; Пальмов И. Болгарская экзархияльская церковь. Первоначальное и современное ее устройство. Спб., 1896.. С.53; Шкаровский М.В. Болгарская Православная Церковь в годы Второй мировой войны [Online] <http://www.sedmitza.ru/text/856931.html>, [21.04.2013]; Соколов И.И. Константинопольская церковь в XIX веке. Т.1. Спб.1904. С.154–202; Милаш Н. Православно црквено право. Београд, 2004. С.330–331; Герд Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 34; Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. М., 1994. С. 256, [Электронное издание]; Мартиньер М. Церковь в Греции сильнее государства, [Online], <http://inosmi.ru/world/20120713/194906956.html>, [12.06.2013].)
- ⁸³⁰Гласник СПЦ. 1900, № 1. С. 8–29.
- ⁸³¹АС.ПО–30/164. Письмо от 3 января 1898г. Епископ Мелентий – Митрополиту Михаилу.
- ⁸³²Весник СПЦ. 1892, № 11. С. 1081; Весник СПЦ. 1896. С. 665.
- ⁸³³Kuburić Z. Pravoslavna religioznost u srbiji u 20. veku (primer Dvoranske parohije) // Dve hiljade godina hrišćanstva na Balkanu. Niš: JUNIR, str. 98.
- ⁸³⁴Гласник СПЦ. 1900, № 3. С. 20–21.
- ⁸³⁵Гласник СПЦ. 1900, № 4. С. 8.
- ⁸³⁶Преглед цркве епархје нишке. 1926, № 7–8. С. 273–281.
- ⁸³⁷Хришћански весник. 1903, № 2. С.196–197.
- ⁸³⁸Хришћански весник. 1909, № 2. С.63.
- ⁸³⁹Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1889. 3 део. Београд, 1889. С. 4259, 4839.
- ⁸⁴⁰Петковић С. Моја парохија. Сремски Карловци. 1930. С.14–15.
- ⁸⁴¹Петковић С. Моја парохија. Сремски Карловци. 1930. С. 9–11.
- ⁸⁴²Петковић С. Моја парохија. Сремски Карловци. 1930. С. 41.
- ⁸⁴³Верско и морално стање нашег народа после рата // Летопис Тимочке епархије. 1923. С.65–66.
- ⁸⁴⁴Верско и морално стање нашег народа после рата // Летопис Тимочке епархије. 1923. С.67.
- ⁸⁴⁵Весник СПЦ. 1896. С. 725–735, 820–827.
- ⁸⁴⁶Гласник СПЦ. 1913, № 6. С. 86.
- ⁸⁴⁷Хришћански весник. 1888, № 4. С. 297–306; Весник СПЦ. 1893, № 2. С. 119–121.
- ⁸⁴⁸Хришћански весник. 1903. С.356–358.
- ⁸⁴⁹Русские о Сербии и сербах. Т. 1. Письма, статьи, мемуары. Спб., 2006. С.345–346.
- ⁸⁵⁰Там же. С.357–358.

⁸⁵¹ Radić R. Pravoslavna crkva u Srbiji u vreme kralja Milana Obrenovića // Zbornik Matice srpske za istoriju 2008, br. 77–78, str. 233; Радић Р. Народна веровања, религија и спиритизам у српском друштву 19. и у првој половини 20. века. Београд, 2009.

⁸⁵² Священник др. Коста Джурич писал в 1923г. о том, что сербская церковь после нападения турков «должна была отказаться от своей высокой божественной задачи, бросить все силы на сохранение национального сознания и посвятить все устремления политическому и государственному освобождению. ... Она не воспитывала себе верных и преданных сыновей, но освободителей державе. Ее священство редко знало молитвы и символ веры, а еще реже умело читать, писать и пользоваться книгами. Но оно было национально воодушевлено, часто и до самопожертвования. Церковь православная себя полностью забыла и все свои кости положила в фундамент новой державы. Она и после освобождения Сербии, когда культурные условия улучшились, и до сегодняшнего дня, осталась в основном национальным институтом. И сейчас, после освобождения и объединения, когда национальные сны стали явью, паства больше не понимает церковь, она ему сейчас не нужна». (Ђурић К. Црква и држава. Поводом питања о одвајању цркве и државе. Београд, 1923. С. 73).

⁸⁵³ В 1874 г. грамотным было всего лишь около 6.72% населения (Исић М. Писменост у Србији у 19. веку // Образовање код Срба кроз векове. Београд, 2003. С. 63–78).

Через 15 лет эта цифра немного увеличилась – согласно официальной статистике в 1889г. грамотным было уже 9% населения (15% от всего числа мужчин и 3% женщин). При этом в городах грамотными было 27%, а в селах – всего 5% населения. Практически все женщины в селах были безграмотны – лишь 0.42% было грамотным, мужчин – 10%; в городе этот процент был соответственно выше – 23% женщин и 50% мужчин (Државопис Србије. Свеска 16. Београд, 1889. С. XXXV)

По переписи населения 1895г. численность грамотного населения заметно возросла и составила 17 % от всей популяции (28% всех мужчин и 6% женщин) (Статистика Краљевине Србије. Књига XIII. Београд, 1899. С. CVII)

⁸⁵⁴ Чајкановић В. Мит и религија у срба. Београд, 1973. С. 6.

⁸⁵⁵ Петровић А. Грађа за изучавање наше народне религије // Гласник етнографског музеја у Београду. Књ. 14, 1939. С. 31–42.

⁸⁵⁶ Станоевић М. Цркве и црквине и веровања у Заглавку // Летопис Тимочке епархије, 1923. С.34.

⁸⁵⁷ Там же.

⁸⁵⁸ Весник СПЦ. 1896. С. 730–731.

⁸⁵⁹ Гласник СПЦ. 1902, №№ 9–10. С. 597

⁸⁶⁰ Глас нишке епархије. 1900, № 5. С.176–178; Хришћански весник. 1883; Хришћански весник. 1884, № 2. С.392–397; Весник СПЦ. 1894, № 4. С. 540–558; Преглед епархије жичке. 1932, №№ 2,3. С.59–62; Преглед епархије жичке. 1932, №№ 6,7. С.144–147; Глас нишке епархије. 1899, № 5. С.265–266.

⁸⁶¹ Гласник 1900, № 1. С. 41–43.

⁸⁶² Весник СПЦ. 1896. С. 616.

⁸⁶³ См.: Садырова М.Ю. Религия и церковь в повседневной жизни русского крестьянства в конце XIX – первой трети XX вв. [Online], <http://www.dissercat.com/content/religiya-i-tserkov-v-povsednevnoi-zhizni-russkogo-krestyanstva-v-kontse-xix-pervoi-treti-xx> [03.012.2013].

⁸⁶⁴ Такое панибратское отношение священника и селяка во многом тоже подтачивало авторитет церкви. Так, врач Лаза Димитриевич писал в 1893г.:

«Священники у нас потеряли во многом старое уважение. Любит селяк подиутить над попом ... Только немногочисленным священникам, которые смогли сохранить достоинство перед своими прихожанами, говорит селяк «господин поп», остальным – просто «поп». Это правда, что селяки бегут врассыпную, когда встречаются попу, чтобы он не навлек на них неудачу. В некоторых краях выбрасывают сено из телеги, когда проходят мимо попа. Во многом здесь виноваты сами священники, ибо они не в состоянии сохранить свое достоинство, а заседают по кабакам с селяками...»

В одной почтенной општине, в сегодняшнем подунавском округе была дифтерия у детей. Послали меня туда власти, я поехал, перед самым селом нашел камилавку священника, взял ее – новая почти камилавка. Когда вошел в хозяйский дом, где умерли три ребенка один за другим от этой заразы, застал там попу – сидит в стельку пьян и еще пьет. Все встали, когда я вошел, и поп хотел встать, да не смог.

Столько жалоб на него от селяков было, и я официально жалобы подавал, что он вследствие каждодневного пьянства умом тронулся – ничего не помогло. Митрополит ничего не может сделать в ущерб его отцу – наместнику в В. А религия, которая дискредитируется таким образом – да кто об этом думает. Неудивительно, что наш народ не ходит в церковь...

То, что шесть миллионов сербов каждое утро, когда умываются и когда ложатся спать, осеняют себя крестом и поминают «господи, помоги» – то больше значит для нашей православной веры, чем все построенные церкви и ее служители. И поверьте, этому серб не от священника научился, а от своих родителей, и это тот самый «крест частный, за который он воюет и кровушку проливает». Этого не может никакая пропаганда выбить.

Когда какой великий праздник, все местные женицины идут в церковь, но не богу молиться, а каждая свою новую юбку показать. Ни одной не видно на улице – все в храме божьем. На селе священник должен посреди служ-

бы утихомиривать женщин: «не бубните, не на посиделках», – крикнул однажды на литургии поп Ф. из П. когда выносил потир.

Католические священники живут не моральнее наших монахов, но они могут держаться с достоинством, т.к. все, что они делают – делают у себя дома, а не с селяками кутят по кабакам, и не оставляют службу, бегая по партийным сборам. Поэтому не стоит удивляться, что сейчас народ редко избирает священников в скупщину» (Димитријевић Л. *Како живи наш народ*. Београд, 2010. С. 111–113.)

⁸⁶⁵ Гильфердинг А. Босния, Герцеговина и Старая Сербия // Собрание сочинений. Т. 3. Спб., 1973. С. 87.

⁸⁶⁶ Radić R. Pravoslavna crkva u Srbiji u vreme kralja Milana Obrenovića // Zbornik Matice srpske za istoriju 2008, br. 77–78, str.233.

⁸⁶⁷ О складывании сербской идеологии в начале 19 века см.: Белов М.А. У истоков сербской национальной идеологии. Спб. 2007.

⁸⁶⁸ Хришћански весник. 1880, № 5. С.105.

⁸⁶⁹ Поповић М. Историјска улога Српске цркве у чувању народности и стварању државе. Београд, 1933. С.12.

Митрополит Михаил с амвона призывал хранить «веру православную, веру наших отцов, которая сохранила наш народ сербский во времена тяжкого рабства» (Весник СПЦ. 1890, № 1. С. 69), а прота Яков Павлович, будущий митрополит Иннокентий, в Скупщине заявлял: «вы, господа, все единогласно сделали заявление, что народ сербский хранит веру и что она – та моральная сила, которая нас не только держала до сегодняшнего дня, но и сейчас поддерживает на высоте нашего народного положения». (Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1876. Београд, 1879. С. 430).

⁸⁷⁰ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1910. Београд, 1910. С.11; Црква и српски ратови. Београд, 1966; Поповић Р. Српска црква у историји. Београд, 2007; Муњић Д. Улога српске православне цркве у чувању националног јединства и целине српског народа. 1957 [Чикаго]; Ћирковић С. Улога цркве у старијој историји српског народа // Настава историје. 1995, № 1.

⁸⁷¹ Преглед цркве епархије нишке. 1929, №№ 1–2. С. 6.

⁸⁷² Радић Р. Утицај развоја српске православне цркве на модернизацијске процесе у Србији и Југославији // Србија у модернизацијским процесима 19 и 20 века. Зборник 3. (Улога елита). Београд, 2003. С.350

⁸⁷³ Соловьев В. Россия и вселенская церковь, [Online], <http://www.vehi.net/soloviev/vselcerk/18.html> [01.09.2013].

⁸⁷⁴ Дарам М. Кроз српске земље. Београд, 1997. С.149

⁸⁷⁵ Радић Р. Верска елита и модернизација – тешкоће проналажења одговора // Србија у модернизацијским процесима 19 и 20 века. Зборник 3. (Улога елита). Београд, 2003. С.153.

⁸⁷⁶ Стенографске белешке о седницама народне скупштине. 1882. Београд, 1882. С. 1573.

⁸⁷⁷ Хришћански весник. 1903, №№ 8–9. С. 512.

⁸⁷⁸ Стенографске белешке о седницама народне скупштине. 1878. Београд, 1879. С. 240.

⁸⁷⁹ Вивијан Х. Србија: рај сиромашних. Београд, 2010. С. 104.

⁸⁸⁰ Штамп. 1906, 2 априла.

⁸⁸¹ Српске новине. 22 јуна 1879.

⁸⁸² Српске новине. 17 октобра 1879.

⁸⁸³ Falina M. Svetosavlje. A Case Study in the Nationalization of Religion // Schweizerische Zeitschrift für Religions- und Kulturgeschichte, 101 (2007), s.505–527.

⁸⁸⁴ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1903–1904. Књ1. Београд, 1904. С. 954.

⁸⁸⁵ Цит. по: Поповић М. Историјска улога Српске цркве у чувању народности и стварању државе. Београд, 1933. С.12.

⁸⁸⁶ Стенографске белешке о седницама народне скупштине. 1910. Београд, 1910. С.16–17.

Депутат считал, что сербская церковь в самой Сербии утратила свое прежнее значение в отличие от церкви в Старой Сербии и БиГ: «В дни мучений, церковь страдала вместе с народом, в дни праздников, церковь праздновала вместе с народом, ...так было и во время рабства и во время освобождения; точно такая же солидарность продолжилась и после освобождения, – не только в борьбе за освобождение, но и в культурной борьбе за общий прогресс нашего общества. В неосвобожденных краях наших роль священства осталась такой же, как была на нашей родине во время рабства, т.к. священство и сегодня там символизирует свободное прибежище души христианской, убежище мира, покоя и достатка и надежду на лучшее будущее...Сегодня у нашей церкви нет больше цели бороться за освобождение народа, она имеет другую задачу – бороться за просвещение народное».

⁸⁸⁷ Стенографске белешке о седницама народне скупштине 1903–1904. Књ1. Београд, 1904. С.958.

⁸⁸⁸ Димитријевић Д. Црква и Држава. Поводом питања о одвајању цркве од државе. Нови Сад. 1919. С. 13.

⁸⁸⁹ Весник СПЦ. 1895, № 3. С. 226.

⁸⁹⁰ Popović–Obradović O. Kakva ili kolika država. Ogleđi o političkoj i društvenoj istoriji Srbije XIX–XXI veka. Ogleđi, Br. 12. Beograd 2008. С. 485–486.

⁸⁹¹ Српске новине. 13 априла 1878.

⁸⁹² Српске новине. 28 јуна 1878.

⁸⁹³ Српске новине. 12 августа 1878.

⁸⁹⁴ Српске новине. 30 новембра 1878.

- ⁸⁹⁵ Српске новине. 17 августа 1878.
- ⁸⁹⁶ Српске новине. 20 јуна 1879.
- ⁸⁹⁷ Српске новине. 22 фебруара 1882.
- ⁸⁹⁸ Весник СПЦ. 1895. № 2. С. 187–189.
- ⁸⁹⁹ Весник СПЦ. 1896, № 4. С. 257–260.
- ⁹⁰⁰ Гласник. 1900, № 1. С.12.
- ⁹⁰¹ Штапма. 14 јула 1903.
- ⁹⁰² Весник СПЦ. 1912. С.1001–10010.
- ⁹⁰³ Весник СПЦ. 1904, № 10. С. 863.
- ⁹⁰⁴ Стојановић Д. Калдрма и асфалт. Урбанизација и европеизација Београда. 1890–1914. Београд, 2008. С.232–235.
- ⁹⁰⁵ Далее журнал продолжал:
«слеза радости, скатившаяся в тот день из очей свободных сынов Сербии и Черногории и неосвобожденных братьев Боснии, Герцеговины, Ст. Сербии, Македонии, Срема, Баната, Бычки, Лики, Крбавы, классической Далмации и остальных окраин и земель, которые некогда были составными частями великой Душановой Сербии – самое лучшее доказательство, как встречено и расценено это новое событие в истории народа нашего, которое так сильно возвеличила манифестация югословянского общества...» (Весник СПЦ. 1904, № 10. С.922)
- ⁹⁰⁶ Српске новине. 1889, 15 јуна, 18 јуна, 20 јуна, 21 јуна.
- Очевидец событий Никола Крстич писал в своем дневнике 16 июня:
«Сербия и все сербство праздновало вчера пятистолетие Косовской битвы 1389г. В Австро–Венгрии, Хорватии, Боснии и Герцеговине торжества запрещены. В Черногории немного отмечали. Но у нас, торжества были большими, особенно в Крушевце. Были король, наместники, правительство и многочисленные гости.
 20 июня: *«В монастыре Жича в этот момент вершится великое и знаменательное торжество. Король Александр I сегодня будет миропомазан. Я пережил и дождался многих значительных событий в истории Сербии и сербского народа. В 1848г. был свидетелем того, как тысячи вооруженных сербов идут в Срем, Бачку и Банат помочь своим братьям–сербам, восставшим против мадьяр защитить свою народность. ...В 1857 г. видел униженную Сербию... Это было предвестником изменений 1858г., когда на государственное управление был позван князь Милош. ...Пришел 1862. ...Амир паша бомбардировал Белград. Это был последний акт турецкой власти в сербской столице. ...И так дождал я до того, как Сербия стала сама себе государством! Через три года Сербия была провозглашена королевством, а сегодня сербский король будет помазан миром в церкви Жичи, построенной первыми Неманичами для коронации сербских королей! Это знаменательное торжество, и пусть Бог даст, чтобы оно оказалось счастливым для сербского будущего!»* (Крстић Н. Дневник: јавни живот. Књ 3. Београд, 2007. С.87–88).
- ⁹⁰⁷ Успенский Б. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов [Online], http://www.krotov.info/history/11/uspensky/uspens_05.htm [01.09.2013].
- ⁹⁰⁸ Весник СПЦ. 1904, № 11. С. 959–961.
- ⁹⁰⁹ Солидарен был и либерал Ст.Новаковић, см.: Новаковић С. Најновија балканска криза и српско питање. Белешке, размишљања, разговори и политички чланци из 1908–1909. Београд, 1910.
- ⁹¹⁰ Радојевић М. Сведочанства о Народној одбрани // Војно–историјски гласник. 2004. № 1–2. С. 109–135.
- ⁹¹¹ Гласник СПЦ. 1908, № 20. С. 297–298.
- ⁹¹² Весник. СПЦ.1895, № 2. С. 187–189.
- ⁹¹³ Белов М.А. У истоков сербской национальной идеологии. Спб. 2007. С. 247–290.
- ⁹¹⁴ Гласник СПЦ. 1908, № 18. С. 265–267.
- ⁹¹⁵ Весник СПЦ.1895, № 2. С.187–189.
- ⁹¹⁶ Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ. 3. Београд, 1936. С. 427.
- ⁹¹⁷ Lebl Albala P. Тако је nekad bilo. Beograd. 2005. С. 188,192
- ⁹¹⁸ Поповоћ–Обрадовић О. Парламентаризам у Србији. Београд, 2008. С. 427, 435–436.
- ⁹¹⁹ Вивијан Х. Србија: рај сиромашних. Београд, 2010, С. 90.
- ⁹²⁰ См.: Слијепчевић Ђ. Историја српске православне цркве. Београд, 1991. Књ 2. С. 426–449; Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда. 1878–1912. Спб., 2007; Војводић М. Стојан Новаковић и Владимир Карић. Београд, 2003.
- ⁹²¹ Цвијић Ј. Балкански рат и Србија // Српски књижевни гласник. 1912. С. 651–664.
- ⁹²² О складывании югославянской идеологии см.: Bakić J. Ideologije jugoslovenstva između srpskog i hrvatskog nacionalizma. 1918–1941. Zrenjanin. 2004; Yugoslavism: histories of a failed idea 1918–1922. Edited by D. Jokić. London. The university of Wisconsin Press. 2003.
- ⁹²³ Цвијић Ј. Анексија Босне и Херцеговине и српско питање [Електронни ресурс], http://www.rastko.org.rs/antropologija/cvijic/govori-clanci/jcvijic-aneksija_c.html [20.09.2013].
- ⁹²⁴ В 1915г. вышла программная работа Цвиича: Цвијић Ј. Јединство југословена. Ниш. 1915. См. также: Марјановић М. Културне тенденције Југословена. Ниш. 1915; Војводић М. „Велика Србија у схватању Стојана Новаковића // Војводић М. Изазови српске спољне политике (1791–1918). Београд, 2007. стр. 388–389.
- ⁹²⁵ Штампма. 11 маја 1914.
- ⁹²⁶ Политика. 10 децембра 1914.

- ⁹²⁷ Политика. 10 децембра 1914.
- ⁹²⁸ Хришћански весник. 1903, № 2. С. 65.
- ⁹²⁹ Казер К. Породица и сродство на Балкану. Анализа једне културе, која нестаје. Београд, 2002. С.217–232; Тројановић С. Јединство народног духа. Београд, 2008; Приватни живот код срба у деветнаестом веку. Београд, 2006.
- ⁹³⁰ Српске новине. 19 марта 1878.
- ⁹³¹ Св. Марковић данас. Зборник радова. Београд, 1992. С. 99–112.
- ⁹³² Педесет легенди о Светом Сави. Избор, са предговором Владимира Торовића [Online], http://www.rastko.rs/knjizevnost/usmena/legende_o_savi_c.html. [20.09.2013].
- ⁹³³ Пилиповић Р. Култ Светог Саве Српског код римокатолика [Online], <http://pravoslavje.spc.rs/broj/1077/tekst/kult-svetog-save-srpskog-kod-rimokatolika/>. [20.09.2013]; Жикић Б. Културни херој као "морални трикстер" // Гласник Етнографског института САНУ, књ. XLVI. 1997.
- ⁹³⁴ Српске новине. 1895, 8 априла.
- ⁹³⁵ Pavlica D. Razgovori o svetom Savi [Online], <http://pescanik.net/2013/02/razgovori-o-svetom-savi/> [27.09.2013].
- ⁹³⁶ Йовчева М. Святой Вит в древнеславянской книжности // Древняя русь. Вопросы медиевистики. Доклады участников III Международной конференции. 2006. № 26. С.10–19.
- ⁹³⁷ Дворниковић В. Карактерологија Југословена. Београд, 1939. С.968.
- ⁹³⁸ Anzulović V. Mit o Nebeskoj Srbiji – Polazište osvajačkih ratova i zločina u 20.stoljeću. Zagreb. 2011.
- ⁹³⁹ Радић Р. Утицај развоја српске православне цркве на модернизацијске процесе у Србији и Југославији // Србија у модернизацијским процесима 19 и 20 века. Зборник 3 (Улога елита). Београд, 2003. С.350.
- ⁹⁴⁰ Весник СПЦ. 1890. № 2. С.187–188.
- ⁹⁴¹ Глигоријевић Б. Краљ Александар Карађорђевић у ратовима за национално ослобођење. Београд, 2010. С.75–77.
- ⁹⁴² Мемоари патријарха српског Гаврила. Париз, 1974. С.405–406. [Online], <http://www.27mart.com/images/File/Memoari%20patrijarha%20Gavrila%20II%20deo.pdf> [19.08.2013].
- ⁹⁴³ Kosovski mit kamen o vrtu Srbije [Електронни ресурс] http://www.danas.org/content/most_kosovo_mit/1620087.html [09.10.2013].
- ⁹⁴⁴ Већковић М. Kosovo najskuplja srpska reč [Електронни ресурс] <http://www.rastko.rs/kosovo/umetnost/mbeckovic-kosovo.html> [09.10.2013]; Radun V. Vidovdan – Antiglobalizam srpske tradicije [Електронни ресурс] <http://www.pecat.co.rs/2011/07/vidovdan-antiglobalizam-srpske-tradicije/> [09.10.2013].
- ⁹⁴⁵ Дучић Ј. Сабрана дјела. Књ 6. Сарајево. 1969. С. 436.
- ⁹⁴⁶ Радић Р. Утицај развоја српске православне цркве на модернизацијске процесе у Србији и Југославији // Србија у модернизацијским процесима 19 и 20 века. Зборник 3 (Улога елита). Београд, 2003. С.350.
- ⁹⁴⁷ Радић Р. Верска елита и модернизација – тешкоће проналажења одговора // Србија у модернизацијским процесима 19 и 20 века. Зборник 3 (Улога елита). Београд, 2003. С.157.
- ⁹⁴⁸ Раш Г. Србија и срби. Нови Сад. 2001. С. 321–322.
- ⁹⁴⁹ Весник СПЦ. 1914. С. 519.
- ⁹⁵⁰ Марјановић Ч. Избацивање веронауке из наших гимназија. Београд, 1921.
- ⁹⁵¹ Гласник СПЦ. 1912, № 20. С.305.
- ⁹⁵² Гласник СПЦ. 1912, № 20. С.307.
- ⁹⁵³ См. свідетелства руских очевидцев: Штрандман В. Балканске успомене. Београд, 2009; Троцкий Л.Б. Перед историческим рубежом. Балканы и балканская война. Спб. 2011.
- ⁹⁵⁴ Весник СПЦ. 1912. С.1012.
- ⁹⁵⁵ Велимировић Н. Изнад греха и смрти. Београд, 1999. С.25–26.
- ⁹⁵⁶ Lebl Albala P. Тако је nekad bilo. Beograd. 2005. С.188.
- ⁹⁵⁷ Lebl Albala P. Тако је nekad bilo. Beograd. 2005. С.188. См. еще: Глигоријевић Б. Краљ Александар Карађорђевић у ратовима за национално ослобођење. Београд, 2010.
- ⁹⁵⁸ Игњић С. Народни трибун прота Милан Ђурић. Ужице. 1992. С. 210.
- ⁹⁵⁹ Јокановић Б. Црква у служби отаџбини. Књ.1. Београд, 1913; Весник СПЦ. 1913. С.415–481; Весник СПЦ. 1914. С. 519.
- ⁹⁶⁰ Велимировић Н. Изнад греха и смрти. Београд, 1999. С. 66.
- ⁹⁶¹ Ристановић П. Сине, иди мирно, јер си ти свој дуг отаџбини испунио [Online], <http://akademskikrug.rs/sine-idi-mirno-jer-si-ti-svoj-dug-otadzbin-i-ispunio/> [27.10.2013]; Пејчић Ј. Реци им, сине мој [Online], <http://www.nacionalnarevija.com/tekstovi/br10/Sloboda%20-%20Reci%20im,%20sine%20moj.html>. [21.10.2013].
- ⁹⁶² Так, монах Валериан, професор Богословије, свог рода предтеча Ник. Велимировића, писао: *«Вечная жизнь возможна только после триумфальной смерти. Все великие народы, как греки, римляне или сербы прошли через эти ворота смерти, все, как Христос и князь Лазарь. Перед теми воротами сербский народ показал всю мощь своего духа, принеся такую огромную кровавую жертву на Косовом поле – этой сербской Голгофе – залог своего будущего воскресения. Великая сербская Голгофа не была случайна, как не была случайностью Христовой Голгофы, между ними есть великая и тесная связь; через такую трагедию проходят только самые великие*

и лучшие сыны земли и солнца, бога и космоса, – они избранники божии. В крови сербов на Косовом поле – свидетельство веры, любви и надежды на Бога, отечество, народ и правду. Кровь Христа – свидетельство воли, мощи и милосердия к людям. Кровью Христа был рожден Новый завет, кровью сербов – свобода. Кровь мучеников не пропадает, она живет вечно. Кровь косовских мучеников не есть кровь смерти, так как они умерли за истину и любовь, она есть кровь жизни. Эта кровь воскресила народный дух».

Это представление о мистической связи между событиями времен Неманичей, «рабством» и «освобождением» как аналогия возвышения–падения–искупления и воскресения свойственно было и Ник.Велимировичу. Этот восточный, ориентальный, по выражению Велимировича, трагизм среди европейских стран присущ только сербам. Князь Лазарь погиб, выбрав царство небесное, – а кто умирает за небесную правду, того правда живет и воскресает; небо – сильнее земли, земная правда – коротка; правда небесная потребовала самую большую жертву от Лазаря и его народа, и та жертва была принесена. За ту жертву небесная правда в будущем обещала награду измученному народу, свидетелем которой мы сейчас являемся. (*Весник СПЦ*. 1912. С. 847; *Гласник СПЦ*. № 8, 15 апреля 1913. С. 114–117.)

⁹⁶³ Терзић С. Лекција из истинског родољубља [Online], <http://geopolitika.rs/index.php/en/intervju/474-2012-11-01-01-04-43>. [21.10.2013].

⁹⁶⁴ Гласник СПЦ. № 8, 15 апреля 1913. С.139.

⁹⁶⁵ Штампa. 1913, 15 јуна.

⁹⁶⁶ Вот как описывала праздник пресса:

«Вчера торжественно в Белграде был прославлен Видовдан. Видовданский праздник организовала «Народна Одбрана» вместе со всеми культурно–патриотическими обществами. Еще с раннего утра люди потянулись на Малий Калемегдан. Среди них особенно много было сербов из Воеводины и Боснии. <...> В десять часов началось благодарение и поминовение погибшим солдатам. Поминовение и благодарение совершил г.Димитрий со священниками. После беседы г.митрополита о значении Видовдана все хоровые общества спели «Эй, трубач» Й.Маринковича.

Во время поминовения и после беседы митрополита был дан залп. Перед шествием верхом ехало четыре герольда, трубившие в трубы. За ним верхом ехал союз добровольцев со знаменем. Добровольцы восклицали: «Да здравствует сербство!», а люди их бурно приветствовали. За добровольцами шли юные четники, члены молодежного союза трезвости, а после них музыканты в сокольской униформе. После выступали сокольцы, которые маршировали с оружием за плечами. Затем группами проходили члены обществ – охотничьего, наездников, общества за сохранение народного здоровья, общества народного просвещения.

После этого шли представители женских обществ – коло сербских сестер, общество княгини Любицы, белградское женское общество и союз женских обществ. Здесь же шли девушки, в живописной народной одежде всех краев сербства.

После музыкальных обществ, ехала повозка, украшенная цветами и венками. На этих повозках были представители всех краев сербства и югословенства. Около черногогорца стоял сременец, бачванин и словенец, а около македонки, банатка и словенка. Посреди этой народной группы стоял старый черногорский воевода, выше которого играл на гусях гусляр–черногорец. И над всеми ними возвышался солдат, держа ружье в руке.<...> За этими повозками шли генерал г.Божа Йанкович с майором М.Прибичевичем и остальными членами народной обороны.

Процессия так шла до Славиш, а по пути хоровые общества пели сербский, хорватский и словенский гимны». (*Штампa*. 1914, 16 јуна; *Весник СПЦ*. 1914. С. 540–543).

⁹⁶⁷ Политика. 15 јуна 1914; Политика. 16 јуна 1914; Политика.18 јуна 1914.

⁹⁶⁸ Политика. 5–7 апреля 1914.

⁹⁶⁹ Екмечић М. Стварање Југославије 1790–1918. Београд, Књ. 2. 1989. С. 713.

⁹⁷⁰ Весник СПЦ. 1912. С.1014.

⁹⁷¹ Пузовић П. Улога цркве и свештенства у балканским ратовима // Вардарски зборник. Београд, 2005, №4. С.131–140; Летопис Тимочке епархије. 1923. С. 23–29, 62–64.

⁹⁷² Митрополит Скопски Јосиф. Мемоари. Цетиње. 2008; Мудри орач њиве господње. Споменица Јосифа Цвијовића Епископа Битољског и Митрополита Скопског. Нови Сад. 2007.

⁹⁷³ Весник СПЦ. 1912, октобар–новембар–децембар. С. 839–840. С.1014–1017; Гласник СПЦ.1912, № 20. С. 316–319; Весник СПЦ. 1913. С. 255–256.

Так, например церковь св.Марка собрала 10 тыс. динар, тополская церковь – 5 тыс.динар. Не остались в стороне и сербы Австро–Венгрии, патриарх Лукиан послал 5 тыс. крон, митрополит дабробосанский 1 тыс. крон, вообще из БиГ было прислано около 300 тыс.крон.

⁹⁷⁴ Штампa. 1913, 20 јануара; Штампa. 1913, 11 фебруара.

⁹⁷⁵ Весник СПЦ. 1913. С. 415–420.

⁹⁷⁶ Јокановић Б. Црква у служби отаџбини. Књ.2. Скопље. 1920. С. 9.

⁹⁷⁷ Барби А. Српске победе. Машинопис. Бм. 2001. С. 221.

⁹⁷⁸ Барби А. Српске победе. Машинопис. Бм. 2001. С. 225.

⁹⁷⁹ О военных священниках см.: Милкић М. Служба православних свештеника у српској војсци // Мудри орач њиве господње. Споменица Јосифа Цвијовића Епископа Битољског и Митрополита Скопског. Нови Сад. 2007. С. 27–34;

Гагулић П. Нишка православна црквена општина. Ниш. 1978. С.24–25. О церкви под оккупацией см.: Пелеш З. Прота Стеван Димитриевић. Београд, 2002. С.80–116; О болгарах: Максимовић С. Успомене из окупације Немачке, Аустријске и Бугарске 1914–1918. Београд, 1919.

⁹⁸⁰ Преглед цркве епархије нишке. 1929, №№ 1–2. С. 5–17.

⁹⁸¹ Илић А. Моји доживљаји. Београд, 1931. С. 509–532.

⁹⁸² Поповић М. Историјска улога Српске цркве у чувању народности и стварању државе. Београд, 1933.

⁹⁸³ Более подробно о косовском култе в первую мировую см.: Trgovčević L. The Kosovo Myth in the First World War [Online], http://www.rastko.rs/kosovo/istorija/sanu/KOS_MIT.html [27.09.2013].

⁹⁸⁴ Јокановић Б. Црква у служби отаџбини. Књ.2. Скопље. 1920, С. 37–38, 40.

⁹⁸⁵ Српске новине. 14 јуна 1916; Српске новине. 15 јуна 1917; Српске новине. 14 јуна 1918.

⁹⁸⁶ Летопис Тимочке епархије. 1923. С. 54.

⁹⁸⁷ Јокановић Б. Црква у служби отаџбини. Књ.2. Скопље. 1920, С. 55.

⁹⁸⁸ Јокановић Б. Црква у служби отаџбини. Књ.2. Скопље. 1920. С. 20–21.

⁹⁸⁹ Экмечич пишет: *«Основа этой идеологии об объединенном национальном государстве построена на ошибке и фатальном, но сознательном упущении из вида роли религии в югославянских обществах. Все, кто участвовал в сотворении нового государства, не только отталкивались от философии Скерлица о том, что всеохватывающий и синхронный прогресс религиозной равнодушиности в народе – единственное условие его создания и существования в будущем, но и вели себя так, как будто эта равнодушиность уже стала достижением истории. Был проигнорирован факт низкого уровня югославянской культуры, в которой постоянно происходит религиозный раскол народа. Война еще больше его углубила, а не выровняла. В сознании огромных масс народа религиозная, а не национальная идентификация была доминантной чертой политических идеологий. Общественный и политический вклад церкви – способствовать тому, чтобы как раз во время исторического триумфа унитарного югославянства, национализм религиозных общин стал главным типом югославизма»* (Екмечич М. Стварање Југославије 1790–1918. Књ. 2. Београд, 1989. С. 672.)

⁹⁹⁰ См. подробнее: Екмечич М. Стварање Југославије 1790–1918. Књ. 2. Београд, 1989. С. 670–677, 834–837; Филимонова А. Стратегија и тактика католических иерархов в процессе создания югославянского государства (1917–1918 гг.) [Электронный ресурс] <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/050811111028.htm> [23.02.2015]; Филимонова А. Римокатолики и православные: проблемы сосуществования в переломные моменты истории (опыт югославских территорий 1900–1930 гг.) [Электронный ресурс] <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/5281.htm> [23.02.2015]; Филимонова А. Понятие «Великая Сербия» в политике хорватских и словенских католических деятелей (1914–1918) [Электронный ресурс] <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/5293.htm> [23.02.2015].

⁹⁹¹ Преглед цркве епархије нишке. 1920, №№ 6–7. С. 18–22.

⁹⁹² Ђурић К. Црква и држава. Поводом питања о двајању цркве и државе. Београд, 1923. С. 74.

⁹⁹³ Bakić J. Ideologije jugoslovenstva između srpskog i hrvatskog nacionalizma. 1918–1941. Zrenjanin. 2004. С. 60–61.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для политических и идеологических аспектов деятельности сербской православной церкви 1878–1920 гг. были характерны следующие специфические черты, определяемые особенностями внешне– и внутривнутриполитического развития Сербии.

1. Внешнеполитический статус сербской церкви на протяжении всей ее истории находился в детерминированном отношении с правовым статусом Сербии и сербских земель. Почти за десять веков сербская церковь вместе с государством прошла нелегкий путь от провинциальной епархии под юрисдикцией Константинопольской патриархии в разрозненных лоскутных сербских землях, до автокефальной церкви с рангом патриархии в мощном балканском государстве – Королевстве сербов, хорватов и словенцев. С каждым этапом развития государства менялся и облик церкви. При этом зависел он не только от форм управления землями (княжество, королевство, царство) и их внешнеполитическим положением (самостоятельное государство, вассальная зависимость, сюзеренитет или вообще отсутствие государства как такового), но и властными притязаниями и геополитическими амбициями правящей элиты.

В XIX в. борьба за независимую от Константинопольского патриархата церковь стала одной из форм национально-освободительной борьбы, целью которой было освобождение от власти Османской империи и создание национального государства. Самостоятельность сербской православной церкви в глазах политической элиты была непременным условием суверенитета сербского государства, а планы восстановления Печской патриархии, вынашиваемые во властных кругах, вписывались в национальную политику ирредентизма. Поэтому борьба за независимость Сербской православной церкви не была и не могла быть делом сугубо внутрицерковным. По мере получения сербскими территориями официальной независимости, закрепленной международными договорами, правительство Сербии инициировало переговоры о независимом статусе сербской церковной организации в этих областях. Все шаги, направленные на получение самостоятельности Сербской церкви от кириархальной Цариградской патриархии предпринимались государством и непосредственно осуществлялись министерством иностранных дел. Действия предстоятелей сербской церкви (митрополита Михаила и митрополита Дмитрия) в этом направлении не носили самостоятельный характер, а управлялись и координировались сербским правительством.

Так было в 1879 г., когда правительство Й.Ристича добилось от матери-церкви разрешения на автокефалию Белградской митрополии и на присоединение к ней новоосвобожденных в результате войны территорий, канонически подчиняющихся Константинопольскому патриарха-

ту. Тенденция продолжилась после освобождения Старой Сербии и Македонии: в 1914 г. правительство Н.Пашича начинает переговоры о выводе епархий этих краев из-под юрисдикции Константинополя и о восстановлении статуса Сербской патриархии. Переговоры были прерваны Первой мировой войной, но объединение в 1918 г. югославянских земель в единое государство, Королевство сербов, хорватов и словенцев, позволило сербскому правительству и церкви вновь вернуться к вопросам обновления Печской патриархии. Процесс слияния сербских православных церквей Сербии и Старой Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Воеводины, Далмации и Боко-Котора в объединенную автокефальную сербскую православную церковь завершился в 1922 г. выдачей Константинопольским патриархом томоса с признанием Сербской патриархии.

Внешнеполитический статус сербской православной церкви конца XIX – нач. XX вв. был своеобразным заложником внешнеполитического положения Сербии и зависел от сложного клубка всегда противоречивых балканских взаимоотношений – Сербии, Австро-Венгрии, Турции, России, Греции и Болгарии. Проходящие на самом высоком уровне дипломатические переговоры с Константинопольским патриархатом на протяжении 1878–1920 гг. не ограничивались непосредственно участвующими в деле двумя сторонами – Белградом и Фанаром, а во многом определялись вмешательством России, традиционно расположенной по отношению к сербской церкви и оказывающей дипломатическое давление на Константинополь.

Австро-Венгрия, рассматривающая сербскую церковь в качестве конкурента Карловацкой митрополии, не была заинтересована в усилении сербской церкви, а Высокая Порта считала церковные вопросы сугубо прерогативой Константинопольской патриархии и в вопросы канона не вмешивалась, пока они не касались ее сербских подданных. Существование же Болгарского экзархата, на наш взгляд, можно расценивать в данном смысле двояко – с одной стороны, это порождало конфликтную ситуацию между сербской церковью и экзархатом на спорных территориях, с другой – облегчало взаимопонимание Сербской церкви и Константинополя, – сербы могли припугнуть отделением без разрешения Цариграда, а тот в свою очередь – отлучением. Но ни та, ни другая сторона, имея перед собой пример болгар, в конечном итоге предпочитала не доводить дела до разрыва отношений. Изменение геополитической ситуации в мире после Первой мировой войны привели к кардинальной перемене положения Сербии, привычно повлекшее за собой и перемену внешнеполитического статуса сербской церкви. Новому славянскому государству – Королевству сербов, хорватов и словенцев в отсутствие традиционных игроков на Балканском поле пришлось самостоятельно разрешать накопившиеся проблемы Сербской церкви.

2. Национальный характер сербской церкви не был уникальным явлением – это специфика всех православных церквей государств Юго-Восточного региона Европы. Будучи одним

из важнейших факторов этнической консолидации и формирования национальных государств, церковь здесь играла весьма заметную роль в движении за национально-политическое освобождение. Конфессиональная принадлежность населения Сербии, Болгарии, Румынии, Греции, являлась одной из составляющей модели построения национального государства нового времени. В XIX в. конструкция *одна нация—одно государство—одна церковь* была реализована во всех бывших под управлением Османской империи православных государствах. Борьба за независимую церковь превратилась здесь в одну из форм национально-освободительного движения с конечной целью создания национального государства.

Присутствие православной церкви как неотъемлемой категории суверенного государства на Балканах стало возможным благодаря религиозно-этнической политике Османской империи, которая разделила своих подданных по конфессиональному признаку. Исповедующее православную религию население Греции, Болгарии, Румынии, Сербии, Македонии было объединено в т.н. греческий миллет (*millet-i Rûm*), представлявший собой социально-религиозную общность во главе с Константинопольским патриархом, наделенным широкими административными правами по отношению к христианскому населению.

Православная религия в империи к XIX в. стала формой национальной идентичности и проводником этнического национализма во многом благодаря политике Порты, поскольку в условиях османского завоевания именно церковь выступала единственной действующей и легитимной государствообразующей силой. Вследствие этого, только церковь могла противостоять мусульманскому натиску: она хранила язык, обычаи и народность, тем самым способствуя консолидации нации. Таким образом, при помощи Османской империи православная церковь приобрела то влияние и власть, с которой впоследствии будет вынуждено бороться национальное светское государство, а так же ту роль спасительницы нации, которую впоследствии будут определять как «традиционную».

Канонически, церковные организации всех православных областей, находившихся под властью осман, подчинялись также Константинопольской церкви. Проводившаяся в христианских землях при покровительстве османских властей политика эллинизации была одной из причин, приведших в XIX в. к национальному движению за автономную от Константинополя церковь. С движения за собственных иерархов, за богослужение на родном языке, из противостояния с греческим духовенством, начинала выковываться идея возрождения национальной церкви — прежде всего, сербской и болгарской. Следовательно, именно сама Высокая Порта во многом заложила фундамент под здание церковного национализма — «этнофилетизма», жертвой которого пала в конце XIX в. болгарская церковь. Еще одним плодом политики Порты было слияние понятия нации и конфессии. Национально-религиозная доктрина осман способствовала созданию искусственной конструкции «этноконфессионализма»: *серб=православный / православ-*

ный=серб, который к XIX в. прочно обосновывается в национальной идеологии в качестве базового элемента. Этноним «серб» стал определением религиозной принадлежности, в связи с чем русских в Сербии привычно называли «сербами».

Наконец, непоследовательная религиозно-этническая политика Порты, которая даровала болгарской общине собственную религиозную организацию (*Eksarhâne-i Millet i Bulgar*), обострила греко-болгарские отношения и стала причиной многолетней схизмы; нарушила баланс между сербским и болгарским населением в Македонии, поддерживаемый до тех пор единым греческим миллетом, а так же заставила сербов активнее бороться за собственную независимую церковь на территории Старой Сербии. Можно сказать, что политика Порты, направленная на консолидацию по конфессиональному признаку, способствовала пробуждению этнического и национального самосознания ее христианских подданных. Она привела к такому всплеску этнонационализма, что жертвами его во время балканских и первой мировой войн стали не только захватчики – турки–мусульмане, но и вчерашние соседи и собратья по несчастью – греки, румыны, болгары, сербы. Национальная идентичность бывших подданных Османской империи во многом развивалась именно через противопоставление своего этноса чужому (болгар против греков, сербов против болгар и греков, румын против болгар и т.д.). Такие явления, как национализм – этнический, государственный и религиозный, равно как и этнофилетизм и ирредентизм, были свойственны в равной степени для всех Балканских стран сер. XIX – нач. XX вв.

3. Осознание особой роли православной церкви в истории Сербии к середине–концу XIX в. было глубоко укоренено в сознании серба. Убеждение о неразрывной связи сербского народа с церковью, возникшей во времена Св.Савы, было в глазах сербского общества тем стержнем, на котором держалась вся история сербства. Из безоговорочной веры в непреложный факт, что сербская церковь в столетия рабства была той силой, которая с помощью монастырей, церквей, священников и монахов хранила сербскую народность и спасла сербский народ от уничтожения, логически следовало заключение, что церковь – залог существования сербского этноса.

Действительно, сам характер православия предполагал связь между религией и нацией. Восточная церковь слила веру и нацию в единое понятие, поэтому сербская церковь уже своим фактом существования подчеркивала сербскую идентичность. Такое осознание серба через принадлежность к православной религии позволило поставить знак равенства между православной верой и сербством, между этносом и религией, и этот знак равенства можно назвать краеугольным камнем сербского национализма. Сербская нация сформировалась через идентификацию с церковью, которой принадлежала прежде всего как этноконфессиональная общность. Таким образом, сербскую национальную идентичность довольно сложно отделить от православия и от сербской церкви.

Вполне объяснимо поэтому, что сербская православная церковь, стремительно теряющая в к. XIX–нач. XX в. свою былую политическую самостоятельность и религиозно–нравственный авторитет, тем не менее, продолжала оставаться одним из важнейших факторов национальной консолидации сербов. Утопическая мечта церкви о возрождении Душанового царства XIVв. вписывалась в государственную политику ирредентизма. Здесь интересы церкви и государства, стремившегося к освобождению от османов всех сербов и объединению в единое национальное государство, счастливо совпадали. Церковь активно пропагандировала идеи национального освобождения и воссоединения всего сербства, обращаясь к эпохе сербских средневековых героев, ко временам Косова поля, взывая к отмщению за пролитую сербскую кровь и к осуществлению Косовского завета.

Церковь идеализировала средневековую сербскую государственность и ее государей, так как именно в ту эпоху существовало единство государства, церкви и народа – недостижимый эталон взаимоотношений, к которому стремилась сербская церковь. Православная церковь, раздавая ореолы святых всем сербским средневековым властителям, несмотря на их далекие от христианской нравственности поступки, указывала тем самым на первостепенность заслуг перед нацией. Поминая святителей, которые в массе своей были национальными вождями эпохи до османского завоевания, церковь вершила функцию политического воспитания граждан и идеологически задавала патриотический вектор развития. Активно пропагандируя культ князя Лазаря (1329–1389гг.) и культ юначества, церковь распространяла идеал мученической гибели за родину и свободу, принесший свои печальные плоды во время балканских войн.

Сербская церковь играла ключевую роль в распространении и поддержке этнонационального и политического мифотворчества. С сербской церковью, с принадлежностью к православию были ассоциированы все составляющие сербского этоса – сугубо сербские праздники (Слава, Видовдан); всеобщие православные праздники, переосмысленные на национальный манер (например, сербское рождество – Божич), и особое, сравнимое с почитанием Христа, поклонение Св.Савве. Особое значение приобретает Видовданский культ, который в XIXв. становится одним из главных элементов национально–политической мифологии. В конце XIX в. сербская церковь сделала день 15 июня своим праздником, и ежегодное торжественное отмечение Видовдана, на котором присутствовали король, члены правительства и военачальники, становится мероприятием общегосударственного значения. Видовдан был связан с идеей отмщения за проигранную в 1389г. Косовскую битву, за потерянное Душаново царство, а исполнение Косовского завета надолго оставалось в сербском сознании главной сербской миссией. Косовская риторика прочно вошла в обыденное сознание серба через народные песни и предания, которые в течение пяти веков передавали «завет отмщения» за потерянные

ное Косово. Церковь усвоила эти идеи национального романтизма, возникшие из потребностей национального освобождения, наполнила их новым смыслом, дала свою интерпретацию и место в своей доктрине.

Приняв сербскую мифологию в качестве национальной идеологии, государство охотно воспользовалось услугами церкви, видя в ней важный фактор сплочения нации. Получение сербской митрополией автокефалии, а потом и восстановление Сербской патриархии несомненно были связаны с осмыслением властями современного Сербского государства как преемника и наследника царства Душана, подлинным символом которого была и оставалась Сербская патриархия – единственная связующая ниточка между средневековой сербской державой и королевством Сербия. Постоянное освящение и подтверждение исторической преемственности между правителями из династий Обреновичей/Карагеоргиевичей и средневековыми властителями стало одной из функций сербской православной церкви в новое время.

4. Главной чертой, характеризующей взаимоотношения сербской церкви и государственной власти на рубеже XIX – XX вв. являлась тенденция к законодательному ограничению самостоятельности сербской церкви как во внешне– так и во внутривластном отношении.

Непростые взаимоотношения церкви и власти были наследием средневековой османской системы, известной как *millet-i Rûm*, сделавшей церковь единственно возможным структурообразующим элементом в отсутствие национальных (сербских) органов власти. Естественно, что властные структуры, по мере возникновения и развития сербского государства в XIX в., оставляли церкви все меньше места в управлении государством и, не желая мириться с существованием паразитической организации, готовили ей роль одного из государственных институтов с привилегированным положением, определявшимся государственным статусом восточно-православной веры.

Вместе с формированием законодательной базы молодого государства появлялись и нормативно-правовые акты, регулирующие действия церкви. Они ограничивали права церковной иерархии и были направлены на всеобъемлющий контроль за выборами главы церкви, на обеспечение поставления на епископские кафедры лояльных правительству архиереев и устранение из политической жизни общества священников в целом. Все органы церковной власти находились под надзором государственного министерства и были ему подотчетны. Без санкции государственного ведомства не могло быть принято ни одно важное решение, касающееся церкви и духовенства, а вся корреспонденция с сестринскими церквями велась строго через министерство иностранных дел. Эти положения последовательно закреплялись всеми сербскими конституциями, начиная от Наместнического устава 1869 г., которым все духовные учреждения всех вероисповеданий в княжестве были отданы под надзор министра просвещения и церковных дел.

Еще по Закону об органах церковной власти православной веры 1862 г. все мало-мальски важные решения Архиерейского собора относительно регулирования парохий, количества необходимых протоиереев, оплаты монахов и настоятелей монастырей должны были подноситься министерству просвещения для утверждения. Последнее слово относительно поставления епископов и митрополита (а потом и патриарха) принадлежало королю – ни хиротония, ни устоличение не могли осуществиться без указа главы государства.

Такое вмешательство светской власти в жизнь церкви было неизбежной платой за государственный статус православной веры, за присутствие церкви в школе, армии и семье, за неотделенность церкви от государства. Поэтому естественно, что власть, финансирующая из бюджета все церковные учреждения, желала видеть церковь лишь одним из государственных институтов.

Подобное видение церковной политики сербскими властями входило в противоречие с представлениями церкви о себе и своей роли в обществе. Защищая *status quo*, православная сербская церковь, настаивала на своем историческом праве, апеллировала ко временам Неманичей и Стефана Душана, взывала к эпохе турецкого завоевания, когда церковь, оставаясь единственной юридически признанной организацией, отстаивала интересы сербского народа. Вспоминала период освобождения XIX в., когда при живом участии церкви родилось новое сербское государство. Бесспорно, монашество и священство сыграло немалую роль в событиях начала-середины XIX в. – сербской революции, первых политических и законодательских шагах Сербии. Многие представители духовенства были вожаками восстаний, деятельными членами народной скупщины и нередко дипломатическими агентами инсургентов. Архиереи и священники видели церковь «государствообразующей» структурой и были свято убеждены в том, что сербская церковь породила сегодняшнее сербское государство, а потому не желали перемены статуса сербской церкви, и не спешили расставаться со своими привычками чрезмерного вмешательства в гражданские дела Сербии. Напористые и часто оскорбительные действия государственной власти сталкивались с сопротивлением церкви и ее высших иерархов и зачастую выливались в серьезные политические конфликты, одним из которых стало скандальное отстранение от власти в 1881 г. главы сербской церкви, митрополита Михаила.

Этот конфликт нашел свое отражение и в нормативном регулировании. Так, например, Закон об изменениях и дополнениях в закон о церковных властях православной веры 1882 г. позволил правительству получить полный контроль над высшей церковной иерархией и полностью сменить всех непокорных владык на лояльных. Закон о восточно-православной церкви 1890 г., хотя и был компромиссом между церковью и властью, так же подтверждал порядок выбора митрополита Сербии специальным Выборным собором, куда наряду с епархийскими ар-

хиереями, архимандритами и окружными протопресвитерами, входили и государственные сановники.

В результате государственной политики, к началу XX в. сербская церковь уже не представляла собой самостоятельной политической силы. К голосу церкви переставали прислушиваться, а церковные иерархи утратили возможность быть активными игроками на внешнеполитической арене. За какие-нибудь полвека, прошедшие со времени митрополита Михаила (1859 г.), видного либерала, любителя политических интриг и одной из центральных фигур сербского политического Олимпа, и ко времени патриарха Димитрия (1920 г.), борьба в правовом поле с набравшем силу государством церковью была проиграна. Создание же многоэтничного и многоконфессионального Королевства Сербов, хорватов и словенцев поставило крест на монополии православия, до сих пор бывшем государственной религией.

В общем и целом политика, направленная на выдавливание церкви из политической сферы и сохранение контроля над высшей церковной иерархией, пережила этнически и религиозно гомогенную Сербию образца 1878–1918 гг. и получила свое второе издание в уже многоконфессиональном Королевстве сербов, хорватов и словенцев, а затем, и Югославии.

5. Сербский православный священник являлся энергичным актором на политическом поле Сербского государства: имея за плечами давнюю традицию участия в политической жизни сербского общества в Сербии нового времени он с полным правом отстаивал цеховые и партийные интересы в парламенте.

После законов 1881 г., введших в стране свободу печати и собраний, священники и архиереи со всем патриотическим пылом бросились в эпицентр политических баталий. Противоборствующие политические партии напредняков, либералов и радикалов, деятельными членами которых были многочисленные представители духовенства, получали очевидную выгоду от их политической деятельности. Во-первых, служители алтаря составляли весьма ощутимый костяк партии. Во-вторых, обладая огромным ресурсом для пропаганды на местах, священники были идеальными агитаторами. В-третьих, как по отдельности, так и в виде своей профсоюзной организации, «Объединения священников», они служили отличным инструментом для политических межпартийных интриг. Активное повсеместное участие духовенства в политических схватках было одной из сторон специфического политического процесса в Сербии – т.н. «партизанщины», захватившей все общественные слои молодого гражданского общества. Партизанщина самым губительным образом сказывалась на церкви, раздираемой изнутри партийными столкновениями попов-радикалов и епископов-либералов.

Реализуя свои политические права в молодом государстве, претендующем на осуществление специфически понятых принципов демократии и либерализма, священники стремились и к самостоятельности внутри церкви, что шло вразрез с устремлениями архиереев и, строго го-

воря, с церковными канонами. Одной из неприглядных реалий повседневной жизни сербской церкви была широкомасштабная открытая конфронтация между церковной иерархией и священством, которое считало монашество отжившим институтом. Конфликт между владыками и священниками, предпринимающими попытки выработать церковное законодательство, ограничивающее власть архиерея над попом, был вызван их излишней политической самостоятельностью – правом избираться в народную скупщину и организовывать объединения. Ассоциация сербского белого духовенства, «Объединение священников», была независимой политической единицей, с которой приходилось считаться как государственным, так и церковным властям. Поэтому в неучастии священников в политике так сильно были заинтересованы архиереи – слишком дорого стоили для их репутации пламенные речи депутатов–священников, проводивших антиепископскую политику, как и следовавшие вслед за скупщинскими прениями статьи в прессе, выносившие на публику все конфликты внутри церковной иерархии.

Однако сами сербские епископы продолжали принимать участие в партийных играх – это еще более негативно настраивало священников, принадлежавших, как правило, к противоположной партии. Но сербский архиерей не имел возможности оставаться «над схваткой»: в большинстве случаев церковная иерархия ставилась в результате политических договоренностей, в условиях политических столкновений напредняков, либералов, радикалов, младорадикалов и т.д. При этом, критикуя владык за участие в политике, священники весьма ревностно отстаивали свое право на участие в политической жизни страны и не готовы были распротиться с ролью народных трибунов. Правительство же, с завидной регулярностью менявшееся со скоростью, которую бы в России назвали «министерской чехардой», вынуждено было, в зависимости от окраски, лавировать между интересами священников и архиереев, но, в конечном итоге, взяло курс на ликвидацию священнической «фронды».

Утрата сербской церковью своего бывшего величия – заслуга не только государства, поставившего церковь под свой верховный надзор, но и самого духовенства – наличие слабых, политически зависимых и зачастую морально нечистоплотных владык наряду с повсеместным участием как низшего, так и высшего духовенства в политических сварах, дискредитировало престиж церкви.

6. В конце XIX – нач. XXвв. Сербия переживала болезненный процесс установления новых взаимоотношений между государством и церковью. Доставшиеся в наследство от средневековых времен Османской империи связи требовали пересмотра в русле церковной политики западноевропейских государств, по чьим образцам строилось молодое сербское государство. Вслед за странами Западной Европы, Сербия должна была пойти по пути отказа от церкви как от легитимирующей основы государства. Резкое изменение экономического развития, конституирование основ государства, диктуемые Европой и Россией, и новые политические реалии, в

одновременно вытолкнули Сербию в Новое время, которое заставляло выработать новую модель взаимоотношения церкви и государства. Однако сербская православная церковь, не желая видеть произошедших перемен, оставалась верной средневековой традиции. Идеино обращаясь к эпохе Неманичей и Стефана Душана, церковь стремилась руководствоваться слегка скорректированной византийской концепцией «симфонии властей», ожидая гармоничного слияния церкви и государственной власти.

Столкновения 1881–1883 гг. между церковной иерархией и государственной властью, в вульгарном цезаропапистском духе мыслившей государя главой церкви и церковного старейшинства, показали утопичность этой идеальной модели. Впрочем, некоторые священники в идиллическом духе продолжали представлять себе государство – телом, а церковь – душой единого организма. Тут сказывалось и неприязненное отношение сербов к Ватикану: считалось, что православная церковь, в отличие от римо-католической, испокон веков служила государству и никогда не стремилась сотворить «государство в государстве». Наоборот, духовенство было твердо убеждено, что сербская православная церковь дистанцировалась от притязаний на государственную власть, не составляя оппозицию власти и не противясь прогрессу. При этом среди священников еще сильны были сторонники той точки зрения, согласно которой, церковная власть должна быть свободна от любого вмешательства. Ни светская власть, ни светское общество не имеют никакого права ни по божественному, ни по природному закону вмешиваться в христианское общество, церковь: навязывать ей законы и осуществлять надзор.

Однако подобные взгляды уже не отвечали духу нового времени и стремлениям государства к контролю над церковью. Но серьезных попыток выработать или пересмотреть единую концепцию дальнейшего взаимоотношения между церковью и государством предпринято так и не было. Одной из причин нам видится отсутствие авторитетных идеологов и богословов, концепция которых была бы официально принята на вооружение всей церковной организацией. К тому же, в отличие от римо-католической церкви, православная сербская церковь страдала от внутренней идейной разобщенности иерархии и священства, разъедаемых партийными и цеховыми склоками.

Симптоматично, что две наиболее отвечающие времени концепции принадлежали перу правоведа Ч.Митровича и епископа православной церкви на территории Австро-Венгрии Никодима Милаша. Церковь однозначно мыслилась ими как составная часть государства, правовые нормы которого должны распространяться и на церковь. Сферы взаимного влияния церкви и государства делились ими на три группы: область церковной юрисдикции (куда входило внутреннее устройство церкви, вопросы богослужения, само христианское учение); область государственной юрисдикции (сюда входили общее законодательное регулирование и функции надзора), и область общей юрисдикции (определение границ церковных областей, учреждение

епархий, парохий, поставление епископов). Такие представления были характерны для рубежа XIX – XX вв., когда случай митрополита Михаила заставил правоведов и канонистов более взвешенно подойти к новым политическим реалиям.

Возникновение многоэтничного государства, Королевства сербов, хорватов и словенцев, и утрата православием статуса государственной религии вновь поставили церковь перед необходимостью пересмотра взаимоотношения со светской властью. Обновленная сербская церковь, во многом стоявшая на прежних идейных и теоретических позициях, вынуждена будет признать неизбежность взятого государством курса на отделение от церкви. В современных условиях церкви пришлось свыкнуться с мыслью о разрушении привычной симбиотической зависимости церкви от государства и скором лишении церкви государственной опеки.

7. Несмотря на общепризнанную роль сербской церкви и идентификацию 97% населения Сербии как исповедующего православную веру, сербская церковь и общество в к. XIX – нач. XX в. сталкиваются с неприятной тенденцией – всеобщая религиозная индифферентность и равнодушие к православной вере, проявлявшиеся не только в малочисленной среде интеллигенции, но и в массе сербского крестьянства.

И приходские священники, и архиереи констатировали повсеместное несоблюдение сербами христианских обрядов, игнорирование причастия и исповеди, незнание основных христианских догматов и элементарных молитв, непонимание смысла важнейших праздников, неумение правильно перекреститься. Отдельной проблемой стало бытование языческих культов и анимистических верований: поклонение камням, деревьям; сохранялись дохристианские свадебные и похоронные обычаи, повсеместно практиковалось колдовство, гадания и заговоры. Широко была распространена вера в существование потустороннего мира: вампиров, волколаков, оборотней. Часты были случаи кражи, насильного увода девушек, выкупы за невесту и т.п. Но основным проявлением упадка веры, который отмечали и все путешествующие по Сербии иностранцы, был тот факт, что серб не ходил в церковь. Серб посещал службу лишь по великим праздникам, которые воспринимал как повод для народных веселий и обильных возлияний.

Религиозные и политические деятели Сербии склонны были видеть причину такого упадка веры в распространении секуляризации и материализма, в бурной политической жизни сербского общества, в излишней политизированности священников. Сербский священник не столько проповедовал учение святой церкви, сколько агитировал и толковал о политике – и здесь авторитет попа, на протяжении нескольких столетий рука об руку с народом боровшегося против османов, был очень высок. Тем не менее, он не учил прихожан христианской морали и нравственной чистоте, ибо сам был далек от христианского образа. Он не читал долгих проповедей и не учил Евангелию, ибо сам зачастую был так же безграмотен, как и сербский селяк. Выходец из той же среды, сербский священник, продолжал жить бок о бок со своими прихожа-

нами, и его финансовое, и социальное положение мало чем отличалось от крестьянского. Этим и объясняется столь утилитарное, можно даже сказать, панибратское отношение серба к приходскому священнику. Серб был далек от сакрального восприятия церкви как «тела Христова», а традиционно воспринимал ее как институт, неотъемлемо связанный с освободительной борьбой и национальной идентичностью. Такое обыденное отношение к священнику и к церкви распространялось и на самого Бога, которого серб в языческом духе воспринимал как старшего партнера. Серб был готов умереть за свою церковь и за свою веру, но Богу он не молился, и не имел понятия ни о религиозной духовности, ни о нравственности.

Конечно, во многом эти явления объясняются последствиями модернизации сербского государства: общей тенденцией к секуляризации, появлением материализма, социализма, атеизма, а так же реакцией сербского общества на излишне активное участие духовенства в политике, на внутренние конфликты в церкви, дискредитирующие ее авторитет. Однако главная причина упадка веры видится в недостаточном участии церкви в религиозном и духовно-этическом развитии народа. После нападения османов церковь вынуждена была отказаться от своей высокой христианской миссии, сосредоточась на сохранении национального сознания, посвятив все устремления политическому и государственному освобождению. Церковь воспитывала не верных и преданных слуг Христовых, а освободителей державы. Бросивши во время османов все силы на национально-освободительную борьбу, сербская церковь перестала уделять основное внимание религиозному и духовно-этическому воспитанию народа: в какой-то мере духовно-нравственные ценности христианства были принесены в жертву национальной свободе, заботе о сохранении «сербской расы». За несколько сот лет, прошедших со времени Косовской битвы, церковь, забыв свою истинную природу, положила всю себя в фундамент новой державы. Приходится признать, что к концу XIX столетия сербская православная церковь во многом утратила отведенную ей общественную роль не только в формировании обыденного мировоззрения и поддержании морально-этических норм, но, как это не парадоксально, и самого религиозного сознания.

***

*

СЛОВАРЬ

Бадняк	–	дерево (обычно дуб), имеющее сакральное значение и сжигаемое на Божич
Божич	–	Рождество
Заветина	–	престольный праздник
Кафана	–	кабак
Кмет	–	сельский староста / член правления општина
Либерал	–	член либеральной партии
Механа	–	трактир
Напредняк	–	член напредняцкой партии
Општина	–	муниципалитет
Парохия	–	приход
Партизан (от слова «партия»)	–	приверженец какой-либо политической партии
Партизанщина	–	явление, описывающее политическую борьбу партий в Сербии, имеет негативную коннотацию
Прота	–	протоиерей
Радикал	–	член радикальной партии
Селяк (от слова «село»)	–	крестьянин
Либерал	–	член либеральной партии
Слава	–	сербский православный праздник семейного патрона (святого), например, Никольдан, Савиндан и т.п. (аналогичен престольному празднику в России, но в рамках одного дома, а не села)
Срез	–	уезд / район

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ТЕРМИНОВ

Под *Старой Сербией* в настоящем исследовании понимается историко-географическая область, приблизительно равная Косовскому вилайету – одной из административных единиц Османской империи. В границах 1878–1912 г. Косовский вилайет включал в себя области Новопазарского Санджака (Старая Рашка), Косова и Метохии (основные города: Приштина, Печ, Призрен) и Вардарской Македонии (основные города: Скопье, Охрид, Битоль).

Наименование Старой Сербии в работе синонимично термину *Южная Сербия* (которым официально называлась в Королевстве сербов, хорватов и словенцев провинция, охватывающая область Старой Сербии).

Под названием *Северная Македония* понимается Вардарская Македония (сегодня – Республика Македония).

Под термином *Великая Сербия* подразумевается националистическая идея по объединению в единое государство всех сербских земель, на которых проживают или проживали этнические сербы, т.е.: Сербии, Старой Сербии, Боснии и Герцеговины, Черногории, Далмации, Дубровника, Срема, Баната, Бачки. Великосербская идея основывалась на факте существования средневекового царства Стефана Душана периода расцвета своего могущества, включавшего, помимо упомянутых областей, северные части Албании и Греции. Таким образом, великосербизм в своем крайнем проявлении подразумевает «восстановление» этнически гомогенного сербского государства в границах XIVв.

Термин *ирредентизм* (от лат. *terre irredente* – неосвобожденные земли) обозначает национальное движение, направленное на возвращение отчужденных территорий и объединение рассеянного этноса вокруг титульного государства.

«*Сербство*» – абстрактно-идеологическое понятие с ярко выраженной национальной окраской. Основывается на этно-конфессиональной общности сербского народа во всех исторических землях. Может обозначать как и собирательное название сербов, так и «дух» серба, сербский этос. Часто употребляется как составляющая девиза, которым стало название книги известного сербского поэта и дипломата Йована Дучича – «*Верую в Бога и сербство*».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники*Архивные документы***Архив Сербии /Архив Србије/**Веб–сайт: <http://www.archives.org.rs/>

1. Фонд Министерства просвещения и церковных дел. Церковное отделение. /Министарство просвете и црквених послова. Црквено одељење/ МПС–Ц
2. Фонд Министерства иностранных дел. Политическое отделение. /Министарство иностраних дела. Политичко одељење/ МИД–ПО
3. Личный фонд Стояна Новаковича /СН/
4. Личный фонд Николая Велимировича /НВ/
5. Собрание «Varia» /V/
6. Собрание «Поклоны и откупи» /ПО/
  - личный фонд Митрополита Михаила
  - личный фонд Епископа Моисея

Архив Югославии /Архив Југославије/Веб–сайт: <http://www.arhivyu.gov.rs/>

7. Фонд 69. Министерства веры Королевства СХС
/Министарство вера Краљевине срба, хрвата и словенаца/
8. Фонд 334. Министерства иностранных дел Королевства Югославии
/Министарство иностраних послова Краљевине Југославије/

Российский государственный исторический архивВеб–сайт: <http://www.fgurgia.ru/>

9. Фонд 796. Канцелярия синода
10. Фонд 797. Канцелярия обер–прокурора синода

Опубликованные официальные документы и статистические сборники

11. Глас. Црквени календар са шематизмом Нишке епархије. – Ниш, 1900. – 290 с.
12. Закон о избору патријарха Српске православне цркве (1930). [Электронный ресурс] [https://sr.wikisource.org/wiki/Закон_о_избору_патријарха_Српске_православне_цркве_\(1930\)](https://sr.wikisource.org/wiki/Закон_о_избору_патријарха_Српске_православне_цркве_(1930)) [дата обращения: 10.08.2013].
13. Закон о Српској православној цркви (1929) . [Электронный ресурс] [https://sr.wikisource.org/wiki/Закон_о_Српској_православној_цркви_\(1929\)](https://sr.wikisource.org/wiki/Закон_о_Српској_православној_цркви_(1929)) [дата обращения: 10.08.2013].
14. Закон о устројству војске. – Београд, 1901. – 71 с.
15. Закон о црквеним властима православне вере. – Београд, 1862. – 63 с.

16. Записници министарског савета Србије. 1862–1898. Приредио Н.Шкеровић. – Београд, 1952. – 537 с.
17. Зборник закона, уредаба и наредаба министарства просвете и црквених послова по црквеним пословима. – Београд, 1880. – 144 с.
18. Зборник закона, уредаба и наредаба министарства просвете и црквених послова по црквеној струци. Од 1881–1912. – Београд, 1912. – 221 с.
19. Зборник правила, уредаба и наредаба архијерејског сабора православне српске цркве у Краљевини Србији (од 1839–1900 г.). – Београд, 1900. – 411 с.
20. Наставни план, распоред и програм за основне школе. – Београд, 1897. – 92 с.
21. Наставни план, распоред и програм за продужне школе са министарским наредбом о извршењу њиховом. – Београд, 1883. – 5 с.
22. Наставни планови, програми и недељни распореди часова за основну школу с министарским наредбом о извршењу њиховом. – Београд, 1884. – 58 с.
23. Нови црквени закони од 31 децембра 1882 г. – Београд, 1883. – 27 с.
24. Правила за извршење закона о уређењу свештеничког стања. – Београд, 1909. – 16 с.
25. Правила за опште свештеничко удружење у Краљевини Србији. – Београд, 1892. – 34 с.
26. Правила о идеју у цркву за наставнике и ученике основних школа. Бм. Бг. – 6 с.
27. Србија 1878. Документи. – Београд, 1978. – 683 с.
28. Српски грађански законик – оригинал. [Електронни ресурс] http://sr.wikisource.org/wiki/Српски_грађански_законик_–_оригинал [дата обраћања: 20.09.2013].
29. Статистика Краљевине србије. Књ 23. – Београд, 1903. / попис становништва у Краљевини Србији 31. децембра 1900 године. Први део./ – 776 с.
30. Статистика наставе у Краљевини Србији за 1884–1885 школску годину. – Београд, 1894. – 227 с.
31. Статистички годишњак Краљевине Србије. – Београд, 1904. – 746 с.
32. Устави и владе кнежевине Србије, краљевине Србије, Краљевине СХС и Краљевине Југославије. 1835–1941. – Београд, 1988. – 291 с.
33. Црквено законодавство српске православне цркве. Књ. 1. – Београд, 1926. – 171 с.

Публикации изворних дипломатичких и црквених карактера

34. Пилиповић Р. Срби у богословским учебним заведењима Русије у другој половини XIX века — мишљење царског дипломата // Руски Сабраник: истраживања по историји Русије. Том XIV. – М., 2013. – С.95–152.
35. [Митрополит Михаил] Православна српска црква у Краљевини Србији. – Београд, 1895. – 234 с.
36. Војводић М. Стојан Новаковић и Владимир Карић. – Београд, 2003. – 615 с.
37. Годишњи извештаји министарства иностраних дела Руске империје о Србији и Босни и Херцеговини (1878–1903). Руски извори о Србији (1878–1903). Књ 1. – Нови Сад, 1996. – 240 с.
38. Епископ Мојсеј. Црквено питање у Србији. – Београд, 1895. – 107 с.

39. Како је постала Бугарска Егзархија. – Београд, 1897. – 80 с.
40. Канонска одбрана православне цркве у Србији. – Београд, 1881. – 51 с.
41. Љубибратић С. Нацрт устава и самоуправно уређење Српске православне цркве. Сарајево, 1925. – 102 с.
42. Митрополитъ Михаилъ. Православна србска црква у Княжеству Србији. – Београд, 1874. – 218 с.
43. Независност српске цркве проглашена 1879. – Београд, 1880. – 37 с.
44. Одговори самосталних цркава на проглашење независности српске цркве. Бм. Бг. – 13 с.
45. Писма Јована Ристића Филипу Христићу. Од 1870 до 1873 и од 1877 до 1880. – Београд, 1931. – 287 с.
46. Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868–1880). – Београд, 1953. – 393 с.
47. Ристић Ј. Дипломатска историја Србије за време српских ратова. Књ 2. – Београд, 1898. – 323 с.

Мемуари, воспоминания, дневници

48. «Брат от брата помогаем...» (из неизданной переписки К.Н.Леонтьева и Т.И.Филиппова), [Электронный ресурс] <http://krotov.info/history/19/57/leontyev.htm> [дата обращения: 22.06.2013].
49. Гильфердинг А. Босния, Герцеговина и Старая Сербия // Собрание сочинений. Т. 3. – Спб., 1973. – 541 с.
50. К.П.Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары. Т. 1. – Минск. 2003. – 448 с.
51. Ровинский П.А. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году // Вестник Европы. 1875. Том 6. – С.5–34.
52. Троцкий Л.Б. Перед историческим рубежом. Балканы и балканская война. – Спб., 2011. – 478 с.
53. Русские о Сербии и сербах. Т. 1. Письма, статьи, мемуары. – Спб., 2006. – 684 с.
54. Авакумовић Ј. Мемоари. – Нови Сад, 2008. – 686 с.
55. Барби А. Српске победе. Машинопис. Бм, 2001. – 265 с.
56. Васић Д. Карактер и менталитет једног поколења. – Нови Сад, 1919. – 192 с.
57. Велмар-Јанковић В. Поглед са Калемегдана: оглед о београдском човеку. – Београд, 1992. – 172 с.
58. Вивијан Х. Сербја: рај сиромашних. – Београд, 2010. – 290 с.
59. Грујић Ј. Животопис Јеврема Грујића. – Аранђеловац, 2009. – 387 с.
60. Грујић Н. Автобиографија. – Сремски Карловци, 1907. – 179 с.
61. Дарам М. Кроз српске земље. – Београд, 1997. – 338 с.
62. Димитријевић Ј. Како живи наш народ. – Београд, 2010. – 213 с.
63. Илић А. Моји доживљаји. – Београд, 1931. – 532 с.
64. Јовановић В. Успомене. – Београд, 1988. –
65. Крстић Н. Дневник: јавни живот. Књ 3. – Београд, 2007. – 353 с.
66. Крстић Н. Дневник: јавни живот. Књ 4. – Београд, 2007. – 318 с.

67. Лафан Р. Срби–чувари капије. Предавања о историји Срба. – Београд, 1994. –
68. Мемоари патријарха српског Гаврила. – Париз, 1974. – С.405–406. [Електронни ресурс] <http://www.27mart.com/images/File/Memoari%20patrijarha%20Gavrila%20II%20deo.pdf> [дата обращения: 19.08.2013].
69. Миличевић М. Успомене. 1831–1855. – Београд, 1952. – 218 с.
70. Новаковић С. Двадесет година уставне политике у Србији. 1883–1903. – Београд, 1912. – 336 с.
71. Новаковић С. Најновија балканска криза и српско питање. Белешке, размишљања, разговори и политички чланци из 1908–1909. – Београд, 1910. – 100 с.
72. Обреновић Н. Моје успомене. – Београд, 1999. – 218 с.
73. Петковић С. Моја парохија. – Сремски Карловци, 1930. – 46 с.
74. Раш Г. Србија и срби. – Нови Сад, 2001. – 485 с.
75. Тодоровић П. Дневник. – Београд, 1990. – 435 с.
76. Христић К. Записи старог Београђанина. – Београд, 1983. – 341 с.
77. Штрандман В. Балканске успомене. – Београд, 2009. – 466 с.
78. Митрополит Михаило и Никола Пашић: емигрантска преписка (1884–1888). – Београд, 2004. – 227 с.
79. Митрополит Скопски Јосиф. Мемоари. – Цетиње, 2008. – 391 с.

80. Lebl Albala P. Тако је некад било. – Београд, 2005. – 294 с.
81. Мijatovich С. Servia and the servians. – London, 1908. – 296 с.
82. Мijatovich С. The Memoirs of a Balkan Diplomatist. – London, New York, Toronto and Melbourne, 1917. – 339 с.

Источници публицистическог карактера

83. Высокопреосвященный Михаил, митрополит сербский: по поводу 40–летнего юбилея его священнослужения в епископском сане // Христианское чтение. 1895. №№ 1–2. С.164–173.
84. Григорович В.И. О Сербии в ее отношениях к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетии. – Казань, 1859. – 148 с.
85. Дурново Н.Н. Русская панславистская политика на православном Востоке и в России. – М., 1908 г., [Электронный ресурс] http://www.krotov.info/libr_min/05_d/ur/novo2.htm [дата обращения: 22.06.2013].
86. Овсяный Н.Р. Сербия и Сербы. – СПб., 1898. – 322 с.
87. Пальмов И. Болгарская экзархийская церковь. Первоначальное и современное ее устройство. // Христианское чтение. 1896. №№7-8. – С. 67-104.
88. Пальмов И.С. Блаженнопочивший сербский митрополит Михаил // Христианское чтение. 1898. № 4. – С.455–457.
89. Пальмов И.С. Закон о церковных властях Восточно–Православной Церкви в королевстве Сербии // Христианское чтение. 1891. №№ 1–2. С. 8–36, №№ 3–4. С. 406–416, №№ 5–6. – С.460–491.
90. Попов Н. А. Нынешнее состояние православной церкви в Сербии. М., 1874. – 28 с.

91. Православная Церковь в Сербии // Христианское чтение. 1883. №№ 1–2. – С. 218–229.
92. Путешествие св. Саввы, архиепископа Сербского. Под редакцией архимандрита Леонида // Православный Палестинский Сборник, выпуск 5. Спб, 1884. – С. 1–80.
93. Современное положение митрополичьего вопроса в Сербии // Христианское чтение. 1883. №№ 1–2. – С. 199–217.
94. Флоринский Т.Д. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. – Киев, 1888. – 771 с.
95. Чельцов. М. П. Церковь Королевства Сербского со времени приобретения ею автокефальности (1879–1896гг.) Историко–канонический очерк. – СПб, 1899. – 353 с.

96. Бојовић. Љ. Каноничка посета његовог високопреосвештенства архијепископа београдског и митрополита српског, господина Михаила по окрузима архидијецезе Београдске. – Београд, 1880. – 70 с.
97. Велимировић Н. Изнад греха и смрти. – Београд, 1999. – 262 с.
98. Верско и морално стање нашег народа после рата // Летопис Тимочке епархије, 1923. – С. 65–70.
99. Димитријевић Д. Црква и Држава. Поводом питања о одвајању цркве од државе. – Нови Сад, 1919. – 30 с.
100. Дучић Ј. Јутра са Леутара: мисли о човеку. // Сабрана дјела. Књ 6. – Сарајево, 1969. – 657 с.
101. Дучић Ј. Југословенска идеологија. Истина о «југославизму»: политичка студија. Одговор на питање зашто је југословенство антисрпско? Чикаго, 1942. Репринт – Београд, 1999. – 41 с.
102. Дучић Н. Васељенска патријаршија и српско црквено питање. – Београд, 1897. – 37 с.
103. Дучић Н. Упоређење новог закона о црк.властима у Краљевини Србији са законом од 1862г. // Книжни радови. Књ 5. – Београд, 1898. – С. 211– 240.
104. Ђурић К. Црква и држава. Поводом питања о одвајању цркве и државе. – Београд, 1923. – 80 с.
105. Епископ Далматино–Истријски Никодим (Милош). Правила Святой Православной Церкви с толкованиями. Кн.1. [Электронный ресурс] http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikodim_milosh/rules1/contents.html [дата обращения: 22.06.2013].
106. Зубац Д. Верски паритет у држави с нарочитим обзиром на Краљевину Југославију. Докторска теза. – Београд, б.г. [1933]. – 132 с.
107. Извештај једне службене ревизије манастира Архијепископије Београдске у 1904 год. – Београд, 1905. – 26 с.
108. Илић А. Задатак свештенства и његово садашње стање. – Београд, 1879. – 48 с.
109. Илић Ј. Седам смртних грехова Стојана Новаковића. – Београд, 1881. – 79 с.
110. Јанић В. Чланци и расправе. – Сремски Карловци, 1921. – 96 с.
111. Јокановић Б. Црква у служби отаџбини. књ.1. – Београд, 1913. – 48 с.
112. Јокановић Б. Црква у служби отаџбини. књ.2. – Скопље, 1920. – 89 с.
113. Лазаревић К. Србија и њено свештенство. – Београд, 1863. – 85 с.
114. Марјановић Ч. Будућност наших манастира. – Ниш, 1899. – 32 с.
115. Марјановић Ч. Избацивање веронауке из наших гимназија. – Београд, 1921. – 28 с.

116. Марјановић Ч. Наша религиозност и питање о уређењу свештеничког стања. – Београд, 1928. – 95 с.
117. Марјановић Ч. Веронаука и вероучитељи у нашим средњим школама. – Београд, 1909. – 31 с.
118. Марјановић Ч. Историја српске цркве. – Београд, 2001. – 375 с.
119. Милаш Н. Православно црквено право. – Београд, 2004. [Мостар, 1902]. – 784 с.
120. Митровић Ч. О законодавним границама између цркве и државе. Београд, – 1900. – 34 с.
121. Станоевић М. Цркве и црквине и веровања у Заглавку // Летопис Тимочке епархије. 1923. – С.30–39.
122. Цвијић Ј. Анексија Босне и Херцеговине и српско питање. [Електронни ресурс] http://www.rastko.org.rs/antropologija/cvijic/govori-clanci/jcvijic-aneksija_c.html [дата обраћања: 20.09.2013].
123. Цвијић Ј. Балкански рат и Србија // Српски књижевни гласник, 1912. – С.651–664.
124. Црквенско-хијерархиско питање у Србији с канонске тачке гледишта. – Београд, 1883. – 72 с.
125. Митрополит Михајло и Никола Пашић. Емигрантска преписка (1884–1888). – Београд, 2004. – 227 с.
126. Velimirović N. Religion and Nationality in Serbia. – London, 1915. – 23 p.

Учебници для начальной и средней школы

127. Илић Ј. Христове приче и беседе за ученике 3 разреда основне школе. – Београд, 1892. – 30 с.
128. Илић Ј. Приче из црквене историје за ученике 4 разреда основне школе. – Београд, 1884. – 112 с.
129. Марјановић Ч. Катехитичне поуке о основима вере и морала. – Београд, 1908. – 95 с.
130. Наука православне хришћанске вере. Књ 1. – Београд, 1883. – 294 с.
131. Протић П. Кратка православна хришћанска етика за ученике средњих школа. – Београд, 1899. – 109 с.
132. Стојановић Ј. Поуке и примери за хришћанску науку првог разреда средњих школа. – Београд, 1909. – 52 с.
133. Швабић П. Историја хришћанске цркве за ученике и ученице средњих школа. – Београд, 1912. – 184 с.

Периодические издания

Официальные издания

134. Државни календар Краљевине Србије. Београд. 1900, 1903, 1906, 1911, 1914.
135. Државопис Србије. Београд. 1883, 1884, 1889, 1890, 1893.
136. Календар са шематизмом Књажества Србије. Београд. 1890.

137. Календар са шематизмом Краљевине Србије. Београд. 1880.
 138. Стенографске белешке о седницама народне скупштине. Београд. 1876, 1877, 1879, 1880, 1882, 1884, 1885, 1889, 1896, 1898, 1900, 1902, 1903, 1905–1907, 191–1914, 1916, 1918.

Журналы

139. Весник српске цркве. Београд. 1890–1914, 1921.
 140. Војни лист. Београд. 1883, 1904.
 141. Гласник епархије нишке. Ниш. 1899, 1900, 1909.
 142. Гласник српске цркве. Београд. 1900–1913, 1920–1924, 1962.
 143. Православље. Београд. 1871.
 144. Преглед цркве епархије жичке. Београд, Ужице, Чачак. 1919–1925, 1932–1935.
 145. Преглед цркве епархије нишке. Ниш. 1920, 1920, 1923, 1926, 1929, 1930.
 146. Српски Сион. Сремски Карловци. 1904–1905.
 147. Хришћански весник. Београд. 1880–1895, 1901–1905, 1909–1914.

Газеты

148. Видело. Београд. 1881, 1883.
 149. Дневни лист. Београд. 1898.
 150. Народни лист. Београд. 1903, 1905.
 151. Политика. Београд. 1904–1905, 1919–1920.
 152. Самоуправа. Београд. 1881, 1905.
 153. Српска независност. Београд. 1889.
 154. Српске новине. Београд. 1876–1919.
 155. Штампa. Београд. 1903–1907, 1912–1914.
 156. Službene novine Kraljevstva Srba, Hrvata i Slovenaca. Beograd. 1919–1920.

II. Литература

157. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2001. – 288 с.
 158. Андреева Л. А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. – М., 2007. – 304 с.
 159. Андреева Л.А. Религия и власть в России. Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. – М., 2001. – 254 с.
 160. Белов М.А. У истоков сербской национальной идеологии. – Спб., 2007. – 544 с.;
 161. Бондарева В.В. Болгарский экзархат в 1878–1897 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2006. – 29 с.

162. Буткевич Т. И. Высшее управление в православных автокефальных церквях. – Харьков, 1913. – 198 с.
163. Герд Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). – М., 2006. – 448 с.
164. Гермоген (епископ). Очерк истории славянских церквей. СПб., 1899. – 255 с.
165. Голубинский Е. Е. Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской или молдо–валашской. – М., 1871. – 734 с.
166. Грачев В. П. Православная церковь и первое Сербское восстание 1804–1813 гг. // Церковь в истории славянских народов. – М., 1997. – С.161–175.
167. Данченко С. И. Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903 гг. – М., 1996. – 422 с.
168. Достян И. С. Сербская церковь в эпоху турецкого господства. XVI–XVIII вв. // Церковь в истории славянских народов. – М., 1997. – С.23–31.
169. Достян И.С., Карасев А.В. Православная церковь и складывание сербской нации // Роль религии в формировании южнославянских наций. – М., 1999. – С.136–194.
170. Искендеров П. А. Россия и национальные программы сербских партий (1913–1914 гг.) // Общественные движения у народов Юго–Восточной Европы и Россия в XVIII–начале XX вв. – М., 2011. – С.201–229.
171. Йовчева М. Святой Вит в древнеславянской книжности // Древняя русь. Вопросы медиевистики. Доклады участников III Международной конференции, №26. 2006. – С.10–19.
172. Карасев А. В. Сербское общество и власть в 60–70–е годы XIX века // Общественные движения у народов Юго–Восточной Европы и Россия в XVIII – начале XX вв. – М., 2011. – С.52–77.
173. Карташев А.В. IV–й Вселенский собор в Халкидоне в 451г., [Электронный ресурс] http://apologia.narod.ru/history/kartashev/4sobor/IV_chast1.htm [дата обращения: 25.07.2013]).
174. Кузьмичева Л.В. Сербская государственная идея в 60–70–е годы XIX в. (Проблема идеологического выбора) // Двести лет новой сербской государственности. – СПб., 2005. – С.150–174.
175. Лециловская И. И. Сербское Просвещение и национальная православная церковь // Церковь в истории славянских народов. – М., 1997. – С.84–95.
176. Лопухин А.П. История христианской церкви в XIX веке. Том 2. – Петроград, 1901. – 854 с.
177. Макарова И.Ф., Жила Л.И. Конфессии и формирование болгарской нации // Роль религии в формировании южнославянских наций. – М., 1999. – С.198–200.
178. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.) – СПб. 2003, том 2. – 568 с.
179. Михайлова А.А. Политические и социально–экономические трансформации в Сербии в контексте модернизационных процессов в последней трети XIX – начале XX в. .: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2014. – 30 с.
180. Никифоров К. В. Сербия в середине XIX в. (начало деятельности по объединению сербских земель). – М., 1995. – 185 с.
181. Никоноров Д.Е. Роль идей «Великой Сербии» и «Великой Болгарии» в балканской политике Российской империи в 1878–1908 гг. .: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – 31 с.

182. Новый Константинопольский Патриарх // Прибавления к Церковным ведомостям. 1901, № 22. – С.786–788.
183. Писарев Ю.А. Тайны первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. – М., 1990. – 222 с.
184. Романенко С.А. Историко–политическая типология кризисов на Балканах XIX–XX вв. и их роль в международных отношениях // Россия на Балканах. Вып. 8. – М., 1996. – С.31–73.
185. Романенко С.А. История и этнонационализм в постсоциалистическом мире: югославский вариант // Национализм в мировой истории. – М., 2007. – С.408–451.
186. Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»: российско–югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX века–1991 год). – М., 2011. – 1024 с.
187. Романенко С.А. Типология процессов национального самоопределения // Общественные науки и современность. – М., 1999, № 2. – С.66–74.
188. Скурат К.Е. История поместных православных церквей, т.1. – М., 1994. – 334 с.
189. Соколов И.И. Константинопольская церковь в XIX веке. Т.1. – Спб., 1904. – 1061 с.
190. Соловьев В. Россия и вселенская церковь. [Электронный ресурс] <http://www.vehi.net/soloviev/vselcerk/18.html> [дата обращения: 16.08.2013].
191. Тимофеев А.Ю. Крест, кинжал и книга. Старая Сербия в политике Белграда. 1878–1912. – Спб., 2007. – 240 с.
192. Титов Ф.И. Михаил. Митрополит Сербский. – Киев, 1898. – 57 с.
193. Успенский Б. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. [Электронный ресурс] http://www.krotov.info/history/11/uspensky/uspens_05.htm [дата обращения: 16.08.2013].
194. Фалина М. Сербская церковь и национальная идея // Pro et Contra. Май–август №№ 3–4 (59), 2013. – С. 90–101.
195. Филимонова А. Понятие «Великая Сербия» в политике хорватских и словенских католических деятелей (1914–1918). [Электронный ресурс] <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/5293.htm> [дата обращения: 23.02.2015].
196. Филимонова А. Римокатолики и православные: проблемы сосуществования в переломные моменты истории (опыт югославских территорий 1900–1930 гг.). [Электронный ресурс], <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/5281.htm> [дата обращения: 23.02.2015].
197. Филимонова А. Стратегия и тактика католических иерархов в процессе создания югославянского государства (1917–1918 гг.) [Электронный ресурс] <http://www.pravoslavie.ru/arhiv/050811111028.htm> [дата обращения: 23.02.2015].
198. Фирсов С. Русская церковь накануне перемен (конец 1890–х – 1918 гг.). – М., 2002. – 637 с.
199. Флоровский Г. Империя и пустыня. Антиномии христианской истории [Электронный ресурс] http://www.krotov.info/library/21_flo/rovsky_007.html [дата обращения: 08.09.2013].
200. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. – Спб., 1998. – 306 с.
201. Чуркина И.В. Влияние религии на формирование южнославянских наций // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. – М., 2009. – С. 161–197.

202. Чуркина И.В. Национальная церковь на Балканах как фактор национальной консолидации сербов и болгар // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. – М., 2002. – С.190–203.
203. Чуркина И.В. Роль православной церкви в сохранении болгарского и сербского этносов в период османского владычества // Исторический вестник. – М., 2001. №№ 13–14. – С.349–360.
204. Шемякин А. Л. Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет новой сербской государственности. – СПб., 2005. – С.176–201.
205. Шемякин А. Л. Политическая культура в независимой Сербии // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). – СПб., 2009. – С. 64–85.
206. Шемякин А. Л. Сербия на переломе. Обретение независимости и проблема модернизации (1880–е гг.) // Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.К. Волкова. – М., 2000. – С. 228–255.
207. Шемякин А. Л. Сербская национальная идея в 1878–1903 гг. Время разочарования и осмысления // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. – М., 1997. – С.132–185.
208. Шемякин А. Л. Сербский митрополит Михаил. Годы изгнания (1883–1889) // Церковь в истории славянских народов. – М., 1997. – С. 259–273.
209. Шемякин А. Л. Сербское общество на рубеже XIX–XX вв.: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. – СПб., 2002. – С.31–49.
210. Шемякин А. Л. Традиционное общество и вызовы модернизации // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX–первая половина XX в.) – СПб., 2004. – С.10–53.
211. Југословенски народи пред први светски рат. – Београд, 1967. – 1089 с.
212. Ацић С. Српска национална школа. – Београд, 1891. – 50 с.
213. Бакић Ј. Политичке науке и српско национално питање // Српска политичка мисао. 1998, свеска 1–4. – С.113–126.
214. Белић А. Србија и јужнословенско питање. – Београд, 1991. –140 с.
215. Биговић Р. Црква и друштво. – Београд, 2000. – 330 с.
216. Велика Србија: истине, заблуде, злоупотребе. Зборник радова. – Београд, 2003. – 563 с.
217. Веселиновић Р. Историја Српске православне цркве са народном историјом. Књ 2. – Београд, 2004. – 277 с.
218. Веселиновић Р. Уједињење покрајинских цркава и васпостављање српске патријаршије. Посебан отисак. – Б.м. Б.г. – С.13-35
219. Војводић М. Изазови српске спољне политике (1791–1918). – Београд, 2007. – 416 с.
220. Војводић М. Како је српска црква добила независност 1879. године // Историјски часопис, књ L. 2003. – С.87–98.
221. Војводић М. Митрополит Михаило и Стојан Новаковић // Историјски записи. Подгорица. 2000. № 1–2. – С.153–164.
222. Војводић М. Петроградске године Стојана Новаковића. – Београд, 2009. – 188 с.

223. Војиновић П. Југословенство и формирање краљевства срба, хрвата и словенаца 1918 године. – Бања Лука, 2001. – 222 с.
224. Вучковић В. Организација српске православне цркве у новим крајевима Кнежевине Србије после Берлинског конгреса. – Пирот, 2007. – 220 с.
225. Гавриловић М. Милан Обреновић. Књ. 3. – Београд, 1912. – 627 с.
226. Гагулић П. Нишка православна црквена општина. – Ниш, 1978. – 73 с.
227. Гардашевић Б. Организационо устројство и законодавство Православне цркве између два светска рата: 1920–1970: споменица о 50–годишници васпостављања Српске Патриаршије // Српска православна црква. 1920–1970. – Београд, 1971. – С.37–64.
228. Глигоријевић Б. Краљ Александар Карађорђевић у ратовима за национално ослобођење. – Београд, 2010. – 454 с.
229. Грујић Р. Православна српска црква. – Крагујевац, 1989. – 231 с.
230. Дворниковић В. Карактерологија Југословена. – Београд, 1939. – 1072 с.
231. Деспотовић Љ. Српска политичка модерна. Србија у процесима политичке модернизације 19. века. – Нови Сад, 2003. – 271 с.
232. Димитријевић С. Михаило, Архиепископ Београдски и Митрополит Србије, као православни јерарх, Србин, Словен и неимар Југословенства. – Београд, 1933. – 51 с.
233. Димић Љ., Стојадиновић Д., Јовановић М. Србија 1804–2004. Три виђења или позив на дијалог. – Београд, 2005. – 205 с.
234. Дучић Н. Историја српске православне цркве од првијех десетина 7 в. до наших дана. – Београд, 2008. – 286 с.
235. Ђурић Ж. Српске илузије о југословенској идеји // Српска политичка мисао. 1998, свеска 1–4. – С.35–42.
236. Ђурић Мишина В. Обнављање патријаршије и избор патријарха 1920. године // Свети Кнез Лазар. Призрен: Епархија рашко–призренска и косовско–метохијска. № 4 (28), 2004, – С.25–50.
237. Екмечић М. Ратни циљеви Србије 1914. – Београд, 1973. – 550 с.
238. Екмечић М. Стварање Југославије 1790–1918. Књ. 2. – Београд, 1989. – 842 с.
239. Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини 19 века. Књ. 1–4. – Београд, 1923–1924.
240. Живот и дело митрополита Михаила (1826–1898). – Београд, 2008. – 309 с.
241. Жикић Б. Културни херој као "морални трикстер" // Гласник Етнографског института САНУ, књ. XLVI, – С.123–128.
242. Игњић С. Народни трибун прота Милан Ђурић. – Ужице, 1992. – 192 с.
243. Илић А. В. Уџбеници и национално васпитање у Србији (1878–1918). – Београд, 2010. – 265 с.
244. Исић М. Писменост у Србији у 19. веку // Образовање код Срба кроз векове. – Београд, 2003. – С.63–78.
245. Јагодић М. Нови крајеви Србије (1912–1915). – Београд, 2013. – 601 с.
246. Јагодић М. Уређење ослобођених области Србије 1912–1914: правни оквир. – Београд, 2010. – 121 с.
247. Јанковић Д. О политичким странкама у Србији XIX в. – Београд, 1951. – 284 с.
248. Јевтић М. Православље и српски национални идентитет // Српска политичка мисао. 1998, свеска 1–4. – С.63–77.

249. Јовановић В. Устав «од корица до корица» (неки мање познати детаљи око Устава из 1888. године) // Зборник Матице Српске за историју, № 56. 1997. – С.193–200.
250. Јовановић Ј. Седам предлога за обнову Пећке Патријаршије (1894–1897) // Прилози за книжевност, језик, историју и фолклор. Књ.18, 1938. – С.450–457.
251. Јовановић С. Влада Александра Обреновића. Књ. 1, 2, 3. – Београд, 1934–1936.
252. Јовановић С. Влада Милана Обреновића. Књ. 1, 2, 3. – Београд, 1934.
253. Казер К. Породица и сродство на Балкану. Анализа једне културе, која нестаје. – Београд, 2002. – 554 с.
254. Ковачевић Д. Србија и Русија 1878–1889. – Београд, 2003. – 393 с.
255. Крестић В., Љушић Р. Програми и статуту српских политичких странака до 1918. године. – Београд, 1991. – 514 с.
256. Лакић З. Живот и стваралачко дело Патријарха Др. Гаврило Дожића. (1881–1950) // Историјски записи. Подгорица. 2000, №1–2. – С.141–152.
257. Љушић Р. Кнежевина Србија (1830–1839), – Београд, 1986. – 508 с.
258. Љушић Р. Србија 19 века. Књ. 1 – Београд, 1994. – 417 с.
259. Љушић Р. Српска државност 19 в. – Београд, 2008. – 497 с.
260. Максимовић С. Успомене из окупације Немачке, Аустријске и Бугарске 1914–1918. – Београд, 1919. – 117 с.
261. Макуљевић Н. Реформа црквене уметности у југо–источној Србији после 1878 године // Лесковачки зборник, № 37. Лесковац, 1997. – С.35–59.
262. Макуљевић Н. Уметност и национална идеја у XIX веку. – Београд, 2006. – 374 с.
263. Марјановић Ч. Историја српске цркве. – Београд, 2001. – 375 с.
264. Матић М. Југославија и српска идеја // Српска политичка мисао. 1998, свеска 1–4. – С.19–34.
265. Милкић М. Државни и верски празници у војсци Кнежевине и Краљевине Србије // Војно-историјски гласник. 2007. № 1–2. – С.7–20.
266. Милкић М. Правно регулисање положаја војнослужбеничке струке у војсци Краљевине СХС/Југославије // Војно–историјски гласник. №№ 1–2. 2005. – С. 132–150.
267. Милкић М. Специфичности верског живота у војсци Кнежевине/Краљевине Србије // Војно дело. 2003, № 1. – С.168–184.
268. Милкић М. Униформа војних свештеника у Српској и Југословенској војсци (1839–1941) // Војно–историјски гласник. 2009 № 2. – С.9–29.
269. Милосављевић П. Идеје југословенства и српска мисао. – Бања Лука, 2007. – 278 с.
270. Миљковић-Катић Б. Структура градског становништва Србије средином XIX века. – Београд, 2002. – 223 с.
271. Мирковић М. Верски вид југословенског питања у току првог светског рата // Историја XXI века. Зборник радова, Књ.12. – Београд, 1972. – С.131–144.
272. Митриновић Ч., Брашић М. Југословенске народне скупштине и сабори. – Београд, 1937. – 429 с.
273. Мудри ороч њиве господње. Споменица Јосифа Цвијовића Епископа Битољског и Митрополита Скопског. – Нови Сад, 2007. – 445 с.
274. Муњић Д. Улога српске православне цркве у чувању националног јединства и целине српског народа. 1957 – [Чикаго]. – 99 с.
275. Новаковић Д. Уједињење Српске православне цркве и успостављање Патријаршије 1920. године // Братство, часопис Друштва «Свети Сава». 2011, №15. – С.77–84.

276. Образовање код Срба кроз векове. – Београд, 2003. – 329 с.
277. Пантић Д. Српска православна црква у Краљевини Југославији. 1929–1945. – Источно Сарајево, 2006. – 216 с.
278. Педесет легенди о Светом Сави. Избор, са предговором Владимира Ћоровића. [Електронни ресурс] http://www.rastko.rs/knjizevnost/usmena/legende_o_savi_c.html [дата обраћања: 20.09.2013].
279. Пејчић Ј. Реци им, сине мој. [Електронни ресурс] <http://www.nacionalnarevija.com/tekstovi/br10/Sloboda%20-%20Reci%20im,%20sine%20moj.html> [дата обраћања: 21.10.2013].
280. Пелеш З. Прота Стеван Димитриевић. – Београд, 2002. – 479 с.
281. Перић Д. Законодавство Српске православне цркве од стварања православне цркве од стварања Југославије до новијег времена. – Торонто, 1995. – 278 с.
282. Петровић А. Грађа за изучавање наше народне религије // Гласник етнографског музеја у Београду. Књ 14, 1939. – С.31–42.
283. Петровић Д. Уједињење Српске цркве и обнова патријаршије // Српска Православна Црква 1219–1969. Споменица о 750–годишњици аутокефалности. – Београд, 1969. – С. 361–369
284. Пилиповић Р. Култ Светог Саве Српског код римокатолика [Електронни ресурс] <http://pravoslavije.spc.rs/broj/1077/tekst/kult-svetog-save-srpskog-kod-rimokatolika/> [дата обраћања: 20.09.2013].
285. Попов Ч. Велика Србија: стварност и мит. – Нови Сад, 2008. – 347 с.
286. Поповић М. Историјска улога Српске цркве у чувању народности и стварању државе. – Београд, 1933. – 329 с.
287. Поповић Р. Српска црква у историји. – Београд, 2007. – 366 с.
288. Поповић-Обрадовић О. Парламентаризам у Србији. – Београд, 2008. – 479 с.
289. Приватни живот код срба у двадесетом веку. – Београд, 2007. – 956 с.
290. Приватни живот код срба у деветнаестом веку. – Београд, 2006. – 1030 с.
291. Продановић Ј. Историја политичких странака и струја у Србији. Књ.1. – Београд, 1947. – 526 с.
292. Пузовић П. Кратка историја Српске православне цркве. – Крагујевац. 2000. – 125 с.
293. Пузовић П. Улога цркве и свештенства у балканским ратовима // Вардарски зборник. – Београд, 2005, №4. – С.131–140.
294. Радић Р. Васељенска патријаршија, српска православна црква и црквене реформе између два светска рата // Срби и Југославија: држава, друштво, политика: зборник радова. – Београд, 2007. – С.63–101.
295. Радић Р. Верска елита и модернизација – тешкоће проналажења одговора // Србија у модернизацијским процесима 19 и 20 века. Зборник 3 (Улога елита). – Београд, 2003. – С. 153–190.
296. Радић Р. Избор патријарха српске православне цркве у 20. веку. [Електронни ресурс] <http://borbazaveru.info/content/view/1820/30/> [дата обраћања: 13.08.2013].
297. Радић Р. Народна веровања, религија и спиритизам у српском друштву 19. и у првој половини 20. века. – Београд, 2009. – 295 с.
298. Радић Р. Образовање свештенства српске православне цркве у Србији у 19. веку и у првој половини 20. // Образовање код Срба кроз векове. – Београд, 2003. – С.101–125.

299. Радић Р. Православна црква у Србији у време краља Милана Обреновића // Зборник Матице српске за историју, бр. 77–78. – Нови Сад, 2008. – С.225–234.
300. Радић Р. Утицај развоја српске православне цркве на модернизацијске процесе у Србији и Југославији // Србија у модернизацијским процесима 19 и 20 века. Зборник 3 (Улога елита). – Београд, 2003. – С. 349–353.
301. Радојевић М. Сведочанства о Народној одбрани // Војно–историјски гласник. 2004, № 1–2. – С.109–135.
302. Радосављевић Н. Православна црква у Београдском пашалуку 1766–1831 (управа Васељенске патријаршије). – Београд, 2007. – 516 с.
303. Ристановић П. Сине, иди мирно, јер си ти свој дуг отаџбини испунио [Електронни ресурс] <http://akademskikrug.rs/sine-idi-mirno-jer-si-ti-svoj-dug-otadzbin-i-ispunio/> [дата обраћања: 27.10.2013].
304. Ружичић Н. Историја српске цркве. Књ 2. – Београд, 1895. – 644 с.
305. Самарцић М. Од Сан Стефана до Сливнице. Србија против Бугарске 1878–1886. – Нови Сад, 2008. – 346 с.
306. Самарцић М. Политика Србије према Бугарској и тајна конвенција 1881 године // Зборник Матице српске за историју. 2005. №№ 71–72. – С. 29–42.
307. Самарцић М. Србија и бугарско питање 1878–1885. // Зборник Матице српске за историју 77–78. – Нови Сад, 2008. – С.201–214.
308. Слијепчевић Ђ. Историја српске православне цркве. Књ 2. – Београд, 1991. – 673 с.
309. Слијепчевић Ђ. Михаило архиепископ београдски и митрополит Србије. – Минхен, 1983. – 626 с.
310. Српска Православна Црква 1219–1969. Споменица о 750-годишњици аутокефалности. – Београд, 1969. – 396 с.
311. Српска Православна Црква 1920–1970. Споменица о 50-годишњици васпостављања српске патријаршије. – Београд, 1971. – 539 с.
312. Станојло Т. Драгуљевић (1847–1926) [Електронни ресурс], <http://www.velikipopovac.rs/kulturni-zivot.html?showall=1&limitstart=> [дата обраћања: 16.09.2013].
313. Стојановић Д. Калдрма и асфалт. Урбанизација и европеизација Београда. 1890–1914. – Београд, 2008. – 382 с.
314. Стојанчевић В. Из историје Српске православне цркве. – Ниш, 2006. – 173 с.
315. Стојанчевић В. Митрополит Михаило и питање аутономије српске цркве у Турској 1878 године // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор, Филолошки факултет, вол.68–69, бр. 1–4/2002–2003. – Београд – С.235–240.
316. Терзић С. Лекција из истинског родољубља [Електронни ресурс] <http://geopolitika.rs/index.php/en/intervju/474-2012-11-01-01-04-43> [дата обраћања: 21.10.2013].
317. Тимошијевић М. Рађање модерне приватности. – Београд, 2006. – 682 с.
318. Тројановић С. Јединство народног духа. – Београд, 2008. – 693 с.
319. Троицки С. Верска политика краља ујединитеља // Летопис матице српске. Мај–јуни. Књ. 343, св. 1. 1935, – С.1–18.
320. Ћирковић С. Улога цркве у старијој историји српског народа // Настава историје. 1995, № 1. – с. 7–18

321. Ћоровић В. Проглас Српске патријаршије. // Српски књижевни гласник, 1920, 16 октобар. – С.300–303.
322. Цвијић Ј. Јединство југословена. – Ниш, 1915. – 60 с.
323. Црква и српски ратови. – Београд, 1966. – 105 с.
324. Чалић М.-Ж. Социјална историја Србије. 1815–1941. – Београд, 2004. – 568 с.
325. Чоровић В. Велика Србија: уједињење. – Београд, 1990. – 118 с.
326. Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији 19 века. – Београд, 1982. – 430 с.
327. Шемјакин А. Митрополит Михаило у емиграцији (Заједно са Николом Пашићем против Милана Обреновића) // Зборник Историјског музеја Србије. 31. – Београд, 2003. – С. 219–237.
328. Шемјакин А. Српско друштво у последњој трећини 19 и поћетком 20 века виђено очима руских путника // Годишњак за друштвену историју. 2003, свеска 1–3. – С.107–123.
329. Anzulović B. Mit o Nebeskoj Srbiji – Polazište osvajačkih ratova i zločina u 20.stoljeću. – Zagreb, 2011. – 247 s.
330. Bakić J. Ideologije jugoslovenstva između srpskog i hrvatskog nazionalizma. 1918–1941. – Zrenjanin, 2004. – 599 s.
331. Bečković M. Kosovo najskuplja srpska гећ [Електронни ресурс] <http://www.rastko.rs/kosovo/umetnost/mbeckovic-kosovo.html> [дата обраћенија: 09.10.2013].
332. Gagulić P. Deda Viktor Čolaković–hilandarac. [Електронни ресурс]. <http://www.manastir-lepavina.org/vijest.php?id=732> [дата обраћенија: 04.02.2015].
333. Kosovski mit kamen o vratu Srbije. [Електронни ресурс] http://www.danas.org/content/most_kosovo_mit/1620087.html [дата обраћенија: 09.10.2013].
334. Kuburić Z. Pravoslavna religioznost u srbiji u 20. veku (primer dvoranske parohije) // Junir (Dve hiljade godina hrišćanstva na Balkanu). 2001, № 7. – S. 94–102.
335. Novaković D. Donošenje i osnovna rešenja Zakona o Srpskoj pravoslavnoj crkvi u Kraljevini Jugoslaviji iz 1929. godine // Tokovi istorije, 2011 br. 1. – S. 46–62.
336. Pavlica D. Razgovori o svetom Savi. [Електронни ресурс] <http://pescanik.net/2013/02/razgovori-o-svetom-savi/> [дата обраћенија: 27.09.2013].
337. Perić M. Osamostalјivanje srpske pravoslavne crkve u odnosu na Carigradsku patrijaršiju (1831 – 1879) // Junir (Dve hiljade godina hrišćanstva na Balkanu). 2001 № 7. – S. 90–93.
338. Perović L. Između anarhije i autokratije. Srpsko društvo na prelazima vekova (XIX–XXI). – Beograd, 2006. – 435 s.
339. Perović L. Politička elita i modernizacija u prvoj deceniji nezavisnosti srpske države // Srbija u Modernizacijskim procesima XX veka. Naučni skup. – Beograd, 1994. – S. 41–55.
340. Popović-Obradović O. Kakva ili kolika država. Ogledi o političkoј i društvenoj istoriji Srbije XIX–XXI veka. Ogledi, Br. 12. – Beograd, 2008. – 643 s.
341. Radić R. 88 godina od osnivanja SPC. [Електронни ресурс] <http://pescanik.net/2008/09/88-godina-od-osnivanja-spc/> [дата обраћенија: 25.07.2013].
342. Radić R. Džepna istorija Srpske pravoslavne crkve // Zašto se u crkvi šapuće? Peščanik FM. Knj 3, 2007. – S.173–198.
343. Radić R. Verom protiv vere. Država i verske zajednice u Srbiji 1945–1954 godine. – Beograd, 1995. – 428 s.

344. Radun B. Vidovdan – Antiglobalizam srpske tradicije. [Электронный ресурс] <http://www.pecat.co.rs/2011/07/vidovdan-antiglobalizam-srpske-tradicije/> [дата обращения: 09.10.2013]
345. Rumenjak N. Povijesni prilozi, Vol.14 No.14, – S. 209–257. – Lipanj, 1996. [Электронный ресурс] <http://hrcak.srce.hr/file/157956> [дата обращения: 27.09.2013].
346. Slijerčević Đ. Srpska oslobodilačka ideja. – München, 1983. – 78 с.
347. Smit E. „Zlatno doba” i nacionalni preporod. [Электронный ресурс] http://www.b92.net/casopis_rec/56.2/pdf/06.pdf [дата обращения: 28.03.2015].
348. Smit A. Nacionalni identitet. – Beograd. 2010. – 308 s.
349. Stojanović D. Partijske elite u Srbiji 1903–1904, uloga i način vladanja //Југословенски историјски часопис. 1997, № 2. – S. 41–50.
350. Stojanović D. Ulje na vodi. Ogledi iz istorije sadašnosti Srbije. – Beograd, 2010. – 301 s.
351. Braude B. Foundation Myths of the Millet system // Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Abridged Edition (edited by B.Braude and Lewis B.). – New York, 1982. – P. 65–87.
352. Brubaker R. Religion and Nationalism: Four Approaches // Nations and Nationalism, 2011. [Электронный ресурс] http://www.sscnet.ucla.edu/soc/faculty/brubaker/Publications/religion_and_nationalism_forthcoming.pdf[02.04.2015] [дата обращения: 10.08.2013].
353. Centenarul Autocefaliei Bisericii Ortodoxe Romane 1885–1985. – Bukureşti, 1987. – 539 p.
354. Clogg R. The Greek Millet in the Ottoman Empire // Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Abridged Edition (edited by B.Braude and Lewis B.) – New York, 1982. – P. 109–133.
355. Falina M, Trencsenyi B. Coping with Plurality: Nationalist and Multinational Frames of Mind in East Central European Political Thought, 1878–1941 // East Central Europe 39. 2012. – P. 173–179.
356. Falina M. Pyrrhic victory: east orthodox christianity, politics and serbian nationalism in the interwar period. A dissertation. – Budapest, Hungary. 2011. – 239 p.
357. Falina M. Serbian Orthodox Church and the Challenge of Modernity, 1900–1945 // [Электронный ресурс] http://euroacademia.eu/wordpress/wp-content/uploads/2012/05/Maria_Falina_Serbian_Orthodox_Church_and_the_Challenge_of_Modernity_1900-1945.pdf [дата обращения: 01.02.2015].
358. Falina M. Svetosavlje. A Case Study in the Nationalization of Religion // Schweizerische Zeitschrift für Religions- und Kulturgeschichte, 101. 2007. – P. 505–527.
359. Hastings A. The Construction of Nationhood Ethnicity, Religion and Nationalism. – Cambridge: Cambridge University Press. 1997. – 248 p.
360. Ideologies and National identities: the case of twentieth-century Southeastern Europe. Edited by John Lampe and Mark Mazower. – Central European University Press, 2004. –
361. Inalcik H. The status of the Greek Orthodox Patriarch under the Ottomans // Turcica, 23, 1991. – P. 407–435.
362. Karpat K. Ottoman Views and Policies Towards the Orthodox Christian Church. // Greek orthodox theological review. Volume 31, № 1–2, 1986. – P. 131–155.

363. Myths and boundaries in South–Eastern Europe. Edited by Pal Kolsto. – London. Hurst & Company, 2005. – 357 p.
364. Öztürk F. The Ottoman millet system. // Güneydoğu Avrupa Araştırmaları Dergisi, Band 16. – Istanbul. 2009. – P. 71–86.
365. Roudometof V. From Rum Millet to Greek Nation: Enlightenment, Secularization, and National Identity in Ottoman Balkan Society, 1453–1821 // Journal of Modern Greek Studies, Volume 16, № 1, (May 1998). – P. 11–48.
366. Smith A. Chosen Peoples: Sacred Sources of National Identity. – Oxford: Oxford University Press. 2004. – 364 p.
367. Stamatopoulos D. From Millets to Minorities in the 19th–Century Ottoman Empire: an Ambiguous Modernization. // Citizenship in historical perspective (edited by Steven G. Ellis). – Pisa, 2006. – P. 253–273.
368. Trgovčević L. The Kosovo Myth in the First World War. [Электронный ресурс] http://www.rastko.rs/kosovo/istorija/sanu/KOS_MIT.html [дата обращения: 27.09.2013].
369. Yugoslavism: histories of a failed idea 1918–1922. Edited by D. Jokić. – London. The university of Wisconsin Press, 2003. – 356 p.
370. Ιωακείμ Γ'. Ο από Θεσσαλονίκης «Μεγαλοπρεπής» Οικουμενικός Πατριάρχης. [Электронный ресурс] <http://www.amen.gr/article8322> [дата обращения: 14.05.2013].

Справочные издания и энциклопедии

371. Meyers Großes Konversations-Lexikon. Sechste, gänzlich neubearbeitete und vermehrte Auflage. Zwanzigster Band. – Leipzig und Wien, 1909. – 1055 p.
372. Narodna enciklopedija srpsko-hrvatsko-slovenačka. Kn.1-4. – Zagreb, 1925–1928.
373. Österreichisches Biographisches Lexikon und biographische Dokumentation 1815–1950, Bd. 3 (Lfg. 13, 1963), S. 196 [Электронный ресурс], <http://www.biographien.ac.at>, [дата обращения: 11.08.2013].
374. Wurzbach C. Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. 60. Teil. – Wien, 1891. – 419 s.

***

*

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Колиненко Юлия Владиславовна

**СЕРБСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В 1878–1920 гг.:
НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА**

ПРИЛОЖЕНИЕ

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
проф. Золотухин М.Ю.

Москва – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ДОКУМЕНТЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СПЦ И ВСЕЛЕНСКОЙ ПАТРИАРХИИ. ПЕРЕГОВОРЫ СЕРБСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ПАТРИАРХИИ ОБ АВТОКЕФАЛИИ СЕРБСКОЙ ЦЕРКВИ. 1832-1879ГГ.	308
1. Конкордат 1832г. о даровании Вселенским Патриархом автономии Митрополии Сербской.....	308
2. Добавление 1836г. к Конкордату 1832г. о даровании Вселенским Патриархом автономии Митрополии Сербской	311
3. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 22 декабря 1878г.	312
4. Письмо Митрополита Сербского Михаила Его Святейшеству Патриарху Иоакиму III от 3 февраля 1879г.	315
5. Письмо Йована Ристича, министра иностранных дел Сербии Филиппу Христичу, сербскому посланнику в Константинополе от 11 февраля 1879г.....	316
6. Письмо Йована Ристича, министра иностранных дел Сербии Митрополиту Сербскому Михаилу от 13 февраля 1879г.	319
7. Письмо Митрополита Сербского Михаила Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 13 февраля 1879г.....	320
8. Письмо Йована Ристича, министра иностранных дел Сербии Филиппу Христичу, сербскому посланнику в Константинополе от 14 февраля 1879г.....	321
9. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 13 марта 1879г.	323
10. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 20 марта 1879г.	324
11. Письмо Йована Ристича, министра иностранных дел Сербии Митрополиту Сербскому Михаилу от 21 марта 1879г.	325
12. Письмо Митрополита Сербского Михаила Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 22 марта 1879г.	326
13. Письмо Йована Ристича, министра иностранных дел Сербии Князю Милану от 23 марта 1879г.	327

14. Письмо Йована Ристича, министра иностранных дел Сербии Филиппу Христичу, сербскому посланнику в Константинополе от 28 марта 1879г.....	329
15. Письмо Его Высочества Князя Милана Его Святейшеству Патриарху Константинопольскому Иоакиму III от 25 апреля 1879г.....	331
16. Письмо Митрополита Сербского Михаила Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 4 мая 1879г.....	332
17. Письмо Митрополита Сербского Михаила Его Святейшеству Патриарху Иоакиму III от 4 мая 1879г.....	333
18. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 8 мая 1879г.....	335
19. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 25 мая 1879г.....	336
20. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 1 июня 1879г.....	337
21. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 1 июня 1879г.....	339
22. Письмо Митрополита Сербского Михаила Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 6 августа 1879г.....	340
23. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 14 августа 1879г.....	341
24. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 17 августа 1879г.....	342
25. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 17 августа 1879г.....	343
26. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 24 августа 1879г.....	344
27. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 28 августа 1879г.....	345
28. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 31 августа 1879г.....	347
29. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 7 сентября 1879г.....	348
30. Письмо Йована Ристича, министра иностранных дел Сербии Филиппу Христичу, сербскому посланнику в Константинополе от 19 сентября 1879г.....	349

31. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 21 сентября 1879г.....	350
32. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 25 сентября 1879г.....	351
33. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 28 сентября 1879г.....	352
34. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 19 октября 1879г.	353
35. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 26 октября 1879г.	354
36. Письмо Его Святейшества Патриарха Иоакима III Его Высочеству Князю Милана от 20 октября 1879г.....	356
37. Письмо Его Святейшества Патриарха Иоакима III Митрополиту Сербскому Михаилу от 20 октября 1879г.....	358
38. Обращение Константинопольского Патриарха Иоакима III к сербскому народу по поводу признания автокефальности Сербской церкви от 20 октября 1879г.....	360
39. Томос Константинопольского Патриарха Иоакима III и Св. Синода Константинопольской Церкви о признании автокефальности Сербской церкви от 20 октября 1879г.....	363
40. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 26 октября 1879г.	367
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ПЕРЕГОВОРЫ СЕРБСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ПАТРИАРХИЕЙ О ВОЗВЕДЕНИИ СЕРБСКОЙ ЦЕРКВИ В РАНГ ПАТРИАРХИИ. 1914Г.....	369
41. Распоряжение премьер-министра и министра иностранных дел Н.Пашича полномочному представителю сербского правительства в Цариграде Д.Стевановичу от 28 февраля 1914г.	369
42. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича в министерство иностранных дел от 14 марта 1914г.....	371
43. Донесение полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 18 марта 1914г.	372
44. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 18 марта 1914г.	376

45. Письмо министра просвещения и церковных дел Л.Йовановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 29 марта 1914г.	378
46. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 28 апреля 1914г.	379
47. Донесение полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 28 апреля 1914г.	380
48. Донесение полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 1 мая 1914г. .	385
49. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 1 мая 1914г. .	387
50. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 3 мая 1914г. .	388
51. Распоряжение премьер-министра и министра иностранных дел Н.Пашича полномочному представителю сербского правительства в Цариграде Д.Стевановичу от 5 мая 1914г.	389
52. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 5 мая 1914г. .	390
53. Донесение полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 6 мая 1914г. .	391
54. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 7 мая 1914г. .	396
55. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 8 мая 1914г. .	398
56. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 8 мая 1914г.	399
57. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 8 мая 1914г.	400
58. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 8 мая 1914г.	400
59. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 8 мая 1914г. .	401
60. Распоряжение премьер-министра и министра иностранных дел Н.Пашича от 9 мая 1914г.	402

61. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 9 мая 1914г. .	403
62. Распоряжение премьер-министра и министра иностранных дел Н.Пашича полномочному представителю сербского правительства в Цариграде Д.Стевановичу от 10 мая 1914г.	404
63. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 13 мая 1914г.....	405
64. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 14 мая 1914г.	406
65. Донесение поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 20 мая 1914г.....	407
66. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 23 мая 1914г.....	409
67. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 23 мая 1914г.....	411
68. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 27 мая 1914г.....	413
69. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 27 мая 1914г.....	414
70. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 27 мая 1914г.....	415
71. Донесение поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 29 мая 1914г.....	416
72. Деша поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 7 июня 1914г.	418
73. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 12 июня 1914г.....	421
74. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 15 июня 1914г.....	423
75. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 18 июня 1914г.....	424
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ВОССТАНОВЛЕНИЕ СЕРБСКОЙ ПАТРИАРХИИ. 1920Г.	425
76. Решение Святого Архиерейского Собора, принятое 30 августа 1920г. в Сремских Карловцах о возведении автокефальной объединенной православной Сербской церкви в ранг Патриархии.....	425

77. Указ короля Петра I от 30 августа 1920г., которым подтверждается решение Святого Архиерейского Собора о возведении автокефальной объединенной православной Сербской церкви в ранг Патриархии.....	428
78. Томос Вселенского Патриарха Мелетия от 19 февраля 1922г. о присоединении Автокефальной объединенной православной Сербской церкви Королевства СХС епархий, полученных в результате балканских войн и первой мировой войны, а также присоединение к ней других автокефальных сербских церквей.....	430
79. Каноническое письмо Вселенского Патриарха Мелетия от 24 февраля 1922г. о возведении Автокефальной объединенной православной Сербской церкви Королевства СХС в ранг Патриархии.....	433
ПРИЛОЖЕНИЕ 4. ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ.....	435
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА.....	468

**ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ДОКУМЕНТЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СПЦ И
ВСЕЛЕНСКОЙ ПАТРИАРХИИ. ПЕРЕГОВОРЫ СЕРБСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ПАТРИАРХИИ ОБ АВТОКЕФАЛИИ СЕРБСКОЙ
ЦЕРКВИ. 1832-1879ГГ.**

**1. Конкордат 1832г.¹ о даровании Вселенским Патриархом автономии Митрополии
Сербской**

Гавриловић М. Милан Обреновић. Београд, 1912. Књ. 3, стр.609-613.

Константин, Божией милостию архиепископ константинопольский Нового Рима и вселенский патриарх.

<...>

1. Митрополиты и епископы епархий Сербии избираются отныне и навсегда на местах из числа сербского священства светлейшим государем и сербским православным народом таким образом, чтобы никакой обычай и порядок, господствующий в Великой Христовой церкви относительно способа, порядка и территории выборов нигде не имел бы места.

2. По общему сербского православного народа мнению, общей воле и желанию, а также по церковному соизволению, да будет с сегодняшнего дня только один митрополит сербских епархий, т.е. белградский, который называется всея Сербии, а остальные тамошние архиереи будут подчиняться ему как епископы. Определяем и всенародно объявляем наперед, в случае надобности в поставлении нового митрополита, чтобы выборы проводились из числа сербского священства тем способом, по которому мы сказали, сиречь, общим голосом светлейшего государя и сербского народа. Так определяется ими избранник (кандидат) и они рекомендуют действующему вселенскому патриарху признать и утвердить его как законного и канонически избранного. А действующий вселенский патриарх без промедления и отговорки должен направить с церковными молитвами каноническое одобрение о том, что совершается рукоположение и архиерейское поставление избранного по церковному образцу и по всем священным обрядам нашей восточной православной церкви.

3. Епископы Сербии также выбираются из числа духовенства светлейшим государем и преосвященным митрополитом Белградским и всея Сербии так, чтобы хиротония совершалась

без патриаршего одобрения только полновластием митрополита и канонического главы. А о хиротонии и поставлении каждого епископа объявлять письмом от светлейшего государя и митрополита. Вселенский патриарх, принимая и признавая факт поставления, обязан направить им соизволение и благословение своим официальным письмом.

4. За всякие подобные канонические выборы и поставление митрополита белградского и всея Сербии определяем и устанавливаем неизменно и незыблемо, что действующему патриарху подносят 300 цесарских дукатов и ничего более. А при поставлении и рукоположении епископов тамошних никакой дачи и подношения не дают ни копейки, и никто не должен давать, ни светлейший государь, ни митрополит, ни рукоположенный епископ, ни вселенскому патриарху, ни общине нашей Христовой великой церкви ни под каким предлогом. Потому что от рукоположения и поставления епископа только митрополит белградский и всея Сербии может брать по своему главноначальному праву от всякого епископа. И тот порядок и гармония да будет в будущем господствовать и неизменно осуществляться таким образом, что митрополит зависит от вселенского патриарха и великой церкви, а епископы сербских епархий подчиняются митрополиту и как от своего начальника зависят. Данное подношение в 300 дукатов при поставлении митрополита будет отдельным, сверх той обычной ежегодной суммы, которую сербский народ должен платить общине Христовой великой церкви - в настоящее время за две епархии, белградскую и ужичкую, по 3000 грошей за каждую. Если будут и другие епархии в земле сербской, тогда определена будет и утверждена одна общая ежегодная сумма за все епархии в Сербии.

5. Кроме этих законных и неизбежных приношений в 300 цесарских дукатов при новом поставлении митрополита вселенскому патриарху и этой обычной ежегодной суммы общине великой церкви, никаких других денежных взысканий и требований мирии как митрополит белградский и всея Сербии и ее священство, так и весь сербский народ ничего другого не должны давать - ни действующему вселенского трона управителю, ни общине великой Христовой церкви ни в какое время, ни по какой-либо причине, ни под каким предлогом. При том, никак не может ни действующий патриарх, ни община великой Христовой церкви претендовать на какое-либо наследство (под именем подушья) или на что-либо из имущества и добра умершего митрополита или епископа. И митрополит Сербии не должны наследовать имущество умерших епископов, потому что эти вещи и добро должны перейти в пользование сербского народа, служа на общие благие и богоугодные дела.

6. Митрополит и епископы Сербии не имеют права обременять себя долгами, которые ложатся на народ или великую церковь.

7. Не выходят из архиерейского достоинства архиереи епархий Сербии – митрополит без сообщения воли действующего вселенского патриарха и без соизволения светлейшего государя

князя и сербского народа, а епископы без воли митрополита, ее главы, и без соизволения светлейшего государя князя.

8. Напоследок устанавливаем, что действующий преосвященный митрополит белградский и всея Сербии поминает имя вселенского патриарха, а епископы – имя митрополита во всех священнодействиях. Это, что восьмью главами охвачено и общим единоголосным молением православных христиан, жителей Сербии, испрошено и что служит им к душевному спасению и ведет к благосостоянию местных православных церквей и к боголюбивому их преумножению, гарантируем вообще и Синодально настоящим церковным нашим письмом и определяем, что все это имеет силу на веки вечные, безусловно и неотменно; и как от них посредством общего письменного обязательства, так и от нас и от будущих наших преемников, да будет все осуществляться без каких-либо изменений так, как непрестанно будет указывать церкви промысел к богоугодному и неискушенному управлению православных христиан и духовных наших чад. Посему для доказательства и вековечной незыблемости и уверенности и написано настоящее наше патриаршее и Синодское устанавливающее и подтверждающее письмо, которое внесено в священный кодекс нашей Христовой великой церкви и дано православному сербскому народу через здесь пребывающих благородных представителей.

В лето Господне 1831, месяца сентября

Месяца января, индикта 3 день.

Халкидонский Захария

Деркский Никифор

Метимнейский Яков

Дирахийский Хрисанф

Воденский Иоаким

---

1 Конкордат был подписан в сентябре 1831 г. и фактически тогда вступил в силу, однако отослан он был лишь в январе 1832г., пока не был выплачен долг за епархии, о чем и сделана приписка ниже (См.: Радосављевић Н. Православна црква у Београдском пашалуку 1766-1831 (управа Васељенске патријаршије). Београд. 2007, стр.149; о выплатах см.: Митрополитъ Михаилъ. Православна сръбска црква у Княжеству Србији. Београд. 1874, стр.110-111.

2. Добавление 1836г. к Конкордату 1832г. о даровании Вселенским Патриархом автономии Митрополии Сербской

Гаврилович М. Милан Обренович. Београд, 1912. Кн. 3, стр.613.

Григорий, Божией милостию архиепископ константинопольский Нового Рима и вселенский патриарх.

Утверждаем настоящей нашей патриаршей и Синодальной грамотой следующее – поскольку общине нашей Христовой великой церкви уже было определено подношение от двух епархий, белградской и ужичкой, в размере 6 000 грошей, то сейчас, когда к Сербии прибавилось еще шесть нахий, которыми пополнились пределы Сербского княжества, устанавливается еще плата годового подношения в размере 3 000 грошей. Итак, новая митрополия Сербии вместе с входящими в нее епархиями, под которыми подразумеваются и новоприсоединенные, как мы сказали, шесть нахий, должна платить в начале каждого года только одну сумму подношения общине великой церкви, составляющую 9 000 грошей.

Все эти преимущества (прономии) и главы перечислены в Синодальном письме 1831 года, месяца сентября, посланном тогда светлейшему князю Сербии. В доказательство того дано и настоящее Синодальное письмо и послано в лето 1836, июля 17-го.

Константинопольский Григорий

Ираклийский Дионисий

Киликийский Анфим

Никомидийский Фанарет

Никейский Иосиф

Халкидонский Ерофей

Фесалоникский Мелетий

Проедор Анкирский Герасим

Прусский Анфим

Артский Игнатий

Филадельфийский Панарет

Софийский Паисий

Эрсекийский Прокопий

3. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 22 декабря 1878г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1878. Ф. 4, д.3. Рег. № П/5-VII. Пов.№ 854.

Исх. № 15

Пера, 22 декабря 1878

Председателю Министерского Совета
Министру Иностранных дел,
Господину Йовану Ристичу

Господин Министр,

После многочисленных визитов к турецким министрам и сановникам, я посетил и Патриарха². Его Святейшество произвел на меня весьма приятное впечатление, так же как и на остальных членов здешнего дипломатического корпуса, которые все единодушно хвалят его и выказывают почет новому греческому Патриарху.

В течении разговора я заявил Патриарху, что сербский народ всегда был верен великой Патриаршийской церкви, а правительство Его Величества хочет и далее состоять с Патриархией в дружеских взаимоотношениях, и что Сербия божим промыслом ставши независимой, в любом случае со своей стороны расположена сохранить традиционную любовь и уважение по отношению к великой церкви и остаться с ней в духовной связи.

Я не знаю, уловил ли Патриарх смысл этих слов, но переводивший мне Великий Логофет сказал, что они произвели приятное впечатление на Патриарха, заметившего, что Великой Патриархии известны чувства сербского народа и правительства Его Величества и что великая церковь умеет уважительно относиться к этим чувствам, особенно в таких тяжелых условиях, которые возникли за последние несколько лет. Я добавил, что не надо удивляться нашей доброжелательности, потому что народ сербский всегда был связан со своей церковью, через столько веков сохранившей ему язык, обычаи и народность и которая после долгих лет рабства оказалась готова осуществить такую великую задачу как народное объединение.

Еще я просил Патриарха, чтобы он и далее обращал свое духовное внимание на сербов, живущих вне границ нынешнего Княжества, так как его отеческая забота может уберечь их от разных ошибок, а сербское правительство в этом отношении всеми находящимися в ее распоряжении средствами окажет помощь святой церкви, действуя в ее интересах, которые в настоящих условиях также и наши. Его Святейшество уверил меня, что все будет сделано, чтобы те края развивались и духовно и материально и заявил мне: великая церковь с большим вниманием наблюдала за всем, через что прошла Сербия за эти два года и отметил со своей стороны, что Сербию ожидает еще более великое и прекрасное будущее, и что он не оставит правителя сербского и Сербию в своих молитвах.

Затем Патриарх повел разговор на обычные темы, расспрашивая о некоторых событиях. Помимо прочего, он сказал что, конечно, Нишский Митрополит как бывший болгарский владыка, а значит Схизматик, который отрекся от великой церкви, должен совершить акт покаяния (либелла³) перед Сербским Митрополитом, если он хочет остаться на своем месте в качестве священника сербской церкви, в противном же случае Митрополит Сербский может не признать его как священное лицо. Я ответил Патриарху, что мне эти подробности неизвестны, но я напишу в Белград и обращу внимание наших духовных властей на эту возможность.

Вот, в целом, Господин Министр, мой разговор со святым Патриархом. Его Святейшеству около 40 лет, но он, как мне говорят, очень хорошо образован, полон духа, без каких-либо предрассудков, очень серьезно настроен, воодушевлен всякой реформой и нововведением, и как сам я в том уверился, необыкновенно любезен в обращении.

Слышу со всех сторон, что с тех пор как он на престоле, на Фанаре наблюдается порядок. Чиновники Патриархии – что священники, что певчие – ведут себя по-другому, чем до сих пор. Нет больше, говорят мне, того лукавства, алчности и беспринципности, которые так блестяще характеризовали Фанариотов. Все видят свое положение и все выглядят одушевленными и готовыми работать на общее благо. Единственное, что сегодняшнему Патриарху доставляет трудность - это нехватка средств. Кассы Патриаршийские почти пусты. Чиновники довольно долго были без зарпалты. Патриарх в конце концов должен был апеллировать к патриотизму здешних богатеев, что принесло хорошие плоды. Греческие банкиры с Галаты⁴ устроили ему беспроцентный займ в 3 000 лир, каждый день делаются подношения деньгами или вещами, а один из здешних греков предпринял за свой счет починку части здания Патриархии.

В тот же день я нанес визит и Митрополиту Агафангелу, нашему старому другу. От него слышал, что Патриарх выразил графу Зичи⁵ желание, дабы православные епархии в Боснии и Герцеговине и далее оставались под покровительством великой церкви, на это Зичи ответил-он, де, надеется, что австро-венгерское правительство в этом смысле не будет ничего менять.

<...> (далее пропущен фрагмент письма с описанием внутритурецких дел)

С глубоким уважением,

Ваш покорный слуга,

Ф.Христич.

---

² Имеется в виду Вселенский Патриарх Иоаким III (1834-1912), незадолго до описываемых событий восшедший на константинопольский престол. Патриарх Иоаким III занимал престол дважды - с 4.10.1878 по 30.03.1884 гг. и с 25.05.1901 по 30.11.1912 гг. Считается одним из самых выдающихся греческих церковно-общественных деятелей нового времени.

(См. о нем: Соколов И.И. *Константинопольская церковь в XIX веке. Т.1. Спб.1904, стр.651-672; Новый Константинопольский патриарх // Прибавления к Церковным ведомостям. 1901, № 22, стр.786-788; Ιωακείμ Γ', ο από Θεσσαλονίκης «Μεγαλοπρεπής» Οικουμενικός Πατριάρχης // <http://www.amen.gr/article8322>).*

³ Либелла (от лат. Libellus – книжица, тетрадь) – письменный сертификат «соответствия» исповеданию веры. Известен с первых веков христианства.

⁴ Галата – исторический район в европейской части Стамбула, в котором находилась улица Bankalar Caddesi (Банковская улица) – финансовый центр Османской империи. На ней располагались Центральный Банк, офисы крупнейших банков, страховые компании и т.д.

⁵ Граф Франц Зичи (Franz Graf Zichy zu Zieh von Vásonykeö) (1811-1900) – посол Австро-Венгрии в Константинополе с 1874 по 1879 гг. (см.: Wurzbach C. *Biographisches Lexikon des Kaisertums Oesterreich. 60. Teil. Wien. 1891; Meyers Großes Konversations-Lexikon. Sechste, gänzlich neubearbeitete und vermehrte Auflage. Zwanzigster Band. Leipzig und Wien. 1909, s.914.*)

**4. Письмо Митрополита Сербского Михаила Его Святейшеству Патриарху Иоакиму
III от 3 февраля 1879г.**

Независимость сръбске цркве проглашена 1879. Београд. 1880, стр.3.

Ваше Святейшество,

Получивши известие от 24 ноября 1878 года о том, что промыслу Божьему было угодно после блаженного упокоения патриарха Иоакима II возвысить на престол Вселенского Патриарха Ваше Святейшество, возрадовались мы милостивому соизволению Господа Иисуса Христа, который вручил бразды правления своей церкви мудрому, просвещенному и ревностному Архипастырю во время, доставляющее хлопоты всем, кто так или иначе стоит на челу власти.

Успокоенный известием Вашего Святейшества, поздравляю Вас с этим возвышением, а святую великую церковь – мать всех других поместных церквей с тем, что ею будет управлять мудрый и благочестивый Пастырь.

С желанием, чтобы Вы как мудрый кормчий вели святую церковь сквозь все опасности, умиряя раздоры и искореня несогласие в ней как отец, исполненный высокой евангельской любви для утверждения и распространения святой веры православной в сердцах всех людей и народов – верных сынов святой православной церкви, предаю свою паству святым молитвам и любви, а себя – благоволению Вашему и с глубоким уважением и преданностью имею честь быть

Вашего Святейшества покорный слуга
Архиепископ Белградский и
Митрополит Сербский
Михаил

Исх. № 316
3 февраля 1879 года
Белград

5. Письмо Йована Ристича, министра иностранных дел Сербии Филиппу Христичу, сербскому посланнику в Константинополе от 11 февраля 1879г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.2. Рег. №. П/5-7. Пов.№ 54.¹

Ристић Ј. Дипломатска историја Србије за време српских ратова. Књ 2, 1898. снх 277-280.

Чрезвычайному и полномочному
послу в Цариграде

Исх. № 10

Белград

11 февраля 1879

Господин Посланник,

Наступило время предпринять шаги для улаживания наших церковных взаимоотношений с Великой Церковью Цариградской.

Поскольку Сербия перестала быть составной частью Оттоманского Царства естественно, что и Церковь наша не может оставаться в тех отношениях с Цариградской Патриархией, в которых она находилась во время вассальной связи Сербии и Оттоманской Порты. Если Католическая Церковь не знает государственных границ, Церковь Православная, напротив, не знает примера, чтобы представительство ее в каком-либо государстве могло находиться в зависимости от церковного руководства в другом государстве; более того, новая история дает нам примеры, когда государства, образовавшиеся из разных частей Турции, и церковь свою выводили из-под иерархического руководства Цариградского. Греция, которая принадлежала не только по вере, но и по народности Цариградской Церкви, отделилась от Цариградской Патриархии как только провозгласила свою государственную независимость. Ионические острова, пока были под протекторатом Англии, зависели в церковном отношении от Патриарха Цариградского, а как только в новейшее время были присоединены к Королевству

Греческому, эта зависимость прекратилась. Митрополит Ионский сразу стал членом Св.Синода Афинского.

То, что Цариградская Патриархия признала сначала в единоверной и единоплеменной Греции, а потом в единоверных и единоплеменных Островах Ионических, в том, уверены мы, не откажет и Сербии, которая с того времени, как стала Княжеством, испытывала чувства глубокого благоговения, и всегда была порукой самых лучших и безоблачных отношений с Великой Церковью. Более того, в час искушений, в которые там и сям впадала Великая Церковь, Сербская Церковь и Сербская Держава оставались всегда ей верны и преданы и всегда свой голос и свой авторитет за границами Сербии употребляли во имя единства и согласия с Великой Церковью. Благодаря такому поведению Сербии, авторитет Великой церкви остался ненарушенным в Боснии, Герцеговине и Старой Сербии.²

И сейчас Сербия, выражая Великой Церкви свои чувства глубокого благоговения, была бы рада сохранить иерархические отношения с Великой Церковью, но она должна исполнить долг, диктуемый своей государственной независимостью.

Да, пали все основы, на которых стояла зависимость Сербии, потеряли важность трактаты и хатт-и шерифы, на которых покоилось прежнее состояние Княжества. И напрашивается совсем естественный вопрос: может ли остаться действительным Конкордат, заключенный между вассальным Княжеством и Цариградской Патриархией в 1832 году?

На этот вопрос, лишь только он возник, уже был готов ответ. Когда нет больше трактата и хатт-и шерифа, которые узаконивали вассальное положение Сербии, естественно, что не существует больше и договоров, утвержденных на их фундаменте, таких, как Конкордат. Сербия вышла из состава Оттоманского Царства и решением международного договора встала в ряд независимых держав. С государством Сербским в свое независимое состояние возвратилась и Сербская Церковь.

Таково сейчас юридическое и фактическое положение вещей, не требующих никаких формальных разбирательств; но мы, желая и далее оставаться верными своим чувствам преданности Вселенскому Патриарху не будем испытывать радости, если иерархическое отделение произойдет без взаимного согласия и благословения Его Святейшества.

В связи с этим я получил распоряжение Его Высочества направить эти предложения вам, Господин Посланник, с поручением, чтобы вы их смиренно поднесли Его Святейшеству и попросили благословение на освобождение от бывшей до сих пор иерархической зависимости с увереньем, что мы, даже если и вынуждены в этих исторических условиях пойти на такой шаг, все же очень далеки от помыслов отделиться от Великой Церкви в отношении догматики. Мы и далее будем сохранять с ней связь в догматическом смысле; она и дальше будет находить в нас всегда верных и преданных православных сынов, готовых поддержать ее и ее репутацию.

Мы поручаем Вам, Господин Посланник, постарайтесь осуществить эти распоряжения нашего возвышенного Государя в наиболее подходящей форме. Мы надеемся, что вы справитесь со своим заданием, и наши отношения с Великой Церковью и далее останутся сердечными, как и до сих пор были. Возлагаю надежду, на то, что отклик, который наш шаг найдет у Его Святейшества, не может быть неблагоприятным, потому что мы уверены, - Патриархия Цариградская не хочет пересматривать настоящее состояние вещей, которое произошло в результате определенных исторических событий, и которые Европа освятила.

Изволите, Господин Посланник, примите и т.д.

---

¹ Настоящее письмо хорошо известно в историографии и полностью, насколько нам известно, печаталось дважды: первый раз уже в 1880 г. в книге *Независност српске цркве проглашена 1879. Београд. 1880, стр.4-6* и *Ристић Ј. Дипломатска историја Србије за време српских ратова. Књ 2, 1898. снп 277-280.*

При переводе использовалась публикация Ристича, неточности выверены по оригиналу, хранящемуся в АС.

² Это предложение было пропущено в двух публикациях видимо из конъюнктурных соображений – в 1880 г. церковь в Боснии и Герцеговине была выведена из-под юрисдикции Константинопольского патриархата.

6. Письмо Йована Ристича, министра иностранных дел Сербии Митрополиту Сербскому Михаилу от 13 февраля 1879г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 2, д.2. Рег. №. П/2. Пов.№ 60.

Его Высокопреосвященству
Господину Митрополиту
13 февраля 1879
Белград

Ваше Высокопреосвященство!

В связи с изменением положения Сербии по отношению к Оттоманскому царству возникла потребность изменить и отношения нашей церкви с цариградской Патриархией.

С этой целью я подготовил приложенные инструкции нашему посланнику в Цариграде и послал их вашему Высокопреосвященству имею честь просить Вас, чтобы вы изволили их изучить и дали знать мне, согласны ли Вы с ними и возвратили бы их с тем, чтобы я мог их показать на завтрашнем заседании кабинета министров.

Прошу Ваше Высокопреосвященство принять уверения моего исключительного уважения.

7. Письмо Митрополита Сербского Михаила Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 13 февраля 1879г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 2, д.2. Рег. №. П/2. Пов.№ 61.

Белград

13 фебр 1879

Господин,

Инструкции посланнику в Цариграде я прочел и возвращаю вам. Как я полагаю, в них все хорошо сказано.

Г.Майков написал замечания на письмо Градовского, которое было напечатано в Сербских Новостях. Прошу Вас эти замечания прочесть и если Вы посчитаете, что они могут быть у нас напечатаны либо в Сербских Новостях, либо в Востоке, извольте мне их вернуть, с тем чтобы я дал их редактору напечатать, как хотел г.Майков, несмотря на то что мне кажется оно довольно острым и я боюсь настроит (?) г. Персиани против такой статьи или письма. Если вы найдете, что это нельзя здесь напечатать, пошлем Заставе; этот г.Майков хочет, чтобы напечатано было без его подписи.

С уважением, остаюсь

Ваш молитвенник

АЕМ Михаил

8. Письмо Йована Ристича, министра иностранных дел Сербии Филиппу Христичу, сербскому посланнику в Константинополе от 14 февраля 1879г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1879. Ф.3, д.2. Рег. №. П/5-7. Пов.№ 62

Секретно

Г.Филиппу Христичу,
Чрезвычайному и полномочному
послу Сербии в Цариграде

Исх. № 11

14 февраля 1879

Белград

Господин Посланник,

В связи с моим письмом от 11 числа этого месяца Исх. № 10 нахожу необходимым обратить ваше внимание на форму, в которую бы мы хотели облечь наше расставание с Цариградской Патриархией.

Разумеется, больше всего бы нас устроило, если бы это отделение было совершено в форме двустороннего договора.

В буквальном смысле эта форма не использовалась при заключении конкордата 1832 года, однако в нем признавалось, что тот самый заключен по предложению тогдашнего правителя Сербии и в согласии с сербскими посланниками в Цариграде.

Между тем, если нет возможности принять эту форму, мы согласны, чтобы отделение было совершено в форме декларации, которой бы Его Святейшество Патриарх с благословением освободил сербскую церковь от ее связи с Патриархией.

Мы придаем значение тому, чтобы это расставание свершилось с одобренья Его Святейшество Патриарха, а не с анафемой матери-церкви, как произошло с болгарской церковью.

Мы надеемся, что Его Святейшество Патриарх осознает, что мы, ставши независимыми, не можем сохранять связь, основывающуюся на вассальных отношениях Сербии и Порты, и на одном акте, в котором говорится буквально следующее:

«настоящие статьи от вельмож народа сербского утверждены и от этих, как и от народа, посредством предложения Святой нашей великой церкви поднесены, а притом и соизволеньем правительства оттоманского обеспечены, и того ради издаем этот церковный декрет и т.д.».

Если Вам со стороны Патриарха напомнят о плате, которую в соответствии с конкордатом наша церковь давала до сегодняшнего дня Патриархии, извольте категорично заявить, что мы не можем предоставить никаких обязательств, но устно дайте ему понять, что мы с преданностью и пиететом относимся к матери-церкви и посему можно надеяться, что по возможности <про это-Ю.К.> не забудем.

В то же время извольте уверить Его Святейшество Патриарха, что мы и в будущем будем поддерживать его авторитет и вне границ Сербии, во всех пределах на Востоке, где живет сербский народ, но взамен требуем, чтобы в тех пределах он поставил церковных старейшин, которые знают наш язык и которые будут поддерживать нашу народность.

Чтобы вы знали, какую позицию занимает княжеское правительство в этом вопросе, прилагаю Вам для ознакомления депешу давнишних времен, которую княжеский министр иностранных дел направил княжескому представителю в Цариграде 11 марта 1869 года вместе с французским переводом.

Примите, г. Посланник и т.д.

9. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 13 марта 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.237.

Пера, 13 марта 1879г.

Дорогой свояк!¹

<...> (здесь пропущен фрагмент относительно переговоров о торговом соглашении Сербии и Турции)

Так же весьма благосклонно было принято наше предложение о независимости нашей церкви. Только Патриарх сразу же выразил мне свое сожаление относительно того, что наш князь до сих пор не ответил на его письмо. Касательно требования Патриарха, чтобы к нему ради благословения независимости нашей церкви обратились и Его Величество и г.Митрополит, могу тебе сказать для того, чтобы ты это урегулировал - г.Патриарх категорично мне заявил, что от того отказаться никак не может².

Если ты настаиваешь на том, чтобы акт об отделении от Святой Церкви был заключен в форме двустороннего соглашения и если я смогу склонить к этому Патриарха, тогда сюда нужно будет включить и какие-то пункты с обязательствами нашей стороны.

Я направлю тебе официальное письмо - поговори о том с Митрополитом, потом сообщишь мне, что вы надумали.

<...>

Филипп

¹ Филипп Христич и Йован Ристич были женаты на сестрах. Письмо носит приватный характер. Официальные сообщения, т.н. «президиалы», Христич посылал отдельно.

² Христич не зря обращал внимание своего свояка на необходимость личного обращения к Патриарху князя Милана и Митрополита Михаила – письма не заставили себя ждать.

10. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 20 марта 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.238.

Пера, 20 марта 1879г.

Дорогой свояк!

<...>

Было бы скверно не заплатить Патриархии миру, что мы ей должны до момента провозглашения независимости нашей. Ты лучше меня знаешь, что сумма в 9 000 грошей, которую мы платили ежегодно патриархии – никакая не милостыня, а мы обязаны были ее платить по официальному акту, который оставался в силе до независимости нашей. Я думал, что мы имеем основания не платить миру за 1877 г., так как Патриарх по обычаю не позвал меня на торжественную службу на день св.Андрея. Однако прочтя намеренно конкордат наш, я не нашел в нем, что Патриарх обязан это делать; между тем, как я тебе уже в свое время сообщал, наш князь и его семья вместе с именами почивших все же были помянуты в церкви на день Св.Андрея 1877 г. Об этом мне сказал сын Савы¹, который по моему указанию был в тот день в церкви. Почему бы и нам не брать Св.Миро, как Греция? Для этого есть масса причин.

Твой Филипп.

---

¹ Сава- священник в Цариграде.

**11. Письмо Йована Ристича, министра иностранных дел Сербии Митрополиту
Сербскому Михаилу от 21 марта 1879г.**

*АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.3. Рег. №. П/5-VII.
Пов.№ 126.*

Его Высокопреосвященству

Господину Митрополиту

21 марта 1879

Белград

Ваше Высокопреосвященство!

Из приложенного донесения нашего посланника в Цариграде (которое я прошу по прочтении вернуть) вы можете видеть, какие условия поставил Его Святейшество Патриарх для освобождения нашей церкви от связи с Цариградской Патриархией.

Что касается требования Патриарха, относительно Вашего предварительного обращения к нему с выражением желания, чтобы наша церковь с благословением отделилась от Патриархии, - думаю, что Вы бы могли написать Патриарху в духе известных Вам инструкций, которые я дал нашему посланнику в Цариграде.

Но я никак не могу согласиться с требованием Патриарха, чтобы и Его Величество Князь ему писал на ту же тему, т.к. князь имеет в Цариграде своего посланника, который выступает от его имени. Ежели Его Высочество найдет приемлемым на сей счет выказать Его Святейшеству чувство почтения и испросить благословение на отделение церкви, это целиком надо предоставить инициативе Князя.

Напоследок, относительно условий, которые поставил великий логофет, а именно, чтобы Княжеское правительство высказалось, как оно думает организовать церковное управление в Сербии, то я придерживаюсь мнения, что его надо отвергнуть, поскольку нам наша независимость дает право сформировать управление нашей церковью так, как мы считаем целесообразным.

До того, как я напишу об этом деле Его Высочеству, прошу Вас, Ваше Высокопреосвященство, извольте сообщить свое мнение и как можно скорее, чтобы дело не затянулось.

Вашего Преосвященства покорный слуга.

12. Письмо Митрополита Сербского Михаила Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 22 марта 1879г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.3. Рег. №. П/5-VII. Пов.№ 127.

22 марта 1879г.

Белград

Уважаемый господин!

Г.Посланник говорит, что г.Патриарх заявил о необходимости княжеского письма, а Логофет хочет, чтобы мы сказали, что будет после формирования нашего церковного управления.

Я думаю, что Посланнику необходимо довести до конца свои переговоры, тогда и поглядим на условия, которые выставит Патриархия, после только все и решится. А обычай, что Патриарху пишут Государи, был. Не знаю, как поступали, когда независимости просили Ионические острова,- писал ли тогда король Георг¹ Патриарху или только Синод? Надо бы, чтобы г. Филипп о том выяснил.

Сейчас, пока переговоры не завершатся, Князю писать не надо, а я, как напишу письмо, сообщу вам.

Возвращаю вам доверенное мне письмо г. Посланника.

С глубоким уважением.

Ваш молитвенник.

АЕМ

Михаил

---

¹ Король Георг (1845-1913) – король Греции в 1863-1913 гг. С 1815 г. Ионические острова находились под протекторатом Великобритании, которая уступила их Греции в 1864 г.

13. Письмо Йована Ристича, министра иностранных дел Сербии Князю Милану от 23 марта 1879г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.3. Рег. №. П/5-VII. Пов.№ 128

Его Высочеству Князю

Ниш

23 марта 1879г.

Белград

Государь!

Имею честь поднести Вашему Высочеству на рассмотрение шесть донесений нашего Посланника в Цариграде (№№39-44).

Возьму на себя смелость обратить внимание Вашего Высочества на донесение Посланника №40 о разговоре, который он имел с Его Святейшеством Патриархом относительно расторжения связи нашей церкви с Цариградской Патриархией.

Ваше Высочество увидит из этого донесения, что Его Святейшество Патриарх потребовал предварительного обращения Вашего Высочества и г.Митрополита к нему с выражением желания с благословением отделиться от Патриархии.

Я придерживаюсь верноподданнического мнения, и в этом (как Ваше Высочество может увидеть из приложенного письма) со мной согласен г.Митрополит, который по требованию Патриарха пишет о желании отделения нашей церкви, - что Ваше Высочество этого не должны делать, поскольку Вы имеете в Цариграде своего посланника, который выступает от Вашего имени.

По этому поводу, если Ваше Высочество одобрит, я намереваюсь ответить г.Христичу, что решать Его Величеству Князю - захочет ли он по завершению всех дел высказать чувства почтения Великой церкви и ее предстоятелю.

Что же касается требования великого логофета, чтобы правительство Вашего Высочества предварительно объяснилось, как оно думает организовать церковное управление в Сербии, то я придерживаюсь мнения, что его надо отклонить. Даже если бы мы имели предложения, каким образом организовать управление нашей независимой церковью и когда бы знали, что в такой трактовке предложения правительства получит одобрение нашего законодательного органа, все равно, я уверен, что государственная независимость позволяет нам не давать кому бы то ни было отчета в наших поступках, даруя нам право формировать управление нашей церкви так, как мы считаем целесообразным.

Просим Ваше Высочество ответить как можно скорее.

Честь имею быть Вашего Высочества
покорный слуга.

14. Письмо Йована Ристича, министра иностранных дел Сербии Филиппу Христичу, сербскому посланнику в Константинополе от 28 марта 1879г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.3. Рег. №. П/5-VII. Пов.№ 137

Г. Филиппу Христичу
Посланнику Сербии в Цариграде

Исх. № 16

Белград
28 марта 1879

Господин Посланник,

Имел честь получить ваши письма от 13 и 20 текущего месяца, №№40 и 45, которыми Вы известили меня о разговоре с Его Святейшеством Патриархом и Логофетом Великой церкви об освобождении нашей церкви от ее связей с Цариградской Патриархией.

Приятно было видеть из ваших писем, что Его Святейшество Патриарх признает в общем основательность нашего требования, однако вследствие каких-то давних традиций ставит условие, чтобы Его Высочество и г.Митрополит предварительно обратились непосредственно к нему с изъяснением желания, чтобы наша церковь с благословением отделилась от великой церкви.

Что касается г.Митрополита, Княжеское правительство не видит препятствий к осуществлению этого шага, и г.Митрополит обратится к Его Святейшеству с заявлением, которое требуется.

По-другому обстоят дела относительно Его Величества. По закону, князь – конституционный монарх и в таком качестве говорит через свои органы власти – министра в стране и посла за границей. Все, что Вы в Цариграде заявляете Его Святейшеству Патриарху, говорится от имени Его Высочества. Поэтому мы не можем согласиться, чтобы Его Величество заранее обращался к Патриарху. Но если Князь найдет приемлемым после завершения

мероприятия выразить Его Святейшеству свои чувства почтения по отношению к великой церкви и ее предстоятелю, то это целиком надо оставить на усмотрение Князя.

И поелику из вашего письма № 45 видно, что великий Логофет говорит не от имени Патриарха, я должен распорядиться - надо просто отклонить условие, про которое вам говорил Логофет, а именно: Княжеское правительство обязано заранее объяснить как оно мыслит организовывать церковное управление в Сербии. Даже если бы и существовало правительственное решение о будущем формировании нашего церковного управления и если бы мы ручались, что эти наши предложения получают одобрение законодательного органа (а ни то, ни другое не соответствует действительности), - и тогда, я полагаю, что государственная независимость позволяет нам не давать кому бы то ни было объяснения подобного рода, поскольку нам принадлежит право формировать управление нашей церкви так, как мы считаем целесообразным.

Мы надеемся, что Его Святейшество Патриарх справедливо оценит наши встречные шаги (особенно по сравнению с поступком Румынии, которая отделилась от великой церкви, не прося ее благословения) и не будет чинить препятствий к мирному расставанию с великой церковью, которая и в дальнейшем найдет в нашем лице верных сынов, сохранивших добрые с ней отношения.

Извольте, господин Посланник, в ваших переговорах руководствоваться настоящими указаниями и будьте любезны информировать меня о ходе этих переговоров.

Примите, г.Посланник, уверения моего исключительного почтения.

**15. Письмо Его Высочества Князя Милана Его Святейшеству Патриарху
Константинопольскому Иоакиму III от 25 апреля 1879г.**

Независимость сръпске цркве проглашена 1879. Београд. 1880, стр.6-7.

Пресвятой Отец!

Я получил письмо, которым Ваше Святейшество уведомило меня о своем вступлении на престол патриархии цариградской.

Весть эта, столь мне была приятна, сколь прекрасны качества, отличающие Ваше Святейшество, так хорошо известные всему православному свету, и которые преумножат благолепие церкви вселенской, одним из наипреданнейших сынов которой я счастлив оставаться.

Принося свои наискренние поздравления и пожелания счастья и долговременного Вашего пребывания на челе вселенской церкви, я Вас в тоже время прошу верить в мое твердое намерение сохранить в новых для Сербии условиях самые ревностные отношения с матерью-церковью. Мой министр в Цариграде имеет честь донести до Вашего Святейшества инструкции, которыми он снабжен на сей счет.

Желая от всего сердца полнейшего взаимопонимания между великой церковью вселенской и всеми церквями православными во всем, что касается ценностей, достоинства и чести нашей святой веры, я прошу Ваше Святейшество дать свое апостольское благословение, остаюсь с полными почтения заверениями в преданности, Пресвятой отец,

Наипреданный
Вашему Святейшеству
М.М.Обренович

25 апреля 1879г.

Ниш

16. Письмо Митрополита Сербского Михаила Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 4 мая 1879г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 2, д.2. Рег. №. П/2. Пов.№ 98.

4 мая 1879

Белград

Уважаемый господин,

Вследствие вашего вчерашнего послания я написал письмо г. Патриарху Цариградскому и черновик этого письма в приложении посылаю Вам для прочтения с просьбой, - если у Вас будут какие-то замечания, напишите их и верните, если это возможно до того, как я отдам сегодня переписать и отошлю.

С уважением, остаюсь

Ваш молитвенник

АЕМ Михаил

**17. Письмо Митрополита Сербского Михаила Его Святейшеству Патриарху Иоакиму
III от 4 мая 1879г.**

Независност српске цркве проглашена 1879. Београд. 1880, стр. 7-9.

Ваше Святейшество!

Милость Господа даровала Сербскому Княжеству независимость и расширение границ, вследствие чего Сербская Держава обрела новый статус и хочет видеть Сербскую Церковь в положении, которое влечет за собой этот новый статус государства и надеется, что святая великая Церковь как нежная мать возрадуется успеху Христианской державы и благословит новое состояние.

Его Высочество Государь Сербский Князь Милан Обренович IV как верный и достойный сын святой православной матери-церкви, а также и его благочестивое Высокое Правительство вместе с нами и народом желает остаться в дружеских отношениях с великой святой Церковью и при новом положении державы и церкви Сербской Ваше Святейшество будет иметь довольно заверений и доказательств того, насколько тверд Сербский народ в своей православной вере и полон любви к Церкви.

Имеем смелость просить от Вашего Святейшества благословения святой Матери великой Церкви нового статуса и положения Сербии, чтобы Сербская церковь как хорошая и верная дочь, укрепленная милостью Господа Бога и любовью матери великой Церкви зиждалась, развивалась и шла вперед сообразно новому положению и статусу как независимой державы.

Для этого сердечно просим Ваше Святейшество соблаговолить принять предложения Посланника Его Высочества Государя нашего, г. Филиппа Христича по установлению наших церковных взаимоотношений, утешив тем самым православный народ Сербский, принесшего столько жертв и пролившего столько крови за достоинство и свободу свою.

А поскольку Сербия освободила и присоединила некоторые целиком, а некоторые частично, четыре округа – Нишский, Пиротский, Топличский и Враньский, которые прежде относились к области Болгарского Экзархата, и где остался Архиерей Нишский г. Виктор и довольно много священников, рукоположенных Болгарскими Архиереями – для этого просим Ваше Святейшество, извольте благословить и их, поскольку они заверили нас в желании быть в содружестве с нами, примите их порыв и искренние изъявления, дабы и их не оставила великая любовь матери Церкви, но приняла в свои материнские объятия.

С надеждой, что Ваше Святейшество отечески примет просьбу, переданную Вам нашей отечественною церковью и утешит нас и паству нашу благословением нового статуса и положения Сербии, отдаюсь святым молитвам и любви Вашей, с глубоким почтением и преданностью имею честь быть

Вашего Святейшества

Покорный слуга

Архиепископ Балградский и

Митрополит Сербский Михаил.

Исх. № 912

4 мая 1879г.

Белград

18. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 8 мая 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.242-242.

Пера, 8 мая 1879г.

Дорогой свояк!

На счет нашего церковного вопроса в Патриархии что-то затягивается, но в чем причина, Патриарх отказался мне сказать. Призывая нас немного потерпеть, уверил меня, что бог знает о его постоянном и добром расположении касательно нашего стремления. Св.Патриарх убежден, что в конце концов все решится в нашу пользу. Дело в том, что трудности проистекают со стороны Синода. Патриарх говорит, что причина задержки - просто какая-то формальность, а не сама суть, которая, говорит, уже решена.

Патриарх мне на вчерашней встрече достал и показал оригиналы всех актов Патриархии, касающиеся отделения греческой церкви от Патриархии. Здесь было одно длинное письмо на пергамене от греческого правительства к тогдашнему Патриарху Анфиму, на котором стояли подписи всех министров. А после показал одно письмо от Синода греческого, опять на пергамене с подписями всех тогдашних владык в греческом королевстве. На решении Патриархии первыми стоят подписи вселенского Патриарха Анфима, Ерусалимского Кирилла, потом подписи пяти бывших вселенских Патриархов и в конце - членов великого Синода. Я не знаю, с какой целью Патриарх это сделал, если только не хотел показать, какой большой важности этот вопрос и с какой торжественностью он решался, когда речь шла о отделении греческой церкви. Я по видимости буду в состоянии следующей почтой сообщить тебе решение Синода, так как Патриарх сообщил, что до пятницы пошлет мне некую ноту на французском или на сербском языке. Как мне кажется, Патриарх до вчерашнего дня находился в заблуждении, что Сербия продолжит выплату мирии, однако я разубедил его. Для него это было весьма чувствительно, однако он сделал вид, что уже знал об этом.

Твой Филипп.

19. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 25 мая 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.245-246.

Еникей, 25 мая 1879г.

Дорогой свояк!

<...>

Не знаю, угадал ли я твою мысль, когда отказал Патриарху лично предстать перед Синодом, полагая, что это выглядело бы для нас унижительно. Я думал предложить великому логофету как ход, чтобы Синод отредил его и двух других членов, которым бы я прочитал мои инструкции (твое первое письмо) с тем, чтобы они после доложили Синоду; однако я воздержался и от этого шага, не получив на то с твоей стороны соответствующих полномочий. Г. Кондуриотис¹ сказал мне вчера, что их посол Делиани лично представал перед Св.Синодом, устно излагая и объясняя ситуацию. Но я сомневаюсь в корректности сведений г. Кондуриотиса, т.к. он большой приверженец партии Патриархии, и вероятно был бы рад вынудить нас исполнить то, чего желает Синод.

<...>

Твой Филипп.

---

¹ Кондуриотис – посол Греции в Константинополе.

20. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 1 июня 1879г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1879. Ф. 3, д.4. Рег. №. П/5-VII. Пов.№ 273

Еникей

1 июня 1879 г

Исх.№ 88

Вчера вечером был у меня во второй раз логофет. Сообщил от своего и патриаршего имени, что сегодня Синод будет решать наш вопрос. До того, сказал логофет, было еще одно заседание по этому же поводу, пригласительное к сегодняшнему, которое весьма важно и на которое позваны не только обычные члены Синода, но и известные лица, глубоко сведущие в науке и церковных канонах. Однако кроме вопроса об отделении нашей церкви, который сам по себе не вызывает никаких трудностей, будут решаться и другие вопросы, сказал логофет, которые проистекают из заключения того важного заседания, в котором участвовали все патриархи и где было принято решение о болгарской схизме.

Соответственно данному заключению существует две процедуры для схизматиков епископов и священников, которые бы по прошествии известного времени покаяться и пожелали вернуться в лоно матери-церкви - одна для епископов и священников до схизмы рукоположенных по правилам законными церковными властями и совсем другая для поставленных и рукоположенных за епископов и священников незаконными схизматичными властями. А поскольку лица и той и другой категории находятся в пределах, которые были присоединены к Сербии, то сейчас нужно определить положение этих лиц по отношению к Великой церкви. Вопрос сей, сказал логофет, тяжелый и сложный, потому что должен решаться с оглядкой на то Синодское заключение о схизме и в тоже время принимая внимание сербскую церковь, которая оставшись верна Великой церкви, приняла все же отвергнутых лиц без выполнения каких-либо формальностей, прописанных канонам и допустила их чинодействовать.

Я сказал логофету и попросил передать патриарху, что ему и Синоду следовало бы быть очень осторожными в этом вопросе. Чрезмерная строгость и нетолерантность в этом случае со стороны патриархии не отвечала бы ни характерной роли нашей церкви, которая всегда

отличалась в решении таких вопросов добротой и толерантностью, ни тем интересам, из которых наиважнейшим в настоящих условиях является единство нашей церкви.

И даже если для таких лиц прописана известная формализованная процедура, то все равно, это большое завоевание для великой церкви, потому что лица эти, оказавшись в наших новых пределах и под нашей церковной властью уже тем самым отпали от болгарской схизматичной церкви и вернулись в лоно великой церкви. Было бы лучше и во всяком случае полезней, если бы Синод и патриархия в этом деле опирались на факты, нежели на известную формальность.

Наш Митрополит, озабоченный действительными интересами Святой церкви, описал в своем письме наилучший и наиболее подходящий курс, в направлении которого надо двигаться Синоду касательно положения этих священников. Если Великая церковь в данном вопросе поступит по-другому, боюсь, это вызовет неприятную дискуссию между ней и сербской православной церковью, результат которой повредил бы нашим общим церковным интересам.

Дав таким образом понять Логофету без обиняков, что известные замечания, требования и условия Синода легко могут привести к затруднениям, а может быть и к конфликту с сербскими церковными властями, а этого в сегодняшних тяжелых обстоятельствах надо бы избежать, я просил его, чтобы эти мои замечания *<нрзбрч>* были сообщены Патриарху, что Логофет с радостью и обещал сделать.

С глубоким уважением,

Ваш покорный слуга.

21. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 1 июня 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.247.

Еникей, 1 јуна 1879г.

Дорогой свояк!

<...>

Пока я тебе писал вчера, поздно вечером пришел Великий Логофет и сообщил, что сегодня в Синоде будет решаться вопрос относительно наших церковных дел. О моем присутствии в Синоде он ничего не сказал, значит Синод от этого требования отказался.

Я говорил с Великим Логофетом детальней и обстоятельней, нежели пишу тебе здесь. Думаю, я правильно поступил, что сделал эти замечания относительно священников, которые остались у нас¹, ибо я полагаю, что вы придерживаетесь этой точки зрения, и что мы не хотели бы согласиться с условиями и формальностями, которые бы Великая Церковь лишь сейчас после просшествия года и далее требовала исполнять. Кто знает, какими бы еще могли быть те условия, и не вызвали ли они в самом деле если и не формальный конфликт, то большие осложнения между нами и Патриархией.

<...>

Твой

Филипп.

---

¹ Речь идет о священниках на новоприсоединенных территориях, входивших в Болгарский Экзархат.

22. Письмо Митрополита Сербского Михаила Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 6 августа 1879г.

Писма Јована Ристића Филипу Христићу. Од 1870 до 1873 и од 1877 до 1880. Београд. 1931, стр.267.

Белград, 6 августа 1879

Дорогой свояк,

ты очень обрадовал меня известием, что Патриарший Синод решил признать независимость сербской церкви. И не потому, что ей это признание было нужно и она действительно станет независимой, а потому что мы сохранили добрые отношения с Патриархией, которая необходима нам, и все это без осуждений и проволочек.

Обрати внимание на содержание письма, чтоб нам не подменили ничего.

Письмо это (Патриарха к Митрополиту) нужно передать мне вместе с моими первыми инструкциями и <твоим – Ю.К>. посланием, которое бы вкупе с моим актом и письмом Патриарха, я бы мог предать огласке. Здесь надо быть очень щепетильным, поскольку они должны быть опубликованы, не задев ни нас, ни патриарха. Короче говоря, твое сопроводительное письмо надо написать так, чтобы его можно было преподнести публике.

Если Патриархия решит этот вопрос без какого бы то ни было лукавства, тогда я постараюсь также благонамеренно отозваться круглой суммой, которой бы мы на этом закрыли счет.

...

Будь здоров,

Твой Йован Ристич

23. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 14 августа 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.262.

Еникей, 14 августа 1879г.

Дорогой свояк!

<...>

Не знаю как истолковать этот пируэт Патриархов, надо ли его приписать кокому-то странному влиянию (например, русскому или греческому) или давлению самого Синода. Из всех условий для меня наиболее важными кажутся эти два: 1) главой нашей церкви будет Митрополит и у нас будет Св.Синод и 2) упоминание о священниках-схизматиках.

Что касается первого пункта, возможно, что тут интриги и России, и Греции с целью помешать Сербии обновить свою старую Патриархию. Мне кажется, что не надо бы с этим соглашаться.

Касательно священников-схизматиков надо бы сказать, что этот пункт должен быть исключен из главного акта, и о том Патриарх с Митрополитом пусть договорятся.

Относительно Св.Мира, здесь не надо бы с нашей стороны никакие препятствия чинить, и этот пункт по-моему мог бы войти в главный акт. Было бы правильнее и православнее, если бы мы не переставали брать мир у великой церкви.

Но я хочу лично убедиться сегодня во всем и категорически заявить Св.Патриарху, что без предварительного договора и соглашения о содержании Патриархийского акта я не смогу принять заключение Синода.

<...>

Твой Филипп.

24. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 17 августа 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.264.

Еникей, 17 августа 1879г.

Дорогой свояк!

Задержал пакет с корреспонденцией, чтобы написать несколько слов в ответ на твою телеграмму, которую как раз сейчас получил.

Ты не согласен со всеми пунктами Патриархического акта и я тоже. Я сказал Патриарху, что это мое мнение и что я думаю, той же точки зрения придерживается и мое правительство согласно тем инструкциям, которые мне были даны для переговоров с Патриархией. Патриарх согласился, как я тебе уже писал, сообщить мои соображения Синоду, но он считает, что Синод не сможет отказаться от первоначального своего заключения. Хочу известить его сейчас о полученном от правительства письме в ответ на донесение, посланное касательно разговора с Его Святейшеством. Поглядим, что будет делать Синод. Но не был ли ты так добр, возвратившись в Белград, переговорить с г.Митрополитом о том, чтобы узнать его мнение? Если натолкнемся в Синоде на противодействие, я думаю, надо будет договариваться. На мой взгляд, неприемлемы два пункта и их надо убрать из акта:

Первый - Митрополит – глава сербской церкви и управляет ей вместе с Синодом, второй - вопрос о священниках-схизматиках, который мог бы быть предметом отдельного письма Патриарха. Фактически, в первом пункте речь идет об ограничении нашей независимости, а другому пункту абсолютно не место в акте о признании нашей церковной независимости. Все остальное, строго говоря, можно оставить, и я бы пошел навстречу Патриархии, так как не думаю, что тем самым наша независимость будет ущемлена; например - уведомление о вступлении на престол нашего Митрополита, когда тоже самое делают и главы других независимых церквей. Потом - переговоры с другими независимыми церквями по важным церковным вопросам, которым, думаю, Патриарх дал достаточное обоснование. Ну и напоследок – получение Св.Мира от Великой Патриархии, когда тоже самое делает греческая независимая церковь. Если эти условия приемлемы, прошу тебя, телеграфируй мне.

Твой Филипп.

25. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 17 августа 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.265.

Еникей, 17 августа 1879г.

Дорогой свояк!

<...>

Патриарха весьма смутили мои замечания и требования. Кажется мне, что здесь нет чужих интриг, и что Патриарх и Св.Синод поступили так по своему разумению. Я остаюсь при своем – наш Митрополит и Синод упомянуты в акте только затем, чтобы Сербия не обновила потом свою Патриархию в том же ранге, что и цариградская Патриархия. Но я думаю, что с восстановлением нашей Патриархии мы не зайдем так далеко, чтобы ставить себя в один ряд с вселенской патриархией, чье старейшинство признают и остальные Патриархи: антиохийский, александрийский и ерусалимский. Относительно священников-схизматиков, Патриарх меня уверяет, что о них не будет упоминаться в акте на адрес Митрополита, т.к. наш Митрополит не говорил сам о них в своем письме.

Будь здоров.

Твой Филипп.

26. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 24 августа 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.268.

Еникей, 24 августа 1879г.

Дорогой свояк!

<...>

Думал, что ты дашь мне по телеграфу последние инструкции касательно нашей церкви, хотя я гляжу, что это дело прежде свершится.

Твоя вчерашняя телеграмма о том плохо была зашифрована, но думаю, я могу понять ее так, что ты допускаешь, чтобы в акте стояло упоминание, т.е. Патриарх может апеллировать к канонам, но ничего не конкретизировать. Я хочу попробовать через других людей навести Патриарха на эту мысль, и думаю, что ты можешь принять, что я тебе предлагаю.

<...>

Будь здоров, дорогой свояк.

Твой Филипп.

27. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 28 августа 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.268-269.

Еникей, 28 августа 1879г.

Дорогой свояк!

<...>

Если бы мы знали, что Синод и Патриарх останутся при своем первом мнении, мы бы еще месяц назад имели в наших руках акт от Патриархии и церковь бы наша еще на день рождения князя могла бы быть провозглашена независимой. Вся штука в том, что мы оба ошибались, думая, что что можем получить то, что до сегодняшнего дня не получала ни одна церковь. Честное слово, свояк, мне бы не жаловаться и ругаться, а воистину удивляться надо, что мы все преодолели, и это с нашим то неделикатным поведением по отношению к великой Церкви. Если бы Патриархия не нуждалась в деньгах, опять нужно было прилагать усилия, ну а при такой бедности ей нужно бы возмутиться, т.к. ни за что ни про что мы отказываем ей в выплате мирии за целых три года; т.к. между нами будет сказано, за 1876 г. Патриархии не было уплачено – истинная правда и ясно как божий день. И при все том я должен делать вид рассерженного человека и казаться весьма недовольным, потому что Синод не хочет уступить. Не могу тебе сказать, кому приходится тяжелей из-за того, что дела не могут идти по-нашему – мне или Патриарху. Но при всех его заботах об уступках Синода вообще, Патриарх мне искренно говорит, что ему очень нелегко оказывать давление на Синод, так как Синод действительно в своем праве и удивляется, что мы не можем понять, насколько работа Синода корректна и сообразна существующей практике. Патриарх мне много раз говорил: не делайте ничего, пока с Митрополитом вашим не проконсультируетесь, он вам все объяснит и признает правоту Синода. Единственное, что Патриарх и великий Логофет считают несколько неправильным – это упоминание в главном акте вопроса о священниках-схизматиках, но этого Патриарх не смог исправить.

Я сам размышлял, чья же это иностранная рука в наши дела вмешалась и напакостила. Нынче великий Логофет уверяет меня, что тут много всего намешано и счастье, что это не возникло раньше. Великий Логофет не пожелал мне рассказать, с чьей стороны проистекают

эти помехи, а угадывать у меня нету охоты. Если вас интересует независимость нашей церкви, -
поторопитесь.

<...>

Будь здоров.

Твой Филипп.

28. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 31 августа 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.270.

Еникей, 31 августа 1879г.

Дорогой свояк!

<...>

Касательно нашего церковного вора, я жду твоих приказаний. Если мы настаиваем только лишь на признании, и ничто другое не будет упоминаться в акте, тогда я полагаю, ничего не выйдет. Если бы Патриархия спрашивала что-нибудь с нас, что не спрашивала с других, тогда бы мы действительно имели право выступать против - что мы, мол, требуем равноправия. Но поскольку Св.Синод точно также (и даже еще больше) требовал с Греции, я не вижу, по какому праву мы требуем от Патриархии быть к нам более снисходительной, чем к единоплеменной Греции. Но ты хочешь наверняка посоветоваться с г.Митрополитом на сей счет. Как ты знаешь, я сам в начале считал, что Патриархия, упоминая Митрополита как главу сербской церкви, вероятно предприняла меры против того, чтобы мы со временем провозгласили нашего Митрополита Патриархом; но эти ее усилия были бы напрасны. Даст Бог, со временем присоединим всю старую Сербию, и Дечаны, и Печ, и ничто нам не помешает восстановить нашу Патриархию. Разве нет кроме вселенского Патриарха и других Патриархов? И опять все будет чудесно и замечательно.

Смотрите только, чтобы мы не растеряли эти возможности, ибо на нашу церковную независимость в целом со стороны смотрят недобрим взглядом. А замечательно, что при князе Милане наряду с политической независимостью мы обретаем еще и церковную! Для нашего престижа и положения на востоке это много значит, - имеющий уши да слышит!

<...>

Будь здоров.

Твой Филипп.

29. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 7 сентября 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.274.

Еникей, 7 септембра 1879г.

Дорогой свояк!

<...>

Вчера вечером получил твои окончательные инструкции, касающиеся нашего церковного вопроса. Поскольку из них мне не было ясно, хотят ли принять акт Патриархии и в том случае, если Синод и Патриарх останутся целиком и полностью при своем первоначальном мнении (и тогда, как ты говоришь, на первом заседании скупщины мы предпримем меры, которыми положение нашей церкви приведем в гармонию с положением нашей державы, несмотря на воззрения Патриарха и Св.Синода). Или я в этом случае отказываюсь принимать акт и прекращаю переговоры? В твоих инструкциях параграф написан так, что можно понять и так, и сяк.

Будь здоров, дорогой свояк.

Твой Филипп.

30. Письмо Йована Ристича, министра иностранных дел Сербии Филиппу Христичу, сербскому посланнику в Константинополе от 19 сентября 1879г.

Писма Јована Ристића Филипу Христићу. Од 1870 до 1873 и од 1877 до 1880. Београд. 1931, стр.272

Белград, 19 септембра

Дорогой свояк,

ты имеешь право злиться на меня из-за известной телеграммы. Со времени признания нашей независимости я занят исключительно важной работой, и во время этого нагромождения дел от тебя начинают приходить твои телеграммы – длинные и шифрованные, и к тому же такого содержания, которое, мнится мне, совершенно не к спеху, чтобы их слать телеграфом.

Кроме того, знай, что я намереваюсь восстановить Патриархат Сербский и чем скорее, тем лучше.

Если Цариградская Патриархия не пойдет нам навстречу, она не получит от нас ни копейки, в противном же случае я готов для нее сделать что-то.

Что бы там ни было, нужно до середины этого месяца (15 октября) по-любому вынести решение. Не надо прекращать общаться и прерывать переговоры, но попробуй решить вопрос.

Из моей депеши, о которой идет речь, выброси строчку, которая так тебя оскорбила, и я со своей стороны сделаю тоже самое.

Будь здоров,

Твой Йован Ристич.

31. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 21 сентября 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.278.

Еникей, 21 септембра 1879г.

Дорогой свояк!

<...>

Вчера вечером получил от Патриарха перевод тех трех, точнее двух пунктов относительно которых я при последней нашей встрече категорически заявил Св.Патриарху, что их правительство сербское не может принять. Я тебе шлю этот перевод в том виде, в котором получил из патриархии, на нем можешь видеть приписку св.Патриарха, что надо оставить все так, как есть. Я тебе не могу сказать, была ли это первая редакция двух пунктов или они были в чем-то изменены и смягчены.

Сегодня я пошлю Патриарху Теркана¹ сказать ему, что я ни в коем случае не пошлю правительству, то что получил от него, так как сам не уверен и Св.Патриарх не сообщил мне, было ли дело на рассмотрении великого Синода, как обещал мне Его Святейшество, и еще поскольку не желаю этим шагом возвести преграду на пути к нашему взаимопониманию, которое столь необходимо. Теркан опять повторит святому Патриарху все то, что я говорил на нашей последней встрече. В интересах Великой церкви и церковного единства нашего он попросит его обратить самое пристальное внимание и свое, и Великого Синода на все последствия, которые может иметь заключение Великого Синода, если все останется как есть сейчас.

Вчера вечером я в этом смысле разговаривал с Великим Логофетом, и сегодня он пойдет к никомидийскому Митрополиту и попытается склонить его на нашу сторону.

<...>

Будь здоров.

Твой Филипп.

---

¹ Теркан Тадия – драгоман сербского посольства в Цариграде.

32. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 25 сентября 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.279.

Еникей, 25 септембра 1879г.

Дорогой свояк!

Ја не знају, што ви ћете сада чинити са нашим црквеним питањем, могу само сажаљети, што труд и мучења моја напрасно пропаде. И ово у делу, за које ја од свега срца трудио сам и старася, да би влада поставила себи у заслугу још једно допунско и добила право на опште признање, да би она озбиљније и мудрије приступила к разумевању духовних интереса својих и других цркава, у непосредној близини налазећих се.

Ја сам дао превести уређење грчке независне цркве у целој земљи. Пошљу теби следећом поштом и ово, и уређење румунске цркве – нека налазе се тамо, изненада вам што-то случајно потребно.

<...>

Твој Филип.

33. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 28 сентября 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.280.

Еникей, 28 септембра 1879г.

Дорогой свояк!

<...>

С Патриархом я переговоров не прерывал, но Синод весьма единодушен в вопросе, касающемся сохранения первоначальной формулировки, так что я полагаю невозможным направить их мысли в более благоприятное для нас русло. При всем том, с многих сторон меня заверяют, что отношения к Сербии всех членов Синода лучше и быть не могут. По духу моего последнего донесения ты сам можешь обо всем догадаться. Но хоть я совершенно убежден, что мы без какого-либо вреда для себя (морального, разумеется) могли бы такое заключение принять, все же всю вину, если дело дойдет до окончательного разрыва, я перекладываю на Патриархию. Не могу не думать, что было бы намного лучше, если б мы отделились от Патриархии с ее благословения и получили свою церковную независимость легитимным путем. Только так, я полагаю, сербское правительство могло записать бы себе в актив на одно достижение больше и заслужить очередное признание в глазах целого света. Другой путь получения церковной независимости рисуется мне весьма легким – но не буду говорить об известных проблемах и трудностях, с которыми бы мы столкнулись вскоре после того. И совсем иное - иметь для дальнейшего старта некую легальную основу, легитимно признанную во всем мире и церковно независимую. Мы бы нажили гораздо меньше проблем в будущем, мнится мне, провозгласивши нашего Митрополита Патриархом сербским, так как речь шла бы только лишь о перемене титула и ни о чем другом. И Патриарх, и Синод склонились бы в нашу сторону - кто внушительными суммами денег, кто сербскими орденами. Если ты сотрудничаешь с Митрополитом, сообщи ему эти мои мысли. И еще, - перестань меня упрекать в том, что я опять пишу об этих вещах – я это делаю по дружбе и как видишь, совсем приватно, и ничего не пишу на эту тему в официальных донесениях.

<...>

Будь здоров.

Твой Филипп.

34. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 19 октября 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.286-287.

Еникей, 19 октября 1879г.

Дорогой свояк!

Патриарх сообщил Теркану, который недавно был у него, что акт о провозглашении сербской церкви будет готов в конце этой недели, то есть, сегодня или завтра. Тогда он пришлет его с печатью, чтобы я отправил в Сербию. Если сегодня ничего не придет, чтобы сразу можно было отослать, тогда, думаю, во вторник все вместе получить и переслать, но тогда остается не более восьми дней до 1 ноября, боюсь ты не сможешь его до тех пор принять. В любом случае, я телеграфирую по получении акта.

<...>

PS Только что Патриарх сообщил мне, что акт не может быть переписан до четырех часов дня, т.к. пишется на пергамене древнегреческим церковным языком, а это весьма тяжело и медленно. Ты можешь быть точно уверен, что князь получит акт накануне первого ноября. Ты для этого в Белграде распорядись, чтобы мой пакет тебе в Ниш с нарочным послали, а я тебе телеграфирую когда отправлю с экспедицией акт.

35. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 26 октября 1879г.

Писма Филипа Христића Јовану Ристићу (1868-1880). Београд. 1953, стр.287-289..

Еникей, 26 октjабря 1879г.

Дорогой свояк!

<...>

На днях была здесь одна интрига с целью помешать признанию Патриархией независимости нашей церкви. В среду вечером получаю письмо от Великого протосинкелла Патриарха. Как видишь, кто-то донес Патриарху, что в Белграде Синод уже провозгласил независимость сербской церкви, и объявление этого акта будет торжественно отпраздновано у нас завтра, на Митровдан. От этого известия в Патриархии возникли затруднения, Патриарх подумал, что ему следует воздержаться от посылки акта о признании нашей независимости. Я протосинкеллу ответил, что слух совершенно безоснователен, а вчера с утра послал Теркана к Патриарху узнать и расспросить, что там в действительности произошло. Патриарх признался Теркану, что в самом деле, кто-то был у него и уверял, что мол, независимость нашей церкви провозглашена вопреки Патриарху и что Патриарх был бы скомпромитирован и посрамлен, если б подготовленный акт послал в Сербию. Несмотря на настойчивые попытки Теркана по секрету добиться от Патриарха имени говорившего, Патриарх так и не пожелал его раскрыть.

При всем том, Его Святейшество, убежденный и успокоенный моим ответом, распорядился направить ко мне вчера с утра двух первых членов Синода – митрополитов Эфесского и Никомидийского. Они передали мне Синодский акт вместе с письмами к Его Высочеству и к г.Митрополиту, а также еще один, если так можно выразится, адрес сербскому народу, которому Св.Патриарх хотел по этому случаю послать свое благословение и добрые пожелания дальнейшего благоденствия.

Главный акт и адрес сербскому народу были не в конвертах, а свернуты в виде свитка и перевязаны двухцветными лентами. Я пошлю их вам отдельно, так как в конверте они совсем сломаются. Письмо для князя было в другом конверте, вместе с письмом г.Митрополиту. Поскольку письмо, на котором стоял адрес г.Митрополита было помещено в слишком большой конверт, я сам его распечатал, письмо в конверте было с круглой печатью.

Этот перевод французский, что послал тебе с той почтой, ни в коем случае не должен служить источником перевода на сербский. Все акты, что я тебе шлю, надо переводить с греческого оригинала, так как в этом французском переводе может быть много ошибок, его делали в спешке.

Я тебе предлагаю наградить кроме Патриарха еще трех главных лиц, а среди них и Великого протосинкелла, викария Патриарха. Было бы неплохо, если бы мы наградили еще кого-нибудь из членов Великого Синода, но я не смел предложить больше кандидатур. А между тем, для осуществления наших известных целей, мы должны думать о том, как вознаградить возможно большее их число. Например, если бы мы планировали обновить сербский Патриархат, я бы попросил тебя прежде всего подготовить подходящую почву для этого и для того, чего мы могли бы добиться с помощью Патриархии. Хорошо после такого успеха (ибо это великий успех для правительства Его Величества) не разругаться с Патриархией и не сделать ничего, что бы сыграло на руку тем, кто хочет рассорить нас с Великой Церковью. Я думаю, если б мы кроме этих наград, еще и выплатили Патриархии оставшуюся мирию и те 6 грошей с семьи в новых краях (или если не это, то одну приличную сумму в качестве подношения), тогда б мы проложили и расчистили себе путь к будущим успехам нашим и избежали в этой ситуации конфликта с Великой Церковью.

Думаю, тебе не нужно напоминать, что в этом случае надо послать всем, кроме дипломов, и саму награду (*les insignes*).

От г.Кондуриотса я слышал давно, что греческий король по случаю признания независимости греческой церкви, послал тогдашнему Патриарху Крест Св.Спасителя 1 класса, а всем членам Великого Синода тот же крест 2 класса. Но это только информации ради, я не думаю, что такое надо делать и нам, ибо это было бы уже слишком.

Будь здоров.

Твой Филипп.

Я отпустил Милана навестить невесту в Принкипе и поэтому сегодня почту отправляю сам. Прошу тебя, обрати внимание, когда придет акт из Патриархии, который шлю тебе с нарочным, возьми самых лучших переводчиков, т.к. стиль, как я слышал, очень высок и тяжел.

Твой Филипп.

**36. Письмо Его Святейшества Патриарха Иоакима III Его Высочеству Князю Милана
от 20 октября 1879г.**

Независност српске цркве проглашена 1879. Београд. 1880, стр.9-10.

Ваше Высочество!

С радостью получил я Ваше письмо от 25 апреля этого года, которым Ваше благочестивое и Богохранимое Высочество выразило свое боголюбивое расположение святой матери, великой Христовой Церкви и показало пламенное стремление к тому, чтобы Сербия, заняв новое политическое положение, получила от матери-церкви положенное признание своей святой церкви. Это пламенное желание Вашего Высочества приняли мы с радостью как вполне уместное и провоемерное и решили, что свято и Богоугодно его исполним, что и учинили в Святом Синоде, где заседали святые Архиеереи нашей апостольской и вселенской Патриархии, наши любезные братья во Св.Духе и сотоварищи. По канонам церковным, прописанным на сей случай, составлен протокол, в котором святая церковь в Сербии провозглашается самостоятельной и независимой и в таком качестве признается всеми православными церквями во всей вселенной. Это наше решение, которое мы объявляем всем православным духовным и мирским лицам в Богохранимой сербской державе, высказали мы в молитвенном и поучительном письме г. Архиепископу белградскому и Митрополиту сербскому, нашему во Христе прелюбезному брату и сотоварищу Михаилу. Совершивши это описанным образом, шлем Твоему Богохранимому Высочеству, благочестивый Князь, прося тебя, чтобы твоя фамильная и исключительная благочинность не переставала крепко охранять и защищать права сербской церкви так, как предписывают правила единой святой кафолической и апостольской православной церкви во славу и утверждение Твоего княжеского престола и на радость и умиление наше. Благодать нашего Господа Иисуса Христа да укрепит и осенит Ваше Высочество.

Вашего благочестивого Высочества
пламенный Богу молитвенник
и преданный
Патриарх Цариградский
Иоаким

Эфесский (митроп.) Агафангел
Никомидийский (митрополит) Филотий
Халкидонский Калинник
Дерконский Иоаким¹
Новокесарийский Ерофей
Смирнинский Мелетий
Митимнянский Паисий
Имврийский Никифор
Фанариоферс. Константин
Кооский Мелетий

20 октября 1879г.

Цариград

---

¹ Будущий Патриарх Иоаким IV (1884-1886)

**37. Письмо Его Святейшества Патриарха Иоакима III Митрополиту Сербскому
Михаилу от 20 октября 1879г.**

Независимость сръпске цркве проглашена 1879. Београд. 1880, стр.13-14.

Преосвященный и Богохранимый Архиепископ Белградский и Митрополит Сербии, прелюбезный и предрагоценный брат по св.Духу, сослужитель Смиренности нашей, Господин Михаил!

Ваше Нам драгоценное Преосвященство братски во Христе приветствуем!

С товарищеским усердием приняли мы Ваше братское письмо от 4 мая этого года и прочитавши его на заседании Сабора, увидели мы, что вы нам как брат предлагаете на счет святой церкви в Сербии, полагая, что по божию благоволению свершилось обретение политической независимости и расширение границ Богом хранимого Княжества с тем, чтобы и церковь заняла положение, отвечающее положению политическому и извещаете, что это желание и благочестивого Князя, и его высокого правительства, и всего благочестивого народа.

Узнали мы и о просьбе, каковую подносите вы о болгарских схизматиках, находящихся в Епархиях, политически присоединенных сейчас Княжеству с тем, чтобы и их благословила Наша Святая Христова Церковь, поскольку они выказывают желание покаяться и соединиться со святой Церковью в Сербии.

Отвечая таким образом многоуважаемому Преосвященству Вашему этим Патриаршим и Синодским письмом Нашим, объявляю Вам, что мы просьбу Вашу о канонически независимом учреждении Св.Сербской Церкви как уместную и праведную с братским усердием приняли и договорились о том в Синоде, чтобы церковное дело этого учреждения было по св. правилам и законам в церковном порядке определено. И когда благодатным действием Пресвятого Духа это дело до конца доведено было, единогласно и с радостью в душе провозгласили мы Православную Церковь в Сербии в сегодняшних увеличенных политических границах самостоятельной и автокефальной. И издавши о том священный Синодский Акт, шлем его Вам вместе с молитвенным и поучительным письмом Нашим к целому христианскому народу с тем, чтобы его открыто прочитали во всех св. православных церквях сербского Княжества и о том братски просим Ваше Преосвященство, чтобы совершилось все пристойно.

В этом священном Томосе сказали мы, достаточно и о другой просьбе Вашей, касательно схизматиков.

Итак, объявляя Вам с радостью духовной, что с Божьей помощью совершено учреждение св. местной церкви и чувствуя радость за вас, как мать за дочь и как братья за братьев, которые усердно работают и не стоят месте – молимся Богу от всего сердца и от всей души, чтобы святая сербская автокефальная церковь и в этом новом состоянии, окрепла с величием и светом во Христе Господе нашем под неусыпным духовным руководством Вашим, да будет оно длиться долго, здоровья и спасения Вам

Многоуважаемого Преосвященства Вашего
Возлюбленный во Христе брат
и всегда ваши

Архиепископ Константинопольский Иоаким
Эфесский (митрополит) Агафангел
Никомидийский (митрополит) Филотий
Халкидонский (митрополит) Калинник
Дерконский (митрополит) Иоаким
Новокесарийский (митрополит) Ерофей
Смирнинский (митрополит) Мелетий
Митимнянский (митрополит) Паисий
Имврийский (митрополит) Никифор
Фанариофарсальский (митрополит) Константин
Кооский (митрополит) Мелетий

38. Обращение Константинопольского Патриарха Иоакима III к сербскому народу по поводу признания автокефальности Сербской церкви от 20 октября 1879г.

Независност српске цркве проглашена 1879. Београд. 1880, стр.18-21

Иоаким

По милости Божьей

Архиепископ Цариграда, Нового Рима и Вселенский Патриарх

Православные Христиане, жители Богом спасаемого и Богом хранимого Княжества Сербии и вы, из числа священного клира и вы, из числа мирского, возлюбленные Наши во Господу чада!

Благодать да будет всем Вам и мир от Бога, а от нас – молитва, благословение и прощение!

После того, как по милости и благоволению Божьему претворилась в жизнь и была предана гласности политическая независимость ваша, которую Мы как нечто совершенно естественное с радостью и веселием узрели, должно последовать, что и церковная независимость ваша за тем настанет, как произошло и в других государствах и Церквях. С этим Благочестивый и Премилостивый Князь и Государь Милан Обренович IV и Преосвященный Архиепископ Белградский и Митрополит Сербии Господин Михаил обратились письменно к Нашей Великой Христовой Церкви. Наша Смиренность вместе со Святым Синодом Митрополита Нашего Апостольского и Вселенского Патриаршего Престола в Духе Святом рассудивши, нашла праведным и уместным, чтобы политически уже независимому и умноженному Богом хранимому Княжеству Сербскому предоставлена была и полная церковная независимость, так что с сегодняшнего дня святая православная церковь его так и будет называться и от всякого как автокефальная будет признана. То мы прочно утвердили, издавши о сем по правилам Святых и Блаженных отцов наших письменный священный и Синодский Томос, кой вам и посылаем.

Этим Священным и Синодским письменным Томосом как неким даром Наша Великая Христова Церковь с материнской любовью и нежностью одаривает свою во имя Бога уже самостоятельную дочь, Святую Сербскую Церковь, которая ей до этого подчинена была и молится из глубины души и сердца за нее Богу,- да пребудет она в благоденствии и красоте

своей по благочестию и добродетели. И как всякая нежная и чадолюбивая мать наставляем материнским советом свое смиренное, несравненное и дорогое дитя - сам небесный глава и основатель Церкви Господь наш Иисус Христос через святых своих Апостолов и учеников и их последователей, блаженных отцов наших, всем верным ради спасения в Евангелии и в посланиях апостольских является, что объяснил и истолковал он через Пречастные и святые соборы Святой, Саборной и Апостольской церкви.

Только смотрите, чада во Господе возлюбленные и дорогие, какой чести и славы великой вы удостоились, такой великой опасности вы подвергаетесь; о том блаженный Павел, пишет к Эфессянам «Итак я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира. Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания...»¹ Да! Да будет таковой денно и ночью борьба ваша - поступать достойно званию, в которое вы призваны, и сохранять со святой Матерью Церковью и остальными святыми православными Церквями «единство духа в союзе мира», наблюдая «производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились» и уклоняясь от них², а также сохранять заветы Православной веры, которые блаженные отцы наши, как драгоценное благо с бесчисленными жертвами и сражениями, от отца к сыну до Вас хранили неизменно и непоколебимо, так чтобы и Вы передали тем, кто придет после Вас; словно как если бы все едино говорили и не было бы между нами разделения (Схизмы), а пребывали бы мы все в согласии и в мысли и во взглядах.

И напоминая всем Вам об этом, отечески Вас напутствую и предостерегаю. А Старейшин тех, кто Божиим промыслом во главе поставлены, умоляю и наставляю, чтобы всегда радели и заботились о подчиненных и вершили над всяким правду, и ничто другое, кроме установленного законом; подчиненным и подданным – да уважают и почитают старейшин и власти и покоряются им; священникам – да смотрят за собой и за всем стадом, над которым их Дух святой поставил и да узрят службу, которую от Господа получили и достойно и сполна вершат и во всем во спасение верных трудятся; родителям – да воспитывают детей своих в науке и в заповедях Божиих; детям – да слушают своих родителей, как Господь заповедал; наставникам и учителям – да питают своих учеников здоровой беседой и благочестивой наукой, и напоследок всем и каждому – да трудится и да будет призвание его известно и истинно в делах добрых и угодных Богу, ради спасения своего и возвышения тела Христова.

А милостивый и щедрый Господь пусть наградит всех вместе своими бесчисленными и спасительными дарами и благодеяниями – независимо от рода, возраста и положения, и пусть вас наставит на всяко благое дело и пусть все и повсюда славят пресвятое имя Его.

Благодать Господа Нашего Иисуса Христа и любовь Бога Отца и единство Святого Духа с Нашей молитвой и благословением да будут со всеми вами! Аминь.

Месяца Октября, индикта 8 день

Эфесский (митрополит) Агафангел

Никомидийский (митрополит) Филотий

Халкидонский (митрополит) Калинник

Дерконский (митрополит) Иоаким

Новокесарийский (митрополит) Ерофей

Смирнинский (митрополит) Мелетий

Митимнянский (митрополит) Паисий

Имврийский (митрополит) Никифор

Фанариофарсальский (митрополит) Константин

Кооский (митрополит) Мелетий

---

¹ К Ефесянам 4:3

² К Римлянам 16:17

**39. Томос Константинопольского Патриарха Иоакима III и Св. Синода
Константинопольской Церкви о признании автокефальности Сербской церкви от 20
октября 1879г.**

Независимость српске цркве проглашена 1879. Београд. 1880, стр. 28-33.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Аминь.

«Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас»¹, - говорит блаженный Апостол Павел и тем с одной стороны единство сущего Бога громко провозглашает и исповедует, с другой же безначальную первопричину и неразрывную связь многочисленных и различных творений божьей силы и премудрости объявляет. Вечным законом, неизблемо и непреклонно, Отец всех и мудрый управитель всего одно с другим и с собой соединяет, и так в единое целое собирает и сохраняет. И если взгляд свой к небесам направим, то увидим там великое и бесчисленное множество небесных тел, где частица всякая вокруг своего центра оборачивается и установленную ей службу вершит, и силой, как говорят, междуусобного притяжения поддерживаемые и в одну прекрасную и чудесную систему мира и согласия составленные, покоряются они вечной воли Всеблаготворца. И точно также и на земле все людские сообщества, иначе говоря, все города и веси этим же законам единства и согласия предводительствуемые, тяготеют великое народное целое составить. И так, чтобы и природа вся одно единое согласованное и гордое целое составила, опять тот же вечный закон единства и согласия помогает, как некая притягивающая и соединяющая сила, и как вечный свет, который все украшает и от мрачного хаоса и разлада убергает, и вместе народы один с другим в согласие приводит. А если что несовершенное в политическом мировом сообществе обнаружится, то на счет сей в Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви совершенное правительство существует; ибо уже глава и основатель ее одним стадом называл всех людей во вселенной, все народы и племена, которые будут верить в него, и молился Небесному Отцу своему, чтобы все едино в любви междуусобной и единстве веры пребывали. А божественные его ученики и Апостолы уподобляют Церковь зданию божьему, Храму святому и телу Христову, и называют ее Содержимым того, который все наполняет: «потому что во Иисусе Христе», - пишет великий Апостол народа в послании Ефессянам, - «имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе»². И живя истинно в любви, возвысимся во всем как и Он, а то глава наш -

Христос, из которого целое тело составлено и все суставы сочленены ко взаимной помощи так, чтобы в любви самое себя исправлять и возрастать. И опять тот же апостол говорит: «...стараясь сохранять единство духа в союзе мира. Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас».³

И если одно стадо и одно тело Христово - суть церковь божия на земле, на духовном единстве основанная, тогда ничто не препятствует в сегодняшнее время и не препятствовало ранее установлению отдельных церквей по местам и пределам, независимых одна от другой, управляемых своими пастырями, учителями и служителями Евангелия Христова, т.е. Епископами или Архиепископами и Патриархами; установлению не только по причине исторической важности в Христианстве городов и пределов, но и политических условий, в которых живут люди и народы.

Т.к. «в царствующем граде Константинополе, новом Риме», - как святой четвертый вселенский Халкидонский Собор провозглашает, - «тоже самое и мы определяем и постановляем о преимуществах святейшей Церкви того же Константинополя, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: поелику то был царствующий град. Следуя тому же побуждению и сто пятьдесят боголюбезных епископов представили равные преимущества святейшему престолу новаго Рима, праведно рассудив, да град, получивший честь быть градом царя и синклита, и имеющий равные преимущества с ветхим царственным Римом, и в церковных делах возвеличен будет подобно тому, и будет второй по нем»⁴.

Поскольку благочестивое и Богом хранимое Княжество Сербия сегодня Высшим Промыслом усиленное и умноженное полную политическую независимость получило и Благочестивый, Богом поставленный и Премилостивый Князь его Государь Милан М.Обренович IV и Преосвященный Архиепископ Белградский и Митрополит Сербии Господин Михаил во имя честного клира и благочестивого народа с письмами к Нам обратились и сообразно с политической независимостью и Церковную независимость испросили – Смиренность наша вместе со святым нашим Синодом Преосвященных Митрополитов, нашими во Св.Духе любезными братьями и сослужителями, специально по тому делу собрались в зале заседаний Св.Великомученика Георгия и посоветовавшись в Духе Святом, нашли мы, что просьба их уместна и с духом Святых Правил и церковной периодической практикой согласна. И о том решили мы: православная Церковь Сербского Княжества, которая до сегодняшнего дня стояла в канонической зависимости от нашего Святого, Апостольского и Патриаршего Престола Цариградского вместе с новоприсоединенными к ней епархиями и срезам, иначе: Целокупная Православная Церковь, которая находится в границах политически и географически умноженного и целиком

освобожденного Княжества Сербии отселе будет канонически автокефальна, независима и самоуправляема, глава которой будет, как и во всех Православных Саборных и Апостольских Церквях, сам Богочеловек Господь и Спаситель Наш Иисус Христос, а в делах Церковных будет иметь Представителем своим Архиепископа Белградского и Митрополита Сербии. А он вместе с собором по Святым Правилам составленным из Архиереев этой церковной области да будет управлять Церковными делами Княжества свободно и независимо от всякого другого вмешательства и в Духе Святом, как божественные и священные Правила заповедуют. Итак, тем Синодским Томосом Святуя Церковь Княжества Сербии установленную признаем и объявляем духовной нашей сестрой и всем православным церквям вселенной советуем ее как таковую признать и именовать «Святая Автокефальная Церковь Сербского Княжества». Так же даем ей и все полномочия и все права старейшинства, какие независимому Церковному Начальству следуют, так, да будет теперь Архиепископ Белградский и Митрополит Сербский упоминаться при священной службе «Всяко Епископство православное», а тамошние Преосвященные Архиереи поминают его имя. А что касается внутреннего церковного управления, здесь будет судить, решать и определять независимо он со своим святым Синодом, следуя учению евангельскому и священным преданиям и установлениям Святой Православной Нашей Церкви. А чтобы в живом и цветущем и во всем неизменном состоянии взаимное духовное единство удерживалось как по отношению к Цариградской Великой Церкви, так и к остальным самостоятельным Христианским Церквям, должен Архиепископ Белградский и Митрополит Сербии по давнему традиционному каноническому установлению взаимного братского союза и связи отношений, которые бытуют в автокефальных Церквях, в священных Диптихах поминать святых Патриархов и брать миро от Матери Великой Христовой Церкви Цариградской. И когда будет провозглашаем он Председателем своего поместного Синода, пускай шлет прописанные установочные письма всем православным Патриархам и другим автокефальным Церквям, а так же пусть обращается к ним через письма Синодские по возможным вопросам общего церковного значения, которые потребуют общего обсуждения и одобрения. Как и всякий из перечисленных Патриархийских и автокефальных Церквей, пусть управляет Сербской Церковью по канону и обычаю, которые, как мы уже сказали, еще с первых времен господствует в Церкви Православной.

Но поскольку в политически новоприсоединенных Епархиях Сербского Княжества находятся и многие схизматики, как из числа церковного, так и мирского, вошедшие в так называемый Болгарский Экзархат и о которых сказано в упомянутом письме Сербского Митрополита, что они выказывают желание вернуться – то о приеме их в лоно Православной Саборной и Апостольской Церкви пусть будет решено и установлено так, как положено Святыми Правилами и Церковными установлениями.

Итак, настоящим саборно в Духе Святом принятом постановлением, Великая Цариградская Христова Церковь провозглашает Святую Церковь Сербскую автокефальной и самоуправляющейся и сердечно благословляет ее, прося со всей братской любовью, чтобы та всегда оставалась стойкой и непоколебимой в вере и духовном единстве с Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церковью ради возвеличивания тела Христова, которому всяка слава, честь и поклон вместе с Безначальным Его Отцом и Пресвятым и Благим и Животворным Его Духом, ныне и во веки. Аминь.

Года Спасителя 1879

Месяца октября, индикта 8 день.

Иоаким

По милости Божьей

Архиепископ Цариграда, Нового Рима и Вселенский Патриарх

Во имя Христа голсует

Эфесский (митрополит) Агафангел - «за»

Никомидийский (митрополит) Филотий - «за»

Халкидонский (митрополит) Калинник - «за»

Дерконский (митрополит) Иоаким - «за»

Новокесарийский (митрополит) Ерофей - «за»

Смирнинский (митрополит) Мелетий - «за»

Митимнянский (митрополит) Паисий - «за»

Имврийский (митрополит) Никифор - «за»

Фанариофарсальский (митрополит) Константин - «за»

Кооский (митрополит) Мелетий - «за»

---

¹ К Ефесеям 4:4,5,6

² К Ефесеям 2:20,21

³ К Ефесеям 4:6

⁴ 28 правило Халкидонского собора

40. Письмо Филиппа Христича, сербского посланника в Константинополе Йовану Ристичу, министру иностранных дел Сербии от 26 октября 1879г.

Независност српске цркве проглашена 1879. Београд. 1880, стр.34.35

Пера, 26 октября 1879 г

Господин Министр!

Мне очень приятно в сегодняшнем своем письме повторить Вам новость, которую в общих чертах Вы узнали из моей телеграммы – великая цариградская церковь признала нашу народную церковь независимой. Акт об этом признании, подписанный Его Святейшеством и всеми членами Синода имею честь послать Вам в приложении вместе с письмами патриарховыми - к Его Высочеству Князю, к Его Высокопреосвященству г.Михаилу и наконец с третьим письмом - акт, которым Его Святейшество шлет свое благословение всему народу нашему.

Радуюсь такому благоприятному разрешению наших церковных дел, я поздравляю правительство Его Высочества со столь замечательным успехом в вопросе, который с правом может считаться одним из главнейших среди всех тех, которые проистекли из самого факта нашей государственной независимости.

Не нужно, думаю, Господин Министр, напоминать и повторять здесь все фазы, которые прошел наш церковный вопрос с тех пор, как я имел честь, следуя Вашим указаниям, вступить в переговоры с Его Святейшейством Патриархом, а кое-где и с первыми и старейшими членами великого Синода, - все это вы знаете из моих многочисленных донесений, которые я имел честь посылать Вам на сей предмет. Притом, если позволите, надо отдать дань уважения и сердечно поблагодарить этого прекрасного и святого человека, восседающего сегодня на престоле вселенского патриарха за его лояльное и дружеское расположение и усердное участие в наших церковных делах.

Отрадно, что я снова могу Вас заверить в том, что св.Патриарх и его советники, члены великого Синода, были наполнены самыми прекрасными чувствами по отношению к правительству Его Высочества и всему народу нашему, отдавая должное нашему почтению и постоянной преданности великой церкви. Это доброе расположение Патриарха к нам, а нарочито престиж, которым правительство Его Высочества сейчас, ввиду последних политических событий, больше чем кто-либо другой пользуется, содействовали в великой мере

благоприятному решению этого вопроса. Все это привело к тому, что акт о признании нашей церковной независимости так отличается от всех других актов этой природы, ибо великая церковь оказалась более щедрой и снисходительной к нам, чем к какой-нибудь другой церкви в аналогичных условиях.

С глубоким уважением

Покорный слуга

Ф.Христич

**ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ПЕРЕГОВОРЫ СЕРБСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ПАТРИАРХИЕЙ О ВОЗВЕДЕНИИ СЕРБСКОЙ ЦЕРКВИ
В РАНГ ПАТРИАРХИИ. 1914Г.**

**41. Распоряжение премьер-министра и министра иностранных дел Н.Пашича
полномочному представителю сербского правительства в Цариграде Д.Стевановичу
от 28 февраля 1914г.**

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.9. Пов.№ 832.

Белград

28 февраля 1914

Драг. Стевановичу,

Цариград

От имени короля поприветствуйте Патриарха – дай ему Бог сил в новых балканских реалиях поднять авторитет Вселенской Патриархии. поприветствуйте его и от имени королевского правительства.

Поскольку договор о мире подписан, можем тотчас же приступить к урегулированию отношений между королевством Сербией и Патриархией.

Информирую вас для использования в работе, что мы договорились с Грецией о следующем: Сербия и Греция не вмешиваются во внутренние дела друг друга. Греческое правительство не требует греческих школ в Сербии, и точно также и Сербия не требует сербских школ на территории Греции. Таким образом мы избежим столкновений и пропагандистской агитации.

Поскольку греческие епископы на сербской территории не знают сербский язык и славянскую службу, то Сербия заменит их и до конца жизни будет выплачивать им пенсии. А именно - Битольскому Митрополиту 10 тыс., Дойранскому, Ресанскому и Велешко-Дебарскому по 6 тыс. И кроме того, королевское правительство просит Патриархию дать им другие епископии.

Поскольку Патриархия потеряла епископии на территориях, которые остаются под юрисдикцией Сербской церкви, чтобы доходы Патриархии не уменьшились, сербское правительство готово выплачивать субвенцию в размере 50 тыс. динар ежегодно. Сербский король и Сербская церковь вместе с правительством желают восстановить Сербскую Патриархию и на то просят церковь-мать дать свое благословение.

Ищите возможности восстановления отношений с Турцией. Джорджевич исполняет свои обязанности до назначения посла. Одобряю ваш приезд в Белград после того, как уладите упомянутые вопросы с Патриархией. Сначала послушайте Патриарха, а потом сообщите наши предложения и пожелания.

Пашич

42. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича в министерство иностранных дел от 14 марта 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.9. Пов.№ 1038.

Цариград
Посольство Сербии
В Турции

14 марта 1914

Посетил патриарха, который высказал мне свою радость по поводу того факта, что Сербия предприняла меры, направленные на урегулирование отношений с Патриархией.

Он благодарит короля и правительство за то, что они немедленно послали специального посланника, который может рассчитывать на сердечную поддержку Вселенского патриарха.

Св. Синод избрал из шести митрополитов комиссию, которая должна изучить данный вопрос. Уверен, что переговоры пойдут легко и быстро, и завершатся благоприятно для обеих сторон.

Патриарх шлет свое благословение королевскому дому и правительству.

Джорджевич.

43. Донесение полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 18 марта 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.9. Пов.№ 1049.

Цариград
Посольство Сербии
В Турции

18 марта 1914

Секретно

Господину Николе П. Пашичу, председателю министерского совета, министру иностранных дел. Белград.

По приезде в Цариград я постарался узнать настроение и точку зрения Св.Синода и Вселенского Патриарха.

Официально я не смог посетить патриарха из-за его слабости и потому что хотел, чтобы ему сначала представился наш поверенный в делах. Поскольку это сделано, я через Джорджевича попросил аудиенции, которая сразу же мне была назначена на понедельник, 17 марта, на три часа дня.

Между тем, я с помощью одного приятеля встретился с Дерконским Митрополитом, который был в Нише перед первой войной. Митрополит Калинник сказал, что наше дело в Синоде будет решено благоприятно, но нужно письмо Митрополита к Патриарху. Митрополит Дерконский будет на нашей стороне. Состояние Св.церкви после войны весьма жалко. <Нрзбрч>. Патриархия назначила из 6 митрополитов комиссию, которая должна изучить вопросы отношений греческой и сербской церквей с Патриархией. Вопрос греческой церкви много сложнее нашего.

Пользуясь знакомством г. Т.Поповича с председателем комиссии – Никомидийским Митрополитом Василием, я разузнал, что эта комиссия еще ничего не решила ни по одному, ни по другому вопросу.

Выяснил через знакомого и приятеля, что Синод не ожидает решения греческого вопроса, ибо наш, как более ясный и простой стоит на первом месте. И поскольку греческое правительство не предпринимает больших усилий для решения своего вопроса, то прибытие сербского представителя сразу после подписания договора с Турцией воспринято Патриархией очень благоприятно. Узнал через своих знакомых, что особенно Патриархия выделяет следующее обстоятельство: сербское правительство и Сербская церковь, предпринимая эти шаги, выказывают большую предупредительность, и в действительности вопрос отношения нашей церкви к патриархии решен канонами- остается только формальность, и что сербское правительство, предлагая патриархии компенсацию за потерянные епархии, делает это по доброй воле и из уважения к церкви-матери, а не потому что обязана это сделать.

Прием у патриарха совершился по посольскому протоколу. Патриарх принял меня в комнате, где, я бы сказал нарочито на видном месте, вывешена фотография его величества короля с дарственной надписью, вероятно подаренная бывшему патриарху Иоакиму III. Разговор с патриархом длился полтора часа. Я поприветствовал его словами, которые высылаю вам с приложением №1. При разговоре присутствовал г.Джорджевич, поверенный в делах, который представил меня патриарху, г.Чоканич, первый драгоман посольства, и г.Николопуло, первый юридический советник Св.Синода, который был за переводчика.

Все, кто говорили мне о Его Святейшестве Патриархе Германе, единодушно признавали, что он хам и греческий шовинист. Между тем, на приеме патриарх таковым не показался. Напротив, можно сказать, что он был любезен и предупредителен в разговоре и в поведении. На мою речь он ответил словами теплой благодарности в адрес его величества короля, правительства и г.Митрополита за их приветствия и пожелания. Сказал, что он ожидал дружеских шагов сербского правительства с целью урегулирования отношения обеих церквей и что он уверен, все свершится легко в самом приятельском духе.

Я спросил патриарха, как он себе мыслит это урегулирование. Тот ответил, что существует 4-5 канонов, которые это предусматривают и что их только нужно применить. Я воспользовался этим и поставил на первое место вопрос о выдаче томоса, как вещи, определяемой канонами, и потому легко регулируемой. А на второе место – «экономический» вопрос, касательно субвенции патриархии как компенсации за потерянные епархии, которую Сербия готова давать патриархии «в границах своих возможностей». Затем я спросил, надо ли, чтобы Митрополит Сербии направил Патриарху письмо?

Патриарх принял мои соображения и ответил, что письмо не столь нужно для переговоров, т.к. у меня есть полномочия, сколько для проформы, чтобы патриарх на это письмо смог ответить томосом. Письмо можно направить и позже, т.к. это формальность. Однако он должен знать точные границы, чтобы в томосе перечислить все села и города, которые присоединены нашей церкви. Поэтому просит дать ему точную карту новой Сербии. Он благодарен сербскому правительству, которое выдачей этой субвенции желает помочь св.церкви, так сильно пострадавшей в последних войнах. Понравилось ему и то, что я назвал вопрос о субвенции «экономическим вопросом».

Я объяснил патриарху, что подробной карты еще нет, но мы установили границы с Грецией в договоре о союзе и позже в протоколах Смешанной комиссии. В этих условиях они бы могли заменить карту. <...> Поэтому я предложил добавить протоколы о разграничении, с тем чтобы в томосе было сказано, что все, находящееся севернее той границы принадлежит отселе Сербской церкви.

Патриарх принял и это предложение. Я жду, чтобы ваше министерство доставило мне как можно быстрее эти протоколы о сербско-греческой границе, которые я запрашивал телеграммой №4.

Патриарх, очевидно притворяясь, что он не знаком с вопросом, попросил, чтобы я объяснил, какие епархии принадлежат сейчас Сербии. Точно также я должен был ему разъяснить и прежнее разделение епархий Сербии. Растилкавая это патриарху, я напомнил, что Рашко-Призренская епархия сейчас находится без епископа, а раньше Митрополитом там был серб, как сейчас и в Скопской епархии и Велешко-дебарской, где хороепископ Варнава тоже серб. И еще остались Битольская и Охридская, где митрополиты - греки. Поскольку они не знают сербского языка, чтобы как старейшинам церкви общаться с паствой, а также, поскольку экзархисты, которые хотели бы возвратиться в нашу церковь, но не сделают этого из-за давнишней борьбы (из-за нежелания являться к митрополитам-грекам), и наконец, потому что митрополитов и владык выбирает наш архиерейский собор, мы предоставляем этих митрополитов в распоряжение патриархии, а сербское государство будет выплачивать им приличную пенсию. Касательно остальных митрополитов, мы просим патриарха благословить их переход в нашу церковь.

Патриарх это принял к сведению, но попросил, чтобы я повторил причины, по которым мы не хотим принять греков-митрополитов. Он сказал, что сейчас полно митрополитов без епархий, которым трудно найти место, так что он не знает, что делать с теми митрополитами, которых мы им возвращаем. В шутку он вспомнил цитату из записок патриарха Константина о том, как горько быть лишенным положения, на что г.Джорджевич отметил, что судьба тех достойных первосвященников будет облегчена выдачей пенсии.

Патриарх в конце сказал, что все пожелания нашего правительства он передаст Св.Синоду и лично мне представит ответ.

Весь разговор прошел в сердечном и любезном тоне.

<...>

Прошу вас, господин председатель, как можно скорее доставить мне требуемые протоколы и письмо митрополита. Имею честь заверить Вас в своем глубоком уважении.

Драг.Л.Стеванович

44. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 18 марта 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 3484, 3485.

Цариград
Посольство Сербии
В Турции

18 марта 1914

В понедельник с положенными почестями меня принял патриарх. Благодарил короля, правительство и митрополита за приветствия и пожелания. Сообщил, что церковные отношения будут урегулированы по канонам и он уверен - это свершиться в дружеском духе, как и до сих пор было. Он сообщит Св.Синоду о моем прибытии и задании и надеется на легкое завершение. Чтобы мне могли выдать «томос» на занятые епархии нашей церкви, надо иметь точную карту и письмо митрополита. Я предложил добавить протокол разграничения с Грецией и не перечислять в томосе территории, определить только, что от границ на севере все принадлежит Сербской автокефальной церкви. Патриарх принял это предложение. И хотя мы будем вести переговоры и без митрополитового письма, его все же нужно иметь. Поэтому прошу сразу выслать мне его, как и упомянутый протокол о разграничении. Обращаю внимание на то, что в письме надо просить одобрения перехода в нашу церковь митрополитов-сербов, т.е. Викентия и Варнаву, а других предоставить в распоряжение Патриархии, напоминая, что по правилам нашей церкви они должны быть сербами, знать сербский и быть избранными нашим архиерейским собором, т.к. уверен сам, что из-за этих митрополитов дело затянется, а причины я привел для оправдания наших требований.

PS (*другим почерком-Ю.К.*) в приватной депеше г.Стеванович просит, чтобы письмо Митрополита было просмотрено.

(Продолжение) Митрополиты, которых мы оставляем патриархии – митрополит Битольский и Охридский, т.к. Велешко-дебарский митрополит больше не в той епархии. Прошу

ответьте мне телеграммой, если есть еще какие-то. Патриарх посетит меня в ответ и лично передаст ответ Синода. Я предложил, чтобы и Синод отредил уполномоченное лицо для ведения переговоров. Так сначала будет решен вопрос церковно-канонический, а потом вопрос субвенции. Пожалуйста, обратите внимание на титул письма, т.к. то, которое мне показали, не хорошо, и пошлите мне сразу его, как и протокол, т.к. боюсь, чтобы затягивание не дало повода для интриг местным грекам. Эксперт мне не нужен. Пожалуйста, не посылайте никого, пока я не попрошу.

Стеванович

***

Резолюция Н.Пашича

1. Подготовьте письмо в том смысле, в коем требуется.
2. Пошлите карту с греко-сербскими границами и напомните г.Стевановичу обратить внимание на текст «томоса», который должен охватывать целую епархию Битольскую, Преспанскую и Дебарскую, с тем, чтобы села, оставшиеся в Албании были бы под управлением наших епархий. О том не надо нарочито говорить патриарху, т.к. может быть, что они предпочитают, чтобы эти села подпадали под греческие епархии, находящиеся в Албании.
3. Поименно перечислите всех епископов в новоприсоединенных краях с тем, чтобы епископ Скопский г.Викентий и Велешко-дебарский г.Варнава остались в Сербии.
4. Ответьте <нрзбрч> на все вопросы.

Пашич

24.03.1914

45. Письмо министра просвещения и церковных дел Л.Йовановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 29 марта 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.9. Пов.№ 1297

Белград

29 марта 1914

Господину Николе Пашичу, председателю министерского совета, министру иностранных дел.
Белград

Его Высокопреосвященство, господин Митрополит Димитрий, передавши мне письмо для Цариградского патриарха касательно переговоров о присоединении епархий новых областей к церкви королевства Сербии, которое я имел честь вам послать 24 марта с исх.№766 написал следующее:

«Дабы дела об урегулировании этого вопроса шли быстрее в соответствии с нашей предыдущей договоренностью надо, чтобы письмо наше в Цариград доставил г. др.Чеда Митрович, единственный наш специалист в области канонического права. Он мог быть весьма полезен нашему посланнику своими советами, если бы со стороны патриарха возникли какие-либо деликатные вопросы касательно канона».

Разделяя мнение Его высокопреосвященства по этому поводу, имею честь ознакомить Вас с ним и попросить Вас, извольте сообщить, что вы решили на сей счет.

Извольте, примите, господин министр, уверение моего глубокого почтения.

Министр просвещения и церковных дел

Л.Йованович

***

Резолюция от 8 апреля 1914г.

Министр прочитал. Поскольку письмо уже послано и передано, а представитель г.Стеванович написал в одном донесении, что ему помощник не нужен, то нет необходимости.

46. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 28 апреля 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.9. Пов.№ 1537

Цариград

28 апреля 1914

Патриарх представил мне комиссию, специально созванную, для непосредственного достижения договоренности. Письмом напишу подробнее. Сейчас прошу Вас, сообщите мне телеграммой, чтобы я мог в среду сообщить комиссии - согласны ли мы вместо ежегодной помощи единовременно выплатить 80-90 тыс. Думаю, мы в состоянии предложить им и сто тысяч. Это надо бы сразу решить. Второе – они просят нас и дальше брать у них святое миро, дабы сохранялась духовная связь между церквями. Думаю, что надо согласиться. Это зависит от митрополита. И греческая церковь берет у них.

Прошу Вас, сообщите мне телеграммой, т.к. если это принимается, то договор готов.

Стеванович

***

Резолюция Н.Пашича

Что касается помощи, то единовременно речь может идти о сумме до 100 000. Мы не можем согласиться, что наша церковь и далее будет брать Св.миро у патриархии, т.к. наша самостоятельная церковь возводится в ранг Патриархата. Ожидаем на это благословение Патриархата Цариградского.

29.04.1914

Пашич

47. Донесение полномочного представителя сербского правительства в Цариграде Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 28 апреля 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.9. Пов.№ 1637.

Цариград
Посольство Сербии
В Турции

28 апреля 1914

Секретно

Господину Ник. П. Пашичу, председателю министерского совета, министру иностранных дел. Белград.

Господин председатель,

Ранее я имел честь сообщить вам телеграммой, что через свое доверенное лицо узнал - комиссия из Синодских и двух членов Смешанного совета заседала два раза и изучила наше дело. Один из членов комиссии передал моему доверенному лицу, что патриарх хочет, чтобы я связался с этой комиссией и мы бы разрешили все вопросы, а потом комиссия представила бы дело в Синод, который и вынес бы свое решение.

Из этого я вижу, что тем самым он желает непосредственно утвердить нашу субвенцию патриархии.

Я приватно дал знать председателю комиссии (Никейскому митрополиту) и одному члену комиссии, что не в состоянии больше ждать и могу остаться только еще на неделю. И если через неделю дело не решиться, то я вернусь в Белград и от этого потеряет только патриархия.

<...>

Патриарх принял меня в 3 часа с обычными церемониями. Я просил его, чтобы дело не затягивалось, т.к. нахожусь в деликатном положении по отношению к правительству, которому раньше мог объяснить, что дело не могло быть решено из-за инцидента с министром правды,

из-за выборов Синода, праздников, но сейчас после 12 дней в Цариграде я не имею ничего, чтобы мог представить своему правительству. Правительство имеет свою точку зрения (которую знает его святейшество): что дело это простое и его можно решить за день-два, и поэтому не хочет понять мои объяснения. В остальном Его Святейшество мне сказал перед праздниками, что томос уже в работе и нет причин для долгого ожидания.

<...>

Все же он созвал сегодня днем для меня комиссию, чтобы мы непосредственно решили все вопросы, вынесли бы их на Синод и закончили дело. Просил меня зайти к нему после заседания комиссии.

Я с благодарностью принял это предложение и заметил, что и для Патриархии лучше снять этот вопрос с повестки дня, чтобы иметь свободные руки для решения других вопросов.

***

Комиссии меня представил г. Николопуло, юридический советник Синода, который был мне за переводчика.

I.

Председатель сообщил тотчас, что комиссия изучила письмо митрополита и мое, в котором я изложил точку зрения своего правительства. Комиссия находит, что канонами не предусмотрена возможность отзыва двух митрополитов и хороепископа и полагает, что те могут остаться на своих местах. Тому обстоятельству, что они не знают сербского языка и не могут общаться с паствой и заседать в архиерейском соборе, можно помочь, если при них поставить владык-сербов. А митрополиты закончили школы и знают славянскую службу.

Я ответил, что поставление владык к митрополитам <нрзбрч> усложнит все дело и привнесет политику в церковный мир. Мы требуем отзыва митрополитов не потому, что они не знают сербский язык. Это - вопрос не языка и не национальности, это - вопрос наших церковных законов, по которым оные митрополиты не могут исполнять свои обязанности, и потому мы надеемся, что патриархия найдет способ их принять. А другое священство мы принимаем и даем им права, как и нашему. Председатель тотчас извинился передо мной, и сказал, что комиссия увидела основательность мнения сербского правительства, но они, как церковная комиссия, смотрят на вещи с канонической точки зрения. В остальном Синод решит этот вопрос в духе наших тербований.

Я попросил комиссию найти способ примирить точку зрения сербского правительства с канонами св.церкви и принять нашу точку зрения, т.к. сербское правительство могло бы тех митрополитов сразу же отправить на пенсию (а как вы знаете, это невозможно), но наполненное

дружеским духом по отношению к матери-церкви сербское правительство не хочет вызывать негативное впечатление выдворением митрополитов. Оно нашло примирительный способ предоставить их в распоряжение патриархии и дать им пенсию до конца жизни.

Это было принято с одобрением всех членов комиссии. Председатель мне сказал, что они уверены в дружеском расположении сербского правительства и считают, что Синод примет его точку зрения и выполнит его желание.

II.

После того г. председатель перешел к вопросу о субвенции. Он и еще один член Смешанного совета (который ответственен за те вопросы) сразу дали мне знать, что патриархия вместо ежегодной помощи хочет единовременную за все, и чтобы вся сумма находилась в каком-нибудь банке на депоненте. Таким образом, патриархия могла иметь интерес под тот депозит заключить займ, когда бы ей то потребовалось. Все состязались в том, чтобы убедить меня в выгоде и целесообразности этого предложения.

Я сказал им, что сербское правительство знает тяжелое положение св.церкви и хочет помочь патриархии, но надо считаться и со средствами, которыми оно располагает. Сербия расширила свои границы, но вышла из двух войн и еще несколько лет будет тратить на полученные провинции, пока те не будут приносить доход. Мы из-за этого должны были взять займ, и он вероятно не последний. Из-за того сербское правительство не может дать св.церкви ту помощь, которую бы хотела сделать. Поэтому, мне надо сообщить, о какой единовременной сумме идет речь. В принципе, я принимаю предложение. Председатель тогда сказал, что сумма составляет от 80 000 до 90 000 франков.

Я ответил, что сегодня спрошу свое правительство, принимает ли оно это предложение и располагаем ли мы такими деньгами.

Все были довольны, - как будто у них камень упал с сердца. Мне и сейчас не верится, что они могли просить столь малую сумму. Между тем, я очень хорошо сам слышал, что была озвучена именно эта сумма. Не смел спрашивать попов, чтобы они не заметили, что эту сумму я нахожу маленькой. Потому сам сказал, что должен спросить правительство. А то мы могли бы им дать и 100 000 франков единовременно вместо ежегодной помощи в 25-40 тыс. динар. Поэтому в телеграмме предложил, чтобы им одобрили сумму в 100 000 франков.

III.

Председатель мне потом от имени комиссии выразил просьбу и надежду, что сербское правительство будет уважать и сохранять греческие общины в Скопле и других местах, как и

греческие школы и церкви. Этому требованию председатель аккуратно придал форму просьбы и упования.

Я ответил, что счастлив заверить их в том, что данный вопрос уже решен сербским и греческим правительствами как странами, которых связывает союз, существовавший не только вчера и сегодня, но который будет существовать и в будущем - союз, освященный кровью.

Это заявление было принято с огромным воодушевлением и выражением удовлетворения и одобрения.

IV.

Потом председатель, опять поддерживаемый другими членами, просил, чтобы Сербская церковь и далее продолжала бы брать св.миро от патриархии. Извинялись, что этот вопрос - не предмет спора и что они не желают тем самым закрепить подчиненное положение нашей автокефальной церкви по отношению к патриархии, но хотят единственного - поддержать духовную связь между двумя церквями. И греческая церковь со времен независимости Греции получает миро от патриархии.

Я сказал, что об этом спрошу правительство и нашего митрополита, т.к. не знаю, из каких побуждений он просил, чтобы наша церковь сама готовила св.миро, и я надеюсь, что эту просьбу исполнят.

***

После этого моего заявления, председатель сообщил мне от имени комиссии, Св.Синода, патриарха, и от Смешанного совета встал один из членов – можно констатировать с удовлетворением, что соглашение полное. Комиссия находится в моем распоряжении с тем, чтобы я сообщил ей ответ сербского правительства на мою телеграмму, а потом и Синод выдаст свое решение. Можно опять встретиться в среду. Поблагодарили меня и сербское правительство за предупредительность и за то, что я преуспел в решении не только политических, но и церковных вопросов.

Я ответил председателю, что тронут их поздравлениями и расположением, но в этом деле соглашение достигнуто не моими стараниями, а внимательностью и благоволением патриарха, Св.Синода, комиссии и Смешанного совета, и я прошу принять мою самую теплую благодарность. Я испросил дозволения сделать еще одно сообщение и решить еще один вопрос.

Видя тяжелое положение св.церкви в сегодняшних условиях, я ходатайствовал перед своим правительством ту субвенцию, которую из-за войны оно не могло послать, выплатить и

сообщить им, что деньги посланы. Думаю, что комиссии будет приятно это сообщение, т.к. быстро склонит попов в нашу сторону.

Разумеется, что все члены выразили свое удовлетворение и благодарность. Эпоский митрополит особенно благодарил меня, т.к. в его ведении находится богословия на Халке.

Это относительно сообщения, а вопрос следующий: находит ли комиссия, что пенсия митрополитам достаточна в размере 4 200 дин. ежегодно? Этот вопрос я поставил больше ради того, чтобы увидеть, действительно ли они готовы принять митрополитов.

Председатель мне сказал, что пенсия достаточна, только попросил, чтобы ее давали через патриархию. Я ответил, что мы пенсию платим, чтобы патриархия не платила, а так, разумеется, что мы будем слать патриархии.

Поскольку председатель и второй раз заявил, что соглашение полное и после опять поблагодарил, то после обмена взаимными комплиментами и любезностями, я простился с комиссией и пошел к патриарху поблагодарить его за помощь в том, что наше дело идет к концу и попросил его помочь мне, дабы Синод принял решение как можно скорее. Г. Николопуло кратко рассказал патриарху о том, что было на заседании и тот, очевидно, был доволен и обещал мне сделать все, дабы дело разрешилось быстрее.

Извольте, примите, господин министр, уверение моего глубокого почтения.

Драг.Л.Стеванович

**48. Донесение полномочного представителя сербского правительства в Цариграде
Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 1 мая
1914г.**

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.9. Пов.№ 1616.

Цариград
Посольство Сербии
В Турции

1 мая 1914

Секретно

Господину Ник. П. Пашичу, председателю министерского совета, министру иностранных дел.
Белград.

Господин председатель,

Поскольку вчера было заседание Синода, на котором рассматривалось наше дело, я хотел увидеть, какие решения были приняты и потому под совсем другим предлогом посетил г.Николопуло. Он мне сразу сказал, что и председатель комиссии хотел меня видеть, и что комиссия просит снова встретиться на заседании.

На том заседании и председатель, и члены комиссии начали упрашивать меня, чтобы правительство приняло их предложение о единовременной выплате. Сумму в 800-900 000 франков легко бы было найти, а они бы подождали год.

Я категорически отверг это предложение как невозможное. Сумма настолько велика, что ни одно правительство ее бы не приняло и не нашло бы. Не могу просить о том правительство, т.к. из моих инструкций знаю, что это невозможно и что о том и говорить не стоит.

Когда они увидели, что из этого ничего не выйдет, председатель попросил меня повторить то, о чем мы договорились и о чем я писал в предыдущем письме. Тогда все набросились на то, что сумму в 30 тыс. франков надо увеличить.

Я защищался и сказал им, что это последняя сумма и больше не могу обещать. Предложил им, что можно сделать так: мы даем субвенцию в размере 30 000 фр. ежегодно и 15 000 на пенсии митрополитам, что составляет 45 000 фр. Предложил, чтобы ту сумму мы платили и после смерти митрополита, а они выдавали пенсии в течении жизни, и после смерти их имели доход в 15 000. Тогда они стали наседать, что им необходима сумма в 50 тыс. После долгих споров я должен был согласился на эту сумму, но с условием, что они принимают другие мои требования. <нрзбрч>

1. Митрополиты сразу же уезжают за свой счет
2. Мы выплачиваем им субвенцию в размере 50 000 ежегодно
3. Мне дают томос как можно раньше
4. Св.миро мы делаем сами
5. Все это утверждаем протоколом

В субботу они вынесут это на Синод и в тот же день до обеда мне сообщат определенный ответ. А в течение текущей недели, надеюсь, что до субботы, будет готов и томос, протокол же может быть завершен в понедельник. На этом мы и расстались.

Когда будет готов определенный ответ, я скажу, что подпишу протокол, когда мне дадут томос, а то боюсь, если сначала подпишу протокол, они будут тянуть с томосом.

Извольте, примите, господин министр, уверение моего глубокого почтения.

Драг.Л.Стеванович

***

Резолюция от 4 мая 1914г.

Г. министр прочитал. Сообщите министру просвещения.

**49. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде
Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 1 мая
1914г.**

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.9. Пов.№ 1609

Цариград
№32

1 мая 1914

Сегодня был на совещании комиссии, которая после заседания Св.Синода опять возвратилась к предложению о выплате 900 тыс. единовременно. Категорически отклонил, и после долгих препирательств приняли следующее.

Томос передадут мне самое позднее до следующей субботы. Митрополитов принимают тотчас и патриархия дает им пенсию. Субвенция Вселенской патриархии - 50 тыс. ежегодно. Требовал, чтобы миром мы готовили сами. В субботу после обеда дадут определенный ответ и тогда все это оформим протоколом, который намереваюсь подписать, когда получу томос. Когда все это будет готово, сообщу им, что мы собираемся восстановить нашу патриархию. Саблаговолите ответить, одобряете ли мой поступок.

Стеванович

***

Резолюция Н.Пашича №84

Действия одобряю. Выплату разом в сегодняшнем тяжелом финансовом положении не можем принять, но позже, когда финансовые дела поправятся, можем дать и 800 тыс. динар. Св. миром надо оставить нашей церкви. Пенсию выдворенным из присоединенных пределов епископам будем слать через патриархию. Убыстрите дела.

2.5.1914

Пашич

**50. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде
Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 3 мая
1914г.**

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.9. Пов.№ 1614

Цариград
№34

3 мая 1914

Советник Синода пришел от патриарха известить меня, что Синод и совет приняли все, что было утверждено на комиссии.

В понедельник встретимся утвердить текст договора, который будет подписан, когда мне передадут томос. Председатель комиссии - митрополит Никомидийский обещал мне томос в четверг. Поскольку он вообще был весьма предупредителен и помогал достичь соглашения и старался, чтобы я получил томос как можно раньше, то за это ему положено вознаграждение.

Прошу, пошлите сразу телеграммой 2000 динар поднести ему. Если не сделать этого подношения, дело задержится еще на месяц и дольше. И за менее важные вещи мы сразу давали по тысяче.

Стеванович

***

Резолюция Н.Пашича №90

Получил вашу телеграмму №34. Завтра примите телеграфом две тысячи динар. Надо требовать благословения на то, чтобы Сербская церковь была возведена в ранг патриархии. Пока не получите благословения, не подписывайте договор.

4.5.1914

П<ашич>

**51. Распоряжение премьер-министра и министра иностранных дел Н.Пашича
полномочному представителю сербского правительства в Цариграде Д.Стевановичу
от 5 мая 1914г.**

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 3528.

№94

5 мая 1914

Министерский совет решил, что вы можете подписать договор при следующих условиях:

1. Сумма в 50 000 динар охватывает пенсию и митрополитам, и епископу. Единовременную сумму в 800 тыс. динар дадим, когда настанут более благоприятные времена.
2. Наша церковь сама готовит мир.
3. Будет дано благословение, что наша церковь возводится в ранг патриархии.
4. Наша формулировка о греческих школах и общинах.

Обращаю ваше внимание на то, что субвенцию мы даем и договор подписываем только с одобрением Сербской патриархии, т.к. все остальные вопросы мы можем решить самостоятельно без патриархии. Значит, этот вопрос считаем самым важным.

П<ашич>

**52. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде
Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 5 мая
1914г.**

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1733

Цариград

5 мая 1914

На сегодняшнем заседании Синода утвержден текст договора, который я предложил, кроме одной точки, на которой комиссия долго настаивала, - что правительство обязывается уважать автономию греческих общин и школ, что я никак не хотел принять и заявил, что не подпишу договор, если не примут мою формулировку, в которой патриарх рекомендовал бы правительству уважать те церковно-школьные общины, а оно бы то приняла к сведению.

После мучительной дискуссии договорились, что Синод решит это завтра.

Согласно вашей последней телеграмме сообщил о намерении восстановить патриархию и потребовал, чтобы в томос было внесено благословение.

Комиссия заявила, что она не уполномочена, и что два этих вопроса не могут быть связаны.

Я сказал, что извещу патриарха письменно, пусть Св.Синод и это решит, и что этот вопрос должен войти как составная часть договора в томос.

Это мое сообщение вызвало <нрзбрч.> и боюсь, что это все усложнит и может быть скомпрометирует дело.

Во всяком случае, мы столкнемся с большими трудностями и дело будет еще долго длиться, но ваше приказание я выполнил и завтра телеграммой сообщу вам ответ Св.Синода.

Стеванович

**53. Донесение полномочного представителя сербского правительства в Цариграде
Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 6 мая
1914г.**

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1698.

Цариград
Посольство Сербии
В Турции

6 мая 1914

Секретно

Господину Ник. П. Пашичу, председателю министерского совета, министру иностранных дел.
Белград.

Господин председатель,

Т.к. на заседании комиссии 1 мая мы утвердили, что парафируем достигнутое соглашение, которое вы одобрили телеграммой №84, я подготовил текст договора, который вам высылаю (прилож. № 1) и который дал г. Николопулосу вручить для изучения комиссии и Синоду.

В своем тексте я первым пунктом обеспечил, чтобы мне выдали «томос» о переходе новых епархий Сербской церкви. Т.к. я видел их тенденцию к тому, чтобы сначала подписать договор, а потом выдать мне «томос», какой они захотят и когда захотят, я внес пункт, что подпишу договор после выдачи томоса.

Во второй статье говорится о немедленном предоставлении в распоряжение тех двух митрополитов и хороепископа Дойранского и о праве сербского правительства тотчас распоряжаться их престолами.

Ст. 3 говорит о субвенции.

Статьей 4 признается право Сербской церкви самой готовить мир

Для статьи 5 необходимо объяснение. Я ранее Вас известил, что на первом заседании комиссии был поставлен вопрос о греческих общинах и школах, и члены комиссии удовлетворились моим ответом, что этот вопрос был разрешен сербским и греческим правительствами. Позже они возвратились к тому вопросу, и я думаю, что это было сделано по предложению г.Панаса, который утверждает, что никакого соглашения не достигнуто. Таким образом, Патриархия бы получила то, чего не достигло греческое правительство. Они это представляют так, что Патриархия обязана показать свою духовную заинтересованность в тех общинах. Патриархия уверена в том, что сербское правительство будет уважать права этих общин и просит подтверждения этого ее интереса и чтобы сербское правительство имела его в виду. Я полагаю, что такое заявление можно принять и сделать услугу патриархии. Чтобы не принимать на себя никаких обязательств в этом плане, я взял формулировку, которую принял как ст.5, где констатируется эта заинтересованность и внимание патриархии к тем общинам, а сербское правительство это только принимает к сведению и не принимает на себя никаких обязательств. Патриархии это надо из-за греческой автономии, и я думаю, можно сделать для них эту незначительную уступку.

В понедельник, 5 мая утром было заседание Синода, на котором рассматривали проект настоящего договора, а после обеда - заседание комиссии. Между тем, 4 мая я получил вашу телеграмму о том, что надо требовать благословения на установление Сербской патриархии и не подписывать договор до получения благословения. При отбытии из Белграда Вы, г.Председатель, одобрили план действий - я получаю томос на епархии, мы возвращаем им митрополитов и хороепископа, позднее Вы мне велели истребовать право самим готовить мир, и когда все будет готово объявить им установление нашей патриархии. Это Вы мне одобрили телграммой №84 от 2 мая. Сейчас же все, что ранее утверждалось главным (и что я уже смог сделать) считается излишним, а главным стало получение благословения Сербской патриархии. Это ваше последнее распоряжение, которое мне было дано в последние часы, целиком изменило прежние инструкции и расстроило все дела. Благословение на патриархию я не могу никак получить до «томоса», а поскольку Вы мне приказали не подписывать договор, пока я не получу благословение, то я должен был внести это требование в договор, который будет воспроизведен томосом. За тем я пошел на заседание 5 мая с намерением, чтобы представить комиссии новое требование.

Первое, с чего началась дискуссия вокруг моего проекта договора, это наименование. Хотели назвать Convention или Declaration, но осталось название Accord¹.

---

¹ Соглашение (фр.)

По первому пункту настаивали, что томос будет выдан после подписания договора. Я это отверг. Если томос будет готов в четверг, - не предмет дискуссии и время подписания договора. Договором от имени сербского правительства я беру обязательство, которое надо тотчас исполнить, а они исполнят свое. Моя аргументация победила и <нрзбр> осталась прежней.

Ст. 2 принята целиком.

Касательно ст.3 просили, чтобы после суммы 50 000 дин. поставили слово *éternellement*². Я сказал, что нахожу это претенциозным и излишним, но если они так этого хотят, то можно упомянуть. <...>

Еще с самого начала я увидел, что патриархия хочет получить те 15 000, которые определены как пенсии митрополитам, с тем, чтобы платить им значительно меньшую пенсию или найти для них другие епархии. Поэтому комиссии не подходит, говорить в договоре об этой пенсии. Я согласился, т.к. для нас нет причины и пользы настаивать.

Ст. 4 принята в неизменном виде.

Вся тяжесть дискуссии была вокруг 5 ст. Синод хочет, чтобы вместо моей формулировки была внесена эта: «Вселенская патриархия рекомендует, а сербское правительство обязуется уважать полученные права греческих православных общин, которые относятся к употреблению греческого языка в церкви и школе, так и к церковному имуществу, школам и другим институтам, чью церковно-школьную автономию оно обязуется уважать.»

Я категорично заявил, что такую формулировку никак не могу принять. <...>

Имел мучительную дискуссию со всеми 8 членами комиссии, которые вали, не стесняясь, что я должен был решительно пресечь.. Приводили мне примеры с Добруджей и Россией. Ответил, что это не такой случай и нет прецедента, чтобы одно государства письменно бы обязалась на это. Митрополит Митиленский говорит мне, что есть прецедент в деле Скопской епархии, когда Сербия и Патриархия подписали договор о митрополите–сербе и тем самым взяли на себя обязательства уважать греческие общины той епархии. Я этот пример отверг, т.к. он касался Турции и одной епархии, которая принадлежала патриархии, наш же случай другой и я считаю, что для моего государства было бы вредно принимать такое письменное обязательство. Член Смешанного совета адвокат Ферманопуло, самый упрямый и речистый, взявши в третий раз слово, сказал мне, что ранее этими общинами управляли митрополиты, поставленные султанским ферманом, и община пользовалась привилегиями. Патриархия должна настоять, чтобы в Сербии им те привилегии были сохранены, и что я сам на это раньше согласился.

---

² Вечно (фр.)

Я сказал, г-ну Ферманопуло, что тот забывает - ферманы и привилегии были в нехристианских землях Османской империи, когда нужны были гарантии для христианских общин, а сейчас все общины входят в состав одной христианской земли, которая если и не *éternellement*, то на долгое время будет союзницей Греции, и потому все те гарантии становятся излишними. Отметил, что данные вопросы урегулировать могут только сербское и греческое правительства. А ссылка на то, что я ранее это принял - неточна и я отклоняю ее. Такого я никогда не мог допустить. Все, что было мной принято, содержится лишь в моей формулировке. Поскольку я смог ответить в этом смысле каждому, закончил я, то моя формулировка – это максимальная уступка, какую можно сделать. Вопрос же урегулирования находится исключительно в компетенции сербского и греческого правительств, и что в моей формулировке я не изменю ни слова и без нее не подпишу договор.

Председатель объявил мне, что этот пункт надо вынести на Синод. Я попросил, сделать это с моими вышесказанными замечаниями и что неужели целый договор может пропасть если моя формулировка не останется?

<...> (Стеванович читает комиссии новую часть договора на французском языке относительно восстановления Сербской патриархии -Ю.К.)

Вся комиссия была поражена. Воцарилось тяжелое молчание, которое прервал председатель, сказав, что комиссия не уполномочена решать этот новый вопрос и это должен решать Синод. Я сказал, что сообщил все это комиссии, потому что завтра она вынесет наш договор на заседание Синода по поводу 5 статьи и тогда же надо будет сообщить и об этом дополнении, являющемся составной частью целого договора и без которого договора не может быть. Митиленский митрополит заметил, что это очень большой и важный вопрос и Синод его должен хорошо изучить и вынести свое решение.

Председатель просил меня, чтобы я о том письменно сообщил Патриарху. Заседание длилось более двух с половиной часов и главная дискуссия шла об общинах.

****

Утром рано я послал письмо Патриарху и изложил ему нашу просьбу о Патриархии, с тем, чтобы ее можно было рассмотреть на сегодняшнем заседании Св.Синода. После обеда я посетил патриарха и он мне по случаю также заметил, что вопрос большой и его надо изучить, для чего требуется время. Я ответил, что дело это ранее известное и что тут не нужны глубокие исследования. Мы объявляем Патриархии Вселенской установление Сербской патриархии и она имеет право либо дать свое благословение либо нет. А поскольку сейчас рассматривался вопрос отношений между двумя церквями, то и этот вопрос входит как составная часть остальных вопросов, образуя неразрывное целое, которое Синод примет или нет. Я добавил, что

мое правительство не принимает никакое упоминание об общинах и согласно тому, вся статья 5 полностью выпадает из договора. Патриарх опять остался при своем, что вопрос, мол, надо изучить и это будет длиться долго, т.к. они весьма заняты проблемой выдворения греков из Фракии. Я попросил его, чтобы он доверил изучение этого вопроса комиссии, которая и так занимается нашими делами и уполномочить ее продолжить переговоры насчет этого вопроса и что я направлю ему готовый текст договора целиком. Обещал мне, что все это сделает.

Мне показалось, что им неприятно наше требование и тот способ, которым это сделано. Если бы мы по завершению дела сделали бы только это заявление, было бы много лучше, т.к. в данном случае они должны были только принять это к сведению или рассориться с нами. А так они будут волынить и создавать трудности. Патриарх упрекнул меня, что в момент, когда соглашение было готово, мы выдвигаем новые требования. Из приложения №2 Вы увидите, господин председатель, что патриархия сейчас намеревается предпринять и что она будто бы решила вопрос с греческими общинами. Мне между тем, патриарх этого не сказал, а только то, что надо изучить вопрос.

Завтра отправлю патриарху новый текст договора и буду ждать его приглашения на комиссию, но думаю что дело значительно затянется. Новый текст будет как и старый (приложение 1) с добавлением ст.1, которую прочитал комиссии. В ст.2 вычеркнуто слово *éternellement* <...>

Ст 5 отпадает.

Извольте, примите, господин министр, уверение моего глубокого почтения.

Драг.Л.Стеванович

**54. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде
Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 7 мая
1914г.**

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.9. Пов.№ 1696

Цариград

7 мая 1914

Сообщение об установлении Сербской патриархии Патриарх передал Синоду и вчера сказал мне, что вопрос большой и требует больше времени для изучения, несмотря на мои уверения, что дело хорошо известно и не требует долгого исследования.

Так как переговоры продолжатся еще долго, а мое здоровье ухудшилось, так что я не могу выдерживать темп работ, прошу сейчас же послать другого доверенного представителя, кому бы я передал полномочия. Пожалуйста, ответьте мне телеграммой

Стеванович

***

Резолюция Н.Пашича

Возвращение одобряю. Скажите, что возвращаетесь, потому что вам долго ждать решения вопроса о восстановлении Сербской патриархии, а без этого решения вы не можете подписать соглашения. Скажите, что мы хотели представить всем православным церквям доказательство глубокого уважения к Вселенской патриархии и что мы хотели поднять ее престиж и дать пример остальным православным церквям обращаться к Вселенской патриархии как к старшей сестре или матери во всех вопросах относительно взаимоотношений православных церквей, и что нам неприятно, что Вселенская патриархия заурядный, простой и легкой вопрос превращает в задачу, которую должны решать другие, а не патриархия.

По церковным правилам каждая автокефальная церковь может поднять достоинство своей церкви в соответствии со своими внутренними потребностями.

Скажите, что мы надеемся, что этот вопрос скоро решится, потому что мы не можем дальше оставлять это положение церкви в новых пределах. И мы боимся, как бы политические условия не заставили нас самих решить этот вопрос в условиях, когда церковные каноны ясно пишут, что бывает с епархиями, которые подпадают под власть другой православной державы.

Нашим шагом мы хотели возвысить престол Вселенской патриархии и никак не ожидали такого приема и обманулись в своем ожидании.

Проститесь хорошо, если вы деньги не передали – не передавайте, оставьте в посольстве.

8.05.1914

Пашич

**55. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде
Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 8 мая
1914г.**

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1697

Цариград
№39

8 мая 1914

Секретное письмо, которым я информирую о состоянии переговоров получите в пятницу.

Передал патриарху новый проект договора, в котором мы испрашиваем:

1. Томос, которым признается переход епархий под власть сербской автокефальной церкви и дается благословение Сербской патриархии.

Договор подписываю, когда мне дают томос.

2. Митрополиты сейчас же уезжают, а их местами распоряжается наша церковь.

3. Ежегодная субвенция - 50 000 динаров, а если финансовое состояние позволит - 800 000 единовременно за все.

4. Мир готовит наша церковь.

5. О греческих общинах не упоминается.

Из слов Патриарха заключаю, что вопрос о нашей патриархии не хотят решать вместе с остальными вопросами, а предпочли бы заключить договор, как я сообщал, со статьями договора о церковно-школьной общине, а вопрос о патриархии оставить на потом.

Так пишут и их газеты, что Вселенская патриархия за признание нашей патриархии будет спрашивать мнение всех православных церквей. Думаю, что ответ Св.Синода будет в этом ключе.

Новому представителю нужно иметь на сей счет инструкции.

Стеванович

56. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 8 мая 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1812

Цариград
№193

8 мая 1914

Строго секретно

Серафимов, советник русского посольства по церковным вопросам сказал мне:

«Сербское правительство сделало большую ошибку, выставив требование, чтобы патриархия признала новую сербскую патриархию до того, как подпишут договор об уступке трех диоцезов.

Это поставило патриарха и Св.Синод в весьма неудобное положение и привело в замешательство, ибо они боятся, что если согласятся, то потеряют субвенцию Австро-Венгрии и ее поддержку, которой часто пользуются. Он считает, что для Сербии самое важное - обеспечить канонически правильный переход данных диоцезов под управление Сербской церкви с согласия патриархии. Это много важнее провозглашения Сербской патриархии. И он нам как искренний друг советует прежде всего заключить по Стевановичевому предложению договор в пяти статьях, на которые патриархия была согласна (это он точно знает).

Не надо никак отвечать на требование патриархии относительно общинской и школьной автономии. Патриархия легко откажется от этого требования, если мы категорично воспротивимся ему, потому что его ставили, чтобы удовлетворить греческое посольство.

Наше последняя уступка - согласие, что патриархия рекомендует Сербии уважать права греческих школ и общин, а Сербия это примет к сведению без обязательства. После того, как договор будет подписан, и мы получим томос, через несколько месяцев Сербия сама может возвести свою церковь в ранг патриархии, т.к. о том предварительно были прозондированы две православные автокефальных церкви.

Он уверен, что русский Синод и черногорская церковь будут рады признать сербскую патриархию. Для того провозглашение Сербской патриархии надо просто объявить остальным православным церквям, а не требовать предварительного согласия.»

Джорджевич

57. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 8 мая 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1815

Цариград
№197

8 мая 1914

Советник Патриархии по юридическим вопросам сказал мне: „Как личному другу могу вас проинформировать приватно, не официально, что ваше желание связать вопрос договора с вопросом провозглашения Патриархии произвело на Фанаре неблагоприятное впечатление. Дружески советую, не настаивайте, на внесении в томос пункта о признании Сербской патриархии . Когда завершим первый, уже поднятый вопрос, будет много лучше и быстрее прийти к соглашению и привести Вселенскую патриархию к тому, чтобы она сама согласилась на возведение Сербской церкви в ранг патриархии. Лучше всего будет, если Сербия, договорясь с Вселенской Патриархией, выберет подходящий момент для провозглашения, что может быть очень скоро. Надо избежать впечатления, что Сербия хотела использовать сегодняшнее бедственное положение Вселенской Патриархии и принудить ее, к соглашению на провозглашение, которое бы она в других условиях рада была дать».

Джорджевич

58. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 8 мая 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1816

Цариград
№198

8 мая 1914

Патриарх, которого я посетил ответно, просил меня передать его благословение и приветствия правительству и надеется, что переговоры скоро благоприятно завершаться. Советует нам вопрос о провозглашении патриархии решать отдельно и позднее. Прошу, извольте примите этот совет и в том смысле уполномочьте Стевановича.

Джорджевич

**59. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде
Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 8 мая
1914г.**

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1813.

Цариград
№411

8 мая 1914

Я разделяю точку зрения Серафимова, но Вы с ней не соглашались до последнего момента.

В этом направлении я работал и получал ваше одобрение.

Новыми категоричными распоряжениями требовать в первую очередь одобрения установления нашей патриархии испорчено целое дело и может дойти до разрыва с патарихией.

Сейчас один выход - вопрос нашей патриархии отринуть и оставить в стороне, заключить договор и получить томос, как и было договорено, с тем, чтобы для греческих общин была принята формулировку, согласно телеграмме от 5 мая.

Я надеюсь осуществить это, а позже, когда все будет завершено, мы можем провозгласить патриархию с согласия двух православных церквей, для чего необходимо лишь уведомить патриархию, которая должна будет принять *fait accompli*. Сейчас же она не будет отказываться от австро-венгерской помощи ради признания патриархию, которая еще не установлена.

Если вы согласны с моей точкой зрения, прошу полномочий спасти дело, пока еще можно спасти.

Прошу вас ответить телеграммой.

Стеванович

60. Распоряжение премьер-министра и министра иностранных дел Н.Пашича от 9 мая 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1717

9 мая 1914

В связи с переговорами с патриархией о присоединении новых епархий мы испрашивали восстановление Сербской патриархии. Переговоры застопорились, т.к. Патриархия не показывает готовность исполнить это требование.

Изложите дело МИД и попросите его в дружеской форме, чтобы союзное греческое правительство приемлемым способом повлияло на работу Патриархии и пошло навстречу желанию сербского правительства.

Пашич

**61. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде
Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 9 мая
1914г.**

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1814.

Цариград

9 мая 1914

Получил вашу телеграмму №97. Ваши распоряжения я выполнил много раз, кроме распоряжения касательно канонов, потому что они спорны, и из-за этого я избегал дискуссий, которые бы нам повредили. На мое заявление, что мы сами восстановим свою патриархию печскую, патриарх спросил меня, что мы тогда хотим от них? Они очень хорошо знают, что самовластное решение этих вопросов означало бы разрыв в Вселенской Патриархией и что это было бы неблагоприятно для нашей церкви.

Деньги не дал, пока еще не сделаем дело, о котором я говорил.

Прошу Вас, прочитайте мое последнее донесение от 6 мая, мои телеграммы и Джорджевича. Буду ждать ответа на них, который прошу вас послать телеграммой как можно скорее.

Стеванович

**62. Распоряжение премьер-министра и министра иностранных дел Н.Пашича
полномочному представителю сербского правительства в Цариграде Д.Стевановичу
от 10 мая 1914г.**

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1826.

10 мая 1914

Для Стевановича

Последние мои инструкции остаются в силе.

Скажите, что из-за нашего общественного мнения мы не можем отказаться от Патриархии. И что патриархия сама без других церквей может решить этот вопрос.

П.

63. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 13 мая 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1788

Цариград
№214

13 мая 1914

Так как до этого часа нет ответа на депешу Стевановича и мою от 8 и 9 мая относительно переговоров с патриархией, Стеванович решил завтра проститься с патриархом и возвратиться в Белград.

Я думаю, что было бы большой ошибкой прервать сейчас переговоры с Патриархией по этим двум вопросам. Их надо продолжать и как можно раньше все решить, потому что сейчас ситуация для разрешения их согласно с нашими желаниями выглядит благоприятно.

Зная ситуацию на Фанаре, считаю своей обязанностью предложить вам приказать Стевановичу продолжить переговоры, то же советует и русский посол. Ответьте, прошу вас, телеграммой.

Джорджевич

***

Резолюция Н.Пашича № 113

Если есть впечатление, что переговоры свершатся благоприятно и будет дано благословение на восстановление Сербской патриархии, пусть г.Стефанович останется и продолжит переговоры. Греческое правительство обещало помочь нам в вопросе восстановления патриархии. Надеюсь, что и русское правительство нам поможет.

13.05.1914

Пашич

**64. Телеграмма полномочного представителя сербского правительства в Цариграде
Д.Стевановича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 14 мая
1914г.**

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1802

Цариград

14 мая 1914

Получил вашу вчерашнюю телеграмму. Сообщил, что вы мне приказывали ранее. Патриарх снова повторил, что вопрос надо изучить и остался при своем. Из его слов видно, что они не согласны на восстановление нашей патриархии.

Поскольку я выполнил ваше раннее распоряжение и в виду ответа патриарха мне необходимо уехать из Цариграда. Сегодня нет ни восточного экспресса, ни конвенционального поезда, поэтому поеду в пятницу восточным экспрессом.

Стеванович

65. Донесение поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 20 мая 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1890

20 мая 1914

Господину Ник.П. Пашичу, председателю министерского совета, министру иностранных дел.

Господин председатель,

Член Св.Синода дерконский митрополит Калинник, чье влияние на Фанаре весьма велико, был у меня позавчера. Он несколько дней назад возвратился из Иерусалима и сожалеет, что не был здесь во время наших переговоров с Патриархией и не мог нам помочь. В долгом разговоре мы коснулись всех вопросов, которые были предметом переговоров между Великой церковью и г.Стевановичем.

<...>

Его Преосвященство сказал мне:

«Каждая парвославная автокефальная церковь по канонам имеет право провозгласить себя патриархией. Для этого не нужно согласия или одобрения Вселенской патриархии. Провозглашение патриархии – внутреннее дело всякой самостоятельной церкви, в которое ни Вселенская патриархия, ни какая другая православная церковь не имеет право вмешиваться. Как только Вселенская патриархия признала и благословила независимость Сербской церкви, так тут же Сербской церкви не стало нужно предварительное согласие Вселенской патриархии на провозглашение патриархии. И если Сербия просит того согласия, то это свидетельство большого внимания и большой учтивости по отношению к Вселенской патриархии, за которую она только может быть благодарна.

Я в общем не сомневаюсь, что Вселенская патриархия рада дать свое согласие и благословение на возведение Сербской церкви в ранг патриархии.

Что касается вопроса о ваших новых епархиях, то он может решиться тотчас же. Единственная трудность, - вопрос о греческих школах и общинах, легко устранима, формулировка г.Стевановича весьма приемлема.

Мне жаль, что г.Стеванович уехал до того, как завершились переговоры. Он произвел на всех на Фанаре самое хорошее впечатление. Его Святейшество патриарх Герман V, митрополиты и члены Смешанного совета, которые были членами комиссии для переговоров о новых сербских епархиях, все хвалят такт, знания и любезное обхождение г.Стевановича. И если бы он остался здесь еще несколько дней, дело могло завершиться.»

Я поблагодарил высокопреосвященного господина Калинника за такие важную информацию, которую он был любезен мне предоставить. Сообщил ему, что сам Герман V сказал г.Стевановичу, что возведение Сербской церкви в ранг патриархии - большой и важный вопрос, который Вселенская патриархия должна сначала изучить, и что надо найти в архивах патриархии акт с прецедентами, а также спросить мнения остальных православных патриархий, а для этого надо достаточно времени. А поскольку г.Стеванович не мог здесь ждать один или два месяца, пока все не сделается, и из-за того, что его присутствие необходимо в министерстве, где он занимает высокой положение, и потому что в последнее время был плох здоровьем, то он должен быть уехать. Но он возвратится продолжить и завершить переговоры, как только Вселенская патриархия пожелает, т.е. как только завершаться предварительные действия по провозглашению Сербской патриархии, т.к. сербское правительство хочет решить эти два вопроса сразу вместе.

Дерконский митрополит сказал мне напоследок, что сообщит свой разговор со мной патриарху и Св.Синоду и известит меня, как только предварительные работы будут завершены (а это будет очень скоро) и когда г.Стеванович может приехать завершить переговоры с патриархией.

Г.Калиник попросил меня передать г.Стевановичу его благословение и приветствия.

Извольте, прошу вас, господин министр, председатель, примите заверения моего глубокого почтения.

Милан Вл.Джорджевич

66. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 23 мая 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1926

Цариград

23 мая 1914

№233

Русский посол, хотя я его о том не просил, т.к. вы не ответили мне на его предложение помочь с патриархией, распорядился Серафимову, секретарю-референту по церковным вопросам, сообщить патриарху желание русского правительства, чтобы патриархия как можно скорее завершила переговоры с сербией. *(Примечание Стевановича: это сделано, пока я еще был в Цариграде по моей просьбе, которую я высказал советнику 6 мая – Ю.К.)*

Серафимов сказал мне, что это распоряжение выполнил и уверен, что патриархия отступится от требования о школьных общинах и удовлетворится формулировкой Стевановича.

Русский посол просит сербское правительство согласиться решить сначала вопрос о томосе, а потом тотчас, отдельно от него, решить вопрос о новой Сербской патриархии Русский посол уверен, что если его просьбу удовлетворят, то оба вопроса решатся за 8-10 дней.

Я, в связи с моей телеграммой №198, так же прошу принять эту справедливую просьбу патриархии.

Гирс просит, чтобы ему сразу же сообщили ваш ответ. Позвал меня завтра на ужин.

Прошу ответ телеграммой.

Прошу дать распоряжение передать Патриарху благодарность короля и правительства за его благословение – см. мою телеграмму.

Джорджевич

***

Резолюция Н.Пашича

Выскажите патриарху благодарность, точно также и русскому послу за помощь в нашем вопросе восстановления Сербской патриархии .

Я отделил вопрос о восстановлении патриархии от томоса, но не могу дать разрешения решить сначала один вопрос, а второго ожидать. Когда дождемся, что оба будут готовы, pošлю г.Стевановича сразу подписать соглашение

23.05.1914

Пашич

67. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 23 мая 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1927

Цариград

23 мая 1914

№233

Никопуло, юридический советник патриархии, сказал мне вчера на приеме в английском посольстве, что русский посол передал патриарху желание России, чтобы Патриархия приняла требования Сербии и закончила переговоры с ней. Патриарх сообщит завтра Синоду рекомендацию русского правительства.

Просим сербское правительство согласиться решить первый вопрос о епархиях отдельно от вопроса о сербской патриархии, - пусть откажутся от требования решать оба вместе. *(Примечание Стевановича: это и мне предлагал Николопуло приватно, а я просил чтобы сербское правительство согласилось не объединять эти два вопроса, пусть решаются параллельно и завершатся в одно и тоже время. Это не было принято-Ю.К.)*

В вопросе о школьных общинах легко можем договориться, если сербское правительство примет эту нашу просьбу. Просим известить нас, и пусть Стеванович сразу же направит один акт, в котором принимается это наше требование и потом приедет и мы дадим ему томос, а через семь-восемь дней может быть готов и вопрос о признании Сербской патриархии.

Джорджевич

***

Резолюция Н.Пашича

Если в томосе не может быть благословения на восстановление Сербской патриархии, то требуем, чтобы в то же время в другом акте патриархия дала дозволение и благословение на установление Сербской патриархии. Когда оба акта будут готовы, пошлю г.Стевановича подписать соглашение и взять в одно и тоже время оба акта. О школьных общинах греческих г.Стеванович дал формулировку, которую можно принять. Попросите патриархию не медлить с решением вопроса, который возвысит престол Константинопольской патриархии в глазах всего

мира. Мы, как добрые христиане, хотим сотрудничать в согласии с матерью православных церквей и для того настаиваем на благословении.

Пашич

68. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 27 мая 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1982

Цариград
№256

27 мая 1914

Был у русского посла и высказал ему вашу благодарность за помощь в переговорах о патриархии.

Гирс мне ответил, что очень рад быть полезным Сербии и что они всегда к услугам сербского правительства и на все, что пожелает сербское правительство.

Сообщил ему, что патриархия согласилась на все наши условия. Гирс сказал, что восстановление Сербской патриархии - капитальное дело огромной важности для будущего сербского народа. Русский посол попросил меня, чтобы от его имени сердечно поздравить Вас с этим большим успехом. Прошу, поспешите с предложением о награждении русского посла и его чиновников

Джорджевич

69. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 27 мая 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 1989

Цариград

27 мая 1914

Никопуло, советник патриархии по юридическим вопросам, прощаясь после утреннего посещения патриарха, поздравил меня с успехом, говорил со мной совсем неофициально, приватно, как доброму христианину и другу патриархии о больших денежных затруднениях, в которых находится Патриархия. Я ответил ему, пусть они только поторопятся подготовить эти два акта, и как только Стеванович их получит, сразу же выдаст Патриархии 36 тыс. динар в качестве выплаты помощи. Кроме того, обещал ему, что предложу Вам сразу же по получении обоих актов послать и 50 000 динар как помощь за этот год, что я и делаю. Прошу ответить телеграфом.

Джорджевич

***

Резолюция Н.Пашича

Прочитал. Требуется от министра финансов кредит из суммы на непредвиденные и внеочередные расходы.

29.05.1914

Пашич

70. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 27 мая 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 2051

Цариград

27 мая 1914

Получил вашу телеграмму от 24 мая. Выразил патриарху вашу благодарность за благословение, приветствие и сердечные пожелания правительству и народу в тяжелом несчастье, которое постигло Великую церковь и греческий народ в Турции. Патриарх поблагодарил меня: «Вы первый, кто выражает мне соучастие. Ваши речи – бальзам на мое сердце.» Сообщил патриарху ваше решение разделить два вопроса. Я сообщил, что сербское правительство согласно первым решить вопрос о томосе а затем о провозглашении Сербской патриархии следующим образом -

Вселенская патриархия сначала готовит акт, в котором будет томос, а потом акт, в котором допускается восстановление Сербской патриархии. Что касается томоса, он он будет принят на основе соглашения из 5 пунктах между Стевановичем и комиссией. О греческих школах и общинах патриархия примет формулировку Стевановича, когда оба акта будут готовы, пусть Патриархия известит, Стеванович приедет и подпишет договор о томосе и возьмет оба акта.

Патриарх поблагодарил за труд, что сербское правительство согласилась разделить эти два вопроса. Потом сказал: «Этим достигнуто соглашение. Мы соглашаемся на ваши условия. Томос будет готов через день-два, а другой акт о провозглашении Сербской патриархии - через 8 дней. Извещу вас о том, пусть тогда приедет Стеванович, чтобы ему их передать. Только направьте мне письмо, в котором подтверждаете мне, что сербское правительство согласилась разделить оба вопроса и решать их отдельно».

Я обещал ему направить такое письмо и благодарность за согласие Вселенской патриархии.

Джорджевич

71. Донесение поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 29 мая 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 2132

Посольство Сербии

29 мая 1914

В Турции

Цариград

№280

Господину Ник.П. Пашичу, председателю министерского совета, министру иностранных дел.

Господин председатель,

Сообщил вам шифрованной депешой от 27 мая №255, что Вселенский патриарх просил меня, написать подтверждение о согласии королевского правительства отделить вопрос о учреждении новой Сербской патриархии от вопроса о томосе для наших новых епархий.

Я ему это обещал и сразу же на следующий день 27 мая направил ему сам письмо в том смысле, копию которого имею честь послать вам в приложении.

Извольте, примите и т.д.

Милан Вл.Джорджевич

***

Принял к сведению. Проект договора, о котором говорит г. поверенный в делах посольства в своем письме не имеет 5 пунктов, только четыре. Пять пунктов было в первом проекте договора и там речь шла о греческих общинах. Я сам выбросил этот пункт из последнего проекта.

Не знаю, почему г.поверенный в делах вообще направил патриарху свое письмо, когда я сам писал официально патриарху как представитель королевского правительства.

Так можно только затянуть дело, чем патриархия, конечно, воспользуется.

6 июня 1914

Стеванович

72. Деша поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 7 июня 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 3562, 3568.

№ 351

получено
7 июня 1914

Получил вашу шифрованную телеграмму №147.

Прошу Вас, извольте приказать тем, кто от вашего имени редактирует шифрованные телеграммы и ставит ваше имя обратить их пристальное внимание, на то, чтобы мне не давались противоречивые указания, которые отменяют одно другим и тем самым вызывают путаницу, и могут скомпромитировать успех работ, как в этом данном случае.

В вашей шифрованной телеграмме от 24 мая без номера переданной в 6 часов 50 минут написано буквально:

«О школах и общинах греческих только формулировка Стевановича, которая может быть принята»

В вашей шифрованной телеграмме от 2 июня № 134 написано так:

«В договоре нет речи о общинах , т.к. не можем это принять»

Это второе распоряжение противоречит первому, отменяет его.

Я на основе вашей первой телеграммы заявил 26 мая патриарху от имени королевского правительства, что Сербия согласна внести пункт о школах и общинах греческих так, как предлолжил Стеванович.

Когда патриарх попросил меня направить ему письмо подтвердить все то, что я сказал ему устно, я обещал ему такое письмо тотчас же завтра направить.

В моей шифрованной телеграмме от 27 мая № 255 я сообщаю об этом. Я должен был так сделать, не мог же я сказать патриарху: «Я не дам вам такое письмо».

Мое письмо патриарху целиком отвечает вашей телеграмме от 24 мая. Я не должен был и не имел нужды вас предварительно спрашивать, т.к. ваше указание было ясно, а любой

предствитель Сербии не смеет никому официально говорить ничего, что не готов подтвердить письменно.

Семь дней спустя я получаю ваше указание передать письмо Стевановича с проектом договора, в котором не идет речь о общинах. Не дождавшись моего письма №320 сегодня Вы снова указываете мне исполнить распоряжение. Это распоряжение я выполняю. Я сразу просил патриарха принять меня. Патриарх сообщил, что примет меня в понедельник, 9 мая, после обеда.

Считаю своим долгом перед Вами лично высказать свое глубокое убеждение:

Я нахожу, что ниже достоинства королевского правительства и ниже моего личного достоинства сообщать сейчас патриарху наше несогласие с упоминанием греческих школ и общин в томосе, так как я ему от имени королевского правительства на основе вашего полномочия несколько дней назад заявил, что на это Сербия согласна. Смею ли я допустить, чтобы выглядело так, что правительство только хотело выклянчить согласие Вселенской Патриархии на основании Сербской патриархии, обмануло патриарха, согласившись на пятый пункт в формулировке Стевановича, чтобы потом заявить, что не согласна на нее?

Нахожу, что никакой веской причины нет не соглашаться на формулировку стевановича - «патриархия рекомендует сербии уважать права греческих школ и общин. Сербское правительство принимает к сведению эту рекомендацию.»

Такая формулировка - только лишь одна учтивость, которая не содержит никаких обязательств для Сербии. Она значит только одно - что патриархия изъявила желание сербскому правительству, которое признает, что ему это желание сообщено. Хочет ли Сербия брать в расчет это желание или нет, о том в вышеприведенной формулировке ничего не говорится, это его дело. Сербия на основе той формулировки не должна давать отчет патриархии, откликнулась ли она на это желание или нет.

И в патриархии все считают этот пятый пункт как* формальность, только для того, чтобы патриархия могла показать беспокойство о своей бывшей пастве. А так же, чтобы в Синоде и в Смешанном совете умолкла оппозиция, которая в меньшинстве, и которая противится созданию новой Сербской патриархии .

*Выслушайте Стевановича на сей счет.

Русский посол и все здешние друзья Сербии находят, что Сербия должна согласится на этот пункт.

Прошу, если в понедельник до обеда я не получу от вас другое указание, то я в тот же день после обеда передам патриарху письмо Стевановича и заявлю ему, что сам неправильно дешифровал вашу телеграмму от 24 мая и ошибочно известил Его Святейшество, что Сербия

соглашается, чтобы в томосе упоминались греческие школы и общины по формулировке Стевановича.

Попрошу его лично простить меня за непреднамеренную ошибку.

Что касается другого высказывания в вашей вчерашней телеграмме, нахожу, что она, в качестве совета излишня, а в качестве упрёка - необоснована.

Я ни разу никогда не делал никому какого-либо заявления и никогда никому ничего не обещал без предварительного вашего распоряжения или полномочия.

Прошу сообщить мне телеграммой, могу ли я сказать Николопуло или Патриарху, что «правительство намерено подготовить помощь за этот год (50 000 динар)», как написано в вашей телеграмме от 2 июня № 134, и которую Стеванович передал бы вместе с суммой в 36 тыс динар как помощь, которую задолжали за последние три года.

В то время, когда с успехом и с огромной охотой я работаю днем и ночью над делами, которые вы мне изволили доверить, я неприятно удивлен полученными от Вас попреками вместо признательности, на которую как я думал, имею право.

Джорджевич

***

Резолюция Н.Пашича №158

Сообщите патриарху письмо представителя Стевановича и объясните, что неправильно дешифровали телеграмму в вопросе об общинах и передаче вашего письма.

Мое распоряжение в телеграмме №147 относится и к обещанию, которое вы дали - письменно подтвердить ваши заявления патриарху без одобрения правительства, как и обещание затребовать 50 тыс., которые тотчас выдадут патриархии.

10 июня 1914

Пашич

73. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 12 июня 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 2279.

Цариград

12 июня 1914

№371

В связи с вашим письмом №1982 и телеграммой № 147 сообщаю, что выполнил ваши распоряжения. Посетил сегодня Патриарха и передал ему письмо Стевановича и проект договора. Сказал, что в том договоре не упоминаются школы и общины, т.к. этот вопрос решен договором между сербским и греческим правительствами. Патриарх мне сказал: «Ваше заявление о греческих школах и общинах я сообщу Синоду. И хотя я не имею права делать обязывающие заявления от имени Синода и Смешанного совета, но зная их мнение, могу Вас заверить, что достигнуто полное взаимопонимание между патриархией и сербским правительством по обеим вопросам. Мы дадим вам оба акта. В первом будет томос, в другом - благословение Вселенской патриархии на учреждение Сербской патриархии. Как только оба акта будут готовы, я извещу вас, чтобы Стеванович приехал подписать договор и завершить переговоры. Я сообщу вам, когда будет готов томос, чтобы тотчас сербская церковь направила мне письмо, в котором изъяснит свое желание провозгласить патриархию. Я на основе этого письма в согласии с Синодом тотчас изберу новую комиссию, которая быстро изучит и решит этот вопрос по вашему желанию. Как только откроются школы и церкви и Синод начнет работать (а это будет скоро, т.к. мне русский посол сказал, что Порта приняла все наши требования) поставлю оба вопроса на повестку дня на первое место.

До глубины души благодарен королю и сербскому правительству за те шаги, которые они предприняли по отношению к Порте в пользу прогнанных греков, и ради которых, как я узнал, было оказано большое давление на турецкое правительство. Прошу сербское правительство и дальше оказывать нам свое высокое покровительство».

Джорджевич

***

Резолюция Н.Пашича

Патриарх сказал Стевановичу перед его отъездом, что даст изучить дело о нашей патриархии секретарю комиссии. Вам сказал, что томос через два дня будет готов, а письмо с признанием патриархии через 8 дней. Сейчас, между тем, меньшая комиссия изучает дело и требует письмо митрополита. Нам это все кажется непотребным затягиванием и мы считаем излишним письмо митрополита, т.к. представитель правительства и устно, и письменно в два захода сообщил об установлении и признании патриархии. Скажите о том патриарху и попросите, чтобы поспешили. Уже конкордат сделан, а этот вопрос был много тяжелее и сложнее, а мы не можем разрешить такие ясные вещи с патриархией. Если письмо митрополитово еще нужно, его может привести Стеванович, но пускай тогда будут готовы оба акта, как и договор для подписи.

13.06.1914

Пашич

***

Отрывок из письма от МИД в адрес министра просвещения и церковных дел³

«Извещу вас, когда будет готов томос, чтобы тотчас сербская црковь направила мне письмо, в котором изъявят свое желание провозгласить патриархию»⁴.

Из этого заявления видно, что Вселенская патриархия готова быстро и в нашу пользу решить вопрос о восстановлении Сербской патриархии. Чтобы избежать затягивания переговоров и не терять время, имею честь просить Вас сейчас же обратиться к Его Высокопреосвященству господину Митрополиту Сербии с просьбой, чтобы он подготовил письмо, которое на основе вышеупомянутого заявления Сербская церковь должна направить Вселенскому патриарху. В письме Сербская церковь должна выразить желание вновь быть возведенной в ранг патриархии, как и была некогда, и испросить мать православной церкви - Вселенскую патриархию дать на то ей свое благословение.

Подготовленное письмо Его Высокопреосвященство надлежащим образом пусть пошлет мне, чтобы оно было доставлено его высокому адресату.

Извольте, господин министр, примите по случаю уверение в моем глубоком уважении.

³ Этот отрывок без даты, на входящем стоит дата 21 мая.

⁴ Это цитата из предыдущего письма Джорджевича.

74. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 15 июня 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 2320.

Цариград
№387

15 июня 1914

Из надежного источника узнал, что Австро-Венгрия и Германия просили патриарха не соглашаться на создание новой Сербской патриархии . Австро-Венгрия, кажется, предложила 100 000 крон годовой помощи, если патриархия не даст своего согласия. Патриарх говорит, гневно отверг это предложение.

Джорджевич

75. Телеграмма поверенного в делах посольства Сербии в Цариграде М.Джорджевича премьер-министру и министру иностранных дел Н.Пашичу от 18 июня 1914г.

АС. МИД Краљевине Србије (1871-1918). Политичко одељење. 1914. Ф. 9, д.10. Пов.№ 2388.

Цариград

18 июня 1914

Получил вашу телеграмму от 16 июня. Выполнил Ваше поручение. Был вчера у патриарха и прочитал ему всю упомянутую телеграмму. Просил его поспешить исполнить обещание, данное Стевановичу и мне. Патриарх мне ответил: «Остаюсь при всем том, что обещал. Но из-за отчаянного положения отоманских греков, мы закрыли патриархию. Формажорные обстоятельства, которые мешают исполнению всех обещаний и также подписанию договора. Патриархия весьма сожалеет, что не может поспешить с решением сербских вопросов. Мы прекратили совершать все святые таинства, жертвы закапываем без отпевания, похорон нет. Но как только патриархия начнет функционировать, поставлю на первом заседании Синода на первое место оба сербских вопроса, которые решатся быстро. Патриархия решила подождать еще неделю. Если за то время Порты исполнит данное обещание, тотчас же откроются школы и церкви, и мы начнем работать. Прошу, чтобы митрополит Сербии немедленно послал письмо патриархии, дабы она дала благословение Сербской патриархии. Вперед знаю, что комиссия Синода этого захочет, митрополиты любят, чтобы церковные вопросы решались на основе актов церковных властей. Это никакое не условие с нашей стороны. Это только мое желание, чтобы дело решилось быстрее. Шлю благословение королю и правительству».

Джорджевич

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ВОССТАНОВЛЕНИЕ СЕРБСКОЙ ПАТРИАРХИИ. 1920Г.**76. Решение Святого Архиерейского Собора, принятое 30 августа 1920г. в Сремских Карловцах о возведении автокефальной объединенной православной Сербской церкви в ранг Патриархии**

Веселиновић Р. Уједињење покрајинских цркава и васпостављање српске патријаршије. Посебан отисак. Б.м. Б.г., стр.26-28

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Нижеподписавшиеся архиереи, составивши Архиерейский Собор объединенной Сербской православной церкви, после глубокого и всестороннего изучения фактов народного, государственного и церковного объединения, утверждают следующее.

Православная церковь верует и постоянно исповедует, что она Единая и Всеобщая (Вселенская) и по Святому Духу, который в ней неизменно пребывает и ее благодатно одушевляет и по своему основателю, строителю и невидимому пастырю-начальнику, единому Господу Иисусу Христу, Спасителю и Искупителю.

Православная церковь, наполненная божественным Духом единства, в течении многих веков своего существования сохраняла, защищала и ширила единство веры. Всем внешним видом Богом основанного и освященного порядка с постоянной ревностью она старалась как можно полнее выразить и обеспечить единство Духа. Даже если иногда внешние силы и не способствовали ей в этом, церковь возводила это зримое единство церкви.

Сербская церковь, как живая и освященная часть единой святой всеобщей апостольской церкви, наполненная единым и общим Духом Господним, живо чувствовала в себе это боговдохновенное стремление к единству, как невидимых веры, духа и сердца, так и зримого единства внешнего устройства в тот момент, когда решением богомудрого просветителя своего Святого Саввы основала единую независимую Сербскую Архиепископию, объединивши таким образом в единую церковную область все области, которые славный родитель его, Стефан Неманя собрал в одной державе.

Сербская народная церковь продолжила боговдохновенное дело объединения духовных областей и при славных наследниках Стефана Немани и Светого Саввы и довела это дело до совершенной, святыми и божественными канонами определенной полноты, когда под мощным скипетром Душана Сильного Сербская Архиепископия была возведена на ступень Сербской Патриархии.

Признанная и оцененная на той ступени всей Святой Церковью, Сербская церковь осталась хранителем духовного и народного единства и тогда, когда государственное единство перестало существовать. Через некоторое время усилиями иноверной государственной власти угасла Сербская патриархия, чтобы под властью обновителя патриарха Макария опять ожить благодаря животворному духу единства. Насильная политическая раздробленность народа вызвала в конце и церковное разъединение - упразднение Сербской Патриархии и основание автокефальных сербских областей, пребывающих в этом состоянии до сегодняшнего дня.

Когда с Божьей помощью, упорством и геройством сербского народа и священства под мудрым руководством короля-освободителя Петра I и его превосходительства, сына и престолонаследника-регента Александра свершилось в наши дни заветное дело народного освобождения и объединения, исчезли все обстоятельства, мешающие обновлению Сербской Патриархии и объединению в ней всех церковных областей.

Исходя из перечисленных фактов, Святой Архиерейский Собор объединенной Сербской церкви, наполненный духом единства, преисполненный желанием и стремлением своей живой церкви, уважая освященные предания своих славных и богомудрых предков, единодушно решил.

Соизволяем Духу Святому и нам, архиереям объединенной автокефальной Сербской православной церкви, обратимся во имя Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа в Сремских Карловцах на день Всех Святых сербских просветителей и учителей 30 августа лета господнего 1920г. свою доселе под разными государственными и церковными властями разделенными, а сейчас в смысле церковных правил и прописей в одну высшую церковную область объединенную автокефальную Сербскую православную церковь, согласно ее новому положению и апостольской задаче, а так же принимая во внимание желание священства и народа, согласно освященным преданиям народа и церкви, в согласии с короной и с благосклонным сестринским согласием Святой Великой церкви

ВОЗВЫСИТЬ НА СТУПЕНЬ И ПОЛОЖЕНИЕ ПАТРИАРХИИ

и тем самым обновить и восстановить упраздненную в 1766 г. иноверной властью старую Сербскую патриархию.

Объявляя это свое решение, призываем всех верных сыновей и дочерей Святой Сербской православной патриархии - возрадуйтесь вместе с нами этому великому чину и будьте верны в любви своей матери церкви, преданы и послушны ее учителю и верно исполняйте ее материнские наставления. Эту вашу любовь и преданность открыто показывайте своей святой церкви в лице Сербского патриарха, который в скором времени будет избран и поставлен на чело нашей святой Сербской церкви.

Димитрий, архиепископ Белградский и Митрополит Сербии

Георгий, епископ Темишварский, администратор Митрополии

Петр, митрополит Захумско-Герцеговачский и администратор епархии Дабро-Босанской

Василий, Митрополит Банялучский и бихачский

Илларион, Митрополит Зворничко-Тузланский и Эгзарх Далмации

Мирон, епископ Пакрацкий

Кирилл, епископ Захумско-Рашский и администратор епархии Бокотторско-Дубровачской

Доситей, епископ Нишский

Георгий, епископ Будимский

Николай, епископ Жичский

Иринея, епископ Тимоцкий

Ефрем, епископ Шабацкий

Илларион, викарный епископ архидиоцеза Карловацкого

Секретарь: Дим.Е. Рошу, начальник министерства веры

77. Указ короля Петра I от 30 августа 1920г., которым подтверждается решение Святого Архиерейского Собора о возведении автокефальной объединенной православной Сербской церкви в ранг Патриархии

Веселиновић Р. Уједињење покрајинских цркава и васпостављање српске патријаршије. Посебан отисак. Б.м. Б.г., Стр.29.

Когда великий просветитель и основатель независимой Сербской церкви Святой Савва, сын Стефана Немани - «собирателя и обновителя погубленного своего старого отечества», созданием независимой сербской Архиепископии и венчанием королевской короной брата своего Святого Стефана упрочил великое дело своего славного и мироточивого отца и обеспечил Сербии духовную и политическую независимость; когда при наследниках Неманиных и Савиных было в главном завершено объединение сербского народа в единое государство, тогда в 1346 г. Сербская церковь была возведена Душаном Сильным в согласии с Собором и по желанию народа с положения Архиепископии на ступень Патриархии.

Сербская народная православная церковь Св.Савы хранила народность нашу сквозь века, а Патриархия оставалась символом народного единства даже тогда, когда государственное единство распалось и вместо одного сербского государства возникло несколько.

С погибелью сербских государств через некоторое время пропала и сербская церковная независимость. Но дух Святого Саввы был жив в Сербской церкви, и в 1557г. при патриархе Макарии была обновлена Печская Патриархия, которая и под турецким господством представляла и сохраняла народное единство православного сербского народа. Позже, когда патриарх Арсений Черноевич в 17 в. был вынужден переселиться в Сремские Карловцы, Сербская патриархия продолжила свою благотворную евангельскую миссию на ниве национального возрождения.

Сейчас, когда с Божьей помощью силами народа и огромными жертвами православного священства завершено великое дело народного освобождения и объединения в одно государство, представители разделенных церквей, руководимые духом Святого Саввы и богоносных и остальных светителей и доблестных патриархов, воссиявших в сербской земле, провозгласили единство Сербской православной церкви и восстановление Патриархии.

Подтвердивши указом от 17 июня 1920г. единодушное решение всех сербских православных архиереев Королевства сербов, хорватов и словенцев об объединении всех православных церквей королевства, сегодня мы подтверждаем решение Св.Архиерейского

собора православной церкви Королевства сербов, хорватов и словенцев и провозглашаем восстановление Сербской патриархии, исполняя тем самым и вторую часть завета Душана.

78. Томос Вселенского Патриарха Мелетия от 19 февраля 1922г. о присоединении Автокефальной объединенной православной Сербской церкви Королевства СХС епархий, полученных в результате балканских войн и первой мировой войны, а также присоединение к ней других автокефальных сербских церквей

Веселиновић Р. Уједињење покрајинских цркава и васпостављање српске патријаршије. Посебан отисак. Б.м. Б.г., стр.30-31.

Мелетий,

по милости Божьей Архиепископ Цариграда, Нового Рима и Вселенский Патриарх.

Святая церковь, организовывая и устанавливая все в согласии с насущными требованиями, считает, что для хорошей организации и каноничного порядка свойственно приспособлять и приводить в порядок границы церковной управы согласно происходящим политическим переменам, насколько это позволяют церковные законы, с целью, чтобы управление церковными делами вершились целесообразно и без затруднений и с пользой для христианского народа.

Согласно этому и принимая во внимание богоспасаемое королевство Сербию, которое после бывших балканских войн 1912 и 1913 гг. и в результате последней великой мировой войны увеличено, расширено и возвышено в одно объединенное Королевство СХС и по милости и благословию Божьему охватило в своих границах следующие митрополии, которые доселе были под каноничным управлением Патриаршего Вселенского престола:

Скопскую, Рашско-Призренскую, Велешско-Дебарскую, Пелагонийскую, Преспанско-Охридскую и часть митрополии Воденской, епископию Полианскую - на основе Бухарестского мирного договора от 10 августа 1913г.

Митрополию Струмичскую на основе Нейиского мирного договора от 27 ноября 1919 г.

На основе мирного договора с Австрией, подписанного в Сен-Жермен-ан-Ле от 10 сентября 1919 г. – митрополии в Боснии и Герцеговине: Босанскую, Герцеговачскую, Зворничскую и Банялучско-бихачскую.

Кроме того, в границы этого объединенного Королевства СХС вошли и автокефальные православные церкви:

Карловацкая и Черногорская, как и две далматинские епархии: Задарская и Бококаторская.

А совместным решением предстоятелей этих церквей, собравшихся на Соборе было провозглашено их организационное единство с Сербской церковью в единую автокефальную церковь под именем «Автокефальная объединенная православная Сербская церковь Королевства СХС». По этой причине наша Христова церковь на прошение церкви и правительства Королевства СХС, имея в виду каноничность и оправданность церковного объединения в одно целое этих церковных областей, которые уже объединены политически ради окончательного единства и гармонии в управлении согласно с правилами Отцов, которые говорят «Епископам всякого народа подобает знать первого в них, и признавати его яко главу¹» и ради большей и общей пользы объединенных областей,

единодушным решением, принятом на заседании Святого Синода под председательством Нашей Смиренности, постановляет и утверждает следующее.

Одобрется и благословляется церковное освобождение от Патриаршего Вселенского Цариградского престола и присоединение к автокефальной объединенной православной Сербской церкви этих перечисленных выше епархий, которые доселе находились под его управлением. Признавая провозглашенное единство автокефальных церквей: Сербской, Черногорской и Карловацкой, как и двух далматинских епархий, принимаем образованную из них Святую автокефальную объединенную православную Сербскую церковь как сестру во Христе, которая обладает и пользуется всеми правами автокефальности согласно прописям и порядку Святой православной церкви.

В качестве доказательства и вечного подтверждения всего того, что таким образом каноном принято и утверждено относительно тех епархий и частей нашего Святого Патриаршего Вселенского престола, которые в последнее время были присоединены к Богоспасаемому королевству СХС, а так же относительно единой объединенной Святой автокефальной православной Сербской церкви, образованной в этом королевстве,

выдаем вместе с высокопреосвященными митрополитами, нашими в Духе Святом любезными братьями и сотоварищами, этот наш Патриарший и Синодский томос (чей точный и верный текст содержится в святом кодексе нашей Святой Великой Христовой церкви) с желанием, чтобы Бог всякой благодати, который позвал нас в свою вечную во Иисусе Христе славу, одарил бы всяческим благословением и добрым плодом все епархии, которые таким образом освобождены нами, и целую пресвятую сестру - Автокефальную объединенную православную Сербскую церковь Королевства СХС. Да будет ему слава и держава во веки веков. Аминь. Года 1922, февраля 19, эпимнеза 5.

Патриарх Цариградский Мелетий
Кесарийский Николай
Халкидонский Григорий
Новокесарийский и Катарийский Поликарп
Ангирский Гervasий
Халдийский и Керасундский Лаврентий
Сарандаэклизийский Агафенгел
Никейский Василий
Амасийский Герман
Родосский Апостол
Варнский Никодим
Илиупольский Смарагд
Метрийский Иоаким
Секретарь Святого Синода Вруильский Дионисий

---

¹ 34 правило св. Апостолов.

**79. Каноническое письмо Вселенского Патриарха Мелетия от 24 февраля 1922г. о
возведении Автокефальной объединенной православной Сербской церкви
Королевства СХС в ранг Патриархии**

*Веселиновић Р. Уједињење покрајинских цркава и васпостављање српске патријаршије.
Посебан отисак. Б.м. Б.г., стр.32-34.*

Наиблаженнейший Патриарх Белграда и целого королевства СХС, во Христе Боге
наилюбезнейший нам и желанный брат и служитель Нашей Смиренности, Господин Димитрий!
Ваше любезное нам Блаженство братски и во Господе обнимая, тепло приветствуем.

<...>

Считаем правильным, обращаясь первый раз к святейшему предстоятелю Сербской
церкви, выразить, насколько Святая Цариградская церковь рада, триумфальному завершению
национальной борьбы сербского народа. Ее радость – это радость любящей своих добрых чад
матери их счастьем и движению вперед. Праведный Бог наградил веру сербского народа и
увенчал оружием правды праведную борьбу за свободу. Господь благословил его новое
национальное существование, наставивши к славе и величию. И чтобы действительно показать
доброе расположение матери-церкви к Богом благословенному сербскому народу, посылаем с
этим письмом и Патриарший Синодский томос, которым утверждается каноническое
положение нового церковного порядка в Сербии. Посоветовавшись во Духе Святом с нашим
Святым Синодом высокопреосвященнейших митрополитов, объявляем правильность
церковного единства, которое общим решением преосвященных митрополитов и епископов в
государстве СХС объявлено было, а так же, что тому единству передаются и присоединяются
епархии, которые доселе были под управлением Вселенского престола и которые сейчас на
основании международных договоров территориально составляют часть упомянутого
королевства по канонам Отцов, требующих, что «Епископам всякого народа подобает знать
первого в них, и признавати его яко главу».

Но не только на это направлены молитвы, свидетельствующие о питаемой Святой
Цариградской церковью любви к своей любезной сербской дочери и сестре. Принимая наше
церковное управление, мы натолкнулись на братское письмо Вашей Любезности,

представленное в Святой Синод 20 мая прошлого года, и направленное местоблюстителю Вселенского престола Высокопреосвященному Митрополиту Кесарийскому господину Николаю, которым сообщается о возведении автокефальной объединенной Сербской церкви в ранг Патриархии общим решением церкви и государства с тем желанием, чтобы в новом государстве со множеством иноверцев утвердилось православие. Посоветовавшись по своей должности об этом деле с нашим Святым Синодом, мы одобряем это стремление церкви и государства и признаем пользу, которую православие может получить от этого возвышения, но образ действий нашли мы больше в согласии с церковной икономией (оппортунизмом), чем с точностью канонического порядка. Потому что для повышения поместных святых Божьих церквей на степень достоинства патриархийского необходимо решение Вселенского Собора как нам свидетельствуют примеры Отцов. Но мы, имея в виду больше само стремление и цель, и уважая вперед данное разрешение, синодски, и во имя нашей Святой Церкви, желая прежде всего умножения радости набожного сербского народа, Богом помилованного, отселе присоединяемся как к намерению, так и к акту Святой Сербской церкви, уверенные, что с нами в свое время согласятся и остальные наиблаженнейшие патриархи. Посему еще раз приветствуем, обнимая Вашу Любезность как предстоятеля Патриархийской церкви, и желаем ей, как и ее пастве всяческой благодати и всяких даров от Отца света, и призываем благословение Божие к благочестивому королю Александру, его дому и всему его народу.

Итак, наиблаженный во Христе брат, растите и укрепляйтесь во Господе и во благодати Его, но в радости своей вспоминайте братьев своих по вере, еще в рабстве пребывающих и помогите им в немощи их и никогда не переставайте показывать сочувствие братьям вашим, которые чувствуют нужду в вашей помощи. Ибо говорится: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов»¹. Да будет слава ему во веки веков.

Син.№ 455, 24 февраля 1922г.

Вашего уважаемого Блаженства любезный во Христе брат, всецело преданный Цариградский <Патриарх> Мелетий.

---

¹ К Галатам 6:2

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Рис. 1. Король Милан Обренович (1854-1901)

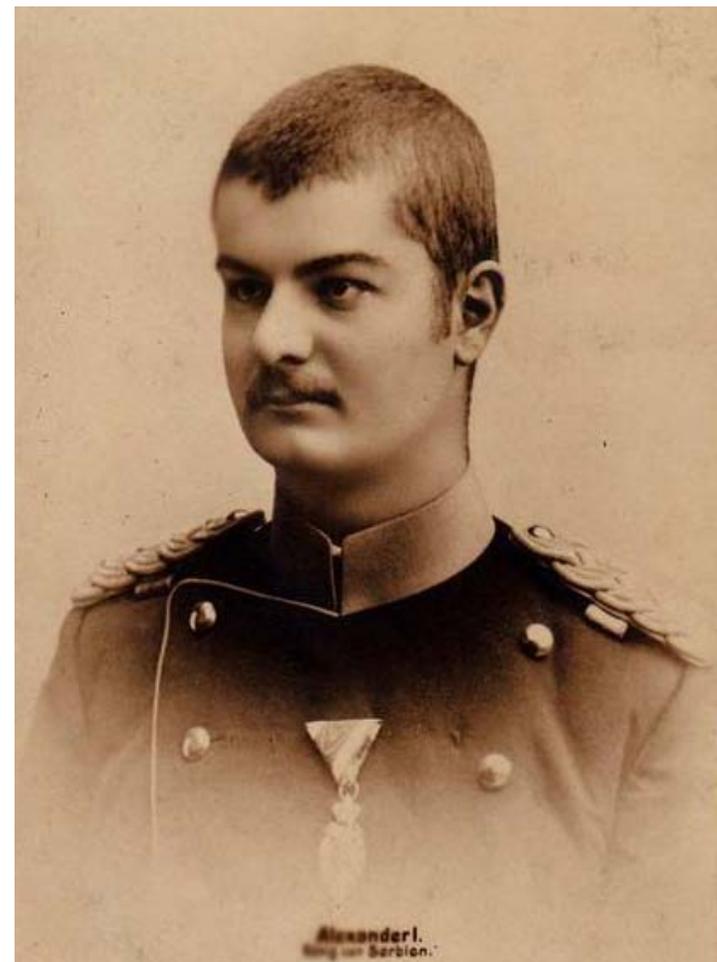

Рис. 2. Король Александр Обренович (1876-1903)

Рис. 3. Митрополит Михаил (АС. СН 2456) (1826-1898)

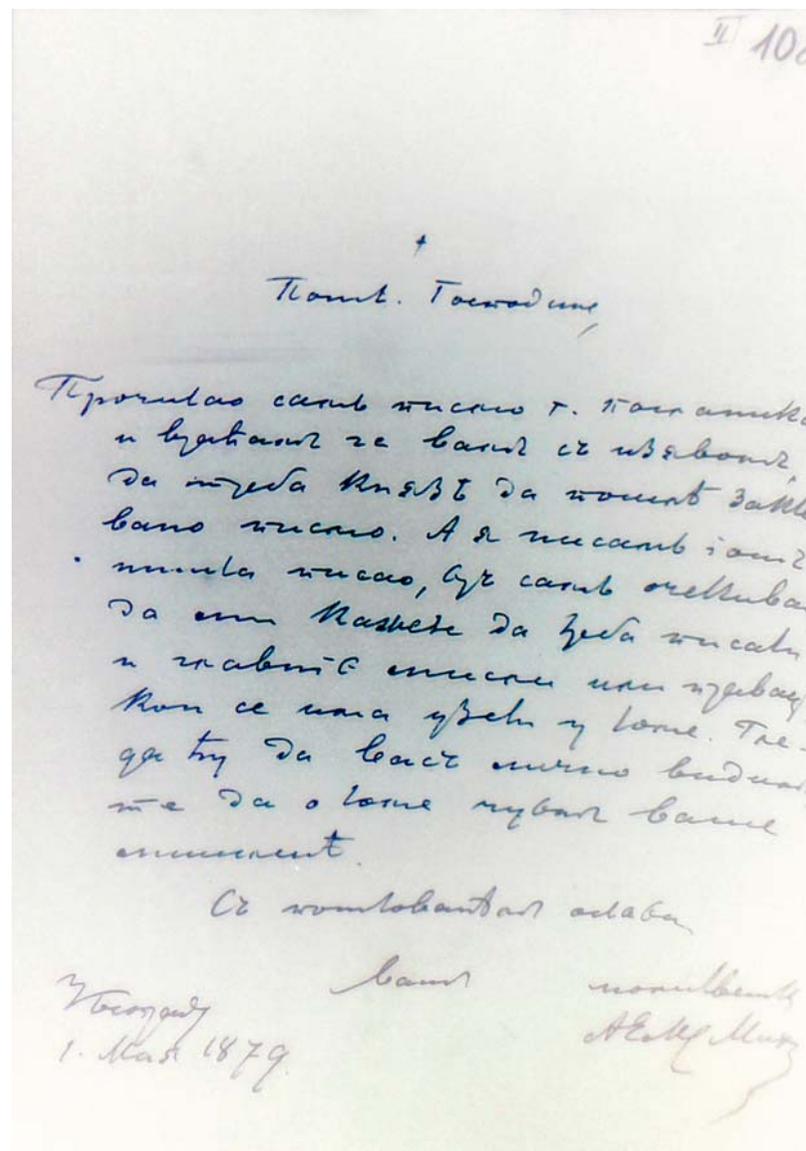

Рис. 4. Письмо Митрополита Михаила Й.Ристичу
(АС. МИД. 1879, f.2-d.2-91)

Рис. 5. Митрополит Теодосий (Мравич) (1815-1891)

Рис. 6. Митрополит Иннокентий (1840-1905)

Рис. 7. Король Петр Карагеоргиевич (1844-1921)

Рис. 8. Престолонаследник Александр Карагеоргиевич (1888-1934)

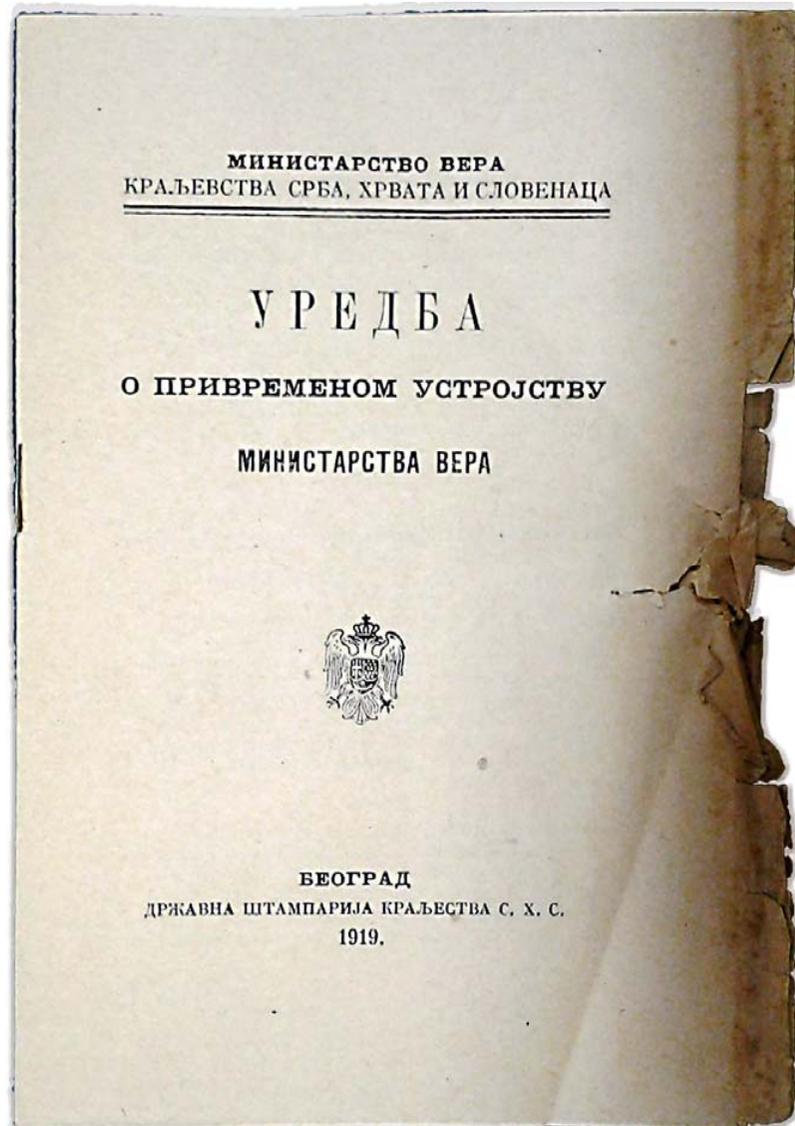

Рис. 9. Положение о временном устройстве министерства веры

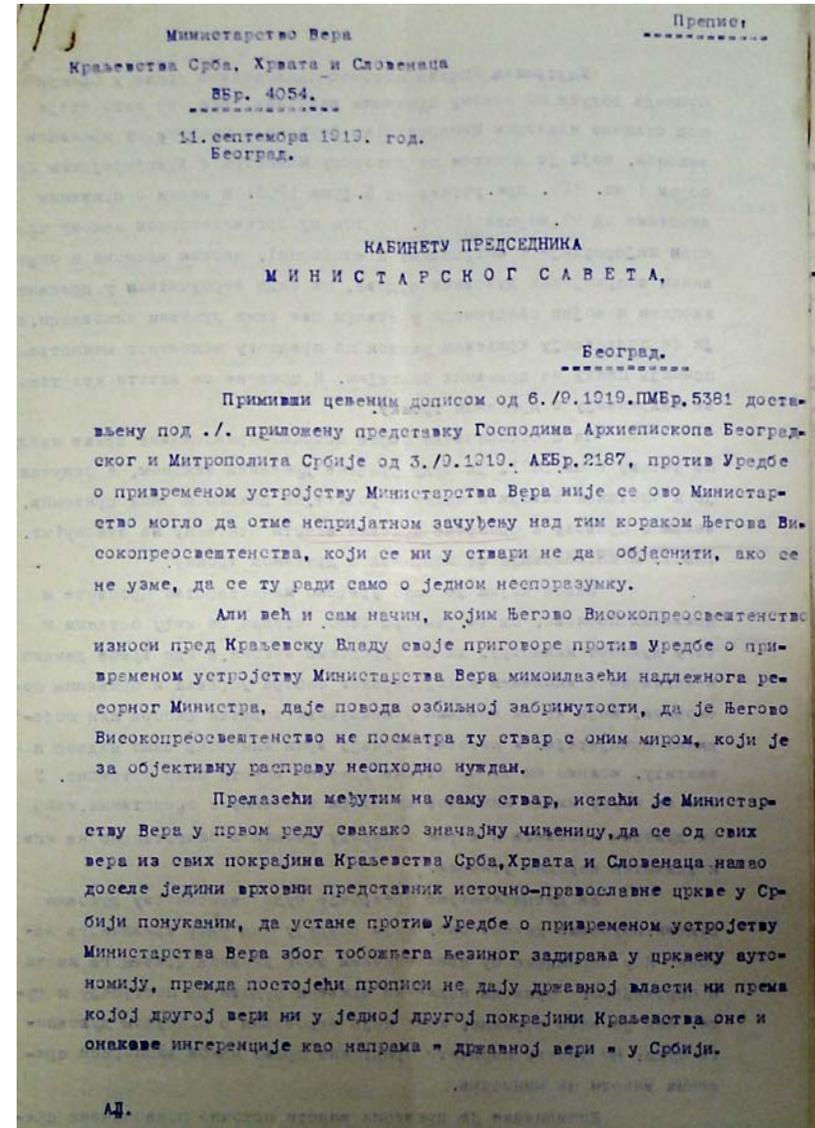

Рис. 10. Докладная из министерства веры в кабинет правительства относительно протеста Митрополита против положения о министерстве веры (Архив Югославии.69-5-5)

Рис. 11. Передача томоса, Белград, 1922г.

Сидят: митрополит скопский Варнава, патриарх Димитрий, митрополит амазийский Герман, епископ темишварский Георгий. Стоят: иеродьякон Герман (секретарь синода Вселенской патриархии), епископ боко-каторский Кирилл, секретарь канцелярии Сербской патриархии Димитрий Рошу, министр веры королевства СХС Павле Маринкович, епископ шабацкий Михаило, епископ жичский Ефрем, епископ тимокский Емелиан, протоиерей Михаило Попович (председатель духовного суда в Белграде), священник Любисав Попович

Рис. 12. Архиеереи с регентом Александром на день объединения сербской церкви 26 мая 1919г. в Белграде

Слева на право: епископ рашко-никшичский Кирилл, епископ баянлучско-бихачский Василии, епископ жичский Николай Велимирович, митрополит захумско-герцеговачский Петр, епископ велешко-дебарский Варнава Росич, митрополит Сербский Димитрий, vicарный епископ карловацкой митрополии Илларион Заремский, престолонаследник Александр, епископ нишский Доситей Васич, митрополит Черногории и Брда Митрофан Бан, митрополит печский Гаврило Дожич, министр веры Тутомир Алаупович, митрополит дабробосанский Евгений Летица, администратор Карловацкой митрополии епископ темишварский Георгий, епископ будимский Георгий, митрополит зворничко-тузлански Илларион, епископ вршацкий Гаврило, епископ далматинско-истрийский Димитрий Бранкович

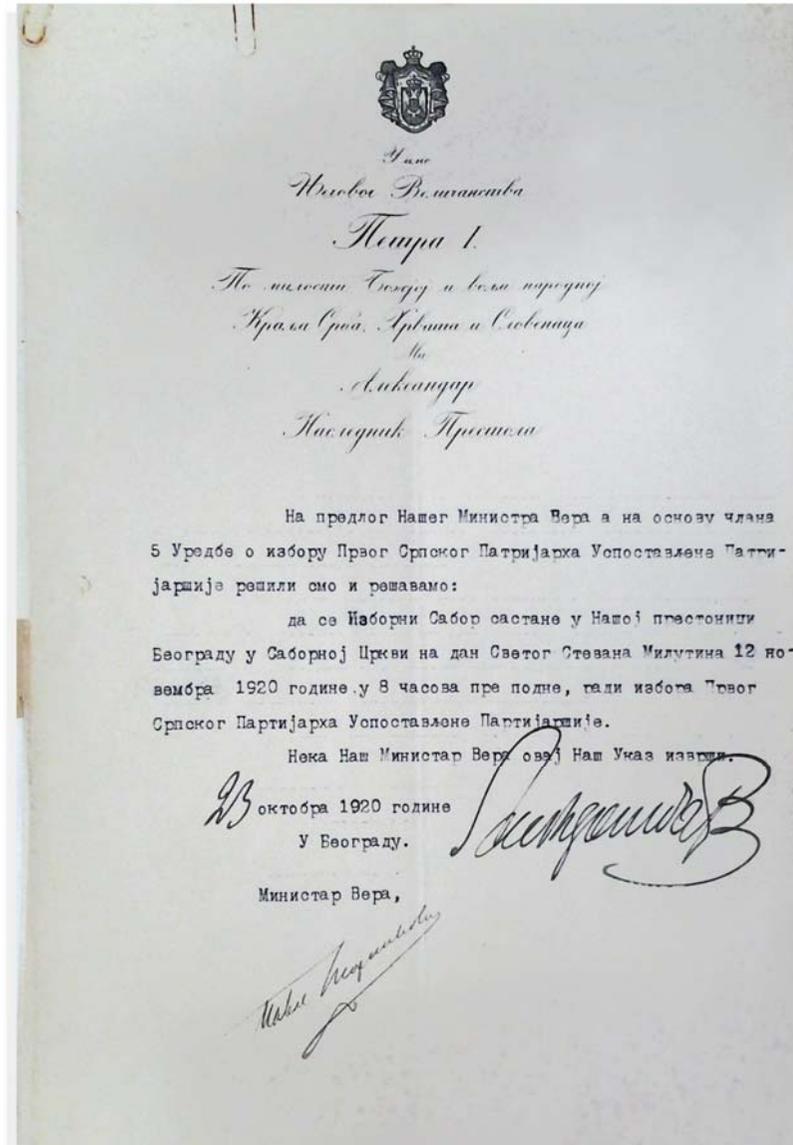

Рис. 13. Указ престолонаследника Александра о назначени дња
 заседања Выборного Собора (Архив Југославији 69-1-1)

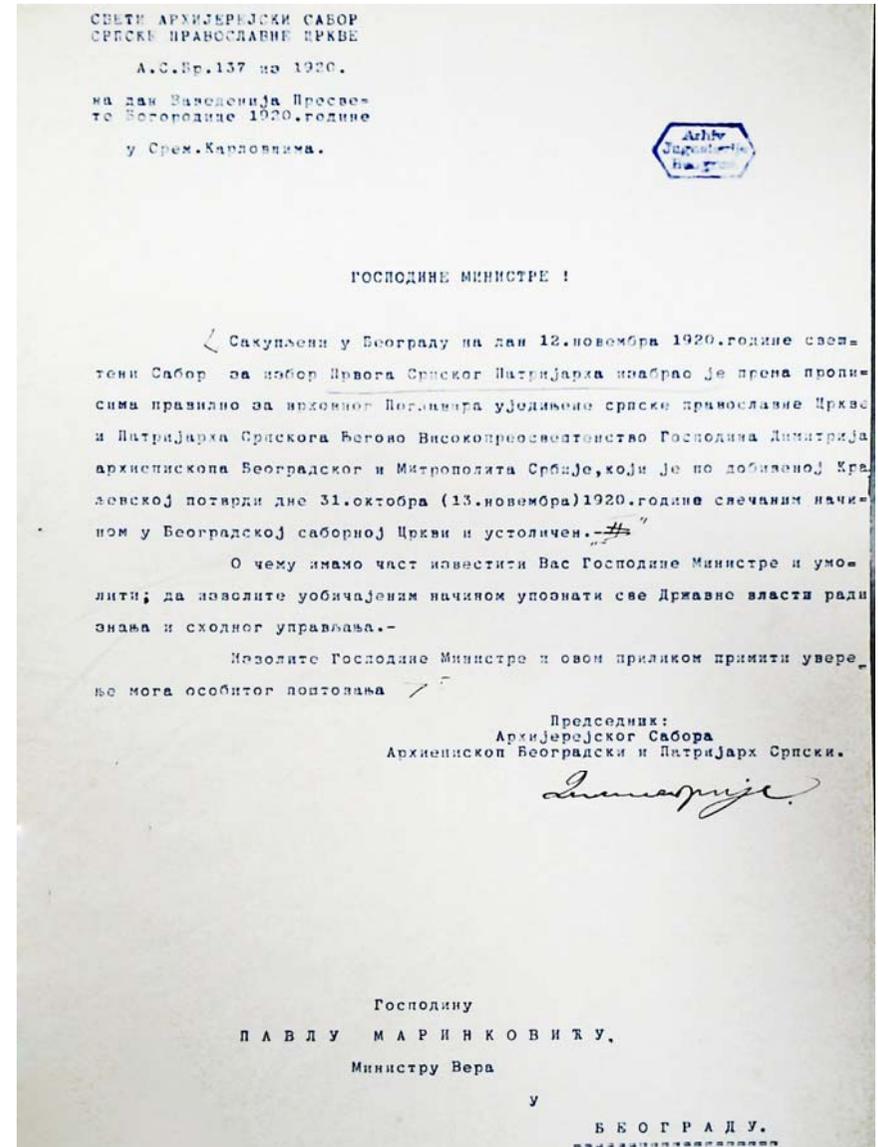

Рис. 14. Письмо новоизбранного патриарха Димитрија министру
 веры с уведомлением о своем избрании (Архив Југославији 69-1-
 1)

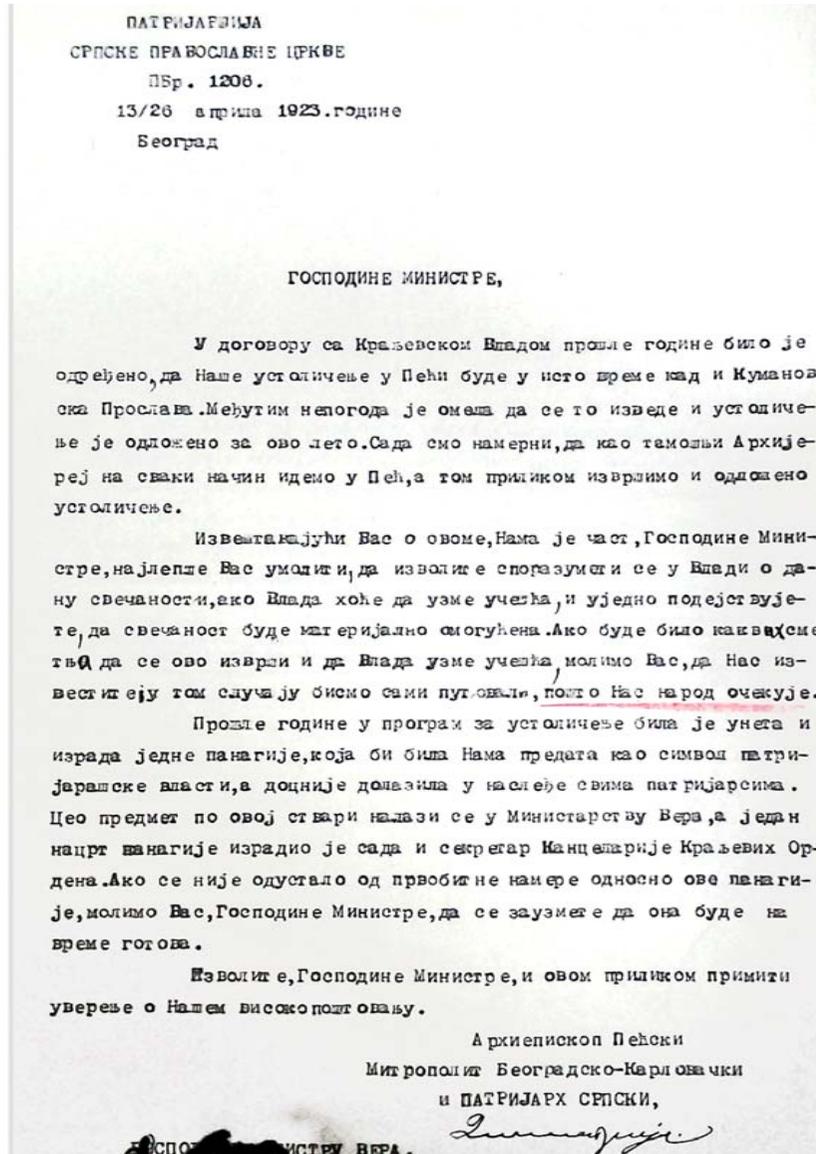

Рис. 15. Письмо Патриарха Димитрия 13.04.1923 министру с просьбой о назначении дня устоличения патриарха (Архив Югославии 69-2-2)

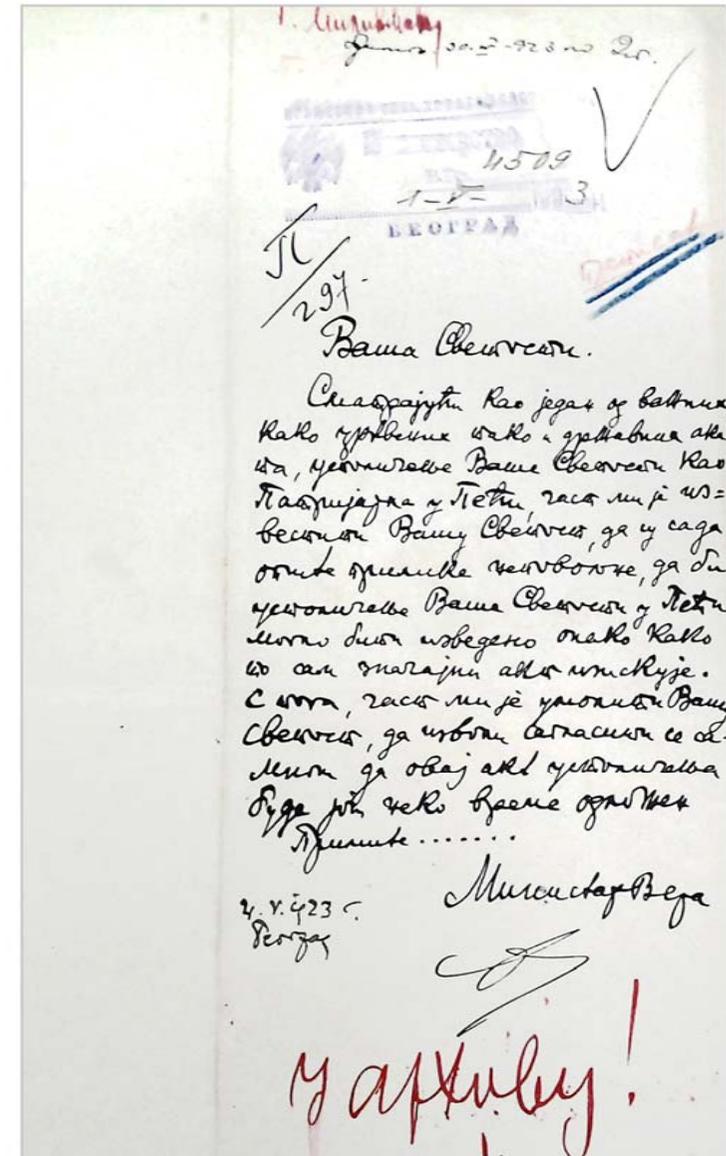

Рис. 16. Ответ министра веры Патриарху Димитрию, в котором он сообщает, что для устоличения «общие условия неподходящие» (Архив Югославии 69-2-2)

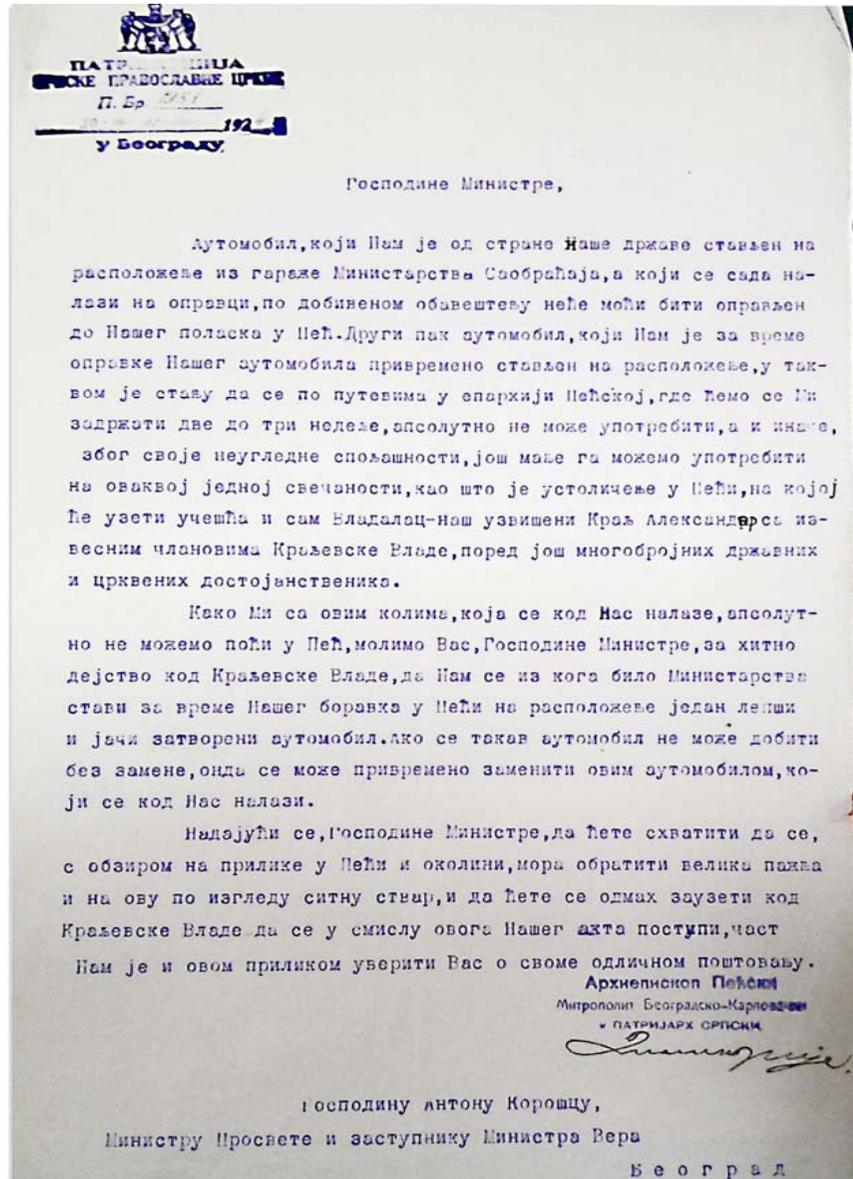

Рис. 17. Письмо Патриарха Димитрия министру веры, в котором он просит предоставить ему автомобиль (Архив Югославии 69-2-2)

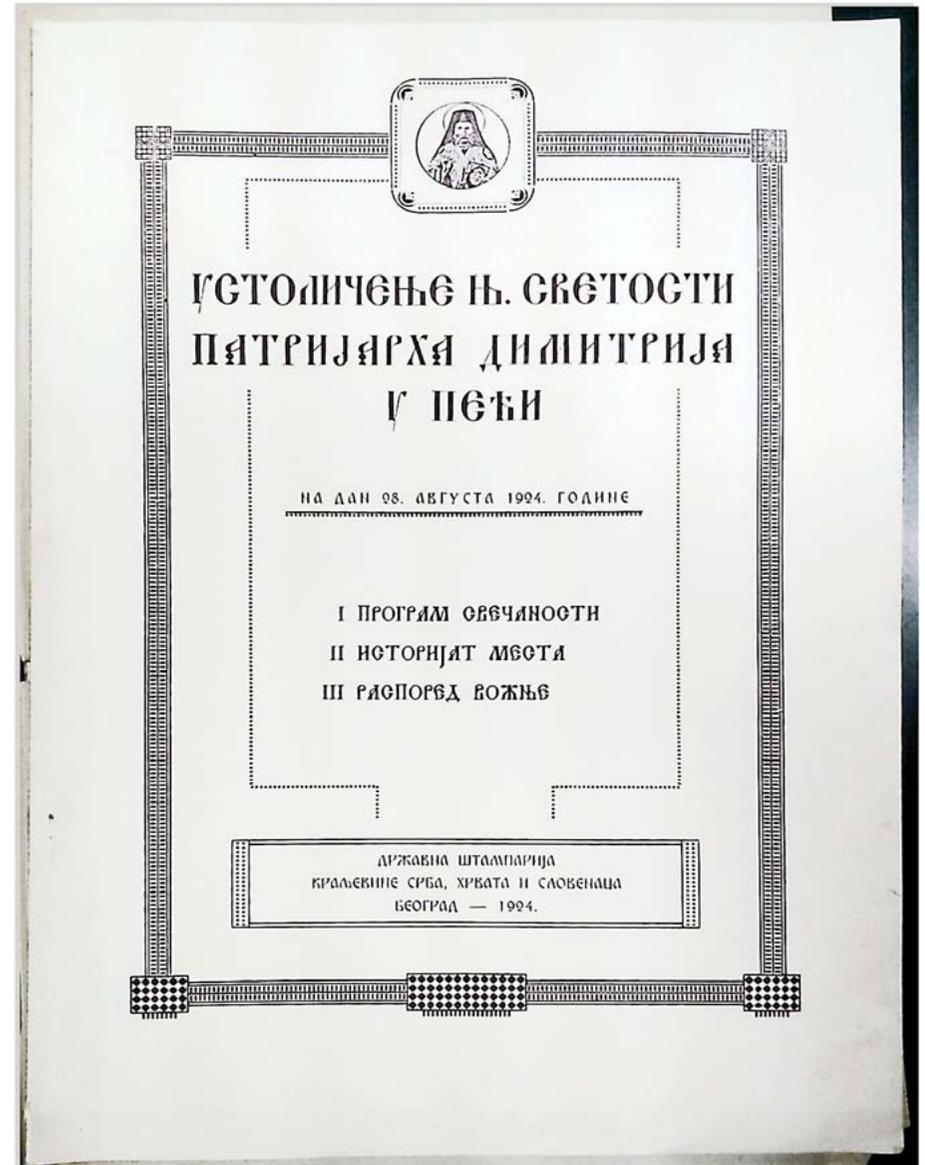

Рис. 18. Программа устоличения патриарха Димитрия (Архив Югославии 69-2-2)

Рис. 19. Престолонаследник Александром на устоличении Патриарха Димитрия. 1924г.
(Архив Югославии 69-2-2)

Рис. 20. Архиереи на устоличении Патриарха Димитрия. 1924г.
(Архив Югославии 69-2-2)

Формулар за прикупљање података о рођењима,
Formulaire pour le rassemblement de données relatives

Извод из протокола цркве
Extrait du registre de l'église

у округу
au département

за 1880 год.
pour l'année 1880

у срезу
à l'arrondissement

MESECI MOIS	СВЕГА ЈЕ — EN GÉNÉRAL EST				ВЕНЧАНО ЈЕ — MARIAGES DE				РОЂЕНО ЈЕ — NAISSANCES				УМРЛО ЈЕ — DÉCÈS				РОЂЕНО ЈЕ ДЕЧК-ИГР		
	венчано marié	рођено-ић		умрло-décédé		мом-ка-закрџи		удовица-веufs		ван брака-naturels		у првој години живота dans la première année		ожењени-мртви	улазици-mariages	удовица-veufs		удовица-veufs	мушке-стол-мале
		осим мртво-рођени-sans mort-nés				са-avec				случајева-de cas		у првој години живота dans la première année							
		мушки sexe masculin	женски sexe féminin	мушки sexe masculin	женски sexe féminin	девојкама filles	удовицама veuves	девојкама filles	удовицама veuves	мушки sexe masculin	женски sexe féminin	двојана doubles	тројана triples						
Јануар-Janvier																			
Фебруар-Fevrier																			
Март-Mars																			
Април-Avril																			
Мај-Mai																			
Јун-Juin																			
Јули-Juillet																			
Август-Août																			
Септембар-Septembre																			
Октобар-October																			
Новембар-Novembre																			
Децембар-December																			
Свсга-Total																			

Имена села, цркви ирицајуки
Noms des lieux appartenants à l'église

Тачност извода одостверава учитељ
L'exactitude de l'extrait confirme l'instituteur

Свсштеник
le curé

месца _____ 1881 год.
le mois _____ l'année 1881

Рис. 21. Образец формулара за 1880 г. для сбора статистических данных, заполняемый священником

Таблица 1 – Количество разводов и браков в Сербии в 1884-1900г.⁵

Год	Число					
	населения	заключенных браков	расторгнутых браков			
			развод	аннулиро вние	смерть супруга	итого
1	2	3	4	5	6	
1884	1.855.352	22.097	269	23	11.080	11.372
1884	1.901.736	20.370	325	41	11.448	11.814
1885	1.946.354	17.107	229	16	11.203	11.443
1886	1.977.724	23.326	155	19	14.116	14.290
1887	2.026.958	22.555	297	19	13.015	13.331
1888	2.077.427	22.737	357	25	12.868	13.250
1889	2.123.362	21.753	284	27	14.735	15.046
1890	2.161.961	21.555	194	15	16.050	16.259
1891	2.191.908	23.196	173	8	14.228	14.409
1892	2.211.606	21.018	306	14	16.896	17.216
1893	2.240.270	23.679	285	11	15.579	15.875
1894	2.272.992	24.963	269	28	14.974	15.271
1895	2.312.484	20.599	316	32	13.982	14.330
1896	2.345.837	20.841	290	23	14.349	14.662
1897	2.384.205	21.157	273	15	15.661	15.949
1898	2.413.694	22.521	268	24	14.558	14.850
1899	2.450.392	24.456	329	11	14.808	15.148
1900	2.492.882	31.203	305	13	14.920	15.238
В среднем	2.188.175	22.396	274	20	14.137	14.431

⁵ Статистички годишњак Краљевине Србије. Београд, 1904.

Таблица 2 – Численность брачных споров, рассмотренных духовными судами Сербии в 1891-1900г.⁶

Брачные споры перед духовными судами	Г О Д									
	1900	1899	1898	1897	1896	1895	1894	1893	1892	1891
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Число брачных споров в начале года.....	502	391	390	406	357	412	389	576	437	402
В течение год возникло новых брачных споров.....	744	611	466	487	564	501	656	765	662	470
Всего перед духовными судами	1.246	1.002	856	893	921	913	1.045	1.341	1.099	877
Брачные споры разрешились										
1. Отказом в рассмотрении.....	62	32	18	7	5	12	21	33	24	17
2. Рекомендация совместной жизни.....	133	116	94	90	110	103	134	123	86	71
3. Примирением	16	25	34	27	34	31	35	55	43	30
4. Рекомендация раздельной жизни	15	8	18	18	16	18	9	4	30	10
5. Сертью супруга	13	16	13	11	12	17	18	5	15	10
6. Разводом брака	305	329	268	273	290	316	269	285	306	173
7. Аннулированием брака.....	13	11	24	15	23	32	28	11	14	8
Споры вокруг отказа от вступления в оговоренный брак.....	86	54	64	86	62	92	117	69	—	13

⁶ Статистички годишњак Краљевине Србије. Београд, 1904.

Таблица 3 – Причины расторгнутых духовными судами Сербии браков в 1891-1900г.⁷

Причина расторжения брака	Г о д										с 1891 по 1900
	1900	1899	1898	1897	1896	1895	1894	1893	1892	1891	В среднем
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Измена	177	201	158	144	184	173	176	163	162	79	162
Угроза жизни, преступление против жизни.....	57	52	39	51	49	64	45	51	45	45	50
Осуждение одного из супругов на каторгу.....	31	34	23	22	16	26	11	26	26	16	23
Пропажа одного из супругов (преднамеренная или непреднамеренная).....	31	28	42	55	41	53	36	45	73	28	49
Оставление одного из супругов.....	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	1
Другие причины.....	9	14	6	1	—	—	1	—	—	—	2
Всего разведено браков	305	329	268	273	290	316	269	285	306	173	281
Вступление брак будучи женатым /замужем.....	1	3	4	1	—	1	—	—	1	1	1
Малолетний возраст.....	5	—	1	—	—	1	—	1	—	1	1
Неспособность к брачным обязанностям.....	5	6	7	10	9	17	16	4	8	6	9
Неморальная жизнь.....	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—
Покушение на убийство супруга.....	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—
Безумие или другая неизлечимая болезнь.....	2	2	4	3	9	5	5	6	3	—	4
Другие причины.....	—	—	8	1	5	8	5	—	—	—	3
Всего аннулировано браков	13	11	24	15	23	32	28	11	14	8	18
Всего расторгнуто браков	318	340	292	288	313	348	297	296	320	181	299

⁷ Статистички годишњак Краљевине Србије. Београд, 1904.

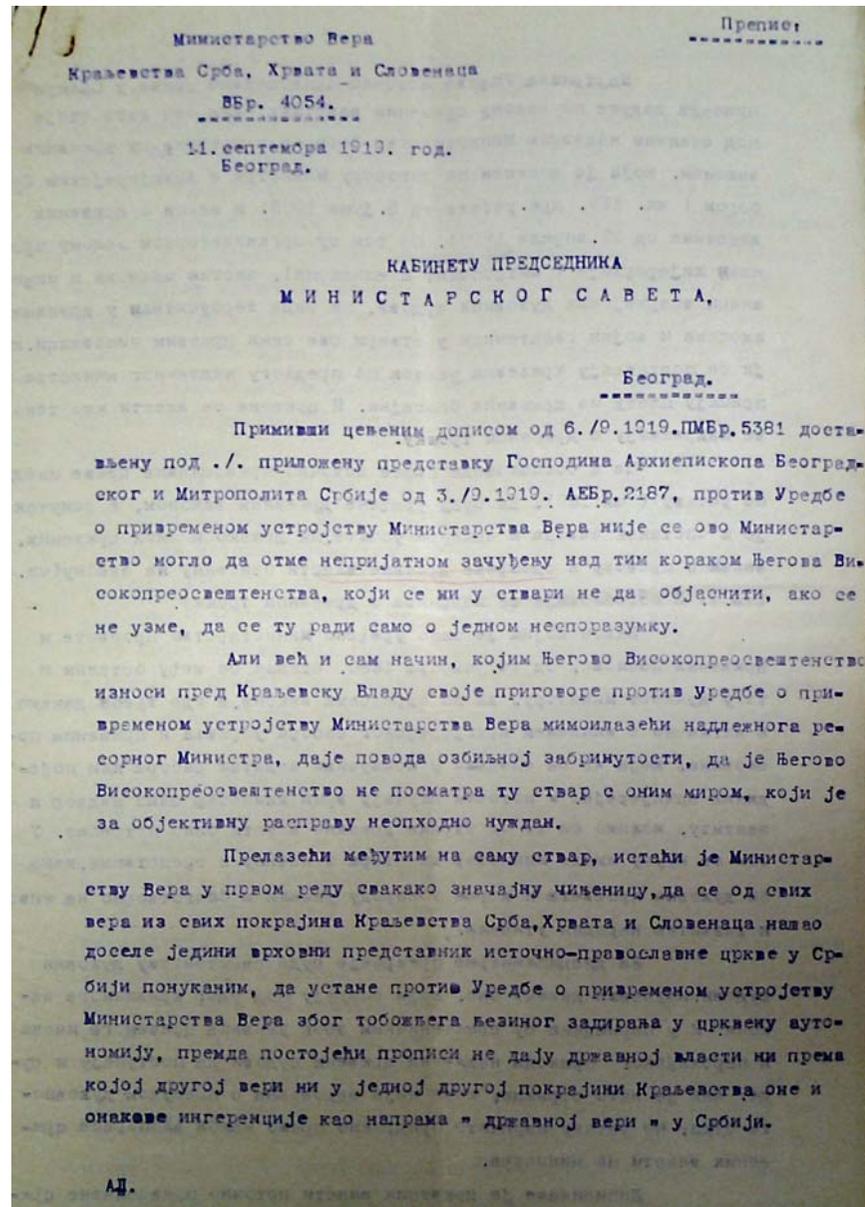

Рис. 22. Письмо министра веры правительству Сербии с жалобой на Митрополита (Архив Югославии. 69-5-5)

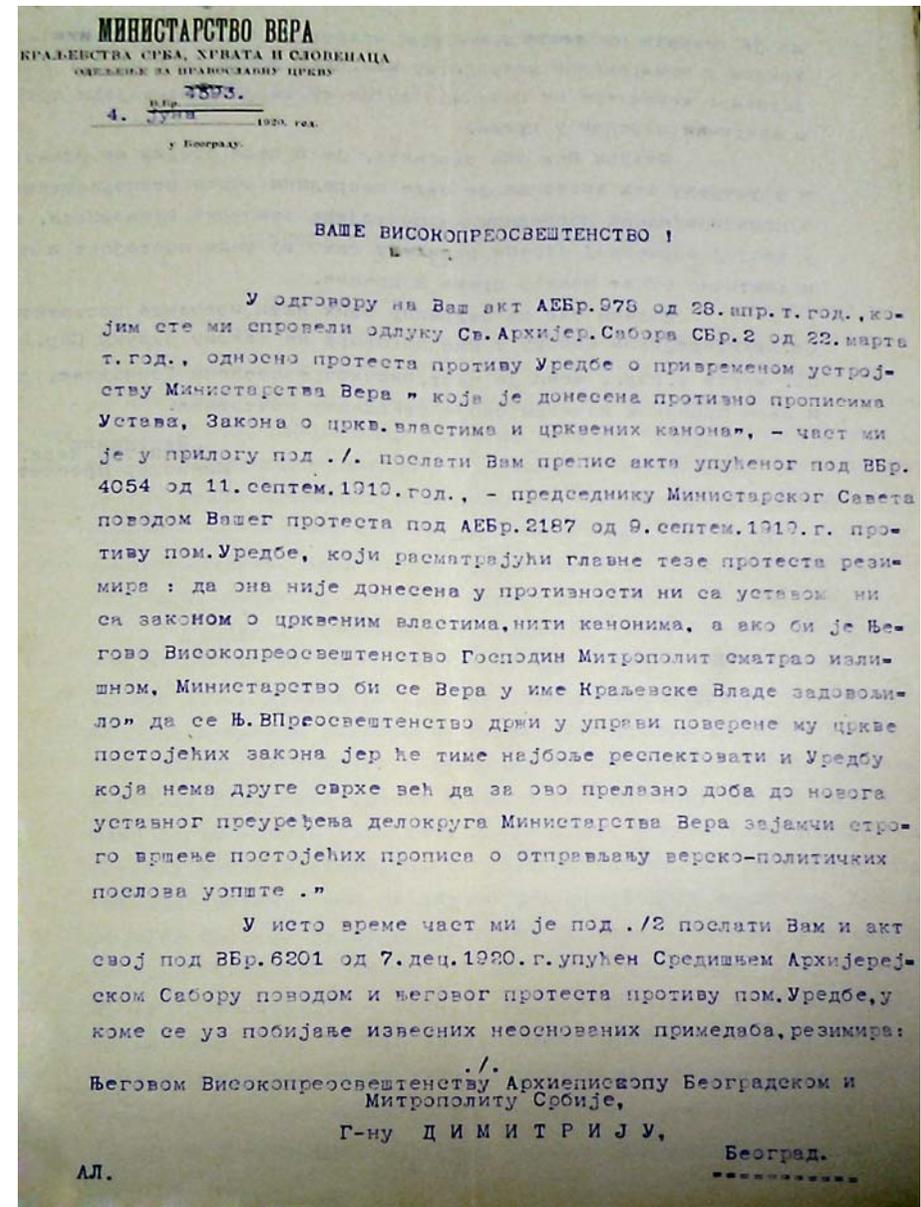

Рис. 23. Письмо министра веры Митрополиту Димитрию (Архив Югославии. 69-5-5)

Архиепископ Београдски
 и Митрополит Српски
 № 549
 11. 24 марта 1919 г.
 Београд.

Господине Министре,

У одговору на Ваш акти од 8. јуна 1918. г. Бр. 139, гласи Вам је известили Вас у следом:
 Том на Крфу, кад Ви је под Бр. 161 од 1. октобра 1918. г. достављено да је одлучено да се Министарство Просвете и Црквених Послова од сада назива Министарство Просвете и Вера, а Црквено Одељење под Министарства Одељење за Веру, — Ми смо образложили акци Вашој од 9. октобра 1918. г. № 397 реакцијом на ту измену, која није сагласна са духом наше св. цркве и законом о црквеним властима, и изражили да се не само ово, но и сва друга измена која се ишћу наше православне цркве не расправљају и не решавају без споразума са Архиепископским Сабором.

Сви ми Ви смо поводом овог питања водили много разговора са мадагачки министром-ком. Председника, а сада Председником Министарског Савета, Господином Витојаном Прошићем, коме смо поред осталог разложили целокупну неу-

Господину Министру Црквених Послова

месној промени назива у Министарству Просвете и Црквених Послова бар док се редовним путем ова намера не озакони. Председник Витојан Прошић нам је толико приликом изјавио да он нема ништа против да Ми и даље, до озакончења пројекта који ће се радити у договору са Архиепископским Сабором, можемо називати одвајно Министарство Министарства Црквених Послова. Молимо Вас дакле, да тако и остали до припуцања изради законског пројекта.

С љубављу и високоштитовањем
 Архиепископ Београдски
 и Митрополит Српски,
 Димитрије

Рис. 24. Письмо Митрополита Димитрия министру веры (Архив Югославии. 69-5-5)

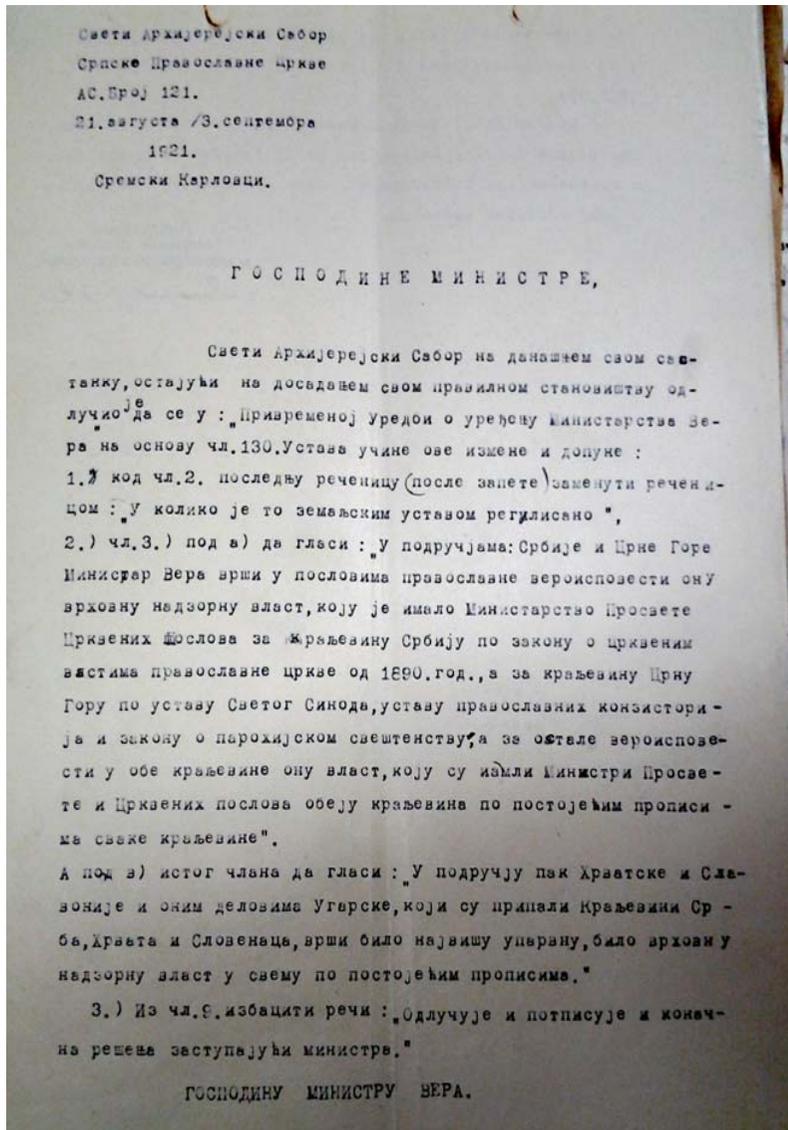

Рис. 25. Письмо Митрополита Димитрија министру веры
(Архив Югославии. 69-5-5)

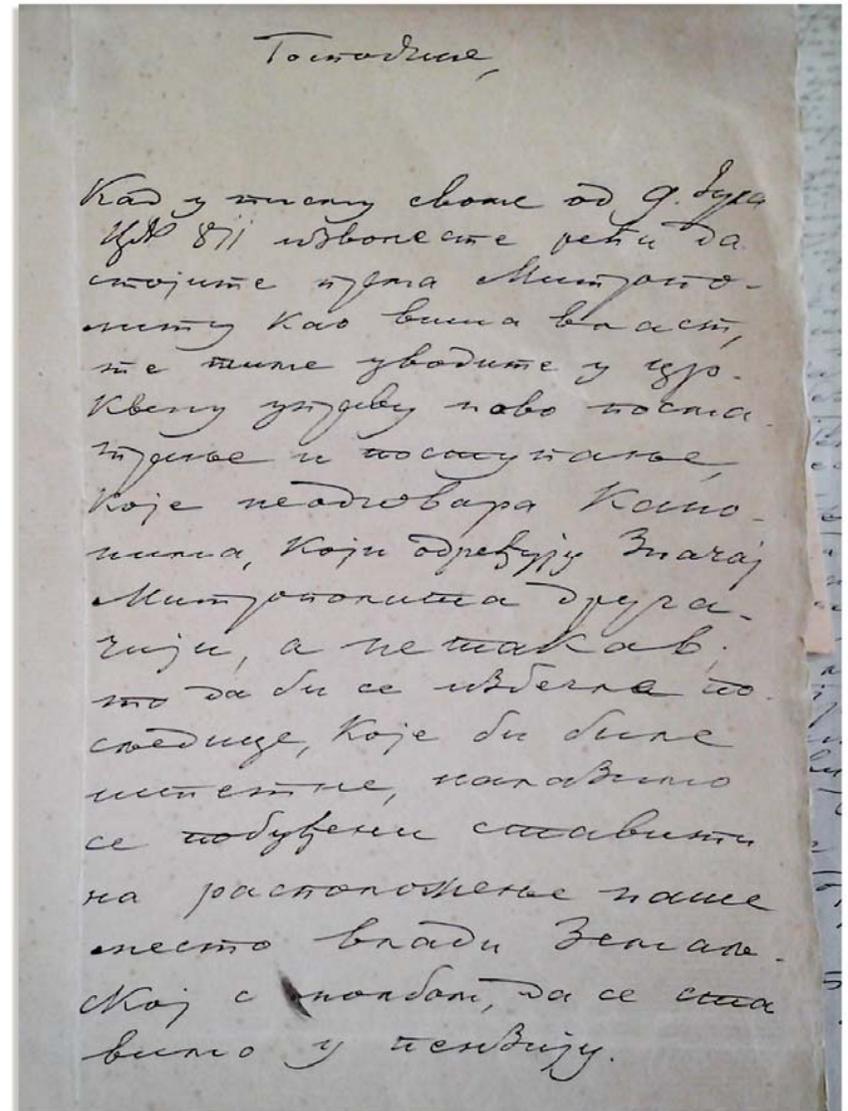

Рис. 26. Письмо Митрополита Михаила министру просвещения и
церковных дел Андре Николочу (АС. ПО-30/219. ок. 1891г.).

Рис. 27. Обложка журнала Вестник сербской церкви

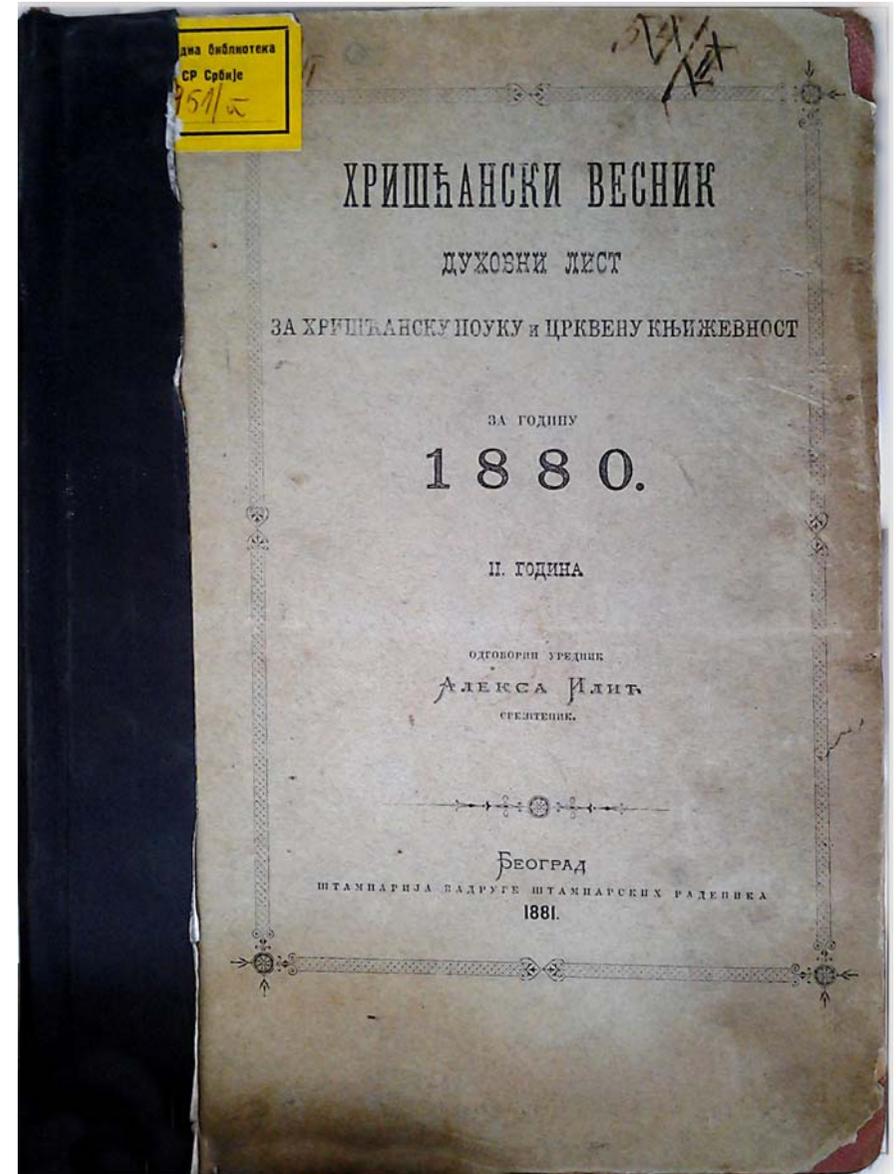

Рис. 28. Обложка журнала Христианский вестник

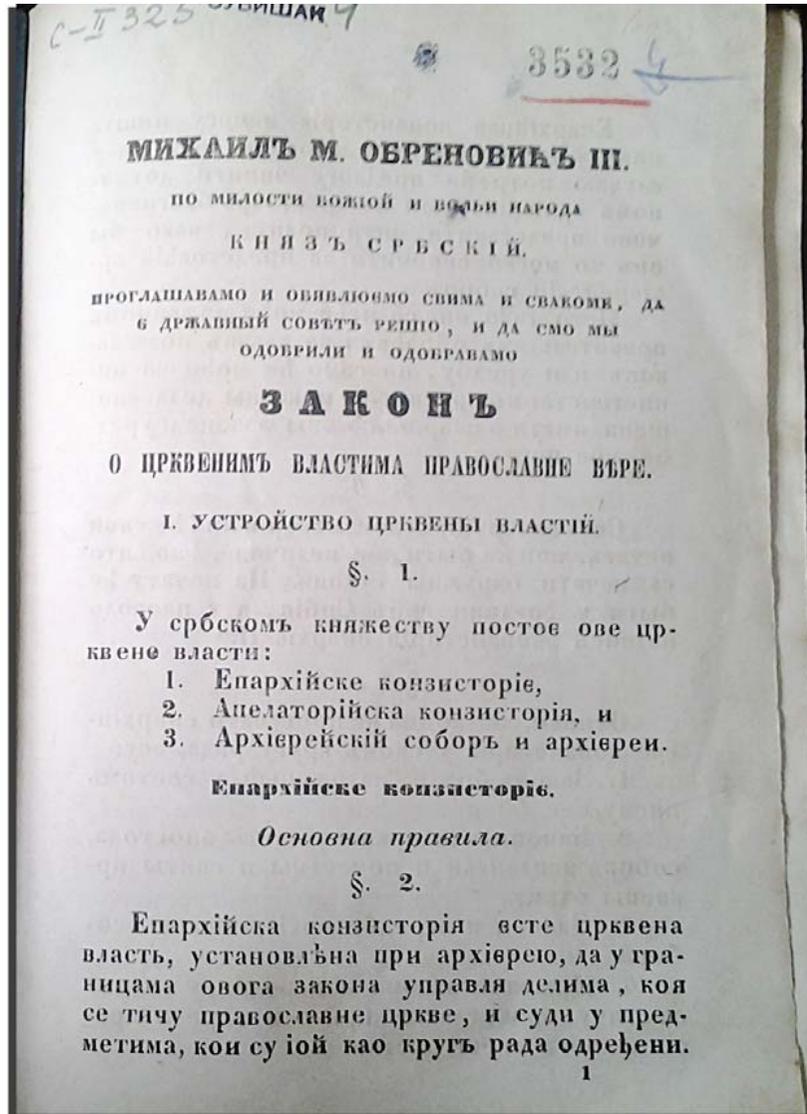

Рис. 29. Первая страница издания Закона о церковных властях православной веры 1862г.

СВЕШТЕНИЦИ ЗА ВЕРОИСПОВЕДНЕ ОБРЕДЕ У ВОЈСЦИ	
У МОРАВСКОЈ ДИВИЗИЈСКОЈ ОБЛАСТИ	
у гарнизонима:	
Нишном	Бакон — Војислав Марковић Васа Стојановић
Свештеник — Белислав Милојевић	Пожаревачком
— Светислав Жујовић (и за цркву Св. Петке)	Свештеник — Јован Протић
Врањском	Смедеревском
Протојереј — Димитрије Павловић	Претојереј — Михаило Поповић
Лесковачком	У ШУМАДИЈСКОЈ ДИВИЗИЈСКОЈ ОБЛАСТИ
Намесник — Стеван Комненовић	у гарнизонима:
Куршумлијском	Крагујевачком
Свештеник — Богосав Поповић	Свештеник — Стеван М. Поповић
Пиротском	Краљевском
Свештеник — Стеван Милановић	Свештеник — Саватије Божић
Алесиначком	Крушевачком
Свештеник — Милан Алексић	Свештеник — Јован Д. Поповић
У ДРИНСКОЈ ДИВИЗИЈСКОЈ ОБЛАСТИ	Гор.-милановачком
у гарнизонима:	Свештеник — Стојан Николић
Ваљевском	У ТИМОЧКОЈ ДИВИЗИЈСКОЈ ОБЛАСТИ
Војни прота I кл. — Здравко Пауновић	у гарнизонима:
Шабачком	Зајечарском
Свештеник — Петар Суботић	Свештеник — Сава Кезић
Пожешном	Нѣаневачком
Свештеник — Сава Атанасијевић	Свештеник — Лазар Петровић
Лозничком	Ђупријском
Свештеник — Драгутин Ј. Јовановић	Протојереј — Милутин Поповић
Ужичком	Неготинском
Свештеник — Лазар Поповић	Свештеник — Јован Станојевић
У ДУНАВСКОЈ ДИВИЗИЈСКОЈ ОБЛАСТИ	Кладовском
у гарнизонима:	Свештеник — Раденко Анђелковић
Београдском	
Војни прота I кл. —	
„ „ I „ — Василије Мидић	

Рис. 30. Военные священники в Сербии в 1903г.⁸

⁸ Државни календар Краљевине Србије за 1903 годину. Београд.

Рис. 31. Визит короля Александра Обреновича на Хиландар в 1896г.

Рис. 32. Визит короля Александра Обреновича на Хиландар в 1896г.

Рис. 33. Визит короля Александра Обреновича на Хиландар в 1896г.

Рис. 34. Памятная медаль в честь помазания Короля Александра Обреновича 20 июня 1889 г. в монастыре Жича

Рис. 35. Священник сербской церкви в конце XIX века

Рис. 36. Священник сербской церкви в конце XIX века

Source gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France

Рис. 37. Архимандрит Никифор Дучич

Рис. 38. Будущий Митрополит Иннокентий (священник Яков Павлович) с супругой

Рис. 39. Митрополит Иннокентий и архиереи

Рис. 40. Митрополит Иннокентий и епископ шабацкий Димитрий в 1904г.

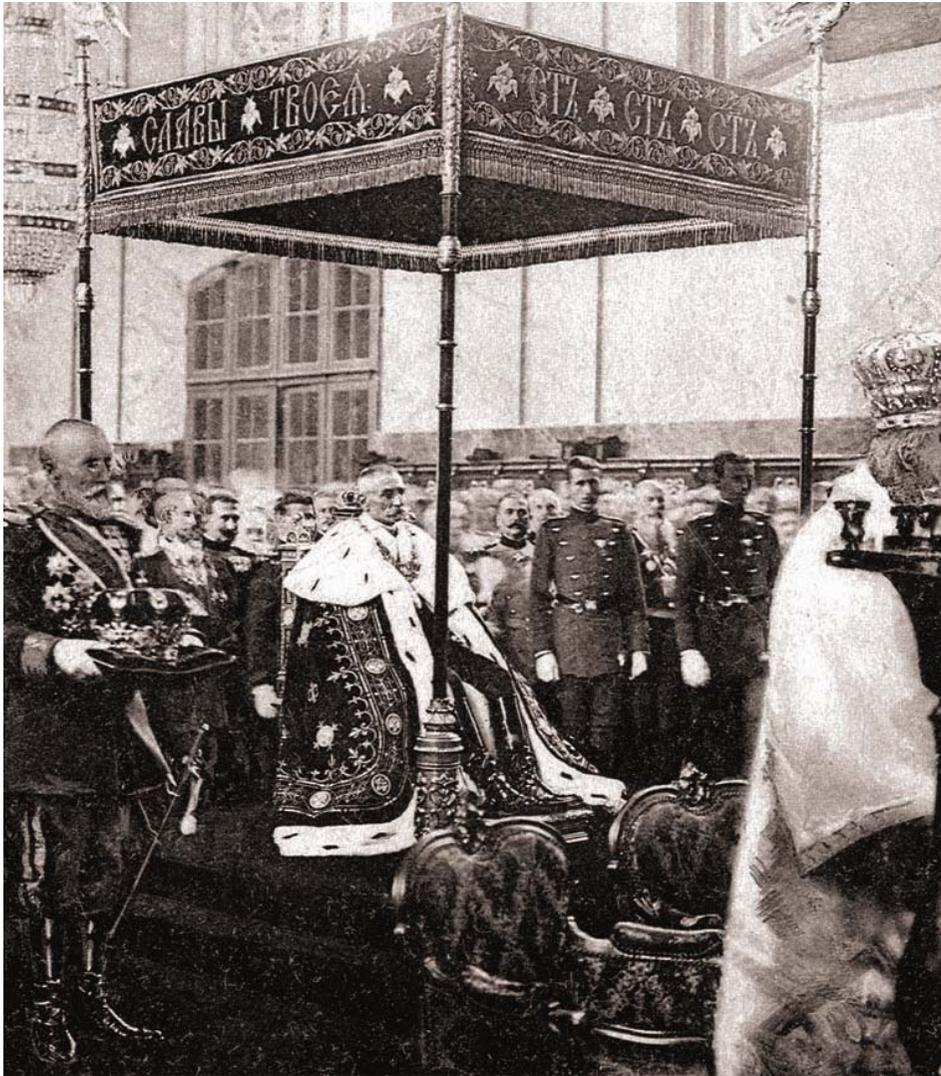

Рис. 41. Коронация Короля Петра в Саборной церкви Белграда. 1904 г.

Рис. 42. Миропозмазание короля Петра в монастыре Жича.
1904 г.

Рис. 43. Задужбина короля Петра на Опленцу

Рис. 44. Коронационные регалии короля Петра Карагеоргиевича – корона, держава и скипетр

Рис. 45. Памятник Косовским героям в г. Крушевац. Архитектор Д.Йованович.

Памятник был торжественно открыт на Видовдан 1904 г. королем Петром в честь торжеств по поводу столетия Первого сербского восстания. Памятник глубоко символичен - наверху скульптура косовского героя Бошко Юговича – знаменосца царя Лазаря в битве на Косовом поле и вилы. Фигуры народного гусяря и девушки-Сербии, расположенные по двум сторонам, символизируют борьбу за национальное освобождение. На северной стороне памятника под надписью 1389 расположен герб Неманичей, на западной – герб царя Душана и год открытия памятника. На восточной стороне – герб царя Лазаря и надпись «Сербство-косовским героям». На южной стороне- герб королевства Сербии и год провозглашения королевства – 1882г. На памятнике находятся два барельефа, один изображает причащение сербского войска перед битвой, другой – гибель султана Мурата

Рис. 46. Знаменитая фотография - арнаут убивает сербского священника. Косово, 1912 г.

Рис. 47. Прота Срећко Остоич во время первой мировой войны

Рис. 48. Освобождение монастыря Высокие Дечаны в 1918г.

Рис. 49. 5 декабря 1913 г. – торжественное прибытие в Печскую патриархию митрополита печского Гаврилы Дожича

Рис. 50. Сербская версия бронзовой медали Балканского Союза 1912 г.

На реверсе надпись вокруг креста - «In hoc signo vinces» (Сим победиши), буквально «Под этим знаком ты победишь», что явно отсылает к императору Константину и противопоставляет христианский крест Балканского союза исламу

Рис. 51. Памятная медаль в честь сербско-турецкой войны 1912 г., известная под названием «Отмщенное Косово»

Рис. 52. Серебряная медаль общества сербского Красного креста 1912-1913 гг.

На аверсе – миниатюра из косовского цикла, девушка поит героя Павла Орловича
1389 г. – год Косовской битвы

Рис. 53. Пленный сербский священник, осень 1915г.

Рис. 54. Группа сербских священников, интернированных в Болгарию

Рис. 55. Сербские четники вместе со священником

Рис. 56. Отпевание сербских добровольцев, 1914г. В центре монах Иосиф Цвийович (будущий митрополит скопский)

Рис. 57. Сербский священник совершает литию по погибшим сербским солдатам

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

- Рис.1   Король Милан Обренович
- Рис.2   Король Александр Обренович
- Рис.3   Митрополит Михаил (АС. СН 2456)
- Рис.4   Письмо Митрополита Михаила Й.Ристичу
(АС. МИД. 1879, f2-d2-91)
- Рис.5   Митрополит Теодосий (Мраович)
- Рис.6   Митрополит Иннокентий
- Рис.7   Король Петр Карагеоргиевич
- Рис.8   Престолонаследник Александр Карагеоргиевич
- Рис.9   Положение о временном устройстве министерства веры
- Рис.10   Докладная из министерства веры в кабинет правительства относительно протеста Митрополита против положения о министерстве веры (Архив Югославии.69-5-5)
- Рис.11   Передача томоса, Белград, 1922г.
- Рис.12   Архиереи с регентом Александром на день объединения сербской церкви 26 мая 1919г. в Белграде
- Рис.13   Указ престолонаследника Александра о назначении дня заседания Выборного Собора (Архив Югославии 69-1-1)
- Рис.14   Письмо новоизбранного патриарха Димитрия министру веры с уведомлением о своем избрании (Архив Югославии 69-1-1)
- Рис.15   Письмо Патриарха Димитрия 13.04.1923 министру с просьбой о назначении дня устоличения патриарха (Архив Югославии 69-2-2)
- Рис.16   Ответ министра веры Патриарху Димитрию, в котором он сообщает, что для устоличения «общие условия неподходящие» (Архив Югославии 69-2-2)
- Рис.17   Письмо Патриарха Димитрия министру веры, в котором он просит предоставить ему автомобиль (Архив Югославии 69-2-2)
- Рис.18   Программа устоличения патриарха Димитрия
(Архив Югославии 69-2-2)

- Рис.19 Престолонаследник Александром на устоличении Патриарха Димитрия
(Архив Югославии 69-2-2)
- Рис.20 Архиереи на устоличении Патриарха Димитрия
(Архив Югославии 69-2-2)
- Рис.21 Образец формуляра за 1880 г. для сбора статистических данных,
заполняемый священником
- Рис.22 Письмо министра веры правительству Сербии с жалобой на Митрополита
(Архив Югославии)
- Рис.23 Письмо министра веры Митрополиту Димитрию
(Архив Югославии)
- Рис.24 Письмо Митрополита Димитрия министру веры (Архив Югославии)
- Рис.25 Письмо Митрополита Димитрия министру веры
(Архив Югославии)
- Рис.26 Письмо Митрополита Михаила министру просвещения и церковных дел
Андре Николичу (АС.ПО-30/219. Бд, предположительно 1891г.).
- Рис.27 Обложка журнала Вестник сербской церкви
- Рис.28 Обложка журнала Христианский вестник
- Рис.29 Первая страница издания Закона о церковных властях православной веры
1862г.
- Рис.30 Военные священники в Сербии в 1903г.
- Рис.31 Визит короля Александра Обреновича на Хиландар в 1896г.
- Рис.32 Визит короля Александра Обреновича на Хиландар в 1896г.
- Рис.33 Визит короля Александра Обреновича на Хиландар в 1896г.
- Рис.34 Памятная медаль в честь помазания Короля Александра Обреновича 20
июня 1889 г. в монастыре Жича
- Рис.35 Священник сербской церкви в конце XIX века
- Рис.36 Священник сербской церкви в конце в XIX века
- Рис.37 Архимандрит Никифор Дучич
- Рис.38 Будущий Митрополит Иннокентий
(священник Яков Павлович) с супругой
- Рис.39 Митрополит Иннокентий и архиереи
- Рис.40 Митрополит Иннокентий и епископ шабацкий Димитрий в1904г.
- Рис.41 Коронация Короля Петра в Саборной церкви Белграда
- Рис.42 Миропомазание короля Петра в монастыре Жича
- Рис.43 Задужбина короля Петра на Опленцу

- Рис.44 Коронационные регалии короля Петра Карагеоргиевича – корона, держава и скипетр
- Рис.45 Памятник Косовским героям в г.Крушевац. Архитектор Д.Йованович.
- Рис.46 Знаменитая фотография - Арнаут убивает сербского священника, Косово, 1912 год.
- Рис.47 Прота Сречко Остоич во время первой мировой войны
- Рис.48 Освобождение монастыря Высокие Дечаны в 1918г.
- Рис.49 5 декабря 1913 года – торжественное прибытие в Печскую Патриархию митрополита печского Гаврилы Дожича
- Рис.50 Сербская версия бронзовой медали Балканского Союза 1912 г.
- Рис.51 Памятная медаль в честь сербско-турецкой войны 1912 г., известная под названием «Отмщенное Косово»
- Рис.52 Серебряная медаль общества сербского Красного креста 1912-1913 гг.
- Рис.53 Пленный сербский священник, осень 1915г.
- Рис.54 Группа сербских священников, интернированных в Болгарию
- Рис.55 Сербские четники вместе со священником
- Рис.56 Отпевание сербских добровольцев, 1914г. В центре монах Иосиф Цвийович (будущий митрополит скопский)
- Рис.57 Сербский священник совершает литию по погибшим сербским солдатам